

*«ДОКУМЕНТЫ
СОВЕТСКОЙ
ИСТОРИИ»*

ДЕКАБРЬСКИЙ ПЛЕНУМ ЦК ВКП(б) 1936 ГОДА

Документы и материалы

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ**

Серия
«Документы советской истории»

(Основана Franco Venturi)

Редколлегия серии:

**Andrea Graziosi, О. В. Хлевнюк (ответственные редакторы),
Wladimir Berelowitch, Dietrich Beyrau, Alain Blum, Sheila
Fitzpatrick, Е. Ю. Зубкова, Nikolaus Katzer, А. К. Сорокин,
А. Я. Лившин, Nicolas Werth**

ДЕКАБРЬСКИЙ ПЛЕНУМ ЦК ВКП(б) 1936 ГОДА ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Составители:
В. Н. Колодежный,
Л. Н. Доброхотов

РОССПЭН
Москва
2017

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)615
Д28

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 17-01-16138*

Рекомендовано к печати Научным советом РГАСПИ 16 декабря 2016 г.

Редакционная коллегия:

А. К. Сорокин, директор РГАСПИ, канд. ист. наук (председатель);
В. В. Журавлев, д-р ист. наук, проф., главный специалист РГАСПИ;
М. В. Зеленов, д-р ист. наук, главный специалист РГАСПИ;
А. В. Ретников, д-р ист. наук, заместитель начальника отдела
Центр документальных публикаций РГАСПИ

Составители:

В. Н. Колодежный, канд. эконом. наук, главный специалист РГАСПИ,
отв. составитель, автор вступ. статьи и комментариев;
Л. Н. Доброхотов, д-р ист. наук

Декабрьский пленум ЦК ВКП(б) 1936 года : Документы и материалы / сост.
Д28 **В. Н. Колодежный, Л. Н. Доброхотов. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 351 с. – (Документы советской истории).**

ISBN 978-5-8243-2196-8

Документы и материалы, опубликованные в сборнике, дают представление о состоявшемся в декабре 1936 г. пленуме ЦК ВКП(б), который долгие годы справедливо считался «закрытым». Содержание книги доносит до читателя суть и характер двух, казалось бы, взаимоисключающих эпизодов отечественной истории – утверждения на пленуме новой Конституции СССР, построенной «на началах социалистического демократизма», и в то же время показывают начало нового витка permanently ведущейся в стране внутрипартийной борьбы.

Издание адресовано политикам-практикам, политологам, историкам, всем интересующимся отечественной историей.

В серии «Документы советской истории» опубликованы книги:

«Сталинское Политбюро в 30-е годы», «Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927 гг.», «Письма во власть. 1917–1927 гг.», «Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг.», «Письма во власть. 1928–1939 гг.», «Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 гг.», «Советская жизнь. 1945–1953», «Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945», «ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953», «ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. 1918–1933», «Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953», «Политическое руководство Украины. 1938–1989», «Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945», «Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964», «ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. 1933–1945», «Жизнь в оккупации. Винницкая область. 1941–1944 гг.», «На “краю” советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945–1960-е гг.», «Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953 гг.», «Последние письма Сталину. 1952–1953 гг. Реконструкция документального комплекса», «Советская пропаганда на завершающем этапе войны (1943–1945 гг.). Сборник документов».

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)615

ISBN 978-5-8243-2196-8

© Колодежный В. Н., Доброхотов Л. Н.,
составление, комментарии, 2017
© Политическая энциклопедия, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Более двух десятилетий назад авторы весьма знаменательной для того беспокойного времени книги «Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия» попытались подойти к ответу на извечный не только для историков вопрос: «куда течёт река российского политического процесса»? Ответить на него, справедливо полагали они, можно только принимая во внимание ряд факторов, мотивирующих «исторический нрав этой реки», таких как «высокая степень зависимости от глубинных исторических традиций; инерционность в пору “спокойного” развития; хроническая, перманентная несбалансированность, конфронтационность; ...историческое нетерпение влиятельных политических сил, их склонность на тех или иных поворотах истории решать проблемы “целиком и сразу”, с “белого листа”, отмечая всё накопленное ранее; высокая степень персонифицированности политики, особая роль в ней “вождизма” ...»¹.

К этим оценкам невольно обращаешься при документальной реконструкции одного из потоков всегда бурной реки отечественной истории. В середине 1930-х гг. в нём удивительным образом оказались переплетены попытки демократизации государственного и общественного строя, на серьёзность которых указывала почти двухлетняя работа по подготовке конституционной реформы², с проявлениями неутихающей внутрипартийной борьбы, очередным промежуточным итогом которой стал прошедший в августе 1936 г. судебный процесс по делу «антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра», а предзнаменованием нового её витка – постановка на декабрьском пленуме ЦК ВКП(б) того же года вопроса об антисоветских троцкистских и правых организациях.

Пленум ЦК ВКП(б), состоявшийся 4 и 7 декабря 1936 г., мог стать заметным, хотя и не значимым событием политической жизни страны уже в силу своей быстротечности, резко отличающей его от предшествующих партийных форумов. Стоявший первым в повестке (или, как принято было говорить, «порядке») дня пленума вопрос об установлении окончательного текста Конституции Союза ССР, несмотря на очевидную значимость, решался всё же не на дискуссионной площадке партийного форума. Судьба нового Основного Закона страны даже формально решалась и, во многом, была уже решена на заседаниях и в комиссиях проходившего в Кремле параллельно с пленумом Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов. Вторым же вопросом повестки дня пленума ЦК, вплоть до дня, предшествующего его открытию, значились мало что объясняющие «текущие вопросы».

Именно такая повестка дня была утверждена Политбюро ЦК ВКП(б) (опросом его членов) 20 ноября, оно же назначило и дату первого пленарного заседания – 26 ноября 1936 г.³ Таким образом, его открытие должно было состояться уже на следующий день после начала работы съезда Советов, дата которого (25 ноября) была утверждена (безусловно, по согласованию с партийным руководством) постановлением Президиума ЦИК Союза ССР от 11 июня 1936 г.

Едва ли такие манипуляции предпринимались в целях подачи сигнала высшему государственному органу о необходимости ускорения процесса принятия основополагающего законодательного документа. Подобный «сигнал» неизбежно привёл бы к исключению из повестки дня съезда рассмотрения итогов всенародного обсуждения проекта Конституции, отказу от обстоятельного разговора на съезде представителей депутатского корпуса, что, безусловно, не могло не снизить политическую оценку про-

деланной с огромным напряжением сил работы по подготовке нового Основного Закона страны. К тому же такой шаг со стороны политического руководства, несомненно, давал бы реальный повод для различного рода измышлений отечественным и зарубежным деятелям антисоветского толка.

Более убедительным выглядит предположение, что декабрьскому пленуму ЦК отводилась поначалу роль, которую через два с половиной месяца сыграл февральско-мартовский пленум 1937 г., ставший по сути «могильщиком» всей внутренней оппозиции. «Удачное», даже без ощутимых имиджевых потерь (а подчас и обретений) проведение первой большой операции по «искоренению» «контрреволюционного троцкистско-зиновьевского охвоста» в августе 1936 г. не могло не подталкивать к следующим шагам в том же направлении наиболее радикальные силы в политическом руководстве. Эти силы вполне отчётливо выявились в ходе выступлений участников декабрьского пленума. Очевидно, что главной причиной временного отступления сторонников решительного и быстрого решения проблем со всеми видами оппозиций стало осознание невероятности решения на одном мероприятии взаимоисключающих проблем. Думается, в этом же кроется и секрет долголетнего замалчивания декабрьского пленума (а фактически рассмотрения на нём второго вопроса повестки дня).

Ошибка с очевидными негативными последствиями была вскоре исправлена, участники предстоящего пленума извещены препроводительным письмом от 3 декабря об изменении повестки дня и даты его открытия⁴. Первым вопросом повестки значилось уже только рассмотрение окончательного текста Конституции СССР, прерогатива его установления отдавалась, таким образом, государственному органу – Всесоюзному съезду Советов, а день открытия пленума был определён за днём окончания работы Редакционной комиссии съезда и накануне принятия съездом Основного Закона.

Участникам открывшегося 4 декабря в 16 часов в Свердловском зале Кремля заседания пленума ЦК предстояло по установившейся традиции вынесения судьбоносных для страны решений дать «добро» съезду Советов на утверждение уже установленного по результатам его работы окончательного проекта нового Основного закона СССР. Фактически оно уже было получено высшим государственным органом страны после положительных посылов, чётко прозвучавших в двух выступлениях на съезде секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина – 25 ноября в качестве председателя Конституционной комиссии ЦИК Союза ССР и 3 декабря в качестве председателя Редакционной комиссии съезда.

Очевидная предпрешённая судьбы проекта, несомненно, стала одной из причин слабой активности при его обсуждении участниками пленума. Не меньшую роль в проявленной ими сдержанности играл и временной фактор: обсуждение членами ЦК проекта Основного Закона проходило с оглядкой на открывающееся на следующий день последнее, 12-е заседание съезда Советов, на котором многие участники пленума должны были присутствовать уже в качестве делегатов. После заключительного доклада на этом заседании председателя Редакционной комиссии Сталина ожидалось постатейное чтение и голосование проекта Конституции в окончательной редакции с последующим утверждением постановления съезда о принятии документа исторического значения⁵. В этих условиях, как понимали многоопытные политики, вносить в документ какие-либо существенные изменения было невозможно.

Состояние цейтнота осознавали и члены узкого круга партийного руководства, но обстоятельства не склоняли их к расслаблению. Многие указывают на то, что работу пленума планировалось завершить в тот же день, если задуманному не помешает долгое обсуждение второго, фактически ставшего главным, вопроса повестки дня.

Весь ход работы первого заседания пленума свидетельствовал, что именно фактор времени более всего беспокоил его руководителей. Во имя экономии времени даже

привычная процедура открытия была «скомкана» формальными голосованиями по порядку дня и установлению регламента работы пленума. С этой же целью председательствовавший на заседании В. М. Молотов и И. В. Сталин фактически явочным порядком сняли ожидавшийся участниками пленума доклад по итогам прошедшего накануне заседания Редакционной комиссии съезда Советов.

Пленарное время экономилось и пресечением разгоравшихся дискуссий, порождаемых, в частности, несогласованностью некоторых статей проекта Конституции. Между тем изредка, но всё же отмечаемые стенографами «реплики» и «движения в зале» говорили о том, что участники пленума видели необходимость некоторых изменений в тексте документа. Весьма серьёзной, например, была проблема, которую поднял в своём выступлении член ЦК и Президиума ЦИК Союза ССР И. С. Уншлихт. На это указывал, в частности, тот факт, что ещё до пленума ЦК ту же проблему подметили и изложили в своей записке привлечённые Редакционной комиссией съезда эксперты Левенсон и Ершов⁶. Но и поправка Уншлихта была фактически проигнорирована и отклонена без обсуждения сути проблемы.

Не приветствовались на заседании и другие редакционные и технические поправки к тексту проекта Конституции, о чём свидетельствует раздражённая реплика Сталина на первое же (и, заметим, вполне очевидное) предложение Г. Н. Каминского. Неудивительно, что после резкого оклика вождя пленарное собрание не приняло ни следующей поправки наркома здравоохранения СССР, ни других немногих замечаний и предложений, поступавших от отдельных членов ЦК. В работах ряда исследователей встречается мнение, что Сталин даже «пытался навязать» пленуму активное обсуждение проекта⁷, однако стенограмма первого пленарного заседания свидетельствует о противоположном.

За всё время обсуждения проекта члены ЦК одобрили только одну из предложенных поправок, встретив предложение о замене слова «ведает» на слово «руководят» в статье 72 проекта дружными голосами – «правильно». Эту поправку внёс Сталин, и она стала единственным исправлением в документе, розданном участникам пленума для работы с проектом Конституции⁸.

По объёму стенографической записи «обсуждения» первого вопроса повестки дня даже с поправками на «реплики», «движение» и «весёлое оживление» в зале, а также «общий смех» участников пленума и т. д. можно сделать вывод, что рассмотрение, а затем утверждение окончательного текста Конституции заняло не более 20 минут пленарного времени.

Гораздо большее внимание было уделено второму вопросу повестки дня. Данная в ней формулировка говорила о многом собравшимся на пленум искушённым партийцам. Несмотря на уже состоявшуюся юридическую реабилитацию бывших лидеров правых уклонистов⁹, показания, полученные от ряда подсудимых (затем подсудимых), проходивших по делу «антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра», о «контрреволюционных» и даже «террористических» связях с ними Бухарина, Рыкова и Томского¹⁰, как и созданная в стране вокруг этих показаний атмосфера всеобщей подозрительности, продолжали довлеть над «правыми», очевидным свидетельством чему стало самоубийство М. П. Томского.

Приговор о расстреле всех шестнадцати обвиняемых в контрреволюционной террористической деятельности стал своеобразным сигналом не только бывшим и настоящим троцкистам и зиновьевцам, но и всем оппозиционным группировкам: время высылки, ссылки и заключения в политизоляторы¹¹ ушло либо подходит к концу. При утверждении «расстрельных» приговоров своим прежним товарищам по революционной борьбе «сталинское руководство» уже не будут останавливать, как это допускалось ранее, ни прошлые заслуги бывших соратников, ни действовавший многие годы

негласный запрет (с весьма редкими исключениями) на высшую меру в отношении членов партии.

Одним из первых наступление «новых времён» было осознано Г. Я. Сокольниковым. Видимо, «просчитав» предлагаемые этими временами варианты поведения (не случайно в своих воспоминаниях о совместном революционном прошлом Илья Эренбург писал, что уже 18-летний Сокольников казался ему «стратегом» и человеком «созданным для политики»)¹², он уже в день окончания процесса, после почти месячного нахождения в заключении, начал давать «нужные» следствию показания. Протоколы его двухдневных (24–25 августа) допросов свидетельствуют о начале политического «разоружения», позволившего Сокольникову через полгода сохранить жизнь после очередного судебного процесса уже по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра».

Имеет место и другое объяснение столь полного и «подоспевшего» к сроку окончания процесса «разоружения». Оно также укладывается в рамки стратегического мышления этого, безусловно, неординарного человека, который якобы видел единственную возможность остановить уже на первых шагах безумную политику уничтожения собственного народа путём максимального расширения круга подозреваемых, и, в первую очередь, за счёт людей, пользующихся в обществе доверием и уважением. По его расчётам, это должно было привести в «чувство» и вернуть здоровое мышление и политическому руководству, и увлечённой поисками «врагов» части населения.

Так или иначе, он признал соответствующими действительности не только показания Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, И. И. Рейнгольда и ряда других лиц о связях «правых» с объединённым троцкистско-зиновьевским центром, но и с запасным (или «параллельным») центром организации, как и о своём руководящем в ней участии¹³.

Самоубийство Томского, о котором он, очевидно, знал, несмотря на неоднократные последующие заверения Ежова в том, что оно скрывалось от Сокольникова, давало ему простор для маневра, возможность «завязать» указанные им связи на Томском и, может быть, оставить какой-то выход для двух других членов бывшей тройки «правых», с одним из которых¹⁴ начинал в гимназические годы социал-демократическую работу. На очной ставке с Рыковым и Бухариным, материалы которой приводятся в сборнике, он повторил свои показания, подтвердив, по сути, их непричастность к деятельности троцкистско-зиновьевского центра.

Очные ставки, результат которых породил у Бухарина и Рыкова определённые надежды на благополучный исход дела, состоялись 8 сентября 1936 года. Но в тот же день один из бывших «воспитанников» «бухаринской школы» П. Ф. Сапожников, высланный в Свердловскую обл. после двухгодичного заключения в политизоляторе за членство в «антипартийной контрреволюционной группе правых Слепкова и др.», подал заявление о полном политическом «разоружении». Судя по объёму снятого им с себя оружия, и это разоружение стало следствием «расстрельного» окончания процесса по делу объединённого троцкистско-зиновьевского центра.

В письме на имя Сталина (лично) он осуждал свой «постыдный и преступный “опыт” участия в двурушнической к.-р. группе Слепкова – Марецкого и... прежнюю двурушническую связь с лидерами правых, особенно с Н. Бухариным, этим насквозь двуличным и лицемерным обманщиком партии». Конечно, в разгар сбора «компромата» на тех самых «лидеров правых» (несмотря на их юридическое оправдание) такое заявление не осталось незамеченным. Сапожников был переведён в Москву и уже к 1 октября подготовил 129-страничную записку «О двурушнической, заговорщической и террористической деятельности к.-р организации правых»¹⁵.

По неуставленной причине находившемуся в отпуске Сталину записка была отправлена только 17 октября, с сопроводительным письмом, в котором Ежов отмечал,

что «по существу заявления Сапожникова производится расследование». Между тем практически вся работа в этом направлении уже была произведена самим заявителем. Сапожников подробно описал:

- «структуру и состав контрреволюционной организации правых»;
- «кулацко-реставраторскую идеологию и к.-р. планы правых»;
- «двурушническую, контрреволюционную деятельность правых»;
- «заговорщические замыслы и террористические настроения правых»;
- контрреволюционный блок правых с троцкистско-зиновьевской бандой, с «леваками» и с другими врагами партии;
- неразоблачённые и неразоружившиеся к.-р. правых двурушников.

В записке не только Бухарину, но и каждому из членов его ближайшего окружения (и не только «учеников бухаринской школы») давалась характеристика, следствием которой мог быть в лучшем случае арест и высылка. Особый упор в духе «новых времён» делался на освещении террористической направленности организации, «готовности» значительного числа «правых» к убийству Сталина и членов «сталинского руководства». Сапожников признавал и личное своё стремление (в прошлом) к совершению такого теракта, демонстрируемое, правда, как и рядом его «сподвижников» по террору, всегда в неадекватном состоянии. Но следствию было достаточно и этого, оно, видимо, полагалось на справедливость народной мудрости: «Что у трезвого на уме ...».

В записке приводились многочисленные примеры поддержки Бухариным и другими бывшими руководителями «правых» самых радикальных настроений у своих последователей и, что имело для следствия не меньшее значение, но что категорически отрицалось, в частности Бухариным и Рыковым, – продолжающейся ими оппозиционной, а следовательно, и «контрреволюционной» деятельности уже после официально заявленного отхода от неё¹⁶.

Исследователи, обратившиеся к освещению материалов пленума, отмечают, как правило, крайне неудачное по изложению, а порой и содержанию, выступление докладчика, речь которого в ходе заседания нередко «корректировалась» Сталиным и Молотовым. Причина этого часто видится в том, что Ежов к тому времени ещё не «поднаторел» в фальсификациях, не определился, чью сторону принять, когда и сами «водители» якобы не сговорились между собой о допустимой тяжести политического избиения «правой» оппозиции.

Думается, что многие вопросы были бы сняты и отмечаемые исследователями «огрехи» в докладе Ежова не давали бы повода к таким предположениям при знакомстве не только с текстом его выступления, но и включённым в настоящий сборник «конспектом» его доклада, над которым поработали и референты наркома и, судя по сделанным в нём правкам, сам нарком.

Научная объективность требует заметить также в «защиту» Николая Ивановича, что его выступление проходило в условиях жесткого цейтнота, который во многом определил, на наш взгляд, вынужденную и, действительно, неудачную импровизацию при изложении заготовленного материала. Свою роль сыграла и не вполне удачная стенографическая запись доклада, что при отсутствии авторской правки (о причинах которого будет сказано ниже) не могло не сказаться на качестве его изложения.

В прениях по докладу выступили немногие участники пленума. Это можно было бы объяснить всё тем же цейтнотом, который после затянувшихся выступлений докладчика и первого выступающего – Бухарина – перешёл в весьма жёсткую фазу. Но не столь очевидным выглядело бы другое объяснение – почему из шести членов ЦК, принявших участие в прениях (помимо взявших слово для «оправдания» Бухарина и Рыкова), пять представляли высший партийный орган. Членами Политбюро являлись Сталин, Молотов, Каганович, Косиор, и кандидатом в члены Политбюро – Эйхе.

Ни одного «рядового» члена ЦК в числе выступающих¹⁷, без чего ранее невозможно было представить работу партийного форума.

Несомненно, что такой «подбор» не мог быть случайным, и этот факт делает сегодня очевидным ответ на поставленный выше вопрос о допустимой тяжести избияния «правой» оппозиции, в данном случае её бывших лидеров и представителей на пленуме – Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова¹⁸.

Сталин, оппонировавший Бухарину, не злоупотреблял пленарным временем, построив выступление в присущем ему стиле: Бухарин «бьёт на искренность, требует доверия. Ну, хорошо, поговорим об искренности и о доверии». В полной мере свободой критики якобы вновь поднимающих голову «правых» воспользовались только оппонировавший Рыкову Молотов и заключавший прения Каганович. В выступлениях их просматривается явная тенденциозность в оценке действий и намерений Бухарина и Рыкова.

Ещё трое выступавших: Косиор, Саркисов, Эйхе, судя по равному объёму стенограмм их выступлений, определённо имели установку «уложиться» в десять минут, и поставленную задачу перевыполнили, умело внося за это время в атмосферу пленума привычный митинговый накал.

После завершения первого дня заседаний пленума Молотов объявил о рассылке членам ЦК к следующему заседанию писем Бухарина на адрес обратившегося с такой просьбой Ворошилова, а также письменного ответа адресата Бухарину. И просьбу Ворошилова, и заявление Молотова нельзя отнести к случайным актам, поскольку и то и другое являлось отражением атмосферы постепенно накаляющегося противостояния – от личных до «высоких», партийных отношений. Возможно, этот небольшой блок документов, вошедших в силу вышесказанного в раздел дополнений настоящего сборника, и не попал бы на его страницы, если бы письма Бухарина не стали достоянием более широкого круга лиц, и одно из них не было использовано в качестве политического жупела при устрашении участников пленума возрождающейся угрозой «правых». Во всяком случае для Молотова содержание письма стало, по его словам, одним «из больших аргументов» порождающих недоверие к Бухарину, а следовательно, и ко всем «правым», которых он олицетворял в глазах правоверных «сталинцев».

Письмо действительно могло произвести весьма негативное впечатление на узкий поначалу круг его читателей. В нём содержалось фактическое обвинение руководства партии (читай – Политбюро) в политической «трусости», компрометации «революционной законности», а его автор выражал готовность быть «математическим коэффициентом», или, в «переводе» с цветастого, по выражению одного из исследователей, языка Бухарина, – случайной величиной, жертвой «частной ошибки» членов сталинского руководства.

Удивительно, но ознакомленные с письмом члены Политбюро поначалу, видимо, не обратили внимания на содержащуюся в нём ещё одну «политическую вольность» Бухарина – фразу: «Я – поскольку сохраняю мозги – считал бы, что с международной точки зрения глупо (*подчер.* Б.) расширять базис сволочизма...» Последние слова могли восприниматься только как завуалированный «призыв» к прекращению борьбы с мнимой оппозицией. В том же русле находился и данный Бухариным неожиданный совет Ворошилову «когда-либо прочесть драмы из французской революции Ромена Роллана». Очевидно, что и этот совет был завуалированной попыткой подвести человека, с которым Бухарин по большей части был в достаточно дружеских отношениях, к осознанию схожести ситуации в стране «победившего социализма» со сценами якобинской диктатуры и якобинского террора времен Великой французской революции.

В ходе выступлений на первом заседании пленума 4 декабря и Бухарин, и Рыков поднимали вопрос: почему им не присылают для ознакомления те новые и многочисленные, по словам докладчика, показания свидетельствующих против них людей, чтобы хотя бы знать суть предъявляемых им обвинений. Просьбы были вполне обоснованы и, видимо, находили понимание у участников пленума, с чем не могло не считаться его руководство. «Закрыть» неудобный вопрос и подчеркнуть объективность проводимого партийного расследования можно было только предоставив всё ещё находящимся в статусе кандидатов в члены ЦК опальным коллегам возможность встречи с людьми, чьи фамилии уже были озвучены на заседании пленума.

7 декабря такие следственные действия были проведены в здании ЦК, в присутствии восьми членов Политбюро во главе со Сталиным, а также при секретаре ЦК, нарком внутренних дел Ежове, которому была поручена роль «ведущего» в этих следственных действиях. В связи с их проведением второе заседание пленума, назначенное на тот же день, оказалось отложенным на четыре часа и началось только в 7 часов вечера.

Протоколы очных ставок не дают серьезного повода к сомнениям относительно открытости и продемонстрированной членами Политбюро за исключением отдельных нюансов объективности проведенного исследования. Однако без внимания не может остаться факт внезапного вызова на допрос накануне очной ставки, 6 декабря главных свидетелей обвинения – Куликова и Пятакова. Уже на следующий день, но ещё до начала очных ставок, Ежов мог доложить Сталину, что по последним показаниям Куликова им в 1932 г. лично была получена от Бухарина «директива о необходимости убийства тов. Сталина». Пятаков также вовремя «вспомнил», что Бухарин ничуть не удивился, узнав от него в том же 1932 г. о полученной от Троцкого директиве «о терроре, вредительстве и установлении контакта с “правыми”», что якобы указывало на имевшийся у правых контакт с троцкистско-зиновьевским блоком. К очной ставке в присутствии членов Политбюро «следствие» готовило только Куликова и Пятакова. И не случайно. Проведённое на следующий день следственное действие с участием Сосновского показало, что последний не нуждался в «закреплении» ранее данных показаний.

В литературе встречается информация о том, что чуть позже состоялись очные ставки Рыкова с теми же обвиняемыми. Информация исходит, видимо, из факта, что требование о предоставлении очных ставок с оговаривающими их лицами было озвучено на пленуме не только Бухариным, но и Рыковым, а также из сделанного Сталиным на втором заседании пленума сообщения, что «перерыв между заседаниями мы – члены Политбюро – использовали для того, чтобы присутствовать на очной ставке Бухарина и Рыкова с теми людьми, которые их оговаривали».

Однако документального подтверждения факту очных ставок с участием Рыкова найти не удаётся, на отсутствие их указывает и характер выступления Сталина на заключительном пленарном заседании, в ходе которого он вёл речь о поведении на очных ставках только Бухарина. Немаловажным аргументом справедливости этой версии является и временной фактор. Объём стенографических записей трёх упомянутых очных ставок говорит о том, что руководство вновь, как и на первом заседании пленума, столкнулось с нехваткой времени и не смогло начать заключительное заседание в утверждённое пленумом время.

В целом же передопросы Бухарина в присутствии членов Политбюро показали, что обвинения его в общем руководстве «правой» оппозицией и поддержке им террористической деятельности либо строились на фактах конца 1920-х – начала 1930-х гг., после которых он уже прошёл партийную «чистку» с неизбежным процессом политического «разрушения», либо были недоказуемы, вследствие отсутствия надёжных свидетелей и реальных действий с его стороны. Фактически безрезультатность очных ставок вынужден был признать и Сталин, поставивший на последнем заседании пленума под

сомнение показания всех троих обвинителей и заявивший, что «ни в одном из показаний... нет указания на то, что Рыков или Бухарин были связаны с какой-то террористической группой». Правда, данный им вывод не говорил о полном оправдании. У членов Политбюро, по словам Сталина, «создалось такое впечатление, что дело нельзя считать оконченным: оно нуждается в дальнейшей проверке».

Декабрьский пленум ЦК ВКП(б) 1936 г. вошёл в историю как один из самых «закрытых», ввиду неукоснительного соблюдения многие годы данным Сталиным по окончании последнего его заседания краткого указания: «О пленуме в газетах не объявлять». 10 марта 1938 г. «при ушивке доклада т. Сталина» в личном его архиве был обнаружен собственноручно написанный и подписанный им документ: «Решение Пленума от 7.XII.36: В газеты сообщения о Пленуме не давать и стенограмму не печатать»¹⁹.

Этот документ не имел даты создания, не ставился на голосование на пленарном заседании и не вошёл в протокол пленума, как, позднее, не входил и в архивные дела с его материалами. Видимо, именно невольное временное исчезновение сталинского документа из поля зрения заведующего Особым сектором ЦК ВКП(б) А.Н. Поскрёбышева и дало возможность секретариату пленума всё же сделать первые шаги в подготовке стенографического отчёта.

Выступавшим участникам пленума уже в день его окончания была предоставлена возможность внести в тексты необходимые с их точки зрения правки, а подававшим в ходе заседаний реплики были присланы и затем собраны исправленные ими тексты. К сожалению, этим и ограничился естественный в таких случаях процесс движения разрозненных документов к созданию полноценного стенографического отчёта. И, тем не менее, даже вышеуказанные моменты, объём, характер авторских правок, случаи не мотивируемого, но очевидного отказа ряда его участников от поданных ими реплик (зачёркивание) позволяют полнее и глубже проникнуться атмосферой пленума, правильно воспринять данное событие отечественной истории.

По причине длительной «засекреченности» декабрьского пленума 1936 г., многолетнего отсутствия в научном обороте его документов и связанных с ними материалов, сегодня практически невозможно представить полноценный историографический обзор исследуемых в настоящем сборнике проблем. Впрочем, вопросы конституционной реформы 1936 г. уже достаточно давно (разумеется, без упоминаний декабрьского пленума) находили отражение в исторической и в целом общественведческой литературе, однако эти работы не всегда отличались объективностью в силу либо политической обстановки в момент их написания, либо политических и иных пристрастий самих авторов.

К числу первых работ, свидетельствующих о серьёзности подхода к данной проблематике, следует отнести монографии С. Л. Ронина²⁰. Они, безусловно, отражали «дух» своего времени, но к числу очевидных заслуг автора следует отнести постановку проблемы предпосылок создания новой Конституции и исследование в качестве ведущих именно социально-экономических предпосылок. К сожалению, его работы оказались не только первыми, но и последними монографическими трудами в историографии создания первой демократической по форме и содержанию Конституции СССР. В дальнейшем освещение и изучение процесса конституционного реформирования 1936 г. не выходило за рамки журнальных статей и отдельных глав монографических исследований²¹. В последние годы близко к всестороннему освещению данной проблемы подошла Е.А. Шершнева, защитив диссертационную работу, фактически оказавшуюся на стыке двух наук – права и истории²², но в которой большое внимание уделено исследованию важнейших вопросов реформирования: выбору метода и способа проведения конституционной реформы, тесно связанной с этим коррекцией политических ориентиров и др.

Гораздо серьезнее «закрытость» документов сказывалась на количестве и, конечно же, качестве научных работ, авторы которых исследовали первые обороты набирающего силу маховика «большого террора», рождение которого справедливо относится ко второй половине 1936 г. Поскольку декабрьский пленум ЦК 1936 г. стал «предтечей» более известного и «раскрученного» февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г., отсутствие в свободном доступе его документов, безусловно, создавало серьезные препятствия для объективного освещения механизма раскрутки вышеупомянутого маховика.

Прорыв в решении проблемы «закрытости» исторических источников в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. сопровождался, к сожалению, рождением другой проблемы – освоения исследователями ставших доступными документов. Расширившиеся возможности доступа к архивным материалам не могли не породить всплеска публикаций на их основе, который далеко не всегда являл работы, отличающиеся научной объективностью и просто фактологической точностью. В числе их оказалась и единственная пока работа, построенная непосредственно на использовании документальных (стенографических) материалов декабрьского пленума ЦК 1936 г.²³

Материалы сборника оканчиваются двумя письмами Бухарина, адресованными членам Политбюро и лично Сталину. Они написаны 15 декабря 1936 г., в день появления в «Правде» редакционной статьи²⁴, исходящей, по словам Бухарина, уже «из “доказанности” неслыханно тяжких обвинений против лидеров правых ...».

Примечательна резолюция, наложенная Сталиным на одно из писем и направленная в адрес ответственного редактора «Правды» Л. З. Мехлиса. Её строки свидетельствовали о том, что он продолжает читать посылаемые ему Бухариным письма, а также о том, что если не по принципиальным, то по формальным вопросам он готов с ним соглашаться: «Тов. Мехлису. Вопрос о бывших правых (Рыков, Бухарин) отложен до следующего Пленума ЦК. Следовательно, надо прекратить ругань по адресу Бухарина (и Рыкова) до решения вопроса. Не требуется большого ума, чтобы понять эту элементарную истину. И. Сталин»²⁵.

Обращает на себя внимание и невольная (если он делал таковые) обмолвка вождя в данной резолюции, назвавшего Рыкова и Бухарина «бывшими правыми». Впрочем, точку в ответе на этот вопрос, как и ряд других, должен был поставить и поставил уже следующий, февральско-мартовский, пленум ЦК ВКП(б) 1937 года²⁶.

* * *

Предлагаемое издание впервые знакомит читателей с полным корпусом документов декабрьского пленума ЦК ВКП(б) 1936 г., переданных в апреле (три дела) и июне (одно дело) 1957 г. из текущего архива Общего отдела ЦК КПСС в Центральный партийный архив (ЦПА) Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС²⁷. Дела, первыми поступившие в архив (ныне – Российский государственный архив социально-политической истории – РГАСПИ), содержали первоначальную (неправленную) расшифровку стенографической записи (дешифрант) и стенограмму с авторскими правками заседаний пленума ЦК ВКП(б) 4 и 7 декабря 1936 г. (ныне находятся соответственно: Ф. 17. Оп. 2. Д. 575, 574). Третье дело содержало реплики участников пленума, выписанные его секретариатом из неправленной стенограммы заседания и выправленные авторами (ныне – Д. 576). В июне в ЦПА ИМЛ поступили подлинники протокола № 8 заседания пленума ЦК ВКП(б) от 4 и 7 декабря 1936 года и материалы к этому протоколу (ныне – Д. 573).

Говоря о полном корпусе хранящихся ныне в РГАСПИ документов пленума, нельзя обойти вниманием такую важную его особенность, как отсутствие третьего (помимо

упоминавшихся) варианта стенограммы пленума – стенографического отчёта, который в 1920–1930 гг., как правило, после окончания работы каждого пленума готовился и рассылался по спискам членам ЦК и в партийные организации. Причина его отсутствия не имеет отношения к проблеме «закрытости» архивных фондов и определяется исключительно закрытым характером работы самого пленума, о чём уже шла речь.

Кроме того, в делах со стенограммами пленума отсутствует ряд документов, в т. ч. тексты выступлений И. В. Сталина как в направленной стенографической записи, так и в стенограмме с авторскими правками. По установленному при его жизни порядку первоначальная стенографическая запись двух его выступлений на пленуме была передана в личный архив Сталина и не подвергалась авторской правке (ныне хранится в фонде И. В. Сталина: РГАСПИ, Ф. 558). К числу отсутствующих документов относятся и правленные стенограммы доклада Н. И. Ежова, а также выступлений В. М. Молотова и Р. И. Эйхе. Таким образом, к правленным (с завизированной авторской правкой) можно отнести только пять документов, из которых два, как уже отмечалось, представляют варианты (хотя и весьма близкие к оригиналам) направленных стенограмм.

Поскольку вести подготовку сборника документов, имея в качестве его основы лишь половину правленных документов, не представляется возможным, то за основной текст рукописи принят дешифрант, или первоначальная расшифровка, стенографической записи.

Помимо стенограмм, при подготовке сборника использован ряд других, хранящихся в РГАСПИ документов и материалов, в т. ч. заседаний Политбюро ЦК (Ф. 17. Оп. 2, 3); документов, освещающих «деятельность» т. н. право-троцкистского блока (Ф. 17. Оп. 171); отражающих историю внутривластной борьбы в 1920–1930-е гг. (коллекция документов наркома НКВД и председателя КПК ВКП(б) Н. И. Ежова, включающая подготовительные материалы к его докладу на декабрьском пленуме ЦК 1936 г.; Ф. 671 Оп. 1); показывающих вклад Сталина в создание Конституции СССР. Кроме того, просмотрены и использованы материалы служебной, а также личной переписки Н. И. Бухарина со Сталиным, Молотовым, Рыковым, Орджоникидзе и другими отечественными и зарубежными партийными, государственными и общественными деятелями (Ф. 329. Оп. 2); материалы фонда А. И. Рыкова (Ф. 669. Оп. 1). Просмотрен также ряд дел в фондах А. А. Андреева (Ф. 71. Оп. 1), К. Е. Ворошилова (Ф. 74. Оп. 1), А. А. Жданова (Ф. 77. Оп. 1), М. И. Калинина (Ф. 78. Оп. 8), А. И. Микояна (Ф. 84. Оп. 3, 4), Н. С. Хрущёва (Ф. 397. Оп. 1) на предмет возможного выявления «заготовленных», но не произнесённых речей, о чём говорилось при закрытии заседаний пленума.

Важными документальными источниками по истории заключительного этапа подготовки Конституции СССР стали документы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). Просмотрены и частично использованы дела Конституционной комиссии ЦИК Союза ССР (Ф. Р3316. Оп. 40), в т. ч. материалы совещаний «узкой» рабочей группы под председательством Сталина (апрель 1936 г.) по выработке «первоначального проекта Конституции СССР»²⁸. Столь же полезными для подготовки настоящего издания оказались материалы Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов и его Редакционной комиссии (Ф. Р3316. Оп. 8). Подготовленный комиссией «окончательный текст» Конституции и стал тем документом, который был вынесен, в частности, на рассмотрение и утверждение участников декабрьского пленума ЦК ВКП(б) 1936 г., и вошёл, как уже отмечалось, в состав документов настоящего сборника. К сожалению, обсуждение его на заседании Редакционной комиссии 3 декабря 1936 г., видимо, не стенографировалось, на что указывает отсутствие в делах фонда соответствующего документа.

Работа в ГБУ «Центральный государственный архив Москвы» позволила ознакомиться с протоколами ряда собраний в ОГИЗе (Ф. П-204. Оп. 1) после начала кам-

пании обсуждения закрытого письма МК и МГК ВКП(б) «О вскрытых фактах террористической деятельности контрреволюционного троцкистско-зиновьевского блока в г. Москве», что помогло более глубокому пониманию окружающей М. П. Томского атмосферы в последние дни его жизни.

Все документы опубликованы полностью.

Основным текстом протокола пленума является машинописный текст (копия с первого экземпляра), заверенный печатью ЦК ВКП(б).

В основу публикации стенографических записей положена неправописанная стенограмма (дешифрант).

Основным текстом публикуемых писем является отправленный текст (беловой автограф или снятая с него машинописная копия).

Авторская правка, нерасшифрованные фрагменты читаемых документов, а также разночтения в письмах с черновыми вариантами автографов, отмечаются в тексте арабскими буквами и оговариваются в подстрочных примечаниях.

Правка встречающихся в стенограммах реплик участников пленарных заседаний выполнена составителем и идентична правке, внесённой их авторами в материалы готовившегося секретариатом пленума стенографического отчёта (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 576).

Заголовок документа включает в себя порядковый номер, вид (разновидность) документа, его название, автора, адресата и дату написания. В ряде случаев документам даны редакционные заголовки с сохранением их подлинных названий в подзаголовках.

Документы имеют сплошную нумерацию. Текст каждого документа сопровождается легендой, где указывается название архива, в котором хранится документ, номер фонда, описи, дела и листов, подлинность или копияность документа, способ его воспроизведения, а также ссылка на первую публикацию.

Авторские подчёркивания текста остаются без изменений и оговорок, кроме подчёркиваний, осуществляемых во время правки документа, которые оговариваются в подстрочных примечаниях.

Отчёркивания на полях текста оговариваются в подстрочных примечаниях.

Стилистические несогласования, пропуски, отточия, встречающиеся в документах, отмечены в тексте знаком сноски (*) с соответствующим указанием в подстрочных примечаниях: «Так в тексте».

Необходимые комментарии (примечания по содержанию) отмечены в тексте арабскими цифрами и приводятся в разделе «Примечания».

Резолюции, штампы и относящиеся к тексту пометы указываются и описываются после текста документа.

Подготовка публикации велась в соответствии с «Правилами издания исторических документов (М., 1990). Передача текста документов осуществлена с сохранением в целом его стилистических и языковых особенностей.

В ряде случаев тексты были приведены в соответствие с современной орфографией и пунктуацией. Общепринятые сокращения слов унифицированы в тексте и внесены в список сокращений; сокращения, не являющиеся общепринятыми, восстановлены в квадратных скобках. Понятные и не имеющие двоякого толкования сокращения оставлены без раскрытия.

Справочный аппарат издания составляют: предисловие, в котором даётся общая характеристика предшествующего пленуму периода, а также работы пленума, примечания (комментарии к конкретным событиям и фактам, упоминаемым в публикуемых документах), именной комментарий и именной указатель (содержащий расширенный список имен). Сюда же входит список используемых источников и литературы, список сокращений.

- ¹ Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 3.
- ² Об этом справедливо пишут, в частности, известные, во многом не схожие во взглядах на «сталинизм», историки Ю. Н. Жуков и О. В. Хлевнюк. См.: Жуков Ю. Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2003; Он же. Настольная книга сталиниста. М., 2010; Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996.
- ³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 772. Л. 57.
- ⁴ Там же. Л. 58.
- ⁵ Постатейное чтение и голосование проекта Конституции в окончательной редакции завершилось 5 декабря 1936 г. в 17 ч. 55 мин. Проект принят в целом в 18 ч. 00 мин. («без 1 минуты», как подчеркнуто в материалах съезда) (ГА РФ. Ф. Р3316. Оп. 8. Д. 1. Л. 60 об). На следующий день, 6 декабря газ. «Правда» сообщила об уже начавшемся издании новой Конституции Союза ССР тиражом в 20 млн экземпляров, причём «несколькими, различно оформленными изданиями». Часть тиража печаталась крупным шрифтом для малограмотных, часть издавалась в виде плакатов, а также в специальном художественном исполнении.
- ⁶ Эксперты обращали внимание «...на то, что статьи 58 и 60 проекта не согласованы друг с другом. Тут получается как бы заколдованный круг. Согласно ст. 58 для выборов Верховного Совета норма представительства устанавливается Конституцией республики, иначе говоря, Верховный Совет избирается после утверждения Конституции. А в то же время по п. «а» ст. 60 на Верховный Совет возложено принятие Конституции республики.
Мы считаем, что Конституция Союзной республики должна быть утверждена съездом Советов Союзной республики. Исходя из этого п. «а» ст. 60 следует исключить» (ГА РФ. Ф. Р3316. Оп. 8. Д. 3. Л. 32–33).
- ⁷ Елисеев А. В. Разгадка 37-го года. «Преступление века» или спасение страны? URL: <http://www.libros.am/book/read/id/212961/slug/razgadka-1937-goda-1>
- ⁸ См. док. № 3. Тот же документ, но уже размноженный с внесённой правкой Сталина, получили на следующий день собравшиеся на заключительное заседание делегаты съезда Советов.
- ⁹ 10 сентября 1936 г. после состоявшихся очных ставок Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова с арестованным Г. Я. Сокольниковым Прокуратурой СССР было признано отсутствие «юридических данных для привлечения Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова к судебной ответственности» (Правда. 1936. 10 сентября).
- ¹⁰ Такие показания дали И. И. Рейнгольд, Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев.
- ¹¹ Так именовались специальные тюрьмы для политических заключённых со льготным режимом содержания. 11 ноября 1935 г. приказом НКВД № 00403 были переименованы в тюрьмы НКВД.
- ¹² Фрезинский Б. Троцкий. Каменев. Бухарин. Избранные страницы жизни, работы и судьбы. М., 2015. С. 250, 252.
- ¹³ РГАСПИ. Оп. 171. Д. 236. Л. 12.
- ¹⁴ Речь идёт о Н. И. Бухарине. В ту же объединённую социал-демократическую организацию учащихся входили уже упоминавшийся И. Г. Эренбург и проходивший по одному делу с Сокольниковым, расстрелянный впоследствии С. Б. Членов.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 245. Л. 56–184.
- ¹⁶ Несмотря на безусловно больший вклад в разоблачение потерявших «человеческий облик и чувства политических бандитов», Сапожникову, в отличие от Сокольникова, не удалось спасти жизнь. 30 декабря 1936 г. он был вновь арестован и 26 мая следующего года расстрелян.
- ¹⁷ Выступление на пленуме «рядового» члена ЦК, первого секретаря Донецкого обкома КП(б) Украины С. А. Саркисова фактически свелось к попытке оправдания за продолжающееся второй год резкое снижение основных показателей работы угольной отрасли.
- ¹⁸ До ареста в феврале 1937 г. Н. И. Бухарин и А. И. Рыков никогда не позиционировали себя как членов фракционной (оппозиционной) группировки. Даже публикация в ноябре 1929 г. своё повторное коллективное (включая тогда ещё здравствующего М. П. Томского) заявление об официальном отходе от своей ошибочной позиции (первое, сделанное за несколько дней до этого на пленуме ЦК, было признано им неудовлетворительным) они говорили в нём только о разногласиях с большинством ЦК ВКП(б) «по ряду политических и тактических вопросов» (Правда. 1929. 27 ноября).
- ¹⁹ Документ написан простым карандашом. Подпись И. В. Сталина: «И». Сопроводительная запись сделана рукой А. Н. Поскрёбышева, который, вероятно, и выявил этот документ (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 772. Л. 62).
- ²⁰ Ронин С. Л. К истории разработки, утверждения и развития Сталинской Конституции. М., 1951; Он же. Конституция СССР 1936 года. М., 1957.

- ²¹ Берхин И. Б. К истории разработки Конституции СССР 1936 г. // Строительство советского государства. М., 1972. С. 63–72; Богатыренко З. С., Савина Н. П. Обзор документальных материалов по истории создания Конституции СССР 1936 г. // Исторический архив. 1959. № 2; Кабанов В. В. Из истории создания Конституции СССР 1936 года // История СССР. 1976. № 6; Куликова Г. Б. Основной закон государства победившего социализма // Новое в жизни, науке, технике. Серия «История». М., 1986. № 12. С. 3–18; Курицын В. М. О разработке проекта Конституции СССР 1936 года // Право и жизнь. 1996. № 10. С. 67–83; Шершнёва Е. А. К вопросу об организации конституционных работ при разработке проекта Конституции СССР 1936 г. // Вестник Московского университета. М., 2007. № 5.
- ²² Шершнёва Е. А. Создание Конституции СССР 1936 года. Дисс. ... канд. юридических наук: 12.00.01. М., 2011.
- ²³ Фрагменты стенограммы декабрьского пленума ЦК ВКП(б) 1936 года // Вопросы истории. 1995. № 1.
- ²⁴ См.: Правые отщепенцы – защитники реставрации капитализма. Правда. 1936. 15 декабря.
- ²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 262. Л. 29.
- ²⁶ Первым вопросом повестки дня длившегося почти две недели (23 февраля – 5 марта 1937 г.) пленума ЦК ВКП(б) было поставлено «Дело тт. Бухарина и Рыкова». С основным докладом по этому вопросу вновь выступал Н. И. Ежов, а заключал «обсуждение» – на этот раз подготовившийся к выступлению Л. М. Каганович. Рассмотрев в течение трёх полных пленарных дней данное «дело», пленум образовал специальную комиссию под председательством А. И. Микояна для выработки проекта постановления, которое и должно было определить судьбу проходящих по нему лиц. 27 февраля 1937 г. участники пленума единогласно поддержали предложение комиссии о выведении Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова из состава ЦК и исключении из рядов партии, а также о передаче их дел в НКВД. В тот же день они были арестованы.
- ²⁷ РГАСПИ. Дело Ф. 17. Д. 12. Л. 148–149, 160–161.
- ²⁸ Выступления участников заседаний (В. М. Молотова, А. И. Стецкого, Б. М. Таля, Я. А. Яковлева) не стенографировались, но сравнительный анализ испещрённых сталинской правкой «черновых набросков проекта Конституции СССР» и подготовленного группой её «первоначального проекта» убеждают в огромной работе, проделанной за четыре апрельских дня, как участниками группы, так и лично Сталиным.

Документ № 1

Стенограмма заседания Пленума ЦК ВКП(б)

4, 7 декабря 1936 г.

Заседание первое. 4 декабря 1936 г.

МОЛОТОВ. Товарищи, разрешите объявить заседание Пленума открытым. В повестке дня два вопроса: первый вопрос об окончательном тексте Конституции и второй вопрос – доклад тов. Ежова о троцкистских и правых антисоветских организациях. Есть ли другие предложения по поводу повестки дня пленума?

ГОЛОСА. Утвердить.

МОЛОТОВ. По первому вопросу слово имеет т. Сталин.

СТАЛИН. Все читали проект Конституции[?]

МОЛОТОВ. Все присутствовали на вчерашнем заседании комиссии¹, значит можно проект не зачитывать. Есть какие-либо замечания[?]

КАМИНСКИЙ. У меня следующее замечание. Во второй главе «Государственное устройство» в пункте «с» сказано: «Установление основных начал в области просвещения и здравоохранения»². В связи с созданием союзного Наркомздрава³ речь будет идти не только об установлении основных начал в области здравоохранения, но и о руководстве эпидемической борьбой, о целом ряде мероприятий: о борьбе с чумой, об оборонных мероприятиях и т. д. Исходя из этого, я вношу следующую поправку. Сказать так: установление основных начал в области просвещения и руководство системой здравоохранения. Я это мотивирую тем, что в пункте «л»⁴ говорится о том, что все наркоматы имеют основания для руководства, чего не сказано про учреждения здравоохранения. В таком случае Народный Комиссариат Здравоохранения⁵ не будет иметь права решать целый ряд вопросов. В области здравоохранения сейчас меньше всего идёт речь об установлении основных начал, а больше дело касается конкретных мероприятий по управлению, по организации бактериологии, организации курортного дела и т. д.

СТАЛИН. Видите, Конституция мешает им лучше работать. Чепуха какая!

МОЛОТОВ. Разрешите голосовать поправку?

ГОЛОСА С МЕСТ. Не стоит голосовать.

КАМИНСКИЙ. Тогда разрешите сказать о второй поправке.

КАГАНОВИЧ. Учтите опыт первой. (Общ и с м е х).

КАМИНСКИЙ. Учту, учту. Я вношу поправку к статье 76-й, где надо сказать: предприятия и учреждения, потому что не всё можно назвать предприятиями.

МИКОЯН. Почему нельзя назвать?

КАМИНСКИЙ. По-моему, Институт охраны материнства и младенчества никак нельзя назвать предприятием.

МИКОЯН. А почему нельзя?

КАМИНСКИЙ. Это учреждение, а не предприятие. В самой Конституции устанавливается разница между предприятиями и учреждениями.

МОЛОТОВ. Есть желающие высказаться? Кто за это предложение, прошу поднять руки. Таковых нет. Значит, поправка отклоняется. Есть ещё письменная поправка т. Жукова о порядке обозначения наркоматов.

¹ Далее рукой автора вписано над строкой синим карандашом: как будто.

ЖУКОВ. На 16-й странице проекта Конституции союзные наркоматы помещены в определённом порядке, а по республиканским наркоматам наша промышленность⁵ отнесена на 14-е место (весёлое оживление в зале, голоса: «какое это имеет значение?»).

МОЛОТОВ. Кто за предложение т. Жукова, прошу поднять руки? Один товарищ Жуков. Кто против? Большинство против. Других поправок нет.

УНШЛИХТ. У меня есть поправка. В главе третьей, в статье 49 говорится о том, что производится всенародный опрос (референдум). По-моему, вместо – всенародный опрос, нужно сказать – всенародное голосование.

СТАЛИН. Голосование бывает тогда, когда выбирают. Опрос лучше.

ЛЮБЧЕНКО. Правильно, это лучше. Референдум это и есть всенародный опрос.

⁶ВОРОШИЛОВ. Референдум выявляет, определяет настроения.⁶

МОЛОТОВ. Следовательно, поправка отклоняется.

УНШЛИХТ. Следующая поправка к главе IV, к статье 58, где устанавливаются нормы представительства конституции* союзных республик. Конституции принимаются республиканскими съездами. А в статье 60 говорится, что Верховный Совет принимает Конституцию республики и вносит свои изменения. Таким образом, выходит, что один раз принимает Конституцию съезд, а другой раз...

КАГАНОВИЧ. Съездов больше не будет.

УНШЛИХТ. А республиканские?

КАГАНОВИЧ. То же самое, их не будет.

УНШЛИХТ. Последняя статья говорит об этом определённо.

ЛЮБЧЕНКО. А если он* захочет принять, нельзя?

УНШЛИХТ. Можно принять, но тут говорится, что после того, как выберется Верховный Совет, тут же принимает Конституцию (движение в зале, реплики)⁶.

МОЛОТОВ. Желающих высказаться нет? Голосую. Кто за поправки т. Уншлихта, прошу поднять руки. Мало – один (голос: он сам – за).

СТАЛИН. Есть одна поправка в статье 72. Здесь говорится: «Народные Комиссары СССР ведают отраслями государственного управления, входящими в компетенцию СССР». Надо сказать – «руководят» (голоса: правильно).

МОЛОТОВ. Эта поправка принимается. Есть ли ещё поправки? (Голоса: Нет).

Я голосую в окончательном виде текст Конституции.

Кто за утверждение окончательного текста Конституции, тех прошу поднять руки. Кто против? – Нет. Кто воздерживается[?] – Нет. Принято единогласно.

Значит, первый вопрос порядка дня закончился. Переходим ко второму вопросу.

Слово имеет т. Ежов для доклада.

ЕЖОВ**. Товарищи, прежде чем перейти к изложению фактов, характеризующих контрреволюционную деятельность троцкистско-зиновьевской банды и правых организаций на сегодняшний день по тем материалам следствия, которые мы имеем, я хочу коротко напомнить вам основные факты из этой области.

Первый факт – это убийство товарища Кирова и процесс, связанный с этим убийством⁷.

⁶⁻⁶ Зачёркнуто автором красным карандашом.

* Так в тексте. Правильно: конституциями.

⁶ Зачёркнуто автором фиолетовыми чернилами, вписано поверх зачёркнутого: Верховный Совет.

⁷ Зачёркнуто автором сиреневым карандашом, вписано поверх зачёркнутого: на основании конституций союзных республик. Продолжено (возможно, на следующий день) фиолетовыми чернилами: утверждаемых республиканскими съездами, он.

** Текст стенографической записи данного доклада труден для восприятия ввиду многочисленных оговорок выступающего и, видимо, следующих из-за этого многих ошибок при стенографировании.

Вы помните, товарищи, что, несмотря на то, что было доказано то, что убийство товарища Кирова было произведено ленинградской группой зиновьевцев, которые называли себя ленинградским центром⁸, доказательств прямого участия Зиновьева, Каменева и Троцкого в организации этого убийства следствию добыть не удалось. Зиновьев и Каменев тогда, как вожди троцкистско-зиновьевского блока, признались в том, что они несут лишь моральную и политическую ответственность за это убийство, но никакого организационного участия в нём не принимали. Равно не было доказано и то, что в убийстве товарища Кирова принимали участие троцкисты. Правда, вместе с ленинградской группой террористов был расстрелян троцкист Шацкий⁹. Это давало прямое указание на участие троцкистов в этом деле. Тем не менее, доказать организованное** участие троцкистов в этом тогда не удалось.

Второй факт – августовский процесс 1936 года после разоблачения контрреволюционной деятельности троцкистско-зиновьевского блока¹⁰. Основными из этих фактов, которые были вскрыты на процессе, и которые всем вам известны – это образование в конце 1932 года зиновьевско-троцкистского блока на условиях террора.

Третий факт – это о том, что убийство товарища Кирова было произведено по решению центра и с согласия Троцкого, Зиновьева, Каменева и остальных членов центра, которых я перечислять не стану и которые вам известны. Было установлено, что убийство товарища Кирова было лишь одним звеном в общем плане всех убийств. Этот план шёл гораздо дальше: намечалось убийство основных руководителей нашей партии и правительства. Для осуществления своих планов троцкисты и зиновьевцы блокировались с прямыми белогвардейскими элементами у нас в Союзе. Для осуществления своих планов троцкисты вошли в прямую сделку с иностранной разведкой и, в частности, с Гестапо¹¹, рассчитывая на его помощь.

И, наконец, последний факт. Это было установлено, что троцкисты через своих сторонников, работающих в различного рода хозяйственных и советских учреждениях, воровали государственные средства для организации контрреволюционной подрывной работы против основ советского государства.

Таковы известные вам факты, вскрытые на августовском процессе. На этом же процессе и Зиновьев, и Каменев, и Смирнов¹², и все остальные*** через троцкистско-зиновьевский центр террористов самым тщательным образом пытались обойти вопросы программы, вопросы своей политической платформы, и, как теперь ясно из всех материалов следствия, они скрыли от суда и от следствия самые мрачные и самые позорные факты своей контрреволюционной подрывной деятельности против советского государства.

Каковы новые факты, которые были вскрыты после августовского процесса?

Первое, на чём я хотел остановиться, это следующее. Если вы возьмёте состав участников, состав подсудимых на августовском процессе и состав не вошедших на процесс троцкистов и зиновьевцев, то отличительная особенность заключалась в том, что больше половины из них было в своё время репрессировано за различного рода контрреволюционные преступления против советской власти. Во всяком случае, основная масса всех этих арестованных и подсудимых была известна в прошлом, как активные троцкисты и зиновьевцы, за исключением той небольшой части, которая за последние годы была переброшена Троцким из-за границы через Гестапо, из иностранцев.

* Так в тексте. Правильно: Шатский.

** Так в тексте. В подготовленном до пленума конспекте доклада (см. док. № 4) его авторами использовано слово, не допускающее двоякого толкования «участия троцкистов»: прямое.

*** Так в тексте. Далее очевиден пропуск фрагмента выступления докладчика вследствие некачественной стенографической записи.

После августовского процесса, с точки зрения состава арестованных троцкистов, они отличаются той особенностью, что в подавляющем большинстве это люди, которые были в своё время либо в зиновьевской, либо в троцкистской оппозиции, либо в правой. Но, тем не менее, прямых подозрений в том, что они могут вести настолько подлую контрреволюционную работу, трудно было предполагать. Я имею в виду членов так называемого запасного троцкистского центра, о которых я буду говорить несколько позже. Я имею в виду таких, как Пятаков, Сокольников, которые, как известно, один был членом ЦК, другой кандидатом. Предполагать, что они могут так низко пасть, так предавать интересы рабочего класса, так изменить делу социализма – никто не мог предполагать.

Что касается значительного большинства арестованных уже троцкистов, зиновьевцев и правых, повторяю, в отношении их имеются данные, что каждый из них неискренне отходил от оппозиции. Всё это, как вы увидите дальше, являлось сплошным двурушничеством¹³.

Вы знаете, что уже на августовском процессе Зиновьев показал, что помимо основного центра, зиновьевско-троцкистского центра существовал ещё запасной центр¹⁴. Зиновьев назвал и четыре фамилии членов запасного центра: Пятакова, Сокольников, Радека и Серебрякова. Сейчас это целиком подтверждается показаниями самих подсудимых¹⁵ арестованных: Пятаковым, Сокольниковым, Радеком и Серебряковым. Все 4 члена запасного центра дали показания, что они были членами этого центра.

СТАЛИН. Не похоже, чтобы Пятаков был в запасном центре.

ЕЖОВ. Об этом я скажу т. Сталин особо. Во всяком случае, все эти четыре члена запасного центра показали, что они действительно были членами в качестве заменяющих членов центра, троцкистско-зиновьевского террористического центра на тот случай, если основной центр будет арестован и уничтожен.

БЕРИЯ. Но они "всё же" работали вместе с ним.

ЕЖОВ. Об этом я скажу дальше, почему этот центр назывался запасным.

Должен сказать, что этот, так называемый запасный центр, несмотря на то, что по первоначальным показаниям Пятакова начал действовать только после провала основного центра, т. е. после ареста Зиновьева, Каменева, Смирнова и др., несмотря на это он развил свою деятельность значительно раньше, в частности, особенно Пятаков. Во всяком случае, деятельность этого центра была значительно более опасна, если можно так выразиться, или более пакостна, даже по сравнению со скрытой контрреволюционной работой прошлого центра. В известной мере это объясняется тем, что он имел возможность более конспиративно работать, имел более конспиративный способ работы, и доверия к нему было больше, поэтому он развернул свою деятельность значительно больше. Во всяком случае, с точки зрения связи, он имел значительно большую связь с периферией, нежели тот центр, процесс которого был в августе 1936 года.

БЕРИЯ. И связи с границей тоже.

ЕЖОВ. Да, это правильно.

Насчёт связи так называемого запасного центра с периферией. Связь была крепкая, либо персональная, либо с несколькими людьми.

На Украине сейчас арестовано у нас свыше 400 человек троцкистов и зиновьевцев, которые так или иначе связаны по своей к[онтр]р[еволюционной] работе друг с другом, или отдельные группы. Причём, во главе всей этой украинской организации наиболее видными руководителями являлись такие двурушники, как Коцюбинский, Голубенко, Логинов. Эта тройка не ограничивалась только деятельностью встреч* между собой,

¹³ * Зачёркнуто автором реплики красными, поверх них фиолетовыми чернилами.

* Так в тексте.

она попыталась наладить связь с группой в Харькове. Во главе группы в Харькове был бывш[ий] второй секретарь Харьковского обкома Мусульбасов*¹⁶. Им удалось организовать группу в Донбассе во главе с завед[ующим] угольным отделом¹⁷ обкома Шаевым и зав. культпропом¹⁸ Сергеевым, и в ряде других городов Украины.

БЕРИЯ. В Донбассе⁶.

ЕЖОВ. Да, в Донбассе, как я уже сказал, во главе были Шаев, член обкома, зав. угольным отделом и зав. культпропом Сергеев.

В Западно-Сибирской организации – во главе с Мураловым¹⁹, Дробнисом²⁰ и Богуславским²¹. Арестованные имели между собой тесную связь. Сейчас по этой организации у нас арестовано 120 человек. Эта организация развернула особую активность. Помимо конкретных планов и попыток произвести террористические акты, они пытались связаться для организации вредительской и диверсионной работы с Кемерово и на ж[елезной] д[ороге] [– с] Восточной дорогой²².

По Азово-Черноморской организации арестовано свыше 200 чел[овек] во главе с Глебовым²³, Белобородовым²⁴ и др. В Грузии свыше 300 чел[овек] во главе с** Окуджава²⁵. В Ленинграде²⁶ – свыше 400 человек и в Свердловске²⁷ свыше 100 человек. Надо сказать, что довольно большой группой троцкистов в Свердловске фактически руководила японская разведка через бывшего начальника Князева.

СТАЛИН. Через т. Кабакова (С м е х)²⁸.

ЕЖОВ. Я уже сказал, что через бывшего начальника Южно-Уральской ж. д. Князева и Турока, которые являются прямыми агентами японцев.

Какова же практическая деятельность так называемого запасного центра и тех периферийных организаций и групп, которые, так или иначе, были связаны с членами центра и, в особенности, с главой этого центра – Пятаковым?

Прежде всего, о террористической деятельности. Так же, как и в деятельности осуждённого уже в августе месяце 1936 года центра троцкистско-зиновьевского блока, вопросы террора были одними из центральных вопросов в деятельности запасного центра. И вот здесь следует остановиться на особенностях этого запасного центра, когда мы начинаем рассматривать его практическую террористическую деятельность.

Прежде всего, о направлении работы по террору. В своих показаниях Пятаков сообщил примерно следующее:

«Весной 1931 года я был послан от Наркомтяжпрома председателем комиссии по размещению кредитов в Германии. В Берлине со мной связался Лев Седов – сын Троцкого, которого я лично хорошо знал. По телефону мы с Седовым условились встретиться в кафе...» (ч и т а е т)^а. «...и что директива о терроре передана троцкистской органи-

* Так в тексте. Правильно: Мусульбас.

⁶ Исправлено автором реплики фиолетовыми чернилами: вопросительный знак вместо точки.

** Отточия в тексте стенограммы указывают на пропуск фамилий ряда лиц, арестованных в Грузии за «контрреволюционную деятельность» (см. примеч. 25).

^а Из зачитанных показаний Ю. Л. Пятакова от 26–27 октября 1936 г.: «...на улице Унтер-ден-Линден на углу Фридрихштрассе.

Так вот, Седов, встретившись со мной в кафе, заявил мне, что он разыскал меня и связался со мной по поручению Л. Д. Троцкого. Последний велел сообщить мне, что связь с Советским Союзом им – Троцким, установлена, что в СССР действует подпольная организация и, что Троцкий от меня – Пятакова, требует возобновления активной борьбы с ВКП(б). Седов при этом передал мне прямую директиву Троцкого о террористической борьбе против руководства ВКП(б) и советского правительства и, в частности, об организации террористического акта над Сталиным.

В этой же беседе Л. Седов подчеркнул, что Л.Д. Троцкий твёрдо стоит на точке зрения применения террора к руководству ВКП(б) и советской власти ...» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 15. Л. 15).

зации, действующей в СССР. Я, к несчастью, дал согласие...»^{†29} (ш у м, д в и ж е н и е в з а л е).

БЕРИЯ. Сволочь!

ЕЖОВ. Хуже, чем сволочь.

Из этого показания Пятакова, прежде всего, ясно, что директиву о переходе к террору Троцкий передал Пятакову ещё в 1931 году. Причём в своих показаниях Пятаков далее заявляет, что введение его в состав запасного центра – этого заменяющего центра, было тогда же обусловлено в Берлине в 1931 году и получило санкцию и одобрение со стороны Троцкого.

Мотивами, что его вводят в состав запасного заменяющего центра, главными мотивами, говорит Пятаков, было особое положение, которое он занимал в партии, так как он был членом ЦК ВКП(б) и ему гораздо легче было конспирировать всю контрреволюционную деятельность, не надо активно выпирать* с тем, чтобы начать действовать. Активно действовать он должен был начать только тогда, когда провалится основной центр.

Таковы, по крайней мере, показания Пятакова. На деле они сильно расходятся и разнятся с практикой. Почему?

Пятаков, казалось бы, получив такую директиву Троцкого о переходе к террору лишь после того, как основной центр провалится, не должен был бы разворачивать террористическую деятельность. А он, несмотря на это, тут же передал всем основным и ближайшим сторонникам троцкизма, с которыми он был лично связан, директиву Троцкого о терроре, и предложил организовать террористические группы.

Такую директиву он передаёт, например, на Украине Коцюбинскому, Голубенко и Лившицу, причём из этой же тройки предлагает сформировать украинский троцкистский центр для руководства всей контрреволюционной троцкистской работой на Украине, предлагает этому украинскому центру подобрать людей надёжных, которые бы могли пойти на исполнение террористических актов.

Несколько позже он передаёт эту директиву и всем другим своим сторонникам, которые лично с ним или по работе были связаны. Такую директиву он передаёт Дробнису, Богуславскому, Белобородову, Юлину и многим другим.

Больше того, Пятаков, пользуясь своим положением заместителя наркомтяжпрома**, при распределении этих кадров на работу, так их устроивал на работу, чтобы разослать их в организации, где бы они могли более или менее безопасно заниматься своей террористической деятельностью.

На наш вопрос к Пятакову, чем же объяснить эти противоречия между запасным недействующим, законсервированным центром и тем, что он сразу же начал практическую деятельность по организации террористических групп, он заявил следующее: что, мол, де, эти террористические группы действительно создавались по моему указанию, некоторых участников этих террористических групп, созданных по моему поручению в Западной Сибири, на Урале, на Украине, в Москве и в ряде других городов – я знал, но, тем не менее, директивы о переходе к террору не давал до тех пор, пока в этом не появится особая надобность, и что, мол, только с провалом основного центра троцкистско-зиновьевского террористического блока, только после этого я дал указания о том, что надо активизировать террористическую деятельность.

[†] Далее следует: «...на возобновление борьбы с применением террора против руководства ВКП(б) и советского правительства» (Там же).

* Так в тексте. Очевидная ошибка в стенографической записи. Правильно: выступать.

** Так в тексте. Имеется в виду должность заместителя народного комиссара тяжёлой промышленности.

В известной мере я должен сказать, что это совпадает с некоторым фактическим положением вещей в том смысле, что действительно группы, организованные Пятаковым и другими членами запасного террористического центра, они активизировались и активизировали свою работу особенно в 1935 и 1936 гг., вернее в начале 1936 года. Во всяком случае, люди не только обсуждали вопросы террора, но и конкретно к нему готовились. Во всяком случае, был сделан ряд попыток произвести террористические покушения. В частности, Азово-Черноморская контрреволюционная террористическая группа во главе с Белобородовым выделила группу под руководством некоего Дуката из троцкистов, которая охотилась за товарищем Сталиным в Сочи. Белобородов дал директиву Дукату, чтобы он воспользовался пребыванием товарища Сталина в Сочи во время отпуска, чтобы там найти удобный случай к тому, чтобы произвести покушение. Когда это Дукату не удалось, Белобородов его всячески ругал за то, что он не смог организовать это дело.

В Западной Сибири были прямые попытки организовать покушение на тов. Молотова, на Урале – на тов. Кагановича и на тов. Орджоникидзе.

Понятно, товарищи, я говорю только о тех фактах, о прямых показаниях и о подтверждённых фактах, когда делались конкретные и, более или менее, реальные попытки к осуществлению террористических замыслов³⁰.

Я думаю, что многое ещё следствием не вскрыто и многое ещё придётся нам вскрывать из области террористической деятельности троцкистско-зиновьевских последышей.

Если взять всю эту деятельность всех этих террористических групп, то она действительно, главным образом, оживилась за 1935 год, начало 1936 года, главным образом, то есть групп, которые так или иначе связаны с запасным центром и с его членами, и пытались прибегнуть к различным способам осуществления террористических замыслов.

Я хочу остановиться только на одной вскрытой в Москве, здесь, террористической группе, которая пыталась осуществить свои планы через отравление членов правительства. Этой группе, которую возглавлял бывший директор Моснарпита³¹ Столповский, удалось сколотить значительную группу террористов из поваров и из обслуживающего персонала, которые часто приглашались на всякого рода банкеты. Так как на многих банкетах приходилось бывать им, где присутствовали члены правительства, то они полагали, что таким путём легче всего будет осуществить свои террористические замыслы. Во всяком случае, люди готовили яд и предполагали, что в первом ближайшем удобном случае, когда их попросят устроить какой-нибудь банкет, на котором будут присутствовать члены правительства, они этот акт произведут. В частности, предполагали они, что во время Чрезвычайного [VIII] съезда Советов в связи с принятием Конституции обязательно не обойдётся без банкета, на котором будут присутствовать члены правительства, и тут они думали, что смогут, может быть, что-нибудь сделать.

Я конкретных показаний этих террористов не буду приводить, все они – довольно значительная группа – во всех этих своих планах сознались³².

Таковы, товарищи, некоторые факты из области террористической деятельности так называемого запасного центра и объединяемых им периферийных троцкистских групп. Однако на этом контрреволюционная работа троцкистов не ограничилась. Запасной центр, объединяя на местах связанные с запасным центром группы, и в особенности Пятаков, наряду с широкими планами террористической борьбы, стали прибегать и к методам вредительства и диверсий.

Должен оговориться, товарищи, что несмотря на кажущуюся искренность и раскаяние всех подсудимых на процессе в августе 1936 года, они всё же скрыли и от следствия, и от суда эту сторону своей деятельности, хотя центру троцкистско-зиновьевского блока было известно о существовании такой директивы, и они своим членам эту директиву передавали для практического осуществления.

Вот, например, что говорит арестованный бывший директор завода им. Жданова³³ в Ленинграде Пичурин. Он говорит, что в конце 1933 года в разговоре с Зиновьевым он получил следующую установку о вредительстве: «Мы ставим вопрос о поражении Советского Союза в войне... (ч и т а е т^а, кончая словами: «даёт нам возможность дискредитировать руководство ЦК»).

Таким образом, директива, исходящая от Зиновьева к Пичурину, во всяком случае, предполагает, что бывший действующий центр знал об этой директиве от Троцкого. Об этом говорит и сам Пятаков в своих показаниях, – о том, что директива о переходе к вредительству была дана ему в 1931 году в разговоре с Седовым. Он в своих показаниях говорит следующее: «Указание, или, вернее сказать, директива Троцкого, как мне её передал Седов, состояла в том, что нам, троцкистам, надо в своей практической* работе не содействовать, а, наоборот, противодействовать укреплению режима. ... (читает^е, кончая словами: «надо в народном хозяйстве и в промышленности переходить к методам вредительства»).

Эта директива, которую получил Пятаков, относится к 1931 году.

Однако, товарищи, широкой вредительской деятельности действующему центру троцкистско-зиновьевского блока и его руководителям – Смирнову, Каменеву, Зиновьеву и другим, не удалось развернуть. Зато, наоборот, этот так называемый запасной центр, в особенности начиная с 1931 года, – 1934, 1935 и начало 1936 г. – относительно большую развернул работу по вредительству и многое напортил в нашем хозяйстве.

Мы опять-таки спрашивали Пятакова, чем объяснить такой разрыв во вредительской деятельности между директивой 1931 г. и между практическим началом вашей работы? Все показания – и членов запасного центра, и непосредственных исполнителей террористических, вредительских и диверсионных актов, они все заявляют, и Пятаков опять-таки объясняет, что хотя директива и была получена от Троцкого в 1931 году, хотя об этой директиве знал действующий центр троцкистско-зиновьевского блока, тем не менее, только в 1935 году они начали особенно форсировать эту работу по вредительству, после того, как было получено специальное указание от Троцкого о том, что надо форсировать вредительскую деятельность во всю.

Вот Пятаков что говорит, – когда он получил директиву, что в 1935–36 г. во время разговора с Седовым*, последний сообщил мне через Радека получение телеграммы Троцкого о необходимости форсирования вредительской работы в народном хозяйстве. Седов сообщил, что Троцкий считает в этих целях возможным привлечь к вредительству другие контрреволюционные формирования³⁴.

С получением этой директивы наша деятельность по вредительству и связи со всякого рода бывшими людьми, в частности, с вредителями усилилась... и что-де** главная директива, которую он давал по вредительству, относится по преимуществу к 1935 г. Я думаю, что Пятаков всё-таки врёт: он значительно раньше давал своим сторонникам

^а Из зачитанных показаний Ф. Д. Пичурина от 10 ноября 1936 г.: «...Удар изнутри путём террора, поражение на фронте – вот что обеспечит смену руководства и изменение режима в стране. Мы ставим вопрос прямо, – ещё раз подчеркнул Зиновьев, – поражение надо подготовить, а для этого надо развернуть работу по вредительству. Это нужно и потому, что вредительство даёт нам возможность дискредитировать руководство ЦК» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 15. Л. 23).

* Так в тексте. В показаниях: советской.

^е Из зачитанных показаний Ю. Л. Пятакова от 14 ноября 1936 г.: «Конкретно и практически это означало, что надо в народном хозяйстве и в промышленности переходить к методам вредительства» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 255. Л. 94).

* Зачёркнуто фиолетовыми чернилами рукой неустановленного лица (возможно, при сверке текста стенографической записи и её машинотипной копии), далее вписано поверх зачёркнутого: Сокольниковым.

** Так в тексте.

директиву о вредительстве, потому что, по показаниям Дробниса и др., она относится к более раннему периоду.

Мотивы вредительства, которые излагал Пятаков своим сторонникам, рисуются, примерно, в показаниях бывшего начальника управления Ср[едне]уральского медеплавильного комбината Жарикова. Он показал следующее: «Пятаков в резкой форме поставил передо мной вопрос в том смысле, что если я согласен с установкой на подрывную вредительскую работу, ... (ч и т а е т): «когда мы стоим перед такой дилеммой, мы прямо заявляем: лучше поражение СССР, чем победа сталинского...»).

Что же конкретно, товарищи, удалось сделать членам запасного центра и руководимым им группам по вредительству и диверсиям? Я пока что оглашаю некоторые факты того, что у нас выявлено уже сейчас в процессе следствия и разоблачения всей этой мрази, и не исключаю, а предполагаю, что у нас ещё имеется очень и очень много не вскрытых дел, и нам ещё придётся долго их вскрывать.

Первое – о военной промышленности. В военной промышленности организованными запасным центром троцкистскими группами на заводах удалось произвести кое-какие вредительские и диверсионные акты. В частности, на том же судостроительном заводе им. Жданова вредительской деятельностью занимался бывший директор Пичурин. Он даёт следующие показания о конкретных вредительских актах, которые он произвёл на заводе, которым он руководил: «Практически вредительская работа нашей к[онтр]р[еволюционной] троцкистско-зиновьевской организации выявилась... (ч и т а е т)" ...вспомогательных механизмов почти на год».

Вот то, что мы имеем по судостроительной промышленности.

Несколько более конкретные вредительские акты удалось произвести на ряде оружейных заводов и, в частности, арестован технический директор оружейного з-да «Боль-

* Из зачитанных показаний М. А. Жарикова от 26 ноября 1936 г.: «– а это означает подрыв обороноспособности страны – то мне нечего смущаться ставки на поражение СССР, ибо одно положение вытекает из другого. В связи с этим Пятаков предложил мне вспомнить принципиально-теоретическую установку по вопросу об оборончестве и пораженчестве: мы были пораженцами в период империалистической войны; оборонцами мы стали с октября 1917 года, как это в своё время сформулировал Ленин. Правильно ли это указание Ленина для настоящего времени? Только лишь слепой, ничего не понимающий в политике человек может в современной обстановке продолжать цепляться за это ленинское указание.

В заключение нашей беседы Пятаков подчеркнул, что мы стоим перед дилеммой: либо поражение СССР и, стало быть, полный провал сталинского руководства, либо победа СССР и, на этой основе, такое упрочение ВКП(б) и её руководства, что после этого не придётся даже и мечтать об его устранении. И когда мы стоим перед такого рода дилеммой, – сказал он, – мы прямо заявляем: “Лучше поражение СССР, чем победа сталинского руководства”» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 261. Л. 9–10).

* Из зачитанных показаний Ф. Д. Пичурина от 10 ноября 1936 г.: «...в следующем: по турбинному цеху Смирновым, а впоследствии Зельдич, умышленно задерживался своевременный выпуск механизмов для первого торпедоносца-лидера “Ленинград” (№ 460), для сторожевых кораблей и для быстроходных тральщиков. В цеху умышленно изготовлялись не те детали, в которых была острая необходимость для установки на кораблях.

Одним из крупных вредительских актов в турбинном цехе явился колоссальный брак турбинных лопаток, который нам удалось организовать, главным образом, при изготовлении хвостовиков и засверловки отверстий в них через кондуктор. При изготовлении фланцев для вспомогательных механизмов умышленно искажались их размеры, что вызывало неоднократные переделки из-за несоответствия их чертежам.

По сборо-установочному цеху Мицун и другие, умышленно задерживали монтаж кораблей, в частности, эсминцев “Войков” и “Сталин”, быстроходных тральщиков и сторожевых кораблей.

При изготовлении трубопроводов давались неправильные размеры с отклонениями от чертежей. Под предлогом отсутствия материала задерживали изготовление трубопровода и арматуры по торпедоносцу “Ленинград”, что сорвало сроки испытания вспомогательных механизмов почти на год» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 15. Л. 27–28).

шевик»³⁵ Роман*. Показывая о тех вредительских актах, которые ему удалось произвести на з-де «Большевик», он говорит следующее: «Нами был сорван... (ч и т а е т)* ...на вооружение армии не введена».

Один из главных осуществителей всех этих вредительских актов, начальник конструкторского бюро Магдесиев целиком подтверждает это показание Романова и даёт ряд дополнительных вредительских мероприятий, которые он провёл в оружейной промышленности и на заводах торпедостроения. Кстати сказать, товарищи, на оружейных заводах и на заводах торпедостроения мы имеем довольно активную работу немецких организаций. Тут они сплотились с троцкистами самым тесным образом. Вот технический директор завода «Двигатель»³⁶ Виленс** о вредительстве в торпедостроении показал следующее: «Вместо того, чтобы начать внедрение в производство торпеды... (ч и т а е т)[†] ...на сумму несколько миллионов рублей».

* Так в тексте. Правильно: Романов.

† Из зачитанных показаний Н. Г. Романова от 8 сентября 1936 г.: «...выпуск ряда новых образцов оружия. Вредительскую деятельность в области опытных работ проводили участники организации – Магдесиев, Кудряшов, Рафалович.

Мне известны следующие вредительские акты, проведённые в целях срыва конструирования и выпуска новых артиллерийских систем.

По Б-14 – сухопутный – досылательное устройство было спроектировано так, что всё время давало отказы, механизмы разрушались.

Магдесиев долго и упорно добивался, чтобы эту систему сдать на вооружение РККА, но, вследствие категорического отказа ГАУ, это ему не удалось. Чтобы затормозить разработку других систем, Магдесиев работами по этой заведомо непригодной Б-14 загружал аппарат конструкторского бюро, тем самым не давая возможности работать по другим системам.

Система Б-14 морская, была лучшей, более надёжной, именно поэтому ею умышленно не занимались, разработка чертежей была заторможена и в результате Б-14 морская так и не была введена в производство.

По Б-13 морской – сознательно тормозилась разработка досылателей.

В конце эти орудия пришлось пустить в валовой выпуск вообще без всякого досылательного устройства.

Система Б-10 сухопутная – разрабатывалась в течение нескольких лет. Сознательно она была запроектирована настолько громоздкой, с таким сложным электрооборудованием, что в 1936 г. была заменена системой Б-33, но и эта последняя система на вооружение армии не введена» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 15. Л. 28).

** Так в тексте. Правильно: Виленский.

† Из зачитанных показаний Виленского: «...Д-4, по моей, Борисова и Осокина инициативе начали вноситься различные изменения к торпедо Д-4, которые сильно ухудшали её конструкцию и понижали боевое качество.

Таких изменений было внесено свыше 600. Весь 1935 г. и начало 1936 г. разработка чертежей Д-4 проходила, главным образом, по линии изменений конструкции торпеды, что не давало возможности запустить торпеду в серийное производство.

Только в начале 1 квартала 1936 г. завод изготовил кустарным способом 2 образца торпеды Д-4, причем в процессе испытания этих образцов были обнаружены серьезные дефекты.

Несмотря на отрицательный результат испытания торпед, я и Абрамов сообщили Главвоентпрому о том, что торпеды выдержали испытание полностью. После этого з-д «Двигатель» получил распоряжение Главвоентпрома о запуске торпеды Д-4 в серийное производство.

Начиная с конца 1934 г. я, хорошо зная о не обеспечении Феодосийской пристрелочной станции запасными частями для замены дефектных, вместо того, чтобы изготавливать запасные части на заводе, заставлял работников станции снимать запасные части с годных торпед и ставить их на отправляемые Управлению морских сил торпеды.

В результате на Феодосийской станции к концу [19]35 г. лежало дефектных торпед (без ряда основных деталей) около 400 штук на сумму в несколько миллионов рублей» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 15. Л. 29).

По снарядной промышленности. Помощник директора Батюшкин по з-ду № 65 дал следующие показания: «Афонин мне передал, что такая организация... (читает)* ... подрывная работа привела к тому, что брак снарядов достигал огромного количества».

Мы попросили представителей РККА сообщить нам и документально подтвердить, верны ли показания этих вредителей. И получили от Артиллерийского управления РККА по заводу № 65 следующее подтверждение: «За девять месяцев 1936 года заводом было выпущено огромное количество негодных и вследствие этого забракованных артиллерийских снарядов... (ч и т а е т)".

Таковы сведения, которые мы получили от Артиллерийского управления Рабоче-крестьянской Красной армии.

Таковы конкретные вредительские акты, которые мы имели по военной промышленности.

Однако, товарищи, наибольшее количество вредительских и диверсионных актов запасному троцкистскому центру и его группам удалось провести по химической промышленности. Это объяснялось, товарищи, очевидно тем, что с руководством химической промышленности долгое время было неблагополучно. Вы знаете, что в своё время Главхимпром возглавлял Томский³⁷. Затем возглавлял Пятаков³⁸, т. е. фактический руководитель Главхимпрома до последнего момента, до дней его ареста. Наконец, азотную часть этой промышленности возглавлял теперь уже разоблачённый немецкий шпион, диверсант Ратайчак³⁹, который являлся правой рукой Пятакова по работе в химической промышленности⁴⁰. Всей этой группе людей удалось насадить свои кадры в химической промышленности, которые безоговорочно выполняли любые, самые грязные поручения, направленные против советского государства, поручения Пятакова, Ратайчака и других.

Достаточно сказать, товарищи, что почти все начальники Главков и главные инженеры в химической промышленности, работающие вместе с Ратайчаком, частью им были вовлечены в шпионскую организацию, а частью и сами завязали связи, главным образом, с немцами. Так, например, начальник иностранного отдела некий Граше⁴¹, который работал вначале в чешской, а затем в немецкой разведке, работал ещё в дореволюционное время.

ЛЮБЧЕНКО. Стаж солидный.

ЕЖОВ. Да, стаж порядочный. Кстати сказать, он являлся членом партии с 1917 года, хотя в партию никогда не вступал (о ж и в л е н и е в з а л е).

БЕРИЯ. Ничего себе!

ЕЖОВ. Как оказалось, партийный билет он получил обманным путём. Словом, настоящий матёрый разведчик, который получал денежки от иностранных разведок, и чтобы было удобнее их копить, просил пересылать деньги своей семье, которая про-

* Из зачитанных показаний Батюшкина: «...имея своих людей в решающих цехах завода, добились такого положения, что выпускаемые из завода снаряды являются почти наполовину негодными и идут в брак. Не довольствуясь этим, участники к.-р. организации принимают меры к тому, чтобы значительные партии негодных снарядов сдавать обманным путём на вооружение РККА.

Это достигалось путем расстройств [станочного] парка, вывода из строя оборудования, нарушения технологического процесса, неправильной механической обработки корпусов снарядов, применения негодного контрольно-измерительного инструмента.

Подрывная работа привела к тому, что брак снарядов достигал огромного количества (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 15. Л. 30).

* Из зачитанного ответа военного ведомства: «...Так, из запущенных в производство 521 тыс. 45 м/м бронебойных снарядов было забраковано 262 400 штук, или 50,5%.

Брак по 120 м/м пушечным гранатам составляет за тот же период 65,3%» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 15. Л. 30).

должала жить в Праге. Инженер Голованов, директор Кемеровского химического комбината Норкин, который в своё время был заместителем Пятакова по Главхимпрому. Он теперь дал совершенно конкретные показания о принадлежности к организации и тех вредительских деяниях, вредительских и диверсионных, которые ему удалось провести за время работы на Кемеровском химкомбинате. Директор завода* Уланов⁴², под руководством которого был произведен взрыв и диверсионный акт на Горловском заводе и многие другие. Их можно было бы перечислить ещё большее количество.

Какие же диверсионные и вредительские акты удалось провести троцкистам, объединяемым этим запасным центром, в химической промышленности?

Ответ на это дают, прежде всего, показания Ратайчака. На вопрос: «Как вы вели диверсионную работу в химической промышленности и по чьему заданию» следует ответ: «В своих показаниях от 10 октября я уже говорил, что вредительскую работу в химической промышленности я проводил по заданиям Пятакова...»

Так как эти задания совпадали с заданиями немецкой разведки, то очень возможно, что Ратайчак просто прикрывается именем Пятакова, который, кстати сказать, в своей работе тоже был, несомненно, связан с немецкой шпионской организацией.

ГОЛОС С МЕСТА. Правильно.

ЕЖОВ. Потому что те показания, которые дал Пятаков только сегодня, они прямо говорят, что Пятаков в 1931 году по поручению троцкистского центра связался с рядом фирм, которые вели шпионскую работу в СССР, о чём он и дал свои показания**.

*** «...О диверсионной работе я не говорил, потому что об этом тяжело было рассказывать...» (это матёрому-то разведчику!). «И сейчас необходимо**** раскрыть всю гнусную работу, которая проводилась контрреволюционной организацией. ...В начале 1934 года, ... (читает)».

Что же конкретно Ратайчаку удалось сделать? По поручению Ратайчака начальник азотного отдела Главхимпрома Пушин, директор Горловского завода Тамм, инженер этого завода Ассиновский провели ряд диверсионных актов на Горловском заводе.

Пушин показал: «В апреле 1934 года...». Как видите, в этих показаниях ясно указывается на то, что вредительская диверсионная деятельность была начата троцкистами и, в частности, главой запасного центра Пятаковым значительно раньше 1935 года, как он пытается это доказать.

«В апреле 1934 года мною была проведена диверсия в щелочном***** отделении... (читает)».

* Так в тексте. Правильно: комбината (Горловского химического).

** Вероятно, что докладчик не зачитывал полученные от Пятакова новые показания, либо, что менее вероятно, они не были застенографированы.

*** Так в тексте. С «красной строки» начинаются показания С. А. Ратайчака.

**** После слова «рассказывать» докладчик отошёл от прямого изложения текста показаний. Правильно: но сейчас считаю абсолютно необходимым.

° Из зачитанных показаний С. А. Ратайчака: «после переделки мною, согласно указаниям Пятакова, плана строительства 1934 г. Пятаков дал мне поручение вести разрушительную работу на химических предприятиях для срыва выпуска продукции, особенно по минеральным удобрениям.

ВОПРОС: В какой форме вам были даны эти задания?

ОТВЕТ: Пятаков мне прямо сказал: задачей организации является не только срыв нового строительства, но и срыв работы действующих предприятий, т. е. вывод из строя отдельных агрегатов на предприятиях» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 248. Л. 134).

***** Так в тексте. Правильно: щелочно-выпарном.

° Из зачитанных показаний Г. Е. Пушина от 22 октября 1936 г.: «...цеха аммиачной селитры на Горловском з-де. Взрыв в этом цехе, повлекший значительные разрушения и человеческие жертвы, был подготовлен и совершён Таммом – техническим директором з-да по моему заданию. ...

Тамм целиком подтвердил все эти показания Пушина. Пушин тоже подтвердил, что он получил это задание, пытался выполнить его, привлекая к этому делу Ассиновского.

Однако на этом не прекратилась их диверсионная деятельность. Всего, по показаниям Ассиновского, диверсионных актов и вредительских актов было произведено значительно больше. Вот что он говорит. «1. Приблизительно в апреле 1934 г. выведено из строя... (ч и т а е т)^р 43.

«Второе. В октябре 1934 г. осуществлён взрыв двух... (ч и т а е т)^с.

«Третье – в конце ноября 1934 г... (ч и т а е т)^г. И так далее, и так далее⁴⁴.

Кроме этих диверсионных актов, как сейчас показывает и Ратайчак, произведённые большие пожары были организованы троцкистами.

На Невском заводе пожар тоже был организован троцкистами.

Ну, товарищи, вам известны те вредительские и диверсионные акты, которые были произведены в Кузбассе, я на них останавливаться не буду⁴⁵. Должен сказать, что вредительство в угле получило распространение не только в Кузбассе, но и Донбассе, Шахтантраците, Чистяковантраците и друг. Арестованный Шаев, которого, кстати сказать, тов. Саркисов хотел выдвинуть в качестве начальника всего угля... (Г о л о с: Кто?) Саркисов выдвигал этого Шаева на хозяйственную работу. Так вот, этот Шаев показывает следующее: «Основной план на вредительской работе сводился... (ч и т а е т)^г ...которая вызывала бы неизбежную аварийность».

Дальше он говорит, какие конкретные задания он давал руководителям треста, в частности, Антонцеву, и что он проделал. Дальше он показывает, что ему Антон-

Помимо человеческих жертв, которые были неизбежны при совершении такой диверсии, взрывом были причинены большие разрушения. Разрушены были: нейтрализационное отделение цеха, резервуар для щелоков аммиачной селитры, а также разрушено совершенно или испорчено другое оборудование, находившееся в этом отделении. Этот взрыв парализовал работу завода: прекратилось производство азотной кислоты и аммиачной селитры, и сократилась выработка аммиака, вследствие невозможности переработать его на 3-де по причине разрушения оборудования. Какая сумма была затрачена на восстановление цеха, я сейчас не помню. ...

В ноябре 1935 г. Таммом, по моему заданию, был подготовлен и совершён взрыв в отделении воздушных кабин водородно-синтетического цеха. ...

Полностью был разрушен один агрегат «Линде» и, примерно, наполовину был разрушен второй. Этой диверсией нам удалось остановить весь завод более чем на месяц, примерно на 30–35 дней, и причинить материальный ущерб на 1½–2 мил. рублей. При взрыве были человеческие жертвы. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 248. Л. 134).

^р Из зачитанных показаний Л. С. Ассиновского от 20 ноября 1936 г.: «...отделение нейтрализации цеха ам[миачной] селитры путём организации взрыва аммиакопровода. При взрыве были человеческие жертвы. В результате взрыва цех простоял семь дней. О том, что данный взрыв был произведён к.-р. организацией, мне говорил Тамм после привлечения меня в организацию» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 260. Л. 144).

^с Далее в том же документе: «...коксовых компрессоров. В результате завод был остановлен на 2 часа. Со слов Тамма этот диверсионный акт был проведён Халезовым через привлечённых им новых членов к.-р. организации. Фамилий этих лиц мне Тамм не назвал» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 260. Л. 144).

^г Далее в том же документе: «...к.-р. организацией произведён обвал надземного коксового газопровода. Со слов Тамма этот обвал был организован членом организации Халезовым. Других участников этого диверсионного акта Тамм мне не назвал» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 260. Л. 145).

^у Из зачитанных показаний С. Я. Шаева от 14 ноября 1936 г.: «...главным образом, к сокращению подготовительных работ, а этим самым к сокращению линии забоя, игнорированию правил ведения горных работ, установленных приказом Наркомтяжпрома № 840, в частности, игнорированию правил по технике безопасности, чем создавалась на шахтах обстановка, которая вызывала бы неизбежную аварийность» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 257. Л. 25).

цев докладывал о своей вредительской работе следующее: «Уже в первом квартале 1936 года... (читает)^ф ... значительно выросли аварии на шахте». И так далее.

«В результате проведённой Антонцевым заниженной себестоимости примерно для половины работников Чистяковантрацита не только не было никакого приработка, но... (читает)^х.

На Шахтантраците мы тоже имеем попытки и не только попытки, а и проведение ряда вредительских мероприятий, ряда диверсионных актов. Так, на шахте № 4 треста Шахтантрацит Богачёв – помощник заведующего этой шахтой, в своих показаниях говорит следующее: «На шахте № 4 совершены диверсионные акты: первый в июне и второй в октябре 1936 года»*. Вот что он говорит: «В первые дни 1936 года я заменял несколько дней...» (читает)^а. Вот первый диверсионный акт.

Второй акт: «В конце сентября или начале октября Быков поручил мне завалить шахту № 4». Он этот завал произвёл⁴⁶.

Аналогичные акты диверсии были произведены и в тресте Кизелуголь на Урале.

Одновременно с попытками организации диверсионно-вредительской работы в промышленных предприятиях троцкисты организовывали это дело и на железнодорожном транспорте. Мы имеем показания многих арестованных бывших троцкистов-зиновьевцев и просто шпионов на железнодорожном транспорте, которые дают развёрнутые показания с совершенно конкретными фактами вредительства и диверсии, которые удалось им провести на железных дорогах. Вот, например, что показывает бывший начальник железной дороги Южно-Уральской о тех директивах, которые он получил от троцкистов. Я думаю, что он директивы эти получил от японцев, потому что он был японским агентом⁴⁷. Вот что он показывает:

^ф Далее в том же документе: «...в результате выполнения намеченных вредительских актов по «Чистяковантрациту» был сорван план угледобычи – недодано около 200 тыс. тонн угля; был сорван план подготовительных работ, что привело к значительному уменьшению линий забоя, а значит и возможности разворота угледобычи в последующие месяцы 1935 года.

Значительно выросли аварии на шахтах. ...» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 257. Л. 26).

^х Далее в том же документе: «В результате проведённой Антонцевым заниженной себестоимости, примерно половина командного состава шахт «Чистяковантрацита» не только не имела никакого приработка, но была искусственно посажена на 80 процентов своего оклада» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 257. Л. 26).

^{*} В протоколе допроса П. Т. Богачёва от 14 ноября 1936 г. данная фраза показаний записана иначе: «Мною на шахте № 4 совершено два диверсионных акта: один из них в июне, а второй в октябре 1936 г.».

^а Из зачитанных показаний П. Т. Богачёва от 14 ноября 1936 г.: «...нач[альника] западного участка Солодовникова. Быков в присутствии Бутова предложил мне воспользоваться этим обстоятельством, а также положением работ на участке, и произвести затопление его. Надо сказать, что к этому моменту выработка штрека 211 подошла на 2 метра к затопленной старой шахте № 2. Вследствие этого происходило просачивание воды через оставшийся целик. Работавший на выработке штрека 211 забойщик Долгопятов, заметив просачивание воды через целик, пробил бурку и, убедившись в близости целика к затопленной шахте № 2, приостановил дальнейшую выработку угля и забил в бурку чоп, чтобы предотвратить затопление участка.

Это обстоятельство и было мною использовано при выполнении диверсионного задания Быкова. Я поручил участнику к.-р. организации Семиглазову забитый Долгопятовым чоп вынуть и расширить бурку шире, что он и сделал.

В результате расширения бурки вода сразу же разрушила весь целик и затопила полностью западный участок.

Пустив воду в шахту, Семиглазов вышел на гора через штрек горизонта 170. Находившийся же в коренном штреке и не предупреждённый десятник Егоров был застигнут водой врасплох и погиб» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 256. Л. 94–95).

«Первое. Срывать всеми* мерами** перевозки... (ч и т а е т)* ...массовые аварии*** поездов».

Таковы указания, которые он получил от троцкистской организации и которые, как он сообщает, пытался осуществлять и осуществлял на своей железной дороге.

Я мог бы привести здесь очень много показаний, говорящих о конкретных фактах вредительства и диверсионной деятельности троцкистов на железнодорожном транспорте, но они примерно аналогичны тем, о которых я говорил по линии промышленности только в соответствии с особенностями железнодорожного транспорта: портили паровозы, разбивали вагоны, устраивали аварии, крушения с человеческими жертвами. Поэтому я приводить их не буду⁴⁸. Скажу только одно, что в числе арестованных троцкистов, работающих на железных дорогах, мы имеем довольно большую группу работающих на относительно большой руководящей работе на железнодорожном транспорте: Лившиц, Князев, Буянский, Шермергорн. Все эти были в своё время начальниками железных дорог и, пользуясь большим доверием, конечно, они могли прикрывать свою контрреволюционную работу всячески.

Вот каковы, товарищи, факты, которыми можно было ограничиться для того, чтобы дать общую картину вредительской диверсионной деятельности т. н. «запасного центра» и главным образом Пятакова, а также связанных с ним к. р. групп.

Однако эта деятельность троцкистов опять-таки не исчерпана. Одновременно с вредительством и диверсией они занимались шпионской работой.

Как троцкисты пришли к необходимости поступить на службу иностранных разведок? Как рассказывает Пятаков, это происходило примерно следующим образом. Тут он опять-таки возвращается к своей командировке заграничной в 1931 году. Он говорит следующее: в 1931 г. во время моей беседы с Седовым он интересовался характером моих служебных дел... (ч и т а е т)⁴⁹.

Во всяком случае Шестов и Логинов по поручению Пятакова непосредственно связаны не только с этой немецкой фирмой, но и с рядом других фирм. Вредители, диверсанты, шпионы связаны по поручению Пятакова со многими немецкими фирмами, и он об этом, несомненно, знал. Он знал, что с этими фирмами поддерживается связь не из-за прекрасных глаз. Видите ли, если даже цинично и грубо поставить вопрос, что Пятаков просто перешёл на службу в качестве шпиона и получал за это деньги, то я

* В протоколе допроса: любыми.

** Далее вписано: и средствами.

*** Далее вписано: и крушения.

⁴⁸ Из зачитанных показаний И. А. Князева от 27 ноября 1936 г.: «...важнейших грузов промышленности, особенно руды, угля, металла и воинских грузов.

Второе. Добиваться максимального вывода из строя паровозов и дезорганизовать работу паровозного парка.

Третье. Привести путевое хозяйство дороги в состояние, угрожающее безопасности движения, дезорганизовать работу важнейших служб дороги с таким расчётом, чтобы вызывать массовые аварии и крушения поездов» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 261. Л. 63).

⁴⁹ Из зачитанных показаний Ю. Л. Пятакова от 14 ноября 1936 г.: «...в Берлине. Я рассказал ему, что приехал размещать заказы по промышленности на германских заводах.

Тогда Седов обратился ко мне с просьбой от имени Троцкого, которая заключалась в следующем: троцкистскому центру за границей для своей работы необходимы средства. Одним из источников этих средств являются некоторые германские фирмы, с которыми Троцкий имеет связи. Седов просил меня передать часть заказов этим фирмам. "Вам придётся, говорил он, переплатить в ценах, но деньги эти пойдут на нашу работу".

Я с этим согласился и так сделал. ...Насколько я помню, речь шла о германских фирмах "Демаг" и "Борзиг"» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 261. Л. 96-97).

должен сказать, что, конечно, белогвардейская разведка воспользовалась этим, тем более, что приходят такие видные люди – члены правительства, заказывающие крупные заказы, договариваются с фирмой, чтобы им давали побольше, что всё будет оплачено, то, конечно, белогвардейская разведка всё это использует. Ни одна заграничная фирма не отказалась бы от этого.

СТАЛИН. Шестов ведь давал информацию немецким агентам и получал от них деньги[?].

ЕЖОВ. Да.

СТАЛИН. А этот Ратайчак, он ведь немецкий агент, он ведь получал деньги за информацию от немецкой разведки, он был шпионом[?]

БЕРИЯ. Настоящий шпион.

ЕЖОВ. Так что я, товарищи, думаю, что Пятаков, несомненно, был и сам знал об этом, был осведомлён и сам давал такие сведения. Он давал сведения о наших вооружениях и о работе нашей химической промышленности.

БЕРИЯ. И всякие прочие.

ЕЖОВ. Он давал им информацию, которую считал нужным им давать.

КАГАНОВИЧ. «Раз они^ш стоят^з за поражение», «то ясно, что они шпионы»^а.

ЕЖОВ. Что касается его сторонников, то все они давали шпионские сведения. Например, нач[альник] азотного отдела Главхимпрома Пушин связался с Ленцем. Он показал, что был связан по поручению Пятакова и Ратайчака с Ленцем, который приехал к нам в качестве специалиста, которого прислали как агента германской разведки, который получил ряд сведений об азотной промышленности. Он получил ряд сведений о работе химической промышленности. Все эти материалы ему были переданы по поручению Пятакова. Кроме того известно, что Ратайчак передавал ряд сведений Ленцу, которые он от него требовал⁴⁹.

Я уже говорил вам о шпионе Граше, который работал нач. иностранного отдела, который числился членом партии с 1917 г. тогда, когда он работал в немецкой разведке во время империалистической войны. После империалистической войны он остался здесь по поручению разведки, а затем обманным путём украл партийный билет и числился членом партии с 1917 года. Он регулярно выполнял все поручения немецкой разведки, особенно за последние 5–6 лет. Получал от разведки регулярно деньги, которые пересылались в Прагу его семье, которая там находится⁵⁰.

Затем дальше, член партии^а, который работал в Париже⁵¹. Следующий, беспартийный⁵², который поддерживал прямую связь и выполнял поручения Пятакова и Аркуса. Он показал, что передавал шпионские сведения с прямого ведения Пятакова и Аркуса. Немецкая разведка получала необходимые ей данные через Новаша^{**}, который давал шпионские сведения из СССР, сведения о нефтяной промышленности СССР, об экспорте, об импортных планах и переговорах с Испанией, о кредитах, о соглашениях и ряде других.

^{ш-ш} Зачёркнуто синим карандашом, далее исправлено: С из с.

^з Исправлено синим карандашом: ли из т.

^а Снята запятая, вписано синим карандашом: и.

^{а-а} Зачёркнуто синим карандашом, далее вписано: были шпионами.

* Так в тексте стенограммы.

** Так в тексте. Очевидная ошибка. Ф. А. Новаш, работая в сфере образования, не имел отношения ни к нефтяной промышленности, ни к внешней торговле. Если не иметь в виду фальсифицированный характер всего доклада, можно было бы признать частную ошибку в написании фамилий: Новаш и Навашин.

Я уже говорил вам, что член партии, нач[альник] Южно-Уральской ж.д. Князев, член партии, зам. нач[альника] дороги им. Кагановича Турок состояли на службе в качестве шпионов в японской разведке и работали шпионами, диверсантами, получали деньги от японской разведки.

СТАЛИН. Связь с троцкистами имели?

ЕЖОВ. Да, прямую связь имели. С Лившицем имел связь Князев, а Турок имел связь с Дробнисом.

МИРЗОЯН. С 1931 года они работали?

КАГАНОВИЧ. Я думаю, что^{а1} с 1929 года.

ЕЖОВ. По их показаниям, они начали позже работать, но по нашим материалам, они были завербованы японской разведкой ещё будучи в Японии в составе делегации⁵³. Такие, во всяком случае, у нас имеются предположения. А наиболее активно они начали действовать тогда, когда японцы послали в качестве связиста к ним одного из японских инженеров, который потребовал от них передачи японцам шпионских сведений, а также производства ряда диверсионных актов⁶⁴. В частности, он предложил Туроку и Князеву разработать план диверсионных акций на случай войны Японии с СССР с тем, чтобы по пути они могли бы устраивать крушения воинских поездов, следующих на Восток, отравлять питьевую воду и заражать всякими болезнями и бактериями красноармейцев, следующих туда маршрутами. Таковы были задания японского агента, которые получили Князев и Турок и за исполнение которых они взялись.

Вот, товарищи, можно было бы, пожалуй, ограничиться и этими фактами. Они достаточно характеризуют то, куда скатились, с позволения сказать, такие коммунисты, как Пятаков, Сокольников, Радек, все эти Дробнисы, Богуславские и т. д. Они целиком перешли на службу фашистской буржуазии и исполняли самые грязные, самые позорные дела по шпионажу, по диверсиям и вредительствам, дела, на которых иностранная разведка использует самых продажных людей за денежки. И эти люди действовали на пользу фашизма и за денежки, и из особой вражды к социалистическому строю в СССР и неплохо выполняли поручения иностранных разведок. Во всяком случае, им легче, чем кому бы то ни было, было проводить диверсионные акты и собирать шпионские сведения. Выполнять диверсионные акты или собирать шпионские сведения прибывшему из заграницы немцу несравненно труднее, тогда как эти люди прикрывались партийными билетами и своим служебным положением для исполнения заданий иностранных разведок, для обслуживания фашистской буржуазии.

Я хочу, товарищи, остановиться ещё на некоторых фактах, которые характеризуют, что в своей подрывной контрреволюционной работе против советского строя троцкисты целиком пользовались методами фашизма, в самых его отвратительных и безобразных формах. Для того, чтобы вызвать недовольство советской властью среди рабочих, они сознательно шли на ряд таких акций, которые вредили непосредственно рабочим. Вот, например, наиболее яркие показания из этой области, которые даёт арестованный начальник Кемеровского химического комбината Норкин, который был когда-то заместителем начальника Главхимпрома у Пятакова и числился членом партии с 1918* года.

Вот что он передаёт об отношении Пятакова к рабочим во время дачи им диверсионных заданий: «В последнюю встречу в июле 1936 года Пятаков говорил... (ч и т а е т)⁶¹ «нашёл кого жалеть. Это стадо баранов...»

^{а1} Вписано автором реплики синим карандашом: ещё.

* Так в тексте. Правильно: ноября 1917 года.

⁶¹ В более точной, протокольной записи цитируемого докладчиком фрагмента показаний Б. О. Норкина от 27 ноября 1936 г. текст звучит несколько иначе: «В последнюю мою встречу с Пята-

БЕРИЯ. Вот сволочы! (Шум возмущения в зале).

ГОЛОС С МЕСТА. Звери!

ЕЖОВ. Вот до чего доходит озлобление этого фашистского агента, этого выроodka из коммунистов, чёрт его знает! Душить бы сволочей! Так спокойно нельзя смотреть на них.

Вот отношение их к рабочим! Вот с каким цинизмом они говорят о рабочем классе. Я нарочно его спросил – верно ли это?

МОЛОТОВ. Кого его?

ЕЖОВ. Пятакова. Я спросил его – неужели такое отношение у него было к рабочим? Смеется⁵⁵ – да, очевидно, что-нибудь в этом роде говорил для того, чтобы подбодрить, а может быть и не говорил, может быть, не точно передал.

ГОЛОС. Вот гадина! (Шум возмущения в зале).

ЕЖОВ. Если уж таковы директивы главы контрреволюционной организации своим членам, директивы, гласящие – «рабочих не жалеть, рабочие – это скотина» – ясно, что на местах члены этого троцкистского контрреволюционного центра всячески старались продолжать эту линию.

Вы уже знаете, товарищи, о тех совершенно чудовищных издевательствах, стоивших жизни очень многим рабочим, которые были раскрыты в последнем процессе в Кемерово⁵⁶. Цинизм этих людей доходил до того, что читать показания Дробниса о его директивах Шестову и другим, просто тяжело. Вы просто не представляете всей глубины падения всей этой мрази, в которой не только ничего коммунистического, но и человеческого ничего не осталось.

Наряду с такими прямыми методами фашистской провокации, связанными с ухудшением положения рабочего класса, для того, чтобы вызвать этой провокацией озлобление рабочих, они и просто, более «мирными» путями пытались натравить рабочих и против советской страны, и против порядков советской страны.

Вот, например, на транспорте бывший начальник этого самого Белгородского районного отделения Седзиевский* показывает, каким образом он прикрывал свою вредительскую, диверсионную и иную деятельность, организуя свои отношения с рабочими: «Прежде всего, в целях конспирации подрывной работы...» (читает)[†] «...зато всячески поощрял лодырей, аварийщиков... они материально лучше обеспечивались».

ковым в июле 1936 года, Пятаков дал мне задание подумать об организации поджога оборонных объектов химкомбината, когда это потребуется. Я ему сказал, что могут погибнуть рабочие, т. к. это дело связано со взрывчатыми и отравляющими веществами, и он мне ответил: «Нашёл кого жалеть. Это стадо баранов. У нас рабочий класс в Москве и Ленинграде выродился, а в Кемерово его, тем более, нет. А потом, ведь, ругать то будут не нас с тобой, а Сталина». Вообще, конечно, если говорить правду, то Пятаков всегда смотрел с пренебрежением на рабочий класс. Сам он в последнее время совершенно разложился, пьянствовал, вёл разгульный образ жизни. Поэтому такой цинизм с его стороны в отношении рабочего класса не был для меня неожиданным» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 15. Л. 55–56).

* Так в тексте. Правильно: Дзедзиевский.

[†] Из зачитанных показаний А. В. Дзедзиевского от 15 ноября 1936 г.: «...я решил создать в узле условия, которые являлись бы своего рода “дымовой завесой”. Такой “дымовой завесой” являлся развал труддисциплины. Что бы ни случилось в результате нашей подрывной работы – крушение поезда, приём поезда на занятый путь, порча паровозов в пути, недоброкачественный их ремонт и т. д. – всё это можно было отнести за счёт развала трудовой дисциплины. Ввиду этого я не только не боролся за укрепление дисциплины, а всячески поощрял всё то, что разваливало её. Я поощрял взяточничество, очковитительство, пьянство, невыходы на работу и т. д., даже самые злостные нарушители трудовой дисциплины в большинстве случаев оставались безнаказанными.

Развал трудовой дисциплины достиг таких размеров, что крупнейшие крушения поездов с человеческими жертвами были не диковиной, из-за неправильного перевода стрелок пускали пассажирские поезда на товарные, товарные в хвост трудовым и т. д.

Таким образом, в качестве прикрытия своей подрывной контрреволюционной работы, в попытках вызвать недовольство рабочих, люди вводили в систему развал трудовой дисциплины, с тем, чтобы через развал трудовой дисциплины портить работу на транспорте.

Вот, товарищи, таковы конкретные факты из террористической, вредительской, диверсионной и шпионской деятельности троцкистско-зиновьевских бандитов. Ясно, что они выполняли это дело не только непосредственно сами. Хотя подавляющее большинство диверсионных актов и шпионажа были проведены непосредственно по получении директив от Троцкого, Пятакова и других, они всячески пытаются заблокироваться с отдельными контрреволюционными формированиями, каковы бы эти люди ни были, хотя бы и махровые белогвардейцы, м. б. для того, чтобы вместе с ними подорвать мощь Советского Союза.

Мы имеем, например, прямую связь троцкистов с белогвардейской фашистской организацией, включающей в себя ряд научных работников и специалистов, работающих в области биологии, организация, которая целиком снабжена была во время одного из съездов биологов в СССР⁵⁷ немецкой разведкой и пользовалась поддержкой немецких кругов. Мы имеем прямую связь троцкистов с этой организацией, её участники выполняют грязные и подлые функции, как троцкистов, так и националистов. Мы имеем связь с белогвардейскими организациями, мы имеем связь троцкистов с вредителями старыми, в своё время осуждёнными, которые опять-таки активизировались для вредительской диверсионной работы с троцкистами, которые специально их искали с тем, чтобы использовать их для вредительства и двинуть это дело.

Иными словами, из всех этих фактов, по-моему, выводы напрашиваются: первое, что между бывшими коммунистами Пятаковым, Серебряковым, Сокольниковым, Радеком, Дробнисом и другими, и между буржуазными вредителями из «Промпартии» можно поставить знак равенства, с той лишь разницей, что те по-своему честно пытались служить своему классу – буржуазии, эти чудовищно предали интересы рабочего класса, интересы нашей социалистической родины и целиком перешли на службу фашиствующей буржуазии Европы.

Я думаю, что бывших коммунистов Пятакова, Серебрякова, Сокольникова и всех прочих мы можем с полным правом приравнять к переброшенным из-за границы шпионам, диверсантам, разведчикам любой иностранной державы, с той лишь разницей опять-таки, что если те это делают только за деньги, то эти делают и за деньги, и исходя из своих политических враждебных позиций, направленных против социализма и к восстановлению капитализма в СССР. Наконец, они восприняли целиком, в связи с этим, все фашистские методы работы.

ГОЛОС. Как насчет Бухарина?

ЕЖОВ. Сейчас насчёт Бухарина и Рыкова скажу (движение в зале).

Я хотел, товарищи, в нескольких словах закончить только о политических мотивах и о платформе, которую выдвигали троцкистско-зиновьевские бандиты. Я просто для того, чтобы дать характеристику того, насколько подло они обманули нас в том, что у

В противовес лозунгу партии «Кадры решают всё» мы организовали травлю ударников, при премировании ударников обходили и вызывали среди них недовольство. Помню, особенному гонению подвергали добросовестно работавшего помощника начальника эксплуатационного отделения Пуголовкина. Грубо отказывали в выдаче рабочим спецодежды, развалили через участника нашей группы Власова общественное питание, – и всё это делалось с целью вызывать недовольство рабочих на советскую власть. Зато всячески поощряли лодырей, аварийщиков и симулянтов. Им выдавались лучшие паровозы для разрушения, они материально лучше обеспечивались» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 258. Л. 124).

них отсутствует какая бы то ни было программа. А, к сожалению, некоторые из нас и поддались их лжи в том смысле, что поверили им, что они действительно какие-то беспринципные. Я хочу вам прочитать наиболее полное показание Сокольников, которое он дал в последнее время:

«Программа блока, – он говорит, – не была точно сформулирована в каком-либо документе. В основу программы блока была положена установка* правых, к которой присоединились троцкисты и зиновьевцы...» (читает)^{†1}.

Далее он говорит о том, что рютинская программа была по существу приемлемой программой для всех группировок, и вокруг рютинской программы они группировались. Он говорит, что рютинская программа была выпущена как пробный шар, что объединяет и правых, и левых вокруг неё, что Рютин с его группировкой был отдан в жертву, чтобы посмотреть, как будут реагировать на эту группу...

ГОЛОС С МЕСТА. По существу бухаринскую.

ЕЖОВ. Он так и говорит. Дальше он говорит по конкретным вопросам. Он говорил с Каменевым в 1932 году. Каменев высказал то мнение, что позиции, занимавшиеся им – Каменевым – против Ленина на Апрельской конференции 1917 года⁵⁸, полностью оправдались в ходе революции (шум, голоса: Вот сволочь! Вот это да!)... (читает^{†1}, кончая словами: «...показывает**», что такая поддержка не осуществилась и что на неё нельзя рассчитывать в ближайшем будущем. ...»).

Дальше он говорит, что он говорил...

СТАЛИН. Кто он?

ЕЖОВ. Это Сокольников говорит. (Читает^{†1}, кончая словами: «... привлечением свободных иностранных капиталов в форме хотя бы концессий. ...»).

* Так в тексте. Видимо, из-за ошибки в стенографической записи в основу программы блока оказалась «положенной» только одна установка, тогда как в показаниях Сокольников говорилась: «...были положены установки правых, к которым...» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 259. Л. 18).

^{†1} Из зачитанных показаний Г. Я. Сокольникова от 2 декабря 1936 г.: «...записать эту программу, в обязательном для блока документе, центр не считал нужным, во-первых, по соображениям конспирации и, во-вторых, для того, чтобы иметь больше свободы маневрирования и сформулировать программу в окончательном виде после прихода блока к власти. ...»

Специальных совещаний, посвящённых программным вопросам, насколько я знаю, не было. В этом не возникала необходимость, так как между членами центра по всем существенным вопросам, связанным с программой, обнаруживалось полное единодушие. Центр сосредотачивал своё внимание и усилие не на программных вопросах, а на практических вопросах борьбы за власть» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 259. Л. 18).

^{†1} Далее в том же документе: «...изолированная революция в России, говорил Каменев, может успешно развиваться только как последовательная буржуазно-демократическая революция, а попытки превращения её в социалистическую, в конечном счёте, приведут только к поражению.

Основной вывод был тот, что необходимо, путём ряда экономических и политических уступок, отступить на позиции капитализма. Этот вывод он обосновывал тем, что превращение России в подлинно социалистическую страну возможно только при условии государственной поддержки других стран с более высоким уровнем индустриального развития, в которых пролетариату удалось бы захватить власть. Ход событий, по мнению Каменева, показал, что такая поддержка не осуществилась и что на неё нельзя рассчитывать в близком будущем» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 259. Л. 19–20).

** Так в тексте. Правильно: показал.

^{†1} Далее в том же документе: «...с Пятаковым при разговоре в конце 1935 г. в его кабинете в Наркомтяжпроме мы давали оценку политике индустриализации. Я спрашивал Пятакова: можно ли считать, что крупная промышленность ликвидирует свою убыточность и обеспечит себе прочное существование? Пятаков отвечал, что крупная промышленность не сумела стать рентабельной и, как правило, поддерживается искусственными государственными субсидиями. Он указывал, что политика индустриализации приводит к чрезмерному напряжению сил страны, которое экономически и политически не может долго продолжаться. ...»

Это, таким образом, по индустриализации. С Томским он разговаривал по вопросам коллективизации. «По вопросам коллективизации осенью 1935 г. говорил с Томским у него в кабинете в Госиздате*. Томский высказывался... (ч и т а е т)*¹...».

¹ - КОСИОР. Это назад значит?²¹

ЕЖОВ. «Дальше при встрече говорил с Радеком. Радек говорит, что исход мирового кризиса подтвердил положение о том, ...» (ч и т а е т)*¹.

Кстати, товарищи, скажу, что и Радек, и Пятаков подтвердили целиком это показание Сокольников о том, что действительно такие разговоры были и далее подтвердили о том, что такие разговоры были с Томским. Он это знал из доклада Сокольников, который разговаривал вместе с Томским непосредственно.

В соответствии с такой установкой, кажется, насколько я знаю, членам ЦК известны и разосланы материалы о переговорах Сокольников.

СТАЛИН. Надо сказать, они отрицали, что у них будто бы нет платформы. Платформа была, но неловко было это показать, скрывали. А она была. В чём она состояла? Восстановить частную инициативу в промышленности и открыть ворота иностранному капиталу, особенно английскому.

БЕРИЯ. Вот негодяи.

¹ - ЛЮБЧЕНКО. Вот сволочи*¹.

СТАЛИН. Восстановить капитал, восстановить частную инициативу в сельском хозяйстве, сократить колхозы, кулака восстановить, выжить из пределов СССР Коминтерн. Вот программа. Мы, говорят, побоялись этого сказать.

Пятаков и я сходились на том, что надо идти на решительное сокращение капиталовложений в промышленность и всяких субсидий промышленности, сокращая нерентабельное новое строительство. Пятаков считал, что это сокращение государственного промышленного строительства может быть вполне компенсировано привлечением свободных иностранных капиталов в форме концессий» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 259. Л. 20–21).

* Так в тексте. Правильно: ОГИЗе.

¹ *Далее в том же документе:* «...за отказ от политики коллективизации и за прекращение государственной поддержки совхозов и колхозов. Томский предусматривал, что это приведёт к свёртыванию совхозов и колхозов, но он считал, что это не будет иметь для народного хозяйства отрицательных результатов, так как, таким образом, будут ликвидированы паразитические, нежизнеспособные виды хозяйства, которые не содействуют, а только мешают хозяйственному развитию» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 259. Л. 21).

²¹ *Реплика снята автором зачёркиванием; простой карандаш.*

¹ *Далее в том же документе:* «...что СССР не может рассчитывать в близком будущем на поддержку победившей социалистической революции на Западе. По мнению Радека, предстоит длительный период нового капиталистического подъёма и общего упадка коммунистического движения. ...

Из бесед с Радеком и Пятаковым я установил, что высказывавшиеся ими взгляды представляли собой выражение установок Троцкого. Радек мне сообщил, что в одной из последних директив Троцкий, говоря об окончании мирового кризиса и о предстоящем новом расцвете капитализма, приходит к выводу, что упадок мирового коммунистического движения делает ещё более неизбежной капиталистическую реставрацию в СССР. В ожидании следующей волны революции, указывал Троцкий, надо будет договориться с капиталистическим фермерством, которое неизбежно появится в СССР. ...

Блок предполагал, что осуществление его программы надо будет производить не сразу, а постепенно, чтобы не вызвать сильного противодействия со стороны трудящихся масс. Проводя намеченные программой экономические и политические уступки, блок рассчитывал сохранить власть в своих руках и при капиталистической реставрации в СССР, опираясь на поддержку буржуазных слоев, в интересах которых сделаны эти уступки. Окончательную экономическую стабилизацию в СССР блок считал возможной только на основе реставрации капитализма. Центр блока считал необходимым договориться об экономической поддержке в дальнейшем со стороны западноевропейских буржуазных стран. Такие переговоры велись с Англией и Францией, о чём я уже показывал в предыдущих своих показаниях» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 259. Л. 21–23).

¹ - *Реплика снята автором зачёркиванием; фиолетовые чернила.*

ГОЛОСА. Насчёт долгов.

СТАЛИН. Насчёт долгов намёк делали на то, что, может быть, старые долги мы вам уплатим, если вы заём дадите. Оттуда отвечают, что заём могли бы дать, если долги будете выплачивать.

ГОЛОС. Насчёт концессий.

СТАЛИН. По концессиям – открыть ворота английскому капиталу и вообще иностранному капиталу. Они имели связь с Англией, Францией, с Америкой. Вот платформа.

Они просят англичан. Вы, говорят, не заставляйте нас выдвигать платформу, нам неловко будет. Народ возмутится. Поэтому после прихода к власти мы помаленьку будем её развёртывать, но вы не требуйте от нас, чтобы мы всё сразу ставили, ничего тогда не выйдет, народ не согласится.

¹¹⁻¹¹ КОСИОР. В правительство кого намечали?¹¹

ЕЖОВ. В соответствии с этой программной установкой они пытались вести переговоры с американским правительством и конкретно через ряд людей передавали. Такие переговоры Сокольников вёл вначале по поручению объединённого центра троцкистско-зиновьевского блока, а затем с ведома и по поручению запасного центра Зиновьева* и Пятакова. Должен сказать, что Пятаков не отрицает того, что переговоры с английским правительством центр ведёт с Тальбахом** через Сокольникова.

Вот что Сокольников сообщил: «Во время встречи с Тальботом⁵⁹ ... (официальная должность его журналист, а на деле этот Тальбот известный английский разведчик, который работает на*** Россию давным-давно)... в 1934 г. он просил сообщить, какой состав правительства намечается... (ч и т а е т)⁶¹ ...полный отказ от помощи Коминтерна»⁶⁰.

¹¹⁻¹¹ Реплика снята автором зачёркиванием; простой карандаш.

** Так в тексте. Правильно: Тальбот; далее по тексту исправлено составителем.

*** Так в тексте. Правильно, очевидно: против России.

⁶¹ Из зачитанных показаний Г. Я. Сокольникова от 20 октября 1936 г.: «...блоком. Я ответил ему, что блок не наметил ещё полный состав правительства, считая это преждевременным.

Однако относительно основной группы лиц, которая войдёт в правительство, имеется вполне единое мнение.

В эту основную группу включаются: Рыков, Каменев, Зиновьев, Бухарин, Пятаков и я – Сокольников. Тальбот спросил, какое распределение намечается между членами правительственной группы. Я ответил ему, что окончательного и твёрдого распределения функций в данный момент, естественно, не может быть, но для всех бесспорно, что Рыков будет выдвинут на пост председателя Совнаркома, Каменев – председателем Совета труда и обороны и, возможно, одновременно и народным комиссаром иностранных дел, Пятаков – народным комиссаром тяжелой промышленности, я – Сокольников – народным комиссаром финансов.

На вопрос Тальбота о том, кто намечается в качестве главы партийного руководства, я ответил ему, что по общему соглашению всех групп, входящих в блок, во главе партийного руководства будет находиться Троцкий. Я предупредил при этом Тальбота, что возможно, что сейчас же после переворота Троцкий не будет поставлен во главе партийного руководства, так как он политически скомпрометирован в глазах широких масс. Однако, как только положение блока укрепится, Троцкий станет во главе партийного руководства. ...

Тальбот поставил передо мной вопрос о том, как отразится на англо-советских отношениях переход власти в СССР к правительству блока. Я ответил, что внешняя политика правительства блока, несомненно, позволит устранить имеющиеся теперь между английским и советским правительствами трения путём серьёзных уступок, идущих навстречу требованиям английских консервативных кругов, в области экономических и политических взаимоотношений. ...

Я заявил, что английской промышленности будут даны большие заказы, вместе с тем правительство блока пойдёт на широкое предоставление концессий в СССР английскому капиталу. Я обратил внимание Тальбота, что положительное отношение Троцкого, Каменева и Рыкова к широкому развитию концессий в СССР – уже давно хорошо известно. Тальбот затем спросил у меня, могу ли я сооб-

Димитрова⁶¹ откуда мало-мало хотели выселить.

Далее они вели конкретные переговоры; по показаниям Рейнгольда⁶² и других, Каменев непосредственно вёл переговоры с Альфаном.

СТАЛИН. Кто этот Альфан, надо сказать.

ЕЖОВ. Это французский посол у нас, его убрали накануне процесса.

МОЛОТОВ. Перед процессом.

ЕЖОВ. По поручению Пятакова, переданному через Аркуса, они пытались вести переговоры с английскими правительственными кругами, для чего завязали связь...

МОЛОТОВ. С французскими.

ЕЖОВ. С крупными французскими промышленными деятелями.

СТАЛИН. Вы сказали: с английскими.

ЕЖОВ. Извиняюсь, с французскими. «Аркус вначале предполагал, что мне* следует завязать... (читает)⁶¹».

ЛЮБЧЕНКО. Тардье⁶³ более подходящ.

ЕЖОВ. «Я высказал мысль... (читает)⁶¹» ...

СТАЛИН. Кто это говорит?

ЕЖОВ. Это говорит Членов (продолжает читать) «...интересоваться состоянием обороноспособности СССР».

После этой связи с Навашиним тот же Членов передал ряд шпионских сведений для немецкой и французской разведок об импортно-экспортном плане, о нефтяной промышленности и т. д.

щить ему что-либо о перспективах признания дореволюционных долгов. Я ответил, что в этом вопросе правительство блока также будет готово пойти на значительные уступки и сделать приемлемые для английского правительства предложения.

Я указал также, что по вопросу о Коминтерне правительство блока готово будет дать все необходимые гарантии полного отказа от помощи Коминтерну» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 246. Л. 153–155).

* Пересказ Ежовым текста показаний ведётся от лица арестованного С. Б. Членова.

⁶¹ Из зачитанных показаний С. Б. Членова от 22 ноября 1936 г.: «...соответствующие переговоры с представителями левых парламентских кругов, вроде де Монзи или Пьера Кота, которые в то время были членами французского правительства. Я ответил, что в настоящий момент считаю это нецелесообразным, де Монзи, Пьер Кот и другие левые парламентские деятели переживают период развития и укрепления дружбы с правительством СССР, и вряд ли переговоры с ними в данное время могут привести к положительным результатам. ...

⁶¹ Далее продолжение показаний С. Б. Членова от 22 ноября 1936 г.: «...что следовало бы попытаться завязать отношения с влиятельными промышленными кругами, вроде Комитета металлургической промышленности, имеющего во Франции не только экономическое, но и значительное политическое влияние. Для этого подходящим человеком мог бы быть некто Макс Гошилер, состоящий в указанном Комитете консультантом, главным образом, по русским делам, и редактором русского отдела информационного бюллетеня, издававшегося Комитетом металлургической промышленности...

После длительного обсуждения, через кого можно установить связь с Гошилером, мы остановились на бывшем директоре нашего советского банка в Париже Навашине.

С 1931 г. Навашин бросил работу в Парижском торгпредстве и стал невозвращенцем. С этого времени Навашин занимается в Париже частными консультациями и литературной работой по финансово-экономическим вопросам, в частности, по вопросам советской экономики. ...

Дня через два-три Навашин позвонил ко мне по телефону, и мы встретились с ним в кафе на Елисейских полях. Навашин сказал, что Гошилер охотно соглашается на установление контакта с ним, Навашиним, и пытается осторожно и постепенно создать соответствующие настроения у наиболее авторитетных заправил металлургического комитета, в частности, у председателя де Ванделя и у его заместителя Теодора Лорана. Однако, сообщил Навашин, Гошилер требует в виде компенсации, чтобы его снабжали информацией об экономическом и политическом положении в СССР. Развивая эту мысль, Навашин дал мне понять, что, в частности, Гошилер интересуется вопросом о состоянии обороноспособности СССР» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 258. Л. 71–76).

Товарищи, вряд ли нуждается в оценке вся эта платформа прямой капиталистической реставрации в СССР.

Я должен сказать, что и Троцкий, прижатый процессом и целым рядом других фактов, теперь уже говорит об этом прямо. В последнем своём бюллетене⁶⁴ и в решениях конференции⁶⁵, которая собралась, он прямо пишет: «Своей политикой, своими методами бюрократия (это он имеет в виду нас) окончательно отвела* у советского правительства возможность... (ч и т а е т)⁶⁶. Как видите, он прямо поставил вопрос о необходимости политической революции в СССР. А что значит политическая революция в стране социализма? Это удар, направленный против правительства рабочих и крестьян. Это, значит, допустимы любые формы борьбы, в том числе и формы террора, допустима связь с иностранцами, потому что они нас могут свергнуть только при помощи иностранцев, допустимы все способы борьбы. А цели этой борьбы совершенно очевидны.

Я несколько затянул свою информацию. Разрешите мне теперь перейти к правам.

Товарищи, вам известно, что ещё на следствии Зиновьев дал показания о том, что правые, то есть, по крайней мере, насколько он был осведомлён, это Рыков, Томский, Бухарин и Угланов, целиком разделяли установки троцкистско-зиновьевского блока и были осведомлены об этом. Я напому показания Зиновьева по этому поводу: «О создании объединенного троцкистско-зиновьевского центра и его террористических установках я говорил Томскому, а он обещал информировать “своих” (ч и т а е т)»⁶⁷.

РУДЗУТАК⁶⁷. А может быть это следующий запасной центр?

ЕЖОВ. Нет, это действующий центр, тов. Рудзутак.

Показания Зиновьева были подтверждены показаниями и других арестованных и, в частности, Сокольниковым. Сокольников уже более конкретно говорил о том, что им велись переговоры о прямом организационном блоке с правыми. Он в своих показаниях говорил следующее: «Вскоре после этой встречи в 1934 году в Госиздате с Томским, я встретился с Пятаковым... (ч и т а е т)⁶⁸ ...на что я так же дал согласие».

После этого дали свои показания Пятаков, Серебряков и сейчас Радек. Показание Сокольникова о том, что Томский намечался в состав запасного центра, целиком подтверждается.

В связи с тем, что фамилии правых были названы ещё на процессе, по поручению ЦК я и тов. Каганович устроили и Рыкову и Бухарину очные ставки кое с кем из подсудимых⁶⁸. Правда, тогда ещё показания были не столь конкретные, но, во всяком случае, они позволяли судить о том, что, безусловно, правые были осведомлены о всех террористических и иных планах троцкистско-зиновьевского блока.

БЕРИЯ. А как же их в правительство намечали иначе!

* Так в тексте. Видимо, правильно: отняла.

⁶⁴ Н. И. Ежов зачитывает уже приводившиеся выше показания Г. Е. Зиновьева от 18 августа 1936 г. (см. примеч. 14) теперь уже в части, относящейся к правам. Далее в озвученном фрагменте говорилось: «...формальное вхождение правых в объединённый центр и они, и мы считали преждевременным. Мы считали, что пока Томский, Рыков, Бухарин состоят в ЦК, – лучше, чтобы они поддерживали нас изнутри, когда наступит решающий момент. По сути же они были всей душою с нами и разделяли все наши решения» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 273. Л. 208).

⁶⁵ Из зачитанных показаний Г. Я. Сокольникова от 30 августа 1936 г.: «...встреча произошла снова в кабинете Пятакова в Наркомтяжпроме. Я передал ему мой разговор с Томским. Пятаков указал, что на блок с правыми троцкистская часть центра имеет прямое согласие от Л. Д. Троцкого. Троцкий обустраивает блок признанием со стороны правых преимущественного и ведущего положения в практической деятельности блока за троцкистами. Я не возражал против этого требования троцкистов и согласился передать его Томскому. Далее, Пятаков считал, что нужно Томского ввести в состав центра, на что я также дал согласие» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 274. Л. 16).

БУХАРИН. (Подходит к президиуму). Позвольте, пожалуйста, мне слово.

ЕЖОВ. Во всяком случае, такое впечатление у нас осталось после того, как мы провели очные ставки.

Но сейчас это подтверждается не только показаниями троцкистов и зиновьевцев, но это подтверждается более конкретными делами правых, арестованных за последнее время.

Вот, например, что рассказывает Сосновский в своих показаниях, где он даёт на основе бесед с Бухариным...

БЕРИЯ. Кто это?

ЕЖОВ. Это известный журналист, в последнее время работал в «Известиях». Кстати сказать, этой сволочи в «Известиях» было более чем предостаточно и даже при всём моём миролюбии я, кажется, человек 10 их арестовал. Этот Сосновский, рассказывая о Бухарине, даёт следующие показания: «Возьмём платформу Рютина, сказал Бухарин, которая с первой до последней строки... (читает)»^{с1}...

РЕПЛИКА БУХАРИНА С МЕСТА НЕ УЛОВЛЕНА.

ЕЖОВ. Можно, конечно, оправдываться.

БЕРИЯ. Трудно ему оправдаться.

ЕЖОВ. «...и доказывает: в Рютинской платформе не произнесено только самое слово террор, но в этом не было надобности. Он вытекал сам собой... (читает)»^{с1}

МИКОЯН. Когда эта беседа состоялась?

ЕЖОВ. В 1935 и даже в 1936 году.

^{с1} КОСИОР. Новенькая!^{с1}

ЕЖОВ. Сосновский показывает, что с момента возвращения из ссылки, когда он попал в «Известия», он почти через очень короткое время связался и с Радеком, и с Бухариным и продолжал вести свою контрреволюционную работу.

БЕРИЯ. И работал у Бухарина в «Известиях»?

ЕЖОВ. Да, и работал у Бухарина в «Известиях».

Далее, Пятаков, я его специально допрашивал о правых ещё раз – он целиком подтверждает показания. И Сокольников, и другие заявляют о том, что у них никакого сомнения не оставалось в том, что правые идут на блок с ними. Я мог бы прочесть показания Пятакова и других. Но кроме этих показаний со стороны троцкистов и т. д., мы имеем прямые показания самих правых.

Вот что показывает арестованный Угланов, небезызвестный вам. Он говорит следующее: «Во главе существовавшей до последнего времени... (читает)»^{с1} ...и я Угланов».

^{с1} Из зачитанных показаний Л. С. Сосновского от 14–15–16 ноября 1936 г.: «...прямо, полным голосом, мотивирует необходимость насильственного устранения Сталина...»

^{с1} В заключительной части зачитанного фрагмента говорилось: «...что мирное устранение Сталина невозможно. В рютинской платформе не произнесено только само слово террор. Но в этом и не было надобности, он вытекал сам собой.

Вот почему мы и встретились с вами в блоке на общей платформе, т. е. на основе признания террора. В дальнейшем я осведомился у Бухарина, все ли его единомышленники солидарны с ним по этому вопросу.

Бухарин ответил, что среди руководящих деятелей организации правых разногласий по этому вопросу нет. На мои вопросы он ответил, назвав активными участниками правой контрреволюционной организации Томского, Рыкова и Угланова. Они составляют, вместе с ним, Бухариным, руководящий центр правых» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 258. Л. 49–50).

^{с1} Зачёркнуто автором простым карандашом.

^{с1} Из зачитанных показаний Н. А. Угланова от 23 сентября 1936 г.: «...организации правых стоял всесоюзный центр. В состав центра входили: Бухарин Н. И., Рыков А. И., Томский М. П., Шмидт В. В. и я – Угланов» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 175. Л. 219).

^{х1}-ЛЮБЧЕНКО. И Шмидт?⁶⁹

ЕЖОВ. Да, и Шмидт^{х1}.

Дальше его спрашивают... (ч и т а е т)^{х1} ...и далее он говорит, что неоднократно до 1930 года он бывал на заседаниях. На вопрос, до какого времени это продолжалось, он отвечает: «до 1930 года».

БЕРИЯ. Связь поддерживал?

ЕЖОВ. Связь поддерживал. Ну, небезызвестный вам секретарь Замоскворецкого райкома Куликов (г о л о с: Кульков?). Ку-ли-ков⁷⁰. Тоже дал показания о том, что правые не только соучаствовали и знали о террористических планах троцкистско-зиновьевского блока, но и сами считали одним из самых реальных способов свергнуть нынешнее руководство – террор. Вот что он говорит... (ч и т а е т)^{х1}.

БЕРИЯ. Вот мерзавец^{х1}.

ЕЖОВ. Причём, Куликов говорит, что они целиком разделяли террористические установки до последнего времени.

Небезызвестный вам секретарь Хамовнического райкома Яковлев⁷¹, который показывает, что он не только разделял установки троцкистско-зиновьевского блока о терроре, но и сам возглавлял террористическую группу. Вот что он говорит: «После этого – это идёт речь о том, что в 1929 году, или в 1930 году (я могу напутать, потому что подсудимые дают разные показания) состоялась конференция под руководством Угланова, где специально стоял вопрос о терроре⁷². И вот после этого, – показывает Яковлев, – под моим руководством были созданы две террористические группы – одна под моим руководством в составе Куликова, Яковлева и Матвеева⁷³, комсомольского работника. И вторая – в лице Афанасьева⁷⁴ и Запольского⁷⁵. Первая должна была готовить террористический акт на товарища Сталина, вторая – террористический акт на товарища Кагановича»^{х1}.

^{х1-х1} Обе фразы зачёркнуты одной рукой (Любченко) фиолетовыми чернилами.

^{х1} Далее в том же документе, отвечая на вопрос следователя: «К какому времени относится образование центра и когда вы лично вошли в его состав?», Угланов показал: «Центр организации правых в составе Бухарина, Рыкова, Томского, Шмидта и меня – Угланова – сложился ещё в 1928 году в период открытой борьбы против партии, и в таком же составе продолжал действовать вплоть до последнего времени» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 175. Л. 219).

^{х1} Из зачитанных показаний Е. Ф. Куликова от 17 сентября 1936 г.: «...Путь к устранению руководства партии, – сказал Угланов, – один: это террор и, в первую очередь, против Сталина и Кагановича. Надо найти верных и решительных людей, которые способны убить Сталина и Кагановича» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 275. Л. 107).

^{х1} Исправлено красными чернилами: восклицательный знак вместо точки.

^{х1} В данном случае, докладчик не цитирует, а пересказывает (весьма близко к тексту) показания арестованного В. А. Яковлева от 11 ноября 1936 г. На допросе в этот день говорилось: «Таким образом, вскоре после этого под моим руководством было создано две боевые террористические группы: одна в лице меня – Яковлева, Куликова и Матвеева, и вторая – в лице Афанасьева и Запольского. Первая группа должна была подготовить и совершить террористический акт над Сталиным и вторая – над Кагановичем. Руководство группами возглавлял я, в моё отсутствие Куликов» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 256. Л. 46). Из последующего текста протокола допроса становится ясно, почему этот его фрагмент не был озвучен Ежовым. На вопрос следователя: «Какие планы совершения террористических актов имели ваши группы?» был получен ответ: «Точно разработанных планов совершения террористических актов наши группы не имели (с конца 1932 г. – Сост.), но все мы сходились на одном, что надо, во что бы то ни стало, проникнуть в Кремль и там совершить террористические акты. ...Все мы были готовы на совершение террористических актов, и кому из нас удалось бы проникнуть в Кремль, или иметь другую благоприятную для этого обстановку, тот и явился бы непосредственным исполнителем. ...Все участники были воодушевлены одним желанием: во что бы то ни стало убить Сталина и Кагановича, так как этого требовали интересы нашей организации правых и её руководство – Бухарин, Рыков, Томский и Угланов» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 256. Л. 46–47). Последние, столь нужные следствию

СТАЛИН. А причём тут Рыков?

ЕЖОВ. Это Яковлев говорил.

СТАЛИН. А Рыков причём?

ЕЖОВ. Яковлев даёт показания о том, что центр, который был осведомлён о террористических намерениях троцкистско-зиновьевского блока, сам персонально через своих членов считал необходимым перейти к методам террора. И он называет состав центра из: Рыкова, Бухарина, Томского, Шмидта, Котова и Угланова.

СТАЛИН. Кто он? Кто называет?

ЕЖОВ. Угланов это называет, Куликов, Яковлев.

СТАЛИН. Об этом есть показания Яковлева?

ЕЖОВ. Да, я читал.

МИРЗОЯН. Матвеев, это бывший комсомольский работник?

ФИЛАТОВ⁷⁶. Да.

ЕЖОВ. Наконец, Куликов даёт показания, что не только он руководил террористической группой, но была и ещё террористическая группа, которой руководил Котов⁷⁷.

ГОЛОС. Кто?

ЕЖОВ. Котов.

⁷⁶⁻⁷⁷ КОСИОР. Это тот Котов, который в Цустрaxe⁷⁸ работал?⁷¹

ЕЖОВ. Вот таковы показания, которые мы имеем со стороны расстрелянных руководителей центра, активнейших членов так называемого запасного центра, таковы показания членов правой организации – Угланова, Запольского, Куликова, Яковлева и целого ряда других.

Лично у нас, я повторяю ещё раз, когда мы делали очную ставку, лично у нас не осталось никакого сомнения – и у меня, и у товарища Кагановича, когда мы устраивали очную ставку т. Рыкову и т. Бухарину и другим членам центра правых, не осталось никакого сомнения в том, что правые были осведомлены о террористической деятельности, были осведомлены в том, что троцкисты перешли к террору; не только были осведомлены, но и сочувствовали им.

БЕРИЯ. Только ли сочувствовали?

ГОЛОС С МЕСТА. Не только сочувствовали, но и организовывали.

ЕЖОВ. Сначала было такое настроение: ну, валите, а когда у вас выйдет что, тогда и нас позовёте. А затем сами стали поговаривать – не пора ли и правым перейти к террору. И как показывают Куликов, Яковлев, что они тоже руководили непосредственно террористическими группами.

Вот такова, товарищи, фактическая сторона дела, которую я считал необходимым изложить Пленуму ЦК в отношении контрреволюционной работы остатков правой антисоветской организации.

Я на этом своё сообщение мог бы закончить. В конце только хочу сказать о некоторых выводах, которые вытекают из этого дела.

МОЛОТОВ. О последних показаниях Куликова вы не докладывали?

ЕЖОВ. Самое последнее я не докладывал.

МОЛОТОВ. Почему?

ЕЖОВ. Последнее показание в отношении группы Котова[?]

МОЛОТОВ. Да, да, очень важное показание.

слова о причастности к террору не только рядовых исполнителей, были произнесены и поступили в «копилку» доказательств террористической деятельности бывшей правой «тройки».

⁷¹⁻⁷² Зачёркнуто автором реплики простым карандашом.

ЕЖОВ. Показание Котова* следующее: (зачитывает показание Котова)⁰¹.
БЕРИЯ. Вот безобразие.

ЕЖОВ. Таковы показания Куликова.

КАГАНОВИЧ. Значит торопил?

ЕЖОВ. Я, пожалуй, мог бы, товарищи, на этом закончить. У меня есть несколько серьёзных вопросов.

Первый вопрос – о революционной бдительности, который имеет прямое отношение не только к партийным организациям, но и ко всем органам и всем членам партии, независимо от того, какое значение, какое положение он занимает.

Я убеждён, что многие мелкие диверсионные вредительские акты, которые проводились на железных дорогах страшно грубо, прямо на виду у всех, я убеждён, что если бы многие диверсантские вредительские акты, которые довольно грубо проводились и на наших промышленных предприятиях и на ж[елезно]д[орожном] транспорте, были бы предупреждены и, во всяком случае, своевременно вскрыты, пожалуй, здесь, кое в какой степени, мы могли бы мобилизовать на это дело и рабочих, и коммунистов, если бы в этом деле было проявлено прямое большевистское отношение**.

Наконец, если бы тут не ведомственные в мундире***, когда люди не хотят показывать свою плохую работу из-за своих ведомственных интересов, мы имели бы другое положение. Надо, товарищи, сказать, что это относится ко многим работникам.

И теперь, товарищи, я хочу напомнить вам об известном важнейшем решении ЦК нашей партии об отношении ко всей этой троцкистско-зиновьевской к[онтр]р[еволюционной] сволочи. В решении так записано (ч и т а е т)⁰¹. Мне кажется, что эта

* По контексту диалога В. М. Молотова и Н. И. Ежова очевидно, что речь идёт о показаниях не В. А. Котова, а Е. Ф. Куликова, предоставившего следствию в ходе допроса 30 ноября 1936 г. сведения о «террористической деятельности» правых («группы Котова» и др.).

⁰¹ Из зачитанных показаний Е. Ф. Куликова от 30 ноября 1936 г.:

«...ВОПРОС: Вы не ответили на вопрос о том, кто руководил практической подготовкой террора?

ОТВЕТ: Я частично на этот вопрос ответил уже раньше. Практически вопросами террора непосредственно руководил Котов. Кроме того, в одной из бесед в 1935 г. он мне сообщил, что по вопросам террора он связан с одним из членов центра организации, от которого получает указания.

ВОПРОС: Котов вам говорил, кто из членов центра организации ведал вопросами террора?

ОТВЕТ: Да, говорил.

ВОПРОС: Назовите его.

ОТВЕТ: Рыков А. И.

ВОПРОС: Уточните характер вашего разговора с Котовым о Рыкове.

ОТВЕТ: Котов сообщил мне, что в 1934 г. имел встречу с Рыковым. Последний, расспрашивая Котова о работе организации и на жалобы Котова о том, что аресты участников организации в 1932 г. и 1933 г. ослабили организацию, сказал: «При настоящем партруководстве не ждите хорошего», и прямо поставил перед Котовым вопрос об устранении Сталина.

При следующей встрече с Котовым в 1934 и 1935 гг. Рыков упрекал Котова в медлительности, настаивая на быстрейшем совершении теракта над Сталиным.

ВОПРОС: Непонятно, почему Рыков, являющийся членом центра организации, только в 1934 г. поставил перед Котовым вопрос о совершении теракта, когда из ваших показаний явствует, что директиву о терроре центр организации передал в 1932 г.

ОТВЕТ: Вы меня не совсем поняли. Рыков при встрече с Котовым в 1934 г. лично подтвердил директиву организации о терроре. Во всех дальнейших встречах с Котовым он неизменно настаивал на быстрейшем совершении теракта, мотивируя это тем, что другого выхода нет. ...» (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 259. Л. 37–38).

** Так в тексте. Возможна неудачная стенографическая запись данного абзаца либо её расшифровка.

*** Так в тексте.

⁰¹ Речь идёт о принятом опросом 29 сентября 1936 г. постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам». В зачитанном докладчиком документе говорилось:

директива имеет прямое отношение ко всем партийным организациям, ко всем членам партии. Мы имеем людей, которые, как будто, тесно* порвали с прошлым, но, во всяком случае, это люди околопартийные.

Что касается работы ЧК⁷⁹, товарищи, то я могу только уверить, что эта директива ЦК Комитета партии, написанная и продиктованная т. Сталиным, будет нами выполнена; до конца раскорчует всю эту троцкистско-зиновьевскую грязь и уничтожим их физически (голоса: Правильно).

МОЛОТОВ (председательствующий). Слово имеет т. Бухарин.

БУХАРИН. Товарищи, говорить мне сейчас более чем тяжело, ибо, может быть, я последний раз говорю перед вами. Я знаю, что говорить сейчас особенно тяжело^{а**} потому, что, по сути дела, действительно необходимо, чтобы сейчас все члены партии снизу доверху преисполнились бдительностью и помогли соответствующим органам до конца истребить вот^б ту сволочь, которая занимается вредительскими актами^в и всем прочим.

Совершенно естественно, и^г из этого нужно исходить, что^д это есть основная директива, основное, что стоит перед партией. Я счастлив тем^е, что всю эту историю вскрыли до войны, и что наши органы в состоянии^ж вскрыть всю эту гниль до войны, для того, чтобы мы из войны вышли победоносно, потому что если бы это вскрыли не до, а во время войны, это принесло бы совершенно исключительные и тяжелейшие поражения всему делу социализма.

БЕРИЯ. Ты лучше расскажи, какое участие ты принимал в этом деле. Ты скажи, что ты там делал.

БУХАРИН. Я буду говорить^з.

ГОЛОС. До войны и после, мы вас не спросим.

БУХАРИН. Мне сейчас тяжело говорить, потому что перед вами и перед органами, которые разбирали дела, прошла масса писем, людей, слёз, жестов и всё это оказалось ложным.

«Утвердить следующую директиву об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам:

а) До последнего времени ЦК ВКП(б) рассматривал троцкистско-зиновьевских мерзавцев как передовой политический и организационный отряд международной буржуазии.

Последние факты говорят, что эти господа скатились ещё больше вниз и их приходится теперь рассматривать, как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе.

б) В связи с этим необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами, охватывающая не только арестованных, следствие по делу которых уже закончено, и не только подследственных вроде Муралова, Пятакова, Белобородова и других, дела которых ещё не закончены, но и тех, которые были раньше высланы» (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 981. Л. 58; Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. ... Л. 221).

* Так в тексте. Вероятна ошибка и следует читать: точно.

^а В правленной стенограмме далее вписано над строкой: в роли обвиняемого.

^{а**} Здесь и далее авторская правка текста сделана фиолетовыми чернилами.

^б В правленной стенограмме исправлено: всю из вот.

^в В правленной стенограмме поставлена запятая, далее вписано над строкой: террором.

^г В правленной стенограмме зачёркнуто.

^д В правленной стенограмме зачёркнуто.

^е В правленной стенограмме зачёркнуто.

^ж В правленной стенограмме далее вписано над строкой: были.

^з В правленной стенограмме далее вписано: обо всем.

Но^а я начну со следующего. Я присутствовал при смерти Владимира Ильича Ленина, и ^кя клянусь последним вздохом Владимира Ильича, – а все знают, как я его любил, – что^а всё^к то^а, что здесь наговорено^о, нет ни единого слова правды, ни единого слова правды^к. У меня была одна единственная очная ставка с Сокольниковым. После очной ставки т. Каганович мне сказал, что: «у нас впечатление такое, что вы к этому делу отношения никакого не имеете»⁸⁰. После этого, через два дня появилось заявление от Прокуратуры, на основе этой очной ставки, что следствие необходимо прекратить. Если у вас было такое впечатление, что я действительно замешан, имею к этому делу отношение, то зачем было такое объявление⁸¹.^п

КАГАНОВИЧ. О юридических основах речь шла, так мы и говорили. Одно дело юридическое, а другое политическое.

БУХАРИН. Ради бога, не перебивайте меня. Ведь я же просил зафиксировать, что он⁸² со мной о политических делах никаких разговоров не вёл, что он ^рзнает это^р со слов Томского – Томского, который к тому времени не существовал. ^сМеня специально Николай Иванович Ежов просил не делать никаких намёков^с, что Томский ^ууже расстрелян^т, и что все они расстреляны.

ЛЮБЧЕНКО. Томский застрелился, а не расстрелян.

БУХАРИН. Но^у фон не существовал. Что могла дать очная ставка с Сокольниковым? Ведь ^хСокольников мне ни о чём не говорил, ^зни единого слова о политике с Сокольниковым не было сказано, и вдруг это страшное, чудовищное обвинение. ^нНа этой основе^с получилось ^ш«впечатление»^ш, что я принимал^ш участие в ^ээтом деле^э.

ГОЛОС ИЗ ПРЕЗИДИУМА. Я тебе читал показания Угланова и Куликова⁸³.

БУХАРИН. В отношении Сосновского, товарищи. Я несколько раз писал. Почему вы мне не устроили очную^о ставку^а с Сосновским^а. Я с Сосновским ни одного разговора относительно общей политики не вёл, и ни о какой рютинской платформе не говорил. Рютинскую⁶¹ платформу^а я сам не читал, потому что один единственный раз,

^п В правленной стенограмме далее вписано над строкой: всё же.

^{к-к} В правленной стенограмме подчеркнуто автором.

^а В правленной стенограмме далее вписано над строкой: во.

^п В правленной стенограмме исправлено: всем из всё.

^п В правленной стенограмме исправлено: том из то.

^о В правленной стенограмме далее вписано над строкой: против меня.

^п В правленной стенограмме точка исправлена на вопросительный знак.

^{р-р} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: говорит.

^{с-с} В правленной стенограмме подчеркнуто автором.

^{т-т} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: застрелился.

^у В правленной стенограмме зачёркнуто.

^ф В правленной стенограмме исправлено: О из о; далее вписано над строкой: уже.

^{х-х} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^ц В правленной стенограмме точка исправлена на восклицательный знак.

^ч В правленной стенограмме далее вписано над строкой: – оказывается теперь –

^{ш-ш} В правленной стенограмме заключено в кавычки.

^ш В правленной стенограмме далее вписано над строкой: какое-то.

^{э-э} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: троцкистских заговорах!

^ю В правленной стенограмме исправлено: ой из ую.

^я В правленной стенограмме исправлено: и из у.

^я В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: моими обвинителями?

⁶¹ В правленной стенограмме исправлено: ой из ую.

^{а1} В правленной стенограмме исправлено: ы из у.

по приказанию товарища Сталина, она была мне показана. Я её не видал, я даже не был осведомлён о ней^{г1}.

И вдруг, что за чудовищное такое обвинение? И почему, в конце концов, если ^{а1}-вы говорите, что ^{а1}-это говорил Сосновский, почему вы мне не даёте очной ставки с ним, почему я не имею возможности говорить с ним на очной ставке?

СТАЛИН. Вам предлагалась очная ставка с Сосновским, ты был болен, искали тебя.

БУХАРИН. Я же ведь написал Ежову письмо. Я действительно был болен, но я писал, что я больной притащусь, а меня не вызвали.

МОЛОТОВ. Во всяком случае, за этим дело не станет.

БУХАРИН. Но сейчас ведь пленум ЦК. ^{е1}-Как делается сейчас перед ^{е1} пленумом ЦК? Товарищи, я должен вам сказать, что я никогда не отрицал, что в 1928–29 гг. я вёл оппозиционную борьбу против партии. Но я не знаю, чем заверить вас, что ^{я1} я абсолютно ни о каких этих общих установках, ни о каких платформах, ни о каких целях ^{я1} абсолютно ни одного атома представления не имел! А мне бросается обвинение, что я об этом знал, что я в этом участвовал, что я ^{в1} правительство лез! Неужели вы думаете, что я такой человек? Неужели вы думаете, что я могу иметь что-нибудь общее с этими ^{я1} диверсантами, с этими вредителями, с этими мерзавцами после тридцати лет моей жизни в партии ^{я1}-и после всего ... ^{я1}? Ведь это просто сумасшествие какое-то. ^{я1}

МОЛОТОВ. Каменев и Зиновьев тоже всю жизнь были в партии.

БУХАРИН. Каменев и Зиновьев хотели власти, они шли к власти. Я ^{о1}-ужасно ^{о1} стремился к власти! Что вы, товарищи? ^{я1} Ведь есть целый ряд старых товарищей, которые меня хорошо знают, которые знают меня не только со стороны ^{я1} платформы, того, другого ^{я1}, но знают мою душу, мою внутренность...

БЕРИЯ. Душу трудно знать.

БУХАРИН. Ну, хорошо, душу трудно знать, но по человеку судите! Я говорю, что прежде, чем такое обвинение делать, нужно было бы все очные ставки распутать.

БЕРИЯ. Сделают^{е1}.

БУХАРИН. Хорошо, тов. Берия. Я у вас не спрашивал. Я говорю независимо от вас.

Я в 1928–29 гг. нагрешил очень против партии. Это я знаю. Хвосты эти ^{я1} тянут-ся до сих пор. Часть людей, которые тогда шли со мной, эволюционировали бог знает куда. Я этого не знаю, но я этого теоретически не исключаю. Но ^{я1}-как же, товарищи, ^{я1}

^{г1} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: до этого.

^{а1-а1} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{е1-е1} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: Почему же не сделать было этого до.

^{я1} В правленной стенограмме исправлено: а из ом.

^{я1} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: в дальнейшем.

^{я1} В правленной стенограмме зачёркнуто, далее вписано поверх зачёркнутого: центрах.

^{я1} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: новое.

^{я1} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: террористами,

^{я1-я1} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{я1} В правленной стенограмме точка исправлена на восклицательный знак.

^{о1-о1} В правленной стенограмме заключено в кавычки.

^{я1} В правленной стенограмме вопросительный знак исправлен на восклицательный.

^{я1-я1} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: внешней.

^{я1} Зачёркнуто автором реплики красными чернилами, далее вписано: Распутают.

^{я1} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: – независимо от меня –

^{я1-я1} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: ведь нужно.

докажите^{ф1} мне^{х1}, что я с ними какую-то связь держал, что я им какие-то директивы давал.^{и1} ведь^{и1} ни единого слова! Докажите, что я на каких-то ^{и1}центрах^{и1} был, что я какую-то ^{и1}платформу^{и1} выработывал, с кем-то виделся, что я в какое-то правительство лез, что я с какими-то иностранцами имел дело! Этого ничего нет. Кто-то сказал. Хоть десять человек, хоть сто человек сказали! Если они ведут такую политическую игру, что они иных топят, а себя выгораживают, что они в своих интересах порочат других, то разве можно им верить? Почему им не навредить партии и с другого конца, чтобы целый ряд честных людей потопить и вбить им крюки в голову? Почему, скажите? (Шум, движение в зале).

Я в ответ на вопрос тов. Берия относительно этого Куликова и проч[их]* ничего не могу сказать.^{и1} Я^{и1} не знаю^{и1} ничего абсолютно ^{и1}об этом^{и1}.

Затем насчёт Сосновского, который, якобы, говорил со мной. Я говорю: приведите сюда Сосновского, и я докажу, что я с ним ничего ^{и1}об этом^{и1} не говорил. ^{и1}Как в таких случаях^{и1} защищаться? Где тут искать защиты?

Я, товарищи, хотел сказать несколько слов только. Если я буду приводить примеры, что я там-то и там-то хорошо работал, многие скажут: «Ну, хорошо, но целый ряд других тоже хорошо работали для того, чтобы себе политический капитал нажить, и чтобы под эту^{и1} ^{и1}сурдинку^{и1} что-нибудь сделать^{и1}». Но я могу привести несколько примеров, ^{и1}чтобы доказать, что^{и1} этот аргумент никуда не годится. Я приведу пример с^{и1} Павловым Иваном Петровичем^{и1}. Когда-то мне товарищ Сталин сказал, что он гнусно выражался по адресу тов. Сталина и по адресу Советской власти. Я поехал к Павлову, разговаривал с ним, рассказал ему о нашей внешней политике, потому что он был патриотически настроен и интересовался этим, и привёл его к тому, что он целиком признал авторитет Советской власти и лично авторитет тов. Сталина. Вы скажете, причём это здесь?

МОЛОТОВ. Какое отношение это имеет к твоему обвинению?

БУХАРИН. Я об этом никому не рассказывал, а факт этот налицо. Для чего же мне нужно было это делать, если я чуть ли не вредитель, и если я ненавижу тов. Сталина, которого я на самом деле люблю, если я ненавижу руководство партии, которое я

^{ф1} В правленной стенограмме исправлено: зать из жите.

^{х1} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{и1} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: а.

^{и1} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: об этом.

^{и1-и1} В правленной стенограмме заключено в кавычки.

^{и1-и1} В правленной стенограмме заключено в кавычки.

* В стенограмме вопрос Л. П. Берия был исчерпан вышеприведённой фразой. Видимо, при стенографической записи был пропущен фрагмент его реплики.

^{и1} В правленной стенограмме точка исправлена на запятую, далее вписано над строкой: по той простой причине, что.

^{и1} В правленной стенограмме исправлено: я из Я; далее вписано под строкой: об этом.

^{и1-и1} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{и1-и1} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: не знаю.

^{и1-и1} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: о рютинской платформе.

^{и1-и1} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: А сейчас как.

^{и1} В правленной стенограмме исправлено: им из у.

^{и1-и1} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: прикрытием заниматься другими делами.

^{и1-и1} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: где.

^{и1} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: академиком.

на самом деле люблю,^{л1} и если я грешил раньше против того дела, за которое я готов умереть^{л1}. Мне не дорога жизнь, всё это мне абсолютно надоело, но политическая честь! (Движение в зале, недоверчивый смех).

Я вам другой пример приведу, пример с Роменом Ролланом⁸⁶. Когда Ромен Роллан был у Горького, у него в душе было два вопроса: один вопрос относительно нашей внешней политики, союза с буржуазными государствами, политики пактов и прочее, и второй вопрос относительно троцкизма. Я с ним говорил так, что, думаю, что^{л1} моя капля мёда есть в том, что до сих пор Ромен Роллан держится не так, как Андрэ Жид⁸⁷. Но это я никому не говорил. Если бы я был соучастником этой фашистской банды, неужели я стал бы агитировать Ромена Роллана? Причём, об этом ни один человек не знает.^{л1} И вы можете его вызвать и допросить^{л1}.

Вы спросите, какое это имеет отношение к делу? Такое отношение, что я вынужден придумывать^{л1} какие-то^{л1} примеры, чтобы доказать, что я не из-за заработка какого-то политического капитала^{л1} всё это делал, не для маскировки, а по сути дела я работал за то, чтобы спланировать кого только можно вокруг нашей партии и Советской власти.

Я в письме членам Политбюро приводил то, что парижские троцкисты против меня готовили^{л1} «всякие штуки»^{л1} ⁸⁸. Это же факт. Для чего это нужно было бы делать, если бы был соучастником^{л1} всех этих вещей^{л1}? Для чего всё это было делать? Мне говорят – ты^{л1} ставил свою^{л1} кандидатуру^{л1} в правительство. Я не знаю, может быть, кто-нибудь и ставил, но я то^{л1} при чём.^{л1}

^{л1} Можно и по другому, конечно, судить^{л1}. Рассуждают^{л1} так, ^{л1} что^{л1} раз 20–40 человек притворяются, ^{л1} может быть по этому судят, что я тоже^{л1} притворяюсь^{л1}. Но, скажите, пожалуйста, по такой теории вероятности разве можно судить,^{л1} ^{л1} что это действительно так?^{л1} Без солидной проверки, по одной только очной ставке с Сокольниковым, которая ничего не могла дать, разве можно так говорить? Разве можно так относиться к этому самому^{л1} делу?

^{л1} В правленной стенограмме запятая исправлена на вопросительный и восклицательный знаки.

^{л1-л1} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{л1} В правленной стенограмме зачёркнуто, далее вписано над строкой: и.

^{л1-л1} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: Здесь, следовательно, не могла идти речь о наживании «капитала» для прикрытия.

^{л1} В правленной стенограмме исправлено: водить из думывать.

^{л1} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: такие.

^{л1} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{л1-л1} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: покушение.

^{л1-л1} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: их злодеяний.

^{л1} В правленной стенограмме исправлено: твою вместо ты.

^{л1-л1} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{л1} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: выставили.

^{л1} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: тут.

^{л1} В правленной стенограмме точка исправлена на вопросительный знак.

^{л1-л1} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{л1} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: сейчас.

^{л1} В правленной стенограмме запятая исправлена на двоеточие.

^{л1} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{л1-л1} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: то и 41-й, наверное, тоже.

^{л1} В правленной стенограмме исправлено: ется из юсь.

^{л1} В правленной стенограмме снята запятая, далее вписано над строкой: в таких делах?

^{л1-л1} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{л1} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: тяжелейшему.

«III-Я хотел сказать, что»^{III} я думал, что здесь поставят этот^{III} вопрос^{III}, но никак не ожидал, что он встанет в такой форме, как он сейчас был преподнесён «III-мне таким образом»^{III}. Что мне сказать о своём самочувствии и всём прочем? Я уже абсолютно не живу, потому что надо мной всё время тяготеет такое совершенно сумасшедшее подозрение. Ну, я действительно в 1928–29 гг. против партии грешил. Когда я сделал своё заявление, «III-последнее из моих заявлений было заявление по поводу «организованного капитализма» зимой 1930 года»^{III}. Я абсолютно всякую борьбу «III-прекратил против партии»^{III} и я заверяю честным словом, что все последние годы я не только просто формально, «III-не только без души, только»^{III} выполнял что-то^{III} «III-в качестве партийной директивы»^{III}, но с огромной душой, с огромным увлечением работал, потому что в этом моя жизнь, потому что я работал для партии и ради партии. И теперь преподносится совершенно сногшибательное обвинение, что^{III} я поставлен на одну доску с кукиными детьми, которые душат рабочих. Разве это на что-нибудь похоже?

МОЛОТОВ. Мало ли Радек писал всяких хвалебных...

БУХАРИН. Да, совершенно правильно. «III-Радек писал и говорил»^{III}, но^{III} я, между прочим, никаких сведений^{III} не получал. Тов. Сталин говорил, что это было разослано, но я не получал никаких документов и материалов. Я об этом не осведомлён. Радек перед самым арестом говорил, что он «чист, как слеза»⁸⁹. Верно^{III}, но, товарищи, я^{III} сам вам говорю^{III} – в этом ужасная, трагическая трудность моего положения. Радек наврал, он слёзы проливал, и этот^{III} слёзы проливает^{III}.

ЕЖОВ. Ты ночами проливал слёзы у Радека на даче, когда жили.

БУХАРИН. Я могу сказать^{III}, что^{III} я говорил с Радеком. Я писал^{III} в первом письме^{III} 90. Я был страшно с ним откровенен. Я говорил, что надо мной тяготеет такое же обвинение, как и над ним. Я рассматривал его, как товарища по несчастью. Я не отрекаюсь. Поймите же, когда человек совершенно одинок, когда у него нет никого, с кем он мог бы поделиться, и когда над ним такое обвинение тяготеет, он станет искать при-

«III-III В правленной стенограмме зачёркнуто, далее исправлено: Я из я.

«III В правленной стенограмме зачёркнуто.

«III В правленной стенограмме далее вписано над строкой: обо мне.

«III-III В правленной стенограмме зачёркнуто.

«III-III В правленной стенограмме исправлено: круглые скобки вместо запятой и точки; далее я из Я.

«III-III В правленной стенограмме корректурный знак перестановки слов (против партии / прекратил).

«III-III В правленной стенограмме зачёркнуто.

* Так в тексте.

«III В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: работу.

«III-III В правленной стенограмме зачёркнуто.

«III В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: и.

«III-III В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: Но я – не Радек всё же.

«III В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: Кстати,

«III В правленной стенограмме далее вписано над строкой: о показаниях.

«III В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: Да, он это говорил,

«III В правленной стенограмме далее вписано над строкой: же.

«III В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: сказал.

«III В правленной стенограмме поставлена запятая, далее вписано над строкой: мол,

«III В правленной стенограмме далее вписано: – таков силлогизм.

«III В правленной стенограмме далее вписано над строкой: всё.

«III В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: о чём.

«III В правленной стенограмме далее вписано над строкой: уже об этом.

«III В правленной стенограмме далее вписано над строкой: членам ПБ.

тыка, и он приткнётся к любому тёплому месту. Радек, ^{III} по сути дела ^{III} находился в таком же положении, как и я, и я приткнулся к нему.

ЖУКОВ. ^{III} Там горячее место, не только тёплое ^{III}.

^{III} БУХАРИН. Горячее, но не тёплое ^{III}.

СТАЛИН. Когда имеется тысяча показаний против тебя, ты не волнуйся, подожди, — хотим выяснить, когда имеются показания таких людей, как Куликов — он же считался честным человеком...

БУХАРИН. Я не видел Куликова с 1928 ^{III} года.

СТАЛИН. Имеется показание такого человека, как Куликов, Угланов, Сосновский...
ГОЛОС. Яковлев.

СТАЛИН. ...почему они должны врать на вас. Они могут врать, но почему? Можем мы это скрыть от пленума? Ты возмущаешься, что мы поставили этот вопрос на пленуме, и вот ты стоишь перед фактом.

БУХАРИН. Я возмущаюсь не тем, что этот вопрос поставлен на пленуме, а тем, что Николай Иванович делает заключение, что я знал о терроре, виновен в терроре и прочее. Относительно Куликова очень просто можно сделать — надо выяснить, где и когда он меня видел и выяснится, что он меня с 1928–1929 года не видел.

СТАЛИН. Это возможно.

БУХАРИН. Во-вторых, я даже не знаю, я даже сейчас не вспоминаю, кто такой Яковлев.

^{IV} КАГАНОВИЧ. Сапожников ^{IV}.

БУХАРИН. Сапожников был один из группы молодых. Товарищ Сталин когда-то показал его записку, я на неё ответил. Но это относится к какому году? Они в 1932 году уже все были поарестованы. Нельзя же всё это смешивать в одну кучу!

^{IV} Но тогда, можно сказать, кому же я доверял? ^{IV} Есть какой-то центр правых. Клянусь, Угланова я уже сколько лет не видал и не знаю, существует ли Угланов и где он есть, и абсолютно не имею представления, в какой точке земного шара Угланов ^{IV} существует ^{IV}.

ЕЖОВ. А Яковлева ты так и не знаешь, вспомнить не можешь, как он тебя за руку таскал по всем докладам в Хамовниках.

БУХАРИН. Когда, по каким докладам?

ЕЖОВ. Когда ты дрался против партии.

БУХАРИН. Товарищи, с правыми докладами по Московской организации я ^{IV} ни разу ^{IV} не выступал, у меня не было ^{IV} ни одного доклада, куда бы он ^{IV} меня ^{IV} таскал ^{IV}. Я свои антипартийные речи вносил в Центральный Комитет. Я не сделал ^{IV} ни одного доклада ^{IV}, когда вёл борьбу с партией. Уверяю вас, что я ни одного единого

^{III-III} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: казалось мне,

^{III-III} При правке подчёркнуто автором реплики волнистой линией синим карандашом.

^{III-III} В правленной стенограмме реплика снята автором.

^{III} В правленной стенограмме исправлено: 9 из 8.

^{IV-IV} При правке густо зачёркнуто автором реплики синим карандашом.

^{IV-IV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{IV} В правленной стенограмме вписано перед словом: Говорят; далее исправлено: е из Е.

^{IV} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: находится.

^{IV-IV} В правленной стенограмме подчёркнуто фиолетовыми чернилами.

^{IV-IV} В правленной стенограмме подчёркнуто фиолетовыми чернилами.

^{IV} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: кто-либо.

^{IV} В правленной стенограмме слово заключено в кавычки.

^{IV-IV} В правленной стенограмме подчёркнуто фиолетовыми чернилами.

доклада в Московской организации, и в других организациях вообще не делал. Как же меня он мог ^{кIV}таскать ^{кIV}?

КАГАНОВИЧ. Вы же не отрицали, что у вас бывали нелегальные собрания, когда вы боролись с партией^{лIV}?

БУХАРИН. Я не отрицаю, что в 1928–29 гг. у меня бывал целый ряд людей.

ГОЛОС. Об этом и речь идёт. Бывал и Яковлев.

БУХАРИН. Это было в 1928–29 гг. Какое же это имеет отношение?

МОЛОТОВ. Собрания-то бывали?

БУХАРИН. В 1928–29 годах. Я не отрицаю, что часть членов Центрального Комитета бывала у меня на квартире. Бывала. Но из этого надо сделать тот вывод, что я смыкаюсь с иностранными государствами, что я ставлю свою кандидатуру в правительство, что я помогаю сукиным детям душить рабочих в шахтах? И^{лIV} после этого^{лIV} вы ввели меня в Центральный Комитет на XVI съезде партии⁹².

МОЛОТОВ. Пятаков – член ЦК, он занимался этим.

БУХАРИН. Я буду апеллировать к тов. Серго Орджоникидзе. Однажды было такое дело. Это было уже давно. В самом начале моей работы⁹³. Меня Серго у себя на квартире спрашивает: скажи, пожалуйста, каково твоё мнение о Пятакове? Я ему сказал буквально так: на меня он производит такое^{лIV} впечатление человека, который так истактичничался*, что не знает, что он говорит правду, и что из тактических соображений. Верно, тов. Серго?

ОРДЖОНИКИДЗЕ. Верно.

БУХАРИН. Вот Серго подтверждает, значит, я своего сообщника и руководителя так должен был рекомендовать?

БЕРИЯ. Это вы могли тоже делать из тактических соображений.

БУХАРИН. Ну, это просто, ^{лIV} ^{лIV} всегда выход есть. Если ты говоришь: я с этим человеком встречался, это^{лIV} ^{лIV} из тактических соображений^{лIV}. Если ты говоришь: я с этим человеком не встречался – ага, ^{лIV} ты не встречался из-за^{лIV} конспирации. Нет такой диалектики, чтобы и встречаться и не встречаться.

^{лIV}КАЛИНИН. Надо просто помочь разобраться^{лIV}.

БУХАРИН. И на пятницу, и на субботу – всё равно сукин сын, вот и всё.

Если говорить относительно деловой, спокойной, – насколько я в состоянии говорить спокойно, – точки зрения:

Первое – очная ставка с Сокольниковым. Я утверждаю, что она по самой сути своей ничего не могла дать по той простой причине, что ^{лIV}Сокольников сам признал, и я

^{кIV-кIV} В правленной стенограмме заключено в кавычки.

^{лIV} Далее вписано синим карандашом над строкой: и делали на них доклады.

^{лIV} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: Ведь.

^{лIV} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: 1929 г.

^{лIV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

* Так в тексте документа.

^{лIV} В правленной стенограмме запятая исправлена на точку.

^{лIV} В правленной стенограмме вписано перед словом: Тогда.

^{лIV} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: – это «связь».

^{лIV-лIV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{лIV} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: значит.

^{лIV} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: «тактических соображений конспирации».

^{лIV-лIV} Зачёркнуто автором реплики фиолетовыми чернилами.

^{лIV-лIV} В правленной стенограмме фрагмент текста выделен двойным тире.

просил это зафиксировать^{иV}, что со мной ни разу ни о чём не разговаривал о политическом. Он говорил о рецензии на книгу своей жены⁹⁴.

СТАЛИН. Но он разговаривал с Томским, который говорил тебе?

БЕРИЯ. Во всяком случае, он не ваш враг.

БУХАРИН. Я не говорю о Томском, я говорю о себе. Когда меня спросили относительно Томского товарищи Ежов и Лазарь Моисеевич, я сказал им: я думаю, что он мог ныть, что вот не так живётся. ...Но я не мог предполагать, что он занимался такими^{иV} делами. Для меня вся эта история с Томским потому представляется чрезвычайно загадочным^{иV}, что Сокольников говорил, что^{иV} Томский говорил^{иV} по ^{оIV} моему^{оIV} поручению, а я^{иV} хорошо знаю, что я с Томским вообще о таких вещах не разговаривал. Для меня представляется сомнительным всё то, что говорится о Томском.

КАГАНОВИЧ. Томский сам признал свою связь с Зиновьевым.

БУХАРИН. Он мог свою связь признавать. Я не знаю, какая связь была с Зиновьевым, но со мной он ни о какой связи не говорил. В первом письме к членам Политбюро ЦК я писал: я нахожусь в идиотском положении. (Г о л о с: верно). Столько-то человек говорят то-то и то-то, а должен говорить – ^{иIV} нет^{иIV}. Тех не существует, тех расстреляли, не подождали, пока я пришёл.

Я поставлю такой вопрос: либо я абсолютный на сто процентов сукин сын, либо всё остальное отпадает, ибо совершенно невозможно поверить, чтобы опытный^{иV} террорист^{иV}, как Пятаков^{иV}, чёрт знает сколько времени, чуть не за десять лет встал^{иV} на точку зрения Троцкого, и^{иV} говорил^{иV} бы о своей работе^{иV} своему или полусвоему, или на четверть своему, или кающемуся своему человеку^{иV} о своих террористических установках.

Г О Л О С. Ты расскажи, что он сообщил?

БУХАРИН. Ни о каких террористических, ни других установках он мне ничего не сообщал.

БЕРИЯ. О чём он сообщил?

БУХАРИН. Я встретился три раза с Каменевым. Я написал точно, о чём шёл разговор, членам Политбюро. И больше у меня абсолютно ничего не было. Это есть документ*, который есть у членов Политбюро.

Я хочу резюмировать.

Первое. Из того делового, что я мог здесь выудить относительно Сокольникова, я повторяю ещё раз, что мне было заявлено, что впечатление такое, что я к этому делу от-

^{иIV} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: инкриминируемыми ему.

^{иIV} В правленной стенограмме исправлено: ой из ым.

^{иIV} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: будто.

^{иIV} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: и.

^{оIV-иIV} В правленной стенограмме подчёркнуто фиолетовыми чернилами.

^{иIV} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: то.

^{иIV-иIV} В правленной стенограмме слово заключено в кавычки.

^{иIV} В правленной стенограмме исправлено: е из й.

^{иIV} В правленной стенограмме исправлено: ты из т.

^{иIV} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: или Каменев.

^{иIV} В правленной стенограмме исправлено: вшие вместо л.

^{иIV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{иIV} В правленной стенограмме исправлено: ли из л.

^{иIV} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: не.

^{иIV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

* Так в тексте.

ношения не имею. По сути дела Сокольников разговоров со мной не вёл, что он и признал. Что касается Сосновского, о чём здесь было упомянуто, то я утверждаю, что я с ним никаких больших политических разговоров абсолютно никогда не имел.

ГОЛОСА. А маленьких?

БУХАРИН. Ну, маленьких, ведь он же был газетным работником.

МОЛОТОВ. Средние были, между маленькими и большими.

БУХАРИН. Дело не в количестве, я говорю в смысле того, чтобы поставить на дискуссию большие политические вопросы. Я утверждаю, что никаких разговоров^{III} с ними не имел. Ни о какой рютинской платформе не заикался, рютинскую платформу не читал и не знаю. Я видел её только во внешней обложке и видел оглавление, которое, если не ошибаюсь, показал мне т. Сталин. Я её в руках не держал, кроме этого случая. Что касается Куликова, других и проч., то что бы они ни показывали, если вы им верите, пожалуйста, пусть они скажут, где, когда я с ними встречался. Я утверждаю, что Куликова я не видел чёрт знает сколько лет. Об Угланове с 1932 г. не имею представления, где он находился. И относительно Яковлева тоже. Я с ним совершенно не встречался^{IV}. Я теперь смутно вспоминаю насчёт Яковлева. Это^{IV} было^{IV}, кажется, где-то в Хамовниках. Но я категорически отрицаю, что он меня куда-то «таскал», потому что^V я никаких докладов не делал^{VI}.

И в заключение я, товарищи, ещё скажу. Я сам заинтересован в том, чтобы распутать этот узел и ещё раз заявляю, что я с проклятием отношусь ко всему этому самому грязному делу.

КАЛЫГИНА⁹⁵. А что же вы случайно всех контрреволюционеров в газету собрали.

БУХАРИН. Давайте я скажу, кого собрал. Из новых я привлёк действительно Сосновского. Его восстановило перед тем Политбюро ЦК. Это было с разрешения ЦК. Я просил т. Сталина, мне это было разрешено. Но, товарищи, из чего я исходил? Я писал об этом т. Сталину. Когда меня назначили в «Известия»⁹⁶, я решил, что мне надо собрать всех талантливых людей, которые могут писать (в зале шум, движение).

КАЛИНИН. А у него-то талантов не оказалось.

БУХАРИН. Да, совершенно верно. Я спрашивал разрешение Политбюро по этому поводу. Что вы хотите сказать, что я, как бандит и разбойник, диверсант и вредитель, напихал тогда^V всяких контрреволюционеров? Это же сумасшедший дом^V. Другие были там до меня. А в других газетах то же^{IV} было^{IV}. *Юрин-Берман*, Фриц Давид, их^V целая куча была арестована. Значит, их редакция^{IV} 97 тоже набрала нарочно? Сейчас это общее несчастье, что попадает целый ряд людей на самые ответственные посты.

^{III}IV В правленной стенограмме далее вписано над строкой: такого типа.

^{IV}IV В правленной стенограмме далее вписано над строкой: много лет.

^{IV}IV В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: Он.

^{IV}IV В правленной стенограмме исправлено: был из было.

^VV В правленной стенограмме поставлена запятая, далее вписано над строкой: повторяю,

^{VI}V В правленной стенограмме далее вписано: вообще.

^VV В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: туда.

^VV В правленной стенограмме исправлено: восклицательный знак вместо точки.

^VV В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: что.

^VV В правленной стенограмме исправлено: вопросительный знак вместо точки.

^VV В правленной стенограмме вписано перед словом: В «З. И.» был.

* Так в тексте. Правильно: Берман-Юрин К. Б.

^VV В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: – двое расстрелянных по процессу, и.

^VV В правленной стенограмме далее вписано над строкой: «З. И.»

Пятаков имел орден Ленина, и Смирнов тоже имел орден Ленина⁹⁸. Сейчас ^{кV}-основное самое ^{кV} с точки зрения общепартийной, нужно понять, что получилась разветвлённая сугубо конспиративная террористическая партийная^{кV} организация с большим конспиративным навыком и с новыми приёмами борьбы, которые^{кV} расставили^{кV} все^{оV} свои^{кV} силы^{кV}. Я недавно прочитал о том, что подтверждает общее соображение о фашизме. Я прочитал одну французскую книгу насчёт тактики фашизма. Когда Гитлер приходил к власти, он прямо говорил, что им нужно вползать в государственный аппарат, занимать там все места^{сV}. Это большое сложное явление, которое перед нами стоит. Я абсолютно, на 100 процентов считаю правильным и необходимым^{кV} уничтожить^{кV} всех этих террористов и диверсантов^{кV}, ^{кV}-их вскрывать^{кV}. Но из-за этого я не могу на себя клепать и говорить, что я, каким-нибудь боком, принадлежу к этой сволочи.

Я вас заверяю, что, чтобы вы ни признали, чтобы вы ни постановили, поверили или не поверили, я всегда, до самой последней минуты своей жизни, всегда буду стоять за нашу партию, за наше руководство, за Сталина. Я не говорю, что я страшно любил Сталина в 1928 году. А сейчас я говорю: люблю всей душой. Почему? По очень большой причине. Потому что я разве не понимаю к чему, куда идут все мировые события, разве я не понимаю, какое значение имеет крепость и централизованность нашей диктатуры^{кV}. Разве я не понимаю всего^{кV}.

Я знаю, сейчас почти невозможно мобилизовать людей в^{кV} защиту обвиняемых^{кV}. Кто рискнёт заступиться, кому охота рисковать.^{кV} Я вот рискнул с Радеком и влопался. Я написал письмо Сталину насчёт Радека, и написал дважды. Первое письмо, и когда его жена прибежала и сказала, что Радек арестован. Я ещё раз написал Сталину, я пошёл на риск. Но поймите, что я иногда все^{кV} бессонные ночи думал: а что, я должен превратиться в такого труса, что не пойду на этот^{кV} риск?^{кV} Я пошёл на риск, но ошибся. Но заподозривать меня в совершении нехорошего, в нечестности моих намерений^{кV} и т. д.^{кV} Пускай я погибну из-за этой истории и паду жертвой этой подлой камневской клеветы, но я обращаю ваше внимание, товарищи, на одно обстоятельство. От

^{кV-кV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{кV} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: троцкистская.

^{кV} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: с новой.

^{кV} В правленной стенограмме исправлено: новкой из вили.

^{оV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{кV} В правленной стенограмме исправлено: их из и.

^{кV} В правленной стенограмме исправлено: л из лы.

^{сV} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: И о макиавеллизме у них тоже шла речь.

^{кV} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: беспощадную расправу и.

^{кV} В правленной стенограмме исправлено: ение из ать.

^{кV} В правленной стенограмме запятая исправлена на точку.

^{кV-кV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{кV} В правленной стенограмме далее после запятой вписано над строкой: какие люди нужны для руководства, и какое значение имеет Сталин?

^{кV} В правленной стенограмме точка исправлена на вопросительный знак и многоточие.

^{кV} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: свою.

^{кV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{кV} В правленной стенограмме точка исправлена на вопросительный знак.

^{кV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{кV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{кV} В правленной стенограмме вопросительный знак исправлен на запятую; далее вписано над строкой: если мне представляется, что человек невиновен?

^{кV-кV} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: это никуда не годится.

этих людей, которым имени нет, и которым исторического прецедента я не знаю, я ожидаю всего. Если они создавали свой запасной центр, и если они продумали с точки зрения дальнего прицела все свои дальнейшие шаги, я, ей богу, не исключаю того, что они заранее сговорились, кого им топить из честных людей, на каком этапе и как топить. (В зале шум). Потому что это есть своего рода политическая диверсия, которая может служить им определённым орудием борьбы.

КАГАНОВИЧ. Партия разберётся.

БУХАРИН. Я выражаю надежду, что партия разберётся. Я и не беспокоюсь. Повторяю, т. Каганович, что я не беспокоюсь относительно моей персоны, относительно условий своей жизни или смерти, а я беспокоюсь за свою политическую честь. И я сказал, и буду говорить, что я за свою честь буду драться до тех пор, пока я существую.

МОЛОТОВ. Тов. Сталин имеет слово.

СТАЛИН. Я хотел два слова сказать, что Бухарин совершенно не понял, что тут происходит. Не понял. И не понимает, в каком положении он оказался, и для чего на Пленуме поставили вопрос. Не понимает этого совершенно. Он бьёт на искренность, требует доверия. Ну, хорошо, поговорим об искренности и о доверии.

Когда Каменев и Зиновьев заявили в 1932 г., что они отрекаются от своих ошибок и признают позицию партии правильной, – им поверили⁹⁹. Поверили потому, что предполагали, что коммунисту, бывшему или настоящему, свойственна идейная борьба, этот идейный бывший или настоящий коммунист борется за свою идею. Если человек открыто сказал, что он придерживается линии партии, то по общеизвестным, утвердившимся в партии Ленина традициям, партия считает: значит, человек дорожит своими идеями, и он действительно отрёкся от своих ошибок и стал на позиции партии. Поверили – ошиблись. Ошиблись, тов. Бухарин[?].

БУХАРИН. Да, да.

СТАЛИН. Когда Смирнов и Пятаков заявили, что они отрекаются от своих взглядов, открыто заявили об этом в печати¹⁰⁰, мы им поверили. Тоже исходили при этом из того, что люди выросли на марксистской школе, очевидно, дорожат своей позицией, своими идеями, их не скрывают, за них борются. Поверили, орден Ленина дали¹⁰¹, двигали вперёд и ошиблись¹⁰². Верно, тов. Бухарин?

БУХАРИН. Верно, верно, я говорил то же самое.

СТАЛИН. Когда Сосновский подал заявление о том, что он отрекается от своих ошибок, обосновал это, и обосновал неплохо с точки зрения марксистской¹⁰³, мы поверили и, действительно, сказали Бухарину: ты его хочешь взять в «Известия» – хорошо, он пишет неплохо, возьми, посмотрим, что выйдет. Ошиблись.

Верь после этого в искренность людей! У нас получился вывод – нельзя бывшим оппозиционерам верить на слово (оживление в зале, голоса: правильно, правильно!).

Нельзя быть наивными, а Ильич учил, что быть в политике наивным, значит быть преступником. Не хотим мы быть преступниками. Поэтому у нас и получился вывод: нельзя на слово верить ни одному бывшему оппозиционеру.

Несколько фактов. Пятакову, когда арестовали его жену, написали телеграмму – он был где-то на юге, кажется, в Кисловодске¹⁰⁴. Он оттуда коротко ответил, что не может найти аргументов против своей жены*, и раз в Москве сочли нужным её арестовать, значит так надо¹⁰⁵. Приехал. Показания мы ему все давали читать. Он говорил, что Зиновьев, Каменев и Мрачковский оговаривают его в показаниях. Так говорили и другие только-только арестованные или привлечённые к процессу.

* Очевиден пропуск слова в стенографической записи: речь идёт, конечно же, о возможном поиске Ю. Л. Пятаковым аргументов против ареста своей жены.

Он пришёл к нам и сказал: «Ну что я могу сказать против этих людей, как я могу оправдаться? Врут они, хотят загубить меня». Попробовали мы ему говорить: «Хорошо, но ты выступал общественным обвинителем против эсеров¹⁰⁶. Выступи общественным обвинителем против них».

– Хорошо, с удовольствием.

Он готовился. Но мы обдумали и решили, что это не выйдет. Но эта проба* нас на минуту стала убеждать в том, что, может быть, человек прав. Что значит выставить его в качестве общественного обвинителя? Он скажет одно, ему будут возражать обвиняемые, скажут: «Куда залез в обвиняемые**». Ты же с нами вместе работал». А к чему бы это привело? Это превратило бы процесс в комедию и сорвало бы процесс.

Поэтому Пятакову сказали: «Нет, хотя мы поставили вопрос о том, чтобы ты пошёл общественным обвинителем, но это дело не выйдет». Он опечалился: «Как же я могу доказать, что я прав. Дайте мне, я собственноручно расстреляю всех тех, кого вы приговорите к расстрелу, всю эту грязь, эту мразь, эту сволочь. Какие же ещё доказательства вам нужны? Объявите в печати после приговора и после того, как приговор будет исполнен, что исполнение приговора провёл тов. Пятаков».

Это обстоятельство нас тоже должно было несколько поколебать. Но, с другой стороны, мы никогда не объявляли, кто выполняет приговор. И решили: объявить – никто не поверит, что мы его не заставили это сделать. Мы сказали, что это дело не выйдет, неловко, никто не поверит, что вы добровольно пошли на это дело, а не по принуждению. Да и, кроме того, мы никогда не объявляли лиц, которые приводят приговоры в исполнение.

– Что же мне делать, дайте выход. Дайте мне написать статью против троцкистов.

– Хорошо, напиши.

Написал, разгромил Троцкого и троцкистов¹⁰⁷. А что же теперь оказалось, вы взгляните! После этого мы человек 50, по крайней мере, опросили. Ведь они всё нутро Пятакова выворотили. Это же чудовищный человек оказался! Почему он шёл на то, чтобы выступить общественным обвинителем? Почему он шёл на то, чтобы самому расстрелять своих товарищей? Оказывается, у них правило такое: ежели твой единомышленник-троцкист арестован и стал выдавать людей, его надо уничтожить. Вот видите, какая адская штука получается.

Верь после этого в искренность бывших оппозиционеров! Нельзя верить на слово бывшим оппозиционерам даже тогда, когда они берутся собственноручно расстрелять своих друзей.

Радек до последнего времени, до вчерашнего дня всё пишет мне письма. Мы задержали дело его ареста, хотя оговоров было сколько угодно с разных концов¹⁰⁸. Все сверху донизу оговаривают Радека. Мы задержали дело его ареста, а потом арестовали. Вчера и позавчера я получил длинное письмо от него, в котором он пишет: страшное преступление совершается. Его – человека искреннего, преданного партии, который любит партию, любит ЦК и прочее и прочее, хотят его подвести. Неправильно это. Вы можете расстрелять или нет, это ваше дело. Но он бы хотел, чтобы его честь не была пострадала. А что он сегодня показал?¹⁰⁹ Вот, тов. Бухарин, что получается.

БУХАРИН. Но я ни сегодня, ни завтра, ^ани послезавтра ничего^а не могу признать ^бтакого, в чём я невиновен^б (ш у м в з а л е).

* Так в тексте.

** Так в тексте. Видимо, оговорка выступающего. Правильно: обвинители.

^{а-а} Зачёркнуто автором фиолетовыми чернилами.

^{б-б} Подчёркнуто автором волнистой линией фиолетовыми чернилами.

СТАЛИН. Я ничего не говорю лично о тебе. Может быть, ты прав, может быть, нет. Но нельзя здесь выступать и говорить, что у вас нет доверия, нет веры в мою, Бухарина, искренность. Это ведь всё старо. И события последних двух лет это с очевидностью показали, потому что доказано на деле, что искренность – это относительное понятие.

А что касается доверия к бывшим оппозиционерам, то мы оказывали им столько доверия... (шум в зале, возмущённые голоса: правильно), сечь надо нас за тот минимум* доверия, за то безбрежное доверие, которое мы им оказывали.

Вот вам искренность, и вот вам доверие!

Вот почему мы этот вопрос ставим на пленуме ЦК. Но из-за того, что Бухарин может обидеться и возмущаться, мы должны скрывать это? Нет, чтобы этого не скрывать, надо поставить вопрос на пленуме.

Более того, бывшие оппозиционеры пошли на ещё более тяжкий шаг для того, чтобы сохранить хотя бы крупицу доверия с нашей стороны, и ещё раз продемонстрировать свою искренность – люди стали заниматься самоубийствами. Ведь это тоже средство воздействия на партию. Ломинадзе кончил самоубийством¹¹⁰, он хотел этим сказать, что он прав, зря его допрашивают, и зря его подвергают подозрению. А что оказалось? Оказалось, он в блоке с этими людьми. Поэтому он и убился, чтобы замести следы.

Так это политическое убийство – средство бывших оппозиционеров, врагов партии сбить партию, сорвать её бдительность; последний раз перед смертью обмануть её путём самоубийства и поставить её в дурацкое положение.

Фурер¹¹¹. Какое письмо он оставил тоже после самоубийства¹¹², прочтя его можно прямо прослезиться...

* КОСИОР. Как бы не так¹¹³.

СТАЛИН. А человек мало-мальски политически опытный поймёт, что здесь дело не так. Мы знаем Фурера, на что он был способен. И что же оказалось? «Он прав, он любит партию, он чист, но при мысли о том, что кто-либо в партии может подумать, что он, Фурер, когда-то смыкался с троцкистами, нервы его не выдерживают, честь его не позволяет остаться ему жить».

† КОСИОР. Оклеветали его!†

СТАЛИН. А что оказалось? Оказалось – хуже не придумаешь.

Томский. Я бы вам посоветовал тов. Бухарин подумать, почему Томский пошёл на самоубийство и оставил письмо – «чист». А ведь тебе видно, что он далеко был не чист. Собственно говоря, если я чист, я – мужчина, человек, а не тряпка, я уж не говорю, что я коммунист, то я буду на весь свет кричать, что я прав. Чтобы я убился – никогда! А тут не всё чисто. (ГОЛОСА: Правильно!) Человек пошёл на убийство потому, что он боялся, что всё откроется, он не хотел быть свидетелем своего собственного всесветного позора. И Фурер, и Ломинадзе...

МИКОЯН. И Ханджян...¹¹⁴

СТАЛИН. И Ханджян, и Скрыпник¹¹⁵, и Томский. Вот вам одно из самых последних острых и самых лёгких средств, которым перед смертью, уходя из этого мира, можно последний раз плюнуть на партию, обмануть партию. Вот вам, тов. Бухарин, подоплёка последних самоубийств. И вы, тов. Бухарин, хотите, чтобы мы вам на слово верили?

БУХАРИН. Нет, я этого¹ не хочу.

СТАЛИН. Никогда, ни в коем случае.

* Так в тексте. Очевидно, правильно: максимум.

¹¹⁰ Зачёркнуто автором простым карандашом.

† Зачёркнуто автором простым карандашом.

¹ Слово подчёркнуто автором простым карандашом.

БУХАРИН. Нет, не хочу.

СТАЛИН. А если вы этого не хотите, то не возмущайтесь, что мы этот вопрос поставили на пленуме ЦК. Возможно, что вы правы, вам тяжело, но после всех этих фактов, о которых я рассказывал, — а их очень много, — мы должны разобраться. Мы должны объективно, спокойно разобраться. Мы ничего, кроме правды, не хотим, никому не дадим погибнуть ни от кого*. Мы хотим доискаться всей правды объективно, честно, мужественно. И нельзя нас запугать ни слезливостью, ни самоубийством.

ГОЛОСА: Правильно. (Продолжительные аплодисменты).

МОЛОТОВ. Слово имеет т. Рыков.

РЫКОВ. Товарищи, мне ещё труднее говорить, чем Бухарину, потому что я говорю после тов. Сталина. Я должен полностью и целиком признать справедливость всех его указаний. Справедливость в том отношении, что мы живём в такой период, когда двурушничество и обман партии достигли таких размеров и приняли настолько изощрённый патологический характер, что, конечно, было бы совершенно странно, чтобы мне или Бухарину верили на слово.

*Если**⁶ нужно каждое обвинение, кем бы оно ни выдвигалось против нас, против меня, чтобы оно было проверено до конца и с полной тщательностью, чтобы на основе этой проверки было бы установлено, прав ли, допустим, я, который утверждает, что все обвинения против меня с начала до конца являются ложью⁸, то надо разобрать. Я утверждаю, что все обвинения против меня с начала до конца — ложь, что^а Котов¹¹⁶ врёт, что я с ним виделся^с. Я с Котовым* не виделся и не говорил³, "чёрт его не видал".

Когда я разговаривал с т. Ежовым¹¹⁷, то я задал, с моей точки зрения, такой простой вопрос — Каменев показал на процессе, что он каждый год, вплоть до 1936 года, виделся со мной. Я просил т. Ежова, чтобы он узнал, где и когда я с ним виделся, чтобы я мог как-нибудь опровергать эту ложь. Мне сказали, что Каменев об этом не был спрошен, а теперь спросить у него нельзя — он расстрелян. Этот шпион, убийца рассказал об этом Рейнгольду, ещё какой-то сволочи, они все повторяют, что^к с ним виделся каждый год до 1936 года^а, но^к что я тут могу сделать?^н Если бы он рассказал о времени, месте и обстановке, в которой я с ним встречался, я мог бы доказать, что это неверно. Но ведь неизвестно где, неизвестно когда^о я его видел, как же я могу доказывать^п неизвестно что^р.

* Так в тексте.

^а В правленной стенограмме зачёркнуто.

** Здесь и далее авторская правка текста сделана простым карандашом.

⁶ В правленной стенограмме исправлено: Н из н.

^в В правленной стенограмме вписано над строкой: или нет; далее запятая исправлена на точку.

^г В правленной стенограмме исправлено: Это из то.

^а В правленной стенограмме зачёркнуто.

^с В правленной стенограмме далее вписано над строкой: один на один.

^к В правленной стенограмме далее вписано над строкой: без посторонних.

^н В правленной стенограмме запятая исправлена на точку.

^{нн} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^к В правленной стенограмме вписано над строкой: я.

^а В правленной стенограмме запятая исправлена на точку.

^к В правленной стенограмме зачёркнуто; далее исправлено: Ч из ч.

^п Точка исправлена на вопросительный знак фиолетовыми чернилами при сверке текста после машинописи.

^о В правленной стенограмме далее после запятой вписано над строкой: по утверждению Каменева,

^п В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: опровергать точными фактами.

^р В правленной стенограмме точка исправлена на восклицательный знак.

Тут были оглашены показания Котова. Почему мне об этих показаниях не говорили раньше? Я первый раз слышу об этом, а ведь я всё время живу в Москве. Почему этого не было проверено? Проверено не было, спрошен я не был, и мне даже не было об этом сказано. Ну как же можно так? Это же можно на каждого человека сказать. Нужно расследовать. Это так только^г в отношении меня. Ведь при этой системе оговора они же могут сказать чёрт знает что, и на кого^у.

Когда я сидел^ф и слушал Сокольников¹¹⁸, ^г «более кошмарных вещей» вообще трудно было^м представить, трудно было^м во сне выдумать^з. Сокольников сказал «такие вещи»^н, что они решили убить целый ряд наших людей в Ленинграде. Потом они решили вызвать решение^в в войсках для спасения революции. То есть сами убивают, сами спасают. Он же говорит^{а1}, что с этим сукиным сыном, который, якобы, является помощником командующего округом, что^{б1} у меня было условлено, что я с ним увижусь. Я его в глаза не видел. Я фамилию его¹¹⁹ даже не запомнил^{л1}. Ведь это же нужно расследовать.^{л1}

МОЛОТОВ. Рассказывал он более логично, чем вы сейчас рассказываете, хотя, может быть, и неправдоподобно, но более логично, чем вы сейчас говорите¹²⁰.

РЫКОВ. Но^{а1}, может быть, я кое-что спутал, но, в общем, он говорил аналогично этому. Этот же Сокольников говорил, «меня обвинял»^с, что в Ленинграде^{ж1} подготовлены^{а1} какие-то радиостанции. Ведь «это же»^{л1} трагедия^{л1}. Можно же опросить, проверить, взять людей с этих станций, узнать, что это за люди. Ведь вот «такого рода дикие, кошмарные вещи»^{л1}.

СТАЛИН. Тов. Рыков, вы, значит, ничего не знали и не догадывались, что что-то такое эти люди готовят. Сами не принимали участия, но догадывались?

^с В правленной стенограмме зачёркнуто: го.

^г В правленной стенограмме зачёркнуто.

^у В правленной стенограмме далее вписано: им угодно.

^ф В правленной стенограмме далее вписано над строкой: у т. Ежова.

^х В правленной стенограмме далее вписано над строкой: я испытывал чувство омерзения.

^ч В правленной стенограмме исправлено: Б из б.

^ц В правленной стенограмме запятая, далее вписано над строкой: чем то, о чём он говорил,

^м В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: себе.

^н В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: увидеть.

^н В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{ю-ю} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^я В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: движение.

^{а1} В правленной стенограмме исправлено: л из т.

^{б1} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{в1} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: знал.

^{г1} В правленной стенограмме восклицательный знак вместо точки.

^{л1} В правленной стенограмме исправлено: у из о.

^{с-с} В правленной стенограмме корректурный знак перестановки соседних слов; далее вписано над строкой: в том.

^{ж1} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: мною.

^{з1} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: для них.

^{л1-л1} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: для меня такое обвинение.

^{л1} В правленной стенограмме точка исправлена на восклицательный знак.

^{л1} В правленной стенограмме исправлено: к из т.

^{л1} В правленной стенограмме зачёркнуто, далее вписано: обвинения выдвигаются предателями и убийцами против меня.

РЫКОВ. Нет, и не подозревал ни на йоту. ^{н1-н1}Ведь я же в отъезде был^{н1} ¹²¹.

МОЛОТОВ. Убийство Кирова было.

РЫКОВ. Убийство Кирова было.

СТАЛИН. Видите ли, после очной ставки Бухарина с Сокольниковым у нас сложилось мнение такое, что для привлечения к суду тебя и Бухарина нет оснований. Но сомнение партийного характера у нас осталось. Нам казалось, что и ты, и Томский, безусловно, может быть и Бухарин, не могли не знать, что эти сволочи, какое-то чёрное дело готовят, но нам не сказали.

ГОЛОСА. Факт.

БУХАРИН. Ну, что вы, товарищи, как вам не совестно^{о1}.

СТАЛИН. Я говорю, что это было только потому, что нам казалось, что этого мало для того, чтобы привлекать вас к суду.

БУХАРИН. Тов. Сталин, но, правда или нет,^{п1} как только я случайно узнал об этом деле, я сейчас же, будучи у чёрта на куличках, сел на самолёт, послал тебе телеграмму, тов. Сталин? Я считал совершенно элементарным, что если меня оговорили, то мне дадут очную ставку.

СТАЛИН. Я сказал, не трогать Бухарина, подождать.

БУХАРИН. ^{р1}Я думаю так: судите по результатам. Но я хочу объяснить совершенно верно^{р1}. Тут было сказано тебе, что всё нужно расследовать с точки зрения обвинительных^{с1} фактов.^{т1} Я на несколько часов запоздал, почему нельзя было немного подождать^{л1} устроить очную ставку.^{ф1}

СТАЛИН. Куликов тоже член вашей группы?

БУХАРИН. Куликова я не видел 10^{к1} лет.

СТАЛИН. Ты можешь проверить его показания. Есть показания Куликова, Угланова и Сосновского.

БУХАРИН. Сосновский арестован ^{н1}сейчас¹²², а я говорю в^{н1} то^{н1} время^{н1}.

СТАЛИН. Не хотели вас к* суду предавать, пощадили, виноват, пощадили.

БУХАРИН. ^{з1}Вы тогда даже не устроили очной ставки с этими потенциальными негодяями.^{з1} Тут дело не в пощаде. Я ставлю вопрос относительно прав политической чести.

СТАЛИН. Я извиняюсь, прервал. Рыков, продолжайте.

РЫКОВ. Я утверждаю, что я с Каменевым^{о1} виделся^{н1} и не говорил о политических вопросах никогда.

^{н1-н1} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{о1} Исправлено фиолетовыми чернилами: восклицательный знак вместо точки.

^{п1} Далее вписано фиолетовыми чернилами над строкой: что.

^{р1-р1} Зачёркнуто фиолетовыми чернилами.

^{с1} Зачёркнуто фиолетовыми чернилами, вписано поверх зачёркнутого: объективных.

^{т1} Далее авторская вставка, вписано фиолетовыми чернилами над строкой: Главными моими обвинителями были Каменев и Зиновьев. Почему не дали с ними очных ставок?

^{л1} Далее вписано фиолетовыми чернилами над строкой: с их расстрелом и.

^{ф1} Исправлено фиолетовыми чернилами: вопросительный знак вместо точки.

^{к1} Зачёркнуто фиолетовыми чернилами, вписано поверх зачёркнутого: много.

^{н1} Зачёркнуто фиолетовыми чернилами, вписано поверх зачёркнутого: только теперь.

^{н1} Исправлено фиолетовыми чернилами: о из в.

^{н1} Зачёркнуто фиолетовыми чернилами.

^{н1} Исправлено фиолетовыми чернилами: ени из я; далее вписано: непосредственно около процесса.

* Так в тексте.

^{з1-з1} Зачёркнуто фиолетовыми чернилами.

^{ю1} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: не.

^{н1} В правленной стенограмме исправлено внутри слова: а из е.

ВЫШИНСКИЙ. А с Томским?

РЫКОВ. С Томским я был в одной группировке правых.

ВЫШИНСКИЙ. А в 1934 году?

РЫКОВ. Я об этом вам рассказал¹²³.

ВЫШИНСКИЙ. С Томским вы говорили насчёт Зиновьева?

РЫКОВ. На протяжении последних двух с лишним лет я виделся с Томским три раза. Два раза я виделся в условиях, исключающих какие бы то ни было политические разговоры, потому что это было тогда, когда у него была масса людей,^{а11} какие-то артистки и артисты. И один раз Томский был у меня в тот период, когда Зиновьев работал в редакции «Большевика»¹²⁴. Я об этом разговоре сказал и т. Вышинскому, и у себя в ячейке¹²⁵, не скрыл ни одного звука.

МОЛОТОВ. А Зиновьев приглашал вас к себе?

РЫКОВ. Томский пришёл и сказал, что у него был Зиновьев, который жаловался на одиночество, на отсутствие друзей и звал его к себе на дачу.

МОЛОТОВ. Он был у него на даче?

РЫКОВ. Не знаю.

ВЫШИНСКИЙ. А собаку покупал он Зиновьеву?

РЫКОВ. Я должен отметить, что всякая встреча ^{б11}«это уже»^{б11} есть попытка к группировке. Я сказал об этом Томскому, и^{а11} Томский со мной согласился^{а11}.

КАГАНОВИЧ. Это было как раз в тот год, когда они убили Кирова¹²⁶. Зиновьев приглашает Томского к себе на дачу. Рыков об этом знает и никому ни одного слова. И всё это выясняется только на очной ставке с Сокольниковым.

РЫКОВ. Я сказал всё на ячейке. Я сказал всё, что у меня было. Мои свидания с Томским на протяжении последних двух лет были очень редки. С Бухариным, я не знаю, кажется, я его видел^{а11} в 1934 году. Я сказал, что наши встречи нам могут повредить, и теперь я вижу, что повредили. Во всяком случае, в отношении Томского я исходил из того, что нам было исключительно опасно продолжать наши свидания друг с другом как продолжение нашей тройки. Никогда^{а11} мы не обсуждали политические вопросы.

БЕРИЯ. Не нашли другого способа?

БАГИРОВ. А почему вы считали это опасным?

РЫКОВ. Подумайте: ^{ж11}«ясное дело»^{ж11} если мы будем обсуждать политические вопросы, разговаривать на политические темы, ^{з11}«ясно, что»^{з11} это в той или другой степени^{а11} продолжение^{а11} старой группировки. Это абсолютно ясно. Поэтому мы прекратили все эти разговоры. По показанию^{а11} Куликова и Угланова, центр существовал до того^{а11} времени.

^{а11} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: среди них.

^{б11-б11} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: со стороны этих мерзавцев.

^{а11} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{а11} В правленной стенограмме далее вписано: и сказал, что не пойдёт.

^{а11} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: в последний раз.

^{а11} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: Последние годы.

^{ж11-ж11} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{з11-з11} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: то.

^{а11} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: будет.

^{а11} В правленной стенограмме исправлено: им из не.

^{а11} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: же.

^{а11} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: последнего.

БЕРИЯ. Почему они вас намечали в правительство? Почему такая забота о вас?

РЫКОВ. По-моему, это расплата за мою вопиющую ошибку, за участие в правом уклоне. Это первое. И второе это то, что ^и у них определённый элемент стремления ^и перенести ^и на людей то, что у них внутри, стремление ^и смотреть ^и на ^и людей через своё собственное зеркало. ^и Ясное дело, что это так. И по отношению ко мне ^и показания были ^и Каменева. ^и И второе, насколько мне известно, ^и в ^и моём присутствии показал ^и Сокольников, что Томский вступил к нам ^и в центр после разговора со мной и с Бухариным. Причём об этом Томский сообщил Пятакову.

Тут трудность опровержения заключается в том, что Томский кончил самоубийством. Я лично, когда узнал о его самоубийстве, был более склонен думать, что это в результате его болезненного состояния, потому что он в период заболеваний раньше неоднократно думал о самоубийстве¹²⁷. Из того, что было оглашено здесь, и из того, что Томский весь последний год вёл себя по отношению ко мне так, как никогда не вёл, и я о его смерти узнал в середине следующего дня. ^и Это вселяет в меня убеждение, что он как-то, — насколько, я не знаю, — в этом деле каким-то концом участвовал. Теперь из того, что здесь сказано, мне это кажется совершенно несомненным.

Но я, собственно, поднялся на эту трибуну исключительно и только для того, чтобы и на основании того, что сказано т. Сталиным, и на основании всего, что здесь говорилось, мне дали те очные ставки, ту проверку документов, проверку показаний и те возможности защиты, которые собственно обязательны всегда, но в данном случае они обязательны больше, чем когда бы то ни было. Ведь речь идёт ^и не о шутке, речь идёт ^и о том, являюсь ли я предателем по отношению к государству, по отношению к партии, по отношению к революции, являюсь ли я фашистом или нет. Потому что середины тут не может быть. Середины не может быть потому, что если эти предатели и изменники сказали мне об измене, и я на них не работаю, а только знаю, тогда они в моих руках. ^и Тут нет середины, тут тоже положение, что и на баррикадах. Тут нет середины ^и и ^и для человека, который с ошибками, с большими ошибками, но всё-таки искренно и честно работал в революции, это ^и совершенно дикая, невиданная гнусность, от которой стыдно, стыдно, что твоё имя упоминают вместе с этими сволочами, ^и не только ^и

^и ^и В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: они.

^и В правленной стенограмме исправлено: осят из ести.

^и В правленной стенограмме зачёркнуто.

^и В правленной стенограмме исправлено: ят из еть.

^и В правленной стенограмме далее вписано над строкой: других.

^и ^и В правленной стенограмме зачёркнуто.

^и ^и В правленной стенограмме корректурный знак перестановки соседних слов.

^и В правленной стенограмме исправлено: запятая из точки, далее вписано над строкой: о которых я уже говорил.

^и ^и В правленной стенограмме зачёркнуто.

^и В правленной стенограмме исправлено: В из в.

^и В правленной стенограмме далее после запятой вписано над строкой: кроме того,

^и В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: ним.

^и В правленной стенограмме исправлено: запятая из точки, далее: э из Э.

^и ^и В правленной стенограмме зачёркнуто.

^и В правленной стенограмме исправлено: запятая из точки, далее вписано над строкой: они не могут мне верить.

^и В правленной стенограмме точка исправлена на восклицательный знак.

^и В правленной стенограмме зачёркнуто, далее исправлено: Д из д.

^и В правленной стенограмме исправлено: и из о; далее вписано над строкой: обвинения.

^и ^и В правленной стенограмме зачёркнуто.

стыдно, но¹¹¹ и тяжело. ¹¹¹Так что¹¹¹ нужно обследовать это¹¹¹⁻¹¹¹ с такой тщательностью, чтобы там, где¹¹¹ замешаны честные люди, допустим, ошибавшиеся, но честные революционеры, чтобы дать им возможность вот эту свою честность в этом деле доказать. Конечно, на слово верить после всего того, что произошло, нельзя. Обманов было столько и таких сверхъестественных, которых ни один процесс, ни одна история не знала. Но партия наша настолько могуча, сильна, организована и имеет такой аппарат, что проверить все эти вещи¹¹¹ нужно до конца.

Товарищ Сталин сказал, что самоубийство есть один из способов замазать дело. Это верно. И то, что Томский кончил самоубийством, если он не хворал острым нервным расстройством – то, что у него было года три¹¹¹ перед этим, – то это дело является против него очень сильной уликой.

Я лично, конечно, сделаю всё, что в моих силах, даже больше моих сил для того, чтобы вот этого пятна, этого подозрения не было. Понимаете ли, стыдно на улицу выйти – «вот убийца рабочих», а переживать это каждую минуту, это очень тяжело. Но¹¹¹ жить с этим тоже тяжело. ¹¹¹Так что¹¹¹ выход¹¹¹ в том, чтобы всеми доступными средствами доказать обратное. И я буду доказывать, буду кричать о том, что тут есть¹¹¹ оговор, есть¹¹¹ ложь, есть¹¹¹ чёрная клевета с начала до конца. Я фашистом никогда не был, никогда не буду, никогда не прикрывал и прикрывать их не буду¹¹¹. И это я докажу.

МОЛОТОВ. Слово имеет т. Эйхе.

ЭЙХЕ. Факты, вскрытые следствием, обнаружили звериное лицо троцкистов перед всем миром. То, что вскрыто за последнее время, это не идёт ни в какое сравнение со всем тем вредительством со стороны вредителей, которое мы вскрывали. Я не помню, может быть, я не знаю, но я не помню, чтобы кто-нибудь из вредителей договорился до такого звериного подхода к рабочим, к уничтожению рабочих, до чего договорился фашист Дробнис и вся остальная сволочь.

Может я не знаю, но я не помню ни одного такого факта. Старые буржуазные специалисты, организующие свои вредительские организации, ненавидящие рабочий класс, не шли на такие подлые факты, на такие подлые преступления, на которые шли троцкисты, на которые троцкисты толкали вредителей, факты, которые мы вскрыли в Кемерово¹²⁸, когда говорил Ляшенко¹²⁹, что пусть рабочие в кармане носят воздух, мы устроим такое положение, что рабочие будутдохнуть, как крысы, в забое. Дробнис говорил, что из-за того, что там погибнут рабочие и будет недовольство – это нам на руку, – недовольство будет против Центрального Комитета, мы же это используем. Когда на процессе присутствующие горняки (мы посылали из Кузбасса на процесс горняков), когда беспартийные горняки слушали эти показания, ярость была такая, что растерзали бы их на куски¹³⁰. Это характеризует не только тех, которые слышали.

¹¹¹ В правленной стенограмме зачёркнуто.

¹¹¹⁻¹¹¹ В правленной стенограмме зачёркнуто, далее исправлено: Н из н.

¹¹¹⁻¹¹¹ В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: все обвинения.

¹¹¹ В правленной стенограмме далее вписано: ими.

¹¹¹ В правленной стенограмме далее вписано над строкой: можно и.

¹¹¹ В правленной стенограмме далее вписано над строкой: -четыре.

¹¹¹ В правленной стенограмме зачёркнуто, далее исправлено: Ж из ж.

¹¹¹⁻¹¹¹ В правленной стенограмме зачёркнуто, далее исправлено: В из в.

¹¹¹ В правленной стенограмме далее вписано над строкой: для меня.

¹¹¹ В правленной стенограмме зачёркнуто.

¹¹¹ В правленной стенограмме зачёркнуто.

¹¹¹ В правленной стенограмме зачёркнуто.

¹¹¹ В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: могу.

Это ярость всего нашего народа, это ярость всех трудящихся, всего мира против этой гадины, против того звериного, что вскрыли последние факты следствия. Я могу прибавить ещё к тому, что докладывал здесь т. Ежов, такие отдельные моменты. Вот, тов. Сталин, отправляли в ссылку несколько отдельных эшелонов троцкистов, – я ничего более гнусного не слышал, чем то, что говорили отправляемые в Колыму троцкисты¹³¹. Они кричали красноармейцам: «Японцы и фашисты будут вас резать, а мы будем им помогать». Для какого чёрта, товарищи, отправлять таких людей в ссылку. Их нужно расстреливать. Товарищ Сталин, мы поступаем слишком мягко. Стоит прочитать эти бесхитростные рапорта, доклады беспартийных красноармейцев, которые проявили очень большую выдержанность, когда их сопровождали, столько троцкисты проявили зверской злобы в отношении нашей родины, в отношении нашей партии, в отношении нашего рабочего класса, чтобы расстрелять любого из них.

Следует ещё несколько слов сказать о той провокаторской тактике, которую ведут троцкисты. Вот здесь т. Ежов докладывал о программе троцкистов. Дробнис рассказывает о своих разговорах с Пятаковым по вопросу о программе. Там не так чётко сформулировано то, что сформулировано у Пятакова, но характерна такая черта из того, что говорил Пятаков. Мы, говорит, сразу поставим так дело, если придём к власти, что мы скажем: сталинское руководство развалило дело, нам нужно сейчас отступление, мы объявим новый НЭП, этим самым дезорганизуя* сталинское руководство.

Такова исключительно подлая натура всех этих подонков во всех выступлениях, и в этом отдельном замечании, может быть, не ярком, но выпирается гадость этих подонков.

Такова же провокаторская роль их в рабочем классе. Вот, приход в НКПС т. Кагановича¹³² был встречен троцкистами с особой ненавистью. Троцкисты дали специальную установку, директиву, чтобы все приказы и все установки, которые проводит НКПС, тов. Каганович – взять всемерно в штыки. Причём, саботаж – прямой, вредительство – прямое. Но, кроме того, – это самое главное, пытались натравить рабочих. Так поступили с машинистами под видом, якобы, защиты интересов партии, интересов страны, интересов рабочего класса. Заставляют машиниста ездить на не отремонтированных плохих паровозах. Машинист отказывается. Как, говорят, это линия партии, ты срываешь перевозки, ты против партии, против советской власти. Посылают машиниста с негодным паровозом на линию, у него происходит авария. Двойная выгода: с одной стороны недовольство рабочего класса, с другой стороны – затормозили движение.

Провокаторы делали своё дело и на транспорте, и, также, на предприятиях – те факты, которые вскрыты сейчас.

Говоря о бдительности, т. Ежов говорил о тех гнусных фактах вредительства, которые проводились троцкистами. Я хочу добавить к этому такой момент. Я думаю, что это можно подтвердить целым рядом фактов. Вредительство выражается не только в том, что вредили на действующих предприятиях. Но иногда вредительство выражалось и в том, что строили не то, что нужно было строить.

Я приведу такой пример. В Западной Сибири мы имели такой факт. Западная Сибирь очень нуждается в серной кислоте, в то же время в Беловском заводе у нас три года строительство ведётся таким образом, что установка не строится¹³³. И срывает это дело всё время Пятаков. Мы очень нуждаемся в серной кислоте для Кемеровского химического комбината, ввозим её из-под Москвы, с Урала, с Украины. Не всегда можно привезти и этим срывают производство. В то же время выпускают серную кислоту с

* Так в тексте. Поскольку речь идёт о предполагаемой «смене власти» и уже «побеждённом» сталинском руководстве, видимо, правильно: дискредитируя.

Беловского цинкового завода. Три года Пятаков это дело маринвал. Я не думаю, что это случайно, в аппарате затерялось. Не думаю. Я считаю, что аналогичное отношение было у Пятакова и к другим стройкам, что это не только*, а ещё и в других отраслях хозяйства вредители были не только на действующих предприятиях, но не строили того, что надо, или не там, где надо было.

Вот здесь выступали тт. Бухарин и Рыков. Исключительно важные, исключительно сильные для каждого из нас слова т. Сталина, что «наивность в политике – это преступление».

Мы на местах зачастую, т. Сталин, эту наивность проявляем и страдаем от этого. Вот, товарищи, сейчас, когда на всё приходится смотреть иными глазами, проверять, мне кажется – может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что я не ошибаюсь, – Бухарин не искренен с нами.

ГОЛОС. Правильно.

ЭЙХЕ. Бухарин нам правды не говорил. Я скажу резче. Бухарин врёт нам.

БУХАРИН. Да что вы говорите!

ЭЙХЕ. Помните ваше свидание с Каменевым, которое организовал Сокольников. Я не верю сейчас, что это не было свидание в связи с берлинским совещанием в 1931 году¹³⁴.

БУХАРИН. Это было гораздо раньше.

ЭЙХЕ. Это подготавливалось. Что вы думаете, в Берлине, когда вообще установка вырабатывалась, вся группка местная против партии с троцкистами смыкалась[?]. Вас прощупывали здесь. Я думаю, что это было прощупывание, и эти установки в основном сложились, и что вы уже тогда принадлежали к этому делу и тогда партию обманули, и сейчас обманываете партию. Я не верю, что все эти люди, которые показывают о том, что вы знали о террористических, к[онтр]р[еволюционных] вредительских действиях, что вы и Рыков знали, [–] что они врут. Не верю этому. Может быть оговор со стороны одного, другого, третьего, четвёртого и пятого. Но, товарищи, мы имеем по протоколам не три, не четыре и не пять человек. Может быть, я всех протоколов не читал, но я многие читал. В этих протоколах сказано и указаны места, где вы встречались, с кем встречались и о чём с ними говорили. Вы знали об этом и сейчас обманываете партию.

Кончить надо. Я считаю, что Бухарина и Рыкова надо вывести из состава ЦК, исключить из партии и предать суду.

ГОЛОС А. Правильно.

КАГАНОВИЧ. Слово имеет тов. Молотов.

МОЛОТОВ. Товарищи, из всего того, что говорили здесь Бухарин и Рыков, помоему, правильно только одно: надо дело расследовать и самым внимательным образом. Во всём остальном я им ни на слово не верю.

ГОЛОС А. Правильно.

МОЛОТОВ. Ни бухаринским слезам, ни дрожащему голосу Рыкова я пока что верить не могу, потому что достаточно я начитался за ряд лет материалов о следствии по делу троцкистов и правых, где постепенно развивается дело, и где были вещи, которых мы не предполагали, не допускали, считали невозможными для коммуниста, для вчерашнего большевика. И всё-таки мы убеждались в том, что и троцкисты, и правые, друзья-товарищи Бухарина и Рыкова, участвовали в этих делах не раз. Конечно, нужно расследовать дело и взвесить всё объективно, довести дело до конца, потому что я не сомневаюсь, что все эти троцкисты, начиная от Пятакова, Радека, Сокольников и

* Далее, до слов «а ещё...» – очевидный пропуск фрагмента стенограммы, объяснимый в т. ч. отсутствием авторской правки.

всякой прочей сволочи, и все эти правые – Угланов, Куликов, Яковлев и другие – это враги уже закоренелые.

ГОЛОСА. Правильно.

МОЛОТОВ. Они на всё пойдут. Почему мы должны были слушать обвинение на процессе в августе месяце и ещё оставлять Бухарина в редакции «Известий», а Рыкова в Наркомсвязи?¹³⁵ Не хотелось запачкать членов нашего Центрального Комитета, вчерашних товарищей. Только бы их не запачкать, только бы было поменьше обвиняемых. Вы, товарищи, знаете, что по убийству Кирова все нити объективно политически были у нас в руках, показывали, что Зиновьев и Каменев вели это дело. А мы, проводя один процесс за другим¹³⁶, не решались их обвинять. Мы обвиняли их в том, что они сами признались*, в том, что они объективно, их разговоры и группировки, создавали настроения, которые не могли не повести к этому делу. Вот как мы подошли. Мы были сверх осторожны: только бы поменьше было людей причастно к этому террору, диверсии и т. д. Даже к этой сволочи относились бережно.

А теперь посмотрите на выступление Бухарина и Рыкова и на факты. Пусть дело разбирается объективно, но своё мнение на пленуме ЦК каждый член Центрального Комитета может сказать откровенно, сказать, как он думает, допуская, что, может быть, ошибается. Я это допускаю. То, что до сих пор нам известно и те контраргументы, которые выдвигают Бухарин и Рыков в защиту свою, у меня не удаляют неверия к их словам. Простых фактов, помимо тех показаний, которые имеются, достаточно. Было официальное решение, это публиковалось в газетах, что юридических мотивов нет в руках прокуратуры к привлечению их по делу о террористах, поэтому обвинение снимается. Теперь Бухарин и Рыков на этом пленуме – это у них главный аргумент, – заявляют, где же вы были раньше.

РЫКОВ. Я не говорил об этом.

МОЛОТОВ. Бухарин об этом говорил, а вы довольствовались тем, что до вас об этом было заявлено. Но я должен сказать, что когда мы это публиковали, приняв решение ЦК о том, что нет юридических оснований, мы только подчеркнули, что политически мы вам не доверяем. Я голосовал за это решение, но политически не доверял.

ГОЛОСА. Все так поняли.

МОЛОТОВ. Неужели Бухарин и Рыков этого не поняли.

БЕРИЯ. Поняли, только врут.

МОЛОТОВ. А теперь вы изображаете дело так: вы видите, вы оправдали. Очной ставки не было. Теперь Каменева нет, Томского нет, а те аргументы, которые были, они не дали вам должных юридических оснований. Но, к сожалению, товарищи, есть новые факты, более убийственные, пачкающие людей. Но давайте проверять это дело объективно; ещё и ещё раз будем к каждому возражению Рыкова и Бухарина прислушиваться. Проверим, в чём действительно они правильно обвиняются и в чём неправильно, отметём недоказанное. Но всё-таки, помимо всех этих ставок и показаний, говорить политически по этому вопросу, не касаясь отдалённого прошлого, а только то, что имеется за последнее время, есть о чём. Вы возьмите редакцию «Известий», возьмите Бухарина, посмотрите на его окружение, в каком он окружении плавал. Радека считает своим другом, Сокольников – другом. Секретарь у него сволочь из сволочей¹³⁷.

БУХАРИН. Он 10 лет был там до меня.

МОЛОТОВ. Ну, мало ли что там было, а ты не видел ничего. Теперь они разоблачены как троцкисты и зиновьевцы. Разве у Бухарина возникло сомнение о Радеке, Сокольникове и прочих им подобных.

* Так в тексте. Правильно: признали.

БУХАРИН. Ведь я же не был введён в Комиссию Политбюро¹³⁸. Мне совестно было спросить что-нибудь.

МОЛОТОВ. Хорошо, тов. Бухарин, а теперь разрешите мне заметить такую вещь. Я всё-таки не понимаю, можно плавать в этом окружении и чувствовать себя хорошо, но это говорит, по меньшей мере, о притуплении большевистского чутья, о том, что человек не мог отличать, где враг, где друг, где партийный, где антипартийный, где поддерживающий советскую власть человек и где враг её. Он тебе врёт и то, и другое, что он там-то был, там-то участвовал и прочее. В таком окружении, которое выглядит, как антисоветские группки, он живёт и не замечает этого. Для меня это один из больших аргументов, порождающих недоверие.

Второй момент в отношении Бухарина за последнее время. Я должен коснуться частного письма Бухарина на имя тов. Ворошилова. Уже после процесса¹³⁹ Бухарин пишет письмо, якобы частное, на имя тов. Ворошилова и пишет, между прочим, о чём? Он пишет: вот видите, меня называли на процессе рядом с другими правыми – Томским, Рыковым, как участника антипартийных соглашений и проч[ее] и прочее. И вы меня не снимаете из редакции «Известий ЦИК». Он делает вывод: либо вы политические трусы – хорошо бы это письмо раздать членам ЦК¹⁴⁰. Процесс уже окончен, мы расстреляли эту сволочь. Он говорит: а так как вы меня оставляете в редакции «Известий ЦИК», и в то же время бросили обвинение, то либо вы боитесь сделать выводы, либо у вас концы с концами не вяжутся.

Центральный Комитет, вопреки многочисленным вопросам рабочих, оставил Бухарина редактором «Известий»¹⁴¹, связав себя политической ответственностью за его дела, за то, что он, по меньшей мере, запачкал. Нам рабочие задают вопросы: как вы это терпите перед всем миром, до сегодняшнего дня. А Бухарин в ответ на это говорит: либо вы политические трусы, либо вы не можете свести концы с концами.

Я рассматриваю такую установку Бухарина как политическую солидаризацию его с осуждёнными на августовском процессе. Другого политического смысла в этом письме я не вижу. Я именно так понимаю политический смысл этого бухаринского письма: он политически солидаризировался с этими осуждёнными и лишний раз решил плюнуть в глаза Центральному Комитету под предлогом милого, личного письма. Там и бедняга Томский, который погиб, видимо, зря и прочее, и прочее. Я именно так это понимаю. Бухарин, даже в тот момент, когда Центральный Комитет закрыл его своим крылом, постарался уберечь его, не дать повода лишний раз его травить – он ничего другого не нашёл, как плевков в Центральный Комитет и косвенную солидаризацию с этими осуждёнными¹⁴².

Теперь о Томском. Товарищ Рыков говорит о том, что, видимо, он причастен, но у него было нервное расстройство. Я не могу назвать это никак иначе, как типичным жульничеством (шум в зале, голоса одобрения: правильно, факт). Это не говорит, во всяком случае, о честном отношении к делу. А факты, товарищи, подтверждают это. Я так понял данные, которые поступили в Центральный Комитет. Самоубийство Томского это есть заговор, который был заранее обдуманным актом, причём, не с одним, а с несколькими лицами Томский уговорился кончить самоубийством и ещё раз нанести тот или иной удар Центральному Комитету.

Товарищи, ведь только перед 7 ноября 1936 года арестована группа правых террористов во главе со Славинским, председателем ЦК искусств¹⁴³, всем известным личным другом Томского. В этой группе участвовали личные секретари Томского: Станкин и Воинов. Они являлись участниками политической* группы, которая готовила

* Так в тексте. Видимо, правильно: террористической.

последний акт террора 7-го ноября 1936 года и была арестована только в конце октября 1936 года¹⁴⁴. Разве это не говорит о том, каков облик Томского? Для всех ясно, кто такой Томский, а Бухарину и Рыкову это не понятно.

БУХАРИН. Я об этом¹⁴⁵ слышал¹⁴⁶.

МОЛОТОВ. Не в этом же дело. Вы адвокат не только по чужим делам, но и по своим собственным, который умеет пользоваться и слезами, и вздохами. Но я лично этим слезам не верю. Все эти факты нужно ещё проверить, настолько Бухарин изолгался за последние годы.

БУХАРИН. Да в чём же я изолгался? В чём это выражалось?

МОЛОТОВ. Я добавлю к этому ещё одно. Прежде чем рассказать об этой политической лжи вождей правых и высказать своё мнение, я останюсь только на одном протоколе, который я получил из Наркомвнудела, на протоколе показаний Куликова от 30 ноября 1936 года. Я получил этот протокол вчера и прочитал. Частично его цитировал здесь тов. Ежов. Я цитирую наиболее заслуживающие внимания части этих показаний в связи с тем, что мы здесь обсуждаем.

«На допросе 15 сентября 1936 года вы показали, – говорит следователь Куликову, – что в [19]32 году Угланов информировал вас об установлении организационной связи между организацией правых и зиновьевцев. Как и при каких обстоятельствах вы установили эту связь?

ОТВЕТ: В 1932 году в центре организации правых был положительно решён вопрос о целесообразности установления связи с зиновьевцами. По поручению членов центра Рыкова, Бухарина и Томского тогда же было поручено Угланову приступить к переговорам с Каменевым. Со слов Угланова мне известно, что в мае 1932 г. он, Угланов, имел свидание с Каменевым, во время которого они договорились и установили между собой политический и организационный контакт. ...».

Я пропускаю ряд не заслуживающих внимания вещей. Дальше.

«ВОПРОС: Вы показали, что так называемая рютинская платформа является документом объединённого блока правых. Нас, в частности, интересует, когда и в какой обстановке этот документ обсуждался в верхушке организации?

ОТВЕТ: Так называемая рютинская платформа, декларировавшая необходимость террора в борьбе против руководства ВКП(б), неоднократно обсуждалась членами центра организации правых: Бухариным, Рыковым¹⁴⁵ и Углановым...».

БУХАРИН. Я её не читал¹⁴⁶ (шум в зале).

МОЛОТОВ. Здесь все члены пленума знают, что такое рютинская платформа. А ты не знаешь, зачем ты тут фальшивишь? Не в чтении здесь дело, чёрт возьми. Прямо самоадвокат какой-то.

БУХАРИН. Я имею право защищаться.

МОЛОТОВ. Ты трижды имеешь право защищаться, но я считаю полным своим правом не верить твоим словам, потому что политически ты фальшивишь, а юридически мы проверим это.

БУХАРИН. Я политически не фальшивлю ни на один электрон¹⁴⁷. (Шум в зале, голоса возмущения).

МОЛОТОВ. Это и Пятаков нам говорил. Мы проверим все эти факты, но мы не политические трусы, ты сам скорее трус.

БУХАРИН. Я и не обвиняю вас в политической трусости.

* Здесь и далее авторская правка реплик сделана фиолетовыми чернилами.

¹⁴⁴ Далее вписано над строкой: только теперь.

¹⁴⁵ Исправлено: у из ал; поставлен восклицательный знак.

¹⁴⁶ Далее вписано и подчеркнуто волнистой линией: В 1932 году никакого такого центра и не было!

¹⁴⁷ Точка исправлена на восклицательный знак.

МОЛОТОВ. Конечно, теперь ты говоришь другое. Читаю дальше:

«Со слов Угланова мне известно, что такое обсуждение платформы имело место осенью 1932 года на квартире Томского при участии: Томского, Рыкова, Шмидта и Угланова. Как сообщил мне Угланов, собравшимися было подчеркнуто, что платформа совершенно правильно формулирует установки, которых придерживается центр организации как в части оценки положения в стране, так и в отношении ближайших задач организации, в особенности задачи о центральном терроре. ...».

Дальше: «Изложите основные программные установки этого документа. ...».

Так как не все знают сущность этой платформы, я её зачитаю: «В период окончательного оформления блока было составлено два документа...» (ч и т а е т)^а

Следующее ещё место:

«ВОПРОС: Не понятно, почему Рыков, являющийся членом* организации, только в 1934 г. поставил перед Котовым вопрос... (ч и т а е т)».

БЕРИЯ. Ах, какой наглец.

МОЛОТОВ. ... (ч и т а е т)*.

...причём подчеркивает, что настроение у него боевое[»].

ГОЛОС С МЕСТА. У Рыкова?

МОЛОТОВ. Да, у Рыкова. Это, конечно, нужно проверить. Я не считаю, что Куликову можно верить больше, чем другим арестованным в этом деле, но всё-таки мы имеем настолько большое количество показаний и всё в одном и том же направлении, что

^а Из зачитанных показаний Е. Ф. Куликова от 30 ноября 1936 г.: «— обращение ко всем членам ВКП(б) и платформа под названием “Сталин и кризис пролетарской диктатуры”.

Политическое содержание обращения и платформы характеризуется следующими положениями:

- отрицание социалистического характера советского государства;
- утверждение, что природа и сущность пролетарской диктатуры извращены;
- заявление о том, что профсоюзы превращены в органы расправы с рабочими, что печать превращена в средство надувательства масс;
- клевета на руководство ВКП(б) и советской власти.

В числе практических мер борьбы с партией и советской властью обращение рекомендует террористический способ борьбы, устранения руководства ВКП(б) силой.

Обращение призывает к выпуску листовок, организации забастовок.

Платформа представляет из себя развёрнутую программу реставрации капитализма. Для иллюстрации достаточно привести некоторые требования, изложенные в ней:

- 1) роспуск колхозов и прекращение коллективизации с/хозяйства;
- 2) отказ от социалистической индустриализации;
- 3) отказ от ликвидации кулачества как класса.

Основным методом борьбы с руководством ВКП(б) платформа выдвигает индивидуальный террор и вооружённое восстание» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 259. Л. 34–35).

* Так в тексте. Далее очевидный пропуск слова: центра.

^с Далее из зачитанных показаний: «...о совершении теракта, когда из ваших показаний явствует, что директиву о терроре центр организации передал в 1932 г.

ОТВЕТ: Вы меня не совсем поняли. Рыков при встрече с Котовым в 1934 г. лично подтвердил директиву организации о терроре. Во всех дальнейших встречах с Котовым он неизменно настаивал на быстрейшем совершении теракта, мотивируя это тем, что другого выхода нет. Помимо Котова мне это известно со слов Афанасьева.

ВОПРОС: Что вам говорил Афанасьев по этому вопросу?

ОТВЕТ: В 1934 г. Афанасьев, придя ко мне в квартиру, сообщил, что имел свидание с Котовым, который ему рассказал о встрече с Рыковым и о том, что Рыков предлагает Котову употребить все усилия для убийства Сталина.

Содержание этого разговора Рыкова с Котовым Афанасьев передал так: Котов сообщил Рыкову, что в отдельных районах СССР недород и ожидается голод, на что Рыков ему ответил, что при настоящем руководстве произойдут вещи и пострашнее и тут же добавил: «неужели у вас нет решительных людей, которые уберут...» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 259. Л. 38).

* Далее следует: «руководство Сталина. В 1935 г. Котов лично мне рассказывал, что виделся с Рыковым, причём подчеркнул, что настроение у него боевое».

это вызывает – я говорю о своём личном мнении – у меня лично это вызывает большое сомнение в правдивости Рыкова и Бухарина, когда они всё и вся отрицают.

Рыков тут пытался говорить: «Что же я – фашист? Я им не был и быть не хочу»¹⁴⁶. Дело обстоит так – «либо я фашист, либо я коммунист». Очень упростил т. Рыков вопрос.

И тут я хочу сказать насчёт вопроса, который ставил тов. Бухарин – «где же мы политические обманщики и лжецы, как давно было это»? Слушайте, тов. Бухарин, вы говорите о прошлом, которое не так давно было, не так далеко ушло, которое у всех на памяти. Не смазывайте это дело, не забывайте то, что вы делали в 1930 г., а мы не обязаны это скрывать и смазывать. Вы вспомните, как в 1930 г. вы обвиняли партию в феодальной эксплуатации крестьянства. Вы не забываете, что вы бегали всё это время на поводу у Каменева и Зиновьева. Тогда вы способны были фальшивить? Тогда вы путались с Каменевым, Зиновьевым, вы путались со всеми этими кадрами, которые говорили о терроре, вы путались не только с ними, а путались и с троцкистами, которые к тому времени уже определились как антипартийные элементы. Если мы принимали обратно в партию троцкистов, то тех, которые раскаивались, которые разоблачали всю деятельность троцкистов, тех мы возвращали в партию. Но ведь вы-то верили им и вели всякие с ними дела не как с членами партии, а как с людьми, которые поддерживали ваши идеи о феодальной эксплуатации крестьянства, которым близки были ваши обвинения руководства партии.

Если этого вам мало, то добавьте к этому – суть троцкистской платформы, чем она отличается от программы правых, проповедуемой в 1929 году? То же самое против коллективизации, против индустриализации, за изменение политики партии. Ведь это же ваши мысли, это же ваша платформа, которая поднимается сейчас, как знамя, троцкистами и всей контрреволюционной сволочью.

Разве вы нам помогаете бороться с этой сволочью, разве вы нам помогаете разоблачать и троцкистов, и ваших союзников в тех делах, которые являются не только антипартийным делом, но и антисоветским. Я этой помощи с вашей стороны не знаю, я её не вижу, я не вижу ничего, кроме слов и обещаний, свойственных всем этим Радекам, Сосновским и прочим.

Если встаёт вопрос о том, кто же такой Рыков, то известно, куда тянулся Рыков и в февральские дни, и в октябрьские дни – к буржуазной демократии. Он не был фашистом, но его тянула тогда «буржуазная демократия». О чём думали в 1929 г. Рыков и Бухарин? О возврате буржуазной демократии, о возврате к капитализму. Не о фашизме они думали и не фашистами они были, до фашизма есть ещё немало ступеней и одной из ступеней является блок, блок помогает в этом: одни делают дела почернее, другие – попроще.

Но вы должны показать, что вы действительно не на словах, а на деле стоите на той линии, за которую борется партия. А у меня есть сомнение – не остались ли вы на прежних позициях, на позициях буржуазной демократии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Слово имеет тов. Косиор.

КОСИОР. Товарищи, у *нас* очень большой опыт ⁶сейчас имеется⁶ с разоблачением троцкистов,⁸ причём⁷ *за это время мы разоблачили, к сожалению,

¹⁴⁶ В правленной стенограмме далее вписано над строкой: сейчас.

* Здесь и далее авторская правка текста сделана простым карандашом.

⁶⁻⁶ В правленной стенограмме зачёркнуто.

⁸ В правленной стенограмме точка из запятой.

⁷ В правленной стенограмме зачёркнуто.

¹ В правленной стенограмме исправлено: 3 из 3.

очень^е поздно, сотни самых отчаяннейших, самых злобных людей, части из которых мы очень много верили. Мы верили в то, что эти люди исправились и встали на партийную точку зрения. Каждый процесс* наш как раз начинается с этого самого места, с которого мы начали и сегодня^з, т. е. любой^н разоблачённый* нами^н клялся^н и уверял^н, что его оклеветали, что это неверно, ничего подобного не было, а кончалось дело тем, о чём говорил сегодня тов. Сталин: не только^о давали сотни^о показаний^п ^ро нём^р но и он сам признавался. Причём,^с когда его^т самые близкие политические друзья и приятели, с которыми он^у был связан не только политически, но и ^фбыл в^ф личной дружбе^х, разоблачали его настолько, что дальше идти было некуда, и "когда^а ставили^м перед ним вопрос: а^м что же он^а на вас клеветет^ю, то этот^а уличаемый отвечал – нет, личных счётов у меня с ним не было, клеветать на меня он не может, но всё-таки то, что он говорит, это неправильно. Мы бились^а, проверяли,^б а, в конце концов, его^н собственное признание^г.

Вот сегодня выступал^а ^еРыков, Бухарин,^е ну ^жпрямо-таки-^ж знакомая картина, которая повторяется^а чрезвычайно часто.

^е В правленной стенограмме зачёркнуто.

^ж В правленной стенограмме далее вписано над строкой: разоблачения.

^з В правленной стенограмме далее вписано над строкой: в отношении Бухарина и Рыкова.

^н В правленной стенограмме зачёркнуто.

^к В правленной стенограмме исправлено: аемый из ённый.

^л В правленной стенограмме зачёркнуто.

^м В правленной стенограмме исправлено: нётся из лся.

^п В правленной стенограмме исправлено: ет из л.

^о В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: разоблачали его десятками.

^п В правленной стенограмме далее вписано над строкой: другие.

^р В правленной стенограмме зачёркнуто.

^с В правленной стенограмме зачёркнуто, далее исправлено: К из к.

^т В правленной стенограмме зачёркнуто.

^у В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: тот или иной двурушник.

^ф В правленной стенограмме зачёркнуто.

^х В правленной стенограмме исправлено: ой из е.

^а В правленной стенограмме исправлено: т из к.

^б В правленной стенограмме далее вписано над строкой: приходилось.

^в В правленной стенограмме исправлено: ть из ли.

^г В правленной стенограмме зачёркнуто.

^д В правленной стенограмме зачёркнуто, после запятой вписано поверх зачёркнутого: неужели ваши друзья.

^е В правленной стенограмме исправлено: ут из ет.

^ж В правленной стенограмме зачёркнуто.

^з В правленной стенограмме зачёркнуто.

^и В правленной стенограмме далее вписано над строкой: передпрашивали,

^к В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: следовало.

^л В правленной стенограмме далее вписано над строкой: этого, как будто «ни в чём не повинного», двурушника.

^м В правленной стенограмме исправлено: ли из л.

^н В правленной стенограмме корректурный знак перестановки соседних слов; после знака вписано над строкой: н.

^о В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: та же самая.

^п В правленной стенограмме исправлено: лась из ется.

^{к11} Причём не только это говорит об этом. ^{к11} Здесь Бухарин повторял одну ^{н11} и ту ^{н11} же ^{н11} аналогию ^{н11} три раза. Он говорил, что надо было ^{н11} подождать и ^{н11} дать ему возможность устроить очную ставку ^{п11} ^{с11} со всей этой швалью ¹⁴⁹, обижается, что его ^{с11} не дождались ^{н11}. Он это повторял несколько раз. Выходит, что ^{н11} сейчас, задним числом ^{н11} Бухарин жалуется, что он ^{ф11} не имел ^{х11} очной ставки ^{н11}. Выходит, что Центральный Комитет поспешил расправиться ^{н11}. Надо понимать, т. Бухарин, что вы говорите.

Возьмите ^{н11} ^{н11} постановление и ^{н11} платформу, ^{н11} ^{н11} вы знаете, сколько вы не доказываете, вы говорите, что вам показали платформу и ^{н11} вы её ^{н11} не читали ^{н11}, вам никто не поверит.

БУХАРИН. Я её не читал.

КОСИОР. Это только одни разговоры. Как ^{б11} стоял этот вопрос ^{н11}, тогда для нас, для всех было ясно ^{н11}, что делается ^{н11}.

БУХАРИН. Меня тогда, т. Косиор, в Москве не было.

КОСИОР. Этим ^{н11} ровно ничего не доказано. ^{н11} Это тоже не аргумент, что он платформы не читал ^{н11}. Вы хотите, ^{н11} чтобы мы ^{н11} сегодня, после всего, что было, чтобы мы поверили, что Бухарин такой ^{н11} честный, преданный работник, что он ничего не знает.

^{к11-н11} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{н11} В правленной стенограмме исправлено: ин из ну.

^{н11} В правленной стенограмме исправлено: от из у.

^{н11} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: очень нехороший.

^{н11} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: аргумент.

^{н11-н11} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{п11} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: с Каменевым, Зиновьевым, а их расстреляли,

^{с11-н11} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{н11} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: его – Бухарина – приезда.

^{н11-н11} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{ф11} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: ему нарочито.

^{н11} В правленной стенограмме исправлено на: дали.

^{н11} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: с Каменевым, Зиновьевым для того, чтобы он – Бухарин, не мог оправдаться.

^{н11} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: с этими мерзавцами для того, чтобы можно было легче обвинить Бухарина.

^{н11} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: утверждение Бухарина, что ему не дали прочитать рютинскую.

^{н11-н11} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{н11} В правленной стенограмме точка из запятой.

^{н11-н11} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: Опять-таки, сколько бы вы ни доказывали, что,

^{н11} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{н11} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: рютинской платформы.

^{б11} В правленной стенограмме исправлено на: Когда.

^{н11} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: в ЦК.

^{н11} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: было доказано,

^{н11} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: рютинская платформа была вам всем троим известна.

^{н11} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: ещё.

^{н11-н11} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{н11-н11} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{н11} В правленной стенограмме зачёркнуто.

БУХАРИН. Да я в Москве не был тогда, тов. Косиор.

КОСИОР. Я не знаю, где вы тогда были.

БУХАРИН. Я был тогда в Азии¹⁵¹.

КОСИОР. Это не имеет никакого значения. Это^{xIII} лишний раз доказывает,^{лIII}
^{мIII}-и сейчас мне кажется, что всё то, о чём здесь говорили, надо учесть.^{мIII} Мы
должны учесть всё то, о чём здесь говорил Николай Иванович Ежов. Я думаю, что
мы обязаны^{лIII} ^{оIII}-поставить вопрос как следует^{оIII}. ^{лIII}Дело будем расследовать.

^{рIII}-БУХАРИН. Что вы^{рIII}.

КОСИОР. А^{сIII} вы думаете, что^{лIII} ^{уIII}-так легко вам поверить^{уIII}. Если бы так легко
верили, то вас можно^{фIII} было бы^{хIII} давно посадить на скамью подсудимых. ^{мIII}Мы име-
ем десятки показаний и фактов.

^{чIII}-Разве история с Томским не показательна^{чIII}. Теперь можно^{мIII} ЦК^{мIII} обвинить^{аIII},
что Политбюро^{лIII} слишком долго^{аIII} возилось^{аIV}.

^{бIV}-Всё то, что здесь говорили и о*, ^{бIV} и о^{аIV} Яковлеве,^{рIV} ^{лIV}а между тем по-
казания их говорят о том, что все факты подтверждены^{аIV}. Другое дело, мы должны

^{xIII} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: только.

^{лIII} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: что надо произвести тщательное рассле-
дование.

^{мIII}-^{мIII} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{лIII} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: – фактов больше, чем достаточно, чтобы
исключить Бухарина и Рыкова из УК и из партии, а дальше.

^{оIII}-^{оIII} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{лIII} В правленной стенограмме исправлено: д из Д.

^{рIII}-^{рIII} Зачёркнуто автором фиолетовыми чернилами.

^{сIII} В правленной стенограмме зачёркнуто, далее исправлено: В из в.

^{чIII} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: мы просто верим всякому слову показаний
и не проверяем.

^{уIII}-^{уIII} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{фIII} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: нужно.

^{хIII} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: уже

^{лIII} В правленной стенограмме перед словом вставка: Ведь против вас; далее исправлено: м
из М.

^{чIII}-^{чIII} В правленной стенограмме зачёркнуто, далее перед словом корректурный знак абзацного от-
ступа.

^{мIII} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{мIII} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: можно

^{аIII} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: только в том

^{лIII} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: мы

^{лIII} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: с вами

^{аIV} В правленной стенограмме зачёркнуто, далее вписано: церемонились.

^{бIV}-^{бIV} В правленной стенограмме зачёркнуто, далее вписано поверх зачёркнутого: Показания Ко-
това

* Так в тексте. Пропуск фрагмента выступления вследствие некачественной стенографической за-
писи.

^{аIV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{рIV} В правленной стенограмме исправлено: снята запятая; а из второго е, далее вписано над строкой:
очевидно правдивы.

^{аIV}-^{аIV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

разобрать – полностью ли^{eIV} это было^{жIV}. ^{аIV}Так или иначе, факт остаётся фактом, что разговоры^{иIV} были, ^{кIV}^{лIV}-что вы знали непосредственно^{-лIV},

^{иIV}Мне кажется, что вообще политически это так^{иIV} представляется^{оIV}: разве мы не имеем перед собой явление^{иIV}, что^{пIV} оппозиционные группы, это^{сIV} объединившиеся^{тIV} ^{уIV}контрреволюционные группы во главе с Троцким, Зиновьевым, с правыми, ^{уIV}решили произвести последнюю попытку^{фIV} ^{хIV}на советскую власть, на^{-хIV} сталинское руководство. ^{шIV}Они, как мы видим, просчитались, они забыли^{иIV}, что сорвутся на этом деле. ^{шIV}Фактор нашего^{-шIV} ^{шIV}Всё это говорит о том, что мы должны сейчас не только Бухарина проверить, но должны^{-шIV} ^{аIV}будем^{иIV} проверить^{иIV} политическую честь^{аV}, если бы даже не было^{бV} ^{бV}доказано, и Бухарина, и Рыкова. ^{бV} ^{гV}Если бы не было того, что мы^{гV} сейчас имеем^{аV} десятки людей ваших сторонников, ваших друзей, которые участвовали в этой контрреволюционной троцкистской организации. Сейчас разницы ^{сV}в этом

^{еIV} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: всё

^{жIV} В правленной стенограмме исправлено: запятая из точки, далее вписано над строкой: что говорит-ся в показаниях.

^{аIV} В правленной стенограмме перед словом вставлено: Но; далее исправлено: т из Т

^{иIV} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: о терроре с Рыковым

^{кIV} В правленной стенограмме: точка из запятой

^{лIV}^{-лIV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{иIV} В правленной стенограмме перед словом вставка: Как мог получиться блок от Троцкого до Бухарина, Рыкова, Томского. Как правые дошли до жизни такой.

^{иIV} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: дело.

^{оIV} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: так.

^{пIV} В правленной стенограмме исправлено: я из е.

^{пIV} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: все без исключения бывшие.

^{сIV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{тIV} В правленной стенограмме исправлено: лись из вшиеся, далее вписано над строкой: вокруг Троцкого и.

^{уIV}^{-уIV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{фIV} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: свергнуть.

^{хIV}^{-хIV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{иIV} В правленной стенограмме запятая из точки, далее вписано над строкой: не останавливаясь ни перед чем.

^{иIV} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: не думали,

^{шIV}^{-шIV} В правленной стенограмме неоконченная, но не зачёркнутая автором фраза, далее следует вставка, основу которой составляют заключительные предложения абзаца: Сейчас имеются десятки людей ваших сторонников, ваших друзей, которые участвовали в этой контрреволюционной троцкистской организации. Сейчас разницы между троцкистами, зиновьевцами и правыми никакой нет. Одна платформа – от фашизма до правых.

^{шIV}^{-шIV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{аIV} В правленной стенограмме вставлено перед словом: И если бы не было на Бухарина и Рыкова даже никаких показаний, то и тогда мы должны.

^{юIV} В правленной стенограмме исправлено на: были бы.

^{иIV} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: их.

^{аV} В правленной стенограмме исправлено на: честность.

^{бV} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: конкретных показаний.

^{бV}^{-бV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{гV}^{-гV} В правленной стенограмме зачёркнуто, далее исправлено: С из с.

^{аV} В правленной стенограмме исправлено: ются из ем

^{сV}^{-сV} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: между троцкистами, зиновьевцами и правыми.

деле-^{еV} никакой не^{жV} ^{эV} признают: ^{эV} одна платформа – от фашизма до правых. ^{нV} Об этом здесь уже говорили. ^{нV}

Ведь^{кV} Николай Иванович Бухарин изображает дело так, что в 1929 году, после этой^{лV} борьбы^{нV}, он сразу порвал всякие сношения со всеми людьми, порвал^{нV} всякие встречи, перестал разговаривать с ними. Это что-то не то, потому что настоящий коммунист постарался бы оказать своё влияние на этих людей, которых он когда-то сбил с толку, постарался бы исправить этих людей, а если эти люди неисправимы, должен был бы сказать^{оV}: товарищи, имейте в виду, что такие-то люди народ безнадёжный, что мои попытки исправить их ни к чему не привели. ^{нV} Мы ни разу такой постановки от Бухарина не видели^{нV}, а всё^{сV} сводится^{тV} к тому, что он^{уV} ничего не знает^{фV} – ^{хV} чепуха это, Центральный Комитет не этого от вас требует^{хV}.

Вот почему^{нV} ^{нV} всё то, что ^{нV} мы ^{шV} здесь, сегодня ^{шV} должны были^{нV} поставить^{эV} совершенно^{оV} решительно и остро, не обращать^{хV} внимания ни на слёзы, ни на жалобы. Мы должны вопрос о Бухарине и о^{аV} Рыкове со всех точек зрения обсудить и принять соответствующее^{бV} решение^{аV}.

Сами вы^{сV} ^{лV} в этом ^{аV} виноваты от начала до конца и не только в 1929 году, но и на всём^{сV} протяжении^{жV}. Теперь за всё это вы должны ответить ^{эV} и дать соответствующие показания^{эV}.

^{жV} В правленной стенограмме исправлено на: нет:

^{эV-эV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{нV-нV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{кV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{лV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{нV} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: с партией.

^{нV} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: прекратил.

^{оV} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: ЦК.

^{нV} В правленной стенограмме впереди вставлено: Они враги.

^{рV} В правленной стенограмме зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: слышали.

^{сV} В правленной стенограмме исправлено: с из ё; далее вписано над строкой: речи Бухарина и Рыкова.

^{тV} В правленной стенограмме внутри слова исправлено: я из и.

^{уV} В правленной стенограмме исправлено: они из он

^{фV} В правленной стенограмме исправлено: ют из ет; далее точка вместо тире.

^{хV-хV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{нV} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: здесь, сегодня.

^{нV-нV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{шV-шV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{шV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{эV} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: вопрос о Бухарине и Рыкове.

^{юV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{нV} В правленной стенограмме исправлено: я из ть.

^{аV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{бV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{аV} В правленной стенограмме исправлено: запятая из точки; далее вписано над строкой: которое пред- лагал здесь тов. Эйхе – об исключении их из ЦК и из партий.

^{сV} В правленной стенограмме далее после запятой вписано над строкой: тт. Бухарин и Рыков,

^{лV} ^{лV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{сV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{жV} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: всего периода вплоть до сегодняшнего дня

^{эV} ^{эV} В правленной стенограмме зачёркнуто.

МОЛОТОВ. Товарищи, я должен сообщить о порядке дня. Тут есть письмо Бухарина на имя т. Ворошилова. Тов. Ворошилов дал соответствующий ответ. Завтра мы и письмо, и ответ вам разошлём¹⁵².

МОЛОТОВ. Слово имеет т. Саркисов.

САРКИСОВ. Товарищи, что касается характеристики этой банды^{а*} фашистов, мне кажется, что нечего больше распространяться. Тов. Ежов был абсолютно прав, что история не знает других прецедентов. Даже невозможно привести никакой параллели. Никогда люди так низко не падали, никогда контрреволюция так озверело себя не вела^б. ^вМне кажется, что об этом нечего распространяться.

Я взял слово не для этого^г. Я взял слово потому, что здесь, в докладе т. Ежова, был упомянут и Донбасс, и моя фамилия^г.

МОЛОТОВ. Да, к сожалению.

САРКИСОВ. Я взял слово^д и потому, что я, как всем вам известно^е, бывший^ж оппозиционер^з¹⁵³. Мне, конечно, после всего того, что разоблачено, хотя я десять лет тому назад раз и навсегда порвал с этой сволочью, всё же тяжело даже от одного воспоминания, что^и имел связь с этими фашистскими мерзавцами. Я хочу дать некоторые объяснения.

Да, товарищи, верно, и в Донбассе были разоблачены троцкисты^к. Областной комитет партии и лично я (об этом знает ЦК КП(б)У)^л разоблачили много троцкистов. Я прекрасно понимал и понимаю, что никогда никаким словам нельзя верить и не верят^м. И поэтому, вам известно – меньше всего я произносил слов^н на всяких собраниях, потому что я считал, что нужно^о делать. А что значит^п показать делом? Показать делом, это значит – ^рбывшему^р оппозиционеру^с разоблачать троцкистов.

БАГИРОВ¹⁵⁴. Правильно, ты^т это и^у делаешь^ф.

^а В правленной стенограмме далее вписано над строкой: троцкистско-зиновьевских и правых.

^{*} Здесь и далее авторская правка сделана фиолетовыми чернилами.

^б В правленной стенограмме далее вписано над строкой: как эта троцкистско-зиновьевская фашистская банда.

^{в-г} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^г В правленной стенограмме далее вписано над строкой: (в связи с тем, что я прозевал троцкиста-вредителя Шаева).

^д В правленной стенограмме далее вписано над строкой: ещё.

^е В правленной стенограмме далее вписано над строкой: почти десять лет тому назад имел несчастье быть.

^ж В правленной стенограмме слово зачёркнуто.

^з В правленной стенограмме исправлено на: оппозиционером.

^и В правленной стенограмме далее вписано над строкой: когда-то.

^к В правленной стенограмме далее вписано над строкой: и их троцкистский центр

^л В правленной стенограмме далее вписано над строкой: также.

^{м-н} Так в тексте. Вероятно, правильно: [не] верю.

^о В правленной стенограмме исправлено на: речей.

^п В правленной стенограмме далее вписано над строкой: дело.

^р В правленной стенограмме далее вписано над строкой: свою преданность партии,

^с В правленной стенограмме вписано над строкой: (тем более для.

^т В правленной стенограмме исправлено: го из му.

^у В правленной стенограмме исправлено: а) из у.

^ф В правленной реплике зачёркнуто красными чернилами.

^г В правленной реплике зачёркнуто красными чернилами.

^д В правленной реплике далее вписано красными чернилами после запятой: но ты должен помочь нам и в Баку до конца разоблачать всех скрытых троцкистов.

САРКИСОВ. Правильно^{*}. Это первая обязанность членов партии. Но я всегда для себя считал, что это тройная обязанность каждого бывшего оппозиционера, и в своей работе старался быть как можно бдительнее и разоблачать троцкистов и зиновьевцев. Больше того, я взял за правило не брать ни на какую работу, тем более на партийную работу, человека, который когда-то был оппозиционером. Я рассуждал так: если партия мне доверяет, то я не могу^а передоверять другим это доверие партии. Именно, исходя из этого (товарищи об этом знают) я всегда систематически, последовательно изгонял людей с оппозиционным прошлым, особенно с партийной работы.

Мне^а называли целый ряд лиц из Донбасса^а, в частности, Сергеева. Во-первых, и Сергеев, и Шаев – оба работали в Донбассе до моего приезда в Донбасс. Хотя это ни в какой мере меня не оправдывает, но я подчёркиваю, что они до меня ещё работали, один в качестве заведующего культпропа обкома, другой в качестве ответственного партийного работника. Но Сергеева мы разоблачили^а, ^аразоблачил я^а. Тут, мне кажется, бдительность моя оказалась на высоте^а.

БАГИРОВ. *Кто был Сергеев?*

САРКИСОВ. Сергеев был заведующим культпропом. Как разоблачили Сергеева? Мы^а после^а Сергеева ^апроверяли работу и работников^а и оказалось, что он послал некоторых троцкистов на работу, причём^а ^аи тех^а, которые были отведены бюро областного комитета партии. Этого факта было достаточно, чтобы поставить вопрос о снятии его с работы, а затем мы исключили его из партии. После показаний обнаруженных^а троцкистов^а украинского центра^а, ^амы убедились в том, что мы имели дело с троцкистом в лице Сергеева. Потом выяснилось, что^а ^аон был связан с троцкистским центром.

Кого мы прозевали? Я лично^а прозевал^а Шаева. Это верно. Тут не оказалось достаточной бдительности. Но это был человек, который вот уже сколько лет – 13–15 лет, всё время находится на ответственной партийной работе – в Киеве был председателем ^аокружной^а ^аконтрольной комиссии, затем членом бюро окружного^а комитета пар-

^{*} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^а В правленной стенограмме далее вписано над строкой: и не имею права.

^а В правленной стенограмме исправлено на: здесь.

^а В правленной стенограмме далее вписано над строкой: которых мы прозевали,

^а В правленной стенограмме далее вписано поверх строки: как гнилого либерала и пособника троцкистов.

^а В правленной стенограмме зачёркнуто.

^а В правленной стенограмме исправлено на: месте.

^а В правленной реплике исправлено красными чернилами на: А кем был Сергеев у тебя?

^а В правленной стенограмме далее вписано над строкой: проверяли работу.

^а В правленной стенограмме зачёркнуто.

^а В правленной стенограмме зачёркнуто.

^а В правленной стенограмме далее вписано над строкой: людей,

^а В правленной стенограмме зачёркнуто.

^а В правленной стенограмме зачёркнуто, поверх зачёркнутого вписано: арестованных на Украине.

^а В правленной стенограмме далее вписано: из.

^а В правленной стенограмме далее вписано: Сергеев был разоблачён уже как троцкист.

^а В правленной стенограмме зачёркнуто.

^а В правленной стенограмме далее вписано над строкой: совсем.

^а В правленной стенограмме далее вписано над строкой: бывшего заведующего угольным отделом обкома троцкиста.

^а В правленной стенограмме зачёркнуто.

^а В правленной стенограмме зачёркнуто, поверх зачёркнутого вписано: областного.

тии и затем переходит к нам. Не оказалось у нас достаточной бдительности к этому троцкистскому мерзавцу. Эту свою ошибку я признаю. Эта самая^{o1} ошибка несомненно у меня была. Я считаю, что вопрос о бдительности – не теоретический^{п1} вопрос. Я не могу сказать, что вот разоблачил 10–20 троцкистов, а одного прозевал, значит ^{п1} всё в порядке^{п1}, значит ^{с1} бдительность на месте^{с1}. ^{т1} Это вопрос политический^{т1}. А от коммуниста, тем более от руководителя областной партийной организации, требуется, чтобы он разоблачил всех^{п1}, ^{ф1} а не считать, что 10 разоблачил, а одного прозевал^{ф1}. И я эту свою крупную ошибку признаю. Тут я полностью^{с1} не оправдал^{п1} того доверия,^{с1} которое ^{м1} было мне оказано^{м1} Центральным Комитетом. Я считал, ^{м1} по крайней мере^{м1}, что если ЦК партии, если товарищ Сталин доверяет мне, бывшему оппозиционеру, такую большую область, я считал, что я сумею не дать никакой осечки. А вот ^{а1} на одно лицо^{а1} я осечку дал.

СТАЛИН. На Шаеве?

САРКИСОВ. Да, на Шаеве. И, ^{п1} товарищи, которые со мной работают, товарищам из ЦК КП(б)У известно, как мне удавалось не произносить^{п1} фразы, а разоблачать троцкистов и зиновьевцев. А в этом деле мне не удалось, я ошибся и эту свою ошибку признаю. И мне придётся, что у меня хватит умения и бдительности, чтобы в дальнейшем не повторить подобной ошибки.

БАГИРОВ. Но ты должен нам сильно помочь^{а1}.

САРКИСОВ. Вы знаете, что я вам сообщил, что Хашдудагов* бывший троцкист. Вы ведь не знали, что он был троцкистом. Кроме того, я сообщил, что работающий у вас Левитин¹⁵⁷ был троцкистом. ^{п1} Потому что^{п1} если я, будучи ответственным партийным работником, которому доверяет ЦК, если я^{п1} скрою хоть одного человека, который в прошлом был троцкистом, то я буду в стане этих фашистов. ^{т1} Тут вопрос не в арифметике,

^{o1} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{п1} В правленной стенограмме зачёркнуто, поверх зачёркнутого вписано: [не] арифметический, а политический.

^{п1-п1} В правленной стенограмме вставлены кавычки.

^{с1-с1} В правленной стенограмме вставлены кавычки. Далее вписано над строкой: Такое рассуждение неправильно ещё и потому, что этот троцкист Шаев был не один, он руководил троцкистско-фашистской организацией!

^{т1-т1} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{п1} В правленной стенограмме слово подчёркнуто, далее вписано над строкой: врагов, как бы они ни были замаскированы.

^{ф1-ф1} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{с1} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{п1} В правленной стенограмме зачёркнуто, поверх зачёркнутого вписано: выполнил.

^{с1} В правленной стенограмме зачёркнуто, поверх зачёркнутого вписано: требования о бдительности.

^{м1-м1} В правленной стенограмме зачёркнуто, поверх зачёркнутого вписано: предъявлено всем нам.

^{м1-м1} В правленной стенограмме фрагмент текста зачёркнут, поверх зачёркнутого вписано: так.

^{с1-с1} В правленной стенограмме фрагмент текста зачёркнут.

^{п1} В правленной стенограмме буква зачёркнута, в следующем слове первая буква исправлена: И из и.

^{п1} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: пустые.

^{а1} В правленной реплике далее вписано красными чернилами: разоблачать скрытых троцкистов, завербованных в 1926 году в Баку тобой, дать имена тех, кого ты помнишь.

* Так в тексте. Правильно: Ханбудагов.

^{п1-п1} В правленной стенограмме зачёркнуто, в следующем слове первая буква исправлена: прописная из строчной.

^{а1} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: как и всякий член партии.

^{т1-т1} В правленной стенограмме зачёркнуто.

а вопрос в политике. Поэтому я оказываю вам соответствующую помощь – вам и другим товарищам – с тем, чтобы действительно все эти мерзавцы были разоблачены^{all-158}.

Пару слов я хочу сказать по поводу Бухарина и Рыкова. Мне лично сдаётся, что оговорить никого нельзя. Ещё не было ни одного примера из моего опыта в Донбассе, чтобы кого-нибудь оговорили, не было такого случая. Если оговаривают, то почему меня не оговаривают? Я вот ставлю такой вопрос: если Зиновьеву, Пятакову и другим^{all} хочется чистых^{all} людей оговорить, чтобы их^{ell} не было, вот мол, мы их^{ell} уничтожим^{all} таким путём, так спрашивается, почему не оговорят меня, почему не оговорят т. Николаева^{all}, *^{all} ведь это же тоже бывший оппозиционер^{all}. Нет,^{all} это не оговор, а настоящие правдивые показания. Безусловно. Вот вы^{all} здесь клянётесь Лениным. Я позволю себе напомнить одну историю. Ведь Бухарин заявляет, что он клянется Лениным, но он вместе с левыми эсерами хотел арестовать Ленина.

БУХАРИН. Чепуха!

САРКИСОВ. Это исторический факт. Это не чепуха. Это когда-то вы сами говорили¹⁵⁹.

БУХАРИН. Я говорил, что эсеры это предлагали, а я об этом Ленину сообщил. Как вам не совестно передёргивать!

САРКИСОВ. Этого вы не отрицаете. Это только подтверждает факт.

БУХАРИН. Я сказал об этом Ленину и я^{all} виноват в том, что я^{all} хотел^{all} арестовать Ленина^{all}.

САРКИСОВ. Политический работник может ошибиться. ^{all}Известно, что я допустил грубейшую ошибку в своей принадлежности к троцкистам, ^{all}но^{all} всё-таки человек не может же ошибаться систематически, спорадически^{all}. А у вас так получается, и теперь вы уверяете, что вы клянётесь Ильичём. Это, по меньшей мере, двурушничество.

^aЧто касается моей личной работы. Да, у меня была одна ошибка, об этом говорилось – Шаев – троцкист, когда удалось по всем другим фронтам разоблачить врагов, у меня бдительности не хватило, не мог раскусить его^a. Тов. Орджоникидзе знает, сколько людей, как саботажников, мы изгнали из Донбасса. Эти люди, которых мы изгнали как саботажников, теперь оказываются троцкистами. Зубкова мы изгнали, Антонцева мы изгнали, Попова мы изгнали из Донбасса, лишили права занимать должности в Донецкой угольной промышленности. А теперь все они в этой троцкистской шайке.

^{all-all} В правленной стенограмме зачёркнуто, поверх зачёркнутого вписано: хотелось честных.

^{ell-ell} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{all} В правленной стенограмме исправлено: ть из м.

^{all} В правленной стенограмме последняя буква исправлена: а на у.

* Так в тексте. Правильно: Николаеву.

^{all-all} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^{all} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: многочисленные показания на Бухарина и Рыкова.

^{all} В правленной стенограмме далее вписано над строкой: Бухарин.

^{all} В правленной реплике далее вписано фиолетовыми чернилами над строкой: же, оказывается.

^{all} В правленной реплике зачёркнуто фиолетовыми чернилами.

^{all} В правленной реплике далее вписано фиолетовыми чернилами над строкой: его.

^{all} В правленной реплике зачёркнуто фиолетовыми чернилами.

^{all-pall} В правленной стенограмме зачёркнуто.

^a В правленной стенограмме первая буква исправлена: строчная на прописную.

^r В правленной стенограмме слово зачёркнуто, заменено вписанным над строкой: непрерывно.

^a В правленной стенограмме зачёркнуто.

^c В правленной стенограмме этот текст зачёркнут.

«У нас не хватило бдительности выявить троцкистов, где мы выявили саботажников»^е. Мы думали, что они пассивную роль играли*. Даже^з то^а, что нам удалось раскусить этих людей, удалось вовремя изгнать их из угольной промышленности – этим мы также^к проявили большевистскую бдительность. Была одна ошибка^а, которую я и признаю. Я считаю, что удастся, наверняка, эту ошибку устранить».

Что касается Рыкова и Бухарина, я прямо заявляю, "не колеблясь, что могу хоть на гран ошибиться", что это такие же речи, которые произносили Зиновьев и Каменев на XVII съезде партии. Это – двурушничество. Двурушникам не место в нашей партии, в нашей стране, их нужно судить.

МОЛОТОВ. Слово имеет т. Каганович.

КАГАНОВИЧ. Товарищи, речи Рыкова и Бухарина, они скорее похожи на последние слова подсудимых на суде, чем на речи на Пленуме Центрального Комитета партии. Надо же понимать, что здесь на чувства жалости действовать нельзя.

ГОЛОСА. Правильно.

КАГАНОВИЧ. Здесь собрался штаб руководства нашей партии и нашей страны. Нужно давать политические доводы, если вы хотите, чтобы мы вас оправдали. Я думаю, что никаких политических доводов в речах Бухарина и Рыкова здесь не было, кроме стремления вызвать жалость к себе.

Бухарин и Рыков, прежде всего, даже с точки зрения отстаивания своих прав обвиняемых, изобразили дело так, что вся эта данная постановка вопроса на Пленуме ЦК и обсуждение этого вопроса на них свалились как снег на голову, как будто, неожиданно на них свалилось обсуждение этого вопроса на Пленуме ЦК. Так ли это дело? У них положение было гораздо хуже, чем сейчас. Ведь необходимо вспомнить, что на суде троцкистско-зиновьевской террористической организации, на суде, который вынес приговор, смертный приговор обвиняемым по этому делу, Прокурор Советского Союза на основании показаний обвиняемых: Зиновьева, Каменева, Рейнгольда и других¹⁶⁰ сделал заявление, что он начинает, назначает следствие о поведении Рыкова, Бухарина и других.

Это следствие потом Прокуратура повела по всем юридическим основаниям. В отношении кое-кого впоследствии был применён арест. Были арестованы Пятаков, Серебряков, Радек и другие. В отношении к ним¹⁶¹ Прокуратура и ЦК партии проявили особую осторожность, особую терпимость и особую, я бы сказал, шепетильность и особый подход, устраивая очную ставку с ними, например, Рыкова и Бухарина с Сокольниковым. Потом разбирали весь вопрос и вынесли заключение, что юридических оснований нет для приобщения Бухарина и Рыкова к этому делу о троцкистско-зиновьевском террористическом центре.

БЕРИЯ. В тот период.

КАГАНОВИЧ. Совершенно правильно. Не было юридических оснований к судебному процессу троцкистско-зиновьевской террористической организации*. К данному

* В правленной стенограмме далее вписано над строкой: Теперь они разоблачены как троцкисты, вредители и имеющие связи с ними.

^з В правленной стенограмме зачёркнуто.

^а В правленной стенограмме первая буква изменена: н из т; прописная из строчной.

^к В правленной стенограмме зачёркнуто.

^а В правленной стенограмме далее вписано над строкой: в вопросе о троцкисте Шаяеве.

^а В правленной стенограмме слово зачёркнуто, вписано над строкой: больше не допускать.

^а В правленной стенограмме фрагмент текста зачёркнут.

^о В правленной стенограмме далее вписано над строкой: фашистские бандиты.

^а В правленной стенограмме далее вписано над строкой: Бухарину, Рыкову.

* Так в тексте. Очевидно, что выступавший имел в виду не привлечение Бухарина и Рыкова к уже начавшемуся судебному процессу по делу «антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского

процессу юридических оснований не имеется. Что это значит? Каждый серьёзно политически мыслящий человек должен понимать, что дело шло об определённом судебном процессе, где люди приговорены к смертной казни. Дело шло о привлечении их к суду. Я потом скажу, почему сложилось такое впечатление, что юридических оснований не было для привлечения их к суду. Что это не тактический маневр, как это склонны Рыков и Бухарин изображать, а что это получилось из того анализа, который получился в результате очной ставки, это же ясно¹⁶². К ним проявили исключительную терпимость, осторожность. Прокуратура несколько* разбирала вопрос. Два секретаря ЦК устраивали очередную** ставку и выяснили, что юридических оснований для приобщения к данному делу не имеется¹⁶³. Теперь Бухарин берёт это как главный довод для своей защиты и говорит: позвольте, вы юридических оснований не имеете, почему же вы на Пленуме обсуждаете этот вопрос, почему Ежов, как докладчик, выдвигает какие-то обвинения.

БУХАРИН. Я этого не говорил.

КАГАНОВИЧ. Смысл вашей речи был такой. Разве это серьезно, разве это не чисто юридическая казуистика, разве это не политический довод для своего оправдания. Это казуистика лёгкой полемики, которая неуместна в вашем положении. Вы должны понять, что ваше положение достаточно серьёзно и фактов имеется много, чтобы предъявить вам известное обвинение.

Что же выяснилось на очной ставке Рыкова и Бухарина с Сокольниковым? Выяснилось следующее. Главным действующим лицом от правых в своих сношениях, в своих связях с контрреволюционным троцкистско-зиновьевским террористическим центром, главным действующим лицом, участвующим в этом центре, был Томский. Сокольников не знал, когда мы его допрашивали, о том, что Томский застрелился. Мы ему этого не говорили. Наоборот, мы его даже спросили: Вы это подтвердите на очной ставке с Томским? Конечно, говорит, подтверждаю, безусловно¹⁶⁴. Что же показала очная ставка с Сокольниковым? Я должен сказать, что по данному делу троцкистско-зиновьевского контрреволюционного центра, ввиду того, что главное действующее лицо – Томский, как представитель правых в этом центре, выпал, что Томский предпочёл, как тов. Сталин сказал, вместо того, чтобы быть открытым на суде, разоблачённым, предпочёл застрелиться, только бы не присутствовать при разоблачении себя, как безусловного участника троцкистско-зиновьевского террористического центра, – так как это главное действующее лицо выбыло, то, конечно, наше положение было очень затруднительное. Разговор с Сокольниковым вёл Томский.

Позвольте мне остановиться всё-таки на роли Томского, как на очной ставке*** с Сокольниковым, так и по его собственному выступлению на партийной организации ОГИЗа. Сокольников показывает: «Участвуя в этом блоке и входя... (ч и т а е т)^a ...к ноябрю 1935 года».

Я потом скажу, какая связь была у троцкистов с правыми в 1933–1934 гг.

центра), а возможное новое судебное разбирательство.

* Так в тексте.

** Так в тексте. Правильно: очную.

*** Так в тексте. Речь идёт о якобы «окончательно установленной» показаниями Сокольникова на очной ставке роли Томского в налаживании связи, а затем и в организации блока оппозиционных правых и троцкистско-зиновьевских сил.

^a Из зачитанных показаний Сокольникова на очной ставке с Бухариным от 8 сентября 1936 г.: «...в центр блока, я, конечно, знал, что блок организовался на основе террора против руководителей ВКП(б) и советского правительства, и в первый период своего участия в этом блоке был информирован Каменевым о подготавливавшихся террористических актах. В связи с арестами после 1-го декабря 1934 года и провалом центра была создана новая тройка в составе: меня – Сокольникова, Радека и Серебрякова.

«Эти переговоры были продолжением тех, которые велись в 1932 году... (читает)⁶ ...в блок тогда не вошли».

Если бы Сокольникову нужно было клеветать, он бы сказал, что они тогда вошли¹⁶⁵.
«Правые в блок не вошли... (читает)⁶ ...взаимной информации».

Мы глубочайше убеждены, что это было именно так. Всегда блок начинается так. Возьмите историю всех политических блоков. Возьмите блок двух разных политических группировок: они сходятся на чём-то едином, на какой-то единой генеральной линии. Блоки всегда начинаются с взаимной информации, с контакта, связи. И вот они на организацию блока, который не показал свою жизнеспособность, не согласились. Они согласились на установление контакта и взаимной информации.

«Осенью 1935 года я по прямому... (читает)⁷ ...участия правых».

Вы обратите внимание, случайно ли, что Кульков* показывает в своих показаниях, что в 1935 году Рыков разговаривал с Котовым о терроре, и в 1935 году, тем самым, вступает в блок. Ведь ни Куликов, ни Котов не имеют представления, они не знают о центре, они рассказывают о своей правой линии. Видно, что всё-таки середнячки не всё знали, что знали центровики¹⁶⁶. Центровики знали о Пятакове. И вот Куликов и Котов разглашают**, что в 1935 году Рыков говорит об ускорении террористических актов. Дальше он пишет***: «Мне известно, что Пятаков условился с Томским. ... (читает)»¹.

Спрашивается, эти доводы логичны или не логичны? Безусловно, логичны. Известно, что и [у] Рыкова, и у Бухарина связи и кадров было гораздо меньше, чем у Томского. Всем известно, что Томский руководил профсоюзами, у него была группа правых тред-юнионистов, очень злых, кулацки настроенных. Именно из этой группы выросла террористическая группа сормовского Смирнова¹⁶⁷, который ещё в 1932–33 году организовал террористическую группу с целью совершения террористических актов. Это не басня, товарищи, это факт. Эта группа была разоблачена и осуждена. Поэтому ясно, почему все эти элементы связывались по преимуществу с Томским.

Мы установили контакт с Пятаковым, который также вошёл в центр. Переговоры с правыми относятся к ноябрю 1935 года» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 176. Л. 27).

⁶ Далее в том же документе: «...и о которых я знал от Каменева, утверждавшего, что он в 1932 году вёл переговоры об организации блока с Бухариным, Зиновьев – с Томским, а Шаров и Евдокимов – с Углановым. Каменев мне говорил, что он, Каменев, впоследствии сообщил Бухарину и Рыкову об организации блока и о том, что блок организован на террористической основе. Однако, правые в блок не вошли...» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 176. Л. 27–28).

⁷ Далее в том же документе: «...но согласились на контакт и взаимную политическую информацию» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 176. Л. 28).

⁸ Далее в том же документе: «...поручению нового центра, обратился к Томскому с предложением вступить в блок. Томский согласился, подтвердив, что он действует от имени Бухарина и Рыкова. Таким образом, к началу 1936 года блок расширился за счёт участия правых» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 176. Л. 28).

* Ошибка. Правильно: Куликов. Далее по тексту выступления исправлено без примечаний.

** Так в тексте.

*** Так в тексте. Вероятно, правильно: говорит, поскольку едва ли зачитываются собственноручные показания Сокольникова.

¹ Из заключительной части зачитанных показаний Сокольникова от 8 сентября 1936 г.: «...связать людей, которых должен был привести в этот блок Томский, с Дрейцером. Тогда же была выработана с Томским общая схема действия, причём было достигнуто соглашение о том, чтобы одновременно с террористическими актами осуществить выступление военных и, в частности, Примакова и Путны. Говоря со мною, Томский выступал от имени всей группы, т. е. от имени Бухарина и Рыкова. Томский говорил, что Бухарин дал согласие использовать в контрреволюционных целях троцкистско-зиновьевского блока типографию "Известий"» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 176. Л. 28).

Здесь доказывают нам, что и Рыков, и Бухарин с Томским связи не имели. Мы на очной ставке были поставлены в затруднительное положение. Главная действующая сила – Томский – застрелился. Сокольников разговоров с Рыковым и Бухариным не вёл. Но был один разговор у Бухарина с Сокольниковым, разговор очень характерный, чего Бухарин на очной ставке не отвергал. Во время заседания Политбюро Сокольников говорит Бухарину: я пришлю напечатать мою статью, но, пожалуйста, напечатай её не под моей фамилией или без моей фамилии. На это Бухарин отвечает: «Почему? Вы должны бороться за свою легальность. Это доказываю я и Рыкову всегда».

Скажите, пожалуйста, в чём тут дело? Человек, лояльный ЦК партии, кандидат в члены ЦК, присутствующий на заседаниях Политбюро, по поводу напечатания статьи о Наркомлесе¹⁶⁸, как будто бы техническом вопросе, отвечает Сокольникову таким политическим заявлением: «Вы должны бороться за свою легальность».

Что мы, дети, что ли? Если между вами ничего нет, причём тут борьба за свою легальность и почему вы ссылаетесь на Рыкова¹⁶⁹. Я утверждаю, что это разговор двух фракционеров, это разговор двух членов одной организации¹⁷⁰ (ш у м в з а л е , г о л о с а : правильно, совершенно верно).

Иначе как можно объяснить этот разговор по поводу напечатания статьи в газете? Причём тут борьба за легальность, причём тут ссылка на Рыкова. На очной ставке мы вас переспросили, и вы подтвердили свои слова.

БУХАРИН. Я сказал: почему вы должны нелегально печатать свою статью?

КАГАНОВИЧ. Для объективности я зачитаю ваш собственный ответ (ч и т а е т)^е.

Вы же сами это признали. Товарищ Бухарин, я вас спрашиваю, в чём тут дело? Вы политический деятель, к вам обращается человек с просьбой напечатать его статью. Причём тут борьба за легальность. И у меня, и у Ежова, и у Вышинского сложилось после этого твёрдое убеждение, что в этом вопросе вы говорили именно в таком смысле.

БУХАРИН. Да ничего подобного!

КАГАНОВИЧ. Почему же вы тогда, до заявления Сокольникова, уверяли, что никогда с Сокольниковым никаких разговоров не вели? А как только Сокольников это заявил, вы это признали.

БУХАРИН. Товарищ Каганович, я просто возмутился, что зам. наркома хочет нелегально писать в газету.

КАГАНОВИЧ. Почему вы сказали именно о Рыкове, а почему не о Кагановиче?

БУХАРИН. Я скажу, потому что на этом же заседании Политбюро...

ВОРОШИЛОВ. Бухарин, подожди-ка...¹⁷¹

КАГАНОВИЧ. Таким образом, мы тогда вынуждены были, несмотря на сложившееся у нас убеждение, в том, что Рыков и Бухарин не могли не знать и знали о Томском, мы вынуждены были признать, что юридических оснований для приобщения их к делу

^е Для полной объективности и ввиду отсутствия в тексте заявленного к чтению фрагмента показаний далее приводится диалог Сокольникова и Бухарина, включающий в т. ч. «собственный ответ» последнего на ставший вдруг весьма принципиальным вопрос о «легальности»:

«СОКОЛЬНИКОВ: ... В начале 1935 года у меня был короткий разговор с Бухариным по поводу статьи в «Известиях». Я считал неудобным для себя сейчас же после назначения зам. наркомлеса выступать в печати против наркомата; я думал, что удобнее мне выступить под псевдонимом. Но Бухарин мне ответил на это: «Вы должны бороться за свою легальность. Это я доказываю и Рыкову».

БУХАРИН Н. И. Это не совсем так. Разговор был вовсе не о том, чтобы бороться за легальность, а о том, что незачем вам, как зам. наркома, играть в прятки в критике своего наркомата. Я тогда же говорил, что удивляюсь тому, что Рыков ничего не пишет о наркомате связи. Сокольников путает» (см. док. № 10 В).

Из представленной части протокола очной ставки Сокольникова с Бухариным очевидно, что разговор был, но полностью отсутствует указание на отмеченную Кагановичем его «характерность».

о троцкистско-зиновьевском центре мы тогда не имели. И мы, поэтому, сделали такое заключение.

Это только свидетельствует о том, что мы подходили к этому вопросу со всей государственной серьёзностью, что мы не шлём дела, не сколачиваем судебные дела во имя судебных дел. Так как юридических оснований у нас тогда не было, потому что главный обвиняемый Томский выпал из этого дела, мы пришли к такому заключению.

Я должен сказать, что тов. Сталин особенно требовал от нас, чтобы мы досконально разобрались в этом деле, подошли к нему осторожно, не проявляли торопливости. Именно это слово – торопливость, было тогда употреблено. Значит, мы тогда сделали такое заключение потому, что не имели достаточно юридических оснований к привлечению Бухарина и Рыкова к этому делу.

Значит ли это, что по этому поводу на Пленуме ЦК нет оснований для обсуждения вашего вопроса? Я должен напомнить, что тогда не было показаний Сосновского, не было показаний Угланова, Куликова, Матвеева, Яковлева. Были только показания суда, и по этим показаниям мы выносили решения. Сейчас мы имеем более обширный материал по этому делу.

И не странно ли, что три четверти своих речей на Пленуме ЦК Бухарин и Рыков посвятили Сокольникову? Когда дело доходило до Яковлева, Куликова и других, они пытались отговариваться и замалчивать. Вас по первому делу к суду не привлекают. Отменять это решение никто не собирается. Если вас будут привлекать к суду, то будут привлекать по дополнительным данным. Вы поэтому должны были для своей защиты сослаться на эти дополнительные данные: на Сосновского, Яковлева и других. Вы же попытались выехать только на том решении, которое мы приняли. Но это для нас малоубедительно¹⁷².

Что можно считать установленным для дополнительного обвинения Бухарина и Рыкова? Можно считать бесспорно установленным не только на основании нашего внутреннего убеждения, но и на основании фактов, что связь у правых с троцкистско-зиновьевским центром была. Томский до своего самоубийства, когда он пробовал ещё защищать себя в своей речи на собрании партийной организации в ОГИЗе, вынужден был признать целый ряд весьма серьёзных фактов.

Каковы эти факты? Начиная с 1928 г. устанавливается связь Каменева с Томским, причём при разговорах Каменева с Томским присутствовал и Бухарин. Это заявление Томского¹⁷³. Это кроме тех разговоров, которые были у Бухарина с Каменевым отдельно. Между прочим, в 1931* году, как показал Рыков на очной ставке, Каменев был у него и предложил собраться на квартире у Каменева всем старым большевикам. Рыков об этом не говорил, вплоть до очной ставки с Сокольниковым.

РЫКОВ. Каменев у меня был как у председателя Совета Народных Комиссаров, в качестве докладчика Главного Концессионного Комитета¹⁷⁴, председателем которого он являлся (ш у м).

КАГАНОВИЧ. Следовательно, он как председатель Главконцесскома пришёл к вам, председателю Совнаркома и предложил собрать всех старых большевиков для обсуждения политических вопросов страны? (Ш у м в зале).

РЫКОВ. Я отвечаю. После того, как кончилось его сообщение по плану, как председателя Концессионного комитета, он мне сказал: «Давайте соберёмся, старые большевики, чтобы разъяснить между собою все наши недоразумения». Я ему сказал: «Ты

* Так в тексте. Правильно: 1930. 19 декабря 1930 г. А. И. Рыков был освобождён от обязанностей председателя Совета народных комиссаров СССР.

говоришь глупости. *Какие могут быть недоразумения между* «старыми» большевиками*, и нечего нам разъяснять».

ЛЮБЧЕНКО. Почему⁷ ты не рассказал^м об этом разговоре в Политбюро?

РЫКОВ. Я рассказывал.

КАГАНОВИЧ. Это чепуха.

РЫКОВ. Я говорил по этому поводу.

КАГАНОВИЧ. Вы на очной ставке признали свою ошибку в том, что вы не заявили об этом.

РЫКОВ. Нет, я признал свою ошибку по вопросу о Томском и о разговоре с ним¹⁷⁵.

КАГАНОВИЧ. Мы спросили у вас – почему вы не сообщили, вы же знали, что из себя представляет Каменев, который в ноябре 1927 г. устраивал демонстрацию против ЦК на площади. Вы же знали, кто такой Каменев. Почему же вы в 1931 г., когда к вам приходит этот Каменев как к председателю Совета Народных Комиссаров и даже к члену Политбюро, – в то время какой-то фракционер, который явно борется против партии, почему же вы тогда не сказали Политбюро о том, что был у меня Каменев и предложил мне «собраться старым большевикам и разъяснить все недоразумения», вы сказали, что признаёте это своей ошибкой. О чём это говорит? Это показывает, что ещё в 1931 г. у вас был контакт с антипартийной антисоветской группой и этот контакт затем перерастал в связь. Ещё тогда вы устанавливали этот контакт.

ГОЛОСА. Правильно.

КАГАНОВИЧ. Что признаёт Томский? Очень интересно. Томский признаёт, что «в 1932 г. приходит ко мне Каменев, приходит ко мне Зиновьев, приходит ко мне Шляпников» и целый ряд других оппозиционеров. Видите ли, как они тяготеют к нему. «С Каменевым у меня личных отношений нет, был он у меня, просил меня, нельзя ли дать ему машину, я ему давал свою машину, он просил оказать ему помощь, – я ему помогал». Ну, Каменеву он помогал. А Зиновьеву? Зиновьев ведёт с ним разговоры на заседании Наркомпроса¹⁷⁶. Интересно получается. Приходит Томский на заседание НКПроса, в зале никого не оказалось. Какая случайность. В зале оказались только Томский, Зиновьев и Надежда Константиновна Крупская. «Зиновьев меня встретил очень любезно и говорит – зайдём ко мне в кабинет». Он зашёл к нему в кабинет. Тут же он добавляет – Надежды Константиновны Крупской в кабинете не было. Начинается разговор. Зиновьев жалуется ему на своё личное тяжёлое положение. Ну, а потом начинает говорить о положении страны, сообщает о том, что он беспокоится о том положении, в котором находится сейчас страна.

ГОЛОС С МЕСТА. Кроме него некому беспокоиться.

БЕРИЯ. Ну, и мерзавцы же, просто не хватает слов.

КАГАНОВИЧ. Можно, безусловно, сказать, что это разговор был не личного порядка, не порядка личной жалобы, а что это был разговор политический. Это было началом уже не контакта, а более серьёзной связи.

ГОЛОС С МЕСТА. Это был уже сговор.

КАГАНОВИЧ. И, наконец, в 1934 г. Зиновьев приглашает Томского к нему на дачу на чаепитие. Томский едет к нему. По-видимому, этому чаепитию предшествовало кое-

*- * Зачёркнуто простым карандашом.

⁷ Исправлено простым карандашом: С из с.

^н Исправлено простым карандашом: е из ми.

^к Исправлено простым карандашом: и из ами; далее снята запятая и вписано: не могут заменить ни партию, ни ЦК.

^л Исправлено фиолетовыми чернилами: в из т.

^м Дотисано фиолетовыми чернилами: и.

что другое, потому что после чаепития Томский и Зиновьев на машине Томского едут выбирать собаку для Зиновьева. Видите, какая дружба, даже собаку едут выбирать. Помогает.

СТАЛИН. Что за собака – охотничья или сторожевая?

КАГАНОВИЧ. Этого установить не удалось. После выбора собаки Томский снова едет к Зиновьеву на чаепитие. По поводу этого чаепития Томский спрашивает Рыкова: меня приглашает Зиновьев к себе на дачу, идти или не идти. Рыков нам заявляет, что он ему ответил: «не надо ходить», но Томский всё-таки пошёл.

СТАЛИН. Собаку достали все-таки?

КАГАНОВИЧ. Достали. Они искали себе четвероногого компаньона, так как ничуть не отличались от него, были такими же собаками...

СТАЛИН. Хорошая собака была или плохая, неизвестно? (Смех).

КАГАНОВИЧ. Это при очной ставке было трудно установить.

Рыков после этого встречается с Томским.

Томского на собрании партактива в ОГИЗе спрашивают: Вы с Рыковым сохраняете связь. Томский говорит: да, сохраняю. А Рыков на тот же вопрос заявляет – «меня к нему произошло некоторое охлаждение. В 1934–1935 гг. встречались». А мы знаем, что он встречался с Томским не только в 1934–35 гг., но даже до последнего времени, даже тогда, когда Томского притягивали к ответственности, то Томский спрашивал у вас совета. Вы же это сами заявляли на очной ставке. Не качайте головой.

РЫКОВ. Нет, извините, я этого не заявлял.

КАГАНОВИЧ. Пожалуйста, я прочитаю, я повторю то, что вы говорили на очной ставке. Это совершенно точно.

РЫКОВ. Когда я был у Томского на квартире весной этого года...

ГОЛОС С МЕСТА. Какого года?

РЫКОВ. Этого года, 1936 года, он мне сказал, что за тот период, когда мы с ним не виделись, к нему поступали запросы из ЦК на документы Зиновьева и он за тот же период отвечал на это...

СТАЛИН. У Зиновьева с Томским был?

РЫКОВ. Я?

СТАЛИН. У Томского вы были?

РЫКОВ. Весной этого года, но ни о каких сведениях^а с Зиновьевым я не говорил.

КАГАНОВИЧ. Разрешите мне зачитать. (Читает показание т. Рыкова)^б ...но я был против этого приглашения.

Видите, одно то, что он спрашивает Рыкова, а Рыков говорит о том, что он против, разве это не есть политический акт, разве это личные отношения?

БУДЁННЫЙ. Почему Томский не спросил^в Кагановича, можно ли идти^г.

КАГАНОВИЧ. Томский у вас не спрашивал, встречаться ли ему там с Малкиным или с кем-нибудь другим, – он спрашивал вас о встрече с Зиновьевым. Вы говорите, что вы категорически ему возражали.

^а Зачёркнуто простым карандашом, далее вписано: сношениях.

^б Из зачитанных показаний Рыкова на очной ставке с Сокольниковым от 8 сентября 1936 г.: «...Я припоминаю, что в 1934 году Томский мне как-то сообщил, что у него был Зиновьев и приглашал к себе на дачу. Я на это заявил, что это политическое приглашение и я решительно возражаю против посещения Томским Зиновьева» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 176. Л. 25).

Несмотря на обещание «совершенно точно» изложить сказанное Рыковым, категоричный тон его заявления Томскому был всё же «смягчён» Кагановичем.

^в Далее вставлено чёрными чернилами: т.

^г Точка исправлена на запятую; далее вписано чёрными чернилами: а спросил именно Рыкова.

Наконец, т. Рыков заявляет нам: «Весной 1936 года Томский мне рассказал, что его вызывали в ЦК и запрашивали объяснения по поводу показаний Зиновьева». Значит, политическая связь Томского с Рыковым сохранилась до последнего момента; когда он давал показания на Рыкова, то Томский рассказал, что его вызывали в ЦК. Кто этого не понимает, что это политическая связь членов одной политической организации. Кто же этого не понимает¹⁷⁷.

Следовательно, отсюда вывод один – Томский должен был признать, что он с Зиновьевым был связан, и что Зиновьев вёл с ним политические разговоры, что он тоже помогал Каменеву, помогал Зиновьеву вплоть до того, что ездил с ним за собакой. Томский с Зиновьевым был связан до 1936 года¹⁷⁸. Совершенно ясно, что Рыков не мог не знать о действиях Томского, не мог не знать о беседах Томского с Зиновьевым, точно так же, как не мог не знать об этом и Бухарин.

БУХАРИН. Ничего подобного.

[КАГАНОВИЧ]. Наконец, можно установить совершенно твердо, что на первой стадии он был осведомлён, давал информацию. Значит, член ЦК, кандидат ЦК, идёт на Политбюро ЦК и, пользуясь своим правом, присутствует для того, чтобы осведомлять врагов народа. Достаточно ли этих фактов, чтобы исключить их из ЦК¹⁷⁹. (Голоса. Правильно, правильно.)

КАГАНОВИЧ. Факты можно считать установленными, что Бухарин солидаризировался целиком с платформой троцкистско-зиновьевской банды (голоса: правильно).

БУХАРИН. Да что вы, товарищи^c.

КАГАНОВИЧ. Ведь, собственно говоря, по всем вопросам и международным, и внутренним, и крестьянским, и индустриализации левые, правые, троцкисты сошлись, и не было никаких разногласий ни по одному вопросу. Все они, как один, были против индустриализации, против коллективизации. Все были против строительства социализма в одной стране. Все вы были против руководства.

БУХАРИН. Это же было в 1928 году^d.

КАГАНОВИЧ. Это было и в [19]28-м, и в [19]32-м, и в [19]33, и в [19]34 годах.

БУХАРИН. Неверно.

КАГАНОВИЧ. Я вас спрашиваю, на какой же платформе вы не сошлись с зиновьевцами? Вы политический деятель, вы не смогли здесь дать исчерпывающего разъяснения. Вы думаете, что мы поверим этим слезам? Нет. Политические деятели, которые прошли ленинско-сталинскую школу борьбы с врагами, этому не поверят. Вы пытались нас здесь разжалобить. Вы бы показали, на каких политических вопросах вы не солидаризировались с ними?

БУХАРИН. Ни по каким^e.

КАГАНОВИЧ. Вы были против ЦК.

БУХАРИН. Нет.

КАГАНОВИЧ. Вы против этого.

БУХАРИН. Это не верно.

КАГАНОВИЧ. Я привожу все факты.

БУХАРИН. Вы приводили факты 1928 года, какие же это факты?^f

^c Точка исправлена на восклицательный знак фиолетовыми чернилами.

^d Точка исправлена на запятую; далее вписано фиолетовыми чернилами: да и то совсем не так.

^e Далее вписано фиолетовыми чернилами: я не был с ними солидарен.

^f Снят зачёркиванием вопросительный знак, далее вписано фиолетовыми чернилами: для суждения о настоящем?

КАГАНОВИЧ. Кроме этой линии у них была своя линия. Я думаю, что это можно сказать совершенно чётко. Там оставался в силе блок* сохранить свою армию, привести свои планы в отношении террористических актов в действие.

БУХАРИН. Что^{*} вы^и, с ума сошли, тов. Каганович!

КАГАНОВИЧ. В 1928–29 гг. напильсь пьяными ваши бандиты Сапожников и Слепков и эту кучку вы пытались оправдать. Вы говорили, что не надо поднимать никакого шума. Еще в 1928 году эти бандиты, троцкисты Сапожников и Слепков задумали убить членов Политбюро, убить т. Сталина. Когда к вам пришёл Сапожников и другие и вам об этом рассказали, вы никаких мер не предприняли. Когда вам об этом сказали, то вы заявили: тише, тише, чтобы никто не знал – это на вас похоже. Вы всё делаете втихомолку. Вместо того, чтобы вы, как член ЦК, сказали, что вот, товарищи, воспитал я таких бандитов, мерзавцев, чувствую свою вину, которые дошли до того, что собирались убивать, вы ничего не предприняли. Вы, политический деятель, прикрывали каких-то мерзавцев, пьяниц. Наконец, вы должны были подумать о себе как политический деятель. Разве в 1928 году этот Сапожников и Слепков не говорили о терроре? Всё это и есть ваш приговор. Вы притворяетесь, что вы не осведомлены об их политике. Это не верно. Факты подтверждают обратное. Вы были осведомлены, какие обсуждались вопросы. Они вас осведомляли. Вы знали, вы не могли не знать, что делалось вокруг вас. Вы знали, что делает эта шайка, вы встречались с ними, вы жали друг другу руки, вы были друзьями. К чему же вы всё это говорите. Вы знали, что Радек был активным троцкистом, что он был связан с этой бандой, почему вы с Радеком до сих пор были большими друзьями, вы Радеку доверяли.

БУХАРИН. Потому, что Радеку все доверяли, и вы доверяли.

КАГАНОВИЧ. Мы ему давали работу, а это совсем другое. У вас же были приятельские, дружеские отношения. Мы его восстановили в партии, это одно, но приятельские, дружеские отношения это совсем другое.

БУХАРИН. Это неверно, это потому, что он был членом редколлегии «Известий».

КАГАНОВИЧ. Я о фактах говорю.

МОЛОТОВ. Томский о терроре говорил ещё в 1928 году. Вы слышали об этом?

ВОРОШИЛОВ. И никому другому, как^и самому тов. Сталину лично говорил.

^иБУХАРИН. Ну, что вы, товарищи, мне приписываете какую-то историю.

МОЛОТОВ. Мы говорим только о фактах.

КАГАНОВИЧ. Наконец, показания Угланова. Когда спросили, кто был в центре, он говорит, что в 1930 году в центре был я, Бухарин и Томский. Разве это неверно? Почему Радек об этом не сообщил, потому что Радек знает, что Угланов враг, который за кулака до конца, который за кулака готов пойти на любое преступление. Вы считали Угланова честным человеком. Вы считали, что Угланов человек, который имеет большую силу воли, почему же он на себя будет клеветать? На себя он клеветать не будет. Мы знаем, что это крепкий человек – крепкий враг. Почему же Угланов будет показывать, что не числится на самом деле за Бухариным и Рыковым. Вы были с троцкистами. Вам не удалось осуществить подлое убийство тов. Кирова, убийцами оказались троцкисты-зиновьевцы. Вы знали, что они готовят убийство.

* Так в тексте. Вероятно, далее пропущено слово либо несколько слов.

^{*} Вставлен вопросительный знак фиолетовыми чернилами; далее исправлено: В из в.

^и Снята зачёркиванием фиолетовыми чернилами запятая.

^и Зачёркнуто красным карандашом, далее вставлена буква: а.

^{и-и} Зачёркнуто фиолетовыми чернилами.

БУХАРИН. Это изумительная^м клевета, кровавая клевета^з.

КАГАНОВИЧ. Спрашивается, Зиновьев в 1934 г. подготовлял убийство Кирова, Томский рассказывал, что был у Зиновьева в 1934 году, мог ли Томский не знать об их планах?

Нет, они знали об этом. Не почуять, не пронюхать, вы же хвастали тем, что вы философ, что вы диалектик, что вы умеете вскрывать противоречия внутренние там, где внешнее даже единство...

БУХАРИН. Я^о этим^а не хвастал.

КАГАНОВИЧ. Рыков всегда считал себя человеком практики, человеком большого политического ума. Я спрашиваю, когда Троцкий был связан с Зиновьевым и Каменевым, когда они готовили убийство Кирова и Томский знал об этом...

БУХАРИН. Да я не виделся даже с Томским, поймите вы об^{а1} этом^{б1}.

КАГАНОВИЧ. Нет, это неверно, вы встречались, вы сами говорили об этом.

БУХАРИН. Когда? Я в Политбюро написал письмо, что с 1933 года я порвал всякие^е личные отношения...¹⁸⁰

КАГАНОВИЧ. Так вот, Угланов показывает, что он готовил убийство Кирова...

БУХАРИН. С ума сойти! ...¹

КАГАНОВИЧ. Вы считали Куликова олицетворением честности. Да, это был честный человек, это был рабочий, пролетарий, он был действительно честным. А вы его запутали. Но почему вы сейчас считаете, что Куликов клеветает? Затем Матвеев, он был у вас завсегдаем.

БУХАРИН. ^{а1} Да, смотря когда^{а1}.

КАГАНОВИЧ. Я же Москву знаю немного, я же знаю банду, которая орудовала здесь. Я знаю, что Матвеев был дополнением к вашей банде, как представитель молодой массы. Вы ведь об этом говорили. И вот этот Матвеев сейчас показывает, что они имели террористическую организацию.

Наконец, довод о клевете. Здесь я должен прямо сказать, что и Бухарин, и Рыков били на то, что нет гарантии, что завтра любого честного человека могут оклеветать. Как же выход найти, как же доказать свою честность? И будто бы партия и Политбюро готовы поверить клевете и обвинить невинных людей. Столько терпения, сколько ЦК проявил к вам, это надо искать. Ведь на вас были сотни заявлений, ведь на вас были десятки показаний уже годы¹⁸¹. К вам ЦК партии и, в частности, лично т. Сталин, проявили особую терпимость, осторожность, вас обходили, не трогали, думали, что, может быть, это неправда, и вы здесь хотите слезами и доводом от клеветы изобразить дело так: ну, что же, сегодня меня, завтра любого из партии могут оклеветать.

Мы здесь по докладу т. Ежова должны отметить один очень интересный, очень важный и серьёзный политический факт. Возьмём всех людей, которые прошли по делу контрреволюционной троцкистско-зиновьевской банды. Пока что среди них не было почти ни одного, так или иначе, не бывшего активным врагом партии. (ГОЛОСА.

^м Зачёркнуто фиолетовыми чернилами, далее вписано: возмутительная.

^з Точка исправлена на восклицательный знак.

^о Далее вписано фиолетовыми чернилами: ничем.

^а Далее вписано фиолетовыми чернилами: вовсе.

^{а1} Зачёркнуто фиолетовыми чернилами.

^{б1} Исправлено: зачёркнуто фиолетовыми чернилами: м, восклицательный знак вместо точки.

^з Далее вписано фиолетовыми чернилами: даже.

^е Вписано поверх отточий фиолетовыми чернилами: Но я здесь причём?

^{а1-а1} Зачёркнуто фиолетовыми чернилами, вписано поверх зачёркнутого: Иногда, редко бывал. Но к какому времени это относится?

Правильно.) Разве это случайно? Нет, это не случайно. Отдельные единицы могли быть скрытыми врагами, но основная масса всех мерзавцев, которые разоблачены судом, Наркомвнуделом и Прокуратурой, это все те, которые боролись против партии, кто ненавидел партию, кто ненавидел руководство партии, кто под видом борьбы за демократию хотел демократии для убийства и захвата власти. Где же у вас довод о клевете? Ведь почти нет ни одного человека, который не был бы в оппозиции; кто честен, тот не боится, тот берёт не чувством, а доводами, фактами, тот делом будет доказывать свою честность. И нечего здесь изображать дело так, будто бы клевета всесильна, а мы, простые смертные, бессильны перед клеветой. Нашли партию, нашли ЦК, нашли руководство, где клевета может быть всесильной, а люди бессильными. Это клевета на партию! У нас в партии больше, чем где-либо, правды и справедливости. Наша партия проявила большую терпимость к мерзавцам, которые оказались подлецами, которые пагубные действия проводили, которые вредили нам в самую трудную минуту и в промышленности, и на транспорте, и везде.

Конечно, и мы виноваты. Конечно, у нас недостаток бдительности во всех отраслях. Для этого мы проверку партии проводили¹⁸². Но в основном здесь видно великодушие нашей партии и политический подход ЦК партии ко всем тем людям, которые точили свой нож исподтишка, а мы думали, что это честные люди, мы думали, что это люди, в какой-то мере сохранившие свой партийный облик. А оказалось, что они за десять лет борьбы, они откатились так далеко, что докатились до контрреволюции, до лагеря фашизма, до гестапо, до Лондонской* охранки, до переговоров с буржуазными правительствами, до реставрации капитализма.

Слава богу, хорошо, что у нашей партии и у ЦК прозорливости оказалось достаточно для того, чтобы сейчас эту подлую руку остановить, разоблачить. И здесь на пленуме ЦК надо окончательно выкорчевать эту гадину, которая хочет нам помешать в нашем строительстве (аплодисменты).

МОЛОТОВ. Товарищи, сейчас начало одиннадцатого. Есть предложение сегодняшнее заседание прекратить и перенести заседание пленума на 7-е число. Завтра съезд, послезавтра, вероятно, будет демонстрация в Москве по случаю принятия Конституции, значит, перенесём заседание на 7-е число на 3 часа дня.

Кто за то, чтобы сегодняшнее заседание закрыть, прошу поднять руки. Кто за то, чтобы назначить следующее заседание на 7-е декабря в 3 часа дня? Принято.

Заседание закрывается.

Заседание второе. 7 декабря 1936 г.

МОЛОТОВ. Разрешите объявить заседание Пленума открытым. Слово для сообщения имеет товарищ Сталин.

СТАЛИН. Члены Политбюро поручили мне сделать сообщение по делу Бухарина и Рыкова.

Перерыв между заседаниями мы – члены Политбюро – использовали для того, чтобы присутствовать на очной ставке Бухарина и Рыкова с теми людьми, которые их оговаривали. Успели устроить очную ставку с тремя арестованными: с Куликовым – известным вам из Московской организации, Сосновским – известным оппозиционером и Пятаковым¹⁸³.

* Так в тексте. В отредактированном автором документе (см. док. № 6) слово снято.

Куликов сообщает о делах до официального отхода¹⁸⁴ группы бывших правых, до 1930 года. Но то, что он сообщает, это вам известно хорошо. Что касается последующих годов, его сообщение оканчивается 1932 годом. Он немного сбивается, заявляет, что Бухарин ему сказал, что надо активизировать борьбу против партии, и неплохо было бы Сталина угробить. Но во время перекрестных вопросов выступал Бухарин, – присутствует он здесь [?] (Г о л о с а: присутствует), у нас получилось впечатление – не совсем точно то, что сообщает Куликов, и нуждается оно в проверке, во всяком случае.

Сосновский более определённо говорит о Бухарине. Он был у Рыкова, с Рыковым у него не было политических разговоров, но с Бухариным у него был политический разговор. Они сошлись на том, что практика террора правильна¹⁸⁵.

Бухарин категорически отрицает, они стали ругаться друг с другом. У нас впечатление получилось, что и это дело надо проверить. Нет такого впечатления, чтобы можно было начисто принять всё то, что нам сообщил Сосновский.

Пятаков. Ну, он сообщил о делах до конца 1928 [г.] и 1929 г. И это нам известно. Но потом он перешёл к делам 1932–33 [г]г., когда он вернулся из Берлина¹⁸⁶. Насчёт террора он сообщает, что он рассказал об этом Бухарину. Бухарин не возражал, но молчаливо, видимо, соглашался¹⁸⁷. Бухарин наотрез отрицает какие бы то ни было политические разговоры с Пятаковым в 1932 г.

У нас, у членов Политбюро (во время очной ставки присутствовали: я, Ворошилов, Молотов, Каганович, Андреев, Орджоникидзе, Жданов¹⁸⁸ ...

Г О Л О С. Микоян.

СТАЛИН. ...Микоян) и у нас получилось впечатление такое, что не вполне заслуживает доверия сообщение Пятакова. Было такое время, когда Бухарин хотел сагитировать Пятакова и рассказал ему кое-что, а Пятаков взял да в ЦК сообщил¹⁸⁹. Но мало этого, кроме того, и Пятаков не очень настойчиво говорил об этом.

Остаётся ещё устроить очную ставку с 5–6 арестованными, тоже оговаривавшими Бухарина. Эти трое меньше оговаривали (с которыми мы сегодня говорили).

Рыков. Общее сообщение о том, что он знал, что надо контактировать с группой правых, и что в центре группы правых были Бухарин, Томский, Рыков¹⁹⁰. Это такое общее сообщение, которое можно и сочинить. Всякому известно, кто такие правые, и кто был во главе. Ни в одном из показаний – я говорю о тех показаниях, которые мы сегодня имели, слушали, – нет указания насчёт того, что Рыков или Бухарин были бы связаны с какой-то террористической группой. Обычно, в отдельных центрах, в отдельных группах члены центра связывались с какой-то группой или были связаны с людьми, которые организуют группу террористов, – их было, сравнительно, очень много среди учащихся, среди студентов, среди крестьянства. Таких указаний сегодня мы не вскрыли. Пятаков сказал, что насчёт Томского он не сомневается, что у него была связь с какой-то террористической группой; насчёт Бухарина и Рыкова он говорил только лишь о террористических разговорах. В связи с этим у нас создалось такое впечатление, что дело нельзя считать оконченным: оно нуждается в дальнейшей проверке.

У нас складывалось такое мнение, что, не доверяя Бухарину и Рыкову в связи с тем, что стряслось в последнее время, может быть, их следовало бы вывести из состава ЦК. Возможно, что эта мера окажется недостаточной, возможно и то, что эта мера окажется слишком строгой. Поэтому мнение членов Политбюро сводится к следующему – считать вопрос о Рыкове и Бухарине незаконченным. Продолжить дальнейшую проверку и очную ставку, и отложить дело решением до следующего Пленума ЦК¹⁹¹.

* Так в тексте.

МОЛОТОВ. Товарищи, есть ли желающие высказаться по поводу предложения тов. Сталина?

ПЕТРОВСКИЙ. ^аПринять.

МОЛОТОВ. Нет возражений? Тогда разрешите голосовать вопрос о том, чтобы обсуждение вопроса на настоящем Пленуме считать законченным и Пленум считать закрытым.

ПЕТРОВСКИЙ. Заготовленные речи – отложить¹⁹².

МОЛОТОВ. И построить в соответствии с теми данными, которые будут обнаружены¹⁹³.

СТАЛИН. О Пленуме в газетах не объявлять.

ВОПРОС С МЕСТА: Рассказывать можно?

СТАЛИН. Как людей свяжешь? У кого какой язык (Общий смех).

МОЛОТОВ. Разрешите считать предложение принятым; заседание Пленума объявляю закрытым.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 575. Л. 1а–181. Машинопись. Неправленный экземпляр;

Ф. 558. Оп. 11. Д. 1119. Л. 165–169, 193. Машинопись. Неправленный экземпляр.

-
- ¹ Речь идёт о заседании Редакционной комиссии Чрезвычайного VIII Всероссийского съезда Советов, состоявшемся 3 декабря 1936 г., на котором были подведены итоги работы по рассмотрению поправок и предложений, внесённых делегатами съезда. Сравнительный анализ списков участников пленума ЦК ВКП(б) и присутствовавших днём ранее на заседании Комиссии 214 (из 220) её членов свидетельствует о некорректности заявления В. М. Молотова. Только 75 членов и кандидатов в члены ЦК являлись одновременно и делегатами съезда Советов, избранными в Редакционную комиссию. Присутствие на её заседании других, возможно приглашённых, участников пленума не находит документального подтверждения.
 - ² Г. Н. Каминский, внося предложение, ссылается на пункт ст. 14 проекта Конституции, место которого в документе было изменено после завершения работы Редакционной комиссии съезда Советов. Поднятый им вопрос относился уже к пункту «т» той же статьи проекта, представленного участникам пленума (см. документ № 3).
 - ³ Объединённый (союзно-республиканский) Народный комиссариат здравоохранения СССР был образован постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 июля 1936 г. Г. Н. Каминский стал первым наркомом здравоохранения СССР (20.07.1936–26.06.1937 г.), сохранив за собой пост наркома здравоохранения РСФСР.
 - ⁴ Мотивировка выступающим своего предложения ссылкой на пункт «л» ст. 14 некорректна. Во-первых, ввиду смены символа («м») данного пункта в результате работы Редакционной комиссии. Во-вторых, из-за отсутствия, вопреки его утверждению, упоминания в этом пункте (как и в прежнем пункте «л») наркоматов, имевших «основание для руководства». Между тем, в ст. 76 проекта вполне определённо говорилось, что «Союзно-республиканские Народные Комиссариаты руководят порученной им отраслью государственного управления», правда, с оговоркой: «как правило, через одноимённые Народные Комиссариаты союзных республик...»
 - ⁵ В ст. 83 проекта Конституции, представленного участникам пленума, местной промышленности отводилось 12-е место среди перечисляемых республиканских наркоматов. Народный комиссариат местной промышленности РСФСР И. П. Жуков возглавлял с 19 октября 1936 г. до своего ареста 21 июня 1937 года.
 - ⁶ Данный обмен мнениями явился отражением тех трудностей, с которыми разработчики нового Основного Закона страны столкнулись с самого начала создания конституционного акта, и которые привели к ряду нестыковок в его тексте. В том числе отмеченные трудности сказались и на разработке положений проекта Конституции, устанавливающих механизм её пересмотра, на что указывалось в предисловии к настоящему изданию.

^а *Перед словом вписано автором сиреневым карандашом: Предложение; далее исправлено: п из П. На правом поле напротив реплики помета рукой Петровского: 8/ХП.*

- ⁷ Вопреки заявлению Н. И. Ежова, судебное разбирательство о виновности лиц, в той или иной степени «причастных» к убийству С. М. Кирова, не ограничилось одним процессом. После закрытого судебного заседания 28–29 декабря 1934 г. по делу «Ленинградского центра» зиновьевской организации (Николаева, Котолынова и др.), на судебном процессе 15–16 января 1935 г. определялась уже вина лиц, входивших в «Московский центр» организации, якобы координировавший действия террористических групп в столице. 16 января того же года было рассмотрено (во внесудебном порядке, Особым совещанием при НКВД СССР) уголовное дело в отношении 77 «общественно опасных» лиц, обвинявшихся в принадлежности к «ленинградской контрреволюционной зиновьевской группе Сафарова, Залуцкого и других». На большую часть подсудимых (в прошлом активных участников зиновьевской оппозиции) была возложена политическая и моральная ответственность за совершённый в отношении Кирова террористический акт.
- ⁸ Такое самоназвание отсутствовало в показаниях обвиняемых по делу об убийстве С. М. Кирова, став одним из проявлений «творчества» организаторов сфальсифицированного судебного процесса.
- ⁹ См. именной комментарий: Шатский Н. Н. Арестован 5 декабря 1934 г., т. е. до начала обработки следствием «зиновьевского следа» в убийстве С. М. Кирова. Поводом к аресту стала запись в дневнике Николаева с упоминанием его фамилии. В число обвиняемых был включён после якобы услышанных от Николаева внутрикамерным агентом НКВД фамилий Котолынова и Шатского, как людей, знавших о подготовке террористического акта. Единственный из 14 подсудимых (и подсудимых), не признавший вины ни в одном из предъявленных ему обвинений.
- ¹⁰ Речь идёт о первом из трёх «больших московских» процессов, состоявшихся в 1936, 1937 и 1938 гг.
- ¹¹ Гестапо (нем.) *Gestapo*, от *Geheime Staatspolizei* (тайная государственная полиция); политическая полиция в Германии в 1933–1945 гг. Строго говоря, данное ведомство не относилось к организациям, занимавшимся внешней военной и политической разведкой. Обращение следствия и советской пропаганды именно к этой спецслужбе как главному зарубежному союзнику внутренней оппозиции не было случайным. Такой выбор был, безусловно, логичен при сложившейся к тому времени крайне негативной и эмоционально выражаемой оценке общественным мнением, в т. ч. в СССР, «методов» карательной практики гестапо.
- ¹² В данном случае речь идёт об одном из однофамильцев, упоминаемых в настоящем издании, – Смирнове Иване Никитиче, бывшем, наряду с Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым, фигурантом судебного процесса по делу «антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра», но представлявшем, в отличие от них, его «троцкистскую» часть.
- ¹³ Двурушничество – термин, получивший широкое распространение в СССР в период фракционной борьбы 1920–1930-х гг.; рассматривалось правящим режимом как метод прикрытия вредительской работы, как поведение на грани предательства.
- ¹⁴ Показания о «запасных людях», намеченных троцкистско-зиновьевским центром к продолжению его работы «на случай провала первого состава», были даны Г. Е. Зиновьевым ещё до начала судебного процесса. Упомянутая в докладе Н. И. Ежова «группа лиц» (Пятаков, Сокольников, Радек и Серебряков) названа Зиновьевым (с припиской: «рассчитывали также на Преображенского Евгения»), в заявлении от 18 августа 1936 г. на имя следователя Люшкова, ведущего его дело (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 273. Л. 207–208). Ещё ранее показания о создании и существовании «параллельного антисоветского троцкистского центра» были получены от ряда других арестованных, в т. ч. 10 августа от Л. Б. Каменева, не указавшего, однако, о членстве в нём Ю. Л. Пятакова. Эта «неточность» была исправлена в тот же день после получения шифротелеграммы из Киева. Арестованный на Украине троцкист Н. В. Голубенко дал показания на Пятакова как на организатора и руководителя «украинского троцкистского центра».
- ¹⁵ В соответствии с действующим на то время законодательством вышеуказанные лица не находились в статусе подсудимых, поскольку дела в отношении них ещё не были приняты к судебному производству.
- ¹⁶ Мусульбас Иван Андреевич (1895–1937) – в 1918–1919 гг. член партии украинских боротьбистов, затем – компартии Украины. С ноября 1927 г. кандидат в члены, член ЦК КП(б)У. В указанной Ежовым должности 2-го секретаря Харьковского обкома партии находился в 1934–1936 гг. С февраля 1936 г. до ареста 16 октября того же года – 1-й секретарь Пензенского городского комитета ВКП(б) (Средне-Волжский край). 9 марта 1937 г. приговорён к ВМН; 10 марта расстрелян.
- ¹⁷ Правильное название: отдел угольной промышленности. В Донецком обкоме КП(б)У с сер. 1930-х гг. отдел возглавлял Шаев Семён Яковлевич (1894–1937), член партии с 1919 г. (см. подробнее именной коммент.: Шаев С. Я.).
- ¹⁸ Культпроп – сокращённое и неофициальное название входивших до 1935 г. в структуру руководящих партийных органов, в т. ч. областных комитетов, отделов культуры и пропаганды ленинизма (с 1935 г. – отделы партийной пропаганды и агитации). В данном случае речь идёт о заведующем таким отделом Донецкого обкома КП(б)У С. Я. Сергееве.

- ¹⁹ Муралов Николай Иванович (1877–1937) – член партии с 1903 г. Активный участник Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны. В 1918 г. входил в группу «левых коммунистов», с нач. 1920-х гг. активный сторонник идей и политики Л. Д. Троцкого. В декабре 1927 г. исключён из партии. На момент ареста (17 апреля 1936) занимал должность начальника сельскохозяйственного отдела управления рабочего снабжения «Кузбасстроя» (г. Новосибирск). По версии «следствия» являлся руководителем т. н. Западно-Сибирского троцкистского центра. В январе 1937 г. один из главных обвиняемых на судебном процессе по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра». 30 января приговорён к ВМН; 1 февраля расстрелян.
- ²⁰ Дробнис Яков Наумович (1890–1937) – в 1904–1905 гг. состоял в Бунде, затем в РСДРП, примыкал к меньшевистскому крылу партии. С 1907 г. большевик. После Октябрьской революции 1917 г. на военной и советской работе. В 1920-х гг. активный участник внутрипартийной борьбы: один из руководителей группы «демократического централизма», троцкист. В декабре 1927 г. исключён из партии, в 1930 г. восстановлен. Работал в НКПС, на момент ареста (6 августа 1936) зам. начальника Кемеровокомбинатстроя и, по версии «следствия», один из руководителей т. н. Западно-Сибирского троцкистского центра. В январе 1937 г. введён в число обвиняемых на судебном процессе по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра». 30 января приговорён к ВМН; 1 февраля расстрелян.
- ²¹ Богуславский Михаил Соломонович (1886–1937) – с 1905 г. член Еврейской социалистической партии, с марта 1917 г. – РСДРП, большевик. С 1918 г. на партийной и советской работе, в 1924–1927 гг. председатель Малого СНК. С 1923 г. активный участник троцкистской оппозиции. В декабре 1927 г. исключён из партии, в 1930 г. восстановлен. На момент ареста (5 августа 1936) начальник строительства завода горного оборудования (г. Новосибирск). В январе 1937 г. один из обвиняемых на судебном процессе по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра». 30 января приговорён к ВМН; 1 февраля расстрелян.
- ²² Речь идёт о Восточно-Сибирской железной дороге. Выделена в 1934 г. из состава Томской дороги, в феврале 1936 г. разделена на Восточно-Сибирскую и Красноярскую железные дороги.
- ²³ Настоящая фамилия называемого докладчиком лица – Авиллов. Глебов Н. (Глеб) – партийный и литературный псевдоним известного партийного, государственного и хозяйственного деятеля Николая Павловича Глебова-Авилова. С 1904 г. член РСДРП, большевик. В 1925 г. примыкал к «новой» («ленинградской») оппозиции. На момент ареста (19 сентября 1936) занимал должность директора построенного под его руководством завода «Ростсельмаш» (г. Ростов-на-Дону). 12 июля 1937 г. приговорён к ВМН; 13 июля расстрелян.
- ²⁴ Белобородов Александр Григорьевич (1891–1938) – член партии с 1907 г. После Октябрьской революции 1917 г. председатель Уральского облисполкома и член Уральского обкома РКП(б) (один из подписантов приказа о расстреле царской семьи). С октября 1921 г. зам. наркома, в 1923–1927 гг. нарком внутренних дел РСФСР. С сер. 1920-х гг. входил в число близких Л. Д. Троцкому людей. В декабре 1927 г. исключён из партии, в 1930 г. восстановлен. На момент ареста (15 августа 1936) уполномоченный Наркомата внутренней торговли по Азово-Черноморскому краю (г. Ростов-на-Дону). 10 (по др. данным 9) февраля 1938 г. расстрелян.
- ²⁵ Пропущенные вследствие некачественной стенографической записи фамилии руководителей «контрреволюционной организации» в Грузии указаны в конспекте озвученного Ежовым на пленуме ЦК доклада (см. документ № 4). В этом документе отмечено, что в республике «арестовано около 300 человек, во главе с Буду Мдивани, М. Окуджава и Торшелидзе». Помимо новых лиц обращает также на себя внимание указываемое в документе число арестованных, свидетельствующее об «интенсивной работе» местных органов НКВД республики, сумевших за короткий период (от подготовки конспекта доклада до его произнесения на пленуме) существенно изменить статистику арестов: с «около» до «свыше» 300 человек.
- ²⁶ Название г. С.-Петербурга в 1924–1991 гг.
- ²⁷ Название г. Екатеринбурга в 1924–1991 гг.
- ²⁸ Встреченная общим смехом «шутка» вождя оказалась из разряда зловещих. Спустил пять с половиной месяцев участник пленума, 1-й секретарь Свердловского обкома и горкома ВКП(б) И. Д. Кабаков был вызван в Москву и 22 мая 1937 г. арестован по обвинению в руководстве антисоветской организацией правых. В августе того же года показаниями ряда арестованных был «изобличён» ещё и как организатор «вскрытого» УНКВД по Свердловской области «Уральского повстанческого штаба» («рабочего органа по подготовке вооружённого восстания»). По версии «следствия», штаб объединял якобы членов белоофицерской организации, бывших красных партизан, троцкистов, правых, эсеров и повстанцев-церковников. 3 октября 1937 г. приговорён к ВМН; в тот же день расстрелян.
- ²⁹ Л. Д. Троцкий категорически отрицал факт встречи в Берлине своего сына (да ещё и по инициативе отца) с Пятаковым. После трагически закончившегося для Пятакова судебного процесса он вспо-

минал, как получил от Льва письмо, в котором тот сообщал («между прочим») родителям: «Знаете ли вы, кого я встретил на Унтер-ден-Линден? Рыжего (среди молодёжи так часто называли Пятакова из-за цвета его волос). Я посмотрел ему прямо в глаза; он отвернулся, как бы не увидя меня. Жалкий субъект!». Лев Седов, по просьбе отца, подтвердил через норвежского адвоката факт такой встречи: «Я встретил раз в Берлине, точно не могу вспомнить, в 1931 или 1932 году (думаю, что это было на 1 мая, ибо я шёл по Унтер-ден-Линден, чтоб посмотреть демонстрацию в Люстгартене; но это могла быть и другая демонстрация, а не первомайская), на Унтер-ден-Линден Пятакова. Когда он меня увидел, он немедленно повернулся спиной, делая вид, что не узнаёт меня. Если память меня не обманывает, я ему вполголоса послал вдогонку крепкое словцо» (см.: «Бюллетень оппозиции». № 54–55. Март 1937 г.).

Конечно, демонстрация полного разрыва может быть расценена как элемент ложной конспирации. Но данная Троцким трактовка произошедшего представляется вполне убедительной в свете анекдотичного события с ложным «полётом» Пятакова в декабре 1935 г. из Германии в Норвегию и якобы состоявшейся там встрече на «высшем уровне» вождя троцкистов и его официально признанного «заместителя по СССР».

- ³⁰ Говоря о «конкретных» и («оговорка по Фрейду») «более или менее реальных» попытках осуществления террористических замыслов, Н. И. Ежов опирался на столь же «конкретные» и «реальные» показания арестованных к тому времени «террористов» из числа троцкистов и зиновьевцев. Так, бывший начальник 9-го вагонного участка ст. Свердловск И. И. Бурлаков показал 15 октября 1936 г., что осенью 1934 г. он «специально выходил встречать скорый поезд, с которым следовал вагон председателя СНК СССР Молотова». «Вооружившись револьвером “наган”, – чистосердечно признал Бурлаков, – я выходил на платформу и, остановившись за вагоном Молотова, выжидал его появления, с целью выбрать момент и произвести выстрел. Был такой момент, когда Молотов вышел в тамбур вагона, но я долго проколебался и упустил этот момент. Молотов вернулся в вагон и больше не появлялся» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 247. Л. 98).

Вероятно, эта упущенная возможность не давала покоя свердловским террористам. К новому преступлению их не могла не подталкивать и выявившаяся при первой попытке слабость охраны вождей (не велось наружное наблюдение, никто не удосужился заглянуть за угол вагона, где таился вооружённый террорист, никто не спустился на платформу, пока Молотов несколько минут курил у двери тамбура). Спустя два года им была предоставлена новая возможность, о которой на том же допросе в октябре 1936 г. показал всё тот же Бурлаков, признавшись в попытке убийства на этот раз наркома путей сообщения СССР и члена Политбюро ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановича. Во время остановки его поезда в Свердловске и отъезда в город было решено сменить обивку внутри его вагона. Террористической группе удалось внедрить в бригаду мастеров своего члена – столяра Мехедко – троцкиста и японского шпиона. «После отъезда Кагановича, – показал Бурлаков, – Мехедко мне сообщил, что он намеревался в графин с водой высыпать порошок цианистого калия, но этого сделать ему не удалось, так как с рабочими всё время находились военные и тщательно наблюдали за ходом работы ...» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 247. Л. 99).

- ³¹ Речь идёт об одном из объединений общественного питания в Москве – Московском управлении народного питания (1932–1954). В 1936 г. входило в систему Народного комиссариата внутренней торговли.

- ³² По данному делу 8 и 9 марта 1937 г. были расстреляны восемь человек, якобы входивших в террористическую группу работников общественного питания. В действительности с этой сферой обслуживания были связаны пять человек – С. А. Столповский, шеф-повар Н. И. Воронков и повар В. И. Козляков (оба работники московского ресторана «Метрополь»), а также ст. консультант Московского треста ресторанов А. Н. Фёдоров и студент Института инженеров общественного питания А. А. Курочкин. Членами «преступной группы» оказались также ст. инженер НИИ пути и строительства НКПС СССР П. Я. Терсков, уполномоченный Главлита при Трансжелдориздате С. Х. Долгих и его соседка по дому пенсионерка О. П. Ивановская. Первой, 22 сентября 1936 г., была арестована Ивановская. Немногим более месяца спустя, 27 октября 1936 г. от неё были получены признательные показания о подготовке отравления руководства страны.

Последняя дата не кажется случайной. Показания арестованных осенью 1936 г. «убеждают», что в ожидании годовщины Октября выстроилась «очередь» из троцкистов, зиновьевцев и правых, стремившихся отметить наступающий праздник террористическим актом против кого-либо из высокопоставленных наследников революции. Помимо потенциальных «отравителей» из группы Столповского сразу две группы (Г. А. Колоскова и Ю. М. Славинского) планировали совершить теракт на торжественном заседании в Большом театре. Но и на свежем воздухе руководителей партии ожидала опасность. Бородинский мост всё ещё оставался под прицелом террористов, несмотря на уже две, якобы сорванные в этом месте попытки покушения на Сталина. НКВД и новому его

- руководителю было чем отчитаться, докладывая об успешной ликвидации бурного «всплеска» террористической активности.
- ³³ Речь идёт о Ленинградском судостроительном заводе № 190 (с нач. 1936 г. – им. Жданова); ныне завод «Северная верфь» (г. С.-Петербург).
- ³⁴ Ввиду неудачной стенографической записи текста цитируемые в данном абзаце показания Пятакова приводятся по протоколу его допроса от 14 ноября 1936 г.: «В 1935 г., во время моего разговора с Сокольниковым (я об этом, кажется, говорил уже) последний сообщил мне, что через Радека получена директива Троцкого о необходимости форсирования вредительской работы в хозяйстве. Сокольников сообщил мне, что Троцкий считает возможным в этих целях привлечь к вредительству другие контрреволюционные формирования ...» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 255. Л. 103).
- ³⁵ Речь идёт об оружейном, оптическом и сталелитейном заводе «Большевик» в г. Ленинграде (до 1922 г. Обуховский сталелитейный завод); ныне «Государственный Обуховский завод» (г. С.-Петербург).
- ³⁶ Речь идёт о Ленинградском государственном минном заводе «Двигатель» (с 1936 г. – Государственный завод № 181 «Двигатель»). В предвоенные годы единственное предприятие в стране, выпускавшее минно-торпедное оружие для ВМС РККА СССР / ВМФ СССР.
- ³⁷ У руководства химической отраслью М. П. Томский находился с 19 августа 1929 г. по 6 сентября 1930 г. на правах вначале члена президиума Комитета по химизации народного хозяйства СССР, а затем возглавив Всесоюзное объединение химической промышленности ВСНХ (Всехимпром) СССР. Дважды перенесённые им за это время (в декабре 1929 г. и июле 1930 г.) апоплексические удары, потребовавшие многомесячного лечения, в т. ч. около года за границей, едва ли давали ему возможность принимать активное участие в разрушении химического хозяйства страны.
- ³⁸ Ю. Л. Пятаков был утверждён председателем правления Всехимпрома 15 октября 1930 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 800. Л. 7). Этот факт ставит под сомнение его более поздние показания о том, что, вступая в новую должность, он принял «у Томского» не только документы по объединению, но и готовую «команду» вредителей, получив от него лестные характеристики на Норкина, Ратайчака и др. Но руководителем Всехимпрома после Томского был назначен не Пятаков, а А. З. Гольцман (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 798. Л. 3), которого только через двадцать дней сменил Пятаков.
- ³⁹ Ратайчак Станислав Антонович (1884–1937) – член партии, с нач. 1930-х гг. начальник Главного управления химической промышленности ВСНХ / НКТП СССР. В 1932–1934 гг. занимал пост зам. наркома тяжёлой промышленности СССР. 19 сентября 1936 г. арестован, обвинён в ведении террористической, вредительской, диверсионной и шпионской деятельности. В январе 1937 г. один из главных обвиняемых на судебном процессе по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра». 30 января приговорён к ВМН; 1 февраля расстрелян.
- ⁴⁰ Постановлением Президиума ЦИК СССР от 27 декабря 1933 г. «За умелое и энергичное руководство и организацию химической промышленности» Георгий (Юрий) Леонидович Пятаков и Станислав Антонович Ратайчак были удостоены высших государственных наград страны, орденов Ленина.
- ⁴¹ Граше Иван (Ян) Иосифович (1880–1937) – член партии, с 1930-х гг. начальник иностранного отдела (по работе с иностранными специалистами) Главхимпрома ВСНХ / НКТП СССР, с лета 1936 г. ст. экономист производственно-технического отдела того же управления. 27 октября 1936 г. арестован, обвинён в террористической, вредительской, диверсионной и шпионской деятельности. В январе 1937 г. один из главных обвиняемых на судебном процессе по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра». 30 января приговорён к ВМН; 1 февраля расстрелян.
- ⁴² 27 декабря 1933 г. «...особые заслуги в деле руководства монтажом и успешным пуском комбината в эксплуатацию» начальника строительства Н. М. Уланова были отмечены вручением ордена Трудового Красного Знамени.
- ⁴³ Признавшийся на допросе 5 ноября 1936 г. в подготовке и осуществлении взрыва в отделении нейтрализации цеха аммиачной селитры технический директор Горловского азотно-тукового завода Л. Е. Тамм, видимо, в «целях конспирации» рисковал жизнью, борясь с огнём и спасая людей и купленное за валюту оборудование. Наркомом тяжёлой промышленности Г. К. Орджоникидзе награждён за указанные действия легковым автомобилем.
- ⁴⁴ Далее в показаниях Ассиновского, не озвученных докладчиком, говорится ещё о двух, якобы совершённых участниками группы «диверсиях» на азотно-туковом заводе: взрыве меланжевого коллатора и взрыве воздушных кабин в аммиачном цехе.
- ⁴⁵ Речь идёт о крупном показательном судебном процессе по «Кемеровскому делу». Состоялся по факту взрыва метана 23 сентября 1936 г. на считавшейся самой газо- и пылеопасной шахте «Центральная» Кемеровского рудника треста «Кузбассуголь». Взрыв унёс жизни 10 шахтёров, 14 человек получили тяжёлые ожоги. Дело рассматривалось 19–22 ноября 1936 г. в Новосибирске вы-

- ездной сессией ВК ВС СССР. Обвинение было выдвинуто девяти руководителям и специалистам горного дела, в т. ч. инспектору, германскому подданному Э. Штиклингу. Трагедия на шахте была представлена как результат деятельности «контрреволюционной вредительской организации», действовавшей по указаниям т. н. Сибирского троцкистского центра и германской разведки. Материалы открытого процесса широко освещались в прессе, став действенным инструментом внедрения в сознание населения устойчивого неприятия оппозиционных сил, повинных в гибели рабочих. Все подсудимые были признаны виновными в умышленном преступлении и приговорены к ВМН. Позже трое осуждённых (в т. ч. Штиклинг) помилованы с изменением меры наказания – 10 лет лишения свободы. В ноябре 1937 г. двое из них были вновь осуждены – приговорены «тройкой» УНКВД к ВМН. Инженер Штиклинг в декабре 1939 г. выслан из СССР (по некоторым данным передан германским властям). В кон. 1950-х гг. все осуждённые были реабилитированы.
- 46 Подробности выполнения этого поручения приводятся в продолжении показаний Богачёва (см. документ № 4).
- 47 В 1934–1936 гг. должность начальника Южно-Уральской железной дороги, образованной в результате разделения в январе 1934 г. Пермской дороги, занимал И. А. Князев.
- 48 В отличие от обнародованного на пленуме доклада в первом его варианте (конспекте) «раздел» о вредительской и диверсионной деятельности на железнодорожном транспорте был наиболее объёмным (см. документ № 4).
- 49 См. более подробно о «сотрудничестве» Г. Е. Пушина и С. А. Ратайчака с Ленцем документ № 4.
- 50 В этом утверждении докладчик опирается на единственный «доказанный» («чистосердечным признанием») факт получения денег И. И. Граше от представителя фирмы «Бамаг» (и, одновременно, германского разведчика). Оплата шпионских услуг, судя по показаниям завербованного, больше походила на дачу взятки, когда «разведчик»: «настойчиво указывал несколько раз на то, что фирма весьма заинтересована в продвижении этого вопроса (поставки в СССР оборудования на 6–7 млн марок. – *Сост.*) в соответствующих инстанциях и добавил, что могущие быть расходы он охотно покроем. После двух посещений меня по тому же вопросу, Мейеровиц предложил мне на расходы 300 марок, от которых я вначале отказался, но, в конце концов, сообщил ему адрес своих родных в Праге...» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 271. Д. 256. Л. 9–10). В свете этой состоявшейся сделки начинает пониному выглядеть и проявляемая Мейеровицем настойчивость в организации встречи с Ратайчаком.
- 51 Речь идёт, безусловно, об арестованном 4 августа 1936 г. Н. Г. Туманове, бывшем в 1928–1930 гг. зам. торгпреда, торгпредом СССР во Франции (см. также именной комментарий: Туманов Н. Г.).
- 52 Исходя из контекста, речь может идти о С. Б. Членове (см. именной комментарий: Членов С. Б.).
- 53 В составе делегации советских железнодорожников, изучавших в Японии в 1929 г. опыт работы железнодорожного транспорта, находился только И. А. Князев.
- 54 Неточность. Японский инженер-железнодорожник Хирасимо был «прикреплён» к советской делегации железнодорожников, изучавшей в 1929 г. опыт работы коллег во время командировки в Японию. В 1930 г. прибыл в СССР в составе японской делегации с ответным визитом. Почему-то, прибыв в СССР с основной целью расширения шпионской сети, начал вербовку с ранее незнакомо-го ему И. Д. Турика.
- 55 Естественная в данных обстоятельствах реакция всё понимающего человека.
- 56 См. примеч. 39.
- 57 Вероятно, докладчик имел в виду состоявшийся в СССР XV Международный физиологический конгресс с участием 397 зарубежных учёных (9–17.8.1935; Ленинград–Москва). Других представительных научных собраний с участием иностранных биологов в близко предшествующее пленуму время не было.
- 58 Речь идёт о позиции Л. Б. Каменева, заявленной им ещё до VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), сразу после обнародования и публикации 7 апреля 1917 г. в газ. «Правда» «Апрельских тезисов» В. И. Ленина. В краткой статье «Наши разногласия», напечатанной в той же газете, он выступил против «общей схемы» тезисов, «поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую» (Правда. 1917. 8 апреля). Вопрос о незавершённости в России буржуазно-демократических преобразований и, следовательно, отсутствии условий для социалистической революции был им поднят и в содокладе на конференции (см.: Седьмая (Апрельская) конференция РСДРП (большевиков): Протоколы. М., 1958. С. 80–82). Убеждение Каменева в правильности осуществлявшейся Русским бюро и Петербургским комитетом РСДРП до возвращения из эмиграции Ленина тактики «контроля» и «давления» на Временное правительство (безусловным его союзником в этом отношении был до 7 апреля и И. В. Сталин) определяло его политическую позицию и в дальнейшем как в дни подготовки Октябрьской революции, так и в первые месяцы после её победы.

- ⁵⁹ Тальбот Стаффорд – английский бизнесмен, с начала 1900-х гг. проявлял интерес к развитию экономических отношений с Россией. В открытой литературе удалось выявить три упоминания о С. Тальботе. В первом указан как издатель в 1903 г. Русско-английского журнала торговли, промышленности и инженерного дела. В мае 1925 г. упомянут как корреспондент поверенного в делах СССР в Великобритании, сообщившего дипломату о создании им Ассоциации англо-русского сближения и выражавшего надежду на позитивное решение вопроса о довоенных долгах и национализированной собственности британских подданных. Наконец, в документированной книге О. Царёва и Дж. Костелло «Роковые иллюзии. Из архивов КГБ. Дело Орлова, сталинского мастера шпионажа» (2-е изд. М., 2017) также упоминается уже как близкий к разорению в 1935 г. издатель органа ассоциации британских финансистов, «у которых имелись деловые интересы в дореволюционной России». Этих фактов, безусловно, недостаточно для подозрения либо для оспаривания возможности «другой» работы Тальбота в России (в вышеуказанной книге говорится, что «Центр» подозревал его «в связях с британской разведкой»).
- ⁶⁰ Коминтерн (Коммунистический Интернационал) – международная политическая организация, объединявшая в 1919–1943 гг. коммунистические партии различных стран. Основан 2 марта 1919 г. по инициативе РКП(б) и её руководителя В. И. Ленина для развития и распространения идей революционного интернационального социализма. Формально распущен 15 июня 1943 г.
- ⁶¹ Димитров Георги (Георгий Михайлович) (1882–1949) – член Болгарской рабочей социал-демократической партии с 1902 г., с 1903 г. примыкал к её «большевистскому» крылу («тесных социалистов»), преобразованному в 1919 г. в Болгарскую коммунистическую партию. В сентябре – декабре 1933 г. фактически превратил сфальсифицированный судебный процесс о поджоге коммунистами Рейхстага (27.2.1933; Германия) в обвинительный процесс против нацистов. Получил советское гражданство, с февраля 1934 г. сотрудник Коминтерна в Москве. С 1935 г. генеральный секретарь его Исполкома.
- ⁶² Рейнгольд Исаак Исаевич (1897–1936), член партии с 1917 г. С нач. 1920 г. на хозяйственной работе. В декабре 1927 г. исключён из партии за участие в «объединённой» («троцкистско-зиновьевской») оппозиции; в июне 1928 г. восстановлен. С августа 1930 г. председатель Главного хлопкового комитета, с 1932 г. зам. наркома и начальник Главного управления хлопководства Наркомата земледелия СССР. После ареста в декабре 1934 г. своего заместителя Л.Я. Файвиловича по делу т. н. «Московского зиновьевского центра» исключён из партии и понижен в должности. На момент ареста (27 апреля 1936) начальник Ирригационного управления Южно-Казахстанского областного земельного отдела. В августе 1936 г. один из обвиняемых на судебном процессе по делу «антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра»; приговорён к ВМН. 25 августа 1936 г. расстрелян.
- ⁶³ Тардьё Андре (1876–1945) – французский политик. Занимал ряд министерских должностей, трижды (но кратковременно) возглавлял правительство Франции (последний раз в феврале – июне 1932 г.). В 1934 г. выступил с программой фашизации государственного строя, требовал усиления власти президента республики и ограничения власти палаты депутатов, лишения права стачек государственных служащих и др.
- ⁶⁴ Имеется в виду «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)» – издание левой коммунистической оппозиции, движения, которое с начала 1920-х гг. противопоставляло себя официальным взглядам и политике ВКП(б) и Коминтерна. Выходил с июля 1929 г. по август 1941 г. (87 номеров). В данном случае речь идет о последнем из вышедших к началу работы декабрьского пленума ЦК ВКП(б) 1936 г. октябрьском (№ 52–53) номере «Бюллетеня...», материалы которого освещали и давали оценку окончившемуся в августе открытому судебному процессу по делу «антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра».
- ⁶⁵ Речь идёт, вероятно, о состоявшейся в Париже 29–31 июля 1936 г. Первой международной конференции за Четвёртый Интернационал (в целях конспирации местом её проведения была объявлена Женева) и о подготовленных Троцким и принятых ею программных документах – резолюциях: «4-й Интернационал и СССР», «Новый революционный подъем и задачи IV Интернационала», «К общественному мнению трудящихся всего мира!». Заседания конференции закончились провозглашением принципов будущей организации, а не объявлением об учреждении Интернационала, на что рассчитывал Троцкий.
- ⁶⁶ Слов, якобы сказанных Л. Д. Троцким, не обнаружено при самом тщательном просмотре ни в указанном, ни в ближайших к нему номерах «Бюллетеня оппозиции». Нет их и ни в одной из трёх, написанных им и принятых Конференцией за Четвёртый Интернационал, резолюций.
- ⁶⁷ Рудзутак Ян Эрнестович (1887–1938) – член партии с 1905 г. В 1907 г. арестован, приговорён к десяти годам каторги; освобождён Февральской революцией 1917 г. В 1920–1937 гг. член ЦК РКП(б)/ВКП(б). В 1923–1924 гг. член Оргбюро, секретарь ЦК РКП(б); в 1926–1932 гг. член Политбюро ЦК ВКП(б), в 1923–1926 и 1934–1937 гг. кандидат в члены Политбюро. На июньском

- (1937) пленуме ЦК ВКП(б) исключён из состава ЦК и из партии, 25 июня арестован, обвинён в «шпионаже» в пользу Германии. 28 июля 1938 г. приговорён к ВМН; 29 июля расстрелян.
- ⁶⁸ Речь идёт об очной ставке Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова с Г. Я. Сокольниковым (имевшим, строго говоря, на тот момент статус не подсудимого, а подследственного), ввиду данных последним показаний о связи бывших лидеров «правых» (якобы через третьего члена «руководящей тройки» – погибшего к тому времени М. П. Томского) с участниками «троцкистско-зиновьевского блока». Очная ставка состоялась 8 сентября 1936 г. в присутствии прокурора СССР А. Я. Вышинского, секретаря ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановича и секретаря ЦК, председателя КПК при ЦК ВКП(б) Н. И. Ежова (см. док. № 10).
- ⁶⁹ Шмидт Василий Владимирович (1886–1938) – член партии с 1905 г. До 1934 г. неоднократно избирался в состав ЦК. В 1928–1930 гг. зам. председателя СНК СССР, с 1933 г. на хозяйственной и советской работе в Дальневосточном крае, в 1934–1937 гг. председатель исполкома Хабаровского городского Совета. 4 января 1937 г. арестован, 3 июня того же года приговорён к 10 годам лишения свободы; 29 июля 1938 г. расстрелян.
- ⁷⁰ В работе пленума участвовал кандидат в члены ЦК 2-й секретарь Московского горкома ВКП(б) Михаил Максимович Кульков (1891–1939). Арестован и расстрелян позже, 27 февраля 1939 г., после избрания в 1937 г. членом ЦК и года работы в должности уполномоченного КПК по Азово-Черноморскому краю и Ростовской области.
- ⁷¹ Яковлев Василий Анисимович (1894–1937) – член партии с 1914 г. В 1917 г. токарь на одном из заводов Москвы, участник Октябрьского вооружённого восстания. Участник Гражданской войны. В 1923–1928 гг. зав. организационным отделом и секретарь Хамовнического (г. Москва) райкома партии. С 1929 г. на ответственной хозяйственной работе: зам. начальника строительства тракторного завода и завода «Баррикады» (г. Сталинград), начальник монтажных работ Криворожстроя, с декабря 1934 г. начальник строительства, директор Челябинского электрометаллургического комбината. 2 октября 1936 г. арестован; помимо террористической деятельности обвинён в сотрудничестве с японской разведкой и распространении эпидемии холеры в Челябинске. 31 (по др. данным 15) мая 1937 г. расстрелян.
- ⁷² «Конференция», о которой со слов В. А. Яковлева рассказывал участникам пленума Ежов, состоялась позже – осенью 1932 г. Четыре её участника (пятым, «кажется», был Котов), собравшиеся в квартире Н. А. Угланова, решили перейти в борьбе со сталинским режимом от слов к делу. Следствию, а показания о конференции дал на допросе 15 сентября 1936 г. Куликов, важно было зафиксировать время рождения новой террористической организации, но ещё более важно было получить «чистосердечные признания» (и они были получены) в том, что «установка на террор» исходила от центра организации правых, т. е. от «руководящей тройки», поставившей задачу «убить Сталина и Кагановича» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 175. Л. 107–108).
- ⁷³ Матвеев Дмитрий Игнатьевич (1900–1937) – член партии с 1920 г. С 1918 г. на комсомольской работе. В 1923–1925 гг. секретарь Московского горкома РКСМ/РЛКСМ, в марте 1923 – июне 1927 г. секретарь ЦК РЛКСМ/ВЛКСМ. В марте 1925 – декабре 1927 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б). На момент ареста (11 сентября 1936) аспирант Московского энергетического института. Обвинён в участии в контрреволюционной организации и группе, готовившей террористический акт в отношении И. В. Сталина.
- ⁷⁴ См. именной коммент.: Афанасьев Е. А.
- ⁷⁵ Запольский Александр Степанович (1894–1937) – член партии с 1918 г. В 1917 г. рабочий-вальцовщик на заводе в Петрограде. С октября 1918 г. по 1924 г. в органах ВКЧ/ГПУ/ОГПУ; последняя должность начальник губернского отдела ОГПУ в Нижнем Новгороде (секретарь губкома ВКП(б) до сентября 1924 г. – Н. А. Угланов). В 1925–1928 гг. зам. заведующего Организационным отделом возглавляемого Углановым Московского горкома ВКП(б). На момент ареста (16 сентября 1936) начальник Главного управления плодоовощной промышленности Наркомата пищевой промышленности СССР. Обвинён в участии в контрреволюционной террористической организации. 26 мая 1937 г. расстрелян.
- ⁷⁶ Филатов Николай Алексеевич (1891–1939) – член партии с 1912 г. В 1934 – январе 1938 г. кандидат в члены ЦК, председатель Исполкома Московского областного совета, награждён орденом Ленина «за выдающиеся успехи в деле руководства работой по Московской области» (1935). 2 ноября 1937 г. арестован, 10 марта 1939 г. расстрелян.
- ⁷⁷ Котов В. А. (см. подробнее именной коммент.). С момента ареста (19 сентября 1936) информация о нём, о его участии в контрреволюционной деятельности длительное время поступала только от «честного человека» Е. Ф. Куликова. Именно его показаниями (но якобы со слов новоявленного «подпоручика Киж») в ранг главного организатора террора у правых был «произведён» А. И. Рыков. Чем руководствовались при этом «сценаристы» в НКВД, остаётся только догадываться, но нельзя не обратить внимание на проявленную настойчивость В. М. Молотова на оглашении на пленуме

дискредитирующих его предшественника по СНК показаний всё того же Куликова (и вновь от лица Котова). Гораздо объективнее в оценке кандидатуры на роль главного террориста был также находившийся в статусе «заподозренного» Н. И. Бухарин. Через неделю после окончания работы пленума он писал Сталину: «...ну, знаешь. Никогда не поверю, хоть теши на моей голове осиновый кол».

⁷⁸ Цуствах – Центральное управление социального страхования при Народном комиссариате труда СССР (1923–1933). После ликвидации наркомата в июне 1933 г. социальное страхование было передано ВЦСПС, став одной из его функций.

⁷⁹ ЧК (разг. от ВЧК) – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (позднее слова «и саботажем» были заменены «и преступлениями по должности») была создана 7 (20) декабря 1917 г. и первое время возглавлялась Ф. Э. Дзержинским. Термин ЧК не был забыт сотрудниками советских органов государственной безопасности и широко использовался ими (как и слово «чекист») после переименования ВЧК в ГПУ/ОГПУ и даже после ряда утрат этими организациями статуса самостоятельных ведомств.

⁸⁰ Н. И. Бухарин передаёт участникам пленума в «литературной» форме эмоциональную оценку, данную Л. М. Кагановичем Сокольникову после закончившейся очной ставки 8 сентября 1936 г. А. М. Ларина (Бухарина) так вспоминает рассказ мужа о том дне: «...Каганович выглядел равнодушным наблюдателем, он не давил на Сокольникова, но при нём и не поддерживал Бухарина. Наконец, пришло время, явился конвоир и Сокольникова увели.

И тут произошло нечто совсем неожиданное. Каганович, по словам Н. И., сказал в адрес Сокольникова:

– Всё врёт, б... от начала до конца! Идите, Н. И., в редакцию и спокойно работайте.

– Но почему он врёт, Лазарь Моисеевич, ведь этот вопрос надо выяснить.

– Будем выяснять, обязательно будем выяснять, Николай Иванович, – ответил Каганович» (см.: Ларина (Бухарина) А. М. Незабываемое. ... С. 308).

Настрой Кагановича существенно изменился (вероятно, не без влияния «доводов» Н. И. Ежова и вполне обозначившейся позиции В. М. Молотова) к 14 сентября. Препрежней осталась только негативная оценка личности Сокольникова, которую он сообщил в этот день Сталину, всё ещё находящемуся в отпуске на юге («производит впечатление озлобленного уголовного бандита, выкладывающего без малейшего смущения план убийства и их работу в этом направлении»). Охарактеризовав в письме поведение и устроение вызванных на ставку Бухарина и Рыкова, доложив о слабых, по его мнению, сторонах их показаний (которые станут постоянными объектами его крайне жёстких, подчас переходящих грани разумного атак на декабрьском, а затем на февральско-мартовском пленумах ЦК), Каганович писал: «У меня осталось впечатление, что может быть они и не поддерживали прямой организационной связи с троцкистско-зиновьевским блоком, но в 32–33, а может быть и в последующих годах, они были осведомлены о троцкистских делах. Видимо, они, правые, имели свою собственную организацию, допуская единство действий снизу. ...Во всяком случае, правую подпольную организацию надо искать, она есть. Я думаю, что роль Рыкова, Бухарина и Томского ещё выявится» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 743. Л. 62–63; Опубл.: Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. ... С. 677–678).

⁸¹ Отсутствие ожидаемых результатов на состоявшихся очных ставках стало поводом к формальному прекращению следствия и публикации в ряде печатных изданий сообщения Прокуратуры СССР о закончившемся расследовании «сделанных на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра в Москве 19 и 20 августа с. г. некоторыми обвиняемыми указаний о причастности в той или иной степени к их преступной контрреволюционной деятельности Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова. Следствием не установлено юридических данных для привлечения Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова к судебной ответственности, в силу чего настоящее дело дальнейшим следственным производством прекращено» (см.: Правда. 1936. 10 сентября).

⁸² Речь идёт о втором участнике очной ставки – Г. Я. Сокольникове.

⁸³ Очевиден голос Н. И. Ежова, поскольку только он располагал материалами допросов названных лиц.

⁸⁴ Под сурдинку – т. е. втихомолку, тайком, не привлекая внимания.

⁸⁵ Павлов Иван Петрович (1849–1936) – выдающийся российский, советский физиолог, лауреат Нобелевской премии (1904). Видимо, приведённый Бухариным ниже пример относится ко времени его первого очного знакомства с И. П. Павловым в октябре 1928 г. (заочное знакомство состоялось в сентябре 1923 г., после вызвавшей большой общественный резонанс лекции Павлова, в которой содержалась жёсткая критика брошюры Бухарина «Пролетарская революция и культура»). В начале 1924 г. Бухарин опубликовал статью «О мировой революции, нашей культуре и прочем (ответ профессору Павлову)».

- Не скрываемые антисоветские взгляды и настроения, независимый характер, безусловный и признанный в мире научный и гражданский авторитет, с которым приходилось считаться, создавали руководству партии немало проблем после каждого «выпада» учёного. Н. И. Бухарин был одним из немногих партийных «функционеров», сумевших заслужить расположение Ивана Петровича настолько, что мог признаться даже самому себе: «Меня он всё-таки слушает немного».
- ⁸⁶ Роллан Ромен (1866–1944) – французский писатель, общественный деятель, лауреат Нобелевской премии (1915), иностранный почётный член АН СССР (1932). Накануне приезда Р. Роллана в СССР (июнь 1935) Бухарин опубликовал статью «Мастер и воин, сын человечества» (Известия. 1935. 24 июня).
- ⁸⁷ Высказываясь так о писателе, Бухарин имел в виду выход «на днях» книги А. Жида «Возвращение из СССР» (см. именной комм.: Жид А.).
- ⁸⁸ Речь идёт о попытке срыва в Париже 3 апреля 1936 г. доклада Н. И. Бухарина «Основные проблемы современной культуры». Сорвать доклад пытались группировки французских фашистов и полуфашистов, но получили отпор со стороны «левой» молодёжи. Основная цель его командировки за границу в это время состояла в экспертизе и переговорах с российскими меньшевиками о приобретении архива К. Маркса.
- ⁸⁹ Два последних предложения абзаца: «Я об этом не осведомлён. Радек перед самым арестом говорил, что он “чист, как слеза”», видимо, являются ответом на «неуловленную» стенографисткой реплику ещё одного «ГОЛОСА».
- ⁹⁰ Имеется в виду письмо Н. И. Бухарина членам Политбюро ЦК ВКП(б) и прокурору СССР А. Я. Вышинскому от 27 августа 1936 г. (см. док. № 8).
- ⁹¹ 23 августа 1936 г., ещё до окончания судебного процесса, Н. А. Угланов был арестован с группой сотрудников в Тобольске, в управлении «Обърыбтреста» и этапирован в Москву. Во время работы пленума ЦК «опальный правый» находился в нескольких кварталах от места его проведения, во внутренней тюрьме НКВД.
- ⁹² XVI съезд ВКП(б) проходил 26 июня – 13 июля 1930 г. Ввиду последствий болезни (тяжёлая форма воспаления лёгких) Бухарин не присутствовал на заседаниях съезда. В состав членов ЦК ВКП(б) был избран заочно.
- ⁹³ Говоря о начале работы, Бухарин имеет в виду своё назначение 30 мая 1929 г. на должность заведующего Научно-техническим управлением (НТУ) ВСНХ СССР (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 772. Л. 5). После снятия с поста ответственного редактора газ. «Правда» он отказался от предложения возглавить Наркомат просвещения РСФСР и настоял на вышеуказанной должности. Приватная встреча Бухарина с Г. К. Орджоникидзе, возглавившем с 10 ноября 1930 г. ВСНХ СССР, могла состояться в кон. 1930 – нач. 1931 г. в связи с переводом Ю. Л. Пятакова на должность члена Президиума ВСНХ.
- ⁹⁴ С 1925 г. Г. Я. Сокольников был женат на Галине Серебряковой, ставшей известной писательницей. Речь, видимо, идёт о рецензии на её роман «Юность Маркса» (Кн. 1–2; 1934–1935).
- ⁹⁵ Калыгина Анна Степановна (1895–1937) – член партии с 1915 г. В 1925–1937 гг. кандидат в члены ЦК. В 1935–1936 гг. 2-й секретарь Калининского обкома ВКП(б), с апреля 1936 г. 1-й, затем 2-й секретарь Воронежского горкома партии. 26 июня 1937 г. арестована, 27 ноября того же года расстреляна.
- ⁹⁶ Официально в должности ответственного редактора газ. «Известия» Бухарин состоял с 21 февраля 1934 г. по 16 января 1937 г., когда его имя было последний раз обозначено на последней странице номера газеты. Фактически уже со времени вынужденного возвращения из отпуска (25.8.1936) участия в руководстве изданием он не принимал.
- ⁹⁷ Речь идёт о редакции печатного органа ВСНХ СССР (с 1932 – Народного комиссариата тяжёлой промышленности СССР) газеты «За индустриализацию». Издавалась в 1932–1937 гг. С октября 1937 г. выходила под названием «Индустрия».
- ⁹⁸ Орденом Ленина в декабре 1933 г. был награждён Ю. Л. Пятаков (см. примеч. 40). И. Н. Смирнов (а речь идёт об Иване Никитиче С.) не мог рассчитывать на высокую награду по ряду причин, и, прежде всего, вследствие прочно закрепившейся за ним в партийном руководстве репутации неисправимого «скрытого троцкиста».
- ⁹⁹ И. В. Сталин имел в виду, в частности, первое заявление Г. Е. Зиновьева, поданное им в Секретариат ЦК ВКП(б) 3 декабря 1932 г., после исключения его и Л. Б. Каменева 9 октября того же года из партии за «недонесение» о существовании «контрреволюционной группы Рютин–Иванова–Галкина». Заявление было подано в день отъезда в ссылку в г. Кустанай (Каменев был выслан в г. Минусинск). «Никогда не допущу я больше, – писал Зиновьев, – чтобы на меня могли “возла-»

гать надежды" группы и лица, в какой бы то ни было мере противопоставляющие себя генеральной линии партии и её руководству, а тем более – прямые враги партии. Я сделаю абсолютно все шаги, которые покажут всем и каждому, что я для себя вопрос раз навсегда решил, что я честно и до конца подчинился партии... Я прошу Вас, товарищи: вернуть меня в партию и дать работу в общих рядах» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 188. Л. 143–144).

Официальное «разоружение» Зиновьева и Каменева состоялось в феврале 1933 г. после обращения в ЦК ВКП(б) с письмом, содержащим критику своей деятельности и оппозиции в целом, и признанием правильности наказания (исключения из партии и последующей ссылки). Результатом стало освобождение из ссылок в мае того же года, а 14 декабря они были восстановлены в партии.

¹⁰⁰ И. Н. Смирнов и Ю. Л. Пятаков были исключены из рядов ВКП(б) XV съездом партии (декабрь 1927) в числе 75 «активных деятелей троцкистской оппозиции». Одним из первых заявление о восстановлении в партии подал Пятаков. Уже в сентябре 1928 г. ЦК ВКП(б) удовлетворила его просьбу как выполнившего требование съезда об отказе от фракционности («платформы 83-х»), заявившего открыто о своих ошибках, а также доказавшего партии «искреннее желание исправить на работе эти ошибки». Однако в партийных документах Пятакова всё же был отмечен перерыв со времени его исключения из партии, т. е. с 19 декабря 1927 г. по 14 сентября 1928 г. (см.: Правда. 1928. 19 сентября).

Более длительным, сопряжённым со многими препятствиями, стал процесс восстановления в партии Смирнова. В конце июля 1929 г. в ЦК ВКП(б) было представлено первое его заявление, которое не получило одобрения, в частности, из-за выраженной в нём надежды, что «партия найдёт путь к возвращению в свои ряды всей оппозиции от рядового работника до т. Л. Д. Троцкого, судьба которого неразрывно связана с судьбой рабочего класса». Только добившись от Смирнова жёсткого осуждения Троцкого (за его выступления в буржуазной прессе и попытки создать особую организацию заграничных групп оппозиции), а также отмежевания от его взглядов, Политбюро ЦК и ЦК ВКП(б) признали документ «приемлемым». 3 ноября 1929 г. он был опубликован в газ. «Правда» за подписями Смирнова и М. С. Богуславского. В мае 1930 г. решением партколлегии ЦК ВКП(б) Смирнов был восстановлен в партии.

¹⁰¹ Высшая награда СССР была вручена только Ю. Л. Пятакову (см. примеч. 40, 99).

¹⁰² Говоря об ошибке, допущенной в отношении указанных лиц, Сталин мог ссылаться не только на «преступные» (по показаниям обвинявших его людей) действия Пятакова, но и «двурушничество» Смирнова. Уже в начале 1930-х гг., по имеющимся в ОГПУ данным, «отошедшие от оппозиции» троцкисты объединились под его руководством в «контрреволюционную троцкистскую группу Смирнова И. Н., Тер-Ваганяна В. А., Преображенского Е. А. и других» (см.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 71–89).

¹⁰³ Очевидно, оценка Сталина относится, прежде всего, к нижеприведённому фрагменту письма-заявления Л. С. Сосновского, поданного им в ЦК ВКП(б) после 5-летнего пребывания в ссылке и политизоляторах.

«...Часть моих бывших единомышленников, ранее меня порвавших связи с троцкизмом (я говорю только о некоторых из них), возвращались в партию с совершенно неправильным убеждением, будто бы политика партии за последние годы приблизилась к нашей, т. е. троцкистской, а потому-де теперь пора и возвращаться. ...Опыт показал, что входя в партию с такими взглядами, люди эти вновь обнаруживали рецидивы троцкизма, снова выбрасывались из партии, снова расканвалились, обостряя законное недоверие партии ко всем бывшим оппозиционерам. По существу это означало неполное разоружение, т. е. обман партии. Пойти по их пути я не считал возможным. Мало того. Иные, быть может, и искренне разоружились, но оказались неспособными перевооружиться или попросту вооружиться для того, чтобы в партии быть не безобидными смиренными дачниками, а активными партийцами. Судьба этих «безоружных» общеизвестна.

Если моё отчаяние от партии затянулось несколько дольше, то отчасти это объясняется моим искренним желанием: постучаться в двери партии не раньше, чем я смогу честно и твёрдо сказать и себе и партии, что я теперь не только полностью разоружился, но и достаточно вооружился, чтобы в меру моих сил и способностей отдаться активной работе в рядах партии, начать завоевывать преданной работой её доверие и доказать, что я хочу и могу быть активным участником в борьбе и строительстве социализма.

Вот почему я решаюсь сейчас просить Центральный комитет предоставить мне возможность вернуться под знамя партии Ленина» (Правда. 1934. 27 февраля).

- Видимо, уже после публикации этого заявления Сосновский был принят Сталиным. По воспоминаниям сына – Владимира Сосновского, вернувшись, «отец уронил фразу: "Как он вырос"» (Сосновский В. Л. Записки. Бийск: БПГУ им. В. М. Шукшина. 2002. С. 53).
- ¹⁰⁴ Ответное сообщение Ю. Л. Пятакова от 3 августа 1936 г. на имя Г. К. Орджоникидзе, информировавшего его об аресте жены, пришло из Сухуми (РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1/с. Д. 136. Л. 47; Оpubл.: Советское руководство. Переписка. 1928–1941. ... С. 335).
- ¹⁰⁵ Жена Ю. Л. Пятакова Л. Ф. Дитяева была арестована в ночь с 27 на 28 июля 1936 г. На первых допросах давала «неполные показания... чтобы скрыть участие в троцкистско-зиновьевской организации моего мужа Пятакова». Только 30 августа заявила об «активной контрреволюционной работе мужа с 1927 г. до времени её ареста». Видимо, немалую роль в этом поступке сыграло ознакомление её перед допросом с высказанной Пятаковым 11 августа в КПК ВКП(б) Н. И. Ежову просьбой «предоставить ему любую форму (по усмотрению ЦК) реабилитации», включая личный расстрел им как всех приговорённых к высшей мере наказания на готовящемся судебном процессе, так и своей бывшей жены (см.: Ф. 17. Оп. 171. Д. 236. Л. 133; Оpubл.: Реабилитация. Политические процессы... С. 219).
- ¹⁰⁶ Ошибка. В судебном процессе по делу правых эсеров (8 июня – 7 августа 1922) Ю. Л. Пятаков участвовал в роли не общественного обвинителя, а председателя судебной коллегии (трибунала), назначенного решением Политбюро ЦК РКП(б). В почтотелеграмме от 6 мая 1922 г., направленной Л. Д. Троцким членам Политбюро от имени «тройки», негласно руководившей подготовкой процесса, подчёркивалось: «...Обсудив всесторонне вопрос о кандидатах в председатели Трибунала и имея в виду чрезвычайную сложность дела, наличие в нём искусных в юридических делах иностранцев и пр., тройка остановилась на т. Пятакове как на единственном подходящем кандидате из всех названных и настаивает на его утверждении в Политбюро» (см.: Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь – август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги: Сб. документов. ... С. 678).
- ¹⁰⁷ Статья Ю. Л. Пятакова «Беспощадно уничтожить презренных убийц и предателей» была опубликована в газ. «Правда» 21 августа 1936 г. В тот же день в «Правде» и «Известиях» были напечатаны статьи других видных в прошлом представителей троцкистской оппозиции – Х. Г. Раковского («Не должно быть никакой пощады») и К. Б. Радека («Троцкистско-зиновьевская банда и её гетман Троцкий»). Оценку им дал И. В. Сталин в письме Л. М. Кагановичу от 23 августа того же года: «Статьи у Раковского, Радека и Пятакова получились неплохие. Судя по корреспондентским сводкам, инкорреспонденты замалчивают эти статьи, имеющие большое значение. Необходимо перепечатать их в газетах в Норвегии, Швеции, Франции, Америке, хотя бы в коммунистических газетах. Значение их состоит, между прочим, в том, что они лишают возможности наших врагов изображать судебный процесс как инсценировку и как фракционную расправу ЦК с фракцией Зиновьева-Троцкого» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 93. Л. 77; Оpubл.: Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. ... С. 642).
- В письме, видимо, не случайно упомянуты те немногие страны, в которых общественное мнение, вопреки политическому и экономическому давлению СССР на их правительства, либо уже добивалось предоставления Троцкому политического убежища (Франция, Норвегия и, отчасти, Швеция), либо могло содействовать ему в стремлении получить право на жительство (США).
- ¹⁰⁸ Готовность И. В. Сталина отложить аресты ряда видных в прошлом троцкистов, в т. ч. К. Б. Радека, была подчинена, как справедливо отмечают составители сборника документов (см.: Сталин и Каганович. Переписка. ... С. 620.), реализации преследуемой им цели «добиться дискредитации и изоляции троцкистских организаций на Западе, доказывая, что оппозиционеры превратились в террористов, убийц и агентов гестапо». Убедить зарубежную общественность могли только «знаковые» фигуры из бывшего троцкистского лагеря, хорошо известные не только в стране, но и за границей. Именно поэтому статьи с «разгромной» критикой в адрес Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, но, в первую очередь, Л. Д. Троцкого, были «заказаны» лицам, полностью отвечавшим данному критерию (см. также примеч. 108).
- ¹⁰⁹ Показания К. Б. Радека от 4 декабря 1936 г. с сопроводительной запиской Н. И. Ежова были получены И. В. Сталиным уже после окончания работы пленума – 8 декабря. Это объясняет факт «заминки» в его выступлении, отсутствие предметного ответа на им же поставленный вопрос. «...Я выбираю путь откровенного признания фактов, которые я отрицал из чувства стыда за совершённые преступления перед партией и страной. Я признаю себя виновным в принадлежности на день моего ареста к действующему параллельному центру троцкистско-зиновьевского блока,

- созданного в 1932 г. по директиве Троцкого и ставившего своей задачей захват власти путём террористической борьбы с руководством ВКП(б) и Советского правительства. К троцкистско-зиновьевской организации я примкнул в 1932 г.» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 261. Л. 104–105; Оpubл.: Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. ... С. 223).
- 110 Ломинадзе Виссарион Виссарионович (1897–1935). В 1930 г. первый секретарь Заккрайкома ВКП(б), один из организаторов «право-левацкого блока». 1 декабря снят с поста, переведён на «низовую» работу в образованный в конце ноября того же года Наркомат снабжения СССР. С 1932 г. вновь на партийной работе, с августа 1933 г. отв. секретарь Магнитогорского горкома партии. По воспоминаниям сына – С. В. Ломинадзе, 18 января 1935 г. ранил себя при попытке покончить жизнь самоубийством, умер на следующий день во время операции по извлечению пули (см.: Серго Ломинадзе. Страницы детства // Дружба народов. 1999. № 8. С. 154–165). Предсмертное письмо Ломинадзе, опубликованное в 1991 г., начиналось словами: «Я решил давно уже избрать этот конец на тот случай, если мне не поверят...». (Коммунист. 1991. № 13. С. 58).
- 111 Фурер Вениамин Яковлевич (1904–1936). В феврале 1935 г., по инициативе Кагановича, переведён на работу в Москву с должности отв. секретаря Горловского горкома КП(б) Украины. Назначен зав. отделом культуры и пропаганды ленинизма (впоследствии – отдел партийной пропаганды и агитации) МК ВКП(б). 16 сентября 1936 г. покончил жизнь самоубийством после получения сведений о показаниях ряда арестованных по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра» против него и его близких друзей.
- 112 См.: Лысенков Н. А. «Моя болезнь, болезнь потерять доверие партии, почти неизлечима». Предсмертное письмо В. Я. Фурера в ЦК ВКП(б) и МК ВКП(б). 1936 г. // Исторический архив. 2015. № 6. С. 106–116.
- 113 Эта, а также следующая реплика Косиора, были сняты автором, видимо, после приватного сообщения находившегося с ним в дружеских отношениях Хрущёва о реакции на самоубийство Фурера секретаря ЦК ВКП(б) Кагановича. В подготовленных много позднее мемуарах Хрущёв так описывает момент передачи им посмертного письма: «...Я привёз это письмо Кагановичу. Каганович зачитал его при мне вслух. Он плакал, просто рыдал, читая. Прочёл и долго не мог успокоиться. Как это так, Фурер застрелился? Видимо, он действительно очень уважал Фурера» (Хрущёв Н. С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания в 4 книгах). Кн. 1. М.: ИИК «Московские новости», 1999. С. 158).
- 114 Ханджян Агаси Гевондович (1901–1936). После завершения учёбы в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова (1922) на партийной работе в ряде районов Петрограда / Ленинграда. С октября 1928 г. – второй, с мая 1930 г. – первый секретарь ЦК КП(б) Армении. Награждён орденом Ленина (1935). 9 июля 1936 г. найден со смертельным пулевым ранением после заседания бюро Заккрайкома ВКП(б), на котором был обвинён в покровительстве «оголтелым националистическим элементам среди армянской интеллигенции» и пособничестве арестованным незадолго до этого членам одной из «террористических групп».
- 115 Скрыпник Николай Алексеевич (1872–1833). Один из организаторов КП(б) Украины. С 1919 г. на партийной и государственной работе. С 1928 г. возглавлял народный комиссариат образования Украинской ССР, подвергался критике за «националистические ошибки теоретического и практического характера». С февраля 1933 г. председатель Госплана и зам. председателя СНК Украины. Член ЦК ВКП(б). 7 июля 1933 г. покончил жизнь самоубийством в рабочем кабинете после заседания Политбюро ЦК КП(б)У, на котором вновь звучали в его адрес обвинения в формировании «нового националистического уклона в рядах партии».
- 116 Котов Василий Афанасьевич (1885–1937) – в 1925–1928 гг. 2-й секретарь Московского губкома партии, после смены руководства МК в ноябре 1928 г. за правый уклон от генеральной линии партии переведён на профсоюзную, затем хозяйственную работу (см. подробнее именной комм.: Котов В. А.). На момент ареста (19 сентября 1936) управляющий отделочно-строительным трестом Наркомата местной промышленности РСФСР (см. подробнее именной коммент.: Котов В. А.).
- 117 Такой разговор, как и у других обвинённых на судебном процессе, состоялся по телефону.
- 118 Речь идёт о показаниях находившегося под следствием Г. Я. Сокольников на очной ставке с А. И. Рыковым, состоявшейся 8 сентября 1936 г. в присутствии секретарей ЦК ВКП(б) Н. И. Ежова и Л. М. Кагановича, а также прокурора СССР А. Я. Вышинского (см. док. № 10 А.).
- 119 Речь идёт о заместителе командующего войсками Ленинградского военного округа (с января 1935) В. М. Примакове. 14 августа 1936 г. арестован по обвинению в принадлежности к «военно-троцкистской организации». 11 июня 1937 г. приговорён к ВМН; расстрелян.
- 120 Эта часть показаний Сокольникова представлена в настоящем издании. В частности, в ходе допроса на очной ставке с Рыковым Сокольников подтвердил совместную с правыми разработку «схемы действий» по воплощению в жизнь якобы выдуманного Томским «ленинградского варианта» так «генеральной сражения» за власть. Решающую роль в его реализации должно было

- сыграть «выступление группы военных» под началом В. М. Примакова. Рыкову и Сокольникову, по показаниям последнего, в случае удачного завершения первой части плана (осуществления террористических актов в отношении партийного и государственного руководства), предстояло сделать «некоторые шаги для предъявления ЦК ВКП(б) ряда ультимативных требований» (см. док. № 10 А).
- 17 июня 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) удовлетворило просьбу А. И. Рыкова о длительной («до 1½ месяцев») командировке в Дальневосточный край по делам руководимого им Наркомата связи СССР. Выехав с группой сотрудников в начале июля, он вернулся в Москву не позднее 5 августа 1936 г. (см.: РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 4. Д. 679. Л. 1), что существенно расходится с датой возвращения, указываемой его дочерью («числа 19–21 августа»), т. е. уже после начала процесса (см.: Шелестов Д. Время Алексея Рыкова. ... С. 284). После ареста Рыкова собрание актива работников наркомата, проходившее 15–18 марта 1937 г. под началом нового наркома связи – Г. Г. Ягоды, признало характер его поездки «вредительским».
- Л. С. Сосновский был арестован 23 октября 1936 г., т. е. спустя почти два месяца после переданного Бухариным в Политбюро ЦК и прокурору СССР А. Я. Вышинскому письма от 27 августа того же года с просьбой не затягивать «дела подсудленного Николая Бухарина» (см. док. № 8).
- А. И. Рыков говорит о показаниях, данных им в ходе опроса, состоявшегося после окончания очной ставки с Сокольниковым. Формально опрос (как и очная ставка) проводился А. Я. Вышинским, однако наибольшая активность в этих следственных действиях была проявлена Л. М. Кагановичем (см. документ № 10 Б).
- «Большевик» – орган ЦК ВКП(б), теоретический и политический журнал, выходивший в апреле 1924 – ноябре 1952 г. (после изменения на XIX съезде КПСС названия партии – журн. «Коммунист»). Первый отв. редактор – Н. И. Бухарин (1924–1929). В апреле – ноябре 1934 г. Г. Е. Зиновьев входил в редколлегия журнала.
- Речь идёт о выступлении А. И. Рыкова на закрытом партийном собрании аппарата Наркомата связи СССР, на котором несколько дней шло чтение и обсуждение закрытого письма МК и МГК ВКП(б) «О вскрытых фактах террористической деятельности контрреволюционного троцкистско-зиновьевского блока в г. Москве». Выступление состоялось не ранее 23 августа 1936 г., на что указывает стенограмма выступления на собрании 22 августа его заместителя Н. М. Синявского, в котором говорилось, что «...Рыков, член нашей партийной организации, не явился сюда сегодня и не дал ответа по существу тех политических обвинений, которые к нему предъявлены. Конечно, его заявление нашему секретарю парторганизации, что он ждёт вызова следователя, есть ответ формальный» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 192. Л. 39). За два дня А. И. Рыков, всё ещё находясь в ранге народного комиссара, утратил не только своё имя и отчество, но даже право на обращение «товарищ». Его заместитель утратил всё это через полтора года, когда «выявится» факт его работы сразу на три шпионские организации – польскую, американскую и германскую.
- Согласиться безусловно со столь категоричным заявлением Л. М. Кагановича не позволяет не менее категоричный ответ М. П. Томского на прямой вопрос, заданный ему на партийном собрании 21 августа 1936 г.: «в каком году была эта “собачья” история». Фактически дважды он был назван 1932 г., поскольку пришлось отвечать ещё и на близкий к первому вопрос, в каком году он виделся с Зиновьевым последний раз. По утверждению Томского, это было уже в конце 1932 г. перед отъездом Зиновьева во вторую ссылку в Кустанай за недоносительство по «рютинскому делу», когда он пришёл в ОГИЗ с разрешением ЦК на получение литературной работы (см.: РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 192. Л. 140). Невольным «союзником» Кагановича выступил А. И. Рыков, показавший на очной ставке с Сокольниковым, что «в 1934 году Томский мне как-то сообщил, что у него был Зиновьев и приглашал к себе на дачу». Но и в этом случае отсутствует прямое указание, что приглашение было сделано в год разговора Рыкова с Томским.
- Замечание Рыкова не выглядит беспочвенным при ознакомлении с письмом жены М. П. Томского на имя Сталина от 4 сентября 1936 г., в котором Мария Ивановна описывает состояние и действительные страхи мужа после огульной критики его на партийном собрании в ОГИЗе за день до самоубийства.
- «Если бы ты знала, как все эти дни и вчера меня пинали, смешивая с грязью, и кто пинал? Это грязные рублехвататели, никогда не болеющие за партию, я их знаю как облупленных. Я всегда урезывал их корыстные аппетиты к советскому рублю. Я бы и это вытерпел до конца, если бы знал, что физически вынесу, но мозги мой горит, я чувствую, что не выдержу. Пойми, после того тяжёлого нервного заболевания, которое я перенёс, второе будет хуже. Меня разобьёт паралич – отнимется язык, кому я буду нужен? Я сам себе не нужен!» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 238. Л. 35 об.).
- Речь идёт о преступлениях и фактах вредительской деятельности, якобы вскрытых в ходе уже упоминавшегося открытого судебного процесса по «Кемеровскому делу» (см. примеч. 45).

- 129 Ляшенко И. Т. (1895–1936), горный техник, зав. вентиляцией шахты «Центральная» Кемеровского угольного района. В первых показаниях после взрыва 23 сентября 1936 г. на шахте газа метана и ареста свидетельствовал, что состояние шахты, в т. ч. вентиляции, было таково, что взрыв нельзя считать случайностью. Это «признание» было положено следствием в основу дальнейшей «разработкой» обвиняемого и получения требуемой формулы обвинения. Уже 4 октября в протоколе его допроса значилось, что взрыв был подготовлен и осуществлён «фашистско-диверсионной группой», в которую входил и он – Ляшенко.
«Специально взрыв шахты мы не готовили, а проводили подрывные операции с расчётом привести шахту в такое состояние, когда бы эксплуатация её была невозможной. Однако эти подрывные мероприятия носили такой характер, что взрыв был неизбежен и я, например, это ясно понимал. Нельзя было предсказать точно времени взрыва, но он, повторяю, был неизбежен» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 246. Л. 48).
- 130 Открытый судебный процесс по «Кемеровскому делу» проходил 19–22 ноября 1936 г. в г. Новосибирске, где с конца сентября проводились также следственные действия (см. подробнее примеч. 45, 129). В день начала процесса руководившие следствием нач. ЭКО ГУГБ НКВД СССР Л. Г. Мионов и нач. УНКВД Западно-Сибирского края В. М. Курский сообщали Ежову: «Присутствующие на процессе рабочие Кузбасса положительно реагируют на процесс, высказывают озлобление против троцкистов-контрреволюционеров, единодушно высказываясь о физическом уничтожении троцкистской банды» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 256. Л. 88).
- 131 Одобренный 20.05.1936 г. Политбюро и разосланный региональным управлениям циркуляр НКВД требовал немедленного выявления и полного разгрома до конца «всех троцкистских сил». Троцкисты, находившиеся в ссылке и не прекратившие по имеющимся агентурным сведениям «активной работы», арестовывались и отправлялись в «дальние лагеря». Той же мере наказания подверглись лица, исключённые из ВКП(б) в ходе прошедшей в мае – декабре 1935 г. проверки партийных документов, фактически превратившейся в «чистку» партии с применением арестов. В данном случае речь идёт, видимо, о ссыльных и арестованных троцкистах, следовавших летом 1936 г. эшелонами из Сибири, Казахстана и Средней Азии через Новосибирск во Владивостокскую пересыльную тюрьму для отправки их на рудники и другие предприятия Колымы.
- 132 Л. М. Каганович был назначен народным комиссаром путей сообщения СССР 28 февраля 1935 г. (с 1932 г. в ведении НКПС оставался исключительно железнодорожный транспорт). В этой должности находился до 22.08.1937 г.; в 1938–1942 и 1943–1944 гг. вновь руководил данным наркоматом.
- 133 Речь идет о возведении сернокислотной установки на Беловском цинковом заводе, после ввода в строй которой планировалось резкое увеличение выхода серной кислоты из отходящих газов цинкового производства. Белово – ныне город в Кемеровской области.
- 134 Не выдерживает критики центральный пункт предъявленного Н. И. Бухарину обвинения: о «совещании» в Берлине летом 1931 г. было много разговоров, но источником их был только один человек – А. А. Шестов. Никто более из находившихся в это время в городе советских служащих (и по совместительству оппозиционеров) – И. Н. Смирнов, В. Ф. Логинов и др. никогда не упоминали об общих собраниях. 13 декабря 1936 г. опроверг этот слух и Ю. Л. Пятаков, отвечая на вопрос следователя об участии «в каких-либо совещаниях вместе с Седовым» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 262. Л. 41). Правда, Пятаков не может относиться к числу надёжных свидетелей: признай он участие в достаточно многочисленном совещании, «лопалась» бы пестуемая НКВД версия о его встрече с Седовым и получении директив Троцкого.
- 135 Должность народного комиссара почт и телеграфов СССР (с 17 января 1932 – наркома связи) А. И. Рыков занимал с 30 марта 1931 г. после вынужденного ухода 19 декабря 1930 г. с поста председателя Совета народных комиссаров СССР. 26 сентября 1936 г. был заменён Г. Г. Ягодой, «разжалованным» в прежней должности наркома внутренних дел.
- 136 Молотов имеет в виду ряд судебных разбирательств о виновности лиц, «причастных» к убийству С. М. Кирова (см. примеч. 7).
- 137 Ответственный секретарь редакции газ. «Известия» Л. М. Лям находился в этой должности с 1927 г. В 1919 г., отступая на Украине в составе «красных» войск, заболел и был эвакуирован в Одессу, вскоре занятую войсками Деникина. В сентябре того же года был мобилизован «белыми», служил в Симферополе, затем в частях Каспийского фронта, откуда смог перейти к «красным». За сокрытие этого эпизода жизни парткомиссией Туркфронта в 1922 г. был исключён из партии на один год. В 1923–1924 гг., работая в редакции газеты «Туркестанская правда», выступал на собраниях, поддерживая Троцкого и защищая его курс на отстранение от власти «самодовольно-консервативной верхушки» партии.
- 138 Речь, очевидно, идёт о работе «комиссии тов. Ежова», созданной постановлением ЦК ВКП(б) для «обследования» аппарата редакции газ. «Известия». Состояла из сотрудников Отдела печати и издательства ЦК ВКП(б) и возглавлялась его заведующим – Б. М. Талем. На основе сообщения комис-

сии был подготовлен проект постановления ЦК ВКП(б), отмечавший, что «в аппарате редакции и секретариата "Известий" обнаружена сильнейшая засоренность троцкистами, антисоветскими, чуждыми и сомнительными людьми (бывшие белогвардейцы, попы) и иноподданными».

Ответственность за такое состояние аппарата редакции и секретариата газеты возлагалась на её ответственного редактора – Н. И. Бухарина, который «вместо бдительной заботы о подборе выдержанных и проверенных кадров газеты, сам непосредственно способствовал засорению аппарата редакции и передоверил важнейшее дело подбора кадров секретарю редакции Ляму – бывшему денкинцу, исключавшемуся из партии, скрытому троцкисту...» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 49. Л. 93).

Выводы комиссии имели серьёзные последствия. Уже 11 августа 1936 г., в отсутствие находившегося в отпуске Бухарина, от работы в газете был отстранён один из её «столпов» К. Б. Радек, 14 августа подготовлен («в связи с предстоящей реорганизацией аппарата газеты») список новых сотрудников, рекомендуемых для работы в «Известиях», а 25 августа приказом по редакции были освобождены (с 23 августа) от работы 13 человек, в т. ч. Лям, и лучшие «перья» «Известий» – В. Г. Зорич и А. О. Старчаков.

¹³⁹ Речь идёт об упоминавшемся уже неоднократно открытом судебном процессе по делу «антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра», состоявшемся 19–24 августа 1936 г.

¹⁴⁰ Названное письмо, а также ответ на него К. Е. Ворошилова и второе письмо Бухарина Ворошилову были размножены и разосланы участникам пленума ЦК ко второму заседанию 7 декабря 1936 г. С просьбой об их рассылке, содержащейся в датированной тем же числом записке, к Сталину «официально» обратился Ворошилов. Однако этот вопрос был решён ещё до начала работы пленума, на что указывает, в частности, сообщение Молотова членам ЦК о предстоящей («завтра») рассылке уже на первом заседании 4 декабря после выступления С. В. Косиора. В настоящем издании публикуются тексты всех трёх писем (см. док. № 9).

¹⁴¹ См. примеч. 97.

¹⁴² Остававшиеся в отпускной период в Москве члены Политбюро – Н. И. Ежов, Л. М. Каганович, Г. К. Орджоникидзе, мнение которых о частном письме Бухарина к нему решил выяснять Ворошилов, не проявили большевистской бдительности. Выступая 24 февраля 1937 г. на заседании следующего, февральско-мартовского пленума ЦК при разборе «дела тт. Бухарина и Рыкова», он признал, что после первого прочтения все они «как-то просмотрели» содержавшиеся в нём «мерзкие выпады против ЦК». И только после полученной от вернувшегося из отпуска В. М. Молотова оценки письма как «просто гнусного» и повторного его чтения всеми действительно было обнаружено, что «там оказались гнусные выпады против Политбюро».

¹⁴³ Неточность. Славинский Ю. М. возглавлял ЦК работников искусства (РАБИС) в 1919–1929 гг. С 1932 г. являлся председателем правления Всероссийского кооперативного союза работников изобразительных искусств.

¹⁴⁴ Вероятно, рассказывая о террористических планах вышеуказанной «боевой группы», В. М. Молотов полагался на неосведомлённость участников пленума о показаниях арестованных «террористов». «Показания» же явно не говорили о Ю. М. Славинском и его подельниках как о «профессионалах» в области террора. Разрабатывая план осуществления теракта, «боевики» исходили из того, что в день торжественного заседания им непременно удастся не только попасть в Большой театр, но и занять места в ложах по обе стороны сцены, на которой будут располагаться в президиуме члены Политбюро. Первым прицельный огонь по ним из своей ложи должен был начать Воинов, из противоположной – Станкин и ещё один, неназванный Молотовым, но также арестованный и «сознавшийся» к тому времени террорист (Кашин). Следствие позаботилось о «боевиках», разработав для них и запасной вариант совершения теракта. В случае возможной «неуязвки» стрелять по членам Политбюро якобы должен был находящийся на сцене позади президиума (видимо, в силу профессии музыканта и дирижёра?) Славинский. Участники совершения теракта были настолько уверены в успехе, что, судя по их «показаниям», надеялись даже сохранить свои жизни, воспользовавшись начавшейся паникой.

Очевидно, для придания большого драматизма ситуации, Молотов максимально «приблизил» день ареста «террористов» ко дню намечавшегося убийства. В действительности их арест произошёл 19–21 сентября 1936 г.

¹⁴⁵ В показаниях Куликова указывается после Рыкова фамилия ещё одного члена названного центра – В. В. Шмидта (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 259. Л. 27).

¹⁴⁶ Некорректное цитирование. Правильно: «Я фашистом никогда не был, никогда не буду...»

¹⁴⁷ Выступающий, видимо, имеет в виду время совместной борьбы Н. И. Бухарина и Н. А. Угланова (руководившего в сентябре 1924 – ноябре 1928 г. московской партийной организацией) с «левыми» оппозиционными течениями в ВКП(б), а затем объединение их в 1928–1929 гг. на платформе «правого уклона», вплоть до охлаждения отношений между ними после принятия Углановым ре-

- шения «идти в ногу со всей партией» и подачи заявления о разрыве с «правой» оппозицией (Правда. 1929. 18 ноября).
- 148 Все выступавшие в прениях члены ЦК (исключая «вынужденных» ораторов — Бухарина и Рыкова) заявляли, что клевета не может стать фактором, влияющим на судьбу честных людей, однако половина из них (Косиор, Саркисов, Эйхе) весьма скоро оказались её жертвами.
- 149 В значении: ничтожные, дрянные люди («отбросы» общества).
- 150 Имеются в виду известные документы «Союза марксистов-ленинцев»: обращение «Ко всем членам ВКП(б)» и платформа (программа), названная её составителями «Сталин и кризис пролетарской диктатуры».
- 151 Речь идёт о республиках Средней Азии. 23 июля 1932 г. Н. И. Бухарину был предоставлен двухмесячный отпуск. Отдавая предпочтение активным видам отдыха, в т. ч. туризму и альпинизму, в тот раз он поднялся к оз. Иссык-Куль (Киргизия).
- 152 Речь идёт о краткой переписке Н. И. Бухарина и К. Е. Ворошилова, отразившей смятенное состояние Бухарина в первые дни после полученных известий о показаниях против него ряда подсудимых (к тому времени уже расстрелянных) на судебном процессе по делу «антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра» (см. док. № 9).
- 153 Активное участие во внутрипартийной борьбе, оказываясь, как правило, в рядах оппозиции, С. А. Саркисов принимал вплоть до своего исключения из партии в октябре 1927 г. и последовавшей за этим высылки в Минусинск (см. подробнее именной коммент.: Саркисов С. А.).
- 154 Багиров Мир Джафар Аббасович (1895–1956) — в 1933–1953 гг. 1-й секретарь КП(б) Азербайджана, в 1934–1937 гг. кандидат, затем (до 1954) член ЦК партии. 13 марта 1954 г. арестован, обвинён в принадлежности к «изменнической группе» и «совершении террористических расправ над советскими гражданами». В открытом судебном заседании 26 апреля 1956 г. (г. Баку) приговорён к ВМН, расстрелян 7 мая того же года.
- 155 Речь идёт об «Украинском троцкистском центре», якобы созданном по распоряжению Ю. Л. Пятакова для реализации в республике «установки» Л. Д. Троцкого на воссоздание в СССР троцкистской организации и переход к террору как основному методу борьбы с правящим в стране режимом. Распоряжение, как и «установку» Троцкого, Пятаков «передал» в Берлине В. Ф. Логинову, управляющему трестом «Укркокс», который находился с ним в командировке и был давно знаком ему по прежней троцкистской деятельности. Там же был назначен состав будущего «украинского троцкистского центра», куда, помимо Логинова, вошли Н. В. Голубенко и Ю. М. Коцюбинский. В начале 1935 г. украинскими троцкистами была получена следующая, явно запоздавшая директива Троцкого: «встать на путь широкой деятельности в области разрушения тяжёлой промышленности». Не встречаясь с 1932 г. с Пятаковым, и, видимо, не имея в силу этого возможности ранее ознакомиться с директивой, Логинов невольно нарушил её, получив в марте 1935 г. «за перевыполнение производственной программы 1934 года и значительные успехи по овладению техникой в области чёрной металлургии» высшую в СССР награду — орден Ленина. В столь же неудобном положении оказались и рядовые члены «украинской троцкистской организации» — Ассиновский, Пуцин, Тамм, Уланов, также отдававшие всё это время силы и знания укреплению сталинского режима и удостоенные высоких правительственных наград (см. примеч. 40, 42, 43).
- 156 В апреле 1923 г., при очередном административно-территориальном делении страны, находившиеся на территории Киевской губернии уезды были сгруппированы (по экономическим зонам) в округа, подчинявшиеся непосредственно республике. В июле 1930 г. Киевский округ, как и большинство округов в СССР, был упразднён.
- 157 Вероятно, речь идёт о Марке Филипповиче Левитине (1891–1937), подписавшем в октябре 1923 г. «левое» «заявление 46-ти» и активно участвовавшем совместно с Саркисовым в 1926–1927 гг. в оппозиционной работе троцкистов на Северном Кавказе. С 1934 г. занимал должность зам. наркома пищевой промышленности СССР (см. подробнее именной коммент.: Левитин М. Ф.).
- 158 На готовность С. А. Саркисова и дальше доказывать «делом» «свою верность партии» указывает, в частности, письмо Багирова, с которым он обратился к Сталину до начала первого заседания пленума. После краткого отчёта о борьбе с троцкистскими элементами в Азербайджане («выявлено и ликвидировано 78 контрреволюционных групп с общим числом в 752 человека») и выраженной уверенности, что ещё не все контрреволюционные троцкистские элементы выявлены, в письме назывались «вызывающие сомнения» ответственные работники республики: «председатель комитета по делам искусства Рухулл Ахундов, наркомпрос Мусеиб Шахбазов, зам. председателя Азериттифака Ханбудагов Эюб».
- «...Что касается Ханбудагова Эюба, — говорилось далее, — то здесь в Москве при личной встрече с тов. Саркисовым выяснилось, что Ханбудагов действительно был активным троцкистом. Об этом тов. Саркисов дал письменную справку.

В процессе следствия арестованные скрытые троцкисты... показывали, что они в своё время были завербованы т. Саркисовым.

В связи с этим просим предложить тов. Саркисову сообщить в ЦК ВКП(б), с копией нам, о всех троцкистах, которых он помнит по Баку» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 259. Л. 42–43).

- ¹⁵⁹ Факт предполагаемого ареста В. И. Ленина мог стать известен Саркисову (если не увлекаться конспирологией) из рассказа о нём самого Н. И. Бухарина. Защищая в 1923 г. в ходе очередного витка фракционной борьбы за власть тезис о недопустимости фракций внутри партии, он привёл пример своего участия в формировании в 1918 г. «блока» «левых коммунистов», одним из руководителей которого он являлся, и левых социалистов-революционеров. Тогда в образовавшуюся внутри РКП(б) «фракцию» противников Брестского мира обратились их сторонники из числа левых эсеров с предложением арестовать Ленина на 24 часа, сформировать на такой же срок коалиционное правительство из противников Брестского мира и отвергнуть притязания германского руководства. Обе стороны разгоревшейся полемики постарались извлечь из этой истории пользу.

В своём письме в «Правду» в январе 1924 г. бывшие члены группы «левых коммунистов» попытались свести её к «совершенно незначительному инциденту», поскольку никакого официального предложения никто не делал. Бухарин в своём ответе в том же номере газеты фактически признал преувеличения, которые он допустил, чтобы показать, к чему может привести очередная вспышка фракционной борьбы (см.: Правда. 1924. 3 января).

В дальнейшем, однако, этот эпизод не раз был использован в политической борьбе, в т. ч. на заключительной фазе многоходовой комбинации Сталина по выводу из Политбюро «правой тройки» (Бухарина, Рыкова, Томского). На апрельском (1929) объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) он стал одним из наиболее «выигрышных» при дискредитации «любимца партии» Бухарина. Так, Сталин не преминул «вспомнить», что: «тов. Бухарин бегаёт к чужакам с жалобами на партию не впервые. История нашей партии знает примеры того, как тов. Бухарин бежал к левым эсерам и вёл с ними закулисные переговоры против ЦК нашей партии в период Брестского мира» (см.: Как ломали НЭП. ... Т. 4. Объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 16–23 апреля 1929 г. ... С. 498).

Через 20 лет, готовя к изданию 12 том своих «Сочинений», и весьма вольно «отредактировав» свою речь на пленуме (Рыкову, например, были приписаны комплиментарные слова в адрес Бухарина из текста выступления его «ученика» Д. П. Розита), Сталин «дополнил» вышеприведённый фрагмент: «О чём он стоваривался тогда с левыми эсерами, – нам это, к сожалению, неизвестно. Но нам известно, что левые эсеры намеревались тогда арестовать Ленина и произвести антисоветский переворот». Соблюдая «объективность», Сталин говорит здесь только о левых эсерах и не раскрывает намерений и роли Бухарина в готовившемся «преступлении», о них любопытный читатель может узнать, только обратившись к примечаниям к данному тексту (естественно, также выверенным Сталиным). Примечание 10 устанавливает, что а) Бухарин участвовал в заговоре против Ленина, б) в состав заговорщиков входил и Троцкий и в) дело не должно было ограничиться арестом. Планировалось убийство Ленина, а также его ближайших сподвижников – Сталина и Я. М. Свердлов (Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. М., 1949. С. 100–101, 377).

- ¹⁶⁰ На судебном процессе по делу «антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра» показания о «контрреволюционной» связи его руководителей и лидеров «правого центра» Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и М. П. Томского были даны только пофамильно названными обвиняемыми, т. е. Зиновьевым, Каменевым и Рейнгольдом.

- ¹⁶¹ В данном случае речь идёт не о вышепоименованных лицах из числа арестованных, а о Н. И. Бухарине и А. И. Рыкове.

- ¹⁶² О первой, несколько эмоциональной реакции Л. М. Кагановича на результаты очных ставок уже говорилось выше (см. примеч. 81). Видимо, последующий более глубокий и всесторонний «анализ» полученных результатов совместно с Н. И. Ежовым и А. Я. Вышинским, известными ныне своей абсолютной объективностью и самостоятельностью в суждениях и принимаемых решениях, заставил его кардинально изменить складывавшееся у него мнение о невиновности Бухарина и Рыкова.

- ¹⁶³ Задачей присутствовавших на очной ставке секретарей ЦК ВКП(б) Н. И. Ежова и Л. М. Кагановича было, конечно, не выяснение юридических оснований для привлечения к судебной ответственности Бухарина и Рыкова. Такая задача вменялась в обязанность официальному должностному лицу, производившему очную ставку, – прокурору Союза ССР А. Я. Вышинскому.

- ¹⁶⁴ Готовность подтвердить на очных ставках показания «относительно участия Томского, Рыкова и Бухарина в троцкистско-зиновьевском блоке», которые были даны им на допросах 24–25, 30 августа и 2 сентября 1936 г., Сокольников выразил на предварительном допросе в день проведения очной ставки. Допрос был произведён прокурором Союза ССР А. Я. Вышинским в присутствии зам. начальника ЭКО ГУГБ НКВД ст. майора госбезопасности Дмитриева и следователя, ведущего дело Сокольников, начальника отделения ЭКО ГУГБ НКВД майора госбезопасности Чертока (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 176. Л. 8–11).

- ¹⁶⁵ Вопреки показаниям Сокольников Л. Б. Каменев отрицал, в т. ч. в судебном заседании, какие-либо встречи с Рыковым после 1930 г. Об этом свидетельствует наиболее надёжный источник – неправленная стенограмма заседания от 20 августа 1936 г. (см.: РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 180. Л. 40). Это ставит под сомнение, по меньшей мере, показания Сокольников о переданном Каменевым Рыкову сообщении о создании блока и его террористической основе. Более очевидно некорректность, проявленная Кагановичем при использовании в выступлении сведений, о недостоверности которых он не мог не знать.
- ¹⁶⁶ Каганович явно преувеличивал наличие хорошо поставленной конспирации в «контрреволюционных организациях», каковой, судя по показаниям арестованных членов этих организаций, никогда не было в их рядах. Е. Ф. Куликов, на показания которого ссылается Каганович, относившийся по его терминологии к «сердечкам», не просто имел «представление», но, оказывается, «знал», что «ещё в 1932 году член центра (правых. – Сост.) Томский вёл переговоры о блоке с Каменевым», и даже имел полученные от Угланова «сведения» об установлении в конце того же года блока «между правыми, зиновьевцами и троцкистами» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 274. Л. 205).
- ¹⁶⁷ Не удалось установить лицо, о котором идёт речь.
- ¹⁶⁸ Наркомлес (Народный комиссариат лесной промышленности СССР). Образован в январе 1932 г. в результате разделения на ряд наркоматов ВСНХ СССР. В мае 1935 – июле 1936 г. должность 1-го зам. народного комиссара занимал Г. Я. Сокольников.
- ¹⁶⁹ О том, что имя Рыкова было произнесено Бухариным без политической подоплёки, говорит сохранившаяся его записка от 20 декабря 1934 г.: «Дорогой Алексей! Умоляю тебя уважить просьбу акад. А. М. Деборина (он же «Слон») и поставить ему на квартире телефон. Он почему-то не может обойтись без этих атрибутов цивилизации. А за статью спасибо. Привет /Н. Бухарин/» (РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 6. Л. 45). Косвенно, но вполне убедительно она свидетельствует об отсутствии антипартийных устремлений Бухарина при «легализации» бывших оппозиционеров; как и о том, что возможности его в этом были весьма ограничены – присланная Рыковым статья в «Известиях» опубликована не была.
- ¹⁷⁰ Бухарина отличала подмеченная его современниками склонность к «цветистости» речи, но это своеобразие лексики ранее не использовалось его противниками для аргументации сокрытия им «политического двурушничества». Видимо, для усиления эффекта Каганович внёс ещё и «правку» в оригинал показаний Сокольников, после которой последнее предложение оканчивалось словом «всегда» («правка» была снята только в 1958 г. в ходе отмеченного выше авторского редактирования текста выступления).
- ¹⁷¹ Ввиду прерванного Ворошиловым ответа Бухарина на вопрос Кагановича, приводится более полная редакция этого ответа, данного Бухариным в заявлении на имя пленума ЦК ВКП(б) от 7 декабря 1936 г.: «...Тов. Каганович подробно останавливался на том, что во время моей очной ставки с Сокольниковым выяснилось следующее: я сказал [Сокольникову] на одном из заседаний ЦК о недопустимости писать статью, которую он просил поместить в «Известиях» под псевдонимом, так сказать, «нелегально», и упомянул, что я то же говорил и Рыкову о такой легальности. Отсюда т. Каганович сделал вывод: я говорил с Сокольниковым, как его соучастник! Между тем, вопрос объясняется крайне просто: чуть ли не на том же заседании ЦК я просил, как газетчик, у Рыкова дать хоть одну статью о Наркомсвязи, который все ругают, но который молчит, точно он на нелегальном существовании каком-то. Вот эту словесную метафору тов. Каганович превращает в доказательство наличия идейной и организационной общности у меня с [Сокольниковым]! Отсюда понятен и ответ на вопрос т. Кагановича, почему я сказал о Рыкове, а, напр[имер], не о нём, Кагановиче. Да потому, что [1]) я статью просил у Рыкова (тов. Л. М. Каганович имеет у нас «отличную прессу», как говорят англичане), 2) потому, что комиссариат Рыкова (а не К[аганови]ча) был немой, точно нелегальный. Вот и всё» (см. док. № 11).
- ¹⁷² Данный упрек был обращён явно не по адресу. Каганович, видимо, не успел (не смог, не захотел) перестроить своё выступление после прозвучавших не более 1,5–2 часов назад заявлений Бухарина и Рыкова о том, что после очной ставки 8 сентября с Сокольниковым им более не предоставляли новых очных ставок с обвиняющими их лицами, не ознакомили ни с одним материалом обвинительного характера.
- ¹⁷³ Речь идёт о заявлении, которое М. П. Томский сделал во время последнего выступления на партийном собрании в ОГИЗе. Он признал скрываемый им до последнего дня от ЦК и ЦКК партии факт встречи (в присутствии Бухарина) с Каменевым «в самый разгар правой оппозиции» в начале зимы 1928 г. На встрече «было взаимное прощупывание на предмет создания блока». Рыков «назвал нас дураками. ...Сказал, что якшаться с этой публикой не надо, что надо держаться дальше. Но дело было сделано» (см. док. № 7).
- ¹⁷⁴ Главный Концессионный комитет при СНК СССР (Главконцесском) – ведомство, занимавшееся предоставлением концессий иностранным физическим и юридическим лицам для торговой и про-

- изводственной деятельности. Обладал монопольным правом на привлечение в страну иностранных инвестиций. Образован 21 августа 1923 г. (предшественник – Главконцеском при СНК РСФСР). С 31 мая 1929 г. до 11 октября 1932 г. возглавлялся Л. Б. Каменевым. Упразднён 14 октября 1937 г.
- 175 Протокол опроса Рыкова, действительно, свидетельствует о том, что речь шла о случае с приглашением Томского посетить дачу Зиновьева:
ВЫШИНСКИЙ А. Я. А как вы расцениваете тот факт, что вы не сообщили ЦК о политическом приглашении Зиновьевым Томского?
- РЫКОВ А.И. Я признаю, что это была моя ошибка. Ещё раз утверждаю, что в блок я не входил и никаких разговоров с Томским об этом не вёл (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 176. Л. 37).
- 176 Наркомпрос (Народный комиссариат просвещения РСФСР). В июне 1918 г. сформирован как орган государственного регулирования культурно-гуманитарной сферы. В декабре 1931 – октябре 1932 г. (до своего второго ареста) в коллегию Наркомпроса на правах её члена входил Г. Е. Зиновьев.
- 177 После ознакомления со стенографической записью этого фрагмента выступления Л. М. Кагановича приходится признать, что не всем дано «понять» указанную им, как очевидную, политическую связь «членов одной политической организации», т. е. Зиновьева, Рыкова и Томского.
- 178 С 16 декабря 1934 г. Г. Е. Зиновьев находился в заключении в Ленинграде, с начала 1935 г. отбывал наказание в Верхнеуральском политизоляторе (с ноября того же года – тюрьма НКВД).
- 179 Несколько предшествующих страниц документа не требуют комментариев, тексты говорят сами за себя. Очевидно использование выступающим одного (и порядком подзабытым) источника приводимых им «фактов». Источник известен, это отредактированные А. Я. Вышинским стенограммы очных ставок Бухарина и Рыкова с Сокольниковым. Однако известно и то, что пользование одним источником весьма способствует развитию вредных фантазий. В выступлениях Кагановича они присутствуют в полной мере, начиная с чаепитий и употребления «кое-чего другого» и заканчивая (не последней по месту и времени) фантазией о том, что будто бы Томский рассказывал (когда? кому? где?), что был у Зиновьева в 1934 г., а значит, не мог не знать о планах убийства Кирова. Между тем, достаточно было ознакомиться с ещё одной стенограммой – предсмертного выступления Томского в ОГИЗе – и от вредных фантазий не осталось бы и следа.
- 180 Речь идёт о письме Бухарина, адресованном не только Политбюро ЦК, но и прокурору СССР А. Я. Вышинскому от 27 августа 1936 г.: «...я должен сказать, что со своей стороны я, вероятно, с 33 года оборвал даже всякие личные отношения со своими бывшими единомышленниками, М. П. Томским и А. И. Рыковым. Как ни тяжела подобного рода самоизоляция, но я считал, что политически это необходимо, что нужно отбить, по возможности, даже внешние поводы для болтовни о “группе”» (см. док. № 8)
- 181 Это утверждение расходится со словами самого же Кагановича, заявлявшего в начале своего выступления, что до проведённой очной ставки с Сокольниковым следствие не располагало показаниями конкретных лиц о враждебной деятельности Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова: «Были только показания суда и по этим показаниям мы выносили решения».
- 182 Речь идёт о чистке партийных рядов, объявленной совместным решением ЦК и ЦКК от 12 апреля 1933 г. (до сер. 1935 г. было «вычищено» более 18% членов партии). Фактически продолжением чистки стала кампания по «проверке и обмену партийных документов», проходившая в 1935–1936 гг.
- 183 Стенограммы вышеуказанных очных ставок составляют содержание документов № 12, 13, 14 настоящего издания. И. В. Сталин обходит в своём сообщении вопрос о несостоявшихся очных ставках А. И. Рыкова с теми же подследственными. Поскольку на первом заседании пленума вопрос необходимости очного расследования предъявленных обвинений поднимался не только Н. И. Бухариным, но и Рыковым, вполне допустимо, что такие следственные действия могли состояться и в его отношении, как это было тремя месяцами ранее (см. документ № 10 А, Б, В, Г). Причиной их отмены могло стать (помимо явного превышения лимита времени, отведённого показаниям Бухарина и его обвинителей) уже сложившееся у членов Политбюро после первых показаний мнение о достаточности полученных данных для информирования участников пленума.
- 184 И. В. Сталин употребляет в данном случае термин, который использовался в партийной лексике в январе – апреле 1929 г., «в связи с отходом группы т. Бухарина от генеральной линии партии в сторону правого уклона». Результаты обсуждения вопроса об ультимативном поведении Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и М. П. Томского, подавших заявления об отставке с занимаемых ими постов, нашли отражение в резолюциях по внутрипартийным делам объединённого заседания Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б) (09.02.1929) и объединённого пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) (23.04.1929) (КПСС в резолюциях и решениях... Т. 4. 1926–1929. С. 429–447, 493).
- 185 Столь категорическое заявление не подтверждается материалами очной ставки Н. И. Бухарина и Л. С. Сосновского (см. док. № 13), как и последующими словами выступления Сталина. Следует

принять во внимание возможность либо неудачного словесного оборота со стороны выступающего, либо дефекта стенографической записи.

¹⁸⁶ Речь идёт о возвращении Ю. Л. Пятакова из служебной командировки в конце 1931 г., во время которой он якобы получил через Л. Л. Седова прямую директиву Л. Д. Троцкого о начале террористической борьбы с партийным и государственным руководством страны.

¹⁸⁷ Отсутствие запятой во второй части предложения не позволяет определить действительное отношение Бухарина к террористическим методам борьбы. Приведённая фраза в данном виде может быть отнесена к числу описывающих взаимоисключающие возможности.

¹⁸⁸ Неточность. С 1 февраля 1935 г. А. А. Жданов находился в «ранге» кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б), членом Политбюро был избран 22 марта 1939 г.

¹⁸⁹ Речь идёт о т. н. «тезисах оппозиционной платформы», с которыми Н. И. Бухарин ознакомил Ю. Л. Пятакова во время посещения его в больнице в кон. 1928 г. Более подробно этот эпизод освещён в материале очной ставки Бухарина и Е. Ф. Куликова (см. док. № 12).

¹⁹⁰ По контексту очевидно, что содержание данной фразы относится не к показаниям А. И. Рыкова (как это может быть истолковано вследствие сделанного Сталиным акцента на его имени), а является продолжением оценки показаний Ю. Л. Пятакова.

¹⁹¹ Следующий пленум ЦК ВКП(б) состоялся 23 февраля – 5 марта 1937 г. «Дело тт. Бухарина и Рыкова» стало первым вопросом его повестки дня.

¹⁹² «Заготовленные речи», которые, как правило, составляют немалую часть неопубликованных материалов партийных форумов, в материалах данного пленума отсутствуют. Отсутствуют они и в фондах участников пленума в РГАСПИ.

¹⁹³ Реплика В. М. Молотова примечательна его просьбой (скорее указанием) «построить» уже «заготовленные речи» не на данных, с которыми участники пленума были ознакомлены до и в ходе его работы (что было бы естественно), а «в соответствии» с данными, которые будут (?) обнаружены. Очевидно, что имелись в виду «данные», которые обязательно будут обнаружены при продолжении ещё более «целенаправленных» следственных действий.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ № 2

Протокол № 8
заседания Пленума ЦК ВКП(б) от 4 и 7 декабря 1936 г.
и опросами от 25–26 июля, 10–11 сентября 1936 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

Члены ЦК ВКП(б): тт.

Алексеев, Андреев, Антипов, Бадаев, Балицкий, Бауман, Берия, Бубнов, Варейкис, Ворошилов, Гамарник, Ежов, Жданов, Жуков, Зеленский, Иванов, Икрамов, Кабаков, Каганович Л., Каганович М., Калинин, Кнорин, Кодацкий, Косарев, Косиор С., Косиор И., Кржижановский, Криницкий, Крупская, Лаврентьев, Лебедь, Литвинов, Лобов, Любимов, Мануильский, Межлаук, Микоян, Мирзоян, Молотов, Николаева, Носов, Орджоникидзе, Петровский, Пятницкий, Разумов, Рудзутак, Румянцев, Рухимович, Рындин, Сталин, Стецкий, Сулимов, Уханов, Хатаевич, Хрущов*, Чернов, Чубарь, Чувьрин, Чудов, Шверник, Шеболдаев, Эйхе, Ягода, Якир, Яковлев.

Кандид. в члены ЦК: тт.

Багиров, Благодоров, Блюхер, Будённый, Булганин, Булин, Бухарин, Бройдо, Быкин, Вейнберг, Гикало, Голодец, Гринько, Грядинский, Дерибас, Егоров, Ерёмин, Завенягин, Затонский, Исаев, Калманович, Каминский, Калыгина, Комаров, Кубяк, Кульков, Лепа, Лозовский, Любченко, Макаров, Мехлис, Михайлов В., Михайлов М., Мусабетов, Осинский, Павлуновский, Пахомов, Позерн, Полонский, Поскрёбышев, Прамнек, Розенгольц, Рыков, Саркисов, Семёнов, Серебровский, Смородин, Стриевский, Струппе, Тухачевский, Уборевич, Угаров, Уншлихт, Филатов, Шварц, Шубриков, Элиава, Юркин.

Члены Центральной
Ревизионной Комиссии: тт.

Агранов, Адоратский, Алексеев, Ербанов, Киселёв, Коган, Крутов, Орахелашвили, Попок, Реденс, Рябинин, Сойфер, Сухомлин, Хлопьянкин, Чуцкаев.

* Так в тексте. Правильно: Хрущёв.

Члены Бюро Комиссии
Партийного Контроля: тт.

Акулов, Куйбышев, Петерс, Шкирятов, Ярославский.

Члены Бюро Комиссии
Советского Контроля: тт.

Беленький, Дейч, Землячка, Ломов, Москвин, Назаретян, Ульянова, Хаханьян, Цихон.

От 4.XII.36 г.

I. Проект Конституции Союза ССР.

Проект Конституции Союза ССР, представленный Конституционной Комиссией ЦИК Союза ССР и отредактированный Редакционной Комиссией Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов, с поправками, внесёнными на заседании Пленума ЦК, утвердить.

От 4 и 7.XII.36 г.

II. Доклад т. Ежова об антисоветских троцкистских и правых организациях.

а) Принять к сведению сообщение т. Ежова.

б) Принять предложение т. Сталина: считать вопрос о Рыкове и Бухарине незаконченным. Продолжить дальнейшую проверку и отложить дело решением до следующего Пленума ЦК.

ОПРОСОМ ЧЛЕНОВ ЦК ВКП(б):

От 25–26.VII.36 г.

1. О Сокольникове Г.

На основании установленных неопровержимых данных о том, что кандидат в члены ЦК Сокольников поддерживал тесные связи с террористическими группами троцкистов и зиновьевцев, ЦК ВКП(б), считая, что такое поведение Сокольникова несовместимо с пребыванием в составе ЦК и с принадлежностью к ВКП(б), постановляет исключить Сокольникова из состава кандидатов в члены ЦК и из рядов ВКП(б).

От 10–11.IX.36 г.

2. О Пятакове Ю. Л.

На основании установленных неопровержимых данных о том, что член ЦК Пятаков Ю. Л. поддерживал тесные связи с террористическими группами троцкистов и зиновьевцев, ЦК ВКП(б), считая, что такое поведение Пятакова несовместимо с пребыванием в составе ЦК и с принадлежностью к ВКП(б), постановляет исключить Пятакова из состава членов ЦК и из рядов ВКП(б).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

И. Сталин

4–ВМ

XVII созыв

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 573. Л. 2–3. Машинопись (1-й экз., красящая лента – синяя). Документ заверен печатью ЦК ВКП(б). Печать и подпись И. В. Сталина – факсимиле.

Цвет отрисков – фиолетовый; Ф. 17. Оп. 2. Д. 1007. Л. 2–3. Машинописная копия (1-й экз., красящая лента – чёрная). Печать ЦК ВКП(б) и подпись Сталина – факсимиле. Цвет отрисков – фиолетовый.

ДОПОЛНЕНИЯ

Документ № 3 Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик

**Проект
Конституции Союза ССР, представленный Конституционной комиссией ЦИК
Союза ССР и отредактированный Редакционной комиссией
Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов**

[Не позднее 4 ноября 1936 г.]

ГЛАВА I ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

Текст Конституционной комиссии

Поправки Редакционной комиссии

СТАТЬЯ 1. Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян.

СТАТЬЯ 2. Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата.

СТАТЬЯ 3. Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся.

СТАТЬЯ 4. Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком.

СТАТЬЯ 5. Социалистическая собственность в СССР имеет либо форму государственной собственности

(всенародное достояние), либо форму кооперативно-колхозной собственности (собственность отдельных колхозов, собственность кооперативных объединений).

СТАТЬЯ 6. Земля, её недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинотракторные станции и т. п.), а также основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью, то есть всенародным достоянием.

СТАТЬЯ 7. Общественные предприятия в колхозах и кооперативных организациях с их живым и мёртвым инвентарём, производимая колхозами и кооперативными организациями продукция, равно как их общественные постройки составляют общественную, социалистическую собственность колхозов и кооперативных организаций.

Каждый колхозный двор имеет в личном пользовании небольшой приусадебный участок земли и в личной собственности подсобное хозяйство на приусадебном участке, жилой дом, продуктивный скот, птицу и мелкий сельскохозяйственный инвентарь – согласно устава сельскохозяйственной артели.

СТАТЬЯ 8. Земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними в бессрочное пользование, то есть навечно.

СТАТЬЯ 9. Наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей формой хозяйства в СССР, допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключющее эксплуатацию чужого труда.

СТАТЬЯ 6. Земля, её недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинотракторные станции и т. п.), а также **коммунальные предприятия** и основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью, то есть всенародным достоянием.

СТАТЬЯ 7. Общественные предприятия в колхозах и кооперативных организациях с их живым и мёртвым инвентарём, производимая колхозами и кооперативными организациями продукция, равно как их общественные постройки составляют общественную, социалистическую собственность колхозов и кооперативных организаций.

Каждый колхозный двор, **кроме основного дохода от общественного колхозного хозяйства**, имеет в личном пользовании небольшой приусадебный участок земли и в личной собственности подсобное хозяйство на приусадебном участке, жилой дом, продуктивный скот, птицу и мелкий сельскохозяйственный инвентарь – согласно устава сельскохозяйственной артели.

СТАТЬЯ 8. Земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними в **бесплатное** и бессрочное пользование, то есть навечно.

СТАТЬЯ 10. Личная собственность граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства – охраняются законом.

СТАТЬЯ 11. Хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности.

СТАТЬЯ 12. Труд в СССР является обязанностью каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест».

В СССР осуществляется принцип социализма: «от каждого по его способности, каждому – по его труду».

СТАТЬЯ 10. **Право личной собственности** граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, **равно как право наследования личной собственности граждан** – охраняются законом.

СТАТЬЯ 12. Труд в СССР является обязанностью и **делом чести** каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест». В СССР осуществляется принцип социализма: «от каждого по его способности, каждому – по его труду».

ГЛАВА II ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

СТАТЬЯ 13. Союз Советских Социалистических Республик есть союзное государство, образованное на основе добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик:

Российской Советской Федеративной Социалистической Республики,

Украинской Советской Социалистической Республики,

Белорусской Советской Социалистической Республики,

Азербайджанской Советской Социалистической Республики,

Грузинской Советской Социалистической Республики,

Армянской Советской Социалистической Республики,

Туркменской Советской Социалистической Республики,

Узбекской Советской Социалистической Республики,

Таджикской Советской Социалистической Республики,

Казахской Советской Социалистической Республики,

Киргизской Советской Социалистической Республики.

СТАТЬЯ 14. Ведению Союза Советских Социалистических Республик в лице его высших органов власти и органов государственного управления подлежат:

а) представительство Союза в международных сношениях, заключение и ратификация договоров с другими государствами;

б) вопросы войны и мира;

в) принятие в состав СССР новых республик;

г) контроль за исполнением Конституции СССР и обеспечение соответствия Конституций союзных республик с Конституцией СССР;

д) утверждение изменений границ между союзными республиками;

е) организация обороны СССР и руководство всеми вооружёнными силами СССР;

ж) внешняя торговля на основе государственной монополии;

з) охрана государственной безопасности;

и) установление народнохозяйственных планов СССР;

к) утверждение единого государственного бюджета СССР, а также налогов и доходов, поступающих на образование бюджетов союзного, республиканских и местных;

л) управление банками, промышленными и сельскохозяйственными учреждениями и предприятиями, а также торговыми предприятиями – общесоюзного значения;

м) управление транспортом и связью;

н) руководство денежной и кредитной системой;

о) организация государственного страхования имущества;

СТАТЬЯ 14. Ведению Союза Советских Социалистических Республик в лице его высших органов власти и органов государственного управления подлежат:

а) представительство Союза в международных сношениях, заключение и ратификация договоров с другими государствами;

б) вопросы войны и мира;

в) принятие в состав СССР новых республик;

г) контроль за исполнением Конституции СССР и обеспечение соответствия Конституций союзных республик с Конституцией СССР;

д) утверждение изменений границ между союзными республиками;

е) утверждение образования новых краёв и областей, а также новых автономных республик в составе союзных республик;

ж) организация обороны СССР и руководство всеми вооружёнными силами СССР;

з) внешняя торговля на основе государственной монополии;

и) охрана государственной безопасности;

к) установление народнохозяйственных планов СССР;

л) утверждение единого государственного бюджета СССР, а также налогов и доходов, поступающих на образование бюджетов союзного, республиканских и местных;

м) управление банками, промышленными и сельскохозяйственными учреждениями и предприятиями, а также торговыми предприятиями – общесоюзного значения;

- п) заключение и предоставление займов;
 - р) установление основных начал землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами;
 - с) установление основных начал в области просвещения и здравоохранения;
 - т) организация единой системы народнохозяйственного учёта;
 - у) установление основ законодательства о труде;
 - ф) законодательство о судостроительстве и судопроизводстве; уголовный и гражданский кодексы;
 - х) законы о союзном гражданстве; законы о правах иностранцев;
 - ц) издание общесоюзных актов об амнистии.
- н) управление транспортом и связью;
 - о) руководство денежной и кредитной системой;
 - п) организация государственного страхования;**
 - р) заключение и предоставление займов;
 - с) установление основных начал землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами;
 - т) установление основных начал в области просвещения и здравоохранения;
 - у) организация единой системы народнохозяйственного учёта;
 - ф) установление основ законодательства о труде;
 - х) законодательство о судостроительстве и судопроизводстве; уголовный и гражданский кодексы;
 - ц) законы о союзном гражданстве; законы о правах иностранцев;
 - ч) издание общесоюзных актов об амнистии.

СТАТЬЯ 15. Суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в статье 14 Конституции СССР. Вне этих пределов каждая Союзная республика осуществляет государственную власть самостоятельно. СССР охраняет суверенные права союзных республик.

СТАТЬЯ 16. Каждая Союзная республика имеет свою Конституцию, учитывающую особенности республики и построенную в полном соответствии с Конституцией СССР.

СТАТЬЯ 17. За каждой Союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР.

СТАТЬЯ 18. Территория союзных республик не может быть изменяема без их согласия.

СТАТЬЯ 19. Законы СССР имеют одинаковую силу на территории всех союзных республик.

СТАТЬЯ 20. В случае расхождения закона Союзной республики с законом общесоюзным, действует общесоюзный закон.

СТАТЬЯ 21. Для граждан СССР устанавливается единое союзное гражданство.

Всякий гражданин Союзной республики является гражданином СССР.

СТАТЬЯ 21. Для граждан СССР устанавливается единое союзное гражданство.

Каждый гражданин Союзной республики является гражданином СССР.

СТАТЬЯ 22. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика состоит из краёв: Азово-Черноморского, Дальне-Восточного, Западно-Сибирского, Красноярского, Северо-Кавказского; областей: Воронежской, Восточно-Сибирской, Горьковской, Западной, Ивановской, Калининской, Кировской, Куйбышевской, Курской, Ленинградской, Московской, Омской, Оренбургской, Саратовской, Свердловской, Северной, Сталинградской, Челябинской, Ярославской; автономных советских социалистических республик: Татарской, Башкирской, Дагестанской, Бурят-Монгольской, Кабардино-Балкарской, Калмыцкой, Карельской, Коми, Крымской, Марийской, Мордовской, Немцев Поволжья, Северо-Осетинской, Удмуртской, Чечено-Ингушской, Чувашской, Якутской; автономных областей: Адыгейской, Еврейской, Карачаевской, Ойротской, Хакасской, Черкесской.

СТАТЬЯ 23. Украинская Советская Социалистическая Республика состоит из областей: Винницкой, Днепропетровской, Донецкой, Киевской, Одесской, Харьковской, Черниговской и Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики.

СТАТЬЯ 24. В Азербайджанской Советской Социалистической Республике состоят Нахичеванская Автономная Советская Социалистическая Республика и Нагорно-Карабахская автономная область.

СТАТЬЯ 25. В Грузинской Советской Социалистической Республике состоят: Абхазская АССР, Аджарская АССР, Юго-Осетинская автономная область.

СТАТЬЯ 26. В Узбекской Советской Социалистической Республике состоит Кара-Калпакская АССР.

СТАТЬЯ 27. В Таджикской Советской Социалистической Республике состоит Горно-Бадахшанская автономная область.

СТАТЬЯ 28. Казахская Советская Социалистическая Республика состоит из областей: Актюбинской, Алма-Атинской, Восточно-Казахстанской, Западно-Казахстанской, Карагандинской, Южно-Казахстанской.

СТАТЬЯ 29. Армянская ССР, Белорусская ССР, Туркменская ССР и Киргизская ССР не имеют в своём составе автономных республик, равно как краёв и областей.

СТАТЬЯ 28. Казахская Советская Социалистическая Республика состоит из областей: Актюбинской, Алма-Атинской, Восточно-Казахстанской, Западно-Казахстанской, Карагандинской, **Кустанайской, Северо-Казахстанской¹**, Южно-Казахстанской.

ГЛАВА III ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 30. Высшим органом государственной власти СССР является Верховный Совет СССР.

СТАТЬЯ 31. Верховный Совет СССР осуществляет все права, присвоенные Союзу Советских Социалистических Республик согласно статье 14 Конституции, поскольку они не входят, в силу Конституции, в компетенцию подотчётных Верховному Совету СССР органов СССР: Президиума Верховного Совета СССР, Совета Народных Комиссаров СССР и Народных Комиссариатов СССР.

СТАТЬЯ 32. Законодательная власть СССР осуществляется исключительно Верховным Советом СССР.

СТАТЬЯ 33. Верховный Совет СССР состоит из двух палат: Совета Союза и Совета Национальностей.

СТАТЬЯ 34. Совет Союза избирается гражданами СССР по норме: один депутат на 300 тысяч населения.

СТАТЬЯ 35. Совет Национальностей составляется из депутатов, выделяемых Верховными Советами союзных и автономных республик и Советами депутатов трудящихся автономных областей: по десять депутатов от каждой союзной республики, по пять депутатов от каждой автономной республики и по два депутата от каждой автономной области.

СТАТЬЯ 34. Совет Союза избирается гражданами СССР **по избирательным округам** по норме: один депутат на 300 тысяч населения.

СТАТЬЯ 35. Совет Национальностей **избирается гражданами СССР по союзным и автономным республикам, автономным областям и национальным округам по норме: по 25 депутатов от каждой союзной республики, по 11 депутатов от каждой автономной республики, по 5 депутатов от каждой автономной области и по одному депутату от каждого национального округа.**

СТАТЬЯ 36. Верховный Совет СССР избирается сроком на четыре года.

СТАТЬЯ 37. Обе палаты Верховного Совета СССР: Совет Союза и Совет Национальностей равноправны.

СТАТЬЯ 38. Совету Союза и Совету Национальностей в одинаковой мере принадлежит законодательная инициатива.

СТАТЬЯ 39. Закон считается утверждённым, если он принят обеими палатами Верховного Совета СССР простым большинством каждой.

СТАТЬЯ 40. Законы, принятые Верховным Советом СССР, публикуются за подписями председателя и секретаря Президиума Верховного Совета СССР.

СТАТЬЯ 41. Сессии Совета Союза и Совета Национальностей начинаются и заканчиваются одновременно.

СТАТЬЯ 42. Совет Союза избирает председателя Совета Союза и двух его заместителей.

СТАТЬЯ 43. Совет Национальностей избирает председателя Совета Национальностей и двух его заместителей.

СТАТЬЯ 44. Председатели Совета Союза и Совета Национальностей руководят заседаниями соответствующих палат и ведают их внутренним распорядком.

СТАТЬЯ 45. Совместные заседания обеих палат Верховного Совета СССР ведут поочерёдно председатели Совета Союза и Совета Национальностей.

СТАТЬЯ 46. Сессии Верховного Совета СССР созываются Президиумом Верховного Совета СССР два раза в год.

Внеочередные сессии созываются Президиумом Верховного Совета СССР по его усмотрению или по требованию одной из союзных республик.

СТАТЬЯ 47. В случае разногласия между Советом Союза и Советом Национальностей вопрос передаётся на разрешение согласительной комиссии, образованной на паритетных началах. Если согласительная комиссия не приходит к согласному решению или если её решение не удовлетворяет одну из палат, вопрос рассматривается вторично в палатах. При

СТАТЬЯ 40. Законы, принятые Верховным Советом СССР, публикуются **на языках союзных республик** за подписями председателя и секретаря Президиума Верховного Совета СССР.

отсутствии согласного решения двух палат, Президиум Верховного Совета СССР распускает Верховный Совет СССР и назначает новые выборы.

СТАТЬЯ 48. Верховный Совет СССР избирает на совместном заседании обеих палат Президиум Верховного Совета СССР в составе: председателя Президиума Верховного Совета СССР, четырёх его заместителей, секретаря Президиума и 31 члена Президиума.

Президиум Верховного Совета СССР подотчётен Верховному Совету СССР во всей своей деятельности.

СТАТЬЯ 49. Президиум Верховного Совета СССР:

а) созывает сессии Верховного Совета СССР;

б) даёт толкование действующих законов, издавая соответствующие указы;

в) распускает Верховный Совет СССР на основании 47 статьи Конституции СССР и назначает новые выборы;

г) производит всенародный опрос (референдум) по своей инициативе или по требованию одной из союзных республик;

д) отменяет постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров СССР и Советов Народных Комиссаров республик в случае их несоответствия закону;

е) в период между сессиями Верховного Совета СССР освобождает от должности и назначает отдельных Народных Комиссаров СССР по представлению председателя Совета Народных Комиссаров СССР с последующим внесением на утверждение Верховного Совета СССР;

ж) награждает орденами СССР;

з) осуществляет право помилования;

и) назначает и сменяет высшее командование вооружённых сил СССР;

к) в период между сессиями Верховного Совета СССР объявляет состояние войны в случае военного нападения на СССР;

л) объявляет общую или частичную мобилизацию;

м) ратифицирует международные договоры;

СТАТЬЯ 48. Верховный Совет СССР избирает на совместном заседании обеих палат Президиум Верховного Совета СССР в составе: председателя Президиума Верховного Совета СССР, **одиннадцати** его заместителей, секретаря Президиума и **24** членов Президиума.

Президиум Верховного Совета СССР подотчётен Верховному Совету СССР во всей своей деятельности.

СТАТЬЯ 49. Президиум Верховного Совета СССР:

а) созывает сессии Верховного Совета СССР;

б) даёт толкование действующих законов **СССР, издаёт указы;**

в) распускает Верховный Совет СССР на основании 47 статьи Конституции СССР и назначает новые выборы;

г) производит всенародный опрос (референдум) по своей инициативе или по требованию одной из союзных республик;

д) отменяет постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров СССР и Советов Народных Комиссаров **союзных** республик в случае их несоответствия закону;

е) в период между сессиями Верховного Совета СССР освобождает от должности и назначает отдельных Народных Комиссаров СССР по представлению председателя Совета Народных Комиссаров СССР с последующим внесением на утверждение Верховного Совета СССР;

ж) награждает орденами **и присваивает почётные звания СССР;**

з) осуществляет право помилования;

и) назначает и сменяет высшее командование вооружённых сил СССР;

к) в период между сессиями Верховного Совета СССР объявляет состояние войны в случае военного нападения на СССР

или в случае необходимости выполнения международных договорных обязательств по взаимной обороне от агрессии;

н) назначает и отзывает полномочных представителей СССР в иностранных государствах;

о) принимает аккредитование дипломатических представителей иностранных государств.

л) объявляет общую или частичную мобилизацию;

м) ратифицирует международные договоры;

н) назначает и отзывает полномочных представителей СССР в иностранных государствах;

о) принимает верительные и отзывные грамоты аккредитованных при нём дипломатических представителей иностранных государств.

СТАТЬЯ 50. Совет Союза и Совет Национальностей избирают мандатные комиссии, которые проверяют полномочия депутатов каждой палаты.

По представлению мандатной комиссии палаты решают либо признать полномочия, либо кассировать выборы отдельных депутатов.

СТАТЬЯ 51. Верховный Совет СССР назначает, когда он сочтёт необходимым, следственные и ревизионные комиссии по любому вопросу.

Все учреждения и должностные лица обязаны выполнять требования этих комиссий и представлять им необходимые материалы и документы.

СТАТЬЯ 52. Депутат Верховного Совета СССР не может быть привлечён к судебной ответственности или арестован без согласия Верховного Совета СССР, а в период, когда нет сессий Верховного Совета СССР, – без согласия Президиума Верховного Совета СССР.

СТАТЬЯ 53. По истечении полномочий или после досрочного роспуска Верховного Совета СССР Президиум Верховного Совета СССР сохраняет свои полномочия вплоть до образования вновь избранным Верховным Советом СССР нового Президиума Верховного Совета СССР.

СТАТЬЯ 54. По истечении полномочий или в случае досрочного роспуска Верховного Совета СССР Президиум Верховного Совета СССР назначает новые выборы в срок не более двух месяцев со дня истечения полномочий или роспуска Верховного Совета СССР.

СТАТЬЯ 55. Вновь избранный Верховный Совет СССР созывается Президиумом Верховного Совета СССР прежнего состава не позже, как через месяц после выборов.

СТАТЬЯ 56. Верховный Совет СССР образует на совместном заседании обеих палат Правительство СССР – Совет Народных Комиссаров СССР.

ГЛАВА IV ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 57. Высшим органом государственной власти Союзной республики является Верховный Совет Союзной республики.

СТАТЬЯ 58. Верховный Совет Союзной республики избирается гражданами республики сроком на четыре года.

Нормы представительства устанавливаются Конституциями союзных республик.

СТАТЬЯ 59. Верховный Совет Союзной республики является единственным законодательным органом республики.

СТАТЬЯ 60. Верховный Совет Союзной республики:

а) принимает Конституцию республики и вносит в неё изменения в соответствии со статьёй 16 Конституции СССР;

б) утверждает Конституции находящихся в её составе автономных республик и определяет границы их территории;

в) утверждает народнохозяйственный план и бюджет республики;

г) пользуется правом амнистии и помилования граждан, осуждённых судебными органами Союзной республики.

СТАТЬЯ 61. Верховный Совет Союзной республики избирает Президиум Верховного Совета Союзной республики в составе: председателя Президиума Верховного Совета Союзной республики, его заместителей и членов Президиума Верховного Совета Союзной республики.

Полномочия Президиума Верховного Совета Союзной республики определяются Конституцией Союзной республики.

СТАТЬЯ 61. Верховный Совет Союзной республики избирает Президиум Верховного Совета Союзной республики в составе: председателя Президиума Верховного Совета Союзной республики, его заместителей, **секретаря Президиума** и членов Президиума Верховного Совета Союзной республики.

Полномочия Президиума Верховного Совета Союзной республики определяются Конституцией Союзной республики.

СТАТЬЯ 62. Для ведения заседаний Верховный Совет Союзной республики избирает своего председателя и его заместителей.

СТАТЬЯ 63. Верховный Совет Союзной республики образует Правительство Союзной республики – Совет Народных Комиссаров Союзной республики.

ГЛАВА V ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 64. Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти Союза Советских Социалистических Республик является Совет Народных Комиссаров СССР.

СТАТЬЯ 65. Совет Народных Комиссаров СССР ответственен перед Верховным Советом СССР и ему подотчётен.

СТАТЬЯ 66. Совет Народных Комиссаров СССР издаёт постановления и распоряжения на основе и во исполнение действующих законов и проверяет исполнение.

СТАТЬЯ 67. Постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров СССР обязательны к исполнению на всей территории СССР.

СТАТЬЯ 68. Совет Народных Комиссаров СССР:

а) объединяет и направляет работу общесоюзных и союзно-республиканских Народных Комиссариатов СССР и других подведомственных ему хозяйственных и культурных учреждений;

б) принимает меры по осуществлению народнохозяйственного плана, государственного бюджета и укреплению кредитно-денежной системы;

в) принимает меры по обеспечению общественного порядка, защите интересов государства и охране прав граждан;

г) осуществляет общее руководство в области сношений с иностранными государствами;

СТАТЬЯ 65. Совет Народных Комиссаров СССР ответственен перед Верховным Советом СССР и ему подотчётен, а в период между сессиями Верховного Совета – перед Президиумом Верховного Совета СССР, которому подотчётен.

СТАТЬЯ 68. Совет Народных Комиссаров СССР:

а) объединяет и направляет работу общесоюзных и союзно-республиканских Народных Комиссариатов СССР и других подведомственных ему хозяйственных и культурных учреждений;

б) принимает меры по осуществлению народнохозяйственного плана, государственного бюджета и укреплению кредитно-денежной системы;

в) принимает меры по обеспечению общественного порядка, защите интересов государства и охране прав граждан;

г) осуществляет общее руководство в области сношений с иностранными государствами;

д) определяет ежегодные контингенты граждан, подлежащих призыву на действительную военную службу, руководит общим строительством вооруженных сил страны.

д) определяет ежегодные контингенты граждан, подлежащих призыву на действительную военную службу, руководит общим строительством вооруженных сил страны;

е) образует, в случае необходимости, специальные комитеты и Главные Управления при Совете Народных Комиссаров СССР по делам хозяйственного, культурного и оборонного строительства.

СТАТЬЯ 69. Совет Народных Комиссаров СССР имеет право по отраслям управления и хозяйства, отнесённым к компетенции СССР, приостанавливать постановления и распоряжения Советов Народных Комиссаров Союзных республик и отменять приказы и инструкции Народных Комиссаров СССР.

СТАТЬЯ 70. Совет Народных Комиссаров СССР образуется Верховным Советом СССР в составе:

Председателя Совета Народных Комиссаров СССР;

Заместителей председателя Совета Народных Комиссаров СССР;

Председателя Государственной плановой комиссии СССР;

Председателя Комиссии советского контроля;

Народных Комиссаров СССР;

Председателя Комитета заготовок;

Председателя Комитета по делам искусств;

Председателя Комитета по делам высшей школы.

СТАТЬЯ 71. Правительство СССР или Народный Комиссар СССР, к которому обращён запрос депутата Верховного Совета СССР, обязаны не более чем в трёхдневный срок дать устный или письменный ответ в соответствующей палате.

СТАТЬЯ 72. Народные Комиссары СССР ведают^а отраслями государственного управления, входящими в компетенцию СССР.

^а Зачёркнуто зелёными чернилами рукой не установленного лица. Справа, на свободном от текста месте вписано: руководят.

СТАТЬЯ 73. Народные Комиссары СССР издают в пределах компетенции соответствующих Народных Комиссариатов приказы и инструкции на основании и во исполнение действующих законов, а также постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров СССР и проверяют их исполнение.

СТАТЬЯ 74. Народные Комиссариаты СССР являются или общесоюзными или союзно-республиканскими.

СТАТЬЯ 75. Общесоюзные Народные Комиссариаты ведают порученной им отраслью государственного управления на всей территории СССР или непосредственно или через назначаемые ими органы.

СТАТЬЯ 76. Союзно-республиканские Народные Комиссариаты ведают порученной им отраслью государственного управления через одноимённые Народные Комиссариаты союзных республик.

СТАТЬЯ 77. К общесоюзным Народным Комиссариатам относятся Народные Комиссариаты:

Обороны;
Иностранных дел;
Внешней торговли;
Путей сообщения;
Связи;
Водного транспорта;
Тяжёлой промышленности.

СТАТЬЯ 78. К союзно-республиканским Народным Комиссариатам относятся Народные Комиссариаты:

Пищевой промышленности;
Лёгкой промышленности;
Лесной промышленности;
Земледелия;
Зерновых и животноводческих совхозов;
Финансов;
Внутренней торговли;

СТАТЬЯ 75. Общесоюзные Народные Комиссариаты **руководят** порученной им отраслью государственного управления на всей территории СССР или непосредственно или через назначаемые ими органы.

СТАТЬЯ 76. Союзно-республиканские Народные Комиссариаты **руководят** порученной им отраслью государственного управления, **как правило**, через одноимённые Народные Комиссариаты союзных республик **и управляют непосредственно лишь определённым ограниченным числом предприятий по списку, утверждаемому Президиумом Верховного Совета СССР.**

СТАТЬЯ 77. К общесоюзным Народным Комиссариатам относятся Народные Комиссариаты:

Обороны;
Иностранных дел;
Внешней торговли;
Путей сообщения;
Связи;
Водного транспорта;
Тяжёлой промышленности;
Оборонной промышленности².

Внутренних дел;
Юстиции;
Здравоохранения.

ГЛАВА VI ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 79. Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти Союзной республики является Совет Народных Комиссаров Союзной республики.

СТАТЬЯ 80. Совет Народных Комиссаров Союзной республики ответственен перед Верховным Советом Союзной республики и ему подотчётен.

СТАТЬЯ 81. Совет Народных Комиссаров Союзной республики издаёт постановления и распоряжения на основе и во исполнение действующих законов СССР и Союзной республики, постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров СССР и проверяет их исполнение.

СТАТЬЯ 82. Совет Народных Комиссаров Союзной республики имеет право приостанавливать постановления и распоряжения Советов Народных Комиссаров автономных республик и отменять решения и распоряжения исполнительных комитетов советов депутатов трудящихся краёв, областей и автономных областей.

СТАТЬЯ 83. Совет Народных Комиссаров Союзной республики образуется Верховным Советом Союзной республики в составе:

Председателя Совета Народных Комиссаров Союзной республики;
Заместителей председателя;
Председателя Государственной плановой комиссии;
Народных Комиссаров:
Пищевой промышленности;
Лёгкой промышленности;
Лесной промышленности;
Земледелия;

СТАТЬЯ 80. Совет Народных Комиссаров Союзной республики ответственен перед Верховным Советом Союзной республики и ему подотчётен, **а в период между сессиями Верховного Совета Союзной республики – перед Президиумом Верховного Совета Союзной республики, которому подотчётен.**

Зерновых и животноводческих совхозов;
Финансов;
Внутренней торговли;
Внутренних дел;
Юстиции;
Здравоохранения;
Просвещения;
Местной промышленности;
Коммунального хозяйства;
Социального обеспечения;
Уполномоченного Комитета заготовок;
Начальника Управления по делам искусств;

Уполномоченных общесоюзных Народных Комиссариатов.

СТАТЬЯ 84. Народные Комиссары Союзной республики ведают отраслями государственного управления, входящими в компетенцию Союзной республики.

СТАТЬЯ 85. Народные Комиссары Союзной республики издают в пределах компетенции соответствующих Народных Комиссариатов приказы и инструкции на основании и во исполнение законов СССР и Союзной республики, постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров СССР и Союзной республики, приказов и инструкций союзно-республиканских Народных Комиссариатов СССР.

СТАТЬЯ 86. Народные Комиссариаты Союзной республики являются союзно-республиканскими или республиканскими.

СТАТЬЯ 87. Союзно-республиканские Народные Комиссариаты ведают порученной им отраслью государственного управления, подчиняясь как Совету Народных Комиссаров Союзной республики, так и соответствующему союзно-республиканскому Народному Комисариату СССР.

СТАТЬЯ 88. Республиканские Народные Комиссариаты ведают порученной им отраслью государственного управления, подчиняясь непосредственно Совету Народных Комиссаров Союзной республики.

СТАТЬЯ 84. Народные Комиссары Союзной республики **руководят** отраслями государственного управления, входящими в компетенцию Союзной республики.

СТАТЬЯ 87. Союзно-республиканские Народные Комиссариаты **руководят** порученной им отраслью государственного управления, подчиняясь как Совету Народных Комиссаров Союзной республики, так и соответствующему союзно-республиканскому Народному Комисариату СССР.

СТАТЬЯ 88. Республиканские Народные Комиссариаты **руководят** порученной им отраслью государственного управления, подчиняясь непосредственно Совету Народных Комиссаров Союзной республики.

ГЛАВА VII

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ АВТОНОМНЫХ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 89. Высшим органом государственной власти Автономной республики является Верховный Совет АССР.

СТАТЬЯ 90. Верховный Совет Автономной республики избирается гражданами республики сроком на четыре года по нормам представительства, устанавливаемым Конституцией Автономной республики.

СТАТЬЯ 91. Верховный Совет Автономной республики является единственным законодательным органом АССР.

СТАТЬЯ 92. Каждая Автономная республика имеет свою Конституцию, учитывающую особенности Автономной республики и построенную в полном соответствии с Конституцией Союзной республики.

СТАТЬЯ 93. Верховный Совет Автономной республики избирает Президиум Верховного Совета Автономной республики и образует Совет Народных Комиссаров Автономной республики, согласно своей Конституции.

ГЛАВА VIII

МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

СТАТЬЯ 94. Органами государственной власти в краях, областях, автономных областях, округах, районах, городах, сёлах (станицах, деревнях, хуторах, кишлаках, аулах) являются Советы депутатов трудящихся.

СТАТЬЯ 95. Краевые, областные, автономных областей, окружные, районные, городские, сельские (станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов) Советы депутатов трудящихся избираются соответственно трудящимися края, области, автономной области, округа, района, города, села сроком на два года.

СТАТЬЯ 96. Нормы представительства в Советы депутатов трудящихся определяются Конституциями союзных республик.

СТАТЬЯ 97. Советы депутатов трудящихся руководят деятельностью подчинённых им органов управления, обеспечивают охрану государственного порядка, соблюдение законов и охрану прав граждан, осуществляют местное хозяйственное и культурное строительство, устанавливают местный бюджет.

СТАТЬЯ 98. Советы депутатов трудящихся принимают решения и дают распоряжения в пределах прав, предоставленных им законами СССР и Союзной республики.

СТАТЬЯ 99. Исполнительными и распорядительными органами краевых, областных, автономных областей, окружных, районных, городских Советов депутатов трудящихся являются избираемые ими исполнительные комитеты в составе: председателя, его заместителей и членов.

СТАТЬЯ 100. Исполнительным и распорядительным органом сельских Советов депутатов трудящихся в небольших поселениях, в соответствии с Конституциями союзных республик, являются избираемые ими председатель и его заместители.

СТАТЬЯ 101. Исполнительные органы Советов депутатов трудящихся непосредственно подотчётны как Совету депутатов трудящихся, их избравшему, так и исполнительному органу вышестоящего Совета депутатов трудящихся.

СТАТЬЯ 97. Советы депутатов трудящихся руководят деятельностью подчинённых им органов управления, обеспечивают охрану государственного порядка, соблюдение законов и охрану прав граждан, **руководят местным хозяйственным и культурным строительством**, устанавливают местный бюджет.

СТАТЬЯ 99. Исполнительными и распорядительными органами краевых, областных, автономных областей, окружных, районных, городских **и сельских** Советов депутатов трудящихся являются избираемые ими исполнительные комитеты в составе: председателя, его заместителей, **секретаря** и членов.

СТАТЬЯ 100. Исполнительным и распорядительным органом сельских Советов депутатов трудящихся в небольших поселениях, в соответствии с Конституциями союзных республик, являются избираемые ими председатель, его заместитель и **секретарь**.

ГЛАВА IX СУД И ПРОКУРАТУРА

СТАТЬЯ 102. Правосудие в СССР осуществляется Верховным Судом СССР, Верховными Судами Союзных республик, краевыми и областными судами, судами автономных республик и автономных областей, специальными судами СССР, создаваемыми по определению Верховного Совета СССР, народными судами.

СТАТЬЯ 103. Рассмотрение дел во всех судах осуществляется с участием народных заседателей, кроме случаев, специально предусмотренных законом.

СТАТЬЯ 102. Правосудие в СССР осуществляется Верховным Судом СССР, Верховными Судами Союзных республик, краевыми и областными судами, судами автономных республик и автономных областей, **окружными судами**, специальными судами СССР, создаваемыми по **положению** Верховного Совета СССР, народными судами.

СТАТЬЯ 104. Верховный Суд СССР является высшим судебным органом. На Верховный Суд СССР возлагается надзор за деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик.

СТАТЬЯ 105. Верховный Суд СССР и специальные суды СССР избираются Верховным Советом СССР сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 106. Верховные Суды союзных республик избираются Верховными Советами союзных республик сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 107. Верховные Суды автономных республик избираются Верховными Советами автономных республик сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 108. Краевые и областные суды, суды автономных областей избираются краевыми или областными Советами депутатов трудящихся или советами депутатов трудящихся автономных областей сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 109. Народные суды избираются гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании – сроком на три года.

СТАТЬЯ 110. Судопроизводство ведётся на языке союзной или автономной республики или автономной области с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать на суде на родном языке.

СТАТЬЯ 111. Разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения, с обеспечением обвиняемому права на защиту.

СТАТЬЯ 112. Судьи независимы и подчиняются только закону.

СТАТЬЯ 113. Высший надзор за точным исполнением законов всеми Народными Комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР возлагается на Прокуратура СССР.

СТАТЬЯ 104. Верховный Суд СССР является высшим судебным органом. На Верховный Суд СССР возлагается надзор за **судебной** деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик.

СТАТЬЯ 108. Краевые и областные суды, суды автономных областей, **окружные суды** избираются краевыми, областными или **окружными** Советами депутатов трудящихся или советами депутатов трудящихся автономных областей сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 114. Прокурор СССР назначается Верховным Советом СССР сроком на семь лет.

СТАТЬЯ 115. Республиканские, краевые, областные прокуроры, а также прокуроры автономных республик и автономных областей назначаются Прокурором СССР сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 116. Районные прокуроры назначаются прокурорами союзных республик с утверждения Прокурора СССР сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 117. Органы прокуратуры осуществляют свои функции независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Прокурору СССР.

СТАТЬЯ 116. **Окружные, районные и городские** прокуроры назначаются прокурорами союзных республик с утверждения Прокурора СССР сроком на пять лет.

ГЛАВА X ОСНОВНЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАН

СТАТЬЯ 118. Граждане СССР имеют право на труд – право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством.

Право на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, отсутствием хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы.

СТАТЬЯ 119. Граждане СССР имеют право на отдых.

Право на отдых обеспечивается сокращением рабочего дня для подавляющего большинства рабочих до 7 часов, установлением ежегодных отпусков рабочим и служащим с сохранением заработной платы, предоставлением для обслуживания трудящихся широкой сети санаториев, домов отдыха, клубов.

СТАТЬЯ 120. Граждане СССР имеют право на материальное обеспечение в старости, а также – в случае болезни и потери трудоспособности.

Это право обеспечивается широким развитием социального страхования рабочих и служащих за счёт государства, бесплатной медицинской помощью, предоставлением в пользование трудящимся широкой сети курортов.

СТАТЬЯ 118. Граждане СССР имеют право на труд, **то есть** право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством.

Право на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, **устранением возможности** хозяйственных кризисов, и ликвидацией безработицы.

СТАТЬЯ 120. Граждане СССР имеют право на материальное обеспечение в старости, а также – в случае болезни и потери трудоспособности.

Это право обеспечивается широким развитием социального страхования рабочих и служащих за счёт государства, бесплатной медицинской помощью **трудящимся**, предоставлением в пользование трудящимся широкой сети курортов.

СТАТЬЯ 121. Граждане СССР имеют право на образование.

Это право обеспечивается всеобщезательным начальным образованием, бесплатностью образования, включая высшее образование³, системой государственных стипендий подавляющему большинству учащихся в высшей школе, обучением в школах на родном языке, организацией на заводах, в совхозах, машинотракторных станциях и колхозах бесплатного производственного, технического и агрономического обучения трудящихся.

СТАТЬЯ 122. Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов.

СТАТЬЯ 123. Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом.

Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения – караются законом.

СТАТЬЯ 124. В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признаётся за всеми гражданами.

СТАТЬЯ 125. В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется:

- а) свобода слова,
- б) свобода печати,
- в) свобода собраний и митингов,
- г) свобода уличных шествий и демонстраций.

Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления.

СТАТЬЯ 126. В соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс гражданам СССР обеспечивается право объединения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодёжи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества, а наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоёв трудящихся объединяются в коммунистическую партию СССР, являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных.

СТАТЬЯ 127. Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора.

СТАТЬЯ 128. Неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняются законом.

СТАТЬЯ 129. СССР предоставляет право убежища иностранным гражданам, преследуемым за защиту интересов трудящихся, или научную деятельность, или национально-освободительную борьбу.

СТАТЬЯ 125. В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется **законом**:

- а) свобода слова,
- б) свобода печати,
- в) свобода собраний и митингов,
- г) свобода уличных шествий и демонстраций.

Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления.

СТАТЬЯ 126. В соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс гражданам СССР обеспечивается право объединения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодёжи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества, а наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоёв трудящихся объединяются **во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков)**, являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных.

СТАТЬЯ 130. Каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития.

СТАТЬЯ 131. Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа.

СТАТЬЯ 132. Всеобщая воинская повинность является законом.

Воинская служба в Рабоче-Крестьянской Красной Армии представляет почётную обязанность граждан СССР.

СТАТЬЯ 133. Защита Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР. Измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж в пользу иностранного государства – караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние.

СТАТЬЯ 132. Всеобщая воинская **обязанность** является законом.

Воинская служба в Рабоче-Крестьянской Красной Армии представляет почётную обязанность граждан СССР.

СТАТЬЯ 133. **Защита Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР. Измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж – караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние.**

ГЛАВА XI ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА

СТАТЬЯ 134. Выборы депутатов во все Советы депутатов трудящихся: Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных республик, краевые и областные Советы депутатов трудящихся, Верховные Советы автономных республик, Советы депутатов трудящихся автономных областей, окружные, районные, городские и сельские (станции, деревни, хутора, кишлака, аула) Советы депутатов трудящихся – производятся избирателями на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

СТАТЬЯ 135. Выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР,

СТАТЬЯ 135. Выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР,

которым в год выборов исполняется 18 лет, имеют право участвовать в выборах депутатов и быть избранными, за исключением умалишённых и лиц, осуждённых судом с лишением избирательных прав.

СТАТЬЯ 136. Выборы депутатов являются равными: каждый гражданин имеет право избирать и быть избранным независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности.

СТАТЬЯ 137. Женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами.

СТАТЬЯ 138. Граждане, состоящие в рядах Красной Армии, пользуются правом избирать и быть избранными наравне со всеми гражданами.

СТАТЬЯ 139. Выборы депутатов являются прямыми: выборы во все Советы депутатов трудящихся, начиная от сельского и городского Совета депутатов трудящихся вплоть до Верховного Совета СССР, производятся гражданами непосредственно путём прямых выборов.

СТАТЬЯ 140. Голосование при выборах депутатов является тайным.

СТАТЬЯ 141. Кандидаты при выборах выставляются по избирательным округам.

Право выставления кандидатов обеспечивается за общественными организациями и обществами трудящихся: коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодёжи, культурными обществами.

СТАТЬЯ 142. Каждый депутат обязан отчитываться перед избирателями в своей работе и в работе Совета депутатов трудящихся, и может быть в любое время отозван по решению большинства избирателей в установленном законом порядке.

достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности⁴, имеют право участвовать в выборах депутатов и быть избранными, за исключением умалишённых и лиц, осуждённых судом с лишением избирательных прав.

СТАТЬЯ 136. Выборы депутатов являются равными: **каждый гражданин имеет один голос; все граждане участвуют в выборах на равных основаниях.**

ГЛАВА XII ГЕРБ, ФЛАГ, СТОЛИЦА

СТАТЬЯ 143. Государственный герб Союза Советских Социалистических Республик состоит из серпа и молота на земном шаре, изображённом в лучах солнца и обрамлённом колосьями, с надписью на языках союзных республик: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Наверху герба имеется пятиконечная звезда.

СТАТЬЯ 144. Государственный флаг Союза Советских Социалистических Республик состоит из красного полотнища, с изображением на его верхнем углу у древка золотых серпа и молота и над ними красной пятиконечной звезды, обрамлённой золотой каймой. Отношение ширины к длине 1:2.

СТАТЬЯ 145. Столицей Союза Советских Социалистических Республик является город Москва.

ГЛАВА XIII ПОРЯДОК ИЗМЕНЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ

СТАТЬЯ 146. Изменение Конституции СССР производится лишь по решению Верховного Совета СССР, принятому большинством не менее $\frac{2}{3}$ голосов в каждой из его палат.

ГА РФ. Ф. Р3316. Оп. 8. Д. 3. Л. 1–15 об. Машинопись, размноженная на ротаторе.

-
- ¹ Две новые области в составе Казахской ССР – Кустанайская и Северо-Казахстанская – образованы постановлением Президиума ВЦИК от 29 июля 1936 г., т. е. уже после опубликования и вынесения на всенародное обсуждение проекта Конституции СССР.
- ² Постановление ЦИК СССР об образовании общесоюзного наркомата оборонной промышленности принято через три дня после принятия новой Конституции СССР (8.XII.1936). В тот же день народным комиссаром новой отрасли назначен зам. наркома тяжёлой промышленности М. Л. Рухимович (1889–1938).
- ³ Положение данной статьи новой Конституции СССР фактически перестало быть официально признанной конституционно-правовой нормой после издания постановления СНК СССР от 2 октября 1940 г. «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначения стипендий». В документе говорилось, что учитывая возросший уровень материального благосостояния трудящихся и значительные расходы Советского государства на строительство, оборудование и содержание непрерывно возрастающей сети средних и высших учебных заведений, Совет народных комиссаров «признает необходимым возложить часть расходов по обучению в средних школах и высших учебных заведениях СССР на самих трудящихся» (СП СССР. 1940. № 27. Ст. 637. С. 876–877). Плата за обучение в 8, 9 и 10-х классах и вузах страны была введена уже с 1 сентября того же года. От платы освобождались курсанты военных учебных заведений и слушатели военных факульте-

тов вузов, учащиеся учебных заведений гражданского воздушного флота, бывшие воспитанники детских домов, учащиеся инвалиды-пенсионеры и их дети, а в дальнейшем ряд других категорий обучающихся. Стипендии выплачивались студентам и учащимся средних специальных учебных заведений, которые проявляли «отличные успехи» (имели не менее двух третей отличных экзаменационных оценок).

Полное возвращение вышеуказанного Положения в конституционное поле стало возможным после выхода постановления СМ СССР от 6 июня 1956 г. «Об отмене платы за обучение в старших классах средних школ, в средних специальных и высших учебных заведениях СССР» (см.: Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: Сборник документов 1917–1973 гг. М., 1974. С. 192).

- 4 Для реализации данной конституционной нормы был предпринят ещё до принятия нового Основного закона ряд конкретных мер к освобождению от правоограничений значительной части «бывших», «социально чуждых» и оступившихся «социально близких» граждан. Полноценные гражданские права обрели несколько миллионов человек (см.: Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. ... С. 148–157).

Документ № 4

[Н. И. Ежов. Конспект доклада «Об антисоветских троцкистских и правых организациях»]

[Конец ноября – не позднее 4 декабря 1936 г.]*

[1.]

^aДля того, чтобы наиболее полно отобразить^{***} сегодняшнее^b состояние^c работы по разоблачению контрреволюционной деятельности троцкистско-зиновьевских мерзавцев, пытающихся подорвать основы советского строя, я хочу напомнить вам некоторые исторические факты из этой области^{***}.

Важнейшими из этих фактов являются следующие:

1. Убийство С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. Всем было ясно, что убийство Кирова не является случайным, изолированным актом взбесившегося зиновьевца, а политическим актом^г враждебной советскому строю контрреволюционной организации.¹ Этот акт знаменовал собою полосу проявления наиболее обострённых форм классовой борьбы, к которым могут прибегать в отчаянии обречённые на гибель⁴ остатки^{*} враждебных советскому государству, ликвидированных, но ещё недобитых окончательно, классов.

Увлечённые успехами нашего социалистического строительства, многие из нас не понимали всего величайшего смысла предупреждений тов. Сталина на январском пленуме ЦК ВКП(б) в 1933 г.² Не понимали того, что рост мощи Советского Союза будет усиливать сопротивление остатков умирающих классов, отдельные представители которых будут переходить в отчаянии к наиболее острым формам борьбы.

Многие партийные работники, в том числе и руководящие, не сделали достаточных выводов из этого предупреждения. Убийство С. М. Кирова и было следствием недо-

* Датируется по содержанию.

^{a-a} Зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: Прежде чем перейти к характеристике

^{**} Здесь и далее авторская правка текста сделана синим карандашом; правка иных лиц оговаривается.

^b Исправлено: го из е.

^в Исправлено: я из е.

^{***} Комментарии даются, как правило, только к имеющимся разночтениям с основным текстом доклада.

^г Зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: шагом.

⁴ Далее вписано над строкой: представители.

^{*} Исправлено: ов из и.

оценки сопротивления отживающих классов, когда благодушные ротозеи, в том числе и из работников ЧК, почтили на лаврах побед советского строя.

2. Процесс по делу об убийстве Сергея Мироновича Кирова показал, что убийство Кирова было организовано группой ленинградских зиновьевцев, именовавших себя ленинградским центром.

Как известно, непосредственная вина Зиновьева, Каменева и Троцкого в убийстве Кирова тогда была не установлена. Было лишь установлено*, что они вдохновляли своих сторонников на переход к террористическим способам борьбы, разжигали их ненависть к руководящим товарищам нашей партии и правительства, и, если хотите, прямо подстрекали на убийство. Известно также, что Зиновьев, Каменев и другие руководители бывшей ленинградской оппозиции на суде не признали свою вину в организации убийства Кирова. Они вынуждены были признать лишь то, что несут моральную и политическую ответственность за это убийство.

Следствие не смогло доказать тогда и фактов прямого участия троцкистов в этом убийстве. Правда, в числе расстрелянных террористов ленинградского центра был троцкист Шатский³. Его участие в убийстве Кирова совершенно ясно указывало на то, что троцкисты и зиновьевцы действовали заодно.

Однако до конца разоблачить и выяснить прямое участие троцкистов следствию не удалось.

3. Дальнейшие события показали, что контрреволюционная деятельность троцкистско-зиновьевских последышей не ограничилась только теми фактами, которые были вскрыты процессом по делу об убийстве Кирова. Процесс троцкистско-зиновьевского контрреволюционного террористического блока в августе 1936 г. показал, что деятельность троцкистско-зиновьевского блока была гораздо более серьёзной и опасной.

На процессе было доказано, что в СССР существует разветвлённая и относительно широкая сеть троцкистско-зиновьевских групп, ставящих своей целью террор в отношении виднейших руководителей партии и правительства и, в первую очередь, в отношении т. Сталина.

Эти разветвлённые и разбросанные в различных краях троцкистско-зиновьевские группы руководились единым центром троцкистско-зиновьевского блока и вели подготовку террористических актов по прямому заданию центра и его руководителей Зиновьева, Каменева, Троцкого и др.

Тов. Киров был убит по решению центра троцкистско-зиновьевского блока и с согласия Зиновьева, Каменева и Троцкого.

В целях осуществления своих террористических планов зиновьевцы и троцкисты прямо блокировались с различного рода белогвардейскими элементами и пользовались услугами иностранных разведок.

Наконец, руководители троцкистско-зиновьевского центра через своих сторонников в различного рода хозяйственных и финансовых учреждениях воровали у государства средства для своей контрреволюционной деятельности.

Таковы основные и известные вам факты из контрреволюционной деятельности троцкистско-зиновьевского блока.

II.

Разрешите теперь перейти к характеристике контрреволюционной подрывной работы против советского государства троцкистско-зиновьевских последышей, выявленной за последние месяцы после августовского процесса 1936 года.

* Зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: ясно.

Материалы следствия и дальнейшее разоблачение деятельности троцкистов и зиновьевцев показывают, что и во время* убийства С. М. Кирова, и во время второго процесса над руководителями троцкистско-зиновьевского блока, до конца ещё не была раскрыта вся картина исключительно мерзкой контрреволюционной работы троцкистов и зиновьевцев.

Если взять наиболее характерные черты августовского процесса 1936 года с точки зрения состава представленных на суде подсудимых и проходящих по делу, но не привлечённых к процессу арестованных, то прежде всего, следует отметить, что в подавляющем большинстве это всем известные, активные в прошлом троцкисты и зиновьевцы, которые не раз подвергались тем или иным репрессиям. Не менее половины из них ко времени процесса уже имели тот или иной срок тюремного наказания за контрреволюционные преступления против советского государства. Незначительной частью они были представлены новыми людьми, по преимуществу переброшенными в последние годы при помощи гестапо Троцким из-за границы.

Совершенно обратную картину мы имеем сейчас.

Вам известно, что уже на августовском процессе некоторые из руководителей троцкистско-зиновьевского блока говорили о существовании запасного центра и называли фамилии некоторых его членов. В процессе дальнейшего следствия было установлено не только наличие запасного центра, но и разоблачено много новых, скрытых сторонников троцкизма, которые ранее не были известны, как активные троцкисты, и о которых не говорилось на суде. Более того, сейчас стало ясно, что Зиновьев, Каменев и все остальные подсудимые, несмотря на свою, кажущуюся внешне, искренность и раскаяние, скрыли от следствия и суда самые тёмные, самые мрачные стороны контрреволюционной деятельности троцкистов.

Какова же фактическая сторона дела?

ЗАПАСНЫЙ ЦЕНТР И ЕГО ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Запасный центр был создан по прямому указанию Троцкого, который назвал основных участников запасного центра. Само собой разумеется, что в формировании центра непосредственное участие принимал центр объединённого троцкистско-зиновьевского блока в лице Зиновьева, Каменева, Смирнова и др. Во всей своей деятельности запасный центр руководствовался директивами, получаемыми непосредственно от Троцкого из-за границы.

Состав членов запасного центра Зиновьев назвал ещё в августе месяце 1936 г. Как известно, на следствии он назвал фамилии Сокольникова, Серебрякова, Радека и Пятакова. Эти показания Зиновьева сейчас целиком подтверждаются³ материалами следствия. Например, Сокольников в своих показаниях о запасном центре говорит следующее:

«...Было решено сконструировать на случай провала объединённого центра руководящую группу в составе Радека, Пятакова, Серебрякова и меня – Сокольникова. ...

Мы имели репутацию людей, давно уже прекративших борьбу с партией. Это обстоятельство обеспечивало нам положение людей, находящихся вне подозрений, и поэтому являлось гарантией от возможного провала. Эти аргументы при сконструировании руководящей группы на случай провала сыграли решающую роль»⁴.

То же подтверждает и Пятаков, рассказывая на следствии о том, когда и по чьей инициативе был создан запасный центр. Пятаков говорит о начале действия запасного центра следующее:

* Так в тексте. Вероятно, далее пропущено: процесса по делу.

³ Исправлено рукой неустановленного лица простым карандашом: ены из аются.

«Летом 1935 года ко мне в Наркомтяжпром пришёл Сокольников Г. Осведомившись у меня, имел ли я разговор с Каменевым в 1932 г. о том, что мы – Пятаков, Сокольников, Серебряков Л., Радек К., являемся руководящим центром троцкистской организации, и, получив от меня подтверждение, Сокольников сказал “пора начинать действовать”.

Этот разговор с Сокольниковым, нужно сказать, был месяцев через 6–7 после убийства Кирова и, как известно, весь состав объединённого центра, о котором я показывал выше, уже был арестован.

Я дал согласие, и мы условились, что он – Сокольников – будет поддерживать связь с Радеком и со мною, а я с Серебряковым и им – Сокольниковым»⁵.

Таким образом, состав участников запасного центра включал в себя людей, в отношении которых можно было предполагать искренность отхода от троцкизма. Во всяком случае такие члены запасного троцкистского центра как Пятаков и Сокольников, которые были членами ЦК и всячески старались доказать свою преданность линии партии, не могли вызвать предположений о чудовищной глубине предательства и доведённого до тонкости иезуитства. Что касается Радека и Серебрякова, то они, как известно, также не вызывали прямых подозрений в том, что могут быть активно замешаны в контрреволюционной троцкистско-зиновьевской деятельности.

В этом заключалась особая опасность контрреволюционной деятельности запасного центра. Члены запасного центра пользовались гораздо большими легальными возможностями, нежели расстрелянные центровики троцкистско-зиновьевского блока.

Деятельность запасного центра была опасна ещё и потому, что он располагал относительно более широким составом своих сторонников, которые, маскируясь своей преданностью политике партии, проводили самую подлую, подрывную контрреволюционную работу, используя для этого своё положение в государственном аппарате.

Для характеристики опасности, которую представляла деятельность запасного троцкистского центра и его последователей, достаточно привести следующие примеры:

1. На Украине арестовано свыше 400 чел[овек] троцкистов, так или иначе связанных между собой по своей контрреволюционной работе. Организация возглавлялась известными троцкистами-двурушниками Коцюбинским, Логиновым и Голубенко.

Эта руководящая группа украинских троцкистов сумела насадить свою агентуру в различных областях Украины, и, что важнее всего, непосредственно в партийном аппарате.

Так, например, в ЦК Украины арестованы многие работники партийного аппарата и, в том числе, бывш[ий] зав. культпропом ЦК КП(б)У Киллерог⁶, пом. т. Постышева – Лейбман⁷, недавний зав. культпропом Ашрафьян⁸ и др. Все они дали показания о своей принадлежности к контрреволюционной троцкистской организации и сообщили следствию конкретные факты своей контрреволюционной деятельности.

В Харькове разоблачена группа во главе с бывшим вторым секретарём Харьковского обкома Мусульбасом, который втянул в троцкистскую организацию ряд бывших партийных работников аппарата Харьковского обкома и некоторых райкомов.

В Донецком обкоме образовалась группа в составе зав. промышленным отделом Шаева*, зав. культпропом Сергеева.

Само собой разумеется, что ещё большее количество своих сторонников троцкисты сумели насадить в ряде хозяйственных, советских и научных учреждений Украины.

2. В Западной Сибири арестовано свыше 120 человек, связанных между собой активных участников троцкистской организации во главе с Мураловым, Дробнисом и Богуславским.

* Неточность: возглавляемый С. Я. Шаевым отдел Донецкого обкома КП(б)У назывался отделом угольной промышленности.

Следует сказать, что эта организация отличалась особой активностью: сделала несколько попыток организовать убийства и вела развёрнутую подрывную работу в промышленных предприятиях и на транспорте Западно-Сибирского края.

3. В Азово-Черноморском крае арестовано около 200 чел[овек], связанных между собой членов троцкистской организации во главе с Белобородовым, Глебовым-Авиловым, Гордоном и др.⁹ Эта организация, также как и Западно-Сибирская, провела значительную подрывную работу в важнейших промышленных предприятиях края, в том числе, и на оборонных. Активно готовила подготовку террористического акта против т. Сталина, рассчитывая добиться этого во время очередного отпуска в Сочи.

4. В Грузии арестовано около 300 человек, во главе с Буду Мдивани¹⁰, М. Окуджава¹¹ и Торошелидзе¹².

5. Ленинградская троцкистско-зиновьевская организация, где арестовано связанных между собой около 400 чел[овек].

Наиболее характерной деятельностью в Ленинградской организации, помимо планов террора, является широкий разворот вредительств, главным образом на оборонных предприятиях. В числе участников троцкистской организации есть много директоров крупнейших предприятий Ленинграда, инженеров и проч., которые смогли осуществить ряд вредительских актов, подрывающих оборону страны.

Обращает на себя внимание, что в Ленинграде троцкистам удалось развернуть большую деятельность в научных учреждениях и, в частности, в Академии наук¹³.

6. Свердловская организация, во главе с Юлиным¹⁴, Гороховым¹⁵ и др. Арестовано свыше 100 чел[овек] активнейших участников троцкистской организации, которые наряду с конкретными попытками осуществить убийство тов. Кагановича, Орджоникидзе и др., развернули большую вредительскую и диверсионную работу в особенности на транспорте.

Следует особо подчеркнуть, что работой троцкистов на транспорте руководила японская разведка через бывшего начальника Южно-Уральской ж[елезной] д[ороги] Князева и его* заместителя* Турока.

Кроме перечисленных краёв и областей мы имеем относительно большое количество арестованных троцкистов в Московской области, Саратовском и Горьковском краях.

Какова же практическая деятельность запасного центра и связанных с ним контрреволюционных троцкистских групп?

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАПАСНОГО ЦЕНТРА И СВЯЗАННЫХ С НИМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

В вопросе террористической борьбы запасный центр, так же, как и центр, осуждённый по августовскому процессу блока, стоял на той же платформе, действуя по прямым указаниям Троцкого.

В центре внимания и здесь стоял вопрос практической подготовки террористических актов в отношении виднейших руководителей партии и правительства. Связанными с запасным центром активнейшими троцкистами в ряде городов были созданы террористические группы. Такие группы, например, были созданы в Новосибирске, Свердловске, Ленинграде, Москве, Ростове, Сочи, городах Украины и т. п.

Отличительной особенностью всех этих групп было то, что они не только обсуждали у себя вопросы террора, но и практически его готовили. Более того, большинство из

* Зачёркнуто.

* Далее вписано над строкой: нач[альника] дор[оги] им. К[аганови]ча.

них делали прямые попытки производства террористических актов, которые не удались только благодаря счастливому стечению обстоятельств или плохой подготовленности террористов¹⁶.

Вот несколько показаний виднейших троцкистов, которые характеризуют общий размах террористической деятельности запасного центра.

Рассказывая на следствии о возобновлении своей связи с Троцким в 1931 г. во время поездки в Берлин по вопросу размещения заказов, Пятаков передаёт следующий разговор с сыном Троцкого Седовым.

«Весной 1931 года я был послан от Наркомтяжпрома председателем комиссии по размещению кредитов в Германию. В Берлине со мной по телефону связался Л. Седов – сын Троцкого, которого я лично хорошо знал.

По телефону мы с Седовым условились встретиться в кафе на улице Унтер-Дон-Линден* на углу Фридрихштрассе.

Так вот, Седов, встретившись со мной в кафе, заявил мне, что он разыскал меня и связался со мной по поручению Л. Д. Троцкого. Последний велел сообщить мне, что связь с Советским Союзом им – Троцким, установлена, что в СССР действует подпольная организация и что Троцкий от меня – Пятакова, требует возобновления активной борьбы с ВКП(б). Седов при этом передал мне прямую директиву Троцкого о террористической борьбе против руководства ВКП(б) и советского правительства, и, в частности, об организации террористического акта над Сталиным.

В этой же беседе Л. Седов подчеркнул, что Л. Д. Троцкий твёрдо стоит на точке зрения применения террора к руководству ВКП(б) и советской власти, и что директива о терроре передана троцкистской организации, действующей в СССР.

Я, к несчастью, дал согласие на возобновление борьбы с применением террора против руководства ВКП(б) и советского правительства».

(Из показаний Пятакова от 26–27 октября 1936 г.)

Из этих показаний Пятакова совершенно очевидно, что Троцкий передал директиву о переходе к террору не только действующему центру троцкистско-зиновьевского блока, но и намеченному члену запасного центра Пятакову.

Пятаков независимо от деятельности виднейших членов центра троцкистско-зиновьевского блока Зиновьева, Каменева, Бакаева, Смирнова, Мрачковского и др. самостоятельно передаёт директиву о переходе к террористическим методам борьбы своим наиболее близким сторонникам – Голубенко, Логинову, Дробнису, Лившицу, Коцюбинскому, Юлину, Богуславскому и др.

Все эти лица, как сейчас выяснилось, уже давно начали вести практическую подготовку к организации террористических групп с тем, чтобы при удобном случае, по получении директивы Пятакова, приступить к террору в отношении виднейших руководителей партии и правительства.

Таким образом, вне зависимости от существования террористических групп, связанных с центром троцкистско-зиновьевского блока, как бы параллельно существовали запасные террористические группы, связанные с членами запасного центра.

Однако террористическая деятельность запасного центра троцкистов особенного оживления достигла после убийства тов. Кирова. Арест Зиновьева, Каменева, Смирнова и др. на некоторое время дезорганизовал деятельность троцкистов. После того как первая волна репрессии прошла, и у членов строго законспирированного запасного

* Так в документе. Правильно: Унтер-ден-Линден (нем. Unter den Linden – «Под липами»).

центра исчезло опасение, что их могут быстро разоблачить, они начинают активизировать свою террористическую деятельность.

В связи с этим, член запасного центра Пятаков, у которого были наиболее многочисленные связи, даёт прямую директиву формировать подготовку террористических актов.

В результате этого создаются активные террористические группы в Западной Сибири под руководством Дробниса, Муралова, Богуславского, в Азово-Черноморском крае под руководством Белобородова, Глебова-Авилова, Дуката, на Украине под руководством Коцюбинского, Голубенко, Логинава, на Урале под руководством Юлина и Горохова и т. п.

Одновременно Пятаков начинает осведомляться и у других членов запасного центра, как они развернули террористическую деятельность.

Так, например, Пятаков в тех же своих показаниях говорит о террористической группе, о которой его информировал Сокольников.

На следствии он показал:

«В этой беседе Сокольников проинформировал меня, что в Москве уже существует группа, кажется, назвал Закса-Гладнева и Тивеля (других фамилий он не называл), которая ведёт активную подготовку террористического акта над Сталиным. Сокольников также сообщил мне, что он установил связь с К. Радеком, который связан с троцкистской группой историков и имеет личную связь с Троцким. Эту связь по поручению Радека осуществляет, по словам Сокольникова, Бухарцев – корреспондент «Известий», находящийся в Берлине».

(Из показаний Пятакова от 26–27 октября 1936 г.)

О степени активности созданных Пятаковым террористических групп и о практической подготовке террористических актов свидетельствуют хотя бы следующие факты:

В Западной Сибири было реально подготовлено покушение на тт. Молотова и Эйхе, на Урале неоднократно были попытки осуществить убийство тт. Орджоникидзе и Кагановича, в Азово-Черноморском крае были попытки осуществить убийство т. Сталина, в Ленинграде – т. Жданова.

Следующие показания активнейших участников террористических групп дают достаточную характеристику того, насколько серьёзной была террористическая деятельность запасного центра.

Так, например, арестованный в А[зово]-Ч[ерноморском] к[рае] террорист Дорофеев даёт следующие показания о подготовке убийства тов. Сталина.

«...в начале 1935 года, после убийства т. Кирова, Белобородов ругал Дуката, сказав, что он упустил возможность убийства Сталина в Сочи. Говорил мне, что людей достаточно, возможность налицо, а дело подвигается медленно.

Убийству Кирова Белобородов придавал большое значение, говоря, что сам факт успешного террористического акта увеличит количество сторонников террора и поднимет активность террористически настроенных элементов.

В 1935 г. подготовка убийства Сталина велась организацией очень активно. Летом в Сочи выезжал Дукат для того, чтобы выследить маршрут Сталина и вызвать в случае надобности из Ростова боевиков для совершения террористического акта.

Перед отъездом Дуката я встретился с ним в квартире Белобородова, где помимо нас с Дукатом, находилась также Яблонская. Дукат мне рассказал, что у него в Сочи имеется группа в 5–7 чел. из числа местных жителей, которые ведут наблюдение за Сталиным».

(Из показаний арестованного Дорофеева от 10.IX–[19]36 г.)

О попытке произвести покушение на Орджоникидзе рассказывает арестованный Горохов:

«Когда я информировал Ольховского о произведённом нами, но неудавшемся покушении на Орджоникидзе во время пребывания его на Уралмашзаводе¹⁷, Ольховский сообщил мне, что им в это же время в Нижнем Тагиле также было организовано покушение, в частности, рассказал о том, что когда Орджоникидзе приехал на Уралвагонстрой¹⁸, то на его вагон, стоящий на одном из внутризаводских тупиков, было пущено несколько гружёных вагонов, с целью разбить* тов. Орджоникидзе, и крушение якобы произошло, но не дало ожидаемого результата потому, что впереди вагона Орджоникидзе оказался маневровый паровоз, на который и пришлось вся тяжесть удара налетевших вагонов, а вагон Орджоникидзе оказался целым.

По мнению Ольховского этот план организации покушения на Орджоникидзе был строго продуман и весьма удачен, так что, если бы вагон Орджоникидзе удалось разбить, то следы участия организации в этом покушении можно было бы легко замести, сославшись на служебный характер крушения».

(Из показаний арестованного Горохова)¹⁹

Для совершения террористических актов террористы изыскивали любые возможности, не гнушаясь никакими средствами. Кроме попыток стрелять из револьвера, бросать бомбы, устраивать крушения поездов и т. п. изыскивались способы совершения террористических актов путём отравления.

Так, например, в Москве вскрыта чрезвычайно опасная и активная троцкистская террористическая группа работающих в системе Нарпита работников, которые пытались использовать случай приглашения для устройства правительственных банкетов с тем, чтобы отравить присутствующих на нём руководителей партии и правительства.

Следует сказать, что такая возможность была совершенно реальна, так как обслуживающий персонал Нарпита часто приглашают для устройства всякого рода банкетов.

Вот, например, что говорит арестованная Ивановская о попытке произвести покушение путём отравления:

«На этом свидании он сообщил мне, что люди у них подготовлены. Яд они (Столповский и Курочкин) могут в любой момент достать, что если им, почему-либо, не удастся совершить покушения в ноябре месяце, то, наверное, они сумеют это выполнить на банкете 8-го Всесоюзного съезда, посвящённом принятию новой Конституции. Столповский говорил, что в связи с принятием новой Конституции бесспорно будет массовый банкет, на который явятся Сталин, члены Политбюро и правительства.

Для подготовки данного банкета, по примеру других банкетов, от нас потребуют лучших поваров и официантов. Мы данный случай используем и своих людей пошлём. Остальное будет зависеть от них»²⁰.

(Из показаний арестованной Ивановской О. П. от 27 октября [19]36 г.)

Эти примеры являются только иллюстрацией к общей террористической деятельности запасного центра. На деле она была гораздо более широкой. Десятки вскрытых террористических групп были разбросаны в самых различных пунктах СССР, искали удобного случая для того, чтобы совершить террористические акты в отношении того или иного из виднейших руководителей партии и правительства²¹.

* Так в тексте.

Больше того, мы имеем многочисленные факты, когда представители террористических троцкистских групп связывались с активными белогвардейскими, фашистскими контрреволюционными элементами с тем, чтобы при их помощи, и, пользуясь их услугами, наиболее успешно продолжать эту свою преступную деятельность.

Такова картина активной террористической деятельности запасного центра и связанных с ним террористических троцкистских групп.

ВРЕДИТЕЛЬСКАЯ И ДИВЕРСИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАПАСНОГО ЦЕНТРА И СВЯЗАННЫХ С НИМ ТРОЦКИСТСКИХ ГРУПП

Наряду с террористической деятельностью запасный центр и руководимые им группы на периферии перешли также и к методам широкой вредительской деятельности.

Как сейчас выясняется, тактика террора и вредительства была воспринята одновременно. Таким образом, становится ясным, что все активнейшие участники процесса скрыли одну из важнейших сторон своей к[онтр]-р[еволюционной] деятельности – вредительство. По показаниям членов запасного центра и, в частности, Пятакова, директива о переходе к вредительству была передана также Троцким. С этой директивой на вредительство были согласны не только троцкисты, но и зиновьевцы в лице их руководителей Зиновьева, Каменева и других.

Главная задача, которую себе ставили троцкисты в связи с вредительством – это ослабление мощи советского государства. О том, что вредительство было составной частью к[онтр]-р[еволюционной] деятельности троцкистско-зиновьевского блока не только за последнее время, но и раньше, говорят показания арестованного бывшего директора судостроительного завода имени т. Жданова в Ленинграде – Пичурина. Пичурин на следствии показал, что в конце 1933 г. в разговоре с Зиновьевым он получил от него следующую установку:

«Мы ставим вопрос о поражении Советского Союза в войне. Удар изнутри путём террора, поражение на фронтах – вот что обеспечит смену руководства и изменение режима в стране. Мы ставим вопрос прямо – ещё раз подчеркнул Зиновьев, поражение надо подготовить, а для этого надо развернуть работу по вредительству. Это нужно ещё и потому, что вредительство даёт нам возможность дискредитировать руководство ЦК».

(Показания Пичурина от 10/XI-[19]36 г.)

Об этом же говорит Пятаков в своих показаниях от 14 ноября 1936 года.

«Указания, или вернее сказать, директива Троцкого, как мне её передавал Л. Седов, состояла в том, что нам, троцкистам, надо в своей практической советской работе не содействовать, а, наоборот, противодействовать укреплению режима.

Конкретно и практически это означало, что надо в народном хозяйстве, в промышленности переходить к методам вредительства».

Об этом же показывает и Сосновский со слов Радека.

«Из дальнейших разговоров с Радеком выяснилось, что террор, хотя и является главным и решающим средством борьбы троцкистско-зиновьевского блока против сталинского руководства, но не единственным.

...Радек мне сказал, что в области хозяйственного строительства решено использовать все троцкистские кадры для организации вредительства, для ослабления хозяйственных успехов руководства партии. Если умелой рукой создать опреде-

лённые затруднения, диспропорции в хозяйстве, перебои в снабжении топливом, сырьём, металлом – это должно заметно понизить быстро растущий авторитет Сталина и его штаба, а в нужный и в решающий момент ускорить полную катастрофу сталинского руководства. ...

Руководство вредительской к[онтр]-р[еволюционной] деятельностью взял на себя, по словам Радека, второй член троцкистского центра Ю. Л. Пятаков*.

*(Показания Сосновского от ...)*²²

О мотивах, которыми руководствовались троцкисты в переходе к методам вредительства, даёт показания арестованный на Украине наиболее активный сторонник Пятакова – Логинов.

В своих показаниях от 9 ноября [19]36 г. он²³ говорил следующее:

«На заданный мною Пятакову вопрос о сущности вредительских указаний, полученных от Троцкого, Пятаков сказал мне следующее:

«Вся страна видит огромные успехи сталинской политики во всех областях: в области промышленности, в области сельского хозяйства, в области культуры, воспитания детей и т. п. Рост мощи Советского Союза создает для него весьма устойчивое положение и в области международных отношений. Всё это чрезвычайно вредит нашей работе и осложняет возможность нашей победы. Нужно всеми путями подрывать мощь Советского Союза и срывать дальнейшее его укрепление. Других путей, кроме применения системы широкого вредительства, нет. Это нужно понять. Особенно ответственная задача в этом направлении работы возлагается на нас – работников тяжелой промышленности»²³.

Следует, однако, отметить, что центру троцкистско-зиновьевского блока и связанным с ним сторонникам широко развернуть вредительскую деятельность не удалось. По условиям своей работы они находились на таких участках, которые исключали возможность применения сколько-нибудь широкого вредительства. Наоборот, запасному центру, и в особенности его руководителю Пятакову, который сам находился на важнейшем участке хозяйства и сумел насадить большое количество своих сторонников на промышленных предприятиях, вредительская деятельность удавалась успешнее.

Арестованный Жариков, нач[альник] Средуралмедстроя, показал²⁴:

«Указания Пятакова по подпольной работе сводились к следующему:

Сейчас, как никогда, необходима активизация работы троцкистско-зиновьевской организации. Аресты, проведенные среди троцкистов и зиновьевцев, в частности, арест Зиновьева, Каменева и других руководителей троцкистско-зиновьевской организации подчёркивают эту необходимость с особой силой. Пятаков сказал мне, что на удар мы должны ответить двойным ударом, и что в связи с этим необходимо:

1) усилить работу по собиранию троцкистско-зиновьевских кадров, в которой я, Жариков, как человек с большими уральскими связями, должен буду сыграть крупную роль;

2) приступить к подрывной, вредительской работе в народном хозяйстве СССР, которая разворачивается теперь по всей линии троцкистско-зиновьевской организации.

До сих пор – сказал Пятаков – мы сталкиваемся с совершенно нелепым положением: в составе наших троцкистско-зиновьевских кадров, да и кадров правых тоже

* Дата показаний Сосновского в документе отсутствует.

²³ Далее вписано над строкой: Логинов.

имеется немало крупных хозяйственников, занимающих руководящие хозяйственные посты, а в работе нашей организации это чувствуется совершенно недостаточно. Нередко наши хозяйственники, увлекаясь чисто деловыми хозяйственными задачами, забывают свою основную политическую цель. Создается нелепое, нетерпимое, двойственное положение: с одной стороны, мы усиливаем борьбу против ВКП(б), а с другой – руками наших же людей способствуем укреплению хозяйственного положения СССР и, стало быть, тем самым способствуем упрочению существующего режима. С этим надо покончить. Каждый наш хозяйственник, участник троцкистско-зиновьевской организации, должен вести активную подрывную работу, должен на своем конкретном участке работы способствовать провалу политики ВКП(б) и советской власти. И здесь нечего бояться громких слов. Да, мы идем на подрывную работу – подчеркнул Пятаков, и делаем это совершенно сознательно. Других путей, чтобы подорвать, а затем и свергнуть руководство, нет, и не может быть. Только лишь люди, ничего не смыслящие в политике, могут тешить себя иллюзиями, что политика ВКП(б) будет изменена на основе внутрипартийной борьбы. Сейчас нужны более решительные, быстрые и эффективные методы борьбы.

Объясняя мне мою предстоящую роль в организации, Пятаков подчеркнул, что Урал – это 70 % союзной меди. Он далее сообщил мне, что ЦК ВКП(б) и советское правительство, в связи с нарастающей угрозой войны, усиленно бьют тревогу по поводу отставания медной промышленности и мобилизуют вокруг этого вопроса партийную и советскую общественность. В связи с этим, добавил Пятаков, я в свою очередь посылаю на работу в медную промышленность наиболее проверенных участников нашей подпольной организации, ставя перед ними задачу срыва программы выпуска меди по действующим предприятиям, максимальной оттяжки строительства, а также пуска новых медеплавильных предприятий. Это – эффективнейший метод борьбы против руководства ВКП(б). Удар по меди – это острейший удар против руководства».

В известной мере большому развороту вредительской деятельности способствовала и директива, полученная от Троцкого. Троцкий, оказывается, дал из-за границы указание Пятакову о том, что нужно всячески форсировать переход к вредительским методам борьбы.

Вот, например, что об этом говорит сам Пятаков в своих показаниях.

«В 1936 г. * во время моего разговора с Сокольниковым (я об этом, кажется, говорил уже) последний сообщил мне, что через Радека получена директива Троцкого о необходимости форсирования вредительской работы в хозяйстве. Сокольников сообщил мне, что Троцкий считает возможным в этих целях привлечь к вредительству другие к[онтр]-р[еволюционные] формирования».

(Показания Пятакова от 14 ноября 1936 г.)

Наибольшую вредительскую деятельность Пятакову удалось осуществить на предприятиях военной промышленности, на химических заводах и угле. Широких размеров приняла вредительская деятельность также и на транспорте, особенно на восточных дорогах. Само собою разумеется, что больших размеров вредительство принять не могло. Сама по себе природа нашего советского государства и методы управления

* Дата, указанная в протоколе допроса Ю. Л. Пятакова от 14 ноября 1936 г.: 1935 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 255. Л. 103).

нашей промышленностью исключают возможность применения в сколько-нибудь широких размерах вредительских актов. Тем не менее, отдельные из них несомненно причинили колоссальный вред нашему хозяйству.

Для того, чтобы дать характеристику вредительской деятельности троцкистов, приведём некоторые примеры:

1. Вредительская и диверсионная деятельность в военной промышленности. Наиболее поражёнными отраслями военной промышленности, в которых удалось осуществить троцкистам конкретные вредительские акты, являются: оружейная промышленность, заводы торпедостроения, снарядная промышленность, судостроительная промышленность.

В процессе следствия удалось установить вредительство на следующих заводах: в Ленинграде на судостроительном заводе им. Жданова, торпедном заводе «Двигатель», оружейном заводе «Большевик», на 65[-м] снарядном заводе в Таганроге и на Ростсельмаше.

На всех этих заводах раскрыты вредительские организации, созданные запасным центром.

Из наиболее характерных вредительских актов можно привести следующие: о вредительстве на судостроительном заводе им. т. Жданова показывает бывший директор Пичурин.

«Практическая вредительская работа нашей к[онтр]-р[еволюционной] троцкистско-зиновьевской организации выразилась в следующем: по турбинному цеху Смирновым, а впоследствии Зельдич, умышленно задерживался своевременный выпуск механизмов для первого торпедоносца-лидера «Ленинград» (№ 460), для сторожевых кораблей и для быстроходных тральщиков. В цеху умышленно изготовлялись не те детали, в которых была острая необходимость для установки на кораблях.

Одним из крупных вредительских актов в турбинном цехе явился колоссальный брак турбинных лопаток, который нам удалось организовать, главным образом, при изготовлении хвостовиков и засверловки отверстий в них через кондуктор. При изготовлении фланцев для вспомогательных механизмов умышленно искажались их размеры, что вызывало неоднократные переделки из-за несоответствия их чертежам.

По сборо-установочному цеху Мицьюн и другие умышленно задерживали монтаж кораблей, в частности, эсминцев «Войков» и «Сталин», быстроходных тральщиков и сторожевых кораблей.

При изготовлении трубопроводов давались неправильные размеры с отклонениями от чертежей. Под предлогом отсутствия материала задерживали изготовление трубопровода и арматуры по торпедоносцу «Ленинград», что сорвало сроки испытания вспомогательных механизмов».

(Показания Пичурина от 10.XI-[19]36 г.)

Технический директор оружейного завода «Большевик»* о вредительских актах в оружейной промышленности показал:

«Нами был сорван выпуск ряда новых образцов оружия. Вредительскую деятельность в области опытных работ проводили участники организации – Магдесиев, Кудряшов, Рафалович.

* Далее вписано над строкой: Романов.

Мне известны следующие вредительские акты, проведённые в целях срыва конструирования и выпуска новых артиллерийских систем.

По Б-14 – сухопутный – досылательное устройство было спроектировано так, что все время давало отказы, механизмы разрушались.

Магдасиев долго и упорно добивался, чтобы эту систему сдать на вооружение РККА, но, вследствие категорического отказа ГАУ, это ему не удалось. Чтобы затормозить разработку других систем, Магдасиев работами по этой заведомо непригодной Б-14 загружал аппарат конструкторского бюро, тем самым не давая возможности работать по другим системам.

Система Б-14 морская, была лучшей, более надёжной, именно поэтому ею умышленно не занимались, разработка чертежей была заторможена и в результате Б-14 морская так и не была введена в производство.

По Б-13 морской – сознательно тормозилась разработка досылателей.

В конце эти орудия пришлось пустить в валовой выпуск вообще без всякого досылательного устройства.

Система Б-10 сухопутная – разрабатывалась в течение нескольких лет. Сознательно она была запроектирована настолько громоздкой, с таким сложным электрооборудованием, что в 1936 г. была заменена системой Б-33, но и эта последняя система на вооружение армии не введена».

(Показания Романова от 8.IX-[19]36 г.)

Об этом же говорит и арестованный начальник конструкторского бюро завода «Большевик» инженер Магдасиев.

«Мной были произведены следующие вредительские акты – затянуты испытания опытных образцов артсистем Б-13 и Б-24, путем предъявления преувеличенно жёстких и необоснованных требований. На серийное производство были переданы эти же образцы артсистем Б-13 и Б-24 с рядом заведомых дефектов, заключающихся в неправильной разработке конструкции досылателя, неправильной разработке ряда деталей затвора и механизма его открывания, неотрегулированности взаимного расположения канала орудия и снарядного лотка и др<угие> дефекты.

При разработке артсистемы Б-13 нами была поставлена задача затормозить её серийное производство. В этих целях мною было дано указание Рафаловичу о внесении в конструкцию системы дефекта, заключающегося в недостаточном уплотнении воздуха в цилиндре досылателя».

(Показания Магдасиева от 10/XI-[19]36 г.)

О вредительстве в торпедостроении даёт показания технический директор завода «Двигатель» Виленский.

На следствии он рассказал следующее:

«Вместо того, чтобы начать внедрение в производство торпеды Д-4, по моей, Борисова и Осокина инициативе начали вноситься различные изменения к торпедо Д-4, которые сильно ухудшали её конструкцию и понижали боевое качество.

Таких изменений было внесено свыше 600. Весь 1935 г. и начало 1936 г. разработка чертежей Д-4 проходила, главным образом, по линии изменений конструкции торпеды, что не давало возможности запустить торпеду в серийное производство.

Только в начале 1 квартала 1936 г. завод изготовил кустарным способом 2 образца торпеды Д-4, причем в процессе испытания этих образцов были обнаружены серьезные дефекты.

Несмотря на отрицательный результат испытания торпед, я и Абрамов сообщили Главвоенпрому о том, что торпеды выдержали испытание полностью. После этого завод «Двигатель» получил распоряжение Главвоенпрома о запуске торпеды Д-4 в серийное производство.

Начиная с конца 1934 г. я, хорошо зная о необеспечении феодосийской пристрелочной станции запасными частями для замены дефектных, вместо того, чтобы изготавливать запасные части на заводе, заставлял работников станции снимать запасные части с годных торпед и ставить их на отправляемые Управлению морских сил торпеды.

В результате на Феодосийской станции к концу [19]35 г. лежало дефектных торпед (без ряда основных деталей) около 400 штук на сумму в несколько миллионов рублей».

По заводу № 65 снарядной промышленности вредитель пом. директора Батюшкин дал следующие показания:

«Афонин мне передал, что такая организация, имея своих людей в решающих цехах завода, добилась такого положения, что выпускаемые из завода снаряды являются почти наполовину негодными и идут в брак. Не довольствуясь этим, участники к[онтр]-р[еволюционной] организации принимают меры к тому, чтобы значительные партии негодных снарядов сдавать обманным путём на вооружение РККА.

Это достигалось путем расстройств... парка*, вывода из строя оборудования, нарушения технологического процесса, неправильной механической обработки корпусов снарядов, применения негодного контрольно-измерительного инструмента.

«Подрывная работа привела к тому, что брак снарядов достигал огромного количества. Я помню, что по снарядам УДК-122 и БК-125 брак за 1936 г. достиг 40–50%, а в отдельных случаях 80%. Только за несколько месяцев 1936 г. было изготовлено свыше 100 тыс. штук негодных снарядов ДК-45»».

Официальными документами военного представителя артиллерийского управления РККА на заводе № 65 подтверждается, что заводом было выпущено в течение 9 мес. 1936 г. огромное количество негодных и, вследствие этого, забракованных артиллерийских снарядов.

Так, из запущенных в производство 521 тыс. 45 м/м бронебойных снарядов было забраковано 262.400 штук, или 50,5%.

Брак по 120 м/м пушечным гранатам составляет за тот же период 65,3%.

Таковы установленные следствием вредительские акты на заводах военной промышленности. Вы понимаете, что вряд ли эти факты исчерпывают всю вредительскую деятельность троцкистов. Несомненно, мы имеем еще неразоблаченных вредителей, которые могут продолжать свою вредительскую деятельность.

2. Вредительство и диверсионная деятельность троцкистов в химической промышленности. Особо широкую вредительскую и диверсионную деятельность троцкистам удалось развернуть в химической промышленности.

Обусловливалось это, в частности, тем, что с руководством химической промышленности было долгое время неблагополучно. Вы знаете, что химией в своё время руководил Томский. Затем она фактически до последнего времени руководилась Пята-

* Речь идёт, видимо, о станочном парке предприятия (Сост.).

*** Абзац отчёркнут по левому полю одной чертой синим карандашом.

ковым. Пятакову удалось в химии подобрать большое количество своих сторонников на важнейшие предприятия химии.

Шпион-диверсант Ратайчак, как известно, руководил всей азотной промышленностью.

Значительное количество ответственных работников Главка были подобраны Ратайчаком из числа троцкистов, которые были связаны по своей вредительской и шпионской деятельности с иностранными фирмами. Такие начальники отделов Главка, как шпион Граше, инженеры Пушкин, Голованов и др., безоговорочно выполняли любые вредительские, диверсионные и шпионские задания Ратайчака.

Одновременно с этим и на заводах химии много директоров и инженеров были подобраны Пятаковым и Ратайчаком из числа вредителей, диверсантов, шпионов.

Например, директором крупнейшего Кемеровского комбината был троцкист-вредитель Норкин, а его заместителем – Дробнис. Директором Горловского комбината до недавнего времени был арестованный троцкист-вредитель и диверсант Уланов.

Для примера можно привести следующие показания по вредительству в химической промышленности.

Шпион и вредитель Ратайчак говорит следующее:

«В 1933 г. было постановление правительства о программе строительства новых химических заводов, имеющих оборонное значение, и о расширении действующих предприятий. Причём, по каждому заводу была точно установлена мощность завода и срок окончания стройки. Для этой цели были отпущены в [19]33 г. соответствующие средства. Начиная с IV квартала 1933 г. Пятаков средства, отпущенные правительством для этой цели, сократил²⁵ и использовал их для других отраслей промышленности. При установлении плана строительства [19]34 г. Пятаков предложил мне план пересоставить, установив ассигнования таким образом на новое строительство, чтобы основные стройки, предусмотренные этим постановлением, были заводом сорваны. Так, этим постановлением было предусмотрено строительство заводов взрывчатых веществ на Березняках – объект 1012, строительство в Перми, строительство Кемеровского завода – снаряжательного цеха и «ОВ» Горловского тротилового завода, а также начало строительства новых снаряжательных заводов в Брянске и в Сталино. Строительство указанных объектов в [19]34 г. было сорвано. ...

Нами была проведена еще работа по срыву строительства пороховых заводов № 100 и 101. Срыв этот был проведён следующим образом: проекты заводов несколько раз нами менялись, заведомо осложнялись поисками новой технологии, в то время, когда заводы нужно было строить по старой принятой схеме. Всё это, естественно, оттягивало срок окончания проектирования пороховых заводов»²⁶.

Арестованный по тому же делу б[ывший] главный инженер Гипроазота Голованов на допросе от 28* октября показал:

«Проектирование этого комбината (азотнотукового комбината Лисичанска) началось в начале 1932 г. на мощность 110 тыс. тонн аммиака. С целью умышленной затяжки проектирования и строительства комбината, я, по указанию Ратайчака, заменил первоначально принятую мощность в 110 тыс. тонн на 80 тыс. тонн. Далее, в 1933 г. и 1934 г., эта последняя мощность была мною изменена на 110 тыс. тонн, потом снова на 80 тыс. тонн – тем самым я задержал начало строительных работ на комбинате.

* Так в тексте. Правильно: 26.

В течение двух лет я умышленно затягивал проектирование путём изменения мощностей, в результате чего строительство не имеет ещё до сих пор всех рабочих чертежей, и пуск комбината будет осуществлён с опозданием примерно на полтора года против правительственного срока²⁷, при произведённых уже затратах около 40 миллионов рублей».

Наряду с вредительской деятельностью Ратайчака по поручению Пятакова, удалось осуществить и ряд значительных диверсионных актов.

О том, что диверсионной деятельностью в химической промышленности руководил Пятаков, арестованный Ратайчак даёт следующие показания²⁸:

«Вопрос: По заданию кого вы вели диверсионную работу в химической промышленности?

Ответ: В своих показаниях от 10 октября 1936 г. я уже указал, что вредительскую работу в химической промышленности я проводил по заданиям Пятакова. О диверсионной работе я не говорил, потому что об этом тяжело рассказывать, но сейчас считаю абсолютно необходимым раскрыть всю гнусную работу, которая проводилась контрреволюционной организацией. Проводившуюся диверсионную работу я осуществлял по прямому заданию Пятакова.

Вопрос: Когда вам эти задания были даны?

Ответ: В начале 1934 года, после переделки мною, согласно указаниям Пятакова, плана строительства 1934 г. Пятаков дал мне поручение вести разрушительную работу на химических предприятиях для срыва выпуска продукции, особенно по минеральным удобрениям.

Вопрос: В какой форме вам были даны эти задания?

Ответ: Пятаков мне прямо сказал: задачей организации является не только срыв нового строительства, но и срыв работы действующих предприятий, т. е. вывод из строя отдельных агрегатов на предприятиях».

Только по установленным следствием фактам были произведены диверсии на Горловском комбинате и на Воскресенском и Невском химических заводах.

Вот несколько показаний диверсантов по этой подрывной работе троцкистов.

Бывший начальник отдела азота Главхимпрома Пушкин на допросе от 22-го октября с. г. показал:

«В апреле 1934 г. мною была проведена диверсия в щёлочно-выпарном отделении цеха аммиачной селитры на Горловском заводе. Взрыв в этом цехе, повлекший значительные разрушения и человеческие жертвы, был подготовлен и совершён Таммом — техническим директором завода по моему заданию.

Помимо человеческих жертв, которые были неизбежны при совершении такой диверсии, взрывом были причинены большие разрушения. Разрушены были: нейтрализационное отделение цеха, резервуар для щелоков аммиачной селитры, а также разрушено совершенно или испорчено другое оборудование, находившееся в этом отделении. Этот взрыв парализовал работу заводов, прекратилось производство азотной кислоты и аммиачной селитры, и сократилась выработка аммиака, вследствие невозможности переработать его на заводе по причине разрушения оборудования. Какая сумма была затрачена на восстановление цеха, я сейчас не помню.

В ноябре 1935 г. Таммом, по моему заданию, был подготовлен и совершён взрыв в отделении воздушных кабин водородно-синтетического цеха.

Полностью был разрушен один агрегат «Линде» и, примерно, наполовину был разрушен второй. Этой диверсией нам удалось остановить весь завод более чем на

месяц, примерно на 30–35 дней, и причинить материальный ущерб на 1¹/₂–2 мил. рублей. При взрыве были человеческие жертвы.

Подтверждая показания Пушина, бывший технический директор Горловского завода Тамм на допросе от 5-го* ноября с. г. показал:

«Я подготовил и совершил взрыв в отделении нейтрализации цеха аммиачной селитры в апреле 1934 г., повлекший человеческие жертвы.

Взрывом было разрушено нейтрализационное отделение цеха, как-то: повреждены хранилища для щёлоков аммиачной селитры, абсорбера, нейтрализаторы, рабочие площадки и коммуникации. В результате этой диверсии прекратилось производство аммиачной селитры и сократилось производство азотной кислоты.

В июле 1935 г., когда я был в Москве, Пушин дал задание уничтожить аппараты по разложению воздуха системы «Линде» в аммиачном цехе. При этом Пушин подчеркнул важность этой диверсии, так как она неизбежно должна была вызвать вывод из строя завода на длительный период.

Халезовым и Ассиновским с целью вызвать взрыв были созданы условия для нарушения установленного режима эксплуатации агрегатов «Линде», ими было сделано накопление ацетилена в жидком кислороде в конденсаторах, что вызвало в ноябре 1935 г. взрыв, приведший к полному разрушению одного аппарата и к сильному повреждению второго аппарата. Это был наиболее крупный из совершённых мною диверсионных актов. Взрыв сопровождался человеческими жертвами, вызвал остановку завода на продолжительное время, причинил большой материальный ущерб государству на сумму около 2-х миллионов рублей. В этой диверсии принимал также участие сменный инженер Крушельницкий»**.

О диверсионной работе троцкистской организации в Горловке дал показания 6-го ноября с. г. также и инженер, а впоследствии технический директор азотнотукового комбината Ассиновский:

«По Горловскому азотнотуковому заводу к[онтр]-р[еволюционной] организацией проведены следующие диверсионные акты:

1. Приблизительно в апреле мес[яце] 1934 г. выведено из строя отделение нейтрализации цеха ам[миачной] селитры путём организации взрыва аммиакопровода. При взрыве были человеческие жертвы. В результате взрыва цех простоял семь дней. О том, что данный взрыв был произведён к[онтр]-р[еволюционной] организацией, мне говорил Тамм после привлечения меня в организацию.

2. В октябре 1934 г. организацией осуществлён взрыв 2-х коксовых компрессоров. В результате завод был остановлен на 2 часа. Со слов Тамма этот диверсионный акт был проведён Халезовым через привлечённых им новых членов к[онтр]-р[еволюционной] организации. Фамилий этих лиц мне Тамм не назвал.

3. В конце ноября 1934 г. к[онтр]-р[еволюционной] организацией произведён обвал надземного коксового газопровода. Со слов Тамма этот обвал был организован членом организации Халезовым. Других участников этого диверсионного акта Тамм мне не назвал.

4. В январе 1935 г. был произведён взрыв меланжевого коллектора. В результате взрыва завод был остановлен на трое суток. Со слов Тамма взрыв был организован также Халезовым.

* Так в тексте. Правильно: 8-го (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 253. Л. 50–53).

** При переносе текста из протокола допроса авторами документа произведена небольшая стилистическая правка, не меняющая существа показаний (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 253. Л. 50–53).

5. 11-го ноября 1935 г. Халезовым и Крушельницким был организован взрыв воздушных кабин в аммиачном цехе. В результате взрыва завод стоял три недели. Восстановительные работы обошлись примерно в полтора–два миллиона рублей. Об этом диверсионном акте мне известно также со слов Тамма. Последний мне лично ещё в конце сентября [19]35 г. предложил принять участие в совершении данного диверсионного акта, ссылаясь на директиву к[онтр]-р[еволюционного] центра».

По неподтверждённым ещё данным, пожар 1-го августа с. г. на Воскресенском химкомбинате, уничтоживший сернокислотный цех, также организован троцкистской организацией в химической промышленности.

3. Вредительство и диверсии в угольной промышленности. Из только что закончившегося процесса в Кемерово известно то широкое вредительство, которое сибирские троцкисты осуществляли в Кузбассугле по дезорганизации шахтного хозяйства, занижению производственных мощностей и снижению добычи угля и т. д.

Вредительство в области угледобычи широко осуществлялось также и в Донбассе и в «Шахтантраците».

Арестованный заведующий угольным отделом Донецкого обкома ВКП(б) Шаев показывает, например, о вредительстве в Донбассе следующее²⁹:

«Основные планы вредительской работы сводились, главным образом, к сокращению подготовительных работ, а этим самым к сокращению линии забоя, игнорируя правила ведения горных работ, установленные приказом Наркомтяжпрома № 840, в частности, игнорируя правила по технике безопасности, чем создавалась на шахтах обстановка, которая вызывала неизбежно аварийность.

Кроме того, Антонцев выдвинул предложение о проведении так называемой резервированной себестоимости. Смысл этого вредительского мероприятия сводился к тому, чтобы шахты получали заниженную себестоимость, что приводило в окончательном счёте к уменьшению зарплаты командного состава, дискредитации прогрессивно-сдельной системы оплаты ИТР, а, стало быть, и к подрыву стахановского движения, которое должны были возглавить все командиры».

«...Уже в первом квартале 1936 г. в результате выполнения группой Антонцева намеченных ими вредительских актов по «Чистяковантрациту» был сорван план угледобычи – недодано около 200 тыс. тонн угля; был сорван план подготовительных работ, что привело к значительному уменьшению линий забоя, а значит и возможности разворота угледобычи в последующие месяцы 1936 г.

Значительно выросли аварии на шахтах, выразившись в поломках механизмов, обвалах горных выработок, завалах и т. п. ...

В результате проведённой Антонцевым заниженной себестоимости, примерно половина командного состава шахт «Чистяковантрацит» не только не имела никакого приработка, но была искусственно посажена на 80 процентов своего оклада».

Не меньшую деятельность троцкисты проявили и в области диверсии в угольной промышленности.

Наиболее характерными фактами диверсионной деятельности троцкистов в угольной промышленности являются следующие:

На Кемеровском руднике троцкистской группой, возглавлявшейся Носковым, бывшим управляющим шахты «Центральная», и Пешехоновым, бывшим главным инженером рудника, осуждённым в 1928 г. за вредительство к 3-м годам концлагеря, 23 сентября с. г. был произведён взрыв газа на северном крыле Кемеровского

пласта второго района шахты «Центральная», в результате которого погибло 9 рабочих и 15 рабочих были тяжело ранены³⁰, а также было организовано систематическое отравление рабочих газом.

Действовавшая на Кемеровском руднике диверсионная группа была создана Носковым по прямому заданию троцкиста Дробниса, о чём последний показал следующее:

«...я рассказал Носкову о том, что имею связь с троцкистами в Москве, по поручению которых веду организационную работу в Кемерово. Носков согласился с моим предложением создать на Кемеровском руднике троцкистскую группу и заняться активной троцкистской работой»³¹.

Дробнис дал указание Носкову установить связь с к[онтр]-р[еволюционным] элементом из среды специалистов.

Излагая свою беседу об этом с Носковым, Дробнис показал:

«...можно ли привлекать к.-р. настроенных инженеров к нашей работе? – спросил Носков. Я ему сказал: “миндальничать в таких вопросах нельзя, когда стоит вопрос – мы или они. Мы, троцкисты, должны исходить из известного определения – в борьбе все средства хороши, и цель всегда оправдывает средства. Это санкционировано троцкистским центром. Троцкий сам сейчас пользуется услугами фашистской Германии»³².

О прямом задании Дробниса организовать на шахте «Центральная» взрывы и отравления рабочих газом Носков показал следующее:

«...Дробнис мне предложил организовать на шахте акты физического уничтожения рабочих путем отравления и взрывов. Я перед Андреевым поставил вопрос, что мы должны доказать рабочему на его собственной шкуре губительность для него политики Сталина, и в свете этой задачи потребовал от него активной работы по загазовыванию шахты»³³.

В Азово-Черноморском крае тоже вскрыто диверсионное дело «Шахтик»* треста «Шахтантрацит».

О подготовке и совершении диверсий на шахте № 4 треста «Шахтантрацит» помощник заведующего шахты № 4 Богачёв на допросе от 14 ноября показал следующее:

«Мною на шахте № 4 совершено два диверсионных акта: один в июне, а второй в декабре** 1936 г.

В первых числах июня я замещал в течение нескольких дней нач[альника] западного участка Солодовникова. Быков в присутствии Бутова предложил мне воспользоваться этим обстоятельством, а также положением работ на участке, и произвести затопление его. Надо сказать, что к этому моменту выработка штрека³⁴ 211 подошла на 2 метра к затопленной старой шахте № 2. Вследствие этого происходило просачивание воды через оставшийся целик³⁵. Работавший на выработке штрека 211 забойщик Долгопятов, заметив просачивание воды через целик, пробил бурку³⁶ и, убедившись в близости целика к затопленной шахте № 2, приостановил

* Так в тексте.

** Ошибка при переносе слова из протокола допроса. Правильно: октябре.

дальнейшую выработку угля и забил в бурку чоп³⁷, чтобы предотвратить затопление участка.

Это обстоятельство и было мною использовано при выполнении диверсионного задания Быкова. Я поручил участнику к.-р. организации Семиглазову забитый Долгопятовым чоп вынуть и расширить бурку шире, что он и сделал.

В результате расширения бурки вода сразу же разрушила весь целик и затопила полностью западный участок.

Пустив воду в шахту, Семиглазов вышел на гора через штрек горизонта 170. Находившийся же в коренном штреке и не предупреждённый десятник Егоров был застигнут водой врасплох и погиб».

и далее:

«В конце сентября или в начале октября с.г. Быков поручил мне организовать завал шахты № 4 и связал меня для этой цели с Черных, в присутствии которого и дал мне это задание. Позже, в процессе подготовки диверсионного акта, Черных мне несколько раз заявил, что Быков торопит его с организацией завала, так как это разрушение шахты должно явиться своего рода протестом против расстрела Зиновьева и Каменева.

Я договорился по поводу организации завала с Семиглазовым и подготовил этот завал следующим образом:

1. Растягивал уступы до 6 крепей вместо установленных по норме 2-х крепей, тем самым ширина уступа вместо 2–2½ метров достигала 4–5 метров.

2. Задерживал забут³⁸ выработанного пространства, в результате чего незабутованное пространство доходило в верхнем поле до 16–18 крепей и в нижнем – до 35 крепей.

3. Устанавливал недостаточное количество костров³⁹. Так, в 11-м уступе мною было установлено вместо 5 костров – 2, в 10-м уступе вместо 7-ми костров также 2, в 8-м и 9-м уступах костров не было установлено совершенно.

4. Крепление приводилось мною не под рамку⁴⁰, и лес, идущий на стойки, предварительно продольно раскалывался, что ослабляло стойкость крепления.

5. Из вентиляционного штрека вода не отводилась и направлялась через верхний гезенок⁴¹ к уступу, чем разрушалась боковая порода и нарушалась устойчивость крепления.

Расчет был на то, чтобы [сделать] завал всей лавы и остановить на длительный период работу всей шахты.

В итоге перечисленных мною действий 28 октября с. г. последовал завал 10-го уступа и частичный завал 9 и 11 уступов. Работа шахты была приостановлена полностью.

Под завалом оставались 5 чел. рабочих, которые все погибли.

То же и на Урале. Арестованный Бабенко, бывший главный инженер шахты имени тов. Сталина «Кизелугля», на допросе от 10 ноября с. г. показал:

«Работая главным инженером шахты, я знал исключительную пожарную опасность шахты, а также знал, что она умышленно создавалась участниками к[онтр]р[еволюционной] организации Кривоносом и Барковским. Кривонос и Барковский при реконструкции шахты построили камеры таким образом, что они всегда создавали угрозу в пожарном отношении. Также вредительски была проведена реконструкция всего ствола.

В результате всего этого шахта в феврале месяце 1936 года была пожаром уничтожена».

4. О вредительской и диверсионной работе троцкистов на транспорте. Не меньшую вредительскую и диверсионную работу троцкистам удалось организовать и на железнодорожном транспорте.

Арестованный участник к[онтр]-р[еволюционной] организации Князев показал:

«Говоря со мной о задачах организации, Лившиц делал главный упор на подрывную вредительскую работу в народном хозяйстве и указывал на исключительную роль транспорта в подрывной вредительской деятельности. В качестве практических задач в области вредительской работы на транспорте Лившиц поставил передо мной следующие задачи:

1. Срывать любыми мерами и средствами перевозки важнейших грузов промышленности, особенно руды, угля, металла и воинских грузов.

2. Добиваться максимального вывода из строя паровозов и дезорганизовать работу паровозного парка.

3. Привести путевое хозяйство дороги в состояние, угрожающее безопасности движения, дезорганизовать работу важнейших служб дороги с таким расчётом, чтобы вызывать массовые аварии и крушения поездов.

Получив от меня согласие на развёртывание вредительской работы, Лившиц поставил передо мной ещё одну задачу – подготовить и осуществить ряд диверсионных актов (взрывов, крушений, отравлений и т. п.), которые бы вызвали большое количество человеческих жертв.

Я задал вопрос Лившицу: для какой цели нам нужны такие мероприятия, которые непосредственно направлены против рабочего класса? И на мой вопрос Лившиц ответил: «Нужно стремиться непосредственно озлоблять население, особенно рабочих и Красную армию против ВКП(б) и правительства, нужно создавать такое впечатление, что всё плохо, всё рушится и во всём виноват Сталин и советская власть. Для этого нужно ударить непосредственно по населению, по рабочим, по Красной армии, твёрдо помня принцип: “чем хуже, тем лучше”»⁴².

Только по установленным фактам эта их подрывная деятельность характеризуется следующими данными.

Арестованный участник к[онтр]-р[еволюционной] организации Буянский, быв[ший] начальник сектора капитального строительства Центрального управления вагонного хозяйства НКПС, показал:

«Практическая деятельность нашей контрреволюционной троцкистской организации в вагонном управлении НКПС осуществлялась по следующим основным линиям:

а) захват нашей организацией вагоноремонтных заводов и вагонных служб жел[езных] дор[ог] Союза путём расстановки надёжных троцкистских руководящих кадров на этих объектах;

б) проведение подрывной работы на вагоноремонтных заводах и в вагонном хозяйстве дорог через участников нашей организации и близких к нам людей.

При проведении нашей контрреволюционной троцкистской организацией подрывной работы на железнодорожном транспорте основной удар нами был нанесён по строительству вагоноремонтных пунктов на дорогах Союза».

Арестованный участник к[онтр]-р[еволюционной] организации Сычёв, мастер вагонного участка ст. Пермь, показал:

«Мною умышленно пропускались в поездах больные вагоны с неисправными буксами, рессорами, ударно-ходовыми частями и неисправными колесными парами, что неминуемо влекло за собой крушение на дороге.

...Кроме того, я неоднократно, с целью вызвать крушение, ставил неисправные классные вагоны в пассажирские поезда № 79/80, с большим прокатом бандажей, неисправными рессорами и другими дефектами, угрожающими безопасности движения»⁴³.

Арестованный участник к[онтр]-р[еволюционной] организации Степанов – пом. нач[альника] паровозного отделения ст. Тайга, показал:

«В депо ст. Тайга мы, троцкисты, выпускали паровозы с неоконченным и недоброкачественным ремонтом. Это вызывало частые поломки в пути. Кроме того, нами срывалась плановая подача паровозов в ремонт.

Мы дезорганизовывали очерёдность постановки паровозов в ремонт и добились такого положения, когда паровозы пачками выходили из строя. В январе месяце 1936 года из Болотинского депо 50% паровозов было поставлено в ремонт. ...»⁴⁴

Арестованный участник к.-р. троцкистской организации Орлов, инспектор группы контроля Томской дороги, показал:

«По прямым установкам участника организации Житкова проведена следующая подрывная работа по паровозному хозяйству Томской ж[елезной] д[ороги]:

1. Поступающие в паровозное депо дороги из Барнаульского и Красноярского депо чугунные барабаны для поршневых и золотниковых колец перед обработкой не испытывались, хотя нам было известно, что они выполнены недоброкачественно.

2. Как один из подрывных методов, было введено в систему при ремонте не менять и не поворачивать передние направляющие поршневые втулки. Участниками троцкистской организации в депо Рубцовка таким путём было выведено из строя в течении зимы 1935–36 гг. 8 паровозов.

3. Применялся вредительский, запрещённый Наркомпути, котельный ремонт на горячих паровозах. В депо Рубцовка участник организации троцкист Барлетов, по указаниям Житкова, переданным ему через меня, на горячих паровозах производил подчеканку протекающих заварных труб трамбовкой – этим ещё больше расстраивались трубы, прогибали решётку и тем самым выводили паровозы из строя»^{45*}.

О деятельности к[онтр]-р[еволюционной] троцкистской организации с целью дезорганизации движения поездов арестованный участник организации – б[ывший] нач[альник] Белгородского района⁴⁶ Дзедзиевский, показал:

«По службе движения мы проводили следующую подрывную работу: саботировали выполнение регулировочных приказов, срывали обмен вагонами, срывали погрузку важнейших грузов, показывая в то же время погруженными вагоны, которые фактически погружены не были; важнейшие участки, особенно Купянский, умышленно забивались поездами с целью дезорганизации движения. Особенно злостно такая забивка поездами практиковалась в периоды напряжённых осенне-зимних перевозок и во время снежных заносов: срывали эксплуатационный оборот

* По левому полю листа с показаниями помета: крупный вопросительный знак; рука неустановленного лица, простой карандаш.

паровозов, вызывая их под неготовые поезда; вредительски формировали маршруты, которые неизбежно должны были переформировываться на ближайших распорядительных станциях. ...»⁴⁷

Один из руководителей к.-р. троцкистской организации в новом ж[елезно] д[орожном] строительстве, бывший начальник центрального управления НКПС Шермергорн показал:

«Активная к.-р. деятельность, вначале Кивгилло, а затем моя и Иванова Алексея, выполнявшаяся по указанию Мрачковского, обеспечивала захват основных командных мест в новом ж[елезно] д[орожном] строительстве членами нашей организации.

На протяжении целого ряда лет я сохранял троцкистские кадры в системе Цукелдорстроя НКПС, назначал их на руководящие должности, создавал им авторитет, за счет жел[езно]-дор[ожного] строительства оказывал денежную помощь и всячески способствовал успешному ведению к.-р. работы».

«...В результате деятельности нашей к.-р. организации новое жел[езно]-дор[ожное] строительство было наиболее проваленным участком работы жел[езно]-дор[ожного] транспорта. Как правило, ни одна новостройка не заканчивалась в установленные правительством сроки, вновь выстроенные дороги сдавались в эксплуатацию с большим количеством недоделок. Такое положение было на линии Брянск–Вязьма, Петропавловск–Караганда, Новосибирск–Ленинск, первой очереди Москва–Донбасс и др. Качество работ на вновь выстроенных дорогах было вредительским»⁴⁸.

Участник Новосибирской к.-р. троцкистской организации – бывший начальник строительства жел[езно]-дор[ожной] линии Эйхе–Сокур Оберталлер показал:

«Богуславский объяснил, что Сибирский центр придаёт исключительное значение вредительству на этом строительстве. Лев Давидович, заметил Богуславский, получает аккуратно информацию о том, что и где мы делаем, и внимательно следит за результатами нашей работы. Богуславский поставил передо мной следующие задачи:

1. срыwać установленные НКПС календарные сроки строительства;
2. недоброкачественно выполнять работу;
3. выявлять среди работников на строительстве троцкистов и привлекать их к активной работе;
4. создать массовые недовольства рабочими;
5. привлечь к совместной работе специалистов из числа враждебно относящихся к советской власти.

На строительстве нами была проведена следующая подрывная работа: сорвано строительство общежитий для рабочих, сорвана вся подготовка для работы экскаваторов. Постройка искусственных сооружений и земляные работы были затянуты и перенесены на зимний период»⁴⁹.

Из заслуживающих внимания диверсионных актов можно указать на следующее.

На дороге имени Л. М. Кагановича арестована к[онтр]-р[еволюционная] троцкистская организация, возглавлявшаяся заместителем начальника дороги Туроком, являвшимся одновременно активным японским разведчиком, возглавлявшим шпионско-диверсионную организацию японской разведки.

Арестованный Бурлаков, начальник вагонного участка станции Свердловск, на допросе 24-го октября с. г. показал об установках Турока на диверсии.

«...Конкретно Турок выдвигал следующие задачи, которые организация будет выполнять в момент войны:

1. Организовать массовые крушения воинских поездов, идущих на Дальний Восток с войсками и снаряжением, путём постановки заведомо больных вагонов в воинские составы, негодных колёсных пар, порчи пути, поломки рельс, пуска вагонов с выбоинами на бандажах, взрывов мелких железнодорожных мостов на Сибирской магистрали;

2. Вывести из строя паровозный и вагонный парк;

3. Организовать поджоги железнодорожных складов с продовольствием и воинским грузом. Организовать поджоги элеваторов;

4. Производить заражение воды и съестных припасов в пунктах питания воинских частей острозаразными бактериями (чумой, сибирской язвой, холерой)»⁵⁰.

Показания Бурлакова подтверждаются показаниями другого участника той же к[онтр]-р[еволюционной] организации арестованного Сычёва, мастера вагонного участка станции Пермь:

«На перегоне Сарга-Пастушный крушение поезда № 701 произошло по причине поломки шейки оси, в результате подкатки участником организации под вагон негодной колёсной пары»⁵¹.

Аналогичное показание дал арестованный участник той же троцкистской организации Козырев, вагонный мастер станции Егоршино:

«В целях совершения аварий и крушения я дал участнику к.-р. организации Лыскову установку: при ремонте вагонов умышленно подкатывать и пропускать неисправные колёсные пары.

Ввиду того, что подкатка неисправных колёсных пар неизбежно вызывает крушение поездов, я дал задание Лыскову – клейма об освидетельствовании колёсных пар не ставить и в книгу учёта неисправные колёсные пары не записывать, для того чтобы в случае крушения не было возможности установить виновников и тем самым избежать провала».

Арестованный старший конструктор Мурманского* завода Корнилов показал, что технический директор завода Груздевский предложил ему подготовить взрыв силовой станции завода и дал технические указания о способах совершения диверсионного акта.

«Наряду с подготовкой взрыва силовой станции с применением взрывчатых веществ Груздевский сделал попытку взорвать силовую станцию путём остановки насосов, подающих воду в силовую станцию».

Таковы факты вредительской и диверсионной деятельности троцкистов по транспорту.

ШПИОНСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРОЦКИСТОВ В ПОЛЬЗУ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Иностранные разведки, особенно немецкая, широко использовали троцкистов для шпионской работы.

* Так в тексте. Правильно: Муромского.

К[онтр]-р[еволюционная] троцкистская организация в химической промышленности, возглавлявшаяся быв[шим] нач[альником] Главхимпрома Ратайчаком, была особенно близко связана с немецкой разведкой.

По этому вопросу Ратайчак 28/XI дал следующие показания:

«В одну из бесед Логинов мне сообщил, что он по поручению организации ещё в 1931 г., находясь в заграничной командировке, установил связь с немецкой разведкой через сотрудников фирм «Отто» и «Бамаг». При этом он указал мне, что организация считает необходимым установление этой связи через меня, тем более, что такая же связь по заданию Пятакова уже установлена по другим отраслям промышленности.

Смысл этой связи был совершенно ясный: идя в борьбе с партией и советской властью на самые крайние меры вплоть до совершения диверсий на предприятиях химической промышленности, мы считали, что связь с германской разведкой тоже является одним из методов, ослабляющих обороноспособность страны, поэтому эту связь организация всемерно развивала и укрепляла»⁵².

Быв[ший] нач. азотного отдела Главхимпрома Пушкин по этому вопросу 26 октября с. г. показал:

«Связь с германской разведкой осуществлялась Ратайчаком и мною.

Во время моего основного разговора с Ратайчаком в начале 1934 года, т. е. тогда, когда Ратайчак поставил передо мной вопрос о моем участии в контрреволюционной организации в химической промышленности, он одновременно с этим предложил мне связаться с Ленцем, [сказав], что Ленц агент германской разведки, и что я должен буду выполнить ряд его заданий.

ВОПРОС: Какие сведения и материалы были переданы Вами Ленцу для германской разведки?

ОТВЕТ: Ленцу были переданы следующие материалы: 1) данные о выработке продукции на всех химических предприятиях Союза за 1934 год; 2) программа работ всех химических предприятий Союза на 1935 год; 3) план строительства азотных комбинатов, в котором были предусмотрены строительные работы, кончая 1938 годом. Все эти материалы передал Ленцу лично я в разные сроки, в первой половине 1935 года. Кроме того, мне известно от Ленца, что непосредственно от Ратайчака он получил данные о продукции за 1934 год и программу работ на 1935 год по военнo-химическим заводам. Помимо всего этого, Ленц систематически снабжался мною сведениями о простоях, авариях, о состоянии оборудования по азотным заводам».

И далее:

«ВОПРОС: Через кого осуществлялась связь контрреволюционной организации в химической промышленности с германской разведкой после того, как Ленц выехал за пределы Союза?

ОТВЕТ: Через Мейеровиц – представителя фирмы «Бамаг», которая, как известно, представляла интересы концерна «ИГ».

ВОПРОС: Кто был связан с Мейеровицем от организации?

ОТВЕТ: Ратайчак.

ВОПРОС: Откуда Вам известно об этом?

ОТВЕТ: Мне известно было, что Мейеровиц весной 1935 года добивался встречи с Ратайчаком в Главхимпроме, и встречу эту он имел. Как впоследствии я узнал, Мейеровиц на этом свидании установил связь с Ратайчаком по линии германской

разведки. Когда уехал из Союза Ленц, я поставил перед Ратайчаком вопрос, как же будет дальше? Ратайчак мне ответил, что с отъездом Ленца связь не потеряна, и что он её имеет через Мейеровица, с которым он связался ещё весной 1935 года»⁵³.

Связь с к[онтр]-р[еволюционной] организацией Мейеровица подтвердил также 15 ноября с. г. участник к[онтр]-р[еволюционной] организации Граше, быв[ший] нач[альник] иностранного отдела Главхимпрома, переброшенный в СССР со специальными шпионскими заданиями ещё в 1920 году.

«В середине 1932 года пришёл ко мне на работу в “Союзазот” Мейеровиц с предложением фирмы “Бамаг” на производство и поставку 20 электролизеров системы Зданский для Чирчика на сумму около 6–7 миллионов марок. При этом он настойчиво указывал несколько раз на то, что фирма весьма заинтересована в продвижении этого вопроса в соответствующих инстанциях и добавил, что могущие быть расходы он охотно покроеет. После двух посещений меня по тому же вопросу Мейеровиц предложил мне на расходы 300 марок, от которых я вначале отказался, но, в конце концов, сообщил ему адрес своих родных в Праге: Жижков, Подебразова ул., д. 19, куда можно эти деньги перевести.

ВОПРОС: Что, кроме передачи шпионских материалов, Вы делали по заданиям Мейеровица?

ОТВЕТ: По заданиям Мейеровица я в разное время провёл ряд перебросок немецких специалистов, работавших на химических предприятиях, с одних предприятий на другие, и устраивал на химических предприятиях прибывших в Советский Союз иноподданных. Это мною делалось в отношении инженера Кестера, доктора химии немки Стеши, Фанни Йоэльсон*, прибывшей весной 1933 года из Германии и работавшей переводчицей в Сталиногорске, немецкого инженера Типпель, монтера фирмы “Линде” Ленца и немецкого инженера Бампейстера»⁵⁴.

Шпионскую связь к[онтр]-р[еволюционной] организации с немецкой разведкой подтвердил также Ратайчак.

Как установлено процессом по делу к[онтр]-р[еволюционной] диверсионной организации в Кемерово, троцкистская организация в Кузбассугле была тесно связана и выполняла шпионские поручения агентов немецкой разведки.

Троцкистская организация на шахтах треста Шахтантрацит также была связана через троцкиста Лупашко с немецким разведчиком Бейтельспахером, работавшим в качестве главного инженера треста «Шахтантрацит».

О своей связи с Бейтельспахером управляющий Богураевским рудоуправлением Лупашко показал следующее:

«Бейтельспахер мне заявил, что он работает по заданиям «одной немецкой организации», от имени которой предлагает мне установить с ним контакт и в дальнейшей** подрывной деятельности. Бейтельспахер при этом сообщил, что это меня не должно смущать, так как лидеры троцкистов и лично Троцкий, как ему точно известно, такой контакт давно установили. Бейтельспахер выжидательно протянул мне руку, которую я пожал, этим закрепив своё с ним сотрудничество».

Арестованный Бейтельспахер об установлении связи с Лупашко показал:

* Ошибка. Ф. Иоэльсон не была иностранной подданной. См. именной коммент.: Иоэльсон Ф. Ф.

** Так в тексте. Далее вероятен пропуск слова или группы слов.

«Я довольно часто встречался с Лупашко и бывал у него на квартире. Эти встречи сопровождались и политическими разговорами между нами. Лупашко говорил мне, что в данное время существует мощная троцкистская организация, которая развернула большую работу, ставя центральной своей задачей устранение Сталина и его сторонников и расчищение дороги для прихода к власти троцкистов. Лупашко подчеркнул, что в этом отношении сделано уже многое и что страна стоит накануне больших событий. Я заметил на это, что борьба троцкистов с советской властью ослабляет Советский Союз перед капиталистическими странами, и что поэтому борьбу троцкистов будут охотно поддерживать те из иностранных государств, которые заинтересованы в ликвидации советского режима. Я спросил Лупашко, как он на это смотрит. Лупашко в возбуждённом тоне мне заявил, что для троцкистов безразлично, кто им поможет свалить сталинский режим. Всё, что этот режим подрывает, для троцкистов приемлемо».

Арестованный б[ывший] юрисконсульт парижского полпредства Членов по поручению Аркуса был связан с агентом французской разведки невозвращенцем Навашиным, которому передал ряд секретных сведений.

Членов 22 ноября показал:

«...Я дважды передал Навашину известные мне данные об экономическом и политическом положении СССР. Эти данные я черпал из материалов полпредства и торгпредства СССР в Париже, где я работал.

ВОПРОС: Скажите более конкретно, какие сведения вы сообщили Навашину?

ОТВЕТ: Я сообщил Навашину следующие сведения:

1. О нефтяной промышленности СССР.

В Париже я по совместительству работал в нефтесиндикате, мне был известен ряд секретных данных о положении нефтяной промышленности и о планах по добыче, переработке и экспорту нефтепродуктов.

2. Об экспортных и импортных планах.

Мне были известны общие цифры планов по торгпредству во Франции и перспективы экспорта по наиболее важным группам товаров.

3. О переговорах с Испанией.

От бывшего торгпреда во Франции Островского, с которым я был в очень близких отношениях, мне было известно содержание ведущихся переговоров с испанским правительством: о возобновлении дипломатических отношений, о торговом договоре и о договорах с испанской нефтяной монополией.

4. О кредитном соглашении с германскими банками.

Я участвовал в оформлении кредитного соглашения с дрезденским банком. Мне было известно основное содержание этого соглашения, которое являлось секретным»⁵⁵.

ПОПЫТКИ ВЫЗВАТЬ НЕДОВОЛЬСТВО РАБОЧИХ ПОЛИТИКОЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Целым рядом вредительских и подрывных мероприятий участники троцкистской организации пытались подорвать доверие рабочих масс к партии и её руководителям. Давая задания о проведении вредительской и диверсионной работы, они предлагали исполнителям таковых не считаться с фактами неминуемой гибели рабочих.

Наиболее яркие показания даёт арестованный начальник Кемеровского химкомбината Норкин.

«В последнюю мою встречу с Пятаковым в июле 1936 года, Пятаков дал мне задание подумать об организации поджога оборонных объектов химкомбината, когда это потребуется. Я ему сказал, что могут погибнуть рабочие, т. к. это дело связано со взрывчатыми и отравляющими веществами, и он мне ответил: “Нашёл кого жалеть. Это стадо баранов. У нас рабочий класс в Москве и Ленинграде вырождается, а в Кемерово его, тем более, нет. А потом ведь ругать то будут не нас с тобой, а Сталина”. Вообще, конечно, если говорить правду, то Пятаков всегда смотрел с пренебрежением на рабочий класс. Сам он в последнее время совершенно разложился, пьянствовал, вёл разгульный образ жизни. Поэтому такой цинизм с его стороны в отношении рабочего класса не был для меня неожиданным».

О том же показывает целый ряд других участников организации.

Управляющий Анжерскими рудниками Шестов показал о полученных им в этом направлении директивах у одного из руководителей Сибирской троцкистской организации Дробниса:

«Дробнис отметил особое внимание, уделяемое кемеровскими троцкистами разрушению вентиляционного хозяйства. Он пояснил, что готовятся взрывы, вывод из строя целых участков шахт. Особенно широко эта работа велась на шахте “Центральной”, где, по словам Дробниса, сидело наиболее крепкое ядро участников троцкистской организации, проводивших подрывную работу.

Я спросил Дробниса: “значит вы ведёте прямую диверсионную работу? А как же при взрывах будет неизбежна гибель рабочих?”

Дробнис после короткой заминки из-за обнажённо прямо поставленного мною вопроса мне ответил: “Странный вопрос, тебе ведь не безызвестна линия организации в борьбе со сталинским руководством, ты и сам рассказал мне, что в Кузбассе вы добились любыми средствами дискредитации партии и вызова озлобления масс против вождей партии.

Мы идём тем же путём и считаем, что ничего так хорошо нельзя использовать против партии, как гибель рабочих. Дело поставлено так, что весь гнев рабочих обрушится на партию. Такими актами достигается максимальный эффект. Не говоря о гибели при взрывах, ничто так не озлобляет рабочих, как систематические забоевания из-за плохой вентиляции, утары и отравления. Это нами используется для того, чтобы показать рабочим сталинскую заботу о человеке, о том, как это нам нужно”.

Дробнис добавил: “не следует забывать, что хотя взрывы и неприятная штука, но ими помимо всего причиняется огромный материальный ущерб, так что мы здесь фактически убиваем двух зайцев”».

(Из показаний Шестова от 31 октября 1936 г.)

За 1935 год участниками троцкистской организации в Кемерово, путём расстроя вентилиации шахты «Центральная», было отравлено 77 рабочих. За первый только квартал 1936 года было отравлено 93 человека. Дробнис показал о том, что взрывы с человеческими жертвами и отравлением рабочих были организованы по его указанию.

«...Я должен прямо заявить следствию, что я не только санкционировал эту подлую работу, но даже подбадривал Носкова, доказывая ему, что бороться за власть в белых перчатках – это не в нашем троцкистском духе. Я указал Носкову, что “рабочий класс не должен знать, что это дело наших рук, ну а если при нашей победе, когда-либо и узнают, то мы тогда сумеем по-своему разъяснить”»⁵⁶.

О том же показывает целый ряд других арестованных:

«Наша к[онтр]-р[еволюционная] организация, как троцкистско-фашистская, стремилась вызвать озлобление рабочих с целью подрыва их доверия к партии и советской власти. Озлобление рабочих мы стремились вызвать путём совершения нами диверсионных актов и гибели рабочих, которую мы умышленно готовили и осуществляли. Подрывать доверие рабочих к партии и советской власти нам не удалось, а организовать и осуществить гибель рабочих на шахте нам удалось...»

Развал труд[овой] дисциплины и, как следствие этого, дезорганизация производства, травля стахановцев, всё это входило в непосредственные задачи троцкистов.

Так, арестованный начальник белгородского района Южной железной дороги Дзедзиевский показал:

«Прежде всего, в целях конспирации подрывной работы я решил создать в узле условия, которые являлись бы своего рода “дымовой завесой”. Такой “дымовой завесой” являлся развал труддисциплины. Что бы ни случилось в результате нашей подрывной работы – крушение поезда, приём поезда на занятый путь, порча паровозов в пути, недоброкачественный их ремонт и т. д. – всё это можно было отнести за счёт развала трудовой дисциплины. Ввиду этого я не только не боролся за укрепление дисциплины, а всячески поощрял всё то, что разваливало её. Я поощрял взыточничество, очковитительство, пьянство, невыходы на работу и т. д., даже самые злостные нарушители трудовой дисциплины в большинстве случаев оставались безнаказанными.

Развал трудовой дисциплины достиг таких размеров, что крупнейшие крушения поездов с человеческими жертвами были не диковиной, из-за неправильного перевода стрелок пускали пассажирские поезда на товарные, товарные в хвост трудовым и т. д.

В противовес лозунгу партии «Кадры решают всё» мы организовали травлю ударников, при премировании ударников обходили и вызывали среди них недовольство. Помню, особенному гонению подвергали добросовестно работавшего помощника начальника эксплуатационного отделения Пуголовкина. Грубо отказывали в выдаче рабочим спецодежды, развалили через участника нашей группы Власова общественное питание, – и всё это делалось с целью вызывать недовольство рабочих на советскую власть. Зато всячески поощряли лодырей, аварийщиков и симулянтов. Им выдавались лучшие паровозы для разрушения, они материально лучше обеспечивались»⁵⁷.

Таковы конкретные факты контрреволюционной деятельности троцкистов, организованной запасным центром в лице Пятакова, Сокольников, Радека и Серебрякова.

Эти факты показывают, что троцкисты помимо широких планов террористической борьбы перешли к методам вредительства и поэтому ничем не отличаются от буржуазных деятелей этого рода. Между бывшими коммунистами Пятаковым, Сокольниковым, Радеком, Серебряковым и др., и буржуазными вредителями типа Пальчинских, Рамзиных и т. п. – мы можем поставить знак равенства с той лишь разницей, что последние по-своему честно служили своему классу капиталистов, тогда как первые чудовищно предали интересы рабочего класса, интересы нашей социалистической родины и перешли на службу фашизма.

Эти факты показывают, что троцкисты стали выполнять самые грязные, самые позорные поручения фашистов по организации в СССР диверсионной работы и шпионажу.

Поэтому с полным основанием мы можем поставить знак равенства между бывшими коммунистами Пятаковым, Сокольниковым, Радеком и др., и между перебрасываемыми иностранной разведкой немецкими, японскими, английскими и иными шпионами и диверсантами.

Разница между ними лишь в том, что последним организовать диверсионный акт или собрать шпионские сведения трудней, тогда как первым это делать легче, ибо они прикрывались партийным билетом и своим положением на работе в советских и хозяйственных учреждениях.

Эти факты показывают, что троцкисты в своей звериной злобе против социалистического строя и попытках вызвать недовольство рабочих шли на самые подлые и жестокие способы издевательства над рабочими, которые могут сравниться только разве со зверствами белогвардейских героев Гражданской войны типа Шкуро.

Все эти факты показывают, что троцкисты стали не только организующей силой остатков разгромленных классов, но и сами переродились в вернейших слуг капиталистической фашистской буржуазии, единственной питающей средой которой является капиталистическое окружение СССР.

III.

После всех этих фактов возникает вопрос, какие же политические мотивы лежали в основе борьбы троцкистов против основ советского государства.

Вам известно, что на августовском процессе и на следствии до этого лидеры троцкизма Зиновьев, Каменев, Смирнов и др. всячески старались скрыть свою подлинную политическую платформу. Они старательно замазывали всякий признак наличия какой-либо политической программы борьбы, пытаясь доказать, что основой основ всего этого является личная неприязнь к людям, возглавляющим нынешнее руководство партии и правительства.

Такая тактика троцкистов сама по себе совершенно очевидна.

При тех огромных успехах социализма всякая попытка выступить против социалистического строя, естественно, должна была вызвать самый решительный отпор в среде трудящихся нашей страны. Поэтому троцкистам надо было старательно прятать подлинные мотивы своей политической борьбы против советского строя и за спиной трудящихся торговаться с капиталистами западных стран о том, как бы спустить завоевания социализма на тормозах и вернуть СССР на путь капитализма.

В процессе дальнейшего следствия установлено, что Троцкий, Зиновьев, Каменев, Пятаков, Сокольников и другие лидеры троцкизма давно вели переговоры с представителями правительств буржуазных стран о поддержке будущего правительства троцкистов.

Оно и не могло быть иначе. При наличии той программы, которую наметил троцкистско-зиновьевский блок, они обязательно*

На вопрос следователя – каковы были программные установки блока, и были ли они зафиксированы в каком-либо документе, Сокольников ответил следующее:

«Программа блока не была точно сформулирована в каком-либо документе. В основу программы блока были положены установки правых, к которым к осени 1932 г. присоединились и троцкисты, и зиновьевцы. Записать эту программу, в

* Далее следует пропуск значительного фрагмента текста, вследствие отсутствия в документе 58-й страницы оригинала, видимо, утерянной до формирования данного архивного дела.

°° Вставлены кавычки. Синий карандаш.

обязательном для блока документе, центр не считал нужным, во-первых, по соображениям конспирации и, во-вторых, для того, чтобы иметь больше свободы маневрирования и сформулировать программу в окончательном виде после прихода блока к власти».

«...Специальных совещаний, посвящённых программным вопросам, насколько я знаю, не было. В этом не возникала необходимость, так как между членами центра по всем существенным вопросам, связанным с программой, обнаруживалось полное единодушие. Центр сосредотачивал своё внимание и усилие не на программных вопросах, а практических вопросах борьбы за власть.

ВОПРОС: Вы говорите, что в своей программе блок исходил из установок правых. Вы имеете в виду те программные установки правых, которые были изложены в так называемой Рютинской программе?

П-П ОТВЕТ: Да, установки блока были очень близки к основным пунктам Рютинской программы. Все группы, входившие в блок, т. е. и троцкисты, и зиновьевцы, и правые сходились на отрицании социалистического характера Октябрьской революции, на необходимости ликвидации политики индустриализации и коллективизации, на отрицании политики строительства бесклассового общества и на признании неизбежности капиталистической реставрации в СССР^п.

ВОПРОС: С кем вы лично обсуждали вопросы программы блока?

П-П ОТВЕТ: По этим вопросам я говорил в 1932 г. с Каменевым. Каменев высказывал то мнение, что позиции, занимавшиеся им, Каменевым и Рыковым против Ленина на Апрельской конференции в 1917 г., полностью оправдались в ходе революции. Изолированная революция в России, говорил Каменев, может успешно развиваться только как последовательная буржуазно-демократическая революция, а попытки превращения её в социалистическую, в конечном счёте, приведут только к поражению^р.

С-С «...Основной вывод был тот, что необходимо, путём ряда экономических и политических уступок, отступить на позиции капитализма^с. Этот вывод он обосновывал тем, что превращение России в подлинно социалистическую страну возможно только при условии государственной поддержки других стран с более высоким уровнем индустриального развития, в которых пролетариату удалось бы захватить власть. Ход событий, по мнению Каменева, показал, что такая поддержка не осуществилась и что на неё нельзя рассчитывать в близком будущем».

Т-Т «...В дальнейшем по отдельным программным вопросам мне приходилось говорить с Пятаковым, Радеком и Томским^т.

С Пятаковым при разговоре в конце 1935 г. в его кабинете в Наркомтяжпроме мы давали оценку политике индустриализации. Я спрашивал Пятакова: можно ли считать, что крупная промышленность ликвидирует свою убыточность и обеспечит себе прочное существование? Пятаков отвечал, что «крупная промышленность не сумела стать рентабельной и, как правило, поддерживается искусственными государственными субсидиями^у. Он указывал, что политика индустриализации приводит к чрезмерному напряжению сил страны, которое экономически и политически не может долго продолжаться».

^{п-п} Отчёркнуто по левому полю красным карандашом.

^{р-р} Отчёркнуто по левому полю красным карандашом.

^{с-с} Отчёркнуто по левому полю красным карандашом.

^{т-т} Отчёркнуто по левому полю красным карандашом.

^{у-у} Отчёркнуто по левому полю красным карандашом.

Ф «...Пятаков и я сходились на том, что надо идти на решительное сокращение капиталовложений в промышленность и всяких субсидий промышленности, сокращая нерентабельное новое строительство. Пятаков считал, что это сокращение государственного промышленного строительства может быть вполне компенсировано привлечением свободных иностранных капиталов в форме концессий»^Ф.

Х «...По вопросам коллективизации я осенью 1935 г. говорил с Томским у него в кабинете в Госиздате. Томский высказывался за отказ от политики коллективизации и за прекращение государственной поддержки совхозов и колхозов. Томский предусматривал, что это приведёт к свёртыванию совхозов и колхозов^Х, но он считал, что это не будет иметь для народного хозяйства отрицательных результатов, так как, таким образом, будут ликвидированы паразитические, нежизнеспособные виды хозяйства, которые не содействуют, а только мешают хозяйственному развитию».

Ц «...При встрече моей с ним летом 1935 г. у него в кабинете в редакции «Известий», Радек говорил, что исход мирового кризиса подтвердил положение о том, что СССР не может рассчитывать в близком будущем на поддержку победившей социалистической революции на Западе. По мнению Радека, предстоит длительный период нового капиталистического подъёма»^{58-Ц}.

Ч «...Из бесед с Радеком и Пятаковым я установил, что высказывавшиеся ими взгляды представляли собой выражение установок Троцкого. Радек мне сообщил, что в одной из последних директив^Ч Троцкий, говоря об окончании мирового кризиса и о предстоящем новом расцвете капитализма, приходит к выводу, что упадок мирового коммунистического движения делает ещё более неизбежной капиталистическую реставрацию в СССР. В ожидании следующей волны революции, указывал Троцкий, надо будет договориться с капиталистическим фермерством, которое неизбежно появится в СССР».

Ш «...Блок предполагал, что осуществление его программы надо будет производить не сразу, а постепенно, чтобы не вызвать сильного противодействия со стороны трудящихся масс. Проводя намеченные программой экономические и политические уступки, блок рассчитывал сохранить власть в своих руках и при капиталистической реставрации в СССР, опираясь на поддержку буржуазных слоев, в интересах которых сделаны эти уступки. Окончательную экономическую стабилизацию в СССР блок считал возможной только на основе реставрации капитализма. Центр блока считал необходимым договориться и о государственной⁵⁹ поддержке⁶⁰ со стороны западноевропейских буржуазных стран. Такие переговоры велись с Англией и Францией, о чём я уже показывал в предыдущих своих показаниях^Ш.

Исходя из этого, эти программные установки блока определяли и его тактику в борьбе за власть. Не рассчитывая, что рабочие и колхозные массы поддержат его борьбу, блок предполагал достичь власти путём применения террора против руководителей ВКП(б) и советского правительства^Ш. Исходя из этих же установок Троцкий, как мне передавал Пятаков, дал директиву о заключении для борьбы за власть соглашений с буржуазными контрреволюционными организациями в СССР»^Ш.

^{Ф-Ф} Отчёркнуто по левому полю красным карандашом.

^{Х-Х} Отчёркнуто по левому полю красным карандашом.

^{Ц-Ц} Отчёркнуто по левому полю красным карандашом.

^{Ч-Ч} Отчёркнуто по левому полю красным карандашом.

^{Ш-Ш} Отчёркнуто по левому полю красным карандашом.

^{Ш-Ш} Отчёркнуто по левому полю красным карандашом.

«...В результате многократных обсуждений, имевших место между членами центра, была достигнута полная договорённость в отношении программных установок и сложилась, хотя и незаписанная, но тем не менее, вполне определённая, программа капиталистической реставрации.

Эта программа была целиком одобрена Троцким и все члены центра сходились на признании того, что⁶¹ другой программы не может быть⁶², и что необходимо проводить в жизнь именно эту программу блока»⁶².

В прямом соответствии с этими программными установками реставрации капитализма в СССР, троцкисты считали возможным рассчитывать на помощь окружающих капиталистических стран.

Они в этом не ошиблись. Ясно, что СССР, где победил окончательно социализм, был и остаётся наиболее ненавистой страной для капиталистической фашистской буржуазии. Уничтожение СССР для них явилось бы фактором огромной победы для упрочения капиталистических отношений. Поэтому они с радостью прислушивались и поддерживали планы троцкистов по восстановлению капитализма в СССР.

О своих реставраторских замыслах руководители троцкистско-зиновьевского блока, а в последующем – запасного центра троцкистской организации, вели переговоры через наличные у них связи с правительственными кругами Англии и Франции.

Так, Сокольников, по прямому поручению вначале центра блока троцкистско-зиновьевской организации, а впоследствии по договоренности с Пятаковым, Радеком и Серебряковым, вёл через знакомого ему английского разведчика Тальбота переговоры с Болдуином о признании со стороны Англии будущего троцкистского правительства в СССР в случае, если бы троцкистам удалось прийти к власти.

По этому поводу Сокольников показал:

«...Во время встречи с Тальботом – английский журналист-разведчик⁶³ – в 1934 г., он просил сообщить ему, какой состав правительства намечается блоком. Я ответил, что блок не наметил ещё полный состав правительства, считая это преждевременным.

Однако относительно основной группы лиц, которая войдёт в правительство, имеется вполне единодушное мнение.

В эту основную группу включаются: Рыков, Каменев, Зиновьев, Бухарин, Пятаков и я – Сокольников».

«...Рыков будет выдвинут на пост председателя Совнаркома, Каменев – председателем Совета труда и обороны и, возможно, одновременно и народным комиссаром иностранных дел, Пятаков – народным комиссаром тяжелой промышленности, я – Сокольников – народным комиссаром финансов.

На вопрос Тальбота о том, кто намечается в качестве главы партийного руководства, я ответил ему, что по общему соглашению всех групп, входящих в блок, во главе партийного руководства будет находиться Троцкий. Я предупредил при этом Тальбота, что возможно, что сейчас же после переворота Троцкий не будет поставлен во главе партийного руководства, так как он политически скомпрометирован в глазах широких масс. Однако, как только положение блока укрепитя, Троцкий станет во главе партийного руководства».

«...Тальбот поставил передо мной вопрос о том, как отразится на англо-советских отношениях переход власти в СССР к правительству блока. Я ответил, что

⁶³ Отчёркнуто по левому полю красным карандашом.

внешняя политика правительства блока, несомненно, позволит устранить имеющиеся теперь между английским и советским правительствами трения, путём серьёзных уступок, идущих навстречу требованиям английских консервативных кругов, в области экономических и политических взаимоотношений.

Я заявил, что английской промышленности будут даны большие заказы, что, вместе с тем, правительство блока пойдёт на широкое предоставление концессий в СССР английскому капиталу. Я обратил внимание Тальбота, что положительное отношение Троцкого, Каменева и Рыкова к широкому развитию концессий в СССР – уже давно хорошо известно. Тальбот затем спросил у меня, могу ли я сообщить ему что-либо о перспективах признания дореволюционных долгов. Я ответил, что в этом вопросе правительство блока также будет готово пойти на значительные уступки и сделать приемлемые для английского правительства предложения.

Я указал также, что по вопросу о Коминтерне правительство блока готово будет дать все необходимые гарантии полного отказа от помощи Коминтерну. ...»⁶⁴

По поводу переговоров с французским правительством арестованный Членов показал:

«...Аркус вначале предполагал, что мне следует завязать соответствующие переговоры с представителями левых парламентских кругов, вроде де Монзи или Пьера Кота, которые в то время были членами французского правительства. Я ответил, что в настоящее время считаю это нецелесообразным, де Монзи, Пьер Кот и другие левые парламентские деятели переживают период развития и укрепления дружбы с правительством СССР, и вряд ли переговоры с ними в данное время могут привести к положительным результатам.

Я высказал мысль, что следовало бы попробовать завязать отношения с влиятельными промышленными кругами, вроде Комитета металлургической промышленности⁶⁵, имеющего во Франции не только экономическое, но и значительное политическое влияние. Для этого подходящим человеком мог бы быть некто Макс Гошиллер, состоящий в указанном комитете консультантом, главным образом, по русским делам, и редактором русского отдела информационного бюллетеня, издававшегося Комитетом металлургической промышленности».

«...После длительного обсуждения, через кого можно установить связь с Гошиллером, мы остановились на бывшем директоре нашего советского банка в Париже Навашине⁶⁶ (невозвращенце). Навашин, проживающий в Париже, является агентом французской разведки. Навашин близко связан с белоэмигрантскими кругами».

«В 1925 г. Навашин был послан на работу в Париж. Навашин был близок с Пятаковым, с которым впоследствии ещё больше сблизился в Париже в 1927–28 гг.»⁶⁷

С 1931 г. Навашин бросил работу в Парижском торгпредстве и стал невозвращенцем. С этого времени Навашин занимается в Париже частными консультациями и литературной работой по финансово-экономическим вопросам, в частности, по вопросам советской экономики. ...

...Дня через два-три Навашин позвонил ко мне по телефону, и мы встретились с ним в кафе на Елисейских полях. Навашин сказал, что Гошиллер охотно согла-

⁶⁴ В тексте протокола допроса далее вписано простым карандашом в круглых скобках: *Comite des forges – фр.*

⁶⁵ Сведения о причастности Навашина к французской разведке и белой эмиграции почти дословно перенесены Ежовым из «Примечаний следствия», напечатанных внизу одного из листов показаний Членова (Л. 74), в котором говорилось: «По материалам ГУГБ НКВД Навашин, проживающий в Париже, является агентом французской разведки. Навашин близко связан с белоэмигрантскими кругами».

шается на установление контакта с ним, Навашиным, и пытается* осторожно и постепенно создать соответствующие настроения у наиболее авторитетных заправил металлургического комитета, в частности, у председателя де Ванделя и у его заместителя Теодора Лорана. Однако, сообщил Навашин, Гошиллер требует в виде компенсации, чтобы его снабжали информацией об экономическом и политическом положении в СССР. Развивая эту мысль, Навашин дал мне понять, что, в частности, Гошиллер интересуется вопросом о состоянии обороноспособности СССР».

Одновременно Каменев, через свою жену Глебову, поддерживал связь с французским послом в СССР Альфаном. По этому поводу Членов показывает:

«В связи с тем, что объединённый центр троцкистско-зиновьевской организации подготавливал захват власти, Каменев пытался через Альфана выяснить отношение французского правительства к приходу к власти лидеров троцкистско-зиновьевского блока».

(Из показаний Членова от 21/XI-36 г.)*⁶⁵

Такова политическая платформа реставраторов капитализма из троцкистского лагеря.

Моя информация не была бы полной, если бы я не коснулся в своём докладе особой роли правых и, в частности, Рыкова, Бухарина и Томского в деятельности троцкистско-зиновьевского блока.

IV.

В материалах дела троцкистско-зиновьевского блока были прямые указания о том, что правые, в лице Томского, Рыкова и Бухарина знали о существовании блока и его контрреволюционной и террористической деятельности.

«В дополнение к тому, что я показал о правых, я должен показать ещё следующее: фактически мы были с ними в блоке до самого нашего ареста в 1934 г.

О создании объединённого троцкистско-зиновьевского центра и его террористических установках я говорил Томскому, а он обещал информировать «своих». Формальное вхождение правых в объединённый центр и они, и мы считали преждевременным. Мы считали, что пока Томский, Рыков, Бухарин состоят в ЦК – лучше, чтобы они поддерживали нас изнутри, когда наступит решающий момент. По сути же они были всей душою с нами и разделяли все наши решения».

*(Из показаний Зиновьева от 18 августа 1936 г.)*⁶⁶

Дальнейшими материалами следствия по запасному центру, а также допросами арестованных правых было установлено, что связи правых – Томского, Рыкова, Бухарина, с руководителями троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации продолжались до последнего времени. При этом Томский, а также Рыков и Бухарин не только знали о контрреволюционной террористической деятельности запасного центра, но, в известной степени, и помогали троцкистам в их подпольной контрреволюционной работе. Об этом показывают Сокольников и Сосновский:

«...Вскоре после этой встречи в 1934 г. в Госиздате с Томским, я встретился с Пятаковым. Встреча произошла снова в кабинете Пятакова в Наркомтяжпроме.

* В тексте протокола допроса: попытается.

** Так в тексте. Правильно: 2/IX.

Я передал ему мой разговор с Томским. Пятаков указал, что на блок с правыми троцкистская часть центра имеет прямое согласие от Л. Д. Троцкого. Троцкий обуславливает блок признанием со стороны правых преимущественного и ведущего положения в практической деятельности блока за троцкистами. Я не возражал против этого требования троцкистов и согласился передать его Томскому. Далее, Пятаков считал, что нужно Томского ввести в состав центра, на что я также дал согласие».

(Из показаний Сокольников от 30/VIII-[19]36 г.)⁶⁷

«...Возьмём платформу Рютина, сказал Бухарин, ведь она с первой до последней строки прямо, полным голосом, мотивирует необходимость насильственного устранения Сталина и доказывает, что мирное устранение Сталина невозможно. В рютинской платформе не произнесено только само слово террор. Но в этом и не было надобности, он вытекал сам собой.

Вот почему мы и встретились с вами в блоке на общей платформе, т. е. на основе признания террора. В дальнейшем я осведомился у Бухарина, все ли его единомышленники солидарны с ним по этому вопросу.

Бухарин ответил, что среди руководящих деятелей организации правых разногласий по этому вопросу нет. На мои вопросы он ответил, назвав активными участниками правой контрреволюционной организации Томского, Рыкова и Угланова. Они составляют, вместе с ним, Бухариным, руководящий центр правых».

(Из показаний Сосновского от 14-16/X-[19]36 г.)⁶⁸

Кроме этого, имеется ряд показаний Пятакова и ряда участников контрреволюционной организации правых (Куликов, Угланов и друг.) о существовании до последнего времени центра правых в лице Томского, Бухарина, Рыкова и Угланова по руководству нелегальной деятельностью всех правых организаций, и что этот центр также стоит на позиции террористической борьбы против руководителей ВКП(б) и располагает террористическими кадрами.

По этому вопросу допрошенный Пятаков показывает:

«Вторая встреча с Сокольниковым состоялась также в Наркомтяжпроме в декабре 1935 г.

В этой беседе Сокольников сообщил мне:

- 1) что он встретился с Томским,
- 2) что Томский согласился с нашими установками, в частности, с применением террора против руководства ВКП(б) и советского правительства, и
- 3) Томский согласился на установление с нами связи и организывает среди правых террористические группы...

Я поэтому предложил собраться всей четвёрке, о которой я указывал выше, плюс Томский, для того, чтобы подвести итоги того, чем мы располагаем, и наметить действительно реальный план на будущее.

Сокольников со мной согласился. Мы условились, что Сокольников попытается через связи Радека узнать соображения Л. Троцкого относительно дальнейшего плана наших действий.

Совещание четверки плюс Томский организовать не удалось. Но с Томским я виделся в начале 1936 г. на одном из заседаний ПБ. Томский сказал мне, что он встречался с Сокольниковым и находится в курсе наших дел. Он сказал также, что охотно примет участие в нашем совещании, но предварительно хочет посоветоваться с Рыковым и Бухариным».

(Из протокола допроса Пятакова Ю. Л. от 26–27 октября 1936 г.)

Допрошенный по этому же вопросу, арестованный Угланов, показал:

«Во главе существовавшей до последнего времени организации правых стоял всесоюзный центр. В состав центра входили: Бухарин Н. И., Рыков А. И., Томский М. П., Шмидт В. В. и я – Угланов.

ВОПРОС: К какому времени относится образование “центра”, и когда вы лично вошли в его состав?

ОТВЕТ: Центр организации правых в составе Бухарина, Рыкова, Томского, Шмидта и меня – Угланова сложился ещё в 1928 году в период открытой борьбы против партии, и в таком же составе продолжал действовать вплоть до последнего времени»⁶⁹.

«Членами центра организации правых являются Бухарин, Рыков, Томский, Шмидт В. и Угланов.

Центр организации образовался в 1928 г. и сохранился в этом же составе до последнего времени. В состав центра также входил и руководитель Ленинградской организации правых Угаров, умерший в 1932 г.

...Впоследствии я неоднократно, до 1930 г. бывал на нелегальных заседаниях центра, происходивших на квартирах Бухарина и Рыкова в Кремле.

Член центра организации правых Угланов одновременно являлся руководителем московского центра организации правых, который им – Углановым был создан в 1929 г.»

*(Из показаний Куликова от 10/9-36 г.)*⁷⁰

Куликов по этому вопросу далее показывает следующее:

«Путь к устранению руководства партии, – сказал Угланов, – один: это террор и, в первую очередь, против Сталина и Кагановича. Надо найти верных и решительных людей, которые способны были бы убить Сталина и Кагановича»⁷¹.

«Таким образом, вскоре после этого под моим руководством было создано две боевые террористические группы: одна в лице меня – Яковлева, Куликова и Матвеева, и вторая – в лице Афанасьева и Запольского. Первая группа должна была подготовить и совершить террористический акт над Сталиным, и вторая – над Кагановичем. Руководил группой я, в моё отсутствие Куликов».

*(Из показаний Яковлева от 11 ноября 1936 г.)*⁷²

РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–73. Машинописный экземпляр с рукописной правкой.

¹ Появившееся на второй день после убийства С. М. Кирова официальное сообщение о его гибели «от рук убийцы, подосланного врагами рабочего класса» (Правда. 1934. 2 декабря), задавало чёткие политические ориентиры для начавшегося следствия. «Политический», на первых порах «иностранный» (германский, затем латышский) след стал определяющим в работе следственных органов, вплоть до поступившего из Москвы указания искать в убийстве Кирова след «внутри-политический» – «зиновьевский». В литературе, едва ли не как общее, сложилось мнение о том, что Сталин уже приехал в Ленинград с «готовой, продуманной идеей», что убийство – дело рук зиновьевцев. И как-то в стороне остаётся факт, что уже 2 декабря ему были доложены материалы оперативного дела «Свояки», изучение которых и могло подвигнуть его в направлении поиска «зиновьевского» следа.

В 1960-е, затем в 1990-е гг. работали две комиссии Прокуратуры СССР и Следственного управления КГБ СССР. Опуская некоторые нюансы, связанные с этой работой, они пришли к выводу, от

- которого в середине 1930-х гг. «открещивался» на декабрьском пленуме Н. И. Ежов. Было признано официально, что данное убийство «является случайным изолированным актом взбесившегося зинovieвца».
- ² Речь идёт о том месте текста выступления И. В. Сталина 7 января 1933 г. на Объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), где говорилось о революционной бдительности в отношении «бывших людей»: «Надо иметь в виду, что рост мощи Советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. ... На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных элементов из троцкистов и правых уклонистов. Это, конечно, не страшно. Но всё это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых потерь» (см.: Сталин И. В. Сочинения. М., 1951. Т. 13. С. 211–212).
 - ³ См. примеч. 9 к док. № 1.
 - ⁴ Из протокола допроса Г. Я. Сокольникова от 25–26 августа 1936 г. В сопроводительной записке от 26 августа 1936 г. к направленному И. В. Сталину протоколу Ягода писал: «Особое значение имеет признание Сокольникова в том, что центр троцкистско-зинovieвского блока наметил себе на случай провала и ареста замену в лице Сокольникова, Радека, Серебрякова, которые должны были продолжать контрреволюционную деятельность троцкистско-зинovieвского блока. Этим признанием Сокольников подтвердил показания Каменева и Рейнгольда о преемственном центре троцкистско-зинovieвской организации» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 173. Л. 278).
 - ⁵ Из протокола допроса Ю. Л. Пятакова от 26–27 октября 1936 г.
 - ⁶ Киллерог Михаил Маркович (1900–1937), в 1918–1919 гг. член партии украинских социалистов-революционеров, затем – левых эсеров (боротьбистов), с 1920 г. – член компартии Украины. После окончания ИКП на партийно-пропагандистской работе на Украине. В 1933–1937 гг. кандидат в члены, член ЦК К(б)У. На момент ареста (5 сентября 1936) начальник Управления домов культуры и колхозных клубов Наркомата просвещения РСФСР. 9 марта 1937 г. приговорён к ВМН, расстрелян.
 - ⁷ Лейбман Яков Давидович (1901–1937), член Компартии Украины. После окончания ИКП (г. Москва) работал в секретариате ЦК КП(б)У. На момент ареста (15 сентября 1936) помощник секретаря ЦК КП(б)У П. П. Постышева. 15 сентября 1936 г. арестован, 9 марта 1937 г. приговорён к ВМН, расстрелян.
 - ⁸ Ашрафян Зармайр Андреевич (1898–1937), член ВКП(б) с 1918 г. После окончания в 1932 г. ИКП (г. Москва) 3-й секретарь ЦК КП(б) Армении; в январе 1934 г. освобождён от должности IX съездом республиканской компартии. С весны 1934 г. работал на Украине – директор украинского ИКП, заведующий отделом партийной пропаганды и агитации ЦК КП(б)У. «Установлен» как один из руководителей «право-левацкой нелегальной организации» в республике. 14 ноября 1936 г. арестован, 16 марта 1937 г. расстрелян.
 - ⁹ См. именной комментарий.: Гордон Н. И.
 - ¹⁰ Мдивани Буду (Поликарп) Гургенович (1877–1937), член партии с 1903 г., участник революции и Гражданской войны в Закавказье. С 1901 г. студент юридического ф-та Московского ун-та (не окончил ввиду ареста). В 1923–1928 гг. один из лидеров левой оппозиции в Грузии; исключён из партии, в 1931 г. восстановлен. В 1931–1936 гг. председатель ВСНХ, нарком лёгкой промышленности, на момент ареста (июль 1936) 1-й зам. председателя Совета народных комиссаров Грузинской ССР. 9 июля 1937 г. по постановлению Специальной сессии ВС ГССР приговорён к ВМН; расстрелян.
 - ¹¹ Окуджава Михаил Степанович (1887–1937), член партии с 1903 г. После революции 1917 г. на партийной и советской работе. В нач. 1920-х гг. «национальный уклонист», с 1923 г. примыкал к левой оппозиции, в 1936 – 1928 гг. председатель троцкистского центра Грузии. На момент ареста директор НИИ консервной промышленности. 9 июля 1937 г. по постановлению Специальной сессии ВС ГССР приговорён к ВМН; расстрелян.
 - ¹² Торошелидзе Малакия Георгиевич (1880–1938), грузинский писатель, государственный деятель. Окончил юридический ф-т Женевского ун-та, член партии с дореволюционным стажем. В 1927 г. заявил о прекращении активной работы в троцкистском центре Грузии. На момент ареста (9 сентября 1936) народный комиссар просвещения Грузинской ССР. 9 июля 1937 г. по постановлению Специальной сессии ВС ГССР приговорён к ВМН; расстрелян.
 - ¹³ 25 апреля 1934 г. СНК СССР принял утверждённый Политбюро ЦК проект постановления о переводе Академии наук СССР из Ленинграда в Москву. В августе – октябре того же года состоялся переезд в столицу Президиума АН СССР и 14 академических институтов физико-математического, технического, химического, биологического, геолого-географического профиля. Академические учреждения гуманитарного профиля, наиболее «уязвимые», с точки зрения зарождения в них новых троцкистских и иных оппозиционных «гнёзд», оставались в Ленинграде.

- ¹⁴ Юлин Александр Иванович (1890–1937), в 1906–1917 гг. член партии социалистов-революционеров. Окончил Петербургский технологический институт. Участник Первой мировой войны, капитан. С 1919 г. член РКП(б)/ВКП(б) («скрытый троцкист»). С кон. 1920-х гг. на ответственной хозяйственной работе в Донбассе и на Урале (начальник управления Средуралмедстроя). На момент ареста (14 сентября 1936) управляющий конторой Электрочиммет. 24 марта 1937 г. выездной сессией ВКВС (г. Свердловск) приговорён к ВМН, расстрелян.
- ¹⁵ Горохов Василий Лаврентьевич (1884–1937), член партии с 1905 г. (в 1935 г. исключён «за активнотроцкистскую деятельность»). Окончил два класса железнодорожного училища, был слушателем Московского городского народного ун-та А. Л. Шанявского. В 1914 г. гласный думы г. Екатеринбург от РСДРП. С 1922 г. работал в органах прокурорского надзора. После исключения из партии (кон. 1935) начальник ремонтно-строительной конторы горжилуправления (г. Свердловск), на момент ареста (23 февраля 1936) безработный. 28 августа 1936 г. приговорён к 5 годам лишения свободы. В сентябре того же года вновь привлечён к следствию (протокол допроса от 18 сентября), дальнейшая судьба неизвестна.
- ¹⁶ О двух «конкретных попытках» осуществления террористических актов над высокопоставленными членами руководства страны уже говорилось выше (см. примеч. 145 к док. № 1).
- ¹⁷ Речь идёт ещё о двух из бесконечной череды «неудачно оканчивавшихся» попыток убийства членов «сталинского» руководства. В августе 1934 г. в механическом цехе Уралмашзавода «по пятам» Орджоникидзе ходил участник террористической организации «некий Никулин», но выстрела из револьвера не последовало «ввиду того, что была усиленная охрана». В тот же день нарком тяжёлой промышленности «повезло» ещё раз. «Ввиду бдительности охраны» тот же Никулин не смог выстрелить в него во время выступления перед рабочими в заводском клубе.
- ¹⁸ Уралавгонстрой – один из первых проектов крупного машиностроительного предприятия с поточным производством, выполненный советскими инженерами без участия иностранных специалистов. В марте 1936 г. присвоено название Уральский вагоностроительный завод им. Ф. Э. Дзержинского.
- ¹⁹ Из показаний арестованного Горохова от 18.9.1936 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 247. Л. 37) К инциденту со служебным вагоном Г. К. Орджоникидзе следствие вернулось 22 октября 1936 г. в ходе допроса Н. Г. Ольховского (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 252. Л. 21–24).
- ²⁰ См. примеч. 31, 32 к док. № 1.
- ²¹ Иллюстрацией к этим массовым поискам удобного случая для совершения террористических актов может служить поведение правых террористических групп под общим руководством В. А. Яковлева и жёстким присмотром А. И. Рыкова. Протокол допроса арестованного террориста от 11 ноября 1936 г. зафиксировал его диалог со следователем:
«...ВОПРОС: Какие планы совершения террористических актов имели ваши группы?
ОТВЕТ: Точно разработанных планов совершения террористических актов наши группы не имели, но все мы сходились на одном, что надо во что бы то ни стало проникнуть в Кремль и там совершить террористические акты. ...Все участники были воодушевлены одним желанием во что бы то ни стало убить Сталина и Кагановича, т. к. этого требовали интересы нашей организации правых и её руководство Бухарин, Рыков, Томский и Угланов. ...» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 256. Л. 46).
- ²² Такие показания Л. С. Сосновский дал на допросе, длившемся три дня (14–15–16 ноября 1936). Все показания оформлены одним протоколом (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 258. Л. 38).
- ²³ Призыв Ю. Л. Пятакова подрывать мощь и срывать укрепление Советского Союза после получения им высшей награды СССР – ордена Ленина «за умелое и энергичное руководство и организацию химической промышленности», выглядел бы нелепо, если относиться с полным доверием к содержанию показаний, находящихся в распоряжении «следственных» органов.
- ²⁴ Признательные показания М. А. Жарикова получены в ходе допроса 26 ноября 1936 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 261. Л. 7–9). Цитируемый материал напечатан на отдельном листе (Л. 24) и включён в уже подготовленный конспект доклада. Место его в документе указано на Л. 25 стрелкой, сделанной простым карандашом.
- ²⁵ Именно в конце 4-го квартала 1933 г., несмотря на столь очевидную вину за «недофинансирование» программы строительства заводов «военной химии», Пятаков был награждён орденом Ленина.
- ²⁶ Показания получены от С. А. Ратайчака 16 октября 1936 г. после двухдневной очной ставки (15–16.10.1936 г.) с В. Ф. Логиновым (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 244. Л. 182–183).
- ²⁷ Постановлением СНК СССР от 17 июня 1934 г. пуск Лисичанского азотнотукового комбината планировался в 1936 г.
- ²⁸ Фрагмент документа со слов: «О том, что диверсионной деятельностью...» и включающий следующие за ними показания Ратайчака, представляет собой авторскую вставку, напечатанную на отдельном листе и внесённую в текст, очевидно, уже подготовленного конспекта доклада. Место

- вставки в документе соответствует первоначальной нумерации её листа (32а), внутри Л. 33 определено по содержанию.
- 29 Из протокола допроса С. Я. Шаева от 14 ноября 1936 г. При переносе текста показаний в конспект сделана небольшая правка, не меняющая сути сказанного (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 257. Л. 25–27).
- 30 Один из 15 тяжелораненых (обгоревших) шахтёров скончался, т. е. общее число безвозвратных потерь составило 10 человек.
- 31 Из показаний Я. Н. Дробниса от 30 октября 1936 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 254. Л. 75).
- 32 Там же. (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 254. Л. 76).
- 33 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 254. Л. 39.
- 34 Штрек – горизонтальная горная выработка, не имеющая непосредственно выхода на поверхность земли.
- 35 Целик (шахт.) – массив породы (часть залежи или угольного пласта), который при разработке месторождения оставляется нетронутым для обеспечения устойчивости горных выработок. Использование целиков – один из способов управления горным давлением.
- 36 Пробить бурку (шахт.) – пробурить отверстие в породе.
- 37 Чоп (шахт.), то же, что клин – деревянный обрубок, используемый в качестве затычки.
- 38 Речь идёт о закладке выработанного пространства кусками пустой породы (бутом – отсюда «забут»), чтобы поддерживать от обрушения «кровлю» (пласт породы, расположенный выше извлеченного пласта угля).
- 39 Костёр (шахт.) – то же костровая крепь, конструкция в виде сруба, выкладываемая из деревянных (после 1946 г. в основном металлических) стоек для поддержания «кровли» (пласта породы, расположенного выше пласта угля). Использование костровой крепи, один из способов управления горным давлением.
- 40 В данном случае «под рамку» – установка простейшей конструкции деревянной крепи горных выработок, состоящей из двух стоек, верхняка и затяжек (крепёжная рама).
- 41 Гезенок – горная выработка, выбивавшаяся на земную поверхность и предназначавшаяся для вентиляции и доставки материалов. После отработки вентиляционный гезенок ликвидировался, как правило, установкой деревянной перемишки.
- 42 Из протокола допроса И. А. Князева от 27 ноября 1936 г. Показания напечатаны на отдельном листе и внесены в текст, очевидно, уже подготовленного конспекта доклада. Место вставки в документе соответствует первоначальной нумерации листа (40а), на причастность к этому действию Н. И. Ежова указывает правка синим карандашом неправильно напечатанной фамилии Князева.
- 43 Из протокола допроса Н. С. Сычёва от 11 ноября 1936 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 257. Л. 57).
- 44 Из протокола допроса В. Ф. Степанова от 25 сентября 1936 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 243. Л. 34, 35).
- 45 Из протокола допроса П. Г. Орлова от 22 сентября 1936 г. При переносе текста показаний в конспект сделана небольшая правка, не меняющая сути сказанного (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 243. Л. 53–54, 56).
- 46 Указанную в документе должность (правильно: начальника Белгородского эксплуатационного района) А. В. Дзедзиевский занимал в 1930–1933 г. Арестован он был после повышения, в должности начальника вагонной службы Восточно-Сибирской железной дороги. Обращение к его прежней должности, конечно же, не было случайным. Именно в начале 1930-х гг. в должности начальника Южной железной дороги, куда входил и Белгородский эксплуатационный район, находился Я. А. Лившиц, назначенный в 1935 г. зам. наркома путей сообщения, но «разоблачённый» и арестованный 16 ноября 1936 г. как один из руководителей Украинского троцкистского центра, японский шпион и пр. Не может не обратить на себя внимание и дата допроса Дзедзиевского, проходившего накануне ареста Лившица.
- 47 Из протокола допроса А. В. Дзедзиевского от 15 ноября 1936 г. При переносе текста показаний в конспект сделана небольшая правка, не меняющая сути сказанного (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 258. Л. 127–128).
- 48 Из протокола допроса Д. Т. Шермергорна от 16 ноября 1936 г. При переносе текста показаний в конспект сделана небольшая правка, не меняющая сути сказанного (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 257. Л. 78–79).
- 49 Из протокола допроса Б. М. Оберталлера от 9 октября 1936 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 248. Л. 24–25, 27).
- 50 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 252. Л. 75–76.
- 51 Там же. Д. 257. Л. 54.

- ⁵² Показания С. А. Ратайчака напечатаны на отдельном листе и внесены в текст, очевидно, уже подготовленного конспекта доклада. Место вставки в документ определено номером листа (Л. 47а), проставленного синим карандашом, предположительно рукой Ежова.
- ⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 250. Л. 3, 7–8, 11.
- ⁵⁴ Из протокола допроса И. И. Граше от 15 ноября 1936 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 256. Л. 9–10, 14–15).
- ⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 258. Л. 80.
- ⁵⁶ Из протокола допроса Я. Н. Дробниса от 30 октября 1936 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 254. Л. 81).
- ⁵⁷ Из протокола допроса А. В. Дзедзиевского от 15 ноября 1936 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 258. Л. 124).
- ⁵⁸ В тексте показаний Сокольниковой эта фраза имеет продолжение: и общего упадка коммунистического движения.
- ⁵⁹ В тексте показаний: экономической.
- ⁶⁰ Далее в тексте показаний: в дальнейшем.
- ⁶¹ Далее в тексте показаний: в нынешних условиях.
- ⁶² Шрифт листов 62–67 отличен от печати «коренных» листов конспекта, что указывает на включение их в уже подготовленный документ. На это же указывает и дата состоявшегося допроса (30 ноября 1936), оформленные показания которого (с частичным изъятием вопросов следователей) составляют содержание значительного фрагмента настоящего документа.
- ⁶³ Род занятий С. Тальбота в показаниях Г. Я. Сокольниковой от 20 октября 1936 г. не указывался.
- ⁶⁴ Из протокола допроса Г. Я. Сокольниковой от 20 октября 1936 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 246. Л. 153–156). По заявлению Сокольниковой указанная встреча состоялась в конце лета 1934 г.
- ⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 238. Л. 12.
- ⁶⁶ Данные показания получены следствием не в ходе допроса, а из собственноручно написанного уже после официально окончанных следственных действий заявления Г. Е. Зиновьева на имя комиссара госбезопасности 3-го ранга Лышкова (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 234. Л. 44).
- ⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 274. Л. 16.
- ⁶⁸ Сосновский давал показания в ходе допросов, проходивших подряд три дня (14, 15 и 16) ноября 1936 г. (в тексте неверно указан октябрь как месяц проведения следственных действий; в означенные дни октября подследственный находился ещё на свободе, арестован 23 октября). Направляя Сталину объединённые в единый документ показания Сосновского (36 страниц машинописного текста), и, очевидно, имея в виду особый интерес вождя к позиции бывших правых, Ежов счёл необходимым дополнить стандартный текст сопроводительной записки фразой: «Протокол первичный, представляет собой стенографическую запись его показаний» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 258. Л. 49–50).
- ⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 275. Л. 219.
- ⁷⁰ Там же. Д. 274. Л. 195–196.
- ⁷¹ Там же. Д. 275. Л. 107.
- ⁷² Видимо, при переносе текста показаний В. А. Яковлева в конспект внесена правка, несколько меняющая их содержание. Правильно: Руководство группами возглавлял я, а в моё отсутствие Куликов (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 256. Л. 46).

Документ № 5

Выступление С. В. Косиора на первом заседании Пленума ЦК ВКП(б) 4 декабря 1936 г. (другая редакция)

КОСИОР. Товарищи, у нас сейчас очень большой опыт с разоблачением троцкистов. За это время мы разоблачили, к сожалению** поздно, сотни самых отчаяннейших, самых злобных людей, части из которых мы очень много верили. Мы верили в то, что эти люди исправились и встали на партийную точку зрения. Каждый процесс разобла-

* Далее вписано над строкой: несколько.

* Здесь и далее авторская правка текста сделана простым карандашом; авторская правка реплик не приводится (см. первую редакцию документа).

чения наш^б как раз начинается с этого самого места, с которого мы начали и сегодня в отношении Бухарина и Рыкова, т. е. разоблачаемый^в клянётся и уверяет, что его оклеветали, что это неверно, ничего подобного не было, а кончалось дело тем, о чём говорил сегодня тов. Сталин: не только разоблачали его десятками показаний других, но и "он сам"^г признавался. Когда самые близкие политические друзья и приятели, с которыми тот или иной двурушник был связан не только политически, но и личной дружбой, разоблачали его настолько, что дальше идти было некуда, и тогда^а приходилось ставить перед ним вопрос: что же, неужели ваши друзья на вас клеветают, — то уличаемый отвечал: нет, личных счётов у меня с ним не было, клеветать на меня он не может, но всё-таки то, что он говорит, это неправильно. Мы проверяли, передопрашивали, а, в конце концов, следовало собственное признание этого, как будто «ни в чём неповинного» двурушника.

Вот сегодня выступали Бухарин и Рыков, ну та же самая знакомая картина, которая повторялась чрезвычайно часто.

Бухарин говорит: «либо меня считайте стопроцентным подлецом, либо меня оправдайте». Это постановка вопроса для того, чтобы нас запутать. Мы имеем все основания не доверять Бухарину. Смотрите, что показывают его политические друзья, с которыми он был связан. Я не знаю, на какой процент, но в какой-то доле эти показания бывших друзей Бухарина и Рыкова правильны и на чём-то основаны.

Тов. Бухарин говорит, что Угланов, с которым он был связан многие годы, с которым у него была большая политическая и личная дружба^е, о котором^ж Бухарин не раз говорил, что это самые^з лучшие^и люди^к, а вот сейчас^л эти честные люди говорят, что вы — Бухарин, знали о контрреволюционной и террористической деятельности троцкистов, что вы сами соглашались с этим^м, давали соответствующие указания, что вы с ними были заодно [—] "на него" клеветает^о. Сейчас вы отрицаете то, что говорит Куликов, Яковлев, Сокольников. Вы сейчас их ругаете, а ведь это те же самые ваши лучшие люди. Почему они могут на вас клеветать — этого понять нельзя. Почему они вдруг сейчас стали для вас врагами — непонятно. До настоящего времени не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь, сколько-нибудь серьёзно оклеветали. Если эти люди — ваши бывшие друзья — на вас говорят, значит, это правда. Не может быть, чтобы их показания о вашей двурушнической деятельности не были основаны на каких-то фактах. Все эти факты, о которых сообщают ваши бывшие друзья, вас разоблачают совершеннейшим образом.

Здесь Бухарин повторял один и тот же очень нехороший аргумент три раза. Он говорил, что надо было дать ему возможность устроить очную ставку с Камeneвым^п и^р

^б Зачёркнуто.

^в Исправлено фиолетовыми чернилами при сверке текста после машинотиса, было: разоблачённый.

^г Корректурный знак перестановки соседних слов.

^а Зачёркнуто.

^е Далее вписано над строкой: Угланов, Котов,

^ж Исправлено: ых из ом.

^з Исправлено: й из е, затем восстановлено.

^и Исправлено: й из е, затем восстановлено.

^к Зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: человек; затем восстановлено: люди.

^л Далее после запятой вписано над строкой: когда.

^м Исправлено на: этой деятельностью; затем восстановлено: этим.

^н Зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого: вы говорите, что они на вас.

^о Исправлено: ут из ет.

^п Далее: запятая

^р Зачёркнуто.

Зиновьевым, а их расстреляли, не дождался его – Бухарина, приезда. Он это повторял несколько раз. Выходит, что Бухарин жалуется, что ему нарочито не дали очной ставки с Каменевым^с и^т Зиновьевым для того, чтобы он, Бухарин, не мог оправдаться. Выходит, что Центральный Комитет поспешил расправиться с этими мерзавцами для того, чтобы можно было легче обвинить Бухарина. Надо понимать, тов. Бухарин, что вы говорите.

Возьмите утверждение Бухарина, что ему не дали прочитать рютинскую платформу. Опять-таки, сколько бы вы ни доказывали, что вы не читали рютинской платформы, – вам никто не поверит.

БУХАРИН. Я её не читал.

КОСИОР. Это только одни разговоры. Когда стоял этот вопрос в ЦК, тогда для нас, ^у для^т всех было ясно, было доказано, что рютинская платформа была вам всем троим известна.

БУХАРИН. Меня тогда, тов. Косиор, в Москве не было.

КОСИОР. Этим ещё ровно ничего не доказано. Вы хотите сегодня, после всего, что было, чтобы мы поверили, что Бухарин честный, преданный работник, что он ничего не знает.

БУХАРИН. Да я в Москве не был тогда, тов. Косиор.

КОСИОР. Я не знаю, где вы тогда были.

БУХАРИН. Я был тогда в Азии.

КОСИОР. Это не имеет никакого значения. Это только лишний раз доказывает, что надо произвести тщательное расследование. Мы должны учесть всё то, о чём здесь говорил Николай Иванович Ежов. Я думаю, что мы обязаны, – фактов больше^ф чем достаточно, чтобы^г исключить Бухарина и Рыкова из ЦК и из партии, а дальше дело будем расследовать.

БУХАРИН. Что вы.

КОСИОР. Вы думаете, что мы просто верим всякому слову показаний и не проверяем. Если бы так легко верили, то вас нужно было бы уже давно посадить на скамью подсудимых. Ведь против вас мы^г имеем^г десятки показаний и фактов.

Теперь ЦК можно обвинить только в том, что мы слишком долго с вами церемонились. Показания Котова и Яковлева очевидно правдивы. Другое дело, мы должны разобрать полностью ли всё это было, что говорится в показаниях. Но, так или иначе, факт остаётся фактом, что разговоры с Рыковым о терроре были.

Как мог получиться блок от Троцкого до Бухарина, Рыкова, Томского? Как правые дошли до жизни такой? Мне кажется, что вообще политически это дело представляется так: разве мы не имеем перед собой явления, что все, без исключения, бывшие оппозиционные группы объединились вокруг Троцкого и решили произвести последнюю попытку свергнуть сталинское руководство, не останавливаясь ни перед чем. Они, как мы видим, просчитались, они не думали, что сорвутся на этом деле. Сейчас имеются десятки людей ваших^ш сторонников, ваших^ш друзей, которые участвовали в

^с Далее поставлена запятая.

^т Зачёркнуто.

^у Вписано фиолетовыми чернилами при сверке текста после машинописи.

^ф Исправлено фиолетовыми чернилами при сверке текста после машинописи, было: более.

^г Зачёркнуто.

^г Зачёркнуто.

^г Исправлено: ются из ем.

^ш Исправлено: ются из ем.

^ш Далее вписано над строкой: политических.

этой контрреволюционной троцкистской организации. Сейчас разницы между троцкистами, зиновьевцами и правыми никакой нет. Одна платформа – от фашизма до правых. И если бы не было на Бухарина и Рыкова даже никаких показаний, то и тогда мы должны были бы проверить их политическую честность, если бы даже не было конкретных показаний.

Николай Иванович Бухарин изображает дело так, что в 1929 году, после борьбы с партией он сразу порвал всякие сношения со всеми людьми, прекратил всякие встречи, перестал разговаривать с ними. Это что-то не то, потому что настоящий коммунист постарался бы оказать своё влияние на этих³ людей, которых он когда-то сбил с толку, постарался бы исправить этих людей, а если эти люди неисправимы, должен был бы сказать ЦК: товарищи, имейте в виду, что такие-то люди народ безнадёжный, что мои попытки исправить их ни к чему не привели⁴. Они враги. Мы ни разу такой постановки от Бухарина не слышали, а все речи Бухарина и Рыкова сводятся к тому, что они ничего не знают.

Вот почему здесь, сегодня мы должны поставить вопрос о Бухарине и Рыкове решительно и остро, не обращая внимания ни на слёзы, ни на жалобы. Мы должны вопрос о Бухарине и Рыкове со всех точек зрения обсудить и принять решение, которое предлагал здесь тов. Эйхе – об исключении их из ЦК и из партии.

Сами вы, гг. Бухарин и Рыков, виноваты от начала до конца, и не только в 1929 году, но и на протяжении всего периода вплоть до сегодняшнего дня. Теперь за всё это вы должны ответить.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 574. Л. 62–66. Машинопись (1-й экз.) с рукописной правкой.

Документ № 6

Выступление Л. М. Кагановича на первом заседании Пленума ЦК ВКП(б) 4 декабря 1936 г. (другая редакция)

КАГАНОВИЧ*. Товарищи, речи и Рыкова и Бухарина скорее похожи на последние слова подсудимых на суде, чем на речи на пленуме Центрального Комитета партии. Надо же понимать, что здесь на чувства жалости действовать нельзя.

ГОЛОСА. Правильно.

КАГАНОВИЧ. Здесь собрался штаб руководства нашей партии и нашей страны. Нужно давать политические доводы, если вы хотите, чтобы вас оправдали. Я думаю, что никаких политических доводов в речах Бухарина и Рыкова здесь не было, кроме стремления вызвать жалость к себе.

Бухарин и Рыков, прежде всего, изобразили дело так, что постановка вопроса на пленуме ЦК и обсуждение этого вопроса на них свалились как снег на голову, как будто неожиданно на них свалилось обсуждение этого вопроса на пленуме ЦК. Так ли обстоит дело. Необходимо вспомнить, что на суде троцкистско-зиновьевской террористической организации, на суде, который вынес смертный приговор обвиняемым контрреволюционным подлецам и изменникам родины, Прокурор Советского Союза,

³ Зачёркнуто.

⁴ Точка исправлена на тире; далее: о из О.

* Авторская правка текста отсутствует; правка реплик авторами не приводится (см. первую редакцию документа). Фиолетовыми чернилами внесена правка, сделанная при сверке текста после машинописи.

на основании показаний обвиняемых: Зиновьева, Каменева, Рейнгольда и других сделал заявление, что он назначает следствие о поведении Рыкова, Бухарина и других.

Это следствие потом Прокуратура повела по всем юридическим основаниям. Были арестованы Пятаков, Серебряков, Радек и другие. В отношении к Рыкову и Бухарину Прокуратура и ЦК партии проявили особую осторожность, особую терпимость и особый подход, устраивая очную ставку Рыкова и Бухарина с Сокольниковым. И Рыков, и Бухарин были в положении подсудимых, почти подсудимых, к ним проявили исключительную терпимость. Прокуратура несколько раз разбирала вопрос. Два секретаря ЦК устраивали очную ставку, а теперь Бухарин и Рыков изображают дело так, что обсуждение на пленуме для них неожиданно и несправедливо, при этом они ссылаются на заявление Прокурора.

БУХАРИН. Я этого не говорил.

КАГАНОВИЧ. Смысл вашей речи был такой. Да, действительно, после разбора вынесли заключение, что юридических оснований для приобщения Бухарина и Рыкова к данному делу о троцкистско-зиновьевском центре не имеется.

БЕРИЯ. В тот период.

КАГАНОВИЧ. Совершенно правильно, именно в тот период по тем данным, которые были в нашем распоряжении, не было юридических оснований для приобщения к данному судебному процессу троцкистско-зиновьевской террористической организации. Сейчас Бухарин и Рыков казуистически оперируют этим заявлением Прокурора и думают, что этого достаточно для того, чтобы уйти от ответственности за свои преступные дела.

Что же выяснилось на очной ставке Рыкова и Бухарина с Сокольниковым? Выяснилось следующее. Главным действующим лицом от правых в своих сношениях, в своих связях с контрреволюционным троцкистско-зиновьевским террористическим центром был Томский. Между прочим Сокольников не знал, когда мы его допрашивали, о том, что Томский застрелился.

На очной ставке Сокольников показывает:

«Участвуя в этом блоке и входя в центр этого блока, я, конечно, знал, что блок организовался на основе террора против руководителей ВКП(б) и советского правительства, и в первый период своего участия в этом блоке был информирован Каменевым о подготовлявшихся террористических актах. В связи с арестами после 1 декабря 1934 года и провалом центра была создана новая тройка в составе: меня – Сокольникова, Радека и Серебрякова. Мы установили контакт с Пятаковым, который также вошёл в центр. Переговоры с правыми относятся к ноябрю 1935 года. Эти переговоры были продолжением тех, которые велись ещё в 1932 году, и о которых я знал от Каменева, утверждавшего, что он в 1932 году вёл переговоры об организации блока с Бухариным, Зиновьевым* – с Томским, а Шаров и Евдокимов – с Углановым. Каменев мне говорил, что он, Каменев, впоследствии сообщил Бухарину и Рыкову об организации блока и о том, что блок организован на террористической основе. Однако, правые в блок не вошли, но согласились на контакт и взаимную политическую информацию.

Осенью 1935 года я, по прямому поручению нового центра, обратился к Томскому с предложением вступить в блок. Томский согласился, подтвердив, что он действует от имени Бухарина и Рыкова. Таким образом, к началу 1936 года блок расширился за счёт участия правых. Мне известно, что Пятаков условился с Томским связать людей, которых должен был привести в этот блок Томский, с Дрей-

* Так в тексте. Правильно: Зиновьев.

цером. Тогда же была выработана с Томским общая схема действия, причём было достигнуто соглашение о том, чтобы одновременно с террористическими актами осуществить выступление военных и, в частности, Примакова и Путны. Говоря со мною, Томский выступал от имени всей группы, т. е. от имени Бухарина и Рыкова. Томский говорил, что Бухарин дал согласие использовать в контрреволюционных целях троцкистско-зиновьевского блока типографию «Известий»^а.

^аМы глубочайше убеждены, что это было именно так^а. Мы знаем, что блоки всегда начинаются с контакта. Возьмите блок двух разных политических группировок: они сходятся на чём-то едином, на какой-то единой генеральной линии. Блоки всегда начинаются с взаимной информации, с контакта, связи. И вот они сначала на организацию блока, который ещё не показал свою жизнеспособность, не согласились. Сначала они согласились на установление контакта и взаимной информации, а потом уже начали совместные действия.

На очной ставке мы были поставлены в затруднительное положение. Главное действующее лицо – Томский – застрелился. Сокольников разговоров с Рыковым и Бухариным не вёл. Между прочим, должен здесь же упомянуть, что на очной ставке выясняется, что у Бухарина с Сокольниковым был один, очень характерный разговор по поводу напечатания в «Известиях» статьи Сокольникова. Бухарин на очной ставке подтвердил, что разговор этот был. Во время одного из заседаний Политбюро Сокольников, обращаясь к Бухарину по поводу напечатания его статьи в «Известиях», просит напечатать её не под его фамилией – под псевдонимом. На это Бухарин отвечает: «Почему? Вы должны бороться за свою легальность. Это я доказываю и Рыкову».

В чём тут дело? Кандидат в члены ЦК, присутствующий на заседаниях Политбюро, человек «лояльный» к Центральному Комитету партии, по поводу напечатания статьи о Наркомлесе, отвечает Сокольникову таким политическим заявлением: «Вы должны бороться за свою легальность».

Если между вами ничего нет, причём тут борьба за свою легальность и почему вы ссылаетесь на Рыкова. Я утверждаю, что это разговор двух фракционеров, это разговор двух членов одной организации (Ш у м в з а л е , г о л о с а : правильно, совершенно верно).

Иначе как же можно объяснить этот разговор по поводу напечатания статьи в газете? На очной ставке мы вас переспросили, и вы подтвердили свои слова.

БУХАРИН. Я сказал: почему вы должны нелегально печатать свою статью?

[КАГАНОВИЧ]. В своём ответе вы сами немного иначе, но, по существу, это же признаёте. Вы политический деятель, к вам обращается человек с просьбой напечатать его статью. Причём тут борьба за легальность? И у меня, и у Ежова, и у Вышинского сложилось после этого твёрдое убеждение, что в этом вопросе вы говорили именно как свои люди, как люди, связанные между собой.

БУХАРИН. Да ничего подобного!

КАГАНОВИЧ. Почему же вы тогда, до заявления Сокольникова, уверяли, что никогда с Сокольниковым никаких разговоров не вели? А как только Сокольников это заявил, вы это признали.

БУХАРИН. Товарищ Каганович, я просто возмутился, что зам. наркома хочет нелегально писать в газете.

КАГАНОВИЧ. Несмотря на сложившееся у нас убеждение на основании материалов очной ставки, что Рыков и Бухарин не могли не знать о Томском, мы вынуждены

^{а-а} Подчёркнуто фиолетовыми чернилами при сверке текста после машинописи.

были признать, что юридических оснований для приобщения их к делу о троцкистско-зиновьевском центре мы тогда не имели. Главный обвиняемый Томский выпал из этого дела. И мы пришли к известному вам заключению по этому делу.

Это только свидетельствует о том, что мы подходили к этому вопросу со всей государственной серьёзностью, что мы не сколачиваем судебные дела во имя судебных дел.

Я должен сказать, что товарищ Сталин особенно требовал от нас, чтобы досконально разобрались в этом деле, подошли к нему осторожно, не проявляя торопливости. Именно это слово – торопливость – было тогда употреблено.

Но значит ли это, что по этому поводу на пленуме ЦК нет оснований для обсуждения вашего вопроса? Конечно, основания есть и очень серьёзные, потому что и вопрос о Томском, и о связи с ним Рыкова и Бухарина не окончен.

У нас имеется письменный отчёт о заседании парторганизации ОГИЗа и выступлений Томского с речью. Томский до своего самоубийства, когда он пробовал ещё защищать себя в своей речи на собрании партийной организации в ОГИЗе, вынужден был сам признать целый ряд весьма серьёзных фактов.

Каковы эти факты? По собственному заявлению Томского, начиная с 1928 г. устанавливается связь Каменева с Томским, причём при разговорах Каменева с Томским присутствовал и Бухарин. Это кроме тех разговоров, которые были у Бухарина с Каменевым отдельно.

Томский говорит, что в 1932 г. к нему приходил Каменев, приходил Зиновьев, приходил Шляпников и целый ряд других оппозиционеров. Видите ли, как они тяготеют к нему. «С Каменевым у меня личных отношений не было... Каменев стал обращаться ко мне за разными услугами... Каменев просил меня: дай мне свою машину, моя в ремонте. Я два раза давал ему свою машину». Значит, Каменев просил ему оказать помощь, Томский ему помогал.

А Зиновьеву? О встрече и разговорах с Зиновьевым на одном из заседаний коллегии Наркомпроса рассказывает Томский. И интересно получается. Приходит Томский на заседание коллегии НКПроса. По какой-то случайности в зале оказались только Томский, Зиновьев и Надежда Константиновна Крупская. «Зиновьев меня встретил с распростёртыми объятиями, как старого приятеля». Зиновьев любезно говорит Томскому: «Зайдём ко мне в кабинет, поболтаем». Вдвоем заходят к нему в кабинет. Надежды Константиновны Крупской в кабинете не было. Начинается разговор. Зиновьев жалуется ему на своё личное тяжёлое положение, а потом начинает говорить о положении страны, сообщает о том, что он, Зиновьев, в большой тревоге и беспокоится о том положении, в котором находится сейчас страна.

ГОЛОС С МЕСТА. Кроме него некому беспокоиться.

БЕРИЯ. Ну, и мерзавцы же, просто не хватает слов.

КАГАНОВИЧ. На основании этого можно, безусловно, сказать, что этот разговор был не личного порядка, не порядка личной жалобы, а разговор был политический. Это было уже началом не контакта, а более серьёзной связи.

ГОЛОС С МЕСТА. Это был уже сговор.

КАГАНОВИЧ. И, наконец, в 1934 г. Зиновьев приглашает Томского к нему на дачу на чаепитие. Томский едет к нему. По-видимому, этому чаепитию предшествовало кое-что другое, потому что после чаепития Томский и Зиновьев на машине Томского едут выбирать собаку для Зиновьева. Видите, какая дружба, даже собаку едут выбирать.

СТАЛИН. Что за собака – охотничья или сторожевая?

КАГАНОВИЧ. Этого установить не удалось.

После выбора собаки Томский снова едет к Зиновьеву на чаепитие. По поводу этого чаепития Томский спрашивает Рыкова: «Меня приглашает Зиновьев к себе на дачу, идти или не идти». Рыков нам заявляет, что он ему ответил: «Не надо ходить», но Томский все-таки пошёл.

СТАЛИН. Собаку достали всё-таки?

КАГАНОВИЧ. Достали. Они искали себе четвероногого компаньона, так как ничуть не отличаясь от него, были такими же собаками...

СТАЛИН. Хорошая собака была или плохая, неизвестно? (С м е х).

КАГАНОВИЧ. Это при очной ставке было трудно установить.

Томского на партийном собрании в ОГИЗе спрашивают: «Вы с Рыковым сохраняете связь[?]». Томский говорит: «Да, сохраняю», а Рыков, на тот же вопрос заявляет: «У меня с Томским были близкие личные отношения, но в 1935–36 году наши отношения значительно охладели». А мы знаем, что Рыков встречался с Томским не только в 1934–35 гг., но сохранял связь с ним до последнего времени, даже тогда, когда Томского притягивали к ответственности, он спрашивал у нас* совета. Вы же это сами заявляли, на очной ставке. Не качайте головой.

РЫКОВ. Нет, извините, я этого не заявлял.

КАГАНОВИЧ. Пожалуйста, я прочитаю то, что вы говорили на очной ставке: «Весной 1936 года Томский мне рассказывал, что его вызывали в ЦК и запрашивали объяснений по поводу показаний Зиновьева». Это совершенно точно.

РЫКОВ. Когда я был у Томского на квартире весной этого года...

ГОЛОС С МЕСТА. Какого года?

РЫКОВ. Этого года, 1936 года, он мне сказал, что за тот период, когда мы с ним не виделись, к нему поступали запросы из ЦК на документы Зиновьева, и он за тот же период отвечал на это...

СТАЛИН. У Зиновьева с Томским был?

РЫКОВ. Я?

СТАЛИН. У Томского вы были?

РЫКОВ. Весной этого года, но ни о каких сведениях с Зиновьевым я не говорил.

КАГАНОВИЧ. Далее Томский, по словам самого Рыкова, советуется с Рыковым идти ли ему к Зиновьеву. Вот что заявил сам т. Рыков:

«В 1934 году Томский мне как-то сообщил, что у него был Зиновьев и приглашал к себе на дачу. Томский спрашивал у меня совета, как ему быть. Я заявил, что это политическое приглашение, а я решительно возражаю против посещения Томским Зиновьева».

Видите, одно то, что он спрашивает Рыкова, а Рыков говорит о том, что он решительно возражает, разве это не есть политические отношения двух фракционеров, советующихся о своих отношениях к представителю другой организации.

БУДЁННЫЙ. Почему Томский не спросил Кагановича, можно ли идти?

КАГАНОВИЧ. Томский у вас, т. Рыков, не спрашивал, встречаться ли ему там с кем-нибудь другим – он спрашивал вас о встрече с Зиновьевым. Вы говорите, что вы категорически ему возражали. Но Томский всё-таки пошёл, а вы с ним и после этого были связаны.

Ясно, что это была политическая связь Томского с Рыковым, и она сохранилась до последнего момента, мы ведь не наивные люди. Кто же не понимает, что это была политическая связь членов одной политической организации.

Следовательно, Томский должен был признать, что он связан был с Зиновьевым, и что они вели с ним политические разговоры, что он помогал Каменеву, помогал Зиновьеву вплоть до того, что ездил с ним за собакой. Томский с Зиновьевым был связан до 1936 года. Совершенно ясно, что Рыков не мог не знать о действиях Томского, не мог не знать о беседах Томского с Зиновьевым точно так же, как не мог не знать об этом и Бухарин, который был связан и с Томским, и с Рыковым.

* Так в тексте. Правильно: [у] вас.

БУХАРИН. Ничего подобного.

КАГАНОВИЧ. Рыков на очной ставке с Сокольниковым, между прочим, показал, что у него в 1931 году был Каменев, который предложил собраться на квартире у Каменева всем старым большевикам. Рыков утверждает, что отверг это предложение Каменева, но никому об этом не говорил, и рассказал это только на очной ставке.

РЫКОВ. Каменев у меня был как у председателя Совета Народных Комиссаров, в качестве докладчика Главного концессионного комитета, председателем которого он являлся. (Ш у м).

КАГАНОВИЧ. Следовательно, он как председатель Главконцесскома пришёл к вам, председателю Совнаркома и предложил собрать всех старых большевиков для обсуждения политических вопросов страны? Кого вы тут обмануть хотите? (Ш у м в зале).

РЫКОВ. Я отвечу. После того, как кончилось его сообщение по плану, как председателя Концессионного комитета, он мне сказал: «Давайте соберёмся, старые большевики, чтобы разъяснить между собою все наши недоразумения». Я ему сказал: «Ты говоришь глупости. Какие могут быть недоразумения между старыми большевиками, и нечего нам разъяснять».

ЛЮБЧЕНКО. Почему ты не рассказал об этом разговоре в Политбюро?

РЫКОВ. Я рассказывал.

КАГАНОВИЧ. Это чепуха.

РЫКОВ. Я говорил по этому поводу.

КАГАНОВИЧ. Вы сами на очной ставке признали свою ошибку в том, что вы не заявили об этом.

РЫКОВ. Нет, я признал свою ошибку по вопросу о Томском и о разговоре с ним.

КАГАНОВИЧ. Мы спросили у вас – почему вы не сообщили, вы же знали, что из себя представляет Каменев, который в ноябре 1927 г. устраивал демонстрацию против ЦК на площади. Вы же знали, кто такой Каменев. Фракционер, который явно борется против партии. Почему же вы в 1931 году, когда к вам приходит этот Каменев как к председателю Совета Народных Комиссаров и, в то время, члену Политбюро, почему вы тогда не сказали Политбюро о том, что был у вас Каменев и предлагал «собраться старым большевикам и разъяснить все недоразумения», вы сказали, что признаёте это своей ошибкой. О чём это говорит? Это показывает, что ещё в 1931 г. у вас был контакт с антипартийной антисоветской группой, и этот контакт затем перерастал в связь. Следовательно, ещё тогда вы устанавливали этот контакт.

ГОЛОСА. Правильно.

КАГАНОВИЧ. Тогда у нас не было показаний Сосновского, не было показаний Угланова, Куликова, Матвеева, Яковлева. Были только показания суда и по этим показаниям мы выносили решения, а сейчас мы имеем более обширный материал по этому делу.

И не странно ли, что три четверти своих речей сегодня на пленуме ЦК Бухарин и Рыков посвятили Сокольникову? Когда дело доходило до Яковлева, Куликова и других, они пытались отговариваться и замалчивать. Вас по первому делу к суду не привлекают. Отменять это решение никто не собирается. Если вас будут привлекать к суду, то будут привлекать по дополнительным данным. Вы поэтому должны были для своей защиты ссылаться на эти дополнительные данные: на Сосновского, Яковлева и других. Вы же попытались выехать только на том решении, которое мы приняли. Но это для членов пленума малоубедительно.

Можно считать установленным для дополнительного обвинения Бухарина и Рыкова, не только на основании нашего внутреннего убеждения, но и на основании фактов, что у правых была как минимум взаимная связь с троцкистско-зиновьевским центром, и что у них самих был свой центр.

Случайно ли то, что показывает Куликов, что Рыков в 1935 году разговаривал с Котовым о терроре. Видимо, Куликов и Котов не знали о троцкистском центре, они рассказывают о своей правой линии. Видимо, середнячки всё-таки не всё знали то, что знали центровики. И вот Куликов и Котов показывают, что в 1935 году Рыков говорит об ускорении террористических актов.

Томский руководил профсоюзами, у него была группа правых тред-юнионистов, очень злых и кулацки настроенных. Ведь именно из этой группы выросла террористическая группа сормовского Смирнова, который ещё в 1932–33 году организовал террористическую группу для совершения террористических актов. Это, товарищи, факт. Эта группа была разоблачена и осуждена. Поэтому ясно, почему все именно эти элементы связывались по преимуществу с Томским, но это были кадры всей правой группы, т. е. и Рыкова, и Бухарина.

Можно, товарищи, считать установленным фактом, что и Рыков, и Бухарин состояли в одном центре, поддерживали связь с троцкистско-зиновьевским центром. И это они делали потому, что в основном они солидаризировались с платформой троцкистско-зиновьевской банды. (ГОЛОСА. Правильно).

БУХАРИН. Да, что вы, товарищи.

КАГАНОВИЧ. Ведь, собственно говоря, по всем вопросам[:] международным, внутренним, крестьянским и по вопросам индустриализации между левыми, правыми, троцкистами не было серьёзных почти никаких разногласий. Все они, как один, были против индустриализации, против коллективизации. Все были против строительства социализма в одной стране. Все вы были против руководства. Все вы сошлись на этих вопросах.

БУХАРИН. Это же было в 1928 году.

КАГАНОВИЧ. Это было, т. Бухарин, и в 1928, в 1932–1933 и в 1934 годах.

БУХАРИН. Не верно.

КАГАНОВИЧ. Так позвольте вас спросить, рютинская платформа 1932 года разве не ваша и, одновременно, зиновьевская платформа[?]

Вы политический деятель, вы не смогли здесь дать исчерпывающего разъяснения. Вы пытались нас разжалобить. Вы думаете, что мы поверим вашим слезам? Нет. Политические деятели, которые прошли ленинско-сталинскую школу борьбы с врагами, этому не поверят. Вы бы показали, на каких политических вопросах вы не солидаризировались с ними?

БУХАРИН. Ни по каким.

КАГАНОВИЧ. Вы были против ЦК.

БУХАРИН. Нет.

КАГАНОВИЧ. Я привожу факты, а вы отделяетесь криками «неверно».

БУХАРИН. Вы приводили факты 1928 года, какие же это факты?

КАГАНОВИЧ. Я думаю, что совершенно чётко можно сказать, что у вас была своя организация. Оставался в силе блок, чтобы сохранить свою армию, привести свои планы, в том числе и террористические, в действие.

БУХАРИН. Что вы, с ума сошли, тов. Каганович!

КАГАНОВИЧ. Еще в 1928 году ваши бандиты Сапожников и Слепков на одном вечере орали, что необходимо убить товарища Сталина. Вы тогда ещё пытались прикрыть эту «кучку». Когда к вам пришёл Сапожников и другие и вам об этом рассказали, то вы заявили: «Тише, тише, чтобы никто не знал, не надо поднимать никакого шума». Это на вас похоже. Вы ведь всё делаете втихомолку. Вместо того чтобы, как члену ЦК, сказать Центральному Комитету, что вот, товарищи, воспитал я таких бандитов и мерзавцев, которые дошли до того, что собирались убивать, я чувствую в этом свою вину, – вы никаких мер не предприняли.

Вы, прикрывая мерзавцев и пьяниц-убийц, должны были подумать о себе, как о политическом деятеле. Разве в 1928 году Сапожниковы и Слепковы не говорили о терроре? Вы притворяетесь, что вы не были осведомлены об их политике и о вопросах, которые обсуждались. Это неверно. Факты подтверждают обратное. Вы знали, и не могли не знать, что делалось вокруг вас. Вы знали, что делает эта шайка, вы встречались с ними, вы жали друг другу руки, вы были друзьями. Но не только ваша школка. Вы знали, что Радек был активным троцкистом, что он был связан с этой бандой, почему вы с Радеком до сих пор были большими друзьями.

БУХАРИН. Потому, что Радеку все доверяли, и вы доверяли.

КАГАНОВИЧ. Мы ему давали работу, а это совсем другое. У вас же были приятельские, дружеские отношения. Мы его восстановили в партии, это одно, но приятельские, дружеские отношения это совсем другое.

БУХАРИН. Это неверно, это потому, что он был членом редколлегии «Известий».

МОЛОТОВ. Томский о терроре говорил ещё в 1928 году. Вы слышали об этом?

ВОРОШИЛОВ. И никому другому, как самому тов. Сталину лично говорил.

БУХАРИН. Ну, что вы, товарищи, мне приписываете какую-то историю.

МОЛОТОВ. Мы говорим только о фактах.

КАГАНОВИЧ. Наконец, возьмите показания Угланова. Когда его спросили кто был в центре, он ответил, что в 1930 году в центре был я, Бухарин и Томский. Разве это не верно? Вы считали Угланова честным человеком. Вы считали, что Угланов человек, который имеет большую силу воли, почему же он на себя будет клеветать? На себя он клеветать не будет. Мы знаем, что это крепкий человек – крепкий враг. Почему же Угланов будет показывать, что не числится на самом деле за Бухариным и Рыковым. Угланов показывает, что правые знали, что троцкисты готовят убийство тов. Кирова.

БУХАРИН. Это изумительная клевета, кровавая клевета.

КАГАНОВИЧ. Зиновьев в 1934 г. подготовлял убийство Кирова, Томский был дружен с Зиновьевым, он у него бывал как раз в 1934 году, Томский, несомненно, знал об их планах, и вы не могли не прочесть, не пронюхать об этом, будучи связанным с ним, с Томским. Вы же т. Бухарин, хвастаетесь тем, что вы философ, что вы диалектик, что вы умеете вскрывать противоречия внутренние там, где внешнее даже единство...

БУХАРИН. Я этим не хвастал.

КАГАНОВИЧ. Рыков всегда считал себя человеком практики, человеком большого политического ума, он был связан с Томским. Троцкий с Зиновьевым и Каменевым готовили убийство Кирова, Томский знал об этом, бесспорно, а Рыков ничего не мог почуять[?]

БУХАРИН. Да я не виделся даже с Томским, поймите вы об этом*.

КАГАНОВИЧ. Нет, это неверно, вы встречались, вы сами нам говорили об этом.

БУХАРИН. Когда? Я в Политбюро написал письмо, что я с 1933 года порвал всякие личные отношения...

КАГАНОВИЧ. Вы считали Куликова олицетворением честности. Да, это был честный человек, это был рабочий, пролетарий, он был действительно честным. А вы его запутали. Но почему вы сейчас заявляете, что Куликов клеветает? Затем показания Матвеева, ведь он был у вас завсегдатаем.

БУХАРИН. Да, смотря когда.

КАГАНОВИЧ. А Матвеев, я знаю, что Матвеев был дополнением в вашей бандитской [«]школке[»] как представитель молодой массы, и он ведь был очень близок к вам, вы ведь сами об этом говорили. И вот этот Матвеев сейчас показывает, что они имели террористическую организацию.

* Так в тексте.

Наконец, довод о клевете. Здесь Бухарин и Рыков били на то, что у нас нет гарантии, что завтра любого честного человека могут оклеветать. Какой же выход, как же доказать свою честность? И будто бы партия и Политбюро готовы поверить клевете и обвинить невинных людей. Столько терпения, сколько проявил к вам ЦК. Ведь на вас Центральный Комитет имел сотни заявлений, на вас были десятки показаний уже годы. К вам ЦК партии и, в частности, лично т. Сталин, проявили особую терпимость, осторожность, вас не трогали, думали, что может быть это неправда, а вы здесь хотите слезами и доводом о клевете изобразить дело так: ну, что же, сегодня меня, завтра любого из партии могут оклеветать.

Мы, на основании накопившихся неоспоримых фактов, можем совершенно твёрдо установить, что вы были осведомлены о деятельности контрреволюционной террористической троцкистской банды, от вас исходила информация их. Можем ли мы терпеть такое положение, когда член ЦК или кандидат ЦК, пользуясь* своим правом присутствовать на заседаниях Политбюро ЦК для того, чтобы осведомлять врагов народа. Не достаточно ли всех этих фактов, чтобы исключить их из ЦК. (Г О Л О С А. Правильно, правильно).

КАГАНОВИЧ. Мы здесь по докладу т. Ежова должны отметить ещё один очень интересный и серьёзный политический факт. Возьмём всех людей, которые прошли по делу контрреволюционной троцкистско-зиновьевской банды. Пока что среди них не было почти ни одного так или иначе не бывшего активным врагом партии (Г О Л О С А. Правильно). Разве это случайно? Нет, это не случайно. Отдельные единицы могли быть скрытыми врагами, но основная масса всех мерзавцев, которые разоблачены судом, Наркомвнуделом и прокуратурой, это все те подлые твари [-] троцкисты, зиновьевцы и правые, которые боролись против партии, кто ненавидел партию, кто ненавидел руководство партии, кто под видом борьбы за демократию хотел демократии для убийства, захвата власти и ликвидации социализма. Кто честен, тот не боится, тот берёт не чувством, а доводами, фактами, тот делом будет доказывать свою честность. И нечего здесь Рыкову и Бухарину изображать дело так, будто бы клевета всесильна, а мы, простые смертные, бессильны перед клеветой.

Нашли партию, нашли ЦК, нашли руководство, где клевета может быть всесильной, а люди бессильными. Это вот и есть клевета на партию. У нас в партии больше чем где-либо правды, справедливости и терпения для выявления действительной правды.

Конечно, виноваты и мы, партийные и хозяйственные работники, конечно, и у нас оказалось мало бдительности во всех отраслях, в том числе, скажу, и на транспорте. Мы думали, что это честные люди, мы думали, что это люди, в какой-то мере сохранившие свой партийный облик. А оказалось, что они за десять лет борьбы откатились так далеко, что докатились до лагеря фашизма, до гестапо, до охраны, до переговоров с буржуазными правительствами, до реставрации капитализма.

У нашей партии и у ЦК оказалось достаточно прозорливости, чтобы сейчас эту подлую руку остановить, разоблачить. И мы уверены, что у ЦК хватит сил выкорчевать до конца гадину, которая хочет нам помешать в нашем строительстве⁶ социализма. (Аплодисменты).

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 574. Л. 76–103. Машинописная копия (2-й экз.).

* Так в тексте. Правильно: пользуется.

⁶ Вписано фиолетовыми чернилами при сверке текста после машинописи.

Документ № 7
М. П. Томский. Стенограмма выступления
на закрытом собрании членов ВКП(б)
парторганизации Главного управления ОГИЗ

[21 августа 1936 г.]

Тов. Драудин¹ бросил мне упрёк в том, что я на прошлом собрании² ничего не сказал о своей связи с этим гнусным террористическим делом.

К моей оценке, которую я давал в моих выступлениях, и которую я высказал вчера на беспартийном собрании, я ничего прибавить не могу.

Этот упрёк был бы правилен, если бы я имел действительно отношение к этому террористическому делу.

С МЕСТА. Чем Вы объясняете, что они все ссылаются на Вас[?]

[ТОМСКИЙ] Я повторяю ещё раз: этот упрёк был бы совершенно правилен, если бы я имел отношение к этому делу.

Но совершенно правильно требование тов. Драудина, всего партсобрания, чтобы я дал полный отчёт о своей деятельности и о своём политическом лице со времени правоты оппозиции. Совершенно правильное требование, и с этого я начну.

Я должен заявить, товарищи, что если я не буду называть даты, то это не по каким-нибудь соображениям, не потому, что я хочу что-нибудь скрыть или утаить. По событиям, которые я буду называть, можно установить даты. Я буду это делать просто потому, что у меня на даты очень слабая память.

Если мне память не изменяет, на ноябрьском пленуме в 1929 году, словом, на том пленуме, дату которого по протоколам можно установить, на другой или на третий день, я, Рыков и Бухарин выступили со своим заявлением о том, мы признаём свои ошибки и признаём линию партии правильной.

Было ли это лицемерие с моей стороны, и по каким соображениям я сделал это заявление[?]

Перед этим мы, правая оппозиция, составляли платформу для оглашения её на этом пленуме, развёрнутую политическую платформу с изложением наших взглядов.

По поводу этой платформы были споры: оглашать её или не оглашать. Над этой платформой я много работал. Писал её Бухарин. Я её редактировал очень внимательно и тщательно, пытался переработать её.

В процессе переработки я пришёл к убеждению, что эту платформу нигде оглашать нельзя, что за эту платформу нельзя драться, что её нельзя защищать, что она по существу тянет партию назад, что никаких предложений ни политических, ни практических, ни ЦК, ни партии она не даёт.

Для меня это было решающим фактом. Правая оппозиция – это не первая ошибка в моей жизни. Я и раньше выступал против Ленина по вопросу коллегиальности. Не буду, уж, говорить о практических вопросах. На IX съезде партии³ я отстаивал свою ошибочную точку зрения по вопросу о коллегиальности.

Но никто не упрекнёт меня в том, чтобы я когда-нибудь был беспринципен. Беспринципным я не был.

Итак, я пришёл к убеждению, что у нас нет политической линии, что ничего мы партии предложить не можем. При таких условиях нужно было сложить оружие и признать свою ошибку.

Почему мы не огласили эту платформу на пленуме ЦК, а на другой день после пленума. Правильнее было бы огласить её на Пленуме.

Я прямо скажу, что я в беседах со своими соумышленниками настаивал и добился того, чтобы платформа была оглашена не на пленуме, а после пленума. На пленуме обсуждался вопрос о выведении нас из ЦК и т. д.

По чисто субъективным мотивам ущемлённого самолюбия, я считал, что будет лучше огласить платформу после пленума, чтобы люди не подумали, что мы трусили и т. д. Это был неправильный шаг. Политическая целесообразность была принесена в жертву соображениям личного порядка.

Во всём этом самолюбии был и политический оттенок. Партия правильно поступила, дискредитируя не только всю линию правой оппозиции, но и дискредитируя и самих вождей правой оппозиции, ибо вожди неотделимы от их линии.

В борьбе за свой авторитет, за своё самолюбие, я допустил первый неправильный шаг.

Ну что же, признали мы свои ошибки. Разве этим дело закончилось? Нет. Может ли быть так, чтобы люди до 20 или 18 числа вели борьбу против партии, обсуждали драться или не драться, и потом вдруг сразу поняли правильность генеральной линии партии и все последствия своей ошибочной борьбы. Конечно, в жизни так не бывает.

Было совершенно очевидно, что мы не правы, было совершенно очевидно, что наша позиция партией осуждена, и что фактически мы не имеем ничего за душой, чтобы мы могли предложить партии. Было очевидно, что в основном линия партии верна.

С МЕСТА. Только в основном[?]

[ТОМСКИЙ]. В то время, да. Я не маленький ребёнок, знаю, что говорю и отвечаю за свои слова. Повторяю: в то время было совершенно очевидно, что в основном генеральная линия партии была правильна.

Но сразу признать, что и руководство правильно, и методы руководства правильны – этого переварить в один-два-три дня, в месяц или даже несколько месяцев было нельзя.

Может быть, другие будут обманывать и говорить, что на них сразу нашло просветление, что они сразу стали большевиками, что они сразу из меньшевиков превратились в большевиков, но я этому не поверю. Это переживается очень тяжело.

В чём я был не согласен с партией. Конкретно – ни в чём. У меня был целый ряд сомнений: удастся ли, как удастся провести политику партии в деревне на полную коллективизацию, на ликвидацию кулака как класса и т. д.

Однако, кроме всего этого, главное, я считаю в этом деле то, что ко мне в результате моих последующих ошибок явилось чрезвычайное противопоставление своей собственной личности и своего собственного достоинства в таком большом вопросе, как вопрос партии, её политики и т. д.

Видите, когда человек ведёт борьбу, и когда его даже за дело бьют, нельзя верить человеку, когда он в этот момент говорит – вы меня бьёте, а мне приятно. Меня били, били за дело. Это можно сказать через два года, через три ещё лучше, но когда тебя бьют, в это время человек ничего, кроме боли не ощущает. И в этот момент, в моменты, переживаемые после, обычные качества большевика могут превратиться в отрицательные качества.

Я долго воспитывал в себе необходимые для большевика, особенно подпольщика, качества – твёрдость, стойкость, крепкое большевистское упрямство и неустрашимость. Это хорошие качества, но когда их применяешь в отношении ЦК и в отношении своей партии, тогда эти качества превращаются в минус. Та стойкость, которая хороша в борьбе с царским самодержавием, с классовым врагом, эта стойкость превращается в анархию, в распущенное самолюбие, когда он борется против своей партии.

Меня били долго. Я считал, что политически меня бьют правильно. Я точно так же поступал в аналогичных случаях – по отношению к другой оппозиции, по отношению

к «рабочей оппозиции»⁴, троцкистской и к зиновьевской оппозиции. Я это понимал, но я считал, что по отношению ко мне, ко мне уже после признания ошибок, то, что партия вскрывает, разъясняет эти ошибки, всё время я чувствовал, что меня дерут по коже, и я считал это неправильным.

Я считал, что это очень суровая мера по отношению ко мне. И соответственно этому нарастало чувство обиды, чувство раздражения. Я, конечно, не стану убеждать, что я сразу, с того момента, как подписал заявление и огласил его на заседании ЦК, это было на заседании Политбюро, я сразу уверовал на все сто процентов в генеральную линию. Этого не было. В основном я признал её правильной. Остались отдельные колебания. Осталась горечь поражения. Остался тяжёлый осадок от последствий этого поражения.

СТАЦЕВИЧ⁵. А сейчас тоже в основном признаёте[?]

[ТОМСКИЙ]. Я скажу, что к какому году относится. Я говорю о тогдашнем.

Больше того, после этого мы продолжали видеться друг с другом – я, Бухарин, Рыков. Продолжали видеться, беседовать, обсуждать наше положение. Обсуждали мероприятия партии, правда, критически. Подогревали друг друга. Считали, что нас несправедливо угнетают. Нас изолируют и т. д.

На XVI съезде партии. Рыков поехал делать доклад, кажется, в Свердловск.

С МЕСТА. В Тифлис.

[ТОМСКИЙ]. В Тифлис я поехал.

После нашего заявления неправильное настроение было. Это были остатки групповщины. Мы советовались как выступать, что говорить. Была забота о том, как бы не сказать чего лишнего, дискредитирующего как человека, как вождя. Мы тогда были членами Политбюро. Было желание сохранить остаток авторитета, своего доброго имени и т. д.

В соответствии с этим я выступал и в Тифлисе. Я хотел быть максимально лояльным Центральному Комитету. Я считал, что должен был делать доклад ЦК с полной ответственностью за всю его деятельность.

Я показал положительные все стороны, правильность политики Центрального Комитета и т. д., но когда мне предложили поговорить о своих ошибках, я от этого отказался. Я сказал, что я являюсь представителем ЦК ВКП(б) для отчёта о его политике, а не в положении кающегося чекиста. И поставил на этом точку. Я не хотел говорить о себе по XVI съезду*, придавая этому второстепенное значение.

В соответствии с этим было выступление на XVI съезде.

Когда я голосовал за резолюцию, я голосовал за неё потому, что я её разделял. Но, конечно, я не разделял каждого выражения, которое произносилось на XVI съезде по отношению меня. И моё выступление было продиктовано тем, чтобы как можно меньше говорить о своих ошибках, чтобы опять как можно меньше задевать своё самолюбие, своё нежелание дискредитировать своё имя, если хотите.

В 1928 году, в самый разгар правой оппозиции и внутривластной борьбы, внутри чекистской, собственно говоря, борьбы, была первая встреча с Каменевым. Точно дату установить я не могу, но помню, что это было зимой. Вероятно, я установлю эту дату по второстепенным документам. Это было зимой 1928 года, или в начале 1929 года. Вероятнее всего в конце 1928 года в разгар правой оппозиции.

С МЕСТА. Как первая встреча[?]

[ТОМСКИЙ]. Я знаю Каменева 30 лет, даже больше, с 1906 года.

С МЕСТА. Встреча для сговора.

[ТОМСКИЙ]. Политическая встреча в качестве оппозиционера. После того, как Каменев был в оппозиции и был исключён из партии. Встречи, когда он был членом

* Так в тексте.

Политбюро, и я был членом Политбюро, были у меня, но я думаю, что не они вас интересуют.

Это была самая грубая ошибка моя, совершённая за время моей деятельности в качестве лидера правой оппозиции, и поэтому я вам откровенно говорю – эту ошибку я тщательно скрывал от партии.

СТАЦЕВИЧ. Не расскажете ли, о чём там шла речь.

[ТОМСКИЙ]. Я вам сейчас скажу. На этом свидании с Каменевым было взаимное прощупывание на предмет создания блока. О нашем настроении говорить не приходилось, оно сказалось в речах и выступлениях правой оппозиции.

Каменев держался очень настороженно.

Каменев больше выпытывал нас.

Каменев держался иронически и по отношению нашей платформы, и по отношению нашей тактики. Он посмеивался и подзадоривал, что наша тактика труслива, что мы полупокорники и обречены на разгром. Каменев другой тактики не предлагал. Свою платформу не излагал нам.

Я не могу связать. Легко было бы говорить о платформе Каменева 1928 года, если бы что осталось в памяти. Осталось то, что они продолжали считать себя левыми, когда выступали. Нас они считали правыми. Была попытка с нашей стороны узнать, какие силы за ними стоят, есть ли у них организация, какие силы. Это не увенчалось успехом. Каменев держался осторожно и этого понять нам не дал.

Каменев предлагал нам то, что он может нам оказать, если мы хотим, услугу.

На этом свидании были Каменев и Бухарин. Он намекал на то, что он мог бы попытаться найти связь с троцкистами. Если мы держим документ, о котором не знают, он* оказать услугу. Он говорил, что вы всё разговариваете. Он намекал на то, что он мог бы содействовать распространению.

Так как он держался осторожно, ни я, ни Бухарин не ответили на это дело. Обо всём этом на другой день мы сообщили Рыкову. Рыков назвал нас дураками. Сказал, что мы совершили грубую политическую ошибку. Сказал, что якшаться с этой публикой не надо, что надо держаться [по]дальше. Но дело было сделано.

Вот об этом своём свидании с Каменевым я не говорил. Я говорю о нём в первый раз и пишу в соответствующем письме в ЦК⁶. Это было в 1928 году, в разгар правой оппозиции.

После этого с Каменевым, Зиновьевым я больше не виделся. Я не могу точно сказать, было ли это до свидания⁷. По-моему, это было, как будто, после свидания Бухарина с Каменевым но до опубликования троцкистами этого разговора. Как будто так, а может быть, это было сразу после опубликования письма Бухарина⁸.

После этого с Каменевым и Зиновьевым я не виделся. Я не виделся с ними до 1932 года, до тех пор, пока не пришёл в ОГИЗ. Тут я долго хворал. Был ли Каменев уже в Академии**⁹, не помню. Он был заведующим издательством, которое было при ОГИЗе. Или, может быть, он пришёл после моего назначения, я не помню. Это можно установить, но это не играет роли. Каменев ко мне заходил не раз. Заходил по делам службы, о бумаге. Только ли о бумаге говорили[?] Конечно, он говорил обо всём и ни о чём.

Какие у меня были настроения в 1932 году. Я пропустил сказать о январе 1932 года, о деле со Смирновым. Какая моя роль в деле со Смирновым. Я не лгал и не лгу, что никакого отношения к группировке Толмачёва и Эйсмонта не имел и о существовании группы у Смирнова не знал.

* Так в тексте. Далее очевиден пропуск слов: готов, либо мог бы.

** Речь идёт об издательстве «Academia». Далее правка будет вноситься без оговорок.

Какие были отношения со Смирновым. Отношения были самые дружеские, самые приятельские. Смирнов, известная всем членам ЦК фигура. У него были весьма тяжёлые настроения, хотя активно он не участвовал в оппозиции, не выступал с нами. Но настроения у него в 1930 и 1931 году, когда ездили на охоту в Нальчик, были тяжёлые. Он брюзжал без конца.

Разделял ли я взгляды Смирнова. Нет, не разделял. Его взгляды были весьма не партийные, по существу, они были антипартийные. Я их слушал и, если возражал, то вяло, а этим давал повод Смирнову считать, что я сочувствую ему, что я ему друг и приятель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Почему вяло реагировали на эти разговоры, чем это было вызвано?

[ТОМСКИЙ]. Я и здесь должен сказать, что я никогда взгляды Смирнова не разделял и его высказываниям серьезного значения не придавал. Я не понимал, что момент изменился. Он ворчал в 1926 году – это имело одно значение. После зиновьевской, после троцкистской оппозиции, после правой оппозиции это ворчание приобретало другой характер, а я этого не уяснил. А затем личные отношения мои были другие. Ещё в 1931 году у меня было довольно тяжёлое настроение. Разногласий с партией не было, но у меня продолжалось ощущение, что меня обижают несправедливо и длительно угнетают.

СТАЦЕВИЧ. Разногласий не было, а подчиниться и вместе работать не хотели.

[ТОМСКИЙ]. Этого я не скрываю от вас. Такие пустяки скрывать нет смысла.

В 1932 году было ещё тяжёлое настроение, ещё был силен горький осадок. В 1930 году я был тяжело болен, и мне было не до настроений, я был больной человек физически.

В 1932 году, если мне память не изменяет, было дело Смирнова на январском Пленуме. Я выступал по этому делу. Сначала на совместном заседании Политбюро и ЦКК, потом на Пленуме. Когда я прочитал документ обвинявший Смирнова, я, из чувства личной дружбы и жалости, взял Смирнова фактически под свою защиту. Я считал Фому¹⁰ Смирнова членом партии старше меня и т. д., и не представлял, как он может стоять во главе террористов или иметь к ним отношение. На Пленуме ЦК я, фактически, защищал Смирнова, смягчал его вину.

Я считал и после Пленума, что по отношению к Смирнову поступили слишком строго, поскольку сам он в группировке не был.

С МЕСТА. Вы о каком Смирнове говорите[?]

[ТОМСКИЙ]. Я говорю об А[лександр]е П[етровиче], а этот¹¹ И[ван] Н[икитич]. Этот был с самого начала троцкист, а тот не был. Я говорю о Смирнове из Наркомзема. Я считал, что по отношению к нему поступили слишком сурово, что недооценивают его склонность к болтовне, своеобразия его характера и т. п. И когда записали, предупредить нас – меня и Рыкова – я считал по отношению к себе это фактически совершенно несправедливо. Я рассуждал слишком формально.

Я осознал свою ошибку в деле Смирнова как следует только в 1934 году, когда пошли все группировки на почве личной связи. Тогда я понял, какую ошибку допустил, не понимая этого. Я знал Смирнова около 35 лет. Я думал, что страшного в том, что поддерживаю личную связь с ним, что он ворчит, а я слушаю. За что мне писать, думал я, а на самом деле это не так.

Я был близок со Смирновым, терпеливо выслушивал высказывания и не давал им отпора, и этим давал повод предполагать, что тут есть блок с правой оппозицией, что тут есть группа, ибо всегда вместе.

После дела Смирнова мне крепко досталось в ячейке нашей парторганизации. Меня здесь порядочно потрепали и опять создалось тяжёлое настроение. И в 1932 году я про-

должал считать себя обиженным, гонимым. Такое состояние фактически было. В это время меня назначили в ОГИЗ.

И при таких настроениях я встретился с Каменевым и Зиновьевым.

Скажу о встрече с Каменевым. Я боюсь ошибиться, три-четыре-пять раз он был. Он стоял в стороне. Встречались мы раза два у Горького. Какого рода происходили разговоры. На вопрос, как живёшь, он ответил: знаешь как в нашем положении живётся, сидишь вот в «Academia» и всё. – А ты[?]

– Сам видишь, какое моё положение.

– Это факт.

– Бьют вас.

– Бьют.

– Долго это будет продолжаться[?]

– Неизвестно сколько времени.

Сколько-нибудь внятных политических разговоров с Каменевым у меня не было. Никакой идейной близости я с Каменевым не проявлял. Идейная близость была в том, что тот и другой обижены.

Как я к нему относился. Моё отношение к Каменеву было неправильное. Я относился к нему так, как будто он не исключался, он не был вождём троцкистско-зиновьевской оппозиции. Как будто бы два товарища, знающие друг друга на протяжении большого времени, долго не встречались, не виделись и теперь снова встретились. Это было.

Я должен прямо сказать, и это всем известно, что никогда в своей жизни я не был в близких дружеских отношениях ни с Зиновьевым, ни с Каменевым, ни с Троцким. Никаких личных отношений, кроме политических деловых отношений, у меня с ними не было.

С Троцким я всегда был антагонист. Начиная с 1919 года, примерно за год до голосования за платформы и профсоюзной дискуссии, у меня с Троцким были схватки, доходящие до очень резких обострений и крупных разговоров по телефону.

С Зиновьевым и Каменевым личных отношений у меня также не было. Мы в психологическом и бытовом отношении разные люди. Мы встречались не как друзья или товарищи, а просто как люди, много лет знающие друг друга.

Это, конечно, был неправильный тон. Этот тон привёл к тому, что Каменев стал обращаться ко мне за разными услугами.

В чём заключались эти услуги. Каменев просил меня: дай мне свою машину, – моя в ремонте. Я два раза давал ему свою машину на протяжении года или полутора лет.

Был у нас с Каменевым один разговор, незадолго до рютинской группы, который носил политический характер. Каменев пришёл ко мне и сразу спросил меня: ты знаешь о том, что по рукам ходит какой-то подпольный документ[?]

– Нет, не знаю.

– Может быть, ты обманываешь[?]

– Нет, не обманываю, правда, не знаю.

Этот документ, судя по тому содержанию, о котором я слышал, исходит из правой группировки – сказал Каменев.

Тем самым, Каменев, как будто, продолжал считать себя левым. Он прямо сказал мне: вероятно это исходит из кругов ваших бывших сторонников. Я не помню точно выражений, да это и не важно. На это я ответил Каменеву: если это так, то это безумие, потому что сейчас никакая оппозиция в партии не может быть терпима и не будет терпима, никакая оппозиция не имеет сейчас никаких шансов на успех, и только дураки могут рассчитывать на это.

Представьте себе (мне, конечно, могут не поверить), что Каменев со мной согласился: действительно безумие говорить об этом. Ещё несколько раз он спрашивал меня,

знаю ли я что-нибудь или нет. Я, в свою очередь, спросил его, видел ли он этот документ, на что он мне ответил: нет, не видел, но слышал, что содержание правое. Я ещё раз подтвердил ему, что никакого документа я не знаю.

Я чувствовал, конечно (я достаточно политически опытный человек), что Каменев меня, что называется, «нюхает». Это заставило меня держаться настороже.

Я чувствовал, что кроме Каменева меня «нюхают» и справа, от Слепкова.

Был в своё время заведующий Соцэкгизом¹² Кретов¹³ – коммунист, человек вне всякого подозрения, с которым я очень не ладил, потому что он был абсолютно не деловой человек. Его помнят все старые работники, вероятно.

Кретов нашёл себе главного редактора и провёл его через ЦК. Его фамилия – Жиров¹⁴. Этот Жиров приехал из Самары или из Саратова, не помню, где в то время сидел Слепков¹⁵. Он сразу заявил мне, что он друг и приятель Слепкова, что они с ним вместе жили, передал мне привет от Слепкова и начал вести такой разговор: почему вы не видите со Слепковым, почему вы вообще ни с кем не видите и т. д.

От всяких свиданий и связей я уклонился самым решительным образом. В то время настроение у меня было неважное. Я чувствовал себя очень тяжело, чувствовал себя недовольным – говорю об этом совершенно откровенно.

Когда Каменев сказал мне, что из бывших правых кругов исходит какая-то платформа, я очень встревожился. Хотя я и знал, что я не имею к этому никакого отношения, но я понимал, что за ошибки моих бывших последователей отвечать, так или иначе, придётся мне, что всякий их наскок, всякая их вылазка против партии снова и снова будет трепать мне нервы, и без того довольно потрёпанные, и создаст для меня новые осложнения.

С МЕСТА. А вы сказали об этом ЦК партии[?]

[ТОМСКИЙ]. Нет не сказал. А что мне нужно было сказать, о чём[?]

С МЕСТА. О том, что вас поставили в известность, что по рукам ходит какой-то документ правых, о том, что Каменев вас прощупывал.

[ТОМСКИЙ]. Если вы меня спросите: как он вас прощупывал, я не смогу привести ни одного факта. Ведь это не делается так: ты со мной согласен или нет[?]

Возвращаясь к Жирову. Жиров с Кретовым пришли один раз ко мне излагать мне тематический план издательства по философии. Когда они развернули мне свой план, я сказал им: вы что с ума сошли[?] Ведь здесь философы очень уж сомнительного качества: Деборин¹⁶, Карев и т. д.

Они говорят: ничего, именно это нужно сейчас печатать. Я говорил им, что этого печатать нельзя потому, что здесь нет ни Митина¹⁷, ни Рыльшевича¹⁸, а есть все те, кого осудила партия. На это они мне ответили, что всё это согласовано с культпропом ЦК и с тов. Стецким. И это действительно было согласовано.

Мы разговаривали по этому поводу с Лупполом¹⁹, говорили, что это никуда не годится. Плеханова, Деборина они решили издавать сразу в один год. Я предупреждал Кретова: смотри Кретов, твой редактор сомнителен. Но Кретов обычно отвечал: нет, ничего, мы с ним поставим дело. – Почему не привлекли к этому делу ни Митина, ни Рыльшевича[?] – Они ничего не понимают в философии и, вообще, это согласовано с ЦК.

Вскоре после этого Жиров исчез. Оказалось, что он арестован в связи с рютинской и слепковской группой.

Щупать меня приезжал ко мне на квартиру и Угланов. Это известно партии. Об этом я писал. Относительно Жирова я тоже давал объяснения. На этом кончается первый период моих разговоров с Каменевым.

* Так в тексте. Правильно: Ральцевич.

Не помню сейчас точно дату, но, по-моему, по возвращении его из второй ссылки²⁰, моё отношение к Каменеву стало ещё более холодным и настороженным. Его назначили заведующим «Academia», его кандидатура выдвигалась в Академию наук, его печатали, он часто бывал у Горького.

Не помню теперь подробностей: от Горького ли мне звонили, Накоряков²¹ ли мне звонил, или сам Каменев, но меня просили, чтобы я захватил Каменева к Горькому, т. к. Горький пригласил меня, Накорякова и Каменева для разговора о художественной литературе. Таким образом, у Горького я ещё раз встретился с Каменевым.

Я думаю, что не совсем удобно говорить здесь кое-что, связанное с именем Горького.

С МЕСТА. А вы не связывайте это с именем Горького. Вы говорите, какие беседы были у вас с Каменевым.

[ТОМСКИЙ]. В разговоре с Горьким произошло резкое размежевание меня с Каменевым. Когда Алексей Максимович попытался нас подытожить, я сказал ему, что я с Каменевым ничего общего не имею ни политически, никак. Общих интересов у нас нет, как у бывших оппозиционеров.

И Горький, и Накоряков приглашали Каменева быть главным редактором ГИХЛа²². Он отказывался. Я его не убеждал в этом. Он думал, что и я сторонник этого предложения, но я сказал, что это предложение не от меня. Никаких больше свиданий, кроме последней встречи на XVII съезде партии, я с Каменевым не помню. На XVII съезде партии, после выступления Зиновьева, он в кулуарах подошёл ко мне и полушутливо спросил: ты не очень рассердился на то, что мы так крыли правую оппозицию. Я ему в таком же шутливом тоне ответил: ну что ж, ваше положение такое, что вам на чужих грехах выезжать надо.

Каменев неоднократно приглашал меня к себе на дачу. Он жил в Ильинском. Я всячески уклонялся от этих приглашений.

Была у меня ещё одна связь с Каменевым в связи с собакой. Каменев просил меня дать им сторожевую собаку. Я сказал, что у меня собаки нет, нужно спросить в милиции. Спросил в милиции, там говорят: приезжайте, выбирайте.

Умышленно или нет (теперь я предполагаю, что это было сделано умышленно, чтобы сблизить меня с Зиновьевым) Каменев прислал ко мне Зиновьева, и я с Зиновьевым совершенно открыто поехал в Главную милицию посмотреть собаку. Там мы выбрали собаку.

Ничего политического в этой встрече с Зиновьевым я не помню. Ничего политического не было. Это была моя вторая встреча и последняя с Зиновьевым. Первая встреча с ним произошла в Наркомпросе в 1932 году. Я пришёл на одно из заседаний коллегии. Я был членом коллегии и Зиновьев был членом коллегии Наркомпроса. То ли заседание коллегии было перенесено, то ли я просто рано пришёл, но застал я пустой зал. Там были только Зиновьев и Крупская. Меня встретил Зиновьев с распростёртыми объятиями, как старого приятеля: как я рад видеть хоть одного из старых товарищей. Зайдём ко мне в кабинет поболтаем.

С МЕСТА. Без Крупской[?]

[ТОМСКИЙ]. Да. Разговор происходил минут 15, может быть, 20. Зиновьев жаловался на своё положение, говорил, что он чрезвычайно заброшен, что работа в Наркомпросе его не удовлетворяет, что он не создан для этой работы, что ничего в этом бюрократическом творчестве он не понимает, что он понимает как тяжело моё положение. Говорил о большой тревоге за положение в стране и упорно приглашал меня к себе на дачу.

Тогда же я сказал ему: это неудобно, это может быть плохо истолковано. С какой стати я к тебе приеду. Он тут же сказал мне: ну, тогда я приеду к тебе на дачу. Нет, сказал я, не надо и тебе приезжать ко мне.

Он стал приводить шутливые, полуиронические доводы: ты член партии, я член партии, разве членам партии запрещено видеть друг друга и т. д. и т. д. Я всё-таки с этим не согласился: видеть друг друга не запрещено, но моё прошлое и твоё прошлое дадут повод к неприятным разговорам.

Никаких разговоров о блоке с Троцким, никакого изложения своей программы – ничего этого не было.

Вот два мои свидания с Зиновьевым.

Каменев в своих показаниях говорит, что Рыков думает так же как Томский, что Бухарин думает также как Томский, но ведь здесь ничего не говорится о том, как я думаю. Этого быть не могло.

Т. СТАЦЕВИЧ. Почему не могло быть, когда вы Каменеву плакали в жилетку, жаловались на свою судьбу.

Т. ТОМСКИЙ. Я этого не отрицаю.

Т. СТАЦЕВИЧ. Так почему вы так наивно ставите вопрос, что вы ничего не говорили, ничего не знаете.

Т. ТОМСКИЙ. Я говорю о фактах, а не даю оценку. Я могу сказать, в какой форме шёл разговор. Он спрашивал меня, как чувствуют себя Рыков и Бухарин. Наверное, я ему сказал: также как и я. Но, чтобы я излагал ему какие-то свои взгляды – этого не было.

Ни от Зиновьева, ни от Каменева я ничего не знал о существовании подпольной организации, не знал ни о каком блоке с Троцким.

Относительно оценки. Вы говорите, что я плакался Каменеву в жилетку, что это скверно и возмутительно. Я с вами согласен. Но я уже говорил, что у меня в 1932 году было ещё очень много заноз, и что лишь постепенно все они исчезли.

Когда меня поставили на чистку, и когда товарищи критиковали меня на партсобраниях, я рассматривал это как совершенно несправедливое угнетение меня. Я честно работаю – чего ещё людям от меня нужно.

На партийной чистке я хотел говорить максимально искренне. Но с чем я не мог согласиться, и чего я не мог признать[?] Я не соглашался с тем, что я ответственен не только за свои поступки, но и за поступки моих сподвижников по оружию, что я ответственен за идеологию Бухарина. После 1929 года со всеми выступлениями и вылазками Бухарина в печати я не был согласен. Я не был согласен с его статьёй, которая, если не ошибаюсь, называлась «организованный капитализм».

Однако, я обязан был нести ответственность и за Рыковскую двухлетку, которая имела отношение и вытекала из правой оппозиции, и за Бухаринскую теорию о вращении кулака в социализм. Этого я не сознавал.

Я утверждаю, что ошибочность своего поведения за этот период я осознал целиком и полностью. Я признаю, что это мне тяжело досталось, но я говорю откровенно, что никаких политических разногласий с партией у меня после этого времени не было, ни по политическим вопросам, ни по общим вопросам, ни по частным вопросам.

Я признаю, и говорю об этом откровенно, что у меня были настроения обиженного человека. Я не понимал, что меня справедливо били и здесь на партсобраниях, и в ЦК. Я говорил: моё исключительное положение, моё особое положение и т. д. и т. д.

Всё это исходило и вытекало из правой оппозиции. Всё это было исторически неизбежно и необходимо. И совершенно, конечно, не случайно, что люди, которых партия в своё время облекла очень большим доверием, и которые совершили столь грубую политическую ошибку, которая имела очень тяжёлые резонансы во всех областях, которая имела своими последствиями таких последышей, как рютинская и углановская группировки, обращались ко мне. Как это ни тяжело, но надо признаться, что каждый контрреволюционер, каждый враг имел право делать на меня ставку, питать в отношении меня какие-то надежды.

Т. СТАЦЕВИЧ. Здесь речь идёт не о ставке. Они прямо заявляют, что вы знали о существовании блока.

Т. ТОМСКИЙ. Я заявляю, что я об их группировках не знал. Это клевета. Если Каменев имел основания надеяться на меня, потому что видел меня несколько раз, что у меня есть ещё какие-то занозы, что я недоволен своим положением, то Зиновьев никаких оснований к этому не имел. У Зиновьева всё от начала до конца – выдумка.

Я сегодня думал: зачем нужно было это говорить. Зиновьева я знаю давно. Это не только беспринципный политик, но самый наглый политик. Если ему нужно для своего авторитета у себя в группировке сказать, что он имеет поддержку Томского, Рыкова и Бухарина или лично Томского, то он это делал.

Может быть, это нужно было ему как аргумент для поддержки своей линии среди ленинградских рабочих, которые ко мне в старое время относились очень хорошо. Но я заявляю, что это ложь со стороны Зиновьева, будто бы я знал об их группировке и будто бы я им сочувствовал.

Я сказал то, что есть. Я сказал, при каких условиях я виделся с Зиновьевым и Каменевым. Если я давал Каменеву повод считать, что Томский это человек, который имеет какой-то осадок против партии, и что, может быть, со временем этот человек будет «наш», то Зиновьеву я такого повода не давал. Его выражение: «Мы с Томским нашли политический язык» – не верно. Этого не было.

Я забыл сейчас фамилию одного человека. Может быть старые огизовцы подскажут её. Это был директор Института иностранной библиографии.

С МЕСТА. Аксельрод.

[ТОМСКИЙ]. Зиновьев сказал мне: у тебя работает Аксельрод. – Да. – Это очень хороший человек. Я его знаю по Ленинграду. У него были неприятности, ты его не обижай.

Вскоре после этого я с треском вышиб Аксельрода не по аттестации Зиновьева, а за финансовую неряшливость. Где теперь этот Аксельрод, я не знаю. Говорят, что он исключён из партии. Тогда, по крайней мере, шёл такой слух.

Что я должен сказать подводя итоги. Я виноват перед партией в своей основной тяжёлой политической ошибке, в своём политическом преступлении – в правой оппозиции. Отсюда все качества. Я виноват перед партией тем, что, хотя и признал принципиальную правоту партии, всё же долго не мог примириться с последствиями, вытекающими из моей ошибки. Я долго рассматривал себя, как гонимого человека. Самолюбие заставляло меня держаться несколько замкнуто. Товарищи по ОГИЗу помнят, что я держал себя замкнуто и от членов партии, и от парторганизации.

Правда, должен сказать, что и со стороны райкома никакой связи не было.

Я виноват в том, что в своё время не сказал партии и ЦК о том, что в 1928 году я виделся с Каменевым, и что эти свидания являлись попыткой создать блок, который не состоялся.

Я виноват в том, что долго считал себя обиженным напрасно, гонимым человеком.

Я прекрасно понимал как политик, что партия должна меня наказать, что партия должна вскрыть все мои ошибки до конца. Но я считал, что если бы партия ещё больше снизила меня, послала бы на низовую работу, но перестала бы меня шевелить* – это было бы правильнее. Поскольку же мне приходилось всё время отвечать за последствия своих ошибок, это создавало у меня настроения обиженного, гонимого человека. Это моя грубая ошибка. Это настроение нельзя было скрыть. Оно невольно сквозило.

РАБИНОВИЧ²³. А сейчас оно не сквозит?

* Так в тексте.

ТОМСКИЙ. Если вы хотите слышать правду, я скажу: нет. У меня сейчас такого настроения нет. А если вы скажете: давно ли нет, давно ли у вас другое настроение, то я вам отвечу так. День и число назвать, конечно, трудно. Это делается, конечно, не сразу. Это переживается постепенно. Но приблизительно 2¹/₂ года я чувствую себя хорошо.

РАБИНОВИЧ. Как же 2¹/₂ года, когда вы говорили, что до [19]35 года вы чувствовали себя обиженным.

ТОМСКИЙ. Этого я не говорил. Вы меня неправильно поняли. До [19]32 года.

СТАЦЕВИЧ. В [19]33 году вы чувствовали себя обиженным, когда вас чистили.

ТОМСКИЙ. Во время чистки (товарищи это помнят) я переживал всё это очень тяжело и болезненно. Но потом у меня это стало быстро проходить.

На первых порах после истории с правой оппозицией у меня иногда возвращалась мысль: а может быть мы были правы[?] Но вскоре у меня создалось совершенно твёрдое убеждение, что всякая оппозиция в партии, всякая группа в партии, какая бы она ни была и с какой бы программой не выступала, неизбежно превратится в контрреволюционную группировку. Это было моё глубокое убеждение.

Уроки правой оппозиции были для меня достаточно грозными уроками для того, чтобы вновь идти на внутрипартийную группировку или внутрипартийные авантюры.

Да, я много сделал ошибок. В этом я свою вину признаю, но я утверждаю, что никогда в жизни я не был беспринципен, никогда на беспринципные группировки не шёл. Я дрался всегда на почве ошибочных, вредных идей, но всё-таки на почве тех идей, которые считал правильными. За это я дрался. Я этого от партии не скрывал. Я выступал на ЦК. За стенами ЦК я никогда не выступал. Хотя должен сказать, что толкали меня на это не раз.

СТАЦЕВИЧ. За стенами ЦК вас прощупывали, вы давали повод к тому, чтобы вас прощупывали, и вы об этом молчали.

ТОМСКИЙ. Правильно. Я скажу даже больше. За стенами ЦК мы, правая оппозиция, хотя и неоформленная, но имели свой ЦК. Фактически это была фракция. Хотя она не была оформлена как фракция. Мы никогда не говорили: для вас обязательна фракционная дисциплина. Люди слушались и без этого.

После этого я всем своим поведением давал повод к тому, чтобы враги партии делали на меня ставку, ходили около меня, прикрывались моим именем, спекулировали им и рассчитывали на то, что Томского можно, дескать, обработать.

Я не сказал здесь одного. Благодаря своему острому языку я причинил большой вред партии, и в период борьбы правой оппозиции всячески прорабатывал Сталина. Всякие такие словечки создают настроения против руководства партии, против вождей партии, но эту свою вину я признал перед ЦК.

СТАЦЕВИЧ. Во всяком случае, эта банда рассчитывала на вас и ваш второй центр.

ТОМСКИЙ. Я сказал всё.

РАБИНОВИЧ. Почему вы не сказали три дня тому назад, когда выступали на собрании, что вы в [19]32 году были у Каменева.

ТОМСКИЙ. Что я должен был бы рассказать?

Главное, что я скрывал, это то, что в [19]28 году у меня было политическое свидание с Каменевым. Я скрыл это от партии и от всех.

РАБИНОВИЧ. Почему?

ТОМСКИЙ. Я и это объяснил. Почему скрывал эту грубейшую ошибку или одну из грубейших ошибок. Были и более грубые ошибки в период правой оппозиции.

Вначале, во время борьбы правой оппозиции, я скрывал по вполне понятным причинам. После окончания борьбы я считал, что оглашение такого случая поведёт к новым разоблачениям правой оппозиции, и снова будут мне трепать нервы. Это единственный мотив. Никакого политического смысла скрывать у меня не было.

Был установлен факт, что Бухарин с Каменевым вели переговоры. Был бы установлен второй факт, что Бухарин, Томский и Каменев вели переговоры.

Если вы хотите услышать от меня психологическую формулировку, то это можно квалифицировать как малодушие. Я боялся, что снова и снова будет ставиться вопрос обо мне, что снова и снова начнутся разговоры на эту тему.

С МЕСТА. Словом вы думали, что это пройдёт незаметно.

ТОМСКИЙ. Если я молчал, то я думал, следовательно, что это пройдёт незаметно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У кого есть вопросы.

Т. ПОДГОРНИЦКАЯ. Вы начали объяснять, почему Каменев и Зиновьев говорили на допросе о вас и не закончили. Объясните, почему они говорят определённо о вас.

Т. ТОМСКИЙ. Я отчасти это объяснил, как мог. Это не первое показание Зиновьева против меня. Я давал письменное объяснение ЦК.

Т. СТАЦЕВИЧ. Члены партии хотят знать, почему ссылаются на вас.

Т. ТОМСКИЙ. Я объяснял. Прошрое моё всем известно, как прошрое человека, облеченного большим доверием партии, которого я не оправдал, выступив главарём правой оппозиции. Выступив главарём правой оппозиции, я по существу явился рупором кулацких настроений, части неустойчивых членов партии, а в значительной части тех, кто стоял в стороне. Это моё прошрое ведёт за мной длинный хвост. Не сразу его изживёшь. Люди опытные чувствовали не изжитие и считали, что можно ставить ставку на нём, можно рассчитывать на него, как на союзника. Если бы я сказал, что ни малейшего повода не давал, то я бы солгал. Я вам говорю, что в 1932 году у меня были тяжёлые настроения, что эти настроения тяжёлые были и во время чистки в 1933 году. Вот это самое ощущение неправильно гонимого, оно чувствовалось окружающими, оно чувствовалось прожорливыми политиками.

Я боюсь здесь ошибиться. Мне кажется, что после 1933 года, я виделся с Каменевым только у Горького. Разговор шёл о редакторах. Алексей Максимович, со свойственной ему добротой, ценя Каменева, как очень ценного и культурного литератора, а по видимому меня ценил, как организатора. Горький сделал такое предложение – чтобы вам, вот таким людям, которые были в своё время все* а теперь стоят в стороне от партии, чтобы вам не поговорить по душам со Сталиным, поговорить, объяснить и, мне кажется, что многие недоразумения взаимные, непонимания окончились бы. Людей мало, людей надо привлекать, жалко, что такие люди не целиком используются. Я первый ответил, что Вы такие вещи предлагаете – я и он будем говорить со Сталиным, у меня с ним ничего общего нет. О чём мы будем говорить – я и Каменев – со Сталиным, и о чём он с нами станет говорить, и что я могу ему сказать. Каменев тоже сказал – нет и нет. Не помню, как он это сказал – полушутя – вы ещё меня с ним свяжите, какие тут разговоры могут быть. Вот суть разговора с Горьким.

Это было после чистки в 1934** году. Но никаких разговоров с Каменевым, вернувшимся со второй ссылки, не было.

СТАЦЕВИЧ. Кто поверит вам, что вы ехали с Зиновьевым, и шёл всё время разговор о том, какую собаку брать на охоту[?]

[ТОМСКИЙ]. Я вам говорю только одно, что с Зиновьевым у меня политического разговора о его платформе и моей платформе не было, и что о его блоке с Троцким в автомобиле разговора вести не буду***.

С МЕСТА. А где это было. В автомобиле вы такой разговор не вели, а где же вели[?]

* Так в тексте. Возможно, пропущено слово: вместе.

** Так в тексте. Правильно: 1933.

*** Так в тексте.

[ТОМСКИЙ]. Я уже сказал, что не было, зачем употребляете такой грубый приём. Я ещё не сказал об одном свидании с Зиновьевым. Это свидание выпало из памяти, но оно записано. По отношению к Каменеву и Зиновьеву всё время со стороны ЦК было такое указание. Когда они отправлялись в ссылку, было указание давать им работу. Когда поехали во вторую ссылку, опять дали указания – можете дать им работу. В соответствии с этим, Зиновьев стал звонить о том, чтобы я его принял. Я не знаю, нужно быть очень недалёковидным политиком, чтобы полагать, что видеться с двоекратно ссылаемым Зиновьевым в моём положении было очень приятно. Я всячески избегал этой встречи. Однако он прислал записку, в которой просит выяснить его положение и поговорить о делах. Он ко мне приходил в ОГИЗ.

С МЕСТА. Куда[?]

[ТОМСКИЙ]. Сюда. Держался очень подавлено. Я не могу вспомнить, что он говорил, но смысл и впечатление осталось от того, как он держался, как о человеке, невинно страдающем. Просил о работе, о том, чтобы дал распоряжение. Жаловался, что никакой работы не имеет, заработка нет.

Центральный Комитет разрешил, почему не дать распоряжение. Я вызвал к себе из Соцэкза (Кретова не было) говорил с Жировым. Я сказал: придёт Зиновьев, с ним можно восстановить старые договора, поговорите с ним, работу ему давать можно.

У меня есть записка от Зиновьева, которую я переслал в ЦК.

Когда звонил Жирову, Зиновьев спросил, кто это такой, какое его прошлое.

Я ответил, что мало его знаю, кто-то из бывших приятелей Слепкова. Он сказал, будто я сказал, что это один из наших ребят, из группы Слепкова. Неужели я мог сказать – Жиров из нашей группы, из группы Слепкова. Надо быть человеком о двух головах или членом их группы. Если бы я был членом группы Зиновьева, то я сейчас сидел бы рядом. А если бы я был в Слепковской группе, я был бы в концентрационном лагере.

Я мог ему только обронить слово, но и то, я не помню. Может быть, он в концентрационном лагере.

РАБИНОВИЧ. Почему вы думаете, что не могли бы обронить такое слово[?]

[ТОМСКИЙ]. Я разбираюсь, откуда у него повод сказать, ибо я знаю, что я не говорил и не мог сказать. Я никогда не считал Жирова и Слепкова своим парнем, и во время правой оппозиции они стояли несколько в стороне.

И не мог я этого сказать.

Когда я его принимал, я знал, что это очень неприятно – видеться мне с Зиновьевым. Лишь теперь понимаю, что я понадеялся, что мне с такими людьми надо было видеться при третьем лице.

Недавно был Рязанов, сотрудник Соцэка. В отношении его разрешили сотрудничать без проставки фамилии.

Когда был Рязанов, думаете, что приятно было видеться с ним. Он тоже жаловался, что его угнетают. Он сказал о себе – беспартийный, не восстановленный.

Я его спросил – разногласия есть. – Нет.

Почему не в партии. – Не могу признать ошибки, которые мне приписывают. И называл себя – непартийный большевик.

Рязанова мы все хорошо знаем. Выявлять его физиономию – это мартышкин труд.

С такими людьми надо говорить при третьем лице.

СТАЦЕВИЧ. Об этих встречах, которые имели с Каменевым, о хныкании, вы Рыкову или Бухарину говорили[?]

[ТОМСКИЙ]. Я должен сказать так. С Бухариным и Рыковым у меня уже после моей болезни старые отношения не наладились. Я был за границей около года, после болезни отношения не наладились, а вскоре порвались и личные отношения. Было очевидно, что эти личные отношения ведут к ложному представлению. С Бухариным

порвались отношения по второстепенным, не имеющим к политике отношения, вопросам, притом порвались довольно резко.

С Рыковым личные отношения, как с членом партии, продолжались. Месяцев шесть назад он был у меня на даче. Его жена знакома с моей женой.

СТАЦЕВИЧ. О встрече с Каменевым вы ему говорили[?]

[ТОМСКИЙ]. Возможно, что в разговоре с Рыковым говорил, что Каменев у меня бывает, но чтобы это имело политический оттенок, этого не было.

Было ли у меня подозрение, или считал ли я, что они разоружились[?] Нет²⁴.

СТАЦЕВИЧ. Если считали, что не разоружились, зачем же вам жаловаться Каменеву на свою плохую судьбу.

[ТОМСКИЙ]. Есть ли у них группировка подпольная, этого я не знал. В то, что они примирились с партией и стопроцентные большевики, я не верил. Если бы это было правильно, я бы не считал это своей ошибкой, а это я считаю своей ошибкой.

Я громко говорил о том, что я Стэну не доверяю, а его восстановили. Меня не спросили.

Хотите, скажу своё мнение о члене партии. Я Преображенскому Евгению не верю. Наоборот, зная его, я считаю, что он и как теоретик, и, главным образом, как теоретик, может быть, только как теоретик не мог и не может примириться с партией.

Это моё субъективное убеждение. Я никогда с ним не виделся, кроме как на XVII съезде партии.

СТАЦЕВИЧ. Какие оппозиционеры, кроме Зиновьева и Каменева приходили к вам[?]

[ТОМСКИЙ]. Ко мне приходил Шляпников – раз в [19]32 году и раз в [19]33 году.

СТАЦЕВИЧ. Какой разговор был[?]

[ТОМСКИЙ]. Шляпников тогда уходил в отпуск, просил дать ему книгу, вполне легальную книгу. Последний раз, когда я его видел, он возвратился из ссылки. Он сказал – сейчас вернули, еду в Кисловодск.

Я спросил его о работе. Он мне сказал: работа неопределённая.

Я спросил его о партийном положении, он ответил: в партию не приняли, только вернули из ссылки.

Я спросил, что дальше намерен делать. Он ответил: поеду сейчас лечиться.

Никаких политических разговоров не было. Я от Шляпникова всегда был далеко. Лично с ним никогда хороших отношений не было.

РАБИНОВИЧ. С Зиновьевым у вас всегда были плохие отношения, а всё-таки он считал нужным придти к вам. С Шляпниковым плохие тоже были отношения, а всё-таки он пришёл к вам жаловаться.

[ТОМСКИЙ]. Вы спрашиваете, кто у меня был[?] У меня бывает самый разнообразный народ. Ко мне заходят полпреды наши. У меня была Коллонтай, бывший лидер «рабочей оппозиции».

РАБИНОВИЧ. Кроме Шляпникова, кто ещё был[?]

[ТОМСКИЙ]. Шляпников, Рязанов, Каменев, Зиновьев, Фёдоров, когда заведывал Картотрестом²⁵. Он был председателем Картотреста. У нас с Учпедгизом²⁶ был договор, было тяжёлое дело, с которым доходили до ЦК. Были взаимные финансовые отношения. Заходили и бывшие до него директора.

С МЕСТА. В последние годы Угланов заходил к вам[?]

[ТОМСКИЙ]. Нет.

С МЕСТА. А когда был в последний раз[?]

[ТОМСКИЙ]. В последний раз видел его перед рютинской оппозицией в 1932 году.

С МЕСТА. О встрече с Углановым вы партии сообщили[?]

[ТОМСКИЙ]. Это партии известно.

С МЕСТА. Признаёте ли вы идейное родство с Зиновьевым и Каменевым. Верите ли вы в себя, что вы являетесь стопроцентным большевиком[?]

[ТОМСКИЙ]. Никогда у меня идейного родства и по существу, и по природе ни с Зиновьевым, ни с Каменевым никогда не было.

С МЕСТА. А как же совпадают ваши настроения[?]

[ТОМСКИЙ]. Совпадение настроений людей, которые считают себя обиженными. Ничего политически общего не было.

СТАЦЕВИЧ. Новая платформа на почве обиженной любви.

[ТОМСКИЙ]. Платформой нельзя назвать, а вредное и скверное настроение.

РАБИНОВИЧ. Сейчас обиженным считаете[?]

[ТОМСКИЙ]. Нет, ни в чём. Я доволен работой в ОГИЗе, она меня вполне удовлетворяет.

С МЕСТА. Угнетённым себя не считаете[?]

[ТОМСКИЙ]. Не считаю, и не чувствую.

РАБИНОВИЧ. Вы говорите, что в 1933 году считали обиженным, а с какого времени не считаете обиженным[?]

[ТОМСКИЙ]. Чистка оставила у меня другое впечатление. Вы поймите мои настроения во время чистки. Мне, столько лет пробывшему в партии, прожившему в партии, в течение нескольких дней выслушивать речи и то, что я считал неправильным в отношении меня со стороны молодёжи, было слишком тяжело.

СТАЦЕВИЧ. А вы помните, что вам сказал Ворошилов насчёт вождизма[?]

[ТОМСКИЙ]. Не помню точно реплику, или его речи относительно вождизма. Позвольте прямо сказать – самолюбив я был всегда. Я не скажу, что не самолюбив сейчас. Самолюбив был всегда. Если хотите, у меня может быть есть избыток гордости. Я честолюбив, но беспринципно честолюбивым не был.

Знайте, что зиновьевцы предлагали мне сделку.

С МЕСТА. Вы об этом не говорили.

[ТОМСКИЙ]. Это известно Центральному Комитету партии. Если бы я был беспринципным человеком, то я перешёл бы к Зиновьеву, потому, что он мне давал большую взятку, по его мнению. Я это отверг и пошёл со Сталиным без малейшего колебания.

Беспринципности у меня нет. Поэтому и говорю – из-за какой-либо власти честолюбия у меня нет.

С МЕСТА. Тут пытаются задавать вопрос, а вы на него не отвечаете или срок, который называете, для меня не ясен: с какого времени вы чувствуете себя не обиженным, а удовлетворённым[?]

[ТОМСКИЙ]. Я вам в самом начале речи сказал довольно ясно. Тут нельзя назвать ни дня, ни даты. Это всё изживается постепенно. Если бы я спросил Авакова, с какого числа вы стали коммунистом, то это было бы довольно нелепо. Нельзя человеку сказать в один прекрасный день – я стал коммунистом, я в бога не верю. Это складывается постепенно. Так это было и у меня.

В 1932 году, помню, я чувствовал себя тяжело угнетённым. Потом это стало проходить. После чистки опять почувствовал себя тяжело. Потом прошло.

Нельзя сказать о дне числе. Это значило бы солгать.

Вы меня спрашиваете – ты вернулся из-за границы больным, а вы помните, что моё состояние в 1932 году не такое, как сейчас. Заметно это[?]

С МЕСТА. Заметно.

[ТОМСКИЙ]. Также и моё духовное состояние. Болезнь точно также изживалась постепенно. Я имею в виду духовную болезнь. Я, собственно, хорошо себя почувствовал за последний год. Я считаю, что с переездом в этот дом, у меня создались лучшие

отношения и с парторганизацией и со всем кругом. Я чувствую, что у меня нет больше никакой занозинки. Если вы коммунист, то вы это чувствовали и по моему отношению и к партийному собранию и т. д.

Вы, вероятно, чувствовали, что у меня в отношении к партсобранию и к организации исчезла обособленность. Если вы сравните мои отношения к парторганизации и к коммунистам, то вы скажете, что это разные отношения. Как же я могу сказать о числе. Если вы хотите сказать, где такой рубеж, который заставил меня ужаснуться, ужаснуться того, к чему могла бы меня привести оппозиция и не осознание своих ошибок, если хотите знать, когда мороз по коже прошёл от сознания того, что если бы я не сложил оружия, шёл по пути Зиновьева и Троцкого, этим рубежом явилось убийство Кирова.

До убийства тов. Кирова я чувствовал себя в партии хорошо. Всю политику партии сначала до конца я признавал. У меня и раньше были такие мысли. Я уже почувствовал до XVI съезда партии, и с каждым днём закреплял мысль, что когда мы сходились – я, Бухарин и Рыков, брюзжали, отдельные мероприятия критиковали, у меня и тогда явилась мысль, которая заставила меня прекратить эти собеседования. Мысль эта была о том, что критика, взгляды – это неправильно, а из этого выйдет то-то, что неизбежно должно привести меня и всякого другого к тому, что человек будет думать – чем хуже, тем лучше. Если дальше так идти, будешь радоваться неудачам. Вот это соображение было у меня давно.

Я говорил уже, что самое трудное, что изживалось, это чувство обиженности. И эти разговоры – а как себя чувствуете; как можно себя чувствовать; бьют тебя, сам видишь – это давало повод к тому, что называют – плакать в жилетку. Это давало повод – я не знал, что Каменев террорист, что у него блок с троцкистами, я только не считал, что он примирился с партией – давало повод расценивать меня как человека, который, при известных условиях, может быть союзником.

РАБИНОВИЧ. Вы очень хорошо знаете породистых собак. Чем вы объясняете, что вас выбрали консультантом по этому вопросу.

[ТОМСКИЙ]. Да, это не случайно. Я очень хорошо знаю породы собак.

РАБИНОВИЧ. И ни о чём он больше не говорил[?]

[ТОМСКИЙ]. Откровенно говоря, могу лишь сказать, о чём можно говорить в автомобиле. Может быть, он плакался на свою судьбу. Я только могу сказать – его разговор о том, что он мне говорил о троцкистском блоке и что я его одобрил – это ложь.

СТАЦЕВИЧ. У них шла речь о вас как о человеке, на которого можно положиться, который может их заменить, когда пролетарская рука их вышвырнет. Они обсуждали вашу кандидатуру.

[ТОМСКИЙ]. Я этого не вижу и, во всяком случае, к этому повода не давал.

ХЕНКИН²⁷. Вы на XVI съезде сказали Зиновьеву – положите оружие на стол, когда это было[?]

[ТОМСКИЙ]. Это было в период борьбы с троцкистской оппозицией. Это было после их выступления на Авиаприборе, когда они выступили против ЦК. Я был членом Политбюро, дрался против Зиновьева и неплохо дрался, по-моему. Они – после поражения на Авиаприборе – Троцкий, Зиновьев, и Каменев – пошли в ЦК и принесли заявления о том, что признают свои ошибки и отказываются от борьбы. Там было решение. И когда речь шла о формулировке их покаянного заявления, я говорил, что оно недостаточно и сказал – потрудитесь сложить оружие на стол. Идейное оружие имел в виду и, тогда мы вам поверим.

Мало ли у меня было перепалок.

С МЕСТА. ЛОБОВА. В какое время, и при каких обстоятельствах они вас покупать собирались[?]

[ТОМСКИЙ]. Это было до зиновьевской оппозиции или перед самой зиновьевской оппозицией. Через одного очень лояльного члена ЦК Зиновьев передал предложение – снять Сталина с поста генсекретаря с тем, чтобы этот пост генсекретаря занял я. Я об этом предложении сказал, что это ерунда, что я считаю, что Сталин на месте. Через два дня мы вместе со Сталиным крыли Зиновьева и Каменева.

С МЕСТА. Когда Каменев даёт показания, он определённо говорит, что вы ему сочувствовали и как сочувствовали. Также определённо говорит и Зиновьев, когда он даёт показания (ч и т а е т). Слушая вас, я не могла понять. Я могу допустить и знаю, что Зиновьев обманывал партию, но как он мог определённо сказать, что к этому же времени относятся мои переговоры с Томским. Он прямо заявил – Томский выразил полную солидарность.

[ТОМСКИЙ]. Это полнейшая ложь. Если бы я вспомнил, то я бы сказал. Что касается Рейнгольда, я его за эти годы ни разу не видел, кроме как на официальных собраниях, главным образом советских. Партийной фигурой он был не великого масштаба, на ЦК он никогда не выступал.

Я Рейнгольда никогда не встречал. С чьих слов он говорит – не знаю. Очевидно со слов Зиновьева или Каменева. Но я, конечно, никакого отношения к Рейнгольду не имел. Рейнгольд для меня был всегда коммунистом делового порядка. Я считал, что такие коммунисты по деловым соображениям, может быть, нужны партии.

То же самое и в отношении Аркуса.

Я знаю зиновьевцев. Кроме Зиновьева и Каменева я знаю Троцкого, знаю Смирнова. Я знал Смирнова ещё до революции. Я знал его в 1909 году, когда я работал в Москве. В то время он был конторщиком в Торговых рядах. Активно он не работал тогда, но оказывал содействие парторганизации²⁸. После этого я знаю его по партийной и советской работе, но большей частью нам с ним приходилось встречаться в качестве врагов. Он всегда был заядлым троцкистом. Я же никакого отношения к троцкизму не имел.

На IV съезде²⁹ меня сняли с работы. Я получил назначение в Туркестан. Я считал, и сейчас считаю, что это не было правильным. В то время в отношении меня было подозрение, которое интриганскими путями создал Зиновьев, которому удалось обмануть Сталина и Ленина. Подозрение было такого рода, будто бы я не хочу вводить Шляпникова в Президиум ВЦСПС потому, что хочу ввести туда бывших троцкистов.

Я сделал ошибку, дав слово Рязанову и вовремя не одёрнув его. Но это была техническая ошибка. Зиновьев обманул Сталина и Ленина. После этого, через 6 месяцев меня вернули в ВЦСПС³⁰.

В эти же годы – в [19]21 году, когда я был членом Реввоенсовета Туркестанского фронта, Троцкий пытался заигрывать со мной, но я отнёсся к этому очень холодно.

Относительно Евдокимова. В своё время с Евдокимовым отношения у меня были хорошие, каких никогда не было ни с Зиновьевым, ни с Каменевым. Евдокимов старый рабочий, человек более простой. Это меня больше сближало с ним.

Знаю я и Бакаева.

СТАЦЕВИЧ. Евдокимов и Бакаев бывали у вас[?]

ТОМСКИЙ. Нет.

ВЕНГРОВ. В каком году была эта «собачья» история[?]

ТОМСКИЙ. В 1932 году.

СТАЦЕВИЧ. После этого Зиновьева никогда не видели[?]

ТОМСКИЙ. Видел, когда он уезжал в ссылку.

ВЕНГРОВ. В каком году[?]

ТОМСКИЙ. В конце 1932 года.

ВЕНГРОВ. А они ссылаются на [19]34 год. В 1934 году видели их[?]

ТОМСКИЙ. Нет. Утверждаю это.

ВЕНГРОВ. А с Каменевым когда виделись последний раз[?]

ТОМСКИЙ. В 1934 году у Горького.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы сказали сейчас, что начиная с 1935 года и в 1936 году вы чувствовали себя вполне хорошо и были довольны своей работой здесь, в ОГИЗе.

У меня к вам вопрос такого порядка. Последние события в «Доме книги» и наша практика говорят о том, что вы в очень многих случаях проявляли нерешительность и не снимали людей, не оправдывающих своё служебное положение, не оправдывающих себя ни как члены партии, ни как советские работники.

ТОМСКИЙ. Назовите фамилии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы сами говорили по поводу ШВАРЦА. Вы поступили слишком мягко. Правда, у вас были другие соображения. Я не намерена об этом спрашивать. Четыре года сидел у нас в аппарате Жданов. Если вы чувствовали себя здесь хорошо, на месте, то почему вы не сняли его[?]

То же самое в отношении Титова и Слободчикова. Вы проявили нерешительность, не желали снимать их.

ТОМСКИЙ. Это же разные люди.

Моё отношение к Шварцу очень хорошо знают многие работники ОГИЗа. Шварц несколько раз подавал в отставку. С Шварцем у меня было много тяжёлых сцен, особенно в 1933–34 годах. Шварц всё время вёл склоку с моими другими замами. Он вёл склоку с Васильковым. С Дегтярёвым же, теперешним начальником дороги они были союзниками и друзьями. Шварца я всегда считал за человека очень способного, культурного, но считал, что он в работе барич, вельможа, что он не бережливо относится к советской копейке, что он всегда стоит за свой аппарат и выполняет волю аппарата.

Говорил я с ним по этому поводу не раз. Моё мнение о Шварце не скрывал ни от кого. То, что я говорю вам сейчас, я говорил в Отделе печати ЦК и при свидании с т. Стацевичем. Я примерно так же характеризовал Шварца, так же как и сейчас, ничего более к этому добавить не могу.

Однако мне давали понять, что Шварц должен оставаться. Когда речь шла о выделении Книгоцентра я хотел избавиться от этого болота. Вначале я протестовал против выделения Книгоцентра. Решением Оргбюро, в частности, т. Кагановича, было задержано приведение этого в исполнение. Но потом было вторичное решение при моём участии в [19]33 году выделить Книгоцентр. Это требовало подтверждения Политбюро. Дело тянулось месяц за месяцем. Все эти разговоры демобилизовывали меня.

Кода Оргбюро обсуждало вопрос о выделении Шварца мы были в Совнаркоме. На вопрос по поводу Шварца т. Стецкий* что мы Шварца знаем, что это хороший работник, что его нужно назначить.

Какое отношение к Шварцу могло быть у меня после этого. Не все замы нам всегда нравятся. В конце 1935 и в [19]36 году Шварц стал** работать более лояльно. В нелояльности его ловили и я, и Брон³¹, и Герасимов³² и т. д. Он старался обходить ОГИЗ, старался всегда идти прямо в Совнарком.

Помню историю с резолюцией. Это было в то время, когда пошли комиссии партийного контроля. Шварц пришёл ко мне и сказал о том, что по отношению к нему вынес-ли такую-то резолюцию. На это я ему ответил: я в ваши дела не вмешиваюсь.

СТАЦЕВИЧ. А вы должны были вмешиваться, вы ведь непосредственный хозяин.

ТОМСКИЙ. Когда мне велели вмешаться, я пришёл к ним на партсобрание, и самое резкое и решительное выступление было моё. В духе моего выступления была на-

* Так в тексте. Очевидно, при печатании стенограммы пропущено: сказал.

** Так в тексте. Из контекста следует утверждение: не стал.

писана резолюция. Но когда Шварц приходит ко мне и говорит, что против него вынесли резолюцию, то я ему ответил: это ваши партийные дела.

Что же – я должен был оказывать давление на парторганизацию или давать Шварцу совет, как он должен держаться на партсобрании[?]

Что было дальше с этой резолюцией. Он пошёл в Отдел печати ЦК. Там по поводу этой резолюции сказал, что она ненужно длинна, размазана, бог весть что в ней нагорожено, зачем это нужно, нужна резолюция короткая и т. д.

РАБИНОВИЧ. Что вы валили на Отдел печати ЦК. Лагун был в вашем аппарате. Шендерович был в вашем аппарате. Юрень был в вашем аппарате. Лотиш был в вашем аппарате.

ТОМСКИЙ. Были.

РАБИНОВИЧ. Почему вы об этом не говорите. Вы чувствовали себя хорошо, чувствовали себя удовлетворённым, как же вы смотрели на то, что были такие враги как Лагун, Шендерович, Юрень, Лотиш.

ТОМСКИЙ. Если бы я знал, что они враги, так они не сидели бы у нас.

РАБИНОВИЧ. А вы не знали[?]

ТОМСКИЙ. Не знал.

РАБИНОВИЧ. Как же это расценить с точки зрения бдительности коммуниста-большевика[?]

ТОМСКИЙ. Тов. Рабинович, позвольте вам в порядке самокритики задать вопрос, как вы терпели Добричева, как пропагандиста райкома. Где была ваша большевистская бдительность[?]

Я поставил вопрос о снятии Лагуна, когда вскрылась вся эта история. Шварц и инструктор ЦК Кизюк уговаривали меня, говорили, что его можно оставить в системе КОГИЗа. Я с этим не соглашался, говорил, что в системе КОГИЗа Лагуна оставлять нельзя. Они хотели перебросить его в какое-нибудь отделение. Я и с этим не соглашался.

Лунинского я не знал. Я всем говорил, что у меня есть сомнение, но у меня не было фактов. Он, кажется и до сих пор член партии.

С МЕСТА. Вчера его исключили из партии.

ТОМСКИЙ. Кого я только не спрашивал относительно Лунинского. У меня не было возможности выявить, что у него за душой. Если бы я якшался с ним, покровительствовал ему, тогда вы вправе были бросить мне упрёк. У меня такое же отсутствие бдительности как и у всех нас.

Относительно Жданова. Жданова я решил снять. Я не мог только вначале найти другую кандидатуру. Он уже ушёл.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Совсем недавно. Как только получил партбилет, так пришёл открепляться от нас.

ТОМСКИЙ. Повторяю, я хотел его снять, но не видел подходящей кандидатуры. Я не могу сказать вредитель ли Жданов, троцкист или нет. При Герасимове он работал ничего. Герасимов его хвалил. При мне он работал плохо.

ТОРНЕР³³. Собрание интересуется одно. В газете написано, что Бухарин и Рыков имели иную тактику, чем вы.

ТОМСКИЙ. Я сказал всё.

ТОРНЕР. Вы говорите, что не можете смотреть в душу людей. У вас работал Шендерович. Он был исключён из партии. Вы знали, что он был связан с Гертиком и Бакаевым. Вы знали, что после [19]34 года, после убийства т. Кирова, Шендерович был с ними связан, и вы его поддерживали, вели с ним разговоры. Чем это объяснить[?] Ведь вы были политическим руководителем. Ведь мы не можем разделять хозяйственника и политика. Как же вы не разглядели его[?] Я, уж, не говорю о других.

ТОМСКИЙ. Относительно Шендеровича. Я виноват в том, что эта старая лисица меня надула. Я слишком формально подошёл к выполнению указаний, которые дал на Пленуме ЦК т. ЕЖОВ. Тов. Ежов говорил: осторожнее относитесь к исключению. Вы делаете грубейшую ошибку, говорил т. ЕЖОВ, когда исключённого из партии человека лишаете и работы и хлеба, и всего. Человеку ничего не остаётся делать как только идти в ряды врагов партии.

Я знал, что Шендерович был исключён из рядов партии. За что? За вечеринку у Гертика. Тогда ему ничего другого в вину не вменялось. Я сам вызывал его. Не Шендерович пришёл ко мне, а я вызвал Шендеровича. Я считал, что Ципин перегнул. Это моя ошибка.

Я спросил Шендеровича: что ты делаешь сейчас, и что ты намерен делать. Я знал Шендеровича как очень ценного, квалифицированного работника. Я помнил и указания о том, что нельзя исключённых из партии немедленно прогонять с работы. Если он контрреволюционер его надо арестовать. Если не надо арестовывать, то ему надо дать работу. Не может же он болтаться между небом и землёй.

Эта старая лисица плакала у меня. Я ему поверил. Оказался дурнем. Он меня обманул. Он говорил мне: мне ничего не остаётся делать, как покончить жизнь самоубийством. Я его ободрял: брось старина, ты большевик.

СТАЦЕВИЧ. Вы категорически отрицаете, что вели разговоры с Зиновьевым и Каменевым относительно центра[?]

ТОМСКИЙ. Категорически отрицаю.

СТАЦЕВИЧ. Таких разговоров не было[?]

ТОМСКИЙ. Не было.

СТАЦЕВИЧ. Чем вы объясняете, что Каменев считал нужным изливать вам свои настроения[?] Почему Шляпников, приехав из ссылки, считал нужным за помощью обратиться в первую очередь именно к вам[?] Почему Жиров считал нужным обратиться именно к вам, передавал вам привет от Слепкова[?] Почему вся эта мразь считала нужным в первую очередь придти к вам и более или менее откровенно разговаривать с вами[?]

ТОМСКИЙ. Мотивы разные. Шляпников и Жиров разные люди.

СТАЦЕВИЧ. Разные люди, но люди, которые имели определённое отношение к нашей партии. Это разные люди, но одного и того же поля. Почему вся эта мразь считала нужным приходить именно к вам, излагать вам свои настроения и откровенно с вами разговаривать[?]

ТОМСКИЙ. Шляпников – старый ленинградский рабочий. Я не придавал всему этому политического значения. Шляпников не мог на меня рассчитывать. Он совершенно открыто ходил ко мне.

Жиров совершенно неизвестный мне человек. Первый раз я его увидел здесь.

СТАЦЕВИЧ. Тем более: человек вас не знал, вы его тоже не знали, и все-таки человек считает нужным откровенно говорить с вами.

ТОМСКИЙ. Это вытекало из всего моего прошлого, как лидера старой оппозиции, на которого все эти люди считали своим долгом смотреть как на своего возможного союзника.

СТАЦЕВИЧ. Жиров, которого вы не знали и который вас не знал, считал нужным придти к Томскому, который, казалось бы, отказался от правооппортунистических взглядов и стоит за генеральную линию партии. Очевидно, в этих кругах считали, что Томский свой человек, с которым можно поговорить по душам.

ТОМСКИЙ. Очевидно. Это вытекало из моего прошлого, как лидера правой оппозиции.

СТАЦЕВИЧ. У вас как у большевика должна быть большевистская принципиальность: с кем иметь дело, с кем как разговаривать. Можно было бы сказать: я с тобой не хочу разговаривать, уходи от меня.

ТОМСКИЙ. Необходимость такой твёрдой принципиальности, необходимость такого подхода к людям, я понял, к сожалению очень поздно – после Кировского убийства. По отношению к этим людям я был корректен и вежлив. Такой принципиальности у меня не было.

СТАЦЕВИЧ. Разрешите не поверить вам. Вы не верили этим людям как член партии. Тем не менее, вы говорите, что вы поняли необходимость большевистской принципиальности после Кировских событий.

Вы считали, что эти люди обманули партию, что они не разоружились до конца. Неужели нельзя было найти большевистского мужества, чтобы сказать: я с вами по этому поводу разговаривать не желаю. Если вы пришли по делу – говорите, а так я разговаривать с вами не хочу.

ТОМСКИЙ. Такого отношения в [19]32 году у меня не было. Это моя ошибка. Я взял неправильный, слишком приятельский тон по отношению к Каменеву. Это я признаю.

СТАЦЕВИЧ. Дело не в признании. Нас интересует вопрос следующего порядка. Вы заявляете, что вы были в основном согласны с линией партии, что в основном вы признавали линию партии. Очевидно, вы признавали линию партии только формально, для того, чтобы ваше самолюбие больше не задевалось.

Если бы вы признавали линию партии по настоящему, от души, то, вероятно, эта мразь к вам не ходила бы. Вы рассуждаете очень наивно. Вы говорите, что поняли необходимость большевистской принципиальности после злодейского убийства Кирова. Я этому никогда не поверю.

Ведь, если бы дело шло о каком-нибудь молодом члене партии. Ему бы сказали: ты был на вечеринке, где Троцкий вёл разговоры, почему ты не заявил об этом. И он ответил бы нам: я политически малограмотный человек.

Вам я не поверю.

ТОМСКИЙ. Я не говорю, что я понял необходимость большевистской принципиальности в 1934 году.

СТАЦЕВИЧ. Почему вы в отношении этой мрази не проявили большевистскую принципиальность. Вы говорите, что поняли необходимость такой принципиальности после убийства т. Кирова.

ТОМСКИЙ. А вы знаете историю наших внутрифракционных и личных отношений за всё время истории нашей партии. Я их знаю. Я их пережил. Когда потребовалась такая принципиальность, когда потребовалась такая настороженность, когда потребовалось так резко выделять вчерашних троцкистов, сегодняшних противников. Это потребовалось только в последние годы, только после контрреволюционных группировок.

Когда мы дрались с Зиновьевым и Троцким, вы думаете, мы в самый разгар борьбы не разговаривали друг с другом. Мы и говорили, и шутили, и встречались. На пленумах ЦК образовывались кружки, где люди смеялись, спорили. Лишь в последнее время потребовалась такая принципиальная чёткость в отношении этих людей. Ведь всё это нарастало постепенно. Вы думаете, что 10–15 лет тому назад требовалось то же, что и сейчас. Нет.

СТАЦЕВИЧ. Это неверно т. Томский. Именно этим и отличается большевик, что он всегда был принципиален. Этому учил нас Ленин, этому учит нас Сталин. Тем более, что вы были в оппозиции. Формально вы признали свою ошибку. Как вы должны были поступить, когда увидели, что к вам идёт одна мразь, другая, третья. Вы не пер-

вый год в партии. Вы должны были сделать для себя политический вывод: почему эта мразь считает нужным с вами откровенничать.

ТОМСКИЙ. Я сказал об этом в своём общем выступлении. Я признаю, что я давал к этому повод. Это вытекало из моего прошлого, из моего нетактичного поведения, что я считаю грубейшей ошибкой.

Что я могу к этому добавить.

СТАЦЕВИЧ. По всей вероятности, это вытекало из того, что вы генеральную линию признали формально, а не по существу.

ТОМСКИЙ. Я сказал и об этом. Всё, что я мог сказать, и что соответствует действительности, я сказал.

ВЕНГРОВ³⁴. Вы говорите, что в [19]28 году имели политический разговор с Каме-невым и скрыли это от нашего ЦК. Можете ли вы сказать сейчас твёрдо, что в вашем прошлом нет никаких разговоров ни с кем другим: ни с открытой сволочью, ни со скрытой сволочью, о которых вы не довели до сведения ЦК[?]

ТОМСКИЙ. Таких разговоров нет. Всё о чём я вспомню, я доведу до сведения ЦК.

ВЕНГРОВ. Всё, что вы здесь говорили, вы, вероятно, вспомнили в последнее время. Когда прогремел выстрел в Кирова, вы выступали у нас на собрании и говорили, что вы пересмотрели всю политическую жизнь до деталей.

Можете ли вы сейчас, как большевик, как кандидат в члены ЦК твёрдо сказать, что вы всё раскрыли до конца, что нет никаких новых фактов, о которых вы не сказали ЦК[?]

ТОМСКИЙ. Я думаю, что это так. Кроме этих людей я ни с кем не виделся. Нигде с ними не встречался. В столовые я не хожу, в театрах не бываю. У меня нет повода для встреч.

СТАЦЕВИЧ. Тем не менее, они считали, что они имеют повод разговаривать с вами. Они возлагали на вас надежды, и ни с кем больше не говорили, как с вами. Я имею в виду вообще правых: Томского, Рыкова, Бухарина.

РАБИНОВИЧ. Вы говорите, что Рыков был у вас последний раз шесть месяцев тому назад, на даче. Он не жаловался на то, что он обижен, угнетён[?]

ТОМСКИЙ. Нет.

РАБИНОВИЧ. Какие разговоры у вас с ним были на даче[?]

ТОМСКИЙ. Говорили о работе.

СТАЦЕВИЧ. Можно по-разному говорить о работе.

ТОМСКИЙ. Никаких разговоров, относящихся к оппозиции, к опорочиванию партии, я с Рыковым не вёл очень давно.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 234. Л. 93–139. Машинописная копия.

¹ Драудин Теодор Янович (1890–1962), член партии с 1907 г. В 1930–1934 гг. зам. заведующего Отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б), затем на руководящих должностях в ОГИЗе. В 1936 г. заведующий Правлением краевых издательств (УКИ); после самоубийства Томского временно исполнял обязанности заведующего ОГИЗом.

² На партийных собраниях большинства предприятий и учреждений столицы обсуждение закрытого письма МК и МГК ВКП(б) «О вскрытых фактах террористической деятельности контрреволюционного троцкистско-зиновьевского блока в г. Москве» не ограничивалось одним заседанием («правильную», хотя и противоположную, оценку действиям подсудимых и органов следствия должен был дать каждый коммунист). В Главном управлении ОГИЗа предыдущее собрание состоялось 17 августа 1936 г. и продолжение его было перенесено на 21 августа.

³ IX съезд РКП(б) состоялся 29 марта – 5 апреля 1920 г. В повестке дня стояло девять вопросов, центральный – вопрос об очередных задачах и принципах хозяйственного строительства. Именно он вызвал наиболее острые дебаты на съезде. Споры, которые велись вокруг централизации и использования «буржуазных» специалистов, возобновились при обсуждении вопроса о «единоначалии и коллегиальности».

- Постановка этого вопроса имела «глубокие корни», а принцип «коллегияльности» не противоречил ни одному из пунктов партийной программы и, более того, соответствовал духу демократического социализма. Всё это делало его «ударопрочным», что было доказано рядом безуспешных попыток В. И. Ленина убедить накануне открывающегося IX съезда партии делегатов съезда Советов, затем съезда Советов народного хозяйства и даже членов большевистской фракции Всероссийского Совета профсоюзов принять резолюции за введение принципа единоначалия. В уже одобренных фракцией и представленных Томским съезду тезисах «Задачи профессиональных союзов» содержалось наиболее бескомпромиссное требование сохранения «существующего ныне принципа коллегияльного управления промышленностью». Решительно защищал принцип коллегияльности и А. И. Рыков. Только авторитет Ленина и его умение убеждать оппонентов привели к искомому большинством делегатов компромиссу. Съезд одобрил принцип единоначалия и, вместе с тем, предложил четыре варианта перехода к «полному единоначалию».
- 4 Имеется в виду группа «рабочая оппозиция», существовавшая в РКП(б) в 1920–1922 гг. Состоявшийся в марте 1921 г. X съезд партии определил её как анархо-синдикалистский уклон в РКП(б), признав пропаганду идей группы несовместимым с принадлежностью к партии. Видными руководителями «рабочей оппозиции» были упоминаемые далее в выступлении Томского А. Г. Шляпников и А. М. Коллонтай. Группа прекратила существование после исключения из партии XI съездом РКП(б) (27 марта – 2 апреля 1922) ряда её членов и вынесенного руководителям группы – Шляпникову, Коллонтай и С. П. Медведеву – последнего предупреждения.
- 5 Стацевич Георгий Михайлович, 1-й секретарь Железнодорожного райкома ВКП(б). Родился в 1898 г., окончил 4-классное вышеназначенное училище. С октября 1917 г. член партии, участник Гражданской войны. С октября 1919 г. на советской, хозяйственной и партийной работе. В апреле 1931 г. отозван с первого курса Историко-партийного ИКП для работы в Московском комитете партии, в апреле 1936 – мае 1937 г. возглавлял партийную организацию Железнодорожного района г. Москвы, куда в том же году переехал ОГИЗ. С сентября 1937 г. 2-й, затем 1-й секретарь Дальневосточного крайкома партии. Снят с работы, арестован после побега в Маньчжоу-Го (13 июня 1938) начальника УНКВД по Дальневосточному краю Г. С. Люшкова. В ходе «следствия» был выявлен неслучайный характер утери бдительности с его стороны. Обвинён в принадлежности с 1928 г. к правой оппозиции, в получении задания восстановить (совместно с бежавшим Люшковым и др.) правотроцкистскую организацию на Дальнем Востоке, подготовить оказание помощи японским интервентам в отторжении от СССР Дальневосточного края и последующего создания буферного государства под протекторатом Японии. Видимо, очевидный «перебор» обвинений спас Стацевича от ВМН. 9 июля 1941 г. был приговорён к 8 годам лишения свободы. 9 августа 1942 г. умер в одном из ИТЛ в Коми АССР.
- 6 Имелось в виду второе письмо, написанное М. П. Томским перед самоубийством (первое – известное письмо И. В. Сталину), которое было адресовано ЦК ВКП(б) и оставлено им в рабочем кабинете в ОГИЗе.
- 7 Имеется в виду конспиративная встреча Бухарина и Каменева в июле 1928 г. на квартире Каменева. Организатором и связующим звеном на встрече непримиримых в недавнем прошлом политических противников выступил Г. Я. Сокольников. Содержание состоявшейся беседы, более похожей на монолог Бухарина, было записано Каменевым и передано, по его словам, Зиновьеву. Вскоре текст этой беседы был распространён троцкистами в виде прокламации под названием «Партию с завязанными глазами ведут к катастрофе».
- 8 Речь, в данном случае, идёт не о письме, а о вышеуказанном документе – прокламации с записью текста беседы Бухарина и Каменева.
- 9 В данном случае речь идёт об известном издательстве «Academia». Существовало с 1922 по 1937 г. (в 1929 г. перенесено из Ленинграда в Москву); в рассматриваемый период входило в состав ОГИЗа. В декабре 1933 – декабре 1934 г. (до ареста по делу «Московского центра») издательство возглавлял Л. Б. Каменев.
- 10 Фома – партийный псевдоним А. П. Смирнова, которым близко знавшие его лица пользовались и в послереволюционное время.
- 11 Речь идёт о И. Н. Смирнове, одном из главных фигурантов проходившего в те дни открытого судебного заседания по делу «антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра».
- 12 Имеется в виду Государственное издательство социально-экономической литературы. Создано в 1930 г. на базе социально-экономического отдела Госиздата РСФСР и издательства Коммунистической академии; до 1949 г. в составе ОГИЗа.
- 13 Кретов Фёдор Дмитриевич (1900–1989), член партии с мая 1918 г. Участник Гражданской войны, с 1921 г. на партийной работе. После окончания ИКП (1929) проректор Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова. С нач. 1930-х гг. заведующий Государственным издательством соци-

- ально-экономической литературы, одновременно в 1934–1938 гг. зам. главного редактора Большой Советской Энциклопедии. С 1938 г. заведующий секретариатом председателя Президиума Верховного Совета СССР. Участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С 1947 г. на преподавательской работе в высших партийных учебных заведениях.
- ¹⁴ Жиров Иван Тихонович (1897–1937), член партии с 1917 г. С 1932 г. главный редактор Государственного издательства социально-экономической литературы ОГИЗ и, одновременно, заведующий кафедрой философии ИКП. 16 апреля 1933 г. приговорён к 3 годам лишения свободы по делу «антипартийной контрреволюционной группы правых Слепкова и др. («Бухаринская школа»)», 3 сентября 1936 г. арестован, обвинён в повстанческой террористической деятельности, 19 августа 1937 г. расстрелян.
- ¹⁵ Речь идёт о старшем из братьев Слепковых – Александре Николаевиче. В обозначенный период времени находился в г. Саратове на положении «высланного», работал в местном педагогическом институте, занимая должность профессора.
- ¹⁶ Деборин Абрам Моисеевич (1881–1963), философ, член АН СССР, первый директор Института философии. В 1907–1917 гг. член РСДРП, меньшевик; с 1922 г. член РКП(б)/ВКП(б). Окончил философский ф-т Бернского ун-та (Швейцария). В 1921 г. возглавил философское отделение ИКП, с 1922 г. член редколлегии, в 1926–1930 гг. отв. редактор журн. «Под знаменем марксизма». В 1931 г. смещён с поста редактора (оставлен в редколлегии) и отстранён от руководства Института философии. С 1935 г. работал в АН СССР.
- ¹⁷ Митин (Гершкович) Марк Борисович (1901–1987), философ, академик АН СССР (1939), лауреат Сталинской премии (1943). В 1921–1922 гг. слушатель восьмимесячных курсов Коммунистической академии им. Я. М. Свердлова, затем на преподавательской работе. В 1929 г. окончил философское отделение ИКП. В 1931–1939 гг. 1-й зам. директора Института философии (фактически возглавлял его работу), в 1930–1944 гг. редактор журн. «Под знаменем марксизма».
- ¹⁸ Ральцевич Василий Николарович (1893–1957), философ. В 1921–1923 гг. учился в Коммунистическом ун-те им. Я. М. Свердлова, в 1929 г. окончил философское отделение ИКП. С 1923 г. работник Агитационно-пропагандистского отдела ЦК партии. С 1929 г. сотрудник Института философии, в 1930 г. один из авторов письма (совместно с М. Б. Митиным и П. Ф. Юдиным), положившего начало кампании по дискредитации философской школы А. М. Деборина. В 1931–1935 гг. зам. директора Ленинградского отделения Института философии. В сентябре 1935 г. понижен в должности с объявлением выговора за «упущение» при редактировании одной из статей. 30 апреля 1936 г. арестован, приговорён к 5 годам лишения свободы. Освобождён в 1941 г. После реабилитации (1955) профессор кафедры марксизма-ленинизма Ленинградского инженерно-строительного института.
- ¹⁹ Луппол Иван Капитонович (1896–1943), философ, специалист по диалектике, эстетике. Член партии с 1920 г. Профессор, заведующий кафедрой ИКП философии (1925–1938), один из создателей и директор Института мировой литературы им. М. Горького (1935–1940). Академик АН СССР (1939). В 1941 г. арестован, приговорён к ВМН, заменённой 20 годами лишения свободы. Умер в мае 1943 г. в одном из ИТЛ в Мордовии.
- ²⁰ Имеется в виду возвращение Л. Б. Каменева из Минусинска, где он отбывал ссылку с декабря 1932 г. по май 1933 г. за не извещение ЦК и ЦКК ВКП(б) о распространении документов «Союза марксистов-ленинцев» («рютинской платформы») и обращения «Ко всем членам ВКП(б)».
- ²¹ Накоряков Николай Никандрович (1881–1970), один из организаторов книгоиздательского дела в СССР. Член РСДРП с 1901 г., с 1903 г. – большевик. В 1911–1917 гг. в эмиграции в США, после возвращения сторонник Временного правительства, в 1919–1920 гг. служил в Белой армии. С 1922 г. работал в Госиздате, возглавлял издательство «Международная книга». С 1925 г. член ВКП(б). В 1930–1937 гг. заведующий Государственным издательством художественной литературы.
- ²² Речь идёт о Государственном издательстве художественной литературы (ГИХЛ; с 1934 – Гослитиздат). Создано в 1930 г. на базе литературно-художественного сектора Госиздата РСФСР и государственно-акционерного издательского общества «Земля и фабрика»; до 1949 г. находилось в составе ОГИЗа.
- ²³ Рабинович – 2-й секретарь Железнодорожного райкома ВКП(б) (г. Москва).
- ²⁴ Из общего контекста следует, что речь идёт о Зиновьеве и Каменеве.
- ²⁵ Речь идёт о Всесоюзном картографическом тресте при Главном геолого-гидрогеодезическом управлении НКТП СССР (1933–1935); с 1935 г. – Главное управление геодезической съёмки и картографии при НКВД СССР.
- ²⁶ Речь идёт о Государственном учебно-педагогическом издательстве РСФСР. Создано в октябре 1930 г. на базе литературно-издательского отдела Народного комиссариата просвещения РСФСР.
- ²⁷ Хенкин Арон Григорьевич, член ВКП(б) с 1932 г., с июля 1936 г. сотрудник аппарата ОГИЗа.
- ²⁸ М. П. Томский демонстрирует весьма поверхностное знание революционной биографии Ивана Никитича Смирнова. Помимо Москвы он вёл партийную работу еще в пяти городах России и, видимо, семь арестов могут свидетельствовать, что эта работа велась достаточно активно. О том же говорят шесть лет, проведённых Смирновым в тюрьме, и четыре года ссылки.

- ²⁹ На IV Всероссийском съезде профсоюзов (17–25 мая 1921) Томскому было поручено внести на обсуждение коммунистической фракции съезда подготовленный специальной комиссией ЦК РКП(б) проект резолюции съезда о деятельности ВЦСПС и в дальнейшем отстаивать этот проект на съезде. Томский устранился от внесения проекта ЦК и коммунистическая фракция приняла и вынесла на съезд проект резолюции в редакции Д. Б. Рязанова, который содержал развёрнутую критику политической линии ЦК в советском профдвижении и, по сути, идею независимости профсоюзов от партии. Данный эпизод стал отзвуком недавно закончившейся в РКП(б) внутривнутрипартийной дискуссии о роли и задачах профсоюзов в советском государстве, которая выявила наличие значительных оппозиционных настроений в рабочем движении и профсоюзах. Поведение Томского и Рязанова 18 мая было обсуждено на пленуме ЦК РКП(б) с участием членов ЦКК. В тот же день, после выступления Ленина на заседании фракции съезда, резолюция ЦК была принята, а Томский и Рязанов были отстранены от работы в профсоюзах.
- ³⁰ В начале июня 1921 г. Томский был назначен председателем Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана. Работал в этой должности около 4-х месяцев: в конце сентября того же года выехал в Москву для участия в заседании пленума партии, а 14 октября по предложению В. И. Ленина Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение об отзыве Томского из Туркестана (не в последнюю очередь ввиду конфликта с членом Туркбюро ЦК РКП(б) Г. И. Сафаровым). В январе 1922 г. избран секретарём ВЦСПС, на V Всероссийском съезде профсоюзов (сентябрь 1922) – вновь председателем президиума ВЦСПС.
- ³¹ Брон Саул Григорьевич (1887–1938), член партии. Высшее образование получил в европейских учебных заведениях. С марта 1927 г. председатель Амторга. За привлечение американских фирм к участию в программе индустриализации СССР (строительству первых в стране тракторных и автомобильных заводов) награждён орденом Трудового Красного Знамени. С кон. 1935 г. зам. заведующего ОГИЗом. 25 октября 1937 г. арестован, обвинён в шпионской и вредительской деятельности. 21 апреля расстрелян.
- ³² Герасимов Николай Павлович (1900–1938), член ВКП(б). Образование высшее. В нач. 1930-х гг. зам. заведующего ОГИЗа. С 1933 г. управляющий Всесоюзным литературно-иллюстрационным фотоиздательским трестом («Союзфото»). 14 марта 1938 г. арестован как участник контрреволюционной террористической группы, созданной Томским в системе полиграфии. 1 сентября того же года расстрелян.
- ³³ Торнер – инструктор Железнодорожного райкома ВКП(б) (г. Москва).
- ³⁴ Венгров Моисей Павлович (1894–1962), член партии с 1920 г. С 1919 г. работал в системе Наркомпроса РСФСР, автор 8 сборников детских стихов и рассказов, один из основателей издательства «Детгиз». После окончания в 1936 г. вечернего отделения литературы ИКП пом. начальника редакционно-планового отдела ОГИЗа. В 1938–1962 гг. сотрудник Института мировой литературы.

Документ № 8
Письмо Н. И. Бухарина членам Политбюро ЦК ВКП(б)
и А. Я. Вышинскому с просьбой быстрейшего разбора
обвинений, прозвучавших в его адрес
на судебном процессе 19–24 августа 1936 г.

27 августа 1936 г.

г. Москва

Всем членам Политбюро ЦК ВКП(б).
Копия – тов. Вышинскому

Дорогие товарищи!

Будучи в городах* Средней Азии, я не имел никакого представления о процессе. Никакого вызова из Москвы – ни от ЦК, ни от Прокуратуры – я не получал. Приехав

* Так в тексте. Правильно: горах.

во Фрунзе¹, я случайно прочёл о показаниях Каменева. Я тотчас отправился в Ташкент, оттуда выслал телеграмму на имя тов. Сталина² и немедленно на самолёте вылетел в Москву. Прилетел вчера, ночью читал газеты, не читанные вдалеке. И, пока мой разум ещё не помутился от того позора и бесчестия, которые созданы не столько фактом моей подследственности, сколько резолюциями, часть коих предполагает доказанной мою виновность (хотя следствие ещё и не начиналось, то есть только на основе заявлений мерзавцев Каменева и др.), я обращаюсь к вам с настоящим письмом.

Затруднительность положения усугубляется тем, что, несмотря на самолёт (и нарушение постановления о летании), я не успел к суду, и, следовательно, не могу уже требовать очной ставки с Каменевым, Зиновьевым, Рейнгольдом. Моих обвинителей по делом расстреляли, но их обвинения живут.

Между тем, я не только не виновен в приписываемых мне преступлениях, но могу с гордостью сказать, что защищал все последние годы, и притом со всей страстностью и убеждённости, линию партии, линию ЦК, руководство Сталина.

Прежде всего, я хотел бы сказать несколько слов о том, зачем, по всей вероятности, понадобилась Каменеву и К^о клевета. Она понадобилась им, по-видимому, в следующих целях:

а) показать (в международном масштабе), что «они» – не одни; б) использовать хотя бы самый малый шанс на помилование путём демонстрации якобы предельной искренности («разоблачать» даже «других», что не исключает прятанья своих концов в воду); в) побочная цель: месть тем, кто хоть как-нибудь активно живёт политической жизнью. Каменев поэтому постарался, вместе с Рейнгольдом, отравить все колодцы – жест очень продуманный, хитрый, рассчитанный. При таких условиях любой член партии боится поверить любому слову бывшего когда-либо в какой-либо оппозиции товарища.

«Правда» от имени партии писала в одной из передовых по поводу людей, имена коих фигурируют в заявлении тов. Вышинского (о следствии), что нужно убедиться, кто честен, а у кого камень за пазухой. Правильная постановка вопроса. Именно это и должно установить следствие.

В связи с этим я должен сказать, что со своей стороны я, вероятно, с [19]33 года оборвал даже всякие личные отношения со своими бывшими единомышленниками М. П. Томским и А. И. Рыковым. Как ни тяжела подобного рода самоизоляция, но я считал, что политически это необходимо, что нужно отбить, по возможности, даже внешние поводы для болтовни о «группе». Что это – не голословное утверждение, а реальный факт, можно очень просто проверить опросом шоферов, анализом их путёвок, опросом часовых, агентуры НКВД, прислуги и т. п. Впрочем, это, кажется, факт общеизвестный и никем не оспариваемый. Между тем, уже один этот факт уничтожает концепцию Каменева–Рейнгольда о сотрудничестве или связях с группой правых. Правых (лидеров) давным-давно уже не было.

Пафос власти у меня лично всегда отсутствовал – это тоже всем известно. А что касается партийной линии, то здесь у моих обвинителей полная путаница: с одной стороны, Бухарин де не согласен с ген[еральной] линией; с другой стороны, они с ген[еральной] линией согласны, но желают голой власти; в то же время Бухарин будто согласен с ними. Здесь такая же логическая подлая нечистоплотность, как и морально-политическая грязь. Между тем, желательно было бы знать, что за другую линию выступал Бухарин? К сожалению, это уже неизвестно навсегда.

По существу дела. После познания и признания своих ошибок (освоение этих уроков во всём их объёме было, разумеется, процессом, а не однократным актом), я во всех областях с подлинной убеждёностью защищал линию партии и сталинское руководство. Я считал и считаю, что только дураки (если вообще хотеть социализма, а не чего-

то ещё) могут предлагать «другую линию». Какую? Отказаться от колхозов, когда они быстрее растут и богатеют на общественной основе? От индустриализации? От политики мира? От единого фронта?³ Или вопрос о руководстве. Ведь только дурак (или изменник) не понимает, что за победоносные вехи: индустриализация, коллективизация, уничтожение кулачества, две великие пятилетки, забота о человеке, овладение техникой и стахановство, зажиточная жизнь, новая Конституция. Ведь только дурак (или изменник) не понимает, что за львиные прыжки сделала страна, вдохновлённая и направляемая железной рукой Сталина. И противопоставлять Сталину пустозвонного фанфарона или пискливого провизора-литератора можно только выживши из ума.

Но я думаю, что троцкистско-зиновьевские мерзавцы лгали, когда они говорили о только-власти без линии. У Троцкого есть своя, глубоко подлая и, с точки зрения социализма, глубоко-глупая линия; они боялись о ней сказать; это – тезис о порабощении пролетариата «сталинской бюрократией», это – оплёвывание стахановцев, это – вопрос о нашем государстве, это – оплёвывание проекта нашей новой Конституции, нашей внешней политики и т. д. Но всё это бьёт в нос в такой степени, что подлецы не смели об этом даже заикнуться.

Я останавливаюсь на всём этом с такой подробностью вот почему. Доказать, что я действую искренне (без «камня за пазухой»), когда уже создана атмосфера (по милости подлецов, возведших двурушничество в чудовищно-всеобъемлющий принцип политики) полного априорного недоверия, можно только затратив много труда.

Теперь, однако, нетрудно понять, что с такой (троцкистской) линией я не могу иметь ничего общего по всему своему прошлому и настоящему.

С другой стороны, голода власти я никогда не имел, а ума не потерял настолько, чтоб на место Сталина прочить аптекарского ученика.

С третьей стороны, группа бывших правых лидеров перестала давным-давно существовать.

Где же место для чего-то (неизвестно чего)?

Нет, товарищи! Со всей искренностью и любовью я защищаю общее дело, и никто не может мне предъявить обвинение в непартийности.

Но, однако же, ответьте – скажут мне – на «факты», о коих говорили Каменев, Зиновьев, Рейнгольд.

О чём говорил М. П. Томский с Каменевым в период работы последнего в издательстве «Академия», я совершенно не осведомлён, ибо не видался с М. П. Томским, как сказано выше. Каменев заявляет, что он поддерживал связь со мной и с Томским, и тут же утверждает, что он у Томского осведомлялся о моих настроениях. Это зачем, раз он разговаривал непосредственно со мной? А как раз именно здесь и запущена ядовитая мысль, отравы: Бухарин де не согласен с линией (в чём? в каких пунктах?), согласен с «нами» (но, ведь, вы, как раз согласны с линией?), а зато имеет особую «тактику»: хочет заслужить доверие, будучи двурушником...

Томского уже нет в живых, и я тоже не могу иметь с ним разговора... Но что мерзавец Каменев здесь хорошо спекулирует, это ясно. Все знают, что вовне я был гораздо более активен (что отчасти стоит в связи и с самим родом моей работы). Исходя из этого факта, он вкладывает в уста Томскому гипотезу (очень удобную для его, Каменева, целей). Подлый двурушник меряет здесь на свой аршин. Я и сейчас, вот этим письмом, борюсь за доверие. Но не для того, чтоб пакостить партии, а для того, чтобы иметь большие возможности работы: я не хочу падать жертвой подлой каменевской клеветы...

Хуже всего то, что эти убийцы говорят, будто я был с ними «согласен» или им «сочувствовал». Нигде не сказано, в чём согласен, в чём сочувствовал. Подлецы молчаливо вставляют сюда, очевидно, и террор, но нигде об этом не говорят прямо. Легко объяснить, почему. Не «своим» они об этом и не могли сказать, ибо сразу же бы «про-

сыпались». На этом была построена у них вся система их отвратительной, подлейшей в истории, практики. Поэтому, речь никогда не шла – и не могла идти – о терроре. А между тем подлый намек (в расплывчатости самой формулировки) дан. Для чего? Для того, чтобы топить честных людей в той же вонючей яме с целью, о коей уже говорил в самом начале письма.

Теперь необходимо сказать о пресловутых «связях» (моих). С Рейнгольдом я не имел удовольствия видетсья, хотя он наиболее «осведомлён» (откуда?). С Каменевым, этим потенцированным⁴ стервецом (в последний период, о котором, собственно, и идёт речь: я, ведь, не отрицаю своего тяжкого преступления в более ранний период и пресловутого разговора, «записанного» Каменевым и переданного им Троцкому⁵) я виделся три раза и вёл три деловых разговора. Все они относятся к тому времени, когда К[аменев] сидел в «Академии», намечался Горьким в лидеры Союза писателей, и когда ЦК ВКП(б) постановил, чтобы мы, академики-коммунисты, проводили его директором Института литературы и искусства Ака[демии] наук (на место, кое раньше занимал умерший А. В. Луначарский)⁶. Мы должны, значит, были даже агитировать за Каменева среди беспартийных академиков, – никто и не подозревал, что за гнусная змея вползает туда. И ЦК не знал. И никто из нас не знал. И я не знал. Тогда ему доверяли. Статьи его печатались в «Правде».

Так вот мои три разговора (самое существенное):

Первый разговор. Я спросил К[аменева], не возьмётся ли он вести, как намечаемый глава литературы, литературный отдел газеты, – тогда я, мол, поговорю об этом с тов. Сталиным. Ответ гласил (примерно, за смысл ручаюсь): «Я хочу вести тихую и спокойную жизнь, чтоб я никого не трогал, и меня чтоб никто не трогал. Я хочу, чтоб обо мне позабыли, и чтоб Сталин не вспоминал даже моего имени».

После этой декларации обывательщины и «тихой жизни» я предложение своё снял. Т[аким] о[бразом], К[аменев] не только не посвящал в свои планы контрреволюции, но весьма основательно от меня маскировался, что и не удивительно. А теперь лжёт злодейской и кровавой ложью.

Второй разговор был у нас в редакции в связи с какой-то печатавшейся у нас Каменевской статьёй (он тогда, как сказано выше, печатался и в «Правде»).

Третий разговор был в общежитии Академии наук, где останавливался всегда и я (мы тогда провели К[аменева], по постановлению ЦК, в вышеназванный институт директором⁷). Там, в общежитии, были общие обеды, чаи, ужины, и все сидели за одним столом. Я читал вслух какую-то свою большую статью (академическую). Из политически важных вещей в памяти остался такой, примерно, диалог между К[аменевым] и мной:

Кам[енев]: «Как дела?»

Я: «Прекрасно, страна растёт, руководство блестяще маневрирует и управляет».

Кам[енев]: «Да, маневрирует и управляет».

Точка. Тогда я не обратил достаточного внимания на полуиронический, очевидно, тон. Теперь у меня это всплыло в памяти.

Но из этого вытекает, что Каменев прекрасно знал о моих партийных взглядах. А что он нагал, как негодяй?

Значит, «связи» с Каменевым не носили никоим образом преступного характера. ЦК «ставил» Каменева на работу и с ним приходилось работать. Теперь только открылось, что Фриц Давид – террористическая сволочь. А недавно он ещё печатался в «Правде». Здесь речь идёт не о нелегальных связях совместно действующих единомышленников-заговорщиков, а о чём-то совсем другом, что нельзя ставить в вину (если можно упрекать, то в недостаточной изощрённой бдительности). Часто, однако, в острые моменты истории некоторые не замечают этой капитальной разницы, а мно-

гие трусят и дрожат априорно. Но здравый смысл требует здесь дифференцированного подхода: иначе можно наделать крупнейших ошибок...

Теперь о Рейнгольде. Мне неизвестен разговор Томского с Зиновьевым в 1932 г., о чём говорит Рейнгольд. Что касается фразы: «Связь с Бухариным поддерживалась через Карева – активного зиновьевца, который был тесно связан с двумя террористическими группами: Сlepкова и Эйсмонта», то замечу следующее:

Во-1) Карева я неоднократно встречал в Ак[адемии] наук, и при том, главным образом, на квартире управделами Академии, Ст. Волынского⁸, старого, испытанного чекиста, который «сопровождал» Троцкого при высылке в Константинополь⁹. Здесь Карев был свой человек, друг дома («Коля Карев»), и при такой специфической ситуации я никак не мог предполагать, что в Кареве сидит террорист. Ни намёка, ни на какие разговоры о терроре здесь, разумеется, не было. Может, это считать за «связь»? Тогда она была и у Волынского, и у его жены, и у всех академиков, кои часто торчали на этой квартире.

Во-2) Я ровно ничего не знал о группе Эйсмонта до разбора этого дела в ЦК; и уж подавно не знал, что Карев был с ней в каких-либо отношениях (если вообще Рейнгольд здесь говорил правду, о чём не мне судить).

В-3) Мне досихпор неизвестно, чтобы группа Сlepкова, группа контррев[олюционн]ая, была террористической. Правда, тов. Сталин самолично показывал мне ряд документов, из коих было видно, что эти люди у меня «вырвались из рук» (Сталин) уже давно, что давно они мне не доверяли, а некоторые считали предателем, что они ушли далеко, что где-то на периферии и здесь иногда всплывали террористические гнусные разговоры, о коих я из этих документов только и узнал. Но до сей поры я не знаю, что группа была террористической. Описания пресловутой конференции, которые мне в свое время давали по распоряжению тов. Сталина, не содержали ни намека на террор. А это было последнее, что я знал о группе Сlepкова.

Следовательно, и из «сообщения» Рейнгольда ничего не получается. С кем бы и как Карев ни был связан, со мной он был «связан» литературно-философскими беседами на квартире у Ст. Волынского, и я не имел – и не мог иметь – вплоть до прочтения газет с отчетами о процессе, ни малейшего представления о его террористической роли.

Мне хочется, наконец, сказать несколько слов о своей заграничной поездке. Вы, вероятно, знаете, что на моем докладе в Париже ни кто иной, как троцкисты, произвели враждебную демонстрацию и были выведены нашими боевиками. Вы, б[ыть] м[ожет], знаете и о том, что парижские троцкисты готовились сделать мне и более крупные неприятности, и что наша агентура просила меня поэтому во что бы то ни стало переехать из отеля в полпредство; что даже французская полиция выставила для моей охраны наряды полисменов, ибо ждали нападения на мою личность... Признаюсь, пасть под такими ударами было бы много лучше, чем пасть под ударами каменевской клеветы, подхваченной своими, близкими, товарищами (см. некоторые резолюции). Я сейчас потрясён до самого основания трагической нелепостью положения, когда, при искреннейшей преданности партии, пробыв в ней 30 лет, пережив столько дел (ведь, кое-что я делал и положительное), меня вот-вот зачислят (и уж зачисляют) в ряды врагов – да каких! Перестать жить биологически – стало теперь недопустимым политически. Жизнь при политической смерти не есть жизнь. Создаётся безысходный тупик, если только сам ЦК не снимет с меня бесчестья. Я знаю, как теперь стало трудно верить, после всей зловонной и кровавой бездны, которая вскрылась на процессе, где люди были уже нелюди. Но и здесь есть своя мера вещей: не все люди из бывших оппозиционеров двурушники.

Пишу вам, товарищи, пока есть ещё капля душевных сил. Не переходите грани в недоверии? И – прошу – не затягивайте дела подследственного Николая Бухарина: и

так мне сейчас жить – тяжкая смертельная мука, – я не могу переносить, когда даже в дороге меня боятся – и, главное, без вины с моей стороны.

Что мерзавцев расстреляли – отлично: воздух сразу очистился. Процесс будет иметь крупнейшее международное значение. Это – осиновый кол, самый настоящий, в могилу кровавого индюка, налитого спесью, которая привела его в фашистскую охранку. У нас даже мало оценивают, мне сдается, – это международное значение. Вообще жить хорошо, но не в моём положении. В 1928–29 преступно наглупил, не учитывая всех последствий своих ошибок, и вот даже теперь приходится расплачиваться такой ужасной ценой.

Привет всем вам. Помните, что есть и люди, которые искренне ушли от прошлых грехов, и которые, что бы ни случилось, всей душой и всем сердцем (пока оно бьётся) будут с вами.

Николай Бухарин.

Некоторые добавочные факты.

Должен, чтобы не было недоразумений, сказать, что за годы моей работы в НКТП и «Известиях», куда ко мне ходило и ходит много всякого народу с разными просьбами, жалобами и т. д., бывали случаи встреч, о коих кратко упоминаю.

1. В НКТП (не помню уж, в котором году) прямо от Серго ко мне зашёл И. Н. Смирнов, сказал, что был в Самаре (или Саратове?)¹⁰, где «голодает» Рязанов и его жена больная, нельзя ли тому помочь. Я что-то обещал справиться, кажется, звонил в ЦИК.

2. В «Известиях» внезапно появился однажды Рязанов, с орденом на груди¹¹ (года не помню, но его легко установить, т. к. тогда ему было разрешено приехать лечить больную жену). Когда я у него спросил, что он сотворил с документом¹², он вскипел, стал стучать кулаком и заявил, что никогда не признает своей вины. Скоро ушёл.

3. Как ни старался я избежать посещения А. Шляпникова, он меня всё-таки поймал (это было в этом году, незадолго до его ареста)¹³ в «Известиях», просил передать письмо Сталину; я сказал своим работникам, чтобы больше его не пускали, потому что от него «политически воняет» (он ныл: «не за границу же мне бежать» и в таком же роде). Его письма, которые он оставил, я не пересылал, видя его настроения.

4. На квартире у Радека, вскоре после моего назначения в «Известия», я однажды вечером встретил Зиновьева (тогда он был в «Большевике» и пришёл к Радеку за книгами): мы заставили его выпить за Сталина (он жаловался на сердце); Зин[oviev] тогда пел дифирамбы Сталину (вот подлец!).

5. Однажды я пришёл к Радеку в Дом Правительства, чтобы прочитать ему, как члену редколлегии, только что написанную мной статью и там встретил длинного, худого человека. Я быстро прочитал статью, а он почти тотчас ушёл. Я узнал, что это был Мрачковский. Радек сказал мне, что он его не мог вытолкать, что велел жене, чтобы больше она его не пропускала, и был очень недоволен его вторжением. Факты эти известны, ибо все посещения в Доме Правительства регистрируются у швейцаров.

Два последние случая, по-моему, не бросают на Радека никакой тени. Я верю в его искренность по отношению к партии и Сталину. Я неоднократно с ним беседовал на острые политические темы: он продумывает их очень добросовестно и во всех выводах крепко стоит на партийной позиции. В малых, кухонных, делах у нас не раз бывали конфликты, и я бывал отнюдь не в восторге от его поведения. Но в большой политике у него, насколько я могу судить, безусловная партийность и огромное уважение, и любовь к Сталину и другим руководителям партии.

6. Звонил однажды Астров¹⁴, но я его не принял.

Добавляю, что людям такого типа, как я или Радек, иногда трудно просто вытолкать публику, которая приходит: это подчас роняет престиж человека, точно он безмерно

трусит («как бы чего не случилось»). Ко мне, напр[имер], приходили в свое время просить за О. Мандельштама (Б. Пастернак. Дело решил тов. Сталин), за С. Вольского (т. Сталин приказал его немедленно освободить по письму его, Вольского, бывшей жены) и т. д. и т. п.

Тут нужно знать меру, но далеко не всегда можно и не всегда нужно обязательно избегать аналогичных посещений. Упомяну ещё о случае, бывшем несколько месяцев тому назад. Ко мне пришёл в «Изв[естия]» б[ывший] секретарь Томского, Н. И. Воинов, и сказал мне, что Т[омск]ий – в полном одиночестве, в мрачной депрессии, что к нему никто не заходит, что его нужно ободрить; он просил меня зайти. Я не выполнил этой человеческой просьбы, подчинив свое поведение вышеупомянутой политической норме. А может, это в данном случае была ошибка. Ведь, и пессимистические политические настроения нередко вырастают на неполитической почве, которая, в свою очередь, может быть производной от политики.

В заключение я должен, товарищи, прямо сказать: я сейчас ни физически, ни умственно, ни политически не в состоянии появляться на работе (хотя и срок моего отпуска ещё не кончился: он кончается только 1 сентября). Я не могу ничего ни приказывать, ни требовать, когда я подследственный и заушаемый¹⁵ заранее в резолюциях. Я глубоко благодарен ЦК, что он не снял меня с «Известий». Но я прошу понять, что работать фактически смогу только после того, как с меня будет снят позор каменевских клевет. Я разбит настолько, что буду сидеть или на квартире или на даче, и буду ждать вызова со стороны ЦК или Прокуратуры.

С комм. приветом Н. Б.

27 августа 1936 г.

Москва

П о м е т ы:

Л. 53. В левом верхнем углу поверх машинописного текста: Читал К. Ворошилов (зелёные чернила), Читал А. Андреев (красные чернила), В. Чубарь (синий карандаш), Читал Ежов (красный карандаш).

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 236. Л. 53–66. Машинописная копия (2-й экз.); Ф. 17. Оп. 171.

Д. 236. Л. 68–82. Чистовой автограф. Написано фиолетовыми чернилами на половинках писчей бумаги; Два первых листа (Л. 83 и Л. 84) машинописной копии документа (1 и 3 экз.)

с пометами: Л. 83 – на верхнем поле красным карандашом: От Бухарина Н.И. и в левом верхнем углу синим карандашом: Архив; Л. 84 автограф простым карандашом:

Читал. Надо обсудить Молотов, красным карандашом: Читал С. Орджоникидзе.

Опубл.: Источник. 1993. № 2. С. 7–12.

¹ Путешествие по горам Памира было прервано из-за болезни сопровождавшего Н. И. Бухарина его помощника С. А. Ляндреса (см. именной комм.: Ляндрес С. А.).

² В шифротелеграмме от 24 августа 1936 г. говорилось: «Только что прочитал маневренно клеветнические показания мерзавцев. Возмущён глубины души. Вылетаю Ташкента самолётом 25 утром. Прошу извинить это нарушение». 24/VIII. Бухарин.

Нарушение, о котором говорилось в телеграмме, было связано с запретом ряду категорий руководящих работников страны пользоваться воздушным транспортом. Запрет был введён после авиационной катастрофы 5 сентября 1933 г. недалеко от г. Подольска, в которой погибли начальник Главного управления авиационной промышленности П. И. Баранов, начальник Главного управления Гражданского воздушного флота А. З. Гольцман и ещё 6 человек. Находившийся в отпуске Сталин

- 6 сентября прислал телеграмму, в которой, в частности, говорилось: «Надо воспретить под страхом исключения из партии полёты ответработников нелётчиков без разрешения ЦК. Надо строжайше проводить в жизнь запрещение и обязательно исключать провинившихся невзирая на лица. ...» (см.: Сталин и Каганович. Переписка. ... С. 332).
- ³ Курс на создание единого антифашистского народного фронта, т. е. широкой коалиции левых сил, был провозглашён VII конгрессом Коминтерна. Работал в Москве в июле–августе 1935 г.
- ⁴ Потенцированный, т. е. возведённый в степень, многократно усиленный.
- ⁵ В действительности Л. Б. Каменев не имел отношения к передаче троцкистам сделанной им конспективной записи разговора с Н. И. Бухариным.
- ⁶ Н. И. Бухарин неточен. Институт литературы и искусств в 1934 г. был реорганизован и вошёл на правах секции в Институт философии Коммунистической академии. Л. Б. Каменев в том же году стал организатором и первым директором нового института – Института литературы им. А. М. Горького (с 1939 – Институт мировой литературы им. А. М. Горького). Возглавлял его с мая 1934 г. до своего ареста 16 декабря того же года.
- ⁷ И вновь Н. И. Бухарина «подводит» память, чем через несколько месяцев воспользуются «сценаристы» из НКВД. В Ленинград Л. Б. Каменев приезжал в июне 1934 г. в связи с предполагаемым назначением его директором ещё одного института – ИРЛИ (Пушкинского дома). Это назначение не состоялось, но, несмотря на официальный характер сделанного ему предложения, через два года приезд Каменева в Ленинград был расценен «следствием» как инспекционный, имеющий целью проверку готовности покушения на С. М. Кирова.
- ⁸ Имя упоминаемого Бухариным Волынского (Флакса) – Сергей (см. именной комментарий: Волынский С. Б.).
- ⁹ Из дневниковых записей Троцкого следует, что прибыв в Алма-Ату в качестве уполномоченного коллеги ОГПУ, С. Б. Волынский передал ему 16 декабря 1928 г. категорическое требование прекратить всякую политическую деятельность, предупредив о возможной «перемене места жительства» в случае продолжения им работы по руководству своими единомышленниками. 20 января 1929 г. Волынский вручил Троцкому выписку из протокола Особого совещания при коллегии ОГПУ с решением о высылке его «из пределов СССР». Но Бухарин несколько преувеличивает (очевидно, исходя из рассказов самого Волынского) его роль в «сопровождении» Троцкого на пути в Константинополь. На протяжении 22-х дней успех данного «мероприятия», вплоть до прибытия в турецкий порт, обеспечивался тремя уполномоченными коллегии ОГПУ, сдававшими Троцкого «с рук на руки». Волынский сопровождал семью Троцкого только на первом этапе пути – от Алма-Аты до безымянной станции в районе Самары (см.: Троцкий Л. Д. Дневники и письма / под ред. Ю. Г. Фельштинского. М., 1994. С. 74).
- ¹⁰ Постановлением Особого совещания при НКВД от 16 апреля 1931 г. Д. Б. Рязанов был выслан в Саратов сроком на три года по делу об «утаивании» документов меньшевистских вождей (см. примеч. 12). В этом же городе жил после окончания ссылки, но не было запрещения проживать в пределах Московской и Ленинградской областей.
- ¹¹ Д. Б. Рязанов был награждён орденом Трудового Красного Знамени в марте 1930 г. за заслуги в деле создания и руководства Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса (ИМЭ) и в связи с 60-летием.
- ¹² Речь идёт о конверте с якобы вложенными в него документами находившихся в эмиграции лидеров меньшевиков. По «показаниям» бывшего сотрудника ИМЭ И. И. Рубина, привлечённого к готовящемуся процессу по делу «Союзного бюро ЦК меньшевиков» (1–9 марта 1931), конверт был передан им на хранение Д. Б. Рязанову. Видимо, Сталин и другие члены политического руководства уверились в подлинности показаний и в ценности содержимого конверта для очередного политического процесса. Многодневный и тщательный обыск помещений «закрытого для дезинфекции» ИМЭ не дал ожидаемых результатов, но имел далеко идущие последствия как для института (полная смена руководства и увольнение 60% сотрудников), так и для его директора (отстранение от должности, арест, исключение из партии, из членства в АН СССР и Комакадемии и последующая ссылка).
- ¹³ «Общепринятой» в литературе датой второго ареста А. Г. Шляпникова считается 2 сентября 1936 г. и эта дата свидетельствует не в пользу Бухарина, указывающего на событие, которое состоялось только через несколько дней после написания им письма. Очевидно, речь идёт всё же о встрече, произошедшей в конце 1935 г., после отмены 10 декабря вынесенного Шляпникову в марте того же года приговора о пятилетнем заключении в политизоляторе, и перед отъездом его в Астрахань, куда он ссылался на тот же срок.
- ¹⁴ Астров Валентин Николаевич (1898–1993), член партии с 1918 г. Выпускник ИКП (1926), принадлежал к «бухаринской школе». В 1924–1929 гг. входил в редколлегия журн. «Большевик» и в 1927–1928 гг. – газ. «Правда». В 1928 г. автор ставшей «крылатой» фразы: «На 107-й статье к социализму». В 1932 г. арестован по делу «антипартийной группы правых Слепкова и др. («бухаринская

- школа"», выслан на 3 года в Воронеж. В ноябре 1936 г. вновь арестован, накануне февральско-мартовского пленума ЦК 1937 г. дал ряд «чистосердечных» показаний (в т. ч. на очной ставке с Бухариным), выделяя особую роль его во всех проявлениях контрреволюционной деятельности правых, включая террористическую; по личному распоряжению Сталина освобождён от наказания. В 1949 г. приговорён к 25 годам заключения в ИТЛ, в 1956 г. освобождён и реабилитирован.
- ¹⁵ Заушаемый – перен.: оскорблённый, опороченный, опозоренный (устар.).

Документ № 9

Материал к пленарному заседанию ЦК ВКП(б) 7 декабря 1936 г. Переписка Н. И. Бухарина и К. Е. Ворошилова о выдвинутых против Бухарина обвинениях

А) Н. И. БУХАРИН – К. Е. ВОРОШИЛОВУ

31 августа 1936 г.

Дорогой Климент Ефремович,

Ты, вероятно, уже получил моё письмо членам Политбюро и Вышинскому, я послал его ночью сегодня в секретариат тов. Сталина с просьбой разослать¹. Там написано всё существенное в связи с чудовищно подлыми обвинениями Каменева. (Пишу сейчас и переживаю чувство полуреальности: что это – сон, мираж, сумасшедший дом, галлюцинация? Нет, это реальность.)

Хотел спросить (в пространство) одно: и вы все верите? Вправду?

Вот я писал статьи о Кирове². Киров, между прочим, когда я был в опале (поделом) и в то же время заболел в Ленинграде, приехал ко мне, сидел целый день, укутал, дал вагон свой, отправил в Москву, с такой нежной заботой, что я буду помнить об этом и перед самой смертью. Так вот, что же я неискренне³ писал о Сергее?

Поставьте честно вопрос. Если неискренне, то меня нужно немедленно арестовать и уничтожить: ибо таких негодяев нельзя терпеть.

Если вы думаете «неискренне», а сами меня оставляете на свободе, то вы сами труссы⁶, не заслуживающие уважения.

А если вы сами не верите в то, что набрехал циник-убийца Каменев, омерзительнейший из людей, падаль человеческая, то зачем же вы допускаете резолюции, где (киевская, напр[имер])³ говорится о том, что я «знал» чёрт знает о чём?

Где тогда смысл следствия, рев[олюционная] законность и прочее?

Ведь, напр[имер], если киевский партактив решает: он «знал»⁴, то как следовательно может сказать «не знал»⁵, если «партия» сказала [–] «знал»?

Я хорошо понимаю, что раз на суде гласно было сделано такое заявление (хотя вряд ли оно выскочило на суде только в первый раз; а на предварит[ельном] следствии? И почему меня не вызвали?), то следствие логически из этого вытекало. Но тогда нужно ждать его конца, не спешить и не компрометировать самой рев[олюционной] законности.

¹ В рукописи слово выделено подчёркиванием.

⁶ В рукописи подчёркнуто.

³ В рукописи выделено автором двойным подчёркиванием.

⁴ Частица «не» в данном словосочетании выделена двойным подчёркиванием.

⁵ В рукописи двойное подчёркивание.

Ты назвал «правых» помощниками зин[овьевцев]-троцк[истов] (в речи о С. С. Кам[еневе])⁴. В данное время это – лозунг. Хотя у тебя – другое время, но в мас-се не разбираются так тонко. Значит, ты веришь⁵ во всё это чудовищное?

Тогда не тяните канители и расправляйтесь поскорей. В истории бывают случаи, когда замечательные люди и превосходные политики делают тоже роковые ошибки «частного порядка»: я вот и буду математическим коэффициентом вашей частной ошибки*. ... (под углом зрения истории) это – мелочь, литературный материал.

Правда, я – поскольку сохраняю мозги – считал бы, что с международной точки зрения глубоко расширять базис сволочизма⁵ (это значит идти навстречу желаниям прохвоста Каменева! Им того только и надо было[:]) показать, что они – не одни). Но не буду говорить об этом, ещё подумаете, что я прошу снисхождения³ под предлогом большой политики.

А я хочу правды: она на моей стороне. Я много в своё время грешил перед партией и много за это и в связи с этим страдал.

Но ещё и ещё раз заявляю, что с великим внутренним убеждением я защищал все последние годы политику партии и руководство Кобы⁶, хотя и не занимался подхалимством.

Хорошо было третьего дня лететь над облаками: 8° мороза, алмазная чистота, дыхание спокойного величия.

Я, б[ыть] м[ожет], написал тебе какую-то нескладицу. Ты не сердись. Может, в такую конъюнктуру тебе неприятно получить от меня письмо – бог знает: всё возможно.

Но «на всякий случай» я тебя" (который всегда так хорошо ко мне относился) заверяю: твоя совесть должна быть внутренне совершенно спокойна; за твоё отношение я тебя не подводил: я действительно ни в чём не виновен, и рано или поздно это обнаружится, как бы ни старались загрязнить моё имя.

Бедняга Томский! Он, быть может, и «запутался» – не знаю. Не исключаю. Жил один. Быть может, если б я к нему ходил, он был бы не так мрачен и не запутался. Сложно бытие человека!

Но это – лирика. А здесь – политика, вещь мало лиричная и в достаточной мере суровая.

Что расстреляли собак – страшно рад. Троцкий процессом убит политически и это скоро станет совершенно ясным.

Если к моменту войны буду жив – буду проситься на драку (не красное словцо), и ты тогда мне окажи последнюю эту услугу и устрой в армии хоть рядовым (даже если каменевская отравленная пуля поразит меня).

Советую когда-либо прочесть драмы из фр[анцузской] рев[олю]ции Ром[ена] Роллана⁷.

Извини за сумбурное письмо: у меня тысячи мыслей, скачут как бешеные лошади, а поводьев крепких нет.

Обнимаю, ибо чист

Ник. Бухарин.

31-VIII-36

В е р н о: (подпись)

⁴ В рукописи двойное подчёркивание.

⁵ В рукописи далее вписано латинским шрифтом: Sub specie historiae; в скобках приводится перевод латинской фразы.

³ В рукописи слово заключено в кавычки.

⁷ В рукописи выделено двойным подчёркиванием.

Штампы:

В левом верхнем углу документа оттиски двух штампов фиолетового цвета с учётными обозначениями Технического секретариата ОБ ЦК ВКП(б). Рукой неустановленного лица вписаны фиолетовыми чернилами дата размножения и количество копий документа (7.XII. __36; 150+60 экз.), а также дата рассылки и регистрационный номер (7.XII. __36; ПЗ333).

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 259. Л. 168–171. Заверенная машинописная копия (1-й экз.).

Содержит ряд правок стилистического характера. Подпись заверителя (Хряпина) автограф фиолетовыми чернилами. Дата вписана рукой неустановленного лица; синий карандаш; Ф. 329. Оп. 2. Д. 6. Л. 10–12 об., 13. Автограф с правками.

Написано не светостойкими фиолетовыми чернилами на двух сложенных листах писчей бумаги (с оборотом).

*Опубл.: Военно-исторический журнал. 1989. № 2. С. 70–71 (первая публикация);
Источник. 1993. № 2. С. 14–15.*

Б) К. Е. ВОРОШИЛОВ – Н. И. БУХАРИНУ

3 сентября 1936 г.

Т. Бухарину

Возвращаю твоё письмо⁸, в котором ты позволил себе гнусные выпады в отношении партруководства. Если ты, твоим письмом, хотел убедить меня в твоей полной невинности, то убедил пока в одном: впредь держаться от тебя подальше, независимо от результатов следствия по твоему делу, а если ты письменно не откажешься от мерзких эпитетов по адресу партруководства, буду считать тебя и негодяем.

К. ВОРОШИЛОВ⁹

3.IX/36

В е р н о (подпись)

Штампы:

В левом верхнем углу документа оттиски двух штампов фиолетового цвета с учётными обозначениями Технического секретариата ОБ ЦК ВКП(б). Рукой неустановленного лица вписаны фиолетовыми чернилами дата размножения и количество копий документа (7.XII. __36; 150+60 экз.), а также дата рассылки и регистрационный номер (7.XII. __36; ПЗ333).

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 259. Л. 167. Заверенная машинописная копия. Подпись заверителя (неразборчива) и дата – автограф зелёными чернилами; Ф. 329. Оп. 2. Д. 6. Л. 14. Чистовой автограф. Написано не светостойкими фиолетовыми чернилами на части листа плотной бумаги для черчения.

*Опубл.: Военно-исторический журнал. 1989. № 2. С. 71 (первая публикация);
Источник. 1993. № 2. С. 16.*

В) Н. И. БУХАРИН – К. Е. ВОРОШИЛОВУ

3 сентября 1936 г.

3 сен. 1936 г.

Тов. ВОРОШИЛОВУ

Получил твоё ужасное письмо¹⁰.

Мое письмо кончалось: «обнимаю».

Ты назвал «правых» помощниками зин[овьевцев]-троцк[истов] (в речи о С. С. Кам[еневе])⁴. В данное время это – лозунг. Хотя у тебя – другое время, но в мас-се не разбираются так тонко. Значит, ты веришь⁵ во всё это чудовищное?

Тогда не тяните канители и расправляйтесь поскорей. В истории бывают случаи, когда замечательные люди и превосходные политики делают тоже роковые ошибки «частного порядка»: я вот и буду математическим коэффициентом вашей частной ошибки*. ... (под углом зрения истории) это – мелочь, литературный материал.

Правда, я – поскольку сохраняю мозги – считал бы, что с международной точки зрения глубоко расширять базис сволочизма⁵ (это значит идти навстречу желаниям прохвоста Каменева! Им того только и надо было[:]) показать, что они – не одни). Но не буду говорить об этом, ещё подумаете, что я прошу снисхождения³ под предлогом большой политики.

А я хочу правды: она на моей стороне. Я много в своё время грешил перед партией и много за это и в связи с этим страдал.

Но ещё и ещё раз заявляю, что с великим внутренним убеждением я защищал все последние годы политику партии и руководство Кобы⁶, хотя и не занимался подхалимством.

Хорошо было третьего дня лететь над облаками: 8° мороза, алмазная чистота, дыхание спокойного величия.

Я, б[ыть] м[ожет], написал тебе какую-то нескладицу. Ты не сердись. Может, в такую конъюнктуру тебе неприятно получить от меня письмо – бог знает: всё возможно.

Но «на всякий случай» я тебя" (который всегда так хорошо ко мне относился) заверяю: твоя совесть должна быть внутренне совершенно спокойна; за твоё отношение я тебя не подводил: я действительно ни в чём не виновен, и рано или поздно это обнаружится, как бы ни старались загрязнить моё имя.

Бедняга Томский! Он, быть может, и «запутался» – не знаю. Не исключаю. Жил один. Быть может, если б я к нему ходил, он был бы не так мрачен и не запутался. Сложно бытие человека!

Но это – лирика. А здесь – политика, вещь мало лиричная и в достаточной мере суровая.

Что расстреляли собак – страшно рад. Троцкий процессом убит политически и это скоро станет совершенно ясным.

Если к моменту войны буду жив – буду проситься на драку (не красное словцо), и ты тогда мне окажи последнюю эту услугу и устрой в армии хоть рядовым (даже если каменевская отравленная пуля поразит меня).

Советую когда-либо прочесть драмы из фр[анцузской] рев[олю]ции Ром[ена] Роллана⁷.

Извини за сумбурное письмо: у меня тысячи мыслей, скачут как бешеные лошади, а поводьев крепких нет.

Обнимаю, ибо чист

Ник. Бухарин.

31-VIII-36

В е р н о: (подпись)

⁴ В рукописи двойное подчёркивание.

⁵ В рукописи далее вписано латинским шрифтом: Sub specie historiae; в скобках приводится перевод латинской фразы.

³ В рукописи слово заключено в кавычки.

⁶ В рукописи выделено двойным подчёркиванием.

Штампы:

В левом верхнем углу документа оттиски двух штампов фиолетового цвета с учётными обозначениями Технического секретариата ОБ ЦК ВКП(б). Рукой неустановленного лица вписаны фиолетовыми чернилами дата размножения и количество копий документа (7.XII. __36; 150+60 экз.), а также дата рассылки и регистрационный номер (7.XII. __36; ПЗ333).

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 259. Л. 168–171. Заверенная машинописная копия (1-й экз.).

Содержит ряд правок стилистического характера. Подпись заверителя (Хряпина) автограф фиолетовыми чернилами. Дата вписана рукой неустановленного лица; синий карандаш; Ф. 329. Оп. 2. Д. 6. Л. 10–12 об., 13. Автограф с правками.

Написано не светостойкими фиолетовыми чернилами на двух сложенных листах писчей бумаги (с оборотом).

Опубл.: Военно-исторический журнал. 1989. № 2. С. 70–71 (первая публикация); Источник. 1993. № 2. С. 14–15.

Б) К. Е. ВОРОШИЛОВ – Н. И. БУХАРИНУ

3 сентября 1936 г.

Т. Бухарину

Возвращаю твоё письмо⁸, в котором ты позволил себе гнусные выпады в отношении партруководства. Если ты, твоим письмом, хотел убедить меня в твоей полной невиновности, то убедил пока в одном: впредь держаться от тебя подальше, независимо от результатов следствия по твоему делу, а если ты письменно не откажешься от мерзких эпитетов по адресу партруководства, буду считать тебя и негодяем.

К. ВОРОШИЛОВ⁹

3.IX/36

В е р н о (подпись)

Штампы:

В левом верхнем углу документа оттиски двух штампов фиолетового цвета с учётными обозначениями Технического секретариата ОБ ЦК ВКП(б). Рукой неустановленного лица вписаны фиолетовыми чернилами дата размножения и количество копий документа (7.XII. __36; 150+60 экз.), а также дата рассылки и регистрационный номер (7.XII. __36; ПЗ333).

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 259. Л. 167. Заверенная машинописная копия. Подпись заверителя (неразборчива) и дата – автограф зелёными чернилами; Ф. 329. Оп. 2. Д. 6. Л. 14. Чистовой автограф. Написано не светостойкими фиолетовыми чернилами на части листа плотной бумаги для черчения.

Опубл.: Военно-исторический журнал. 1989. № 2. С. 71 (первая публикация); Источник. 1993. № 2. С. 16.

В) Н. И. БУХАРИН – К. Е. ВОРОШИЛОВУ

3 сентября 1936 г.

3 сен. 1936 г.

Тов. ВОРОШИЛОВУ

Получил твоё ужасное письмо¹⁰.

Мое письмо кончалось: «обнимаю».

Твое письмо кончается: «негодяем».

После этого, что же писать?

У каждого человека есть или, вернее*, должна быть своя личная гордость.

Но я хотел бы устранить одно политическое недоразумение.

Я писал письмо личного характера (о чём теперь очень сожалею). В тяжком душевном состоянии; затравленный, я писал просто к человеку большому^а; я^а сходил с ума по поводу одной только мысли, что может случиться, что кто-то поверит в мою виновность.

И вот, крича^а, я писал:

«Если вы думаете “неискренне” (что я напр., [“]кировские[”] статьи² писал “неискренне”), а оставляете меня на свободе, то вы сами трусы» и т. д.

^аИ далее: А если вы сами не верите в то, что набрехал Кам[енев] и т. д.^а

Что же, я думаю, по-твоему, что вы трусы или обзываю трусами руководство?

Наоборот, этим я говорю: “так как” так как всем известно, что вы не трусы, значит, вы не верите^в в то, что я мог^с написать неискренние статьи. Ведь это же видно из самого письма!

Но если я так сумбурно написал, что это можно понять, как выпад, то я – не страха ради иудейска¹¹, а по существу, – трижды письменно и как угодно беру все эти фразы назад, хотя я совсем не то хотел сказать, что “ты подумал”¹.

Партийное руководство я считаю замечательным. И в самом письме к тебе, не исключая возможности ошибки со мной с вашей стороны, я писал: «В истории бывают случаи, когда замечательные люди и превосходные^у политики делают тоже ошибки частного характера^ф». ...Разве этого не было в письме? ^хЭто же и есть моё действительное отношение к руководству. Я это давным-давно признал и не устану это повторять. И смею думать, я доказал это своею деятельностью за все последние годы^х.

Во всяком случае, это недоразумение прошу снять. Очень извиняюсь за прошлое письмо, впредь отягощать никакими письмами не буду. Я в крайне нервном состоянии. Этим и было вызвано письмо. Между тем, мне необходимо возможно спокойнее ждать конца следствия, которое – уверен – докажет мою полную непричастность к бандитам. И в этом – правда.

Прощай

Бухарин.

В е р н о (подпись)

Ш т а м п ы:

* Вписано поверх текста зелёными чернилами рукой заверителя документа при сверке с рукописью.

^а Вписано автором поверх строки рукописи, далее зачёркнуто: бывают такие минуты, что хочется просто руку пожать; поверх зачёркнутого вписано, затем зачёркнуто: что вся реальность кажется нереальной...

^а Далее в рукописи зачёркнуто: просто.

^а В рукописи подчёркнуто.

^а В рукописи в рукописи поверх строки, там же автором подчёркнута вся фраза.

^а В машинописном тексте подчёркнуто зелёными чернилами.

^в В рукописи двойное подчёркивание.

^с В рукописи подчёркнуто.

^г В рукописи вписано автором вместо зачёркнутого: мне приписывается.

^у Подчёркнуто рукой заверителя документа зелёными чернилами при сверке текста с рукописью.

^ф Исправлено в машинописи: зачёркнуто, вписано поверх зачёркнутого зелёными чернилами: порядка.

^х В рукописи вписано поверх строки, затем по правому и верхнему полю. Подчёркивание в машинописном тексте зелёными чернилами рукой заверителя документа.

В левом верхнем углу документа оттиски двух штампов фиолетового цвета с учётными обозначениями Технического секретариата ОБ ЦК ВКП(б). Рукой неустановленного лица вписаны фиолетовыми чернилами дата размножения и количество копий документа (7.XII. 36; 150+60 экз.), а также дата рассылки и регистрационный номер (7.XII. 36; ПЗ333).

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 259. Л. 172–173. Заверенная машинописная копия с правками текста заверителем зелёными чернилами. Подпись заверителя (неразборчива) и дата – автограф зелёными чернилами; Ф. 329. Оп. 2. Д. 6. Л. 15 об. Черновой автограф.

Написано на половине листа писчей бумаги жёлтого цвета; текст и авторские правки – не светостойкие фиолетовые чернила.

Опубли.: Источник. 1993. № 2. С. 16–17.

¹ См. док. № 8.

² В редактируемой Н. И. Бухариным газете «Известия» после убийства С. М. Кирова было помещено три его статьи – от 2, 6 и 22 декабря 1934 г. В последней статье «Суровые слова» Бухарин давал политическую оценку трагического события, вплетая свой голос в общий хор вдруг «осознавших», как «из отбросов партии, в атмосфере контрреволюционной антипартийности и наглого двурушничества, на базе отчаянного сопротивления ещё не до конца ликвидированного классового врага выросли группки нового политического образования, ярко окрашенного в цвета фашистского бандитизма».

³ Речь идёт об опубликованной в газете «Правда» от 23 августа 1936 г. заметке «Из резолюции Киевского областного и городского партактива по докладу тов. П. П. Постышева». После «ритуального» требования о физическом уничтожении «разоблачённых троцкистско-зиновьевских убийц» представители партийных организаций потребовали «строжайшего расследования и полного выяснения роли бывших лидеров правой оппозиции в контрреволюционной террористической деятельности троцкистско-зиновьевского центра» (Правда. 1936. 23 августа).

⁴ Имеется в виду речь К. Е. Ворошилова, посвящённая памяти скончавшегося 25 августа 1936 г. члена Военного совета при НКО СССР, командарма 1-го ранга и бывшего главнокомандующего войсками Республики (1919–1924) С. С. Каменева. Выступая в день похорон 27 августа на траурном митинге, он подчеркнул факт вступления Каменева в ряды ВКП(б) в 1930 г., «в годы, когда партия преодолевала бешеное сопротивление всех капиталистических элементов в стране и отражала злые наскаки контрреволюционных троцкистско-зиновьевских банд и их правых помощников» (см.: Правда. 1936. 28 августа).

⁵ Едва ли, даже согласившись с оценкой В. М. Молотовым письма Бухарина от 27 августа как «гнусного» (см. примеч. 143 к док. № 1) члены партийного руководства были обижены за обвинение их именно в трусости. И им, и, в первую очередь, Молотову очередная «политическая ошибка» Бухарина должна была видаться как завуалированная, но всё же очевидная попытка обратить внимание на расширяющийся в стране «базис сволочизма», на что указывала и его рекомендация учесть уроки Великой французской революции, ознакомившись с творениями Р. Роллана.

⁶ Коба – один из партийных псевдонимов И. В. Сталина, которым в рассматриваемый период времени пользовался только узкий круг людей.

⁷ Речь идёт о произведениях созданного Р. Ролланом цикла пьес о Великой французской революции – «Театр революции». Из задуманных 12 было написано 8 пьес: «Волки» (1898), «Торжество разума» (1899), «Дантон» (1900), «Четырнадцатое июля» (1902), «Игра любви и смерти» (1924), «Вербное воскресенье» (1926), «Леониды» (1927). Последняя пьеса данного цикла «Робеспьер» была написана в год расстрела Н. И. Бухарина, в 1938 г.

⁸ См. 9А.

⁹ По указанию К. Е. Ворошилова 1 и 4 сентября 1936 г. копии писем Н. И. Бухарина от 31 августа и 3 сентября 1936 г., а также копия ответа Ворошилова от 3 сентября были направлены И. В. Сталину. На сопроводительном письме секретариата наркома обороны СССР от 4.IX.36 г. за № 2849сс Сталин написал: «Тов. Молотову. Ответ Ворошилова хорош. Если бы Серго также достойно отбрил господина Ломинадзе, писавшего ему еще более пасквильные письма против ЦК ВКП, Ломинадзе был бы теперь жив и, возможно, из него вышел бы человек. И. Сталин» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 237. Л. 114).

¹⁰ См. док. № 9Б.

¹¹ Фразеологизм, восходит к Евангелию. Используется в значении: из-за страха перед властями, перед сильными и пр. (устар.)

Документ № 10

Из материала очных ставок Г. Я. Сокольников и А. И. Рыкова, Г. Я. Сокольников и Н. И. Бухарина, произведённых 8 сентября 1936 г. прокурором Союза ССР А. Я. Вышинским в присутствии секретаря ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановича и председателя КПК и секретаря ЦК ВКП(б) Н. И. Ежова

Совершенно секретно

А) ПРОТОКОЛ ОЧНОЙ СТАВКИ Г. Я. СОКОЛЬНИКОВА и А. И. РЫКОВА

ВОПРОС
СОКОЛЬНИКОВУ:
[Вышинский А. Я.]

Гр-н СОКОЛЬНИКОВ, на предыдущих допросах вы признали своё участие в троцкистско-зиновьевском блоке и то, что вы являлись членом центра этого блока. Расскажите о своём участии в этом блоке и всё, что вам известно о связях этого блока с различными лицами и отдельными группами, враждебными по отношению к ЦК ВКП(б).

ОТВЕТ:

Я признаю, что принимал участие в троцкистско-зиновьевском блоке и входил в организованный этим блоком центр, причём это моё участие охватывает два периода времени. Первый период – с лета 1932 года до весны 1935 года и второй период – с весны 1935 года до момента моего ареста.

ВОПРОС:
[Вышинский А. Я.]

В чём заключалось ваше участие в троцкистско-зиновьевском террористическом блоке и его центре в первый период и во второй период?

ОТВЕТ:

В первый период моего участия в троцкистско-зиновьевском блоке, организовавшемся на террористической основе, я поддерживал с центром связь через КАМЕНЕВА и РЕЙНГОЛЬДА. Я участвовал в ряде совещаний центра и в принятии центром различных решений, касающихся преступной деятельности центра и, в частности, его террористических планов. Я участвовал в решении об организации московского центра, в который вошли БАКАЕВ, РЕЙНГОЛЬД, ДРЕЙЦЕР и МРАЧКОВСКИЙ.

ВОПРОС:
[Вышинский А. Я.]

Были ли вы осведомлены о подготовке убийства тов. КИРОВА?

ОТВЕТ:

Да, я был информирован КАМЕНЕВЫМ о подготовке убийства С. М. КИРОВА. Я знаю, что в начале осени 1934 года в Ленинград ездил БАКАЕВ для того, чтобы договориться с ленинградской группой, а именно с КОТОЛЫНОВЫМ, ШАТСКИМ, Владимиром ЛЕВИНЫМ и НИКОЛАЕВЫМ о практических мероприятиях по осуществлению террористического акта против С. М. КИРОВА. Должен также сообщить, что на случай провала центра была организована трой-

ка в составе меня, СОКОЛЬНИКОВА, СЕРЕБРЯКОВА и РАДЕКА, которая должна была организовать новый центр и привлечь к участию в этом центре дополнительно ряд лиц.

ВОПРОС:
[Вышинский А. Я.]

Расскажите о содержании вашей преступной деятельности во второй период вашего участия в центре троцкистско-зиновьевского блока.

ОТВЕТ:

Во второй период моего участия в троцкистско-зиновьевском блоке, начиная с весны 1935 года, я играл ещё более активную роль, так как должен был восстановить и завязать связи с лицами, намеченными для включения в новый центр. Я связался с ТУМАНОВЫМ, который был близок ПИКЕЛЮ и ДРЕЙЦЕРУ. В июне 1935 г. произошла у меня встреча с РАДЕКОМ. С РАДЕКОМ мы говорили о необходимости более глубокой конспирации и о децентрализации всей дальнейшей деятельности центра. Тогда же был поставлен вопрос о включении в состав центра Пятакова. С Пятаковым у меня произошла встреча в июле того же года. Почти в это время ко мне обратился ТИВЕЛЬ, который был связан с группой зиновьевцев ЗАКСА-ГЛАДНЕВА.

ВОПРОС:
[Вышинский А. Я.]

Какие цели преследовала эта группа?

ОТВЕТ:

Эта группа организовалась в террористических целях. Мне было известно, что она вела наблюдение за машиной СТАЛИНА.

ВОПРОС:
[Вышинский А. Я.]

Кого ещё из участников этой группы вам называл ТИВЕЛЬ?

ОТВЕТ:

Кроме ЗАКСА-ГЛАДНЕВА в качестве члена этой группы ТИВЕЛЬ назвал мне ФЛИГЕЛЬТАУБЕ. ТИВЕЛЬ поставил передо мной вопрос о дальнейших действиях этой группы, требуя указаний. После переговоров с РАДЕКОМ я ответил, что группа должна продолжать по-прежнему подготовку террористического акта. После вступления ПЯТАКОВА в центр, в дальнейшем я имел дело уже с ПЯТАКОВЫМ. В разговоре со мной о перспективах деятельности блока и необходимости его дальнейшего расширения, ПЯТАКОВ поставил вопрос о привлечении к участию в блоке правых, т. е. ТОМСКОГО, БУХАРИНА и РЫКОВА. Тогда же мне было поручено переговорить с ТОМСКИМ, который нами считался лучшим кандидатом для включения в центр.

ВОПРОС:
[Вышинский А. Я.]

Почему у вас в центре возникла мысль о привлечении к участию в блоке группы правых?

ОТВЕТ: Мысль о привлечении правых была не случайна. Ещё в 1932 году ряд членов центра – насколько я припоминаю, это относится к июлю–августу 1932 года – вели с правыми переговоры о заключении блока. В этот период ШАРОВ и ЕВДОКИМОВ вели переговоры с УГЛАНОВЫМ, КАМЕНЕВ – с РЫКОВЫМ и БУХАРИНЫМ, ЗИНОВЬЕВ – с ТОМСКИМ. Все эти лица были осведомлены о террористических планах центра и о подготовке практических террористических мероприятий.

ВОПРОС: Чем окончились переговоры с группой правых в 1932 году?
[Вышинский А. Я.]

ОТВЕТ: Должен сказать, что эти переговоры с правыми полным успехом не увенчались, так как правые в блок в это время не вошли, хотя и согласились на контакт и взаимную политическую информацию.

ВОПРОС: Были ли у вас встречи с кем-нибудь из группы правых после 1932 года?
[Вышинский А. Я.]

ОТВЕТ: Осенью 1934 года у меня была мимолётная встреча с ТОМСКИМ в Кремле после одного из заседаний Политбюро. Разговор у нас был короткий и по поводу дальнейшей работы центра.

ВОПРОС: Были ли после этого ещё у вас беседы с ТОМСКИМ?
[Вышинский А. Я.]

ОТВЕТ: Вторично на эту тему у меня был разговор с ТОМСКИМ в 1935 году, когда я, по прямому поручению центра, обратился к нему с вопросом, не считает ли он необходимым и своевременным вступить в блок. ТОМСКИЙ согласился со мной, мотивируя это тем, что поскольку участие зинovieвцев в убийстве С. М. КИРОВА не осталось анонимным, на полдороге всё равно остановиться не удастся. Кроме того, Томский считал, что вступление правых в блок необходимо для успеха дальнейшей борьбы. Однако, дать прямой ответ на поставленный ему вопрос ТОМСКИЙ тогда отказался.

ВОПРОС: Почему ТОМСКИЙ отказался дать ответ на этот вопрос?
[Вышинский А. Я.]

ОТВЕТ: Он сослался на необходимость предварительно переговорить с БУХАРИНЫМ и РЫКОВЫМ. Спустя две-три недели после этой встречи, ТОМСКИЙ дал мне положительный ответ, подтвердив, что он действует от имени и БУХАРИНА, и РЫКОВА, которыми он уполномочен войти в центр. Об этом я тогда же сообщил ПЯТАКОВУ.

ВОПРОС:
[Вышинский А. Я.]

Известны ли вам какие-либо встречи ТОМСКОГО с другими участниками центра?

ОТВЕТ:

Мне известно, что в январе 1936 года состоялась встреча ПЯТАКОВА с ТОМСКИМ, о чём я узнал от ПЯТАКОВА уже в феврале.

ВОПРОС:
[Вышинский А. Я.]

Известно ли вам содержание беседы ТОМСКОГО с ПЯТАКОВЫМ?

ОТВЕТ:

По словам ПЯТАКОВА, при этой встрече ТОМСКИЙ предложил разработать один-два варианта практических мероприятий центра, или, как он выразился, план «генерального сражения», считая необходимым использовать ПРИМАКОВА и ПУТНУ. Один из таких вариантов, который можно назвать ленинградским вариантом, предусматривал выступление группы военных, что должно было иметь место в Ленинграде сейчас же после совершения ряда террористических актов против вождей ВКП(б). Этот последний вариант выдвинул ТОМСКИЙ. Мне известно, что через ПЯТАКОВА этот план был сообщён ТРОЦКОМУ. Тогда же шла речь и о необходимости установить связь между ленинградской группой и правыми, причём ТОМСКИЙ брался связаться с одной из крупнейших ленинградских типографий, среди работников которой имеются его единомышленники, и обеспечить ПРИМАКОВУ возможность быстро выпустить необходимые документы и материалы. Обсуждая вопрос об использовании средств связи, ТОМСКИЙ говорил ПЯТАКОВУ, что на это имеется согласие РЫКОВА. Предполагалось что я, СОКОЛЬНИКОВ, и РЫКОВ в случае успешного осуществления террористических актов, предпримем некоторые шаги для предъявления ЦК ВКП(б) ряда ультимативных требований. Должен добавить, что в наш план входило решение ответственность за совершение террористических актов переложить на белогвардейцев, представить дело таким образом, что эти акты совершены именно ими. Мы были намерены поднять против белогвардейского террора негодование масс и использовать создавшуюся конъюнктуру и растерянность, которая нам казалась неизбежным результатом этих актов, для предъявления требований, о которых я говорил выше.

ВОПРОС
РЫКОВА:

Почему вы, СОКОЛЬНИКОВ, встречаясь неоднократно со мной на заседаниях Совнаркома Союза, ни разу даже не намекнули мне на своё участие в блоке, ни слова не сказали о планах и замыслах этого блока или центра?

ОТВЕТ:

Я не видел необходимости в таких разговорах с вами по конспиративным соображениям.

- ВОПРОС: [Ежов Н. И.] Есть ли у вас, гр-н СОКОЛЬНИКОВ, прямые факты участия РЫКОВА и БУХАРИНА в троцкистско-зиновьевском блоке?
- ОТВЕТ: Прямых фактов у меня нет. Я знал об участии РЫКОВА и БУХАРИНА в этом блоке от ТОМСКОГО, РАДЕКА и СЕРЕБРЯКОВА.
- ВОПРОС: [Ежов Н. И.] Говорил ли вам СЕРЕБРЯКОВ, от кого ему стало известно об участии РЫКОВА и БУХАРИНА в троцкистско-зиновьевском блоке?
- ОТВЕТ: Не помню, но непосредственно от РЫКОВА и БУХАРИНА об их участии в этом блоке я ничего не знал.
- ВОПРОС: [Каганович Л. М.] О каких конкретно фактах своих переговоров с РЫКОВЫМ вам сообщил КАМЕНЕВ?
- ОТВЕТ: Каменев говорил, что ещё в 1932 году он, КАМЕНЕВ, информировал РЫКОВА¹ и БУХАРИНА об организации троцкистско-зиновьевского блока. В это время КАМЕНЕВ искал у правых поддержки, стремясь привлечь их к участию в блоке. В конце 1933 года или в начале 1934 года КАМЕНЕВ мне говорил о своих встречах с РЫКОВЫМ и БУХАРИНЫМ на почве переговоров о вступлении в блок.
- ВОПРОС: [Каганович Л. М.] Какие основания были у вас в марте 1936 года наметать военное выступление?
- ОТВЕТ: Конечно, мы находились как бы в порочном кругу. Основной расчёт у нас был на террор, о восстании речь шла как о вспомогательном средстве борьбы.
- ВОПРОС: [Ежов Н. И.] Какая у вас была политическая линия?
- ОТВЕТ: В первое время после осуществления нашего плана мы не предполагали изменять нынешнюю линию политики, но в дальнейшем рассчитывали эту политику изменить в сторону правого курса.
- ВОПРОС: [Каганович Л. М.] Что значит «в сторону правого курса»? Ради чего вы старались пробраться к власти, какие были у вас принципы?
- ОТВЕТ: Я должен ещё раз сказать, что законченной политической программы у блока не было. Мы считали, и, в частности, это было моё личное мнение, что часть колхозов организована под известным нажимом, в результате определённого «экономического режима». Мы считали, что в итоге устра-

нения этого «экономического режима» часть колхозов будет распущена.

ВОПРОС:
[Каганович Л. М.]

Значит, вы были за капиталистическую реставрацию?

ОТВЕТ:

Я в то время не считал, что это является капиталистической реставрацией, но теперь вижу, что по существу дела это так².

ВОПРОС:
[Каганович Л. М.]

А в чём заключалась ваша программа в области международных отношений. Как вы думали построить свою внешнюю политику?

ОТВЕТ:

По этому вопросу развёрнутой программы у нас также не было. В блок входили различные группы; основное было – борьба против партийного руководства; все сходились на том, что руководящую роль в этой борьбе будут играть Троцкий и троцкисты.

ВОПРОС:
[Каганович Л. М.]

Объясните, во имя каких политических задач вы вели борьбу?

ОТВЕТ:

Политические взгляды и установки группировок, входивших в блок, к 1932 году были, в основном, известны, и было убеждение, что, в конце концов, мы договоримся. Конечно, были некоторые оттенки взглядов, например, КАМЕНЕВ и ЗИНОВЬЕВ считали, что обострения экономических трудностей дальше не будет, я же смотрел на дело иначе – я считал неизбежным обострение трудностей и наступление кризиса. С другой стороны, КАМЕНЕВ и ЗИНОВЬЕВ главную ставку ставили на террор. Я же считал, что, может быть, обострение трудностей поможет нам осуществить свою цель и без того, чтобы прибегнуть к террору. На террор я смотрел как на вспомогательное средство.

ВОПРОС:
[Каганович Л. М.]

А правые на что рассчитывали?

ОТВЕТ:

Точно я не могу сказать.

ВОПРОС:
[Ежов Н. И.]

Таким образом, подводя итоги ваших показаний, можно сказать: начиная с XIV-го съезда партии, где вы выступили с наиболее законченной программой капиталистической реставрации, вы были враждебно настроены по отношению к руководству партии; вы вошли в блок, организовавшийся на террористической основе, вы были после ареста ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА одним из активных членов центра троцкистско-зиновьевского террористического блока; вы подтверждаете, что в этот центр входили также ПЯТАКОВ,

РАДЕК, СЕРЕБРЯКОВ и ТОМСКИЙ, и что все они также стояли за террор и, наконец, что ТОМСКОГО во всех переговорах с ним вы рассматривали как представителя группы правых, будучи уверены, что он, ТОМСКИЙ, действовал не лично от себя, а от имени и РЫКОВА, и БУХАРИНА.

ОТВЕТ: Да, это всё так.

ВОПРОС
РЫКОВУ А. И.:
[Ежов Н. И.]

Что вы можете сказать по поводу показаний СОКОЛЬНИКОВА?

ОТВЕТ:

Я заявляю, что с момента оставления поста Председателя Совнаркома, я с КАМЕНЕВЫМ не встречался. В 1931 г.³, накануне прекращения своей работы в Совнаркоме, КАМЕНЕВ ко мне обратился с предложением встретиться, говоря: «Хорошо бы собраться старым большевикам». На это я ему ответил отказом. На этом вопрос и был исчерпан. Позже, когда точно я не помню, я случайно встретил КАМЕНЕВА около кино. В этот раз также я с ним не разговаривал. Больше с КАМЕНЕВЫМ я вообще не встречался и никаких разговоров с ним не вёл. Точно также я не встречался и с ЗИНОВЬЕВЫМ. Что касается заявления СОКОЛЬНИКОВА о том, что ТОМСКИЙ высказывался за террор и действовал от моего имени, то я заявляю, что от ТОМСКОГО и БУХАРИНА я никогда о терроре ничего не слышал.

После убийства тов. КИРОВА БУХАРИН, крайне взволнованный, мне говорил, что его в чём-то обвиняют в связи с этим убийством. Спустя некоторое время я встретил в Кремле тов. СТАЛИНА и спросил его, неужели он верит в причастность к этому убийству, в какой бы то ни было степени, БУХАРИНА. Лично я категорически исключал всякую возможность его причастности к этому преступлению.

С ТОМСКИМ в 1935–1936 гг. я встречался уже гораздо реже, чем это было раньше. Надо сказать, что у меня с ТОМСКИМ были близкие личные отношения и меня всегда извещали о всяких домашних неприятностях, случавшихся с ТОМСКИМ, о его здоровье и т. п. Но в 1935–1936 гг. наши отношения значительно охладели и даже о самоубийстве ТОМСКОГО я узнал не от его домашних, а от посторонних. В 1935 г. я был раз у ТОМСКОГО на даче, был у него весной 1936 г. на квартире, но никаких разговоров, враждебных или нелояльных по отношению к ЦК партии, мы с ним никогда не вели. Я припоминаю, что в 1934 г. ТОМСКИЙ мне как то сообщил, что у него был ЗИНОВЬЕВ и приглашал к себе на дачу. ТОМСКИЙ спрашивал у меня совета, как ему быть. Я заявил, что это политическое приглашение, и я решительно возражаю против посещения ТОМСКИМ ЗИНОВЬЕВА.

ВОПРОС
РЫКОВУ А. И.:
[Каганович Л. М.]

Неужели ТОМСКИЙ сам не мог понять смысл этого приглашения? Очевидно, ТОМСКИЙ колебался, принять приглашение или нет?

ОТВЕТ:

Да, ТОМСКИЙ, очевидно, колебался, но я был против этого приглашения. Весной 1936 года ТОМСКИЙ мне рассказывал, что его вызывали в ЦК и запрашивали объяснений по поводу показаний ЗИНОВЬЕВА.

ВОПРОС
СОКОЛЬНИКОВУ:
[Вышинский А. Я.]

В разговоре с вами называл ли ТОМСКИЙ, говоря о соглашении правых вступить в блок, имя Рыкова?

ОТВЕТ:

Да, называл. Он называл и РЫКОВА и БУХАРИНА, говоря о том, что он даёт согласие вступить в центр с ведома и по предварительному согласованию и с Рыковым, и с Бухариным.

ВОПРОС
РЫКОВУ А. И.
[Вышинский А. Я.]

Что вы можете сказать по этому поводу?

ОТВЕТ
РЫКОВА А. И.

Я ещё раз категорически заявляю, что никогда никаких подобного рода разговоров я с ТОМСКИМ не вёл, и никогда не знал и не слышал от него о его участии ни в центре, ни в троцкистско-зиновьевском блоке.

На этом очная ставка прекращается.

Показания мои в протоколе
очной ставки записаны
правильно и мне прочитаны:
(Сокольников)

Запись моих объяснений в
протоколе очной ставки
сделана правильно:
(Рыков)

ПРОКУРОР СОЮЗА ССР

(ВЫШИНСКИЙ)

ВМ-4 экз.

РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 176. Л. 41–52. Машинописная копия.

Совершенно секретно

Б) ПРОТОКОЛ ОПРОСА А. И. РЫКОВА

ВОПРОС:
[Вышинский А. Я.]

(РЫКОВУ А. И.). Допускаете ли вы, чтобы ТОМСКИЙ в переговорах с СОКОЛЬНИКОВЫМ называл ваше имя с целью придать себе больше авторитета, выдавая себя за руководителя группы, которой в действительности не было.

ОТВЕТ:
(Рыкова А. И.)

Я не допускаю, чтобы ТОМСКИЙ действовал таким образом. Я не допускаю, чтобы ТОМСКИЙ приплетал меня

для придания себе большего авторитета. Я также не допускал до последнего времени, чтобы ТОМСКИЙ действительно был связан с троцкистско-зиновьевским блоком или входил в центр этого блока. Но после самоубийства ТОМСКОГО я считаю, что, очевидно, ТОМСКИЙ запутался в каких-то делах с зиновьевцами.

ВОПРОС:
[Каганович Л. М.]

Известно ли вам, что ТОМСКИЙ до последнего времени поддерживал отношения с КАМЕНЕВЫМ и ЗИНОВЬЕВЫМ и даже по просьбе КАМЕНЕВА ездил с ним⁴ в питомник милиции выбирать ЗИНОВЬЕВУ собаку?

ОТВЕТ:

Нет, мне это неизвестно, я об этом слышу первый раз.

ВОПРОС:
[Каганович Л. М.]

В 1931–1932 гг. ваши встречи с КАМЕНЕВЫМ и ЗИНОВЬЕВЫМ были естественны – это были годы трудностей, и вы в этот период могли искать этих встреч.

ОТВЕТ:

Утверждаю, что я с ними не встречался.

ВОПРОС:
[Каганович Л. М.]

А с ТОМСКИМ и БУХАРИНЫМ?

ОТВЕТ:

С ними встречался, но никаких разговоров о возобновлении борьбы у нас не было.

ВОПРОС:
[Каганович Л. М.]

А о том, что, дескать, плохо, тяжело, что могут быть восстания?

ОТВЕТ:

Нет, и об этом мы не говорили.

ВОПРОС:
[Каганович Л. М.]

Не было ли у вас с ТОМСКИМ разговоров, которые могли бы дать ТОМСКОМУ основание считать, что вы разделяете такого рода точку зрения?

ОТВЕТ:

Наоборот, мы говорили, что нет сомнений, что наши политические карты биты.

ВОПРОС:
[Каганович Л. М.]

Но когда ТОМСКИЙ советовался с вами идти к ЗИНОВЬЕВУ или нет – он советовался о политическом шаге?

ОТВЕТ:

Конечно.

ВОПРОС:
[Каганович Л. М.]

Не было ли у вас оппозиционных настроений в период рютинского дела?

ОТВЕТ:

Должен признать, что в 1931 году у меня были ещё остатки оппозиционных настроений, но с троцкистами я не встречался и не искал этих встреч, так как они мне ничего дать политически не могли.

- ВОПРОС: Были ли в 1931 и 1932 гг. у вас совещания с ТОМСКИМ и
[Каганович Л. М.] БУХАРИНЫМ?
- ОТВЕТ: Нет, совещаний не было. Встречались мы очень редко и втроём, как правило, не собирались.
- ВОПРОС: А до 1931 года?
[Каганович Л. М.]
- ОТВЕТ: До 1931 г., т. е. до момента роспуска нашей группы, мы действительно втроём собирались⁵.
- ВОПРОС: А как вы расцениваете тот факт, что вы не сообщили ЦК о том, что ЗИНОВЬЕВ приглашал ТОМСКОГО встретиться?
- ОТВЕТ: Я признаю, что это была моя ошибка. Ещё раз утверждаю, что в блок я не входил и никаких разговоров с ТОМСКИМ об этом не вёл.

Запись моих объяснений в протоколе
опроса сделана правильно:

(Рыков)

ПРОКУРОР СОЮЗА ССР:

(ВЫШИНСКИЙ А. Я.)

17.IX. 3А. 4 экз.

РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 176. Л. 63–65. Машинописная копия.

Совершенно секретно

В) ПРОТОКОЛ ОЧНОЙ СТАВКИ Г. Я. СОКОЛЬНИКОВА и Н. И. БУХАРИНА

- ВОПРОС СОКОЛЬНИКОВУ: Расскажите кратко о своём участии в блоке и о своих связях с различными лицами и группами, боровшимися против руководителей партии и правительства.
[Вышинский А. Я.]

- ОТВЕТ: На очной ставке с РЫКОВЫМ я дал уже по этому поводу подробные объяснения. Кратко о своём участии в блоке могу сообщить следующее:
Участвуя в этом блоке и входя в центр этого блока, я, конечно, знал, что блок организовался на основе террора против руководителей ВКП(б) и советского правительства, и в первый период своего участия в этом блоке был информирован КАМЕНЕВЫМ о подготавливавшихся террористических актах. В связи с арестами после 1-го декабря 1934 года и провалом центра была создана новая тройка в составе: меня, СОКОЛЬНИКОВА, РАДЕКА и СЕРЕБРЯКОВА. Мы установили контакт с ПЯТАКОВЫМ, который также вошёл в центр. Переговоры с правыми относятся к ноябрю 1935 года. Эти переговоры были

продолжением тех, которые велись ещё в 1932 году, и о которых я знал от КАМЕНЕВА, утверждавшего, что он в 1932 году вёл переговоры об организации блока с БУХАРИНЫМ, ЗИНОВЬЕВ – с ТОМСКИМ, а ШАРОВ и ЕВДОКИМОВ – с УГЛАНОВЫМ. КАМЕНЕВ мне говорил, что он, КАМЕНЕВ, впоследствии сообщил БУХАРИНУ и РЫКОВУ⁶ об организации блока и о том, что блок организован на террористической основе. Однако правые в блок не вошли, но согласились на контакт и взаимную политическую информацию. Осенью 1935 года я по прямому поручению нового центра обратился к ТОМСКОМУ с предложением вступить в блок. ТОМСКИЙ согласился, подтвердив, что он действует от имени БУХАРИНА и РЫКОВА. Таким образом, к началу 1936 года блок расширился за счёт участия правых. Мне известно, что ПЯТАКОВ условился с ТОМСКИМ связать людей, которых должен был привести в этот блок ТОМСКИЙ, с ДРЕЙЦЕРОМ. Тогда же была выработана с ТОМСКИМ общая схема действий, причём было достигнуто соглашение о том, чтобы одновременно с террористическими актами осуществить выступление группы военных и, в частности, – ПРИМАКОВА и ПУТНЫ. Говоря со мною, Томский выступал от имени всей группы, т. е. от имени и БУХАРИНА и РЫКОВА. ТОМСКИЙ говорил, что БУХАРИН дал согласие использовать в контрреволюционных целях троцкистско-зиновьевского блока типографию «Известия».

ВОПРОС
СОКОЛЬНИКОВУ:
[Каганович Л. М.]

Если ТОМСКИЙ блокировался с вами, то он должен был назвать вам своих людей. Говорил он с вами о своих людях? Кто эти люди?

ОТВЕТ:

О людях ТОМСКИЙ со мной не говорил. О людях ТОМСКИЙ должен был говорить с ДРЕЙЦЕРОМ и ПЯТАКОВЫМ, хотя он называл мне Толстопятова.

ВОПРОС:
[Каганович Л. М.]

Во имя какой политической и экономической платформы вы вели борьбу?

ОТВЕТ:

В первый момент мы рассчитывали линию ЦК не ломать. Хотя прямых решений блока по вопросу о политической программе у нас не было, в основе у нас была правая линия – восстановление мелкого индивидуального хозяйства в деревне, роспуск колхозов, сокращение размаха индустриализации.

ВОПРОС:
[Каганович Л. М.]

Какова была ваша внешняя политика: вела она к ослаблению или к усилению советского государства?

ОТВЕТ:

Конечно, к ослаблению.

ВОПРОС:
[Каганович Л. М.]

Считал ли ваш блок нашу систему социалистической?

- ОТВЕТ: Считал.
- ВОПРОС: Почему же вы хотели свергнуть руководителей, построивших эту систему?
[Каганович Л. М.]
- ОТВЕТ: Думали, что мы сами лучше поведём дело.
- ВОПРОС: Чем объяснить, что вы стремились главным образом привлечь ТОМСКОГО, а не БУХАРИНА?
[Каганович Л. М.]
- ОТВЕТ: Тем, что мы считали ТОМСКОГО практической силой и наиболее подходящим участником центра; считали, что он будет больше работать, что у него больше связей и, кроме того, исходя из его бесед с КАМЕНЕВЫМ и ЗИНОВЬЕВЫМ, знали, что у него были террористические настроения.
- ВОПРОС: Почему вы поверили, что ТОМСКИЙ действует от имени БУХАРИНА и РЫКОВА?
[Каганович Л. М.]
- ОТВЕТ: Потому, что и раньше были переговоры с правыми и Каменев утверждал, что он информировал Бухарина и Рыкова о блоке, о террористических актах, и о задаче захвата власти; кроме того, я имел прямое заявление Томского, что он действует от имени Бухарина и Рыкова.
- ВОПРОС: Таким образом, вы лично участвовали в контрреволюционном троцкистско-зиновьевском террористическом центре и готовили террористические акты против руководства ВКП(б). Как же вы клялись в верности ЦК? Значит, вы подло лгали, обманывали?
[Каганович Л. М.]
- ОТВЕТ: Да, я лгал, я хотел, тем самым, скрыть свои старые связи.
- ВОПРОС: Знали ли вы о подготовке убийства т. КИРОВА?
[Каганович Л. М.]
- ОТВЕТ: Знал. Мне говорил КАМЕНЕВ, что готовится убийство КИРОВА.
- ВОПРОС: Можно ли после всего здесь сказанного в какой-нибудь мере вам верить?
[Ежов Н. И.]
- ОТВЕТ: В чём же вы сомневаетесь? Вы спрашиваете, можно ли мне верить? Это, конечно, надо решить на основании фактов. Надо мои показания проверить другими обстоятельствами. Но если я говорю сейчас, не щадя себя, то я это делаю потому, что считаю нужным доказать, что никакого оружия у меня в руках против партии нет и что я делаю всё возможное со своей стороны, чтобы ликвидировать эту преступную организацию.

ВОПРОС
БУХАРИНУ Н. И.: Что вы можете сказать по поводу показаний СОКОЛЬНИКОВА?

ОТВЕТ: Я хочу раньше всего спросить СОКОЛЬНИКОВА – почему он ни разу со мною не переговорил по поводу блока? Ведь мы знаем друг друга с 1904–1905 года, СОКОЛЬНИКОВ жил вместе со мной в Швейцарии, он в 1928 году связал меня с Каменевым. Почему СОКОЛЬНИКОВ, узнавши от ТОМСКОГО о моём, якобы, участии в блоке, ни разу со мною об этом не переговорил?

ОТВЕТ
СОКОЛЬНИКОВА: Я избегал прямых обращений к БУХАРИНУ, так же как и он ко мне. В начале 1935 года у меня был один раз короткий разговор с БУХАРИНЫМ и то по поводу статьи в «Известиях». Я считал неудобным для себя сейчас же после своего назначения зам. наркомлеса выступать в печати против наркомата; я думал, что удобнее мне выступить под псевдонимом. Но БУХАРИН мне ответил на это: «Вы должны бороться за свою легальность. Это я доказываю и Рыкову».

БУХАРИН Н. И. Это не совсем так. Разговор был вовсе не о том, чтобы бороться за легальность, а о том, что незачем СОКОЛЬНИКОВУ, зам. наркома, играть в прятки в критике своего наркомата. Я тогда же говорил, что удивляюсь тому, что Рыков ничего не пишет о наркомате связи. Сокольников путает.

СОКОЛЬНИКОВ: Я подтверждаю, что БУХАРИН говорил именно о необходимости мне бороться за легальность. Смысл был именно таков, что мне печататься трудно, а он, БУХАРИН, готов мне оказать в этом содействие. Что же касается переговоров по делам блока, то эти переговоры шли через ТОМСКОГО. Это был конспиративный путь. Мы вообще избегали излишних разговоров, – мои встречи и разговоры с БУХАРИНЫМ могли вызвать подозрения. Кроме того, с 1929 года у нас с БУХАРИНЫМ, в сущности говоря, никаких личных отношений уже не было⁷. ТОМСКИЙ мне говорил, что он совещался по делам блока с БУХАРИНЫМ и выступал от имени БУХАРИНА.

ОТВЕТ
БУХАРИНА Н. И.: Я категорически отрицаю всё, что говорил здесь обо мне СОКОЛЬНИКОВ, ссылаясь на ТОМСКОГО. СОКОЛЬНИКОВ подтвердил, что со мной он о блоке не говорил никогда ни слова. Я заявляю, что ни с ТОМСКИМ, ни с РЫКОВЫМ об участии в блоке нашем или ТОМСКОГО я никогда не говорил. Это сплошная выдумка. С КАМЕНЕВЫМ я имел в последние годы три встречи и исключительно по деловым поводам. Никаких разговоров с ним или с кем-либо другим о борьбе против партии после 1929 г[ода] я не вёл.

На этом очная ставка была закончена.

Показания мои в протоколе очной ставки записаны правильно и мне прочитаны:

(Сокольников)

Запись моих объяснений в протоколе очной ставки сделана правильно:

(Бухарин)

ПРОКУРОР СОЮЗА ССР

(А. Вышинский)

отп. 4 экз.АР.
17.IX.36г.

РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 176. Л. 54–58. Машинописная копия.

Совершенно секретно

Г) ПРОТОКОЛ ОПРОСА Н.И. БУХАРИНА

ВОПРОС:
[Ежов Н. И.]

(БУХАРИНУ Н. И.). Что вы можете сказать по поводу показаний СОКОЛЬНИКОВА[?]

ОТВЕТ
(Бухарина Н. И.)

По существу показаний СОКОЛЬНИКОВА я уже сказал на очной ставке с ним. Я заявляю, что с КАМЕНЕВЫМ я виделся всего три раза и исключительно по академическим делам; никаких решительно разговоров на политические темы я с ним не вёл. Я прошу ЦК возможно скорее выяснить этот вопрос. Политически я совершенно выхолощен. Эти чудовищные показания СОКОЛЬНИКОВА ставят меня в исключительно тяжёлое положение. Я готов на самые крайние решения в отношении себя. ... Я не могу жить в подозрении. ...

ВОПРОС:
[Каганович Л. М.]

Если вы политик, то не можете ставить вопрос о жизни. На суде были сделаны обвиняемыми заявления, и достоинство советского суда требовало поступить так, как поступил прокурор. Что вы можете сказать по существу показаний СОКОЛЬНИКОВА.

ОТВЕТ:

Я признаю, что в 1928–1929 гг. я совершил ошибку. Но я утверждаю, что с тех пор я никаких разговоров о борьбе против партии ни с кем не вёл.

Ни с ТОМСКИМ, ни с РЫКОВЫМ никогда ни о каком блоке или центре я не говорил. Всё это я слышу здесь в первый раз и категорически свою причастность к этому позорному делу отрицаю.

Запись моих объяснений в протоколе
опроса сделана правильно и мне прочитана:

(Бухарин)

ПРОКУРОР СОЮЗА ССР:

(ВЫШИНСКИЙ А. Я.)⁸

17.IX.3А. 4 экз.

РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 176. Л. 60–61. Машинописная копия.

- ¹ Речь идёт в данном случае о заведомо ложных показаниях либо Каменева, либо Сокольников. Каменев уже в ходе предварительного, а затем судебного следствия заявлял, что с Рыковым не встречался и не имел никакой связи после ухода его из Совнаркома СССР (см., напр.: РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 180. Л. 13, 40).
- ² Далее, вероятно, неслучайно при редактировании текста стенограммы был опущен фрагмент диалога Кагановича и Сокольников с примечательным ответом последнего:
– Каганович: А разве раньше вы этого не видели, неужели вы поняли это только теперь?
– Сокольников: Да, за последнее время я усвоил много нового.
- ³ Так в тексте. Правильно: в 1930; с поста председателя СНК СССР А. И. Рыков был снят 19 декабря 1930 г.
- ⁴ Неточность. Просьба действительно исходила от Л. Б. Каменева, но в питомник с М. П. Томским ездил Г. Е. Зиновьев. Этот эпизод описан в выступлении Томского на партийном собрании (см. док. № 7), там же Томский высказал предположение, что произошедшая рокировка была не случайной («теперь я предполагаю, что это было сделано умышленно, чтобы сблизить меня с Зиновьевым»).
- ⁵ В оригинале стенограммы вслед за этим ответом следовал снятый Вышинским фрагмент текста:
– Каганович Л. М. – А Угланов разве не бывал на ваших заседаниях, на вашем «политбюро»?
– Рыков А. И. – Нет, Угланова мы на такие заседания не приглашали, а совещались втроём (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 176. Л. 37).
Факт определённой отстранённости «тройки» от Угланова подтвердил на очной ставке с Е. Ф. Куликовым и Бухарин, заявивший на подобный вопрос Орджоникидзе: «...Он был несколько на отлёте... но Угланов часто бывал у нас» (см. док. № 12).
- ⁶ См. примеч. 1.
- ⁷ За этим словом в оригинале стенограммы следовала если и не принципиальная в тех условиях бытия, но очень важная фраза из показаний Сокольников, которая, видимо, «случайно» была снята Вышинским при редактировании текста: «Я подтверждаю, что о террористическом уклоне БУХАРИНА я знаю со слов КАМЕНЕВА, ТОМСКОГО и ПЯТАКОВА» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 176. Л. 30).
- ⁸ Отредактированные протоколы были посланы А. Я. Вышинским Л. М. Кагановичу, замещавшему И. В. Сталина на время его отпуска. Видимо, в день получения документов 17 сентября, но не позднее следующего дня, Каганович переслал их Н. И. Ежову с сопроводительной запиской, написанной фиолетовыми чернилами на полулисте писчей бумаги: «Дорогой Ник. Ив.! Посылаю тебе протоколы, присланные т. Вышинским. По-моему, приемлемо, я ему только указал, что в его постановление необходимо внести кое-какие поправки, что он и обещал сделать. Прошу тебя посмотреть и 19-го сказать твоё мнение. Сердечный привет. Л. Каганович» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 176. Л. 12). Упомянутое в записке постановление являло собой проект постановления прокурора Союза ССР «о прекращении следственного дела в отношении БУХАРИНА Н. И. и Рыкова А. И.».

Документ № 11
Заявление Н. И. Бухарина Пленуму ЦК ВКП(б) с просьбой
объективной оценки его политической деятельности

7 декабря 1936 г.

В ЦК ВКП(б)
тов. СТАЛИНУ

ВСЕМ ЧЛЕНАМ И КАНДИДАТАМ ЦК ВКП(б)¹

В речах на 1-ом заседании пленума ЦК, в особенности в речи тов. Кагановича, была развита обвинительная аргументация против меня с различных точек зрения: и с общеполитической (программно-платформной), и с организационной, и с тактической, при использовании соответствующих показаний и на основании ряда общих соображений. Насколько я мог удержать в памяти эту аргументацию, я противопоставляю ей, и в интересах объективного разбора дела, на чём особенно настаивал тов. Сталин, и в интересах своей собственной защиты, свою аргументацию.

I. Программа-платформа

В ряде речей был поднят вопрос о платформе контрреволюционеров. Тов. Каганович выставил тот аргумент, что у всех бывших оппозиционных групп, превратившихся, ^апри продолжении борьбы^{а*}, ныне, в своём развитии, в контрреволюционные банды, у всех них, включая теперешних троцкистов-террористов – одна платформа, списанная у правых и сформулированная ещё в давнишние годы (борьба против индустриализации, коллективизации и т. д.). Отсюда – следует заключение, – немудрено, что на ней объединились все они и теперь (включая, что предполагает мою виновность от начала до конца, и меня самого). Это – аргумент виновности от «программной стороны».

Напоминаю, прежде всего, что в заключительном слове на процессе тов. Вышинский выставлял, на основе своих данных, тезис о «голой власти»². Напоминаю также, что в своём письме членам ПБ ЦК ВКП(б)³ я возражал против такой постановки вопроса о троцкистах-зиновьевцах, считая её совершенно недостаточной и поверхностной.

Что же предлагает тов. Каганович как объяснение, служащее ему, в то же время, обвинением против меня?

Старую (1928/29 года) платформу правых!

⁶Скажите, однако, разве можно предположить, чтобы кто-либо, на пороге 1937 года, просто повторял, какие бы то ни было, установки 1928/29 годов?

Конечно, это предположение не выдерживает критики. Но оно противоречит и непосредственным фактам.

Что касается троцкистов, то, ведь, у них есть пресса, документы, даже свой, так называемый, с позволения сказать, «IV Интернационал». Их платформа, от начала до конца дышащая контрреволюционной злобой против СССР и нашей партии, весьма современна, и она объясняет нам и их пораженческую тактику, и их террор. Она исходит из тезиса о превращении «бюрократии» СССР в новый класс-эксплуататор (завершение термидора⁴, из бешеного отрицания нашей внешней политики (и по ли-

^{а*} В рукописи письма вписано над строкой.

* Здесь и далее авторская правка текста сделана фиолетовыми чернилами.

⁶ В рукописи письма впереди вписано, затем зачёркнуто: Я не говорю уже о том, что для обвинения нужно было ещё доказать, что я разделяю.

нии СССР, и по линии К[оммунистического] И[нтернационала]): отрицания тактики народного фронта⁵, как предательства, отрицания всей нашей позиции по отношению к защите отечества и т. д. Против, якобы, совершенно переродившейся власти – у них лозунг свержения, пораженческая тактика во время войны и союзы с кем угодно для этой цели. При такой бешеной злобе к самым основам нашей политики (и ещё более к её персональным носителям) и при централизации нашей власти, они поставили и вопрос о терроре в порядок дня. Законченные изменники, но с актуальной программой, программой на злобу дня.

Я не осведомлён о том, что думают правые, оставшиеся правыми, по той простой причине, что, как сказано, не имел и не имею с ними связей.

Что касается меня лично, то даже при полном недоверии к моим словам, всё же нельзя предположить, чтобы я мог просто пройти мимо двух пятилеток. В действительности же я не имею ни атома разногласий с партийной линией, доказанной и проверенной гигантским массовым опытом всех последних лет. "и все последние годы эту линию со всей горячностью и убеждённою защищал. Это т. Каганович считает за ранее исключённым!"⁶

Я категорически отрицаю, какую бы то ни было, солидаризацию ^г– и в прошлом, и в настоящем –^г с рютинской платформой (о чём говорится, судя по речам, в показаниях Сосновского). Рютинской платформы я даже не читал и никак не мог её обсуждать на «центре организации», ибо никакого «центра организации» в это время (т. е. поздней осенью 1932 г.) не существовало. Тов. С. Косиор удивляется, что мне показали платформу, а я её не читал. Дело объясняется очень просто. Показывал мне её, если не ошибаюсь, сам Сталин. Я эту платформу перелистал, прочёл оглавление, затем был разговор со Сталиным на тему, кто её мог написать. Значит, в этих пределах, плюс последующий разбор дела на ЦК, разумеется, ^ау меня было ^ао ней известное представление. Но, ведь, мне хотят навязать, будто я считал эту грязную стряпню своим евангелием⁶, неоднократно мной обсуждавшимся. А когда я против этого защищаюсь, т. Молотов называет меня самоадвокатом. Что ж поделать, если мне приходится защищаться от чудовищных наветов одному, и только самому? ^вРютинскую платформу я, на основе вышеупомянутых данных, всегда считал грязной контрреволюционной стряпнёй.^в

Но пойдём дальше. Ведь, рютинское произведение, как известно, датируется 1932 годом, а с тех пор произошли гигантские изменения во всей стране и во всём мире. Кто же может теперь ^жвообще стоять за платформы, столь архаические?

Значит, общий аргумент о платформе в той форме, как он развивался тов. Кагановичем, неправилен. Правильным остаётся, лишь положение, что все виды оппозиции превращаются, ^зесли они во время не остановятся^з в своём развитии, в контрреволюцию, которая ведёт к реставрации капитализма.

Между тем, на основе "этих неверных" общих рассуждений тов. Каганович делает свой вывод, будто можно считать установленным (II) факт (II), что Бухарин солидаризовался целиком с платформой троцкистско-зиновьевской банды, и что это верно

⁵⁻⁵ В рукописи письма вписано в межстрочном интервале после исправления точки на запятую.

^{г-г} В рукописи письма вписано над строкой.

^{л-л} В рукописи письма вписано над строкой вместо зачёркнутого: у меня было.

^{с-с} В рукописи письма вписано в межстрочном интервале.

^ж В рукописи письма вписано над строкой.

^{з-з} В рукописи письма вписано над строкой.

^{н-н} В рукописи письма вписано над строкой вместо зачёркнутого: своих неверных (второе слово зачёркнуто с особой тщательностью).

и для [19]28, и для [19]32, и для [19]33, и для 1934 годов! Как можно "делать такие выводы"?!!⁷

II. Оргсвязи и террор

Против меня выдвигался ряд «аргументов», говоривших о моём якобы» «участии» в злодейской работе троцкистов-зиновьевцев. В своей речи тов. Каганович (и тов. Сталин в своих репликах-вопросах) останавливались на показаниях Угланова, Яковлева, Куликова.

Но, прежде всего, ещё раз об очной ставке моей с Сокольниковым. Тов. Ежов (и т. Каганович) утверждают здесь, что у них от этой ставки получилось впечатление, что я знал о террористических установках. Знал – значит, имел известное отношение. Мне же было сказано после ставки, что у них впечатления такие, что я к делу не имею отношения⁸. Мне кажется, что последующие разъяснения насчёт юридических и не юридических оснований не могут относиться к впечатлениям. Но я-то утверждаю, что из этой очной ставки ничего нельзя было получить, т. к. Сокольников признал, что он со мной о политике не разговаривал. От чего же могли, получиться «впечатления»?

Нельзя не отметить всей категоричности утверждений "тов. Ежова, который говорил, что «правые» (т. е. и я в том числе) безусловно были осведомлены о всех террористических и иных планах троцкистско-зиновьевского блока. Тов. Сталин говорил лишь о сомнениях «партийного характера». Я понимаю, что при сложившейся обстановке можно подозревать. Но я не понимаю, как можно на этой основе давать категорические формулировки в духе тов. Ежова. Здесь уже считается доказанным то, что доказательству ещё подлежит (и может быть целиком отвергнуто).

Теперь о правых, о показаниях Угланова, Яковлева, Куликова.

В своём письме членам ПБ ЦК ВКП(б) я утверждал, что около конца 1933 г. я оборвал даже личные отношения с Томским и Рыковым, быв у Томского, вероятно, всего однажды, и у Рыкова последний раз, думаю, в 1934 г. Таким образом, даже личные связи, прежде столь тесные, были оборваны. Уже по одному этому существование прежней «тройки» – миф и клевета одновременно. Я предлагал обследовать этот вопрос со всех материальных его концов.

Теперь вопрос об Угланове. Угланова я видел последний раз накануне отъезда в отпуск в Среднюю Азию в 1932 г., настаивая на полной сработанности с партией и предупреждая против всевозможных шатаний, которых я опасался из-за неустойчивости Угланова. С тех пор я от Угланова и об Угланове не имел абсолютно никаких известий, ни письменных, ни устных, ни прямых, ни косвенных.

Следовательно, что бы ни показывал Угланов, это не может иметь по отношению ко мне никакого значения за вторую половину [19]32, за [19]33, [193]4, [193]5, [193]6 годы.

Если Угланов показывал, что он, Угланов (как говорил тов. Каганович), готовил убийство Кирова, то этот страшный факт доказывает, до чего докатился Угланов, продолжая борьбу и не остановившись. Напрасно т. Каганович описывает Угланова твёрдым человеком: У[гланов] – неимовернейший" истерик с огромными колебаниями. Он

⁷ В рукописи письма вписано над строкой вместо зачёркнутого и исправленного: заниматься такими вещами.

⁸ В рукописи письма вписано над строкой.

⁹ Далее в рукописи письма следует страница переписанного начисто другим пером текста до слов: ни письменных, ни устных...

¹⁰ В рукописи письма вписано над строкой.

был ярким антитроцкистом в период общей борьбы с Троцким. Он первый ушёл от правых °(вместе с Куликовым на ноябрьском пленуме [19]29 г.)°. Он, очевидно, снова вернулся к фракционной работе и затем «эволюционировал» к троцкистам и зиновьевцам.

Но причём здесь я? Разве я отвечаю за всех бывших когда-то со мной людей? Тогда почему, товарищи, бывшие в «демократическом централизме» и отошедшие от него, не отвечают за Дробниса, бывшие когда-либо с Троцким – за Троцкого, бывшие с Зиновьевым – за Зиновьева – Каменева и т. д. и т. п.? Разумеется, я ни в малой степени не хочу задеть этих, сидящих сейчас на пленуме, товарищей⁹. Наоборот, я хочу показать всю вздорность такой постановки вопроса. Следовательно, для вины нужно ещё, чтоб обвиняемый эту вину совершил, т. е. чтоб он был с антипартийными^п людьми связан преступной связью общих задач, целей, дел. Но где здесь по отношению ко мне хоть тень доказательств? Или это не правда, что я не видел Угланова с лета 1932 года, а также и его ближайших друзей? Нет, это правда, и поэтому «эволюция» Угланова не имеет никакого отношения к моей эволюции: мы стоим по разные стороны баррикады.

Если тов. Сталин ставит вопрос о расследовании, то тов. Каганович с размаха прямо утверждает, что «нам» (и мне в том числе) «не удалось осуществить подлое убийство Кирова». Что это такое? Какое право – политическое, юридическое и нравственное – тов. Каганович имеет произносить подобные слова? И это называется «разбором дела»! В «доказательство» тов. Каганович приводит следующий аргумент: Томский бывал у Зиновьева, а я, как «философ», должен был «унюхать» терроризм Зиновьева. Я не буду снова повторять о своих отношениях с Томским. Но почему, напр[имер], тов. Каганович не «унюхал» своего зама, Лифшица? * А ведь не «унюхал»! ^р Это не упрёк, а констатирование общей беды, проистекавшей из-за особой виртуозности маскировки^{р10}. Значит, нельзя такими аргументами доказывать чью-либо виновность. Это слишком просто.

Примерно то же относится и к показаниям Яковлева и Куликова (о рютинской платформе я уже говорил). Я совершенно не имел за последние годы никакого представления о том, где они, что они делают вообще, уже не говоря о политике^с. Что это так, можно, я думаю, объективно доказать путём соответствующих вопросов.

Таким образом, падает всё построение о каком-то правом центре ° во главе с Бухариным и др. ° и его ближайшем окружении, и о переходе этого «центра» на троцкистские рельсы. Всё это вздор и чепуха.

Не вздор и не чепуха – возможность «самостоятельной» эволюции Угланова и Ко, но уже без всякого отношения и без всякой связи со мной: они разочаровались в «изменившем» Бухарине и стали искать себе других. Этого я не отрицаю – это возможно.

Переносить собрания 1928 г. °у меня на квартире° части членов ЦК (кстати, эти собрания были открытыми в Кремле, где всё регистрировалось) на последние годы – это значит перемешивать всё и вся.

Кстати. Тов. Каганович оперирует всюду неизменными категориями: у него платформы и люди стоят на одном месте, а в то же время аргументы берутся из разных эпох.

⁹ В рукописи письма вписано над строкой.

^п В рукописи письма вписано над строкой вместо зачёркнутого: этими.

* Так в тексте. Правильно: Лифшиц.

^р В рукописи письма вписано над строкой, продолжено по правому полю.

^с В рукописи письма далее зачёркнута фраза, расшифровке в которой поддаются только пять заключительных слов: уже изгладилась почти из памяти.

^т В рукописи письма вписано по верхнему полю страницы.

^у В рукописи письма вписано над строкой.

Например, тот же Угланов был, повторяю, главной фигурой в Москве против Троцкого, и Троцкий бешено его ненавидел в своё время. Если теперь Угланов стал близок к троцкистам, то это есть лишь подтверждение его крайней неустойчивости, из которой могли проистекать различные последствия.

Тов. Каганович, говоря о разных связях, употребляет для доказательства часто приём такого рода: если X видел Y, а Y видел Z, а Z видел U (и при этом, скажем, передал ему список кандидатов в новое правительство), то, значит, X об этом знал. На самом деле это может быть, а может и не быть, и общим доказательством такой приём служить отнюдь не может.

Тов. Каганович останавливался и на слепковцах¹¹. Но, как известно, они были арестованы ещё осенью 1932 года, и, как ни поучительна история этой группы, скатившейся к контрреволюции, но она не может быть материалом для непосредственных суждений о деятельности за последние годы. А именно этот вопрос и подлежит распутыванию.

За Томского я отвечать не берусь и не могу после того, как наши отношения порвались.

Относительно встречи т. Сталина с Томским в 1928 г., ^Фещё до образования правой оппозиции^Ф, я очень мельком, помнится, слышал тогда же от Томского, и рассказ его не мог отличаться ясностью, ибо во время встречи Томский, как он говорил, был в абсолютно невменяемом состоянии. Сообщать Сталину дополнительно^х о том, что Т[омский] говорил тому же Сталину, было бы по меньшей мере странно. Я не придал значения угрозе Т[омского]. Но, по-видимому, и сам т. Сталин не придал ей значения большего, чем пьяной выходке. Важно отметить^и и то, что Т[омский] ни разу не возвращался к этой теме ни в едином из бывших с ним разговоров. О его настроениях после нашего фактического разрыва я просто ничего не могу сказать, кроме малообоснованных гипотез, равно как и о его разговорах с Зиновьевым (только здесь тов. Каганович явно преувеличивает, когда говорит о связях Т[омского] с Зиновьевым до [19]36 г.: ибо уже с конца^а 1934 г. Зин[овьев], как известно, сидел под замком)¹².

Тов. Каганович подробно останавливался на том, что во время моей^и очной ставки с Сокольниковым выяснилось следующее: я сказал С[окольникову] на одном из заседаний ПБ о недопустимости писать статью, которую он просил поместить в «Известиях» под псевдонимом, так сказать, «нелегально», и упомянул, что я то же говорил и Рыкову о такой легальности. Отсюда т. Каганович сделал вывод: я говорил с Сокольниковым, как его соучастник! Между тем, вопрос объясняется крайне просто: чуть ли не на том же заседании ПБ я просил, как газетчик, у Рыкова дать хоть одну статью о Наркомсвязи, который все ругают, но который молчит, точно он на нелегальном существовании каком-то. Вот эту словесную метафору тов. Каганович превращает в доказательство наличия идейной и организационной общности у меня с С[окольниковым]! Отсюда понятен и ответ на вопрос т. Кагановича, почему я сказал о Рыкове, а, напр[имер], не о нём, Кагановиче. Да потому, что [1)] я статью просил у Рыкова (тов. Л. М. Каганович имеет у нас «отличную прессу», как говорят англичане), 2) потому, что комиссариат Рыкова (а не К[агановича]) был немой, точно нелегальный. Вот и всё.

Тов. Косиор в своём выступлении, вопреки ^иболее естественным^и обвинениям, наоборот, ставил мне в упрек то, что я не виделся со своими бывшими единомышленниками, а с ними нужно было видаться, чтобы их переубеждать. Но – скажите – разве,

^{ФФ} В рукописи письма вписано над строкой.

^х В рукописи письма вписано над строкой.

^и В рукописи письма вписано над строкой.

^а В рукописи письма вписано над строкой.

^и В рукописи письма вписано над строкой.

^и В рукописи письма вписано над строкой вместо зачёркнутого: обычным.

если бы я это делал, не было бы мне предъявлено обвинение в сохранении прежних групп, а в ответ на указание о характере разговоров не сказали бы мне, что «не верим», «знаем» и т. д.?

Возвращаясь ещё раз к углановской «группе», можно поставить вопрос о том (этот вопрос ставил в репликах и тов. Сталин), чем же объясняются показания этих людей, касающиеся меня. Не знаю. Но думаю, что нужно проверить, не нашёлся ли среди них (или около) какой-нибудь свой «вождь», оперировавший чужими именами. Во всяком случае, ещё и ещё раз обращаю внимание на тот факт, что связи у меня с этими людьми² и с Углановым² никакой не было, и я о них не имел ни малейшего представления, начиная с 1932 года.

III. Засоренность аппаратов, личные отношения и т. д., как косвенные улики

Против меня выдвигается ещё два ряда аргументов:

1) о засоренности аппаратов, в коих я работал,

2) о личных, дружеских связях.

Начну с «Известий». Я, прежде всего, отвожу упрёк в том, что я не принимал участия в последней¹⁰ чистке этого аппарата¹⁰ (в предыдущих я таковое участие принимал)¹⁰. Я этого и не мог сделать. ПБ меня ведь нарочно не ввело в состав соответствующей комиссии по причине весьма понятной: ведь, я сам был взят под подозрение. Комиссия вела свою работу в полной от меня конспирации, и я, поэтому, считал лояльным ничего не спрашивать у неё и думаю, что это в моём положении было совершенно правильно.

Теперь конкретно о людях.

Тов. Молотов¹¹ говорил, что секретарь редакции Лям¹³ оказался сволочью из сволочей, а я за него держался.

Я не знаю, в чём он обвиняется. Молотов¹¹ зря говорить не станет, и, следовательно, Лям оказался прохвостом. Но я должен объяснить пленуму: 1) что Лям работал в «Известиях» задолго до моего прихода, всего чуть ли не 10 лет на одном месте; 2) что он был отличным газетчиком; 3) что держался он в высшей степени партийно (однажды только¹¹ он был обвинён в словах, коих он не произносил); 4) что, когда я в отпуске в Ташкенте, где он работал вместе со Старчаковым¹⁴ довольно долго, запросил тамошнюю партийную руководящую публику, мне был дан хороший отзыв. Все чистки он проходил. ¹¹Обвинения против него на чистках отметались¹¹. Наконец, могу сослаться и на то, что тов. Мехлис несколько раз просил меня «уступить» ему Ляма, и вёл переговоры с Лямом о работе в «Правде». А Мехлис очень строго подбирает людей.

Старчаков, коего фельетон о театре Мейерхольда т. Молотов мне расхваливал как исключительно образцовую критику («именно то, что нам нужно»)¹⁵, долголетний интимный друг Алексея Толстого¹⁶ ¹¹и Ляма¹¹, тоже с неплохими отзывами и из Ташкента. Я не замечал за ним ничего. Арестован. В чём обвиняется, не знаю. Был в «Известиях» задолго до меня.

Я. Фин¹⁷ (работник секретариата), голосовал за Томского во время профсоюзной истории. Был в «Известиях» задолго до моего прихода. Как старый газетный работник,

¹⁰⁻¹⁰ В рукописи письма вписано над строкой.

¹⁰ В рукописи письма вписано над строкой.

¹⁰⁻¹⁰ В рукописи письма вписано над строкой.

¹¹ В рукописи письма вписано над строкой вместо зачёркнутого: Сталин.

¹¹ В рукописи письма вписано над строкой вместо зачёркнутого: Сталин.

¹¹ В рукописи письма вписано над строкой.

¹¹⁻¹¹ В рукописи письма вписано в межстрочном интервале.

¹¹⁻¹¹ В рукописи письма вписано над строкой.

профессионально работал очень хорошо. Все сотрудники его всегда поддерживали. Его я не^{el-el} брал на работу, а^{el} выгонять не имел достаточных оснований.

В Иноотделе (у Радека) я раз сделал прямую ошибку: поймал немца Гауса (служил у нас, и в Разведупре¹⁸, пользовался вниманием Радека) на цифровом статийном материале, обеляющем Германию. Устроил ему дикий скандал, но выгнать не выгнал, опасаясь ссоры с Радеком, с которым по редакционным делам у меня были постоянные тяжёлые конфликты. Вообще Иноотдел я почти отдал на откуп Радеку, ибо боялся его терять, ему верил. ^{*1} Это, конечно, тяжелейшая ошибка ^{*1}.

Сам Радек пользовался у меня очень большим доверием: я считал, что его со всех сторон проверили, раз он имеет доступ к секретнейшим вещам, получает часто директивы непосредственно от партруководства, получает деликатнейшие поручения за границу (поездка в Польшу) и т. д.

Тов. Молотов упрекает меня в том, что я не раскусил Радека. Но его никто не раскусил. Когда я на пленуме сказал, что доверял Радеку потому, что «все доверяли, и вы доверяли», тов. Каганович ответил: «Мы ему давали работу, а это совсем другое». Этого я не могу понять. Раз давали такую работу, значит и доверяли. Нельзя без доверия дать сложное дипломатическое поручение. А раз доверяли (да ещё в таких вещах), то сомнения у меня не было. Когда тов. Каганович говорил: «Вы знали, что Р[адек] был активным троцкистом, что он был связан с этой бандой, почему вы с Радеком были большими друзьями, вы Радеку доверяли».

Но доверяли и Пятакову, и Смирнову, и Лифшицу*, и многим другим. К несчастью, это так!¹

Если людям настолько доверяют, то и дружеские отношения не зазорны. Другое дело, что всё здесь было ошибкой, но это же не злая воля! ¹ Мне самому теперь крайне тяжело сознавать, что я попался на удочку исключительно тонкого и растленного двурушника¹.

Тов. Молотов в своей речи, кстати сказать, производит в мои друзья Сокольников. Но с Сокольниковым я был близок лишь в эмигрантские времена, то есть примерно около 20 лет тому назад.

Возвращаясь к «Известиям». Не буду останавливаться на других случаях. Скажу только о Сосновском. Его я действительно пригласил после постановления ПБ о его восстановлении в партии и с личного разрешения тов. Сталина, к которому я обратился с этим вопросом. Значит, никак нельзя было сказать, что я под сурдинку «накопил» Сосновского. К сожалению, я здесь ошибся.

В Академии наук оказалось большое количество троцкистской сволочи. На меня – в силу моего положения – пытались взвалить ответственность чуть ли не за всю Академию, против чего я протестовал. Здесь у меня было несколько ошибок с приглашением людей. Этот участок фронта вообще очень засорен. Поэтому, например, в исторической комиссии у Жданова¹⁹ оказалось достаточное количество выбывших, а весь исторический фронт молодых историков почти не существует.

Я не думаю утверждать¹, что у меня оказалось достаточно бдительности, прозорливости и знания людей, чтобы, как выразился тов. Каганович, разноухать врагов. Мы (и

^{el-el} В рукописи письма вписано над строкой вместо: набирал.

^{*1-el} В рукописи письма дописано другим пером.

* Так в тексте. По более распространённой версии фамилия данного лица: Лившиц.

¹ В рукописи письма точка исправлена на восклицательный знак.

¹¹⁻¹¹ В рукописи письма дописано другим пером в межстрочном интервале и по правому полю.

¹ В рукописи письма вписано над строкой вместо: отрицать.

я в том числе) не знали, как глубоко проникло двурушничество. В этом я виновен. Но я буду всемерно протестовать, когда из этого делают вывод о соучастии¹ в троцкистском бандитизме.

IV. Положение дел на пленуме ЦК

¹ «Обвинения, выдвинутые против меня на¹⁻¹ пленуме¹, представляются¹ мне просто чудовищными¹ по своему¹ характеру¹. Но я хочу обратить внимание и на другие стороны дела.

Что получается? По разъяснениям тов. Кагановича выходит, что пленум ставит вопрос не юридически, а политически. Из хода прений вытекает, что речь идёт об общей политической оценке таких-то обвиняемых или подозреваемых, а далее, после решения пленума, последуют очные ставки, подробный анализ фактов и т. д.

Что же такое политическая оценка с этой точки зрения?

Она выражается в предложениях резолютивного характера: вывести из состава ЦК, исключить из партии, предать суду и т. д. Это есть (или что-либо другое, дискриминирующее) решение наивысшей партийной инстанции.

Что же тогда остаётся на долю дальнейшего следствия? Ясно: оправдать во что бы то ни стало обязательное решение, обязательное для следователя, обязательное для судебного следователя, обязательное для судьи (если дело доходит до суда), обязательное – как это ни странно – даже для подсудимого, если он ещё член партии. Не может следствие обедить того, кто политически очернён высшей партийной инстанцией.

Казалось бы, что если искать объективно всю истину, то 1) сперва нужно проверить и анализировать со всею тщательностью (со всеми очными ставками и т. д.), 2) потом, на основе этих фактов, делать политические выводы. Не получается ли здесь наоборот?

Но к чему же это приводит? Это может, во-1[-х], привести к роковым ошибкам по существу. Во-2[-х], это приводит к страшной трудности самозащиты.

Даже на самом пленуме положение было таково: материалы (не проверенные путём ставок) – есть у всех, но их нет у обвиняемых; обвиняемый стоит под ошеломлением внезапных исключительно чудовищных обвинений, впервые ему предъявляемых. При известной заранее данной настроенности (самый факт постановки вопроса, материалы непроверенные, тенденция докладчика, печать, директивные лозунги вроде молотовского о «пособниках и подпевалах»²⁰) все говорят: «я убеждён», «нет сомнения» и т. д. Обвиняемому говорят в глаза: а мы не верим, каждое твоё слово нужно проверять. А на другой стороне, слова обвиняемых-обвинителей принимаются за чистую монету.

Значит, защита тут поистине тяжела. Конечно, в общей атмосфере теперешних дней в пользу обвиняемого никто выступить не решится.

А дальше? А на дальнейших этапах, после обязательного партийного решения и т. д., эта защита почти невозможна.

Как трудно было на пленуме, видно было на маленьком примере, когда т. Ежов мне заявил, что Яковлев меня таскал всюду и везде. А на самом деле я ни одного доклада не делал вообще в то время. А то же, ведь, есть и в других вопросах.

¹ В рукописи письма далее после точки следовало позднее зачёркнутое неоконченное предложение: Если бы это было так, то как.

¹⁻¹ В рукописи письма вписано над строкой вместо: Заседание.

¹ В рукописи письма исправлено: второе е из а, далее зачёркнуто: по 2-му пункту.

¹ В рукописи письма исправлено: ются из ется.

¹ В рукописи письма исправлено: ми из м.

¹ В рукописи письма вписано над строкой.

¹ В рукописи письма далее вписано: предъявленных мне обвинений

Пишу это всё не для полемики. Мне не до полемики, ибо трагичность моего положения ощущаю во всей полноте только я, знающий до конца свою абсолютную невиновность и, тем не менее, поставленный под удар меча.

Нельзя ли поэтому просить пленум ограничиться директивой о дальнейшем партийном (не официальном, т. е. без аннулирования заявления Прокуратуры) разборе дела для того, чтобы принять партийные оргвыводы после тщательного анализа фактов, а не на основе одной политической интуиции? Об этом я и прошу пленум ЦК.

Н. БУХАРИН.

Р. С. Прошу приложить это ответное заявление к стенограммам пленума ЦК ВКП(б).

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 260. Л. 14–30. Машинопись, размноженная на ротаторе (Л. 14–23), далее машинопись, 1-й экз. (Л. 24–30); Там же. Л. 32–50. Чистовой автограф на полулистах писчей бумаги фиолетовыми чернилами; Ф. 329. Оп. 2. Д. 6. Л. 94–104. Черновой автограф на полулистах писчей бумаги (с оборотом) фиолетовыми чернилами.

-
- ¹ Заявление Бухарина препровождала адресованная И. В. Сталину записка:
«Тов. И. В. Сталину
Дорогой тов. СТАЛИН!
Прошу приказать настоящее моё заявление Пленуму ЦК ВКП(б) размножить и раздать на Пленуме (или заранее разослать его участникам), а затем приложить к стенограмме Пленума.
С ком. прив. Н. Бухарин
10 ч. утра. 7 дек. 1936 г.
Москва»
В публикуемом экземпляре заявления подпись Бухарина подчёркнута синим карандашом, тем же карандашом текст отчёркнут по левому полю.
- ² В заключительном слове 23 августа 1936 г. на судебном процессе по делу т. н. «антисоветского объединения троцкистско-зиновьевского центра» А. Я. Вышинский уже не в первый раз за дни суда заявил о понимании мотивов, которыми якобы руководствовались подсудимые в своей «преступной деятельности»: «Без масс, против масс, но за власть, власть во что бы то ни стало, жажда личной власти – вот вся идеология этой компании, сидящей на скамье подсудимых» (Правда. 1936. 24 августа).
- ³ Речь идёт о письме, написанном Н. И. Бухариным 27 августа 1936 г. и адресованном не только членам Политбюро ЦК ВКП(б), но и прокурору Союза ССР А. Я. Вышинскому (см. док. № 8).
- ⁴ В исторической науке термин, обозначающий контрреволюционный переворот 27–28 июля 1794 г. (9 термидора – месяца жары – II года по республиканскому календарю), свергший во Франции якобинскую диктатуру. Переворот привёл к ликвидации демократических и социальных завоеваний якобинцев (в т. ч. отмене всеобщего избирательного права) и контрреволюционному террору. В годы внутрипартийной борьбы в СССР данный термин употреблялся оппозицией в нарицательном смысле – при обвинении партии в перерождении.
- ⁵ Имеется в виду осуществлённый, по мнению троцкистов, очередной поворот вправо «сталинизированного» Коминтерна. Суть новой тактики состояла в призыве к пролетариату защищать демократию, сотрудничая с силами демократии и её институтами в борьбе против фашизма. Противники новой тактики утверждали, что такое сотрудничество не даёт никаких гарантий против фашизма, тогда как следующие ей партии с неизбежностью будут превращаться в защитников буржуазного государства против пролетариата.
- ⁶ В данном случае слово «евангелие» употреблено в значении «настойной книги».
- ⁷ Обращает на себя внимание тщательность подбираемых Бухариным слов и выражений, что, несомненно, свидетельствует о его нежелании обострять ситуацию и отвечать незримым оппонентам в «духе» Кагановича.
- ⁸ См. примеч. 81 к док. № 1.

- ⁹ В автографе письма фамилии «отвечающих» тщательно и очень густо зачёркнуты чернилами. После трудной «расшифровки» вышеприведённый фрагмент текста читается так: «Тогда почему Бубнов не отвечает за Дробниса, Розенгольца – за Троцкого, Саркисов и Николаева – за Зиновьева – Каменева и т. д. и т. п.»
- ¹⁰ Настоящий корень «общей беды» крылся, безусловно, не в «особой виртуозности маскировки» выявляемых «контрреволюционных бандитов», и это было хорошо известно Бухарину, как показывает неосторожно направленное им 31 августа 1936 г. письмо бывшему «другу» Ворошилову (см. док. № 9А).
- ¹¹ Речь идёт о группе бывших «молодых бухаринцев», формальным и реальным лидером которой после отхода от Бухарина значительной части его «учеников» стал А. Н. Слепков.
- ¹² Имеется в виду арест Г. Е. Зиновьева (а также Л. Б. Каменева) 16 декабря 1934 г. и последующее его осуждение и заключение по делу «московского зиновьевского центра» в Верхнеуральской тюрьме (бывшем политизоляторе) НКВД.
- ¹³ См. примеч. 83 к док. № 1.
- ¹⁴ Старчаков Александр Осипович (1893–1937), член партии с 1919 г. С декабря 1922 г. заведующий литературным отделом газ. «Ташкентская правда», во внутрипартийной дискуссии кон. 1923 – нач. 1924 г. активный сторонник позиции Л. Д. Троцкого. С осени 1924 г. заведующий отделом информации газ. «Известия» (Москва), затем – Ленинградским отделением этой газеты. На момент ареста (4 ноября 1936) консультант отдела литературы и искусства «Известий». Обвинён как участник организации, ведущей подготовку террористических актов в отношении Сталина и Ворошилова. Расстрелян 20 мая 1937 г.
- ¹⁵ Речь идёт о статье А. О. Старчакова в газ. «Известия» от 10 мая 1936 г. с подробным разбором поставленной В. Э. Мейерхольдом пьесы «Ревизор».
- ¹⁶ Толстой Алексей Николаевич (1883–1945), русский советский писатель. Из рода Толстых. Академик АН СССР (1939), лауреат трёх Сталинских премий первой степени (1941, 1943, 1946; посмертно).
- ¹⁷ См. именной комм.: Фин Я. И.
- ¹⁸ Разведупр – сокращённое название управления военно-политической разведкой Красной армии. С ноября 1918 г. претерпело ряд переименований, в ноябре 1934 г. переведено в прямое подчинение наркома обороны СССР и переименовано (до мая 1939) в Разведывательное управление РККА. Двойную функцию выполнял не только Гаус, но и многие другие сотрудники иностранного отдела газ. «Известия».
- ¹⁹ 14 февраля 1936 г. под председательством секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова было образовано жюри, которому поручалось провести конкурс на лучший школьный учебник для 3–4 классов. Жюри заменило (сохранив в обиходе прежнее название) работавшую ранее комиссию по просмотру и улучшению, а в некоторых случаях и переделке написанных ранее учебников. Одним из активных членов жюри являлся Н. И. Бухарин. В конце октября 1936 г., т. е. уже отойдя фактически от работы отв. редактора «Известий», он участвует в рецензировании поступающих макетов учебников. Упомянув в письме о «выбывших» Бухарин ещё не имеет в виду «безвозвратные» потери членов жюри и авторских коллективов учебника. Это время придёт в 1937–1938 гг., когда будут арестованы и расстреляны 8 из 10 членов жюри, включая и его самого (см. также: Лукашин А. В. «Не освещён вовсе аппарат самодержавия. ...». О подготовке школьных учебников по истории СССР в 1930-е гг. // Родина. 2016. № 9. С. 122–128).
- ²⁰ Слова, на которые обратил внимание Н. И. Бухарин, были произнесены В. М. Молотовым 29 ноября 1936 г. в речи перед делегатами VIII Чрезвычайного Всесоюзного съезда Советов: «В волчьей стае врагов коммунизма не последнее место занимают теперь господа троцкисты, у которых одни цели с буржуазией... Нам понятны злоба и беспринципность этих на всё готовых буржуазных перерожденцев, ненавидящих нашу партию и всех честных строителей социализма с яростью, достойной ренегатов. Известно, что у них есть подпевалы и пособники также из правых отщепенцев» (Правда. 1936. 30 ноября). Эта речь была примечательна и другим. Причислив правых в разряд «отбросов революции», тогда же Молотов озвучил основные положения программы борьбы с «отбросами», ставшие вскоре руководством к действию партийных и силовых органов (Там же).

Документ № 12
Протокол очной ставки между Н. И. Бухариным
и Е. Ф. Куликовым в ЦК ВКП(б)

[Стенограмма очной ставки в ЦК ВКП(б).
Между Бухариным Н. И. и Куликовым от 7 декабря 1936 г.]*

7 декабря 1936 г.

ЕЖОВ (обращаясь к Куликову). Вы на следствии дали показания о своём участии в организации правых. Вы подтверждаете ваши показания?

КУЛИКОВ. Я свои показания подтверждаю, решил всё рассказать, всю правду, хватит.

ЕЖОВ. Что хватит?

КУЛИКОВ. Бороться с партией и делать всякие подлости.

ЕЖОВ. С какого года вы стали участником организации правых?

КУЛИКОВ. С самого начала её возникновения. Началось у нас, как известно, с 1927–[19]28 гг., сначала как обособленная группа, а потом мы уже оформились прямо в организацию. Надо ли рассказывать всё подробно?

ЕЖОВ. *Вы так-а ^бсжато изложите^б все известные вам факты.

КУЛИКОВ. Ну, начну с того, что заявление, которое мы подавали в 1929 году¹, конечно, было двурушническим, мы это делали для того, чтобы нас не разгромили и сохранить свои кадры. Мы изменили тактику, начали более конспиративно собираться, собирались часто и всё разрабатывали, как бы свалить партийное руководство – ЦК партии.

ЕЖОВ. Какая организационная структура существовала у правых?

КУЛИКОВ. Членами центра были Бухарин, Рыков, Томский. Угланова и Шмидта мы хотя и не считали членами союзного центра², но они по существу входили в его состав, были тесно связаны с этой тройкой. Угланов возглавлял московскую организацию правых, в руководство которой и я входил. Я участвовал на всех совещаниях у Угланова, которые происходили у него на квартире.

Я не буду рассказывать всё, что было до 1930 года, а начну с 1930 года. Кроме частых встреч с Углановым, я неоднократно виделся с Николаем Ивановичем Бухариным. После того, как нас маленько потрясли, помню, что у Николая Ивановича не раз было плохое настроение и мне приходилось его успокаивать. Он частенько говорил мне: «Вокруг слезка, боюсь как бы чего не случилось». Однажды мне Николай Иванович сказал: «У меня есть документы, которыми можно бить сталинцев».

БУХАРИН. Какие документы?

КУЛИКОВ. Вам это лучше знать. Ты, Николай Иванович, опасался провала и предложил мне подыскать человека, которому можно дать спрятать эти документы.

Через несколько дней настроение у Бухарина исправилось, и он заявил мне, что документы им спрятаны в надёжном месте. Перед ноябрьским пленумом [ЦК ВКП(б)] 1929 года, как я уже говорил, мы решили сманеврировать.

* Исправлено синим карандашом из: ПРОТОКОЛ ОЧНОЙ СТАВКИ. Между БУХАРИНЫМ Н. И. и КУЛИКОВЫМ. Дата вписана простым карандашом.

** Зачёркнуто синим карандашом.

⁶⁶ Поставлен синим карандашом корректурный знак перестановки соседних слов; исправлено: первое И из и.

БУХАРИН. Кто это мы?

КУЛИКОВ. Это союзный центр во главе с вами, Николай Иванович, с Рыковым, Томским и Углановым. Вы, конечно, помните, Николай Иванович, как вы выступали против подачи заявления пленуму ЦК.

Затем я уже не стал поддерживать связи с общесоюзным центром правых непосредственно, а был связан с центром через Угланова.

Мы частенько собирались у Угланова и обсуждали вопрос о том, что делать. Приходили к выводу, что надо бороться. Распространяли всякую контрреволюционную клевету, кто-то пустил слух о том, что в Госбанке нет валюты, и мы радовались, что в результате этого руководство ВКП(б) крахнет.

Угланов однажды мне сообщил контрреволюционную клевету о Кирове и сказал, что об этом он говорит со слов Николая Ивановича. Кроме того, Угланов сказал мне, что у него есть документы, компрометирующие Кирова³, и предложил с этими документами послать в Ленинград Яшу Ровинского⁴ для их распространения. Я возражал, потому что считал Ровинского провокатором.

ВОРОШИЛОВ. А откуда появились эти документы у Угланова?

КУЛИКОВ. Жена Угланова работала у Невского⁵, вот оттуда Угланов и заполучил эти документы.

ОРДЖОНИКИДЗЕ. Кого знакомили с этими документами?

^вКУЛИКОВ. О них знали многие – Котов, Матвеев, Башенков и другие. Продолжаю дальше. Наша организация по прямому поручению Бухарина развернула организационную работу по сохранению и собиранию кадров правых. Вы, именно вы, воспитали меня, Николай Иванович. Ведь я работал под вашим руководством, я вам верил, я действовал по вашим указаниям. Я вербовал молодёжь, например, в Промакадемии я создавал кадры^в.

^гПерехожу к 1932 году. Однажды вызывает меня Угланов, очень взволнованный, и говорит: «Бьют наших, надо что-то предпринимать». Угланов заявил, что если мы раньше могли рассчитывать на массы, то теперь, в результате победы генеральной линии партии, положение в корне изменилось. Теперь на повестке дня стоит вопрос о терроре, надо подбирать кадры людей проверенных и надёжных^г.

^аКАГАНОВИЧ. Ты, ведь, Куликов, был у меня в 1931 году и каялся.

КУЛИКОВ. Да, Лазарь Моисеевич, я был двурушником, настоящим двурушником^а.

БУХАРИН. Когда был у вас разговор с Углановым о терроре, в какое время 1932 года?

КУЛИКОВ. Весной 1932 года. Что вы вилаете, Николай Иванович, ведь я с вами лично говорил о терроре, неужели вы можете отрицать?

БУХАРИН. Что за мерзость вы говорите.

КУЛИКОВ. Это вы мерзко поступаете. Я-то говорю только правду, а вы лжёте.

^е^жПродолжаю дальше. Весной 1931 года^е, когда я вернулся с посевной, я был у Угланова. Угланов сообщил мне, что настроение у наших ребят боевое, что они требу-

^{в-в} Абзац отчёркнут по левому полю дважды: двумя полукруглыми скобками синим карандашом и (поверх синих скобок) двумя полукруглыми скобками зелёным карандашом.

^{г-г} Абзац отчёркнут по левому полю дважды: двумя вертикальными чертами синим карандашом и двумя полукруглыми скобками зелёным карандашом.

^{а-а} Текст отчёркнут по левому полю зелёным карандашом двумя полукруглыми скобками.

^{е-е} Текст отчёркнут по левому полю синим карандашом вертикальной чертой до конца страницы.

^{ж-ж} Абзац отчёркнут снизу зелёным карандашом горизонтальной чертой.

* Так в тексте.

ют действий. Тут же Угланов высказал мысль о желательности получения соответствующих директив от Бухарина и намерен был организовать с ним встречу через Ефимку Цетлина или Афанасьева*.

³Через пару дней я вновь зашёл к Угланову. Просидел у него пару часов и направился домой по ул. Герцена⁶. Это было вечером. На углу ул. Герцена я столкнулся с Бухариным. Я взял Николая Ивановича под ручку и предложил ему пройтись. Мы направились к Александровскому саду⁷ и стали прогуливаться по тротуару, расположенному возле сада.

Я рассказал Николаю Ивановичу о своих впечатлениях от командировки по проведению посевной кампании. Я говорил об этом озлобленно, затем перешёл к положению наших дел. Я сказал³, «Николаю Ивановичу, что нас, членов московского центра, жмут участники организации, требуя перехода к решительным действиям против ЦК партии, подчеркнул, что «вы, Николай Иванович, и союзный центр медлите. В ответ на эти упрёки Николай Иванович осыпал меня тоже упрёками и говорит: «Вы всё говорите – действовать, действовать, а есть ли у вас кадры». Я ему сказал, что эти кадры вы сами хорошо знаете, у нас они есть, и сказал о Матвееве, Котове, Невском, есть молодёжь, «например, в Промакадемии, которая будет действовать, и что надо только, чтобы руководство было более решительным. Тогда Николай Иванович и говорит: «Ну что же, надо действовать, и для нас совершенно ясно, что Сталин сам не уйдёт, его надо убрать». Так это было, Николай Иванович?»⁴,

*БУХАРИН. Я обо всём скажу, обо всём¹.

КУЛИКОВ. О встрече с Бухариным я передал Угланову и Котову и сказал им, что Николай Иванович заметил, что если кадры готовые есть, надо действовать.

А теперь я хочу сказать о себе и о своей контрреволюционной работе, о том, как я, лично, реализовал ваши указания, Николай Иванович. Я подумал – не убить ли Кагановича мне самому, и спросил совета Афанасьева. Афанасьев был очень злобно настроен. Он мне в ответ сказал: «Нам самим действовать опасно, сразу узнают, что это дело наших рук, надо лучше подобрать человека». И Афанасьев предложил привлечь для этого дела из Военной академии⁸ Носова и Филастова. Я действительно привлёк Носова.

¹ВОРОШИЛОВ. За что вы хотели убить Кагановича?

КУЛИКОВ. Так же как и Сталина – для того, чтобы обезглавить руководство².

Теперь о Невском. Я и раньше знал его как нашего человека.

МОЛОТОВ. Почему вы теперь это говорите, а не говорили раньше?

КУЛИКОВ. Я не мог найти в себе силы для того, чтобы сказать это раньше. Потом, когда я убедился в успехах и правоте генеральной линии партии, я начал понимать, что ошибался, но решительности это признать у меня не хватило. Я катился всё дальше и докатился. Я рассказываю всё.

ВОРОШИЛОВ. А вы тут маленько не перехватили?

КУЛИКОВ. Нет, Климент Ефремович, я не перехватываю, я говорю правду. Кажется, меня многие знали, что я всегда говорил правду и не врал.

МОЛОТОВ. Когда в Свердловск вас направляли⁹, вы были очень озлоблены?

³⁻³ Текст отчёркнут по левому полю зелёным карандашом тремя вертикальными чертами до конца страницы.

¹⁻¹ Текст отчёркнут по левому полю синим карандашом вертикальной чертой.

¹⁻¹ Текст отчёркнут по левому полю синим карандашом тремя вертикальными чертами; зелёным карандашом выделено подчёркиванием начало и окончание данного фрагмента.

¹⁻¹ Отчёркнуто по левому полю зелёным карандашом несколькими вертикальными чертами.

¹⁻¹ Текст отчёркнут по левому полю синим карандашом двумя полукруглыми скобками.

КУЛИКОВ. Да, был очень озлоблен. Чувствовал себя обиженным.

Продолжаю о Невском. Я сговорился с Невским на курорте о работе на строительстве библиотеки и устроился на эту работу. Я решил – пусть меня высылают из Москвы с треском, если считают это необходимым.

ВОРОШИЛОВ. Что значит – с треском?

КУЛИКОВ. Я не хотел уезжать из Москвы добровольно и решил подчиниться только силе.

Продолжаю о Невском. Вокруг Невского была группа правых. Я знал о существовании этой группы. Невский мне сам несколько раз рассказывал, что в ЦК работает некто Кицис. Ставку держали на него, считая, что он в курсе всех дел и от него можно многое получить.

ЕЖОВ. Тивель, может быть?

КУЛИКОВ. Нет, Кицис¹⁰. Он работал, кажется, на небольшой архивной работе. С Невским я был связан до самых последних дней ареста. В декабре меня арестовали¹¹, а в ноябре я встречался с Невским, бывал у него на квартире, разговаривал с ним. Настроения у Невского были самые боевые: "пока Сталин сидит, Егор Фёдорович, всё будет по-прежнему, нас будут гнуть".

ВОРОШИЛОВ. Когда и при каких обстоятельствах вы передали ему о решении всесоюзного центра?

КУЛИКОВ. Как только Невский приехал, он сейчас же начал вести со мной разговоры. Разговаривали мы с ним в библиотеке, где для этого были подходящие условия¹², так как народу туда ходит мало. Мы с ним разговаривали о всех новостях. В частности, Невский был связан с Галкиным, который работал в Верх[овном] суде. Много из этих новостей мы с ним совместно обсуждали. Невский высказывал, например, такие вещи: ты знаешь, кто такой Каганович? Откуда он взялся? Говорят, он сапожник? Я отвечал ему: да, он кожевник. Невский всё время упирал на то, что, пока сидит Сталин и этот самый Каганович, всё будет оставаться по-прежнему. Я ему говорю: что же ныть, этим заниматься не стоит, нужно действовать¹³. Он тоже согласился, что нужно иметь тройку, пятёрку самых хороших людей, известных, среди которых называлось имя Томского. Его он всячески расхваливал. Вскоре после этого прошёл слух, что Сталин болен.

МОЛОТОВ. Когда это было?

КУЛИКОВ. Это было в начальный период до 1930 года. Кстати, должен сказать, что Рютин тоже входил в нашу группу. На базе платформы Рютина мы и вели всю нашу работу. Эта платформа была всеми нами принята. Николай Иванович, вероятно, это тоже будет отрицать.

БУХАРИН. Буду.

КУЛИКОВ. Как же вы будете отрицать, Николай Иванович? Ведь эта платформа обсуждалась в 1932 году у Томского на квартире.

БУХАРИН. Я этой платформы не обсуждал.

КУЛИКОВ. Угланов тоже стоял на точке зрения этой платформы, и на основе её мы проводили всю террористическую работу.

МОЛОТОВ. Продолжайте о том, что вы начали говорить. О болезни тов. Сталина.

ВОРОШИЛОВ. Значит, прошёл слух, что Сталин болен.

"КУЛИКОВ. Да. Прошёл слух о болезни Сталина. Рютин высказал такой взгляд: или этот человек, имея в виду Сталина, задался целью абсолютизма, или он сошёл с ума.

¹⁰⁻¹¹ Поставлены кавычки коричневым карандашом.

¹²⁻¹³ Текст отчёркнут по левому полю синим карандашом двумя вертикальными чертами.

¹⁴ Текст отчёркнут по левому полю синим карандашом вертикальной чертой.

ЕЖОВ. А Бухарин отвергал это?

КУЛИКОВ. Нет, Бухарин вместе с другими смеялся по этому поводу.

ОРДЖОНИКИДЗЕ. Бухарин там был в это время?

КУЛИКОВ. Да. Он ходил то к нему, то ко мне.

БУХАРИН. К Рютину ходил?

КУЛИКОВ. Конечно, Николай Иванович. Вы всё это должны хорошо помнить. Томский во время одного из таких разговоров сказал: Сталин короновался. Да как же, Николай Иванович, вы этого не помните. А Рыков ходил и говорил: это сумасшедший дом^п. Да ведь мы вместе с вами, Николай Иванович, сидели и разговаривали обо всех этих вещах.

СТАЛИН. Это наша партия – сумасшедший дом?

КУЛИКОВ. Да, партия, Центральный Комитет. ^рГоворилось также о том, что если придём к власти, никого не будем так бить, как Ягоду¹³. Николай Иванович, и вы тоже...^р ^сТолько сейчас всего не припомнишь, а многое вы говорили, Николай Иванович, сколько раз вы мне говорили: Куликов, я бы сделал значительно больше. Смотри, что это за политика? Нашей политикой мы добились бы гораздо большего^с.

БУХАРИН. Это другое дело.

^тКУЛИКОВ. Вот в том-то и вопрос, что это другое дело. Вы не только давали нам идеологию. А между тем вашей идеологией я был настолько пропитан, что дошёл до самых крайних мер. Да и не один я. Воспитались таким образом очень многие. И в том-то и дело, Николай Иванович, что вы организационно заправляли и центром, и террором, и документами^т.

Разве не было такого случая, когда я однажды пришёл к Угланову, а Угланов говорит: Егор, прочитай-ка эти тезисы. Я прочитал. Что же это такое? Надо, говорит, этот документ распространить, где его только отпечатать? И мы сговорились у вас^у в аппарате отпечатать этот документ, т. е. в Наркомтяжпроме.

^фВОРОШИЛОВ. Какой это документ?

КУЛИКОВ. Угланов набросал тезисы нашей дальнейшей работы, опять-таки на основе рютинской платформы.

МОЛОТОВ. В каком году?

КУЛИКОВ. В 1932 году.

МОЛОТОВ. И они были напечатаны?

КУЛИКОВ. Этого я, к сожалению, не знаю^ф.

Ведь вот, как будто, мелкий факт, а всё же факт. Сколько раз и Рыков говорил с иронией: ну, как ваш Полонский поживает. И вы, Николай Иванович, говорили: пусть Сталин попробует с этим Полонским дело сделать. Всё это было. Может быть, что-нибудь я забыл рассказать, но сейчас всего не припомнишь.

ЕЖОВ. Кончайте.

КУЛИКОВ. Нет, разрешите ещё сказать насчёт блоков. Помните, Николай Иванович, когда мы с вами разговаривали и когда я нажимал на вас в том смысле, что нужно активнее действовать и выступать против партии, помните, что вы мне говорили? Вы

^{р-р} Зачёркнуто густо синим карандашом, до этого простым карандашом было зачёркнуто только одно слово – Ягоду, и вписано над ним: ГПУ.

^{с-с} Текст отчёркнут по левому полю синим карандашом двумя вертикальными чертами; слева от них два больших креста того же цвета. По правому полю отчёркнут зелёным карандашом двумя полукруглыми скобками.

^{т-т} Абзац отчёркнут по левому полю синим карандашом полукруглой скобкой.

^у Далее вписано над строкой коричневым карандашом: Бухарин.

^{ф-ф} Текст отчёркнут по левому полю синим карандашом вертикальной чертой.

мне тогда повторяли: Куликов, придём к власти, нам одним не поднять этого дела. Верно, Николай Иванович? Честное слово, что это верно. А потом прямо ставили вопрос о том, что все старые кадры придётся привлечь к этому делу. А Угланов на основе этого развивал дальнейшую программу и тоже подтверждал, что нам одним не поднять это дело. Поэтому делался вывод о том, что надо иметь дело со старыми кадрами, троцкистами и зиновьевцами. Это был определённый блок. И именно отсюда он вытекал.

ВОРОШИЛОВ. В каком году это было?

*КУЛИКОВ. В 1932 году. Этот год сильно повлиял на нас в том смысле, что мы увидели, что генеральная линия партии утвердилась, массы пойдут за партией, что нужно применять другие методы борьбы. Вот чем характерен для нас этот год. «Исходя из этого, мы прямо подходили к вопросу о терроре, хотя должен сказать, что террор не отрицался нами с самого начала нашей организации»⁴. Всё время говорили о том, есть ли у нас твёрдые люди⁵. Правда, мы никогда слово террор не упоминали, говорили как угодно об этом, но всегда понимали друг друга.

ВОРОШИЛОВ. Какие выражения употребляли вы для определения террора?

КУЛИКОВ. Надо устранить Сталина, убрать Сталина – вот как мы определяли свои методы борьбы. Организация насаждалась нами не только в Промакадемии, она была в Сокольниках, связи устанавливались через Афанасьева, Запольского, работавшего тогда в Орготделе МК. У них были свои кадры. По линии молодёжи был использован Матвеев.

Эти блоки существовали. Многое мне рассказывал об этом Угланов. И вы, Николай Иванович, должны об этом честно и искренне сказать. Он мне прямо рассказывал, что члены центра разговаривали об этом на квартире Томского. Разговор шёл о том, чтобы заблокироваться на базе террора. Правда, я не мог выудить у Углanova, какие люди привлекаются к этому блоку, но я утверждаю, что Угланов мне это со всей убедительностью рассказывал. И не только мне, а всем нам. Вот приблизительно всё.

ЕЖОВ. Следовательно, в 1928 году сложился союзный центр правых, который существовал до момента вашего ареста, «как вы заявляете»?

КУЛИКОВ. Да.

БУХАРИН. До какого года?

ЕЖОВ. ⁶До 1935 года⁷. В состав центра входили: Рыков, Томский, Бухарин, Угланов и Шмидт. Кроме того, существовал московский центр в составе: Углanova⁸, Куликова, Запольского, Котова и других. Из ваших показаний, которые имеют отношение непосредственно к деятельности центра и персонально к Бухарину, вытекает, что в начале 1932 года вы от Углanova получили указания, которые исходили якобы из⁹ союзного центра, о необходимости перехода к террористическим способам борьбы?

КУЛИКОВ. Да.

ЕЖОВ. В 1932 году, осенью, эти указания были подтверждены практически¹⁰. Причём у вас в то время были настроения не только организовать убийство, но вы лично думали о том, как совершить это убийство?

¹ * Текст отчёркнут по левому полю синим карандашом вертикальной чертой.

² « Подчёркнуто синим карандашом.

³ « Зачёркнуто коричневым карандашом.

⁴ «-ш Зачёркнуто густо синим карандашом.

⁵ « Далее впечатано над строкой густо зачёркнутое синим карандашом не поддающееся расшифровке слово.

⁶ « Исправлено коричневым карандашом: от из из.

⁷ « Зачёркнуто коричневым карандашом.

КУЛИКОВ. Да.

ЕЖОВ. Затем, в 1932 году Бухарин при встрече с вами тоже передал директиву относительно того, что надо действовать активно, т. е. он передал директиву о терроре. Это было во время вашей встречи с ним у Александровского сада.

КУЛИКОВ. Да, да.

ВОРОШИЛОВ. После этих разговоров о терроре, вы не вели их ни с кем, кроме Невского?

КУЛИКОВ. Нет, ни с кем.

ЕЖОВ (обращаясь к Бухарину). Я прошу рассказывать в таком порядке: прежде всего показания, которые имеют отношение к периоду до 1930 года. Затем 1931, 1932, 1933 годы. Кроме того, ещё один чрезвычайно важный момент – это относительно кампании по дискредитации Кирова. По показаниям Куликова видно, что его вызвал Угланов, показал ему эти документы и сказал, что появились документы на Кирова...

СТАЛИН. После смерти Кирова?

ЕЖОВ. Нет, до смерти, в 1930 году. Что^а по поручению Бухарина и центра они послали человека в Ленинград, который должен распространить эти материалы и оттуда начать эту^{а1} кампанию. ⁶¹Кто начал эту кампанию, Куликов не знает. Об этом тоже нужно рассказать⁶¹.

^{а1}БУХАРИН. Я должен, прежде всего, начать с заявления о том, что у меня с Куликовым никогда не было никаких столкновений. Я, как совершенно правильно сказал на пленуме Лазарь Моисеевич, всегда считал Куликова глубоко честным, необычайно преданным революции, партии и рабочему классу человеком. Так что опасения Куликова относительно того, что я буду его уличать или стараться его персонально дискредитировать, – этого у меня и в помине нет^{а1}.

Второе замечание следующее: так как сейчас момент исключительно важный и с точки зрения моей личной судьбы, и с точки зрения общепартийной, я буду рассказывать абсолютно всё то, что я знаю, даже не стесняясь тем, что тут очень много привходящих моментов из области истории внутрипартийной борьбы, которые могут иметь чисто исторический интерес. Но если они хоть какой-нибудь ниткой привязаны к тем вопросам, которые мы сейчас обсуждаем, разрешите касаться и их.

Начало формирования этой правой оппозиции, оно известно. Совершенно верно, что в начале этой антипартийной борьбы сложилась группа, которую мы на своём жаргоне называли «тройкой», в которую входили: я, Рыков и Михаил Павлович Томский.

ОРДЖОНИКИДЗЕ. А Угланова не было?

БУХАРИН. Он был несколько на отлёте. Это не было оформленной организацией, но Угланов часто бывал у нас. Вообще в ходу был тогда этот термин «тройка», и все смотрели на нас, и на меня, в частности, как на лидеров правой оппозиции, чего я никогда не скрывал.

Каким образом началось это дело? Может быть, это некоторая историческая подробность, но она имеет интерес. Как началось дело у меня с точки зрения моих личных колебаний в правильности партийной линии. Я тогда был вхож в ГПУ¹⁴. Одно время был представителем Центрального Комитета в ГПУ^{*15}, и у меня сохранились большие

^а Зачёркнуто простым карандашом, далее им же исправлено: П из п.

^{а1} Зачёркнуто синим карандашом.

⁶¹⁻⁶¹ Зачёркнуто густо синим карандашом поверх ранее зачёркнутого простым карандашом.

^{а1-а1} Абзац выделен по левому полю двойным отчёркиванием синим карандашом в форме прямоугольника.

* Так в тексте. В данном случае речь идёт о предшественнице ГПУ – ВЧК.

связи. Я был членом Политбюро, имел большой авторитет и часто ходил в ГПУ, чтобы познакомиться с некоторыми материалами о настроениях и т. д.

Однажды я пришёл в ГПУ в тот момент, когда происходил целый ряд всевозможных крестьянских волнений и прочее. Ягода мне рассказал об этих вещах. Я его спросил: почему вы не сигнализируете об этом ЦК? Он говорит: это ваше дело ставить такие большие вопросы. Я его тогда попросил дать мне более связный материал. Он вызвал своего референта, если не ошибаюсь, Алексеева.

ОРДЖОНИКИДЗЕ. В каком году это было?

БУХАРИН. В 1928 году. Это мне легко установить по некоторым дальнейшим эпизодам. Я от этих сообщений пришёл в большое волнение. Должен сказать, что абсолютно субъективно, без всяких каких-нибудь своекорыстных интересов, я всегда тревожился о положении дел в стране. Когда этот Алексеев рассказал мне все эти вещи, я понял, что дело неладно. Я с налета, сгоряча, побежал к Ворошилову, у которого в это время был Бубнов, и сказал о том, что происходит.

ВОРОШИЛОВ. Верно, ты у меня не один раз бывал.

БУХАРИН. Это было начало моих крупных сомнений и колебаний. Дальше — больше. Эта тревога за то, что происходит, непонимание того, что здесь нужно что-то предпринять, была исходным пунктом для того, чтобы постепенно сложилась эта группировка, причём я никогда не скрывал и постоянно говорил, что идеологически я...

ЕЖОВ. Нельзя ли покороче, по конкретным вопросам.

БУХАРИН. Столько же, сколько Куликову, можно мне?

ЕЖОВ. Главным образом о фактической стороне дела.

БУХАРИН. У нас сложилась, таким образом, эта тройка. Теоретические наши взгляды вам всем известны. Я неоднократно выступал с ними на пленумах ЦК и в Политбюро и поэтому рассказывать об этом не буду.

Я очень тревожился по поводу самой возможности возникновения фракционной борьбы. И, если вы вспомните, в том знаменитом документе, который Каменев пустил в оборот¹⁶ после моего преступного посещения Каменева, было прямо сказано о том, что фракционная борьба привела бы к тяжёлым последствиям и превратилась бы чуть ли не в гражданскую войну. Я это говорю и теперь, я всё время опасался развёртывания какой бы то ни было фракционной борьбы. Но я продолжал её вести, и это объясняется тем, что на меня нажимали: что же вы канючите, а не действуете. Это объяснялось не моей бесхарактерностью и внутренней слабостью или тем, что я неспособен к действию, но я совершенно определённо говорю, что я страшно опасался и противился развёртыванию дальнейшей фракционной борьбы. Должен сказать, что я тогда не произнёс ни одной речи вне пределов ЦК. Единственный тенденциозный доклад был мною сделан под председательством Вячеслава Михайловича Молотова на тему о политическом завещании Ильича¹⁷.

МОЛОТОВ. Где это было?

БУХАРИН. Это было в Большом театре, в одну из годовщин со дня смерти Ленина. Этот доклад получил прозвище доклада о политическом завещании Бухарина.

Относительно документов, о которых здесь говорил Куликов. Я абсолютно не помню ни одного документа, который бы дискредитировал Сталина.

КУЛИКОВ. Вы мне говорили сами.

БУХАРИН. Единственный документ, который тогда в кругах оппозиции имел большой удельный вес, и который мы думали использовать для дискредитации Сталина, это было так называемое Завещание. Но печатать этот документ не имело ровно никакого смысла, потому что он был всем известен. О чём могла идти речь ещё? Может быть, Куликов путает, и речь шла о другом документе. Я набросал однажды тезисы нашей оппозиционной платформы и показал их Пятакову, который лежал тогда в боль-

нице.^{††} Пятаков, по моим догадкам, немедленно сообщил об этом Серго. Потому что, когда меня после этого допрашивали в Политбюро, Серго сказал одно слово: Бухарин считает, что мы строим новые заводы, но они попадут белогвардейцам. Из этих слов я понял, что Серго узнал об этом документе. Но я этот документ никому не показывал и уничтожил его^{††}.

СТАЛИН. Это были тезисы?

БУХАРИН. Да. И так как Серго на Политбюро произнёс эти слова, я понял, что Пятаков ему об этом рассказал, хотя внешне он ничем этого не доказывал, посылал ко мне своих дочек и говорил мне: милый Коля. А вышло так, что я показал ему этот документ, а он показал его Серго, о чём я узнал по этой одной фразе.

КУЛИКОВ. Разве об одном документе идет речь? Там целый ящик был, его хотели закопать в землю.

БУХАРИН. Ящик документов, которые бы компрометировали Сталина, я не представляю себе.

ЕЖОВ. Куликов показал, что в 1929 году вы – Бухарин,^{††} несколько раз имели дело с^{††} документами^{††}, которые ^{††}могли понадобиться^{††} для борьбы против партии.^{††} Куликов сказал: я обдумую, куда их спрятать.

КУЛИКОВ. Правильно, искали человека, который бы спрятал эти документы.

ЕЖОВ. Вы это отрицаете?

^{††}БУХАРИН. Я не помню, было это или нет. Я только объясняю, о каких документах могла идти речь. Так как я не хотел, чтобы кто-нибудь прочитал эту платформу, я её уничтожил^{††}.

СТАЛИН. Ну, это же неважно.

БУХАРИН. На собраниях, которые происходили у нас, вначале бывало много людей, тот же Полонский, Антипов и целый ряд других.

СТАЛИН. У вас ничего нелегального не было? Было всё то, что известно?

БУХАРИН. Нет, я этого не говорю.

ВОРОШИЛОВ. Одним словом, первые собрания не были сугубо важными, конспиративными. Они были полуоткрытые?

БУХАРИН. Да, совершенно правильно. Тогда были более вольные нравы, и я не считал это предосудительным. Кроме того, у меня на квартире нельзя было устраивать конспиративных собраний. Устраивать собрание в Кремле – это не большая конспирация. На квартире у меня постоянно толкался целый ряд товарищей, которые обсуждали различные вопросы. Вначале эти группировки не были зафиксированы, но они так или иначе стремились к тому, чтобы как-то зафиксироваться и кристаллизироваться. Одни были связаны со мной и моими учениками – слепковцами, другие были в углановской группировке, куда, в частности, входил целый ряд людей из московской организации и Куликов.

Потом начались различные колебания и споры. Углановская группа всё напирала на нас: что вы болтаете, но ничего не делаете. Мы теоретизировали по поводу того, что нужно делать, и в этом проходило время. Затем, и здесь Куликов неправ или забыл,

^{††-††} Текст отчёркнут по левому полю синим карандашом двумя вертикальными чертами.

^{††-††} Зачёркнуто простым, поверх него синим карандашом, далее вписано над строкой: хранили какие-то.

^{††} Исправлено синим карандашом: ы из ами

^{††-††} Зачёркнуто простым, поверх него синим карандашом, далее вписано над строкой: Вам нужны были.

^{††} Далее вписано над строкой синим карандашом: Вы просили Куликова их спрятать.

^{††-††} Абзац отчёркнут по левому полю зелёным карандашом полукруглой скобкой.

Угланов, Куликов и другие подали заявление на ноябрьском пленуме в 1929 году, в котором говорили следующее: мы хотим идти вместе с партией, но не хотим идти вместе с Бухариным. За это я и обиделся. Это можно проследить по тому заявлению, которое, очевидно, имеется в архивах.

КУЛИКОВ. Вы обиделись не за то, что мы с вами не хотели идти, вы обиделись на то, что мы хотели идти с рабочим классом.

БУХАРИН. Нет, это неправда. Никакого решения общесоюзного центра или какого-то иного центра относительно этого маневра не было.

ЕЖОВ. Сам по себе маневр был, но не было решения?

БУХАРИН. Я не знал тогда относительно того, что это – маневр или не маневр. Я думал, что определённая группа отошла от нас, отошла раньше, чем нужно было, как мне тогда казалось. Это не было сговором ни со мной, ни с Рыковым, ни с Томским. Я тогда действительно обиделся на то, что мои тогдашние союзники учинили такой шаг.

КУЛИКОВ. Вы со мной говорили, что нужно организованно отступить.

БУХАРИН. Может быть, я это и говорил, но этот шаг был сделан помимо решения какого-то центра. Затем фактическая сторона, связанная с этим документом касательно Сергея Мироновича Кирова. Угланов однажды пришёл ко мне и показал мне не документ о Кирове, а статью Кирова в «Тереке» по поводу какого-то думского дела, выступления какого-то митрополита или что-то в этом роде. Я на это дело особого внимания не обратил. Я этот факт абсолютно не отрицаю, Угланов мне показывал этот документ, но что он с ним сделал, я не знаю.

ОРДЖОНИКИДЗЕ. А когда здесь разбирали это дело, ты присутствовал и ничего не рассказал.

БУХАРИН. В тот период я не считал необходимым всё говорить. Я вёл тогда антипартийную борьбу. Я подал заявление в 1930 г., а это было до этого.

СТАЛИН. Какое заявление?

БУХАРИН. О признании своих ошибок¹⁸. Это было после того, как группа Угланова–Куликова отошла. ¹⁸ Я ни капли не сомневаюсь ¹⁸ в том, что Куликов показывает абсолютно искренне и честно, ¹⁸ и верю в то, что он сейчас говорит. Но я категорически протестую и заявляю, что ни духом, ни делом, ни помышлением не виновен в том, что когда бы то ни было имел установку относительно террора и передавал директивы относительно террора. Я могу только попытаться объяснить, каким образом могло сложиться такое мнение, или каким образом Куликов мог подумать о такой вещи.

МИКОЯН. Ты отрицаешь свидание у Александровского сада?

БУХАРИН. Я объясняю дело таким образом. Это раздвоение, которое было в организации и которое шло по линии, с одной стороны, верхушки, тройки, и, с другой стороны, углановской группы, – это расхождение было фактически двоецентрием, и о том, что делалось в одной половине, я не был поставлен в известность и не ощущал этого.

СТАЛИН. Ловко сделано!

ВОРОШИЛОВ. Как могло появиться такое мнение у Куликова, которого ты сам признаёшь человеком честным¹⁹. Куликов прямо говорит, что однажды, гуляя с тобой у Александровского сада, он получил прямое указание.

БУХАРИН. Я даю абсолютно честное слово, что никогда мне в голову не приходила идея относительно террора. Если я говорю о том, что я всегда боялся развёртывания фракционной борьбы, и если это имеет какую-то дозу вероятности, то как можно объяснить, что я сразу перескочил на террор?

¹⁸⁻¹⁸ Подчёркнуто зелёным карандашом.

¹⁹⁻¹⁹ Текст отчёркнут по левому краю синим карандашом вертикальной чертой.

СТАЛИН. А Томский как?

БУХАРИН. Томский никогда насчет террора не разговаривал.

ВОРОШИЛОВ. Ты знал, что Томский не только чужд этим мыслям, но и действиям[?]*

БУХАРИН. Я понял из того, что говорилось на последнем заседании пленума ЦК, откуда у вас появились эти мысли относительно Томского. Очевидно, из того разговора, который Сталин вёл с Томским, придя к нему однажды ночью. Но заверяю вас честным словом, что никогда к этой теме Томский впоследствии не возвращался.

КУЛИКОВ. Николай Иванович, помните, у Кремлёвской больницы, когда я передал вам, что ходят слухи о болезни Сталина, вы мне прямо сказали: ничего страшного, Сталин здоров как бык. Я совершенно откровенно об этом говорю. Вы даже говорили: напрасна вся ваша гуманность. ^{и1}Сталин сам никогда не уйдёт. Сталина ^{и1}надо устранить. Это было в 1929 году.

БУХАРИН. Из чего складывается эта террористическая версия? Во-первых, как видите, из того, что я говорил: Сталин здоров как бык, и что я говорил: где же ваши крепкие люди. Я это действительно говорил, потому что на меня углановская группа всё время нажимала: что вы занимаетесь болтовнёй, или это чепуха, или нужно действовать.

ЕЖОВ. Бухарин, нельзя ли конкретнее о разговоре в 1932 году с Куликовым?

^{и1}БУХАРИН. Я действительно встретил^{и1} Куликова в переулке, где жил Угланов^{и1}. Он взял меня под руку. Правильно и то, что я страшно субъективно эту историю переживал и даже плакал. ^{и1}Я разводил руками и говорил: что делать? Он говорил: ничего, нужно действовать. ^{и1}Я действительно спрашивал: где же у вас крепкие люди?^{и1} Мы никогда не произносили слово террор, а говорили о твёрдых людях^{и1}.

МОЛОТОВ. А что значит действовать? Ты в каком смысле это говорил?

БУХАРИН. Я ничего не говорил относительно действий.

^{и1}ЕЖОВ. В 1932 году ты счёл возможным вести с Куликовым разговор о том, что нужно действовать, нужны крепкие люди. Зачем они были нужны?^{и1}

^{и1}БУХАРИН. ^{и1}Я тогда вёл ещё борьбу с партией^{и1}. Я говорил, что не нужно вести борьбу, а они говорили, что нужно вести борьбу с партией^{и1}.

ОРДЖОНИКИДЗЕ. Это в 1932 году?

БУХАРИН. Я не помню, когда это было.

МИКОЯН. Некоторые вещи ты здорово помнишь, а что нужно вспомнить, не можешь.

^{и1}БУХАРИН. Я не отрицаю разговора, и это могло быть в 1932 году, но смысл этого разговора заключался не в этом. Куликов выставлял против меня такую аргу-

* По контексту очевиден вопросительный характер предложения.

^{и1-и1} В тексте отчёркнуто синим карандашом двумя короткими вертикальными чертами.

^{и1-и1} Подчёркнуто красным карандашом.

^{и1} Далее вписано над строкой красным карандашом: в 1932.

^{и1-и1} Текст отчёркнут по левому полю синим карандашом вертикальной чертой, слева от неё крупный крест того же цвета.

^{и1-и1} Подчёркнуто зелёным карандашом. По правому полю фраза отчёркнута зелёным карандашом тремя вертикальными чертами.

^{и1-и1} Абзац отчёркнут по правому полю зеленым карандашом полукруглой скобкой.

^{и1-и1} Абзац отчёркнут по левому полю синим карандашом двумя вертикальными чертами и несколькими чертами зелёным карандашом, слева от них крупный зелёный крест. По правому полю отчёркнут зелёным карандашом двумя вертикальными чертами и зелёной полукруглой скобкой.

^{и1-и1} Подчёркнуто синим карандашом.

^{и1-и1} Абзац отчёркнут по левому полю синим карандашом двумя полукруглыми скобками.

ментацию: чего ты сидишь, тогда, как нужно драться. Таким образом, он меня ругал за бездеятельность^{xl}.

ОРДЖОНИКИДЗЕ. В каком году?

БУХАРИН. Я не помню.

^{xl}ОРДЖОНИКИДЗЕ. Получается, что в 1930 году ты подал заявление, что прекращаешь борьбу с партией, а в 1932 году эту борьбу продолжал.

БУХАРИН. У меня были сторонники, они на меня напирали. У меня есть одна совершенно точная дата. Этот последний разговор, когда я видел Угланова летом 1932 года, был действительно последним, и я утверждаю, что ни единого человека из углановской группы и своей бывшей группы я после этого ни разу не видел^{xl}. Это очень интересно для того, чтобы действительно распутать весь клубок этих дел. Я на этом более подробно останавливаюсь.

ЕЖОВ. Значит^{xl} весной 1932 года Куликов приехал с посевной кампании, пришёл к Угланову и, сговоровшись^{xl}, решил встретиться с Бухариным. Самый факт встречи с Куликовым в переулке ты не отрицаешь?

БУХАРИН. Нет.

ЕЖОВ. На тебя нажимали, а ты аргументировал дело таким образом: не надо драться, потому что нет крепких людей?

^{xl}БУХАРИН. Я считал это дело абсолютно безнадёжным и ненужным. Я подал заявление в 1930 году, но я ещё поддерживал некоторые сношения с людьми, я изживал эти остатки своей собственной идеологии^{xl}.

ЕЖОВ. Считаешь ли ты допустимым такой факт, что к тебе приходит человек, приехавший с посевной кампании, который сообщает, что надо вести борьбу против партии, что нельзя сидеть сложа руки, а ты отвечаешь, что у вас нет крепких людей. И это после того, как в 1930 году ты подал заявление о признании своей неправоты в борьбе с партией. Значит, ты считал возможным скрыть этот факт от партии?

БУХАРИН. ^{xl}Сейчас я ничего не скрываю, а тогда я считал возможным скрыть это, и объясню почему. Это было, может быть, моей ошибкой, которую я делал по отношению к своим ученикам и углановским людям^{xl}. Дело в том, что ^{xl}я надеялся на изживание и у них этих самых процессов. Я старался подводить их к этому исподволь. Тут были и личные мотивы. ^{xl}До 1932 года у меня не было ясности в вопросе о стимулах в земледелии^{xl}. Я не понимал, как пойдёт дело с коллективизацией с точки зрения товарооборота и т. п. ^{xl}^{xl}После законодательства о советской торговле в 1932 году^{xl} вопрос для меня стал абсолютно ясен. Поэтому вполне возможно такое положение вещей. ^{xl}У меня не хватало присутствия духа сказать своим людям, что всё, что я говорил раньше, это абсолютная чепуха. Это было у меня ложным педагогическим методом, который, конечно, был очень глупым. Ведь они сразу могли сказать: это есть измена, ты переходишь на сторону противника.

МИКОЯН. А партия – это противник?^{xl} ^{xl}

^{xl} ^{xl} Текст отчёркнут по левому полю синим карандашом двойной чертой.

^{xl} ^{xl} Зачёркнуто коричневым карандашом, далее исправлено: В из в.

^{xl} ^{xl} Далее вписано над строкой коричневым карандашом: с ним.

^{xl} ^{xl} Абзац отчёркнут по левому полю синим карандашом двумя полукруглыми скобками.

^{xl} ^{xl} Подчёркнуто синим карандашом.

^{xl} ^{xl} Текст отчёркнут по левому полю синим карандашом двумя вертикальными чертами и несколькими чертами зелёным карандашом, слева от них крупный зелёный крест.

^{xl} ^{xl} Подчёркнуто синим карандашом.

^{xl} ^{xl} Текст отчёркнут по правому полю синим карандашом двумя полукруглыми скобками.

^{xl} ^{xl} Подчёркнуто синим карандашом.

БУХАРИН. Я боялся, что эти товарищи мне так скажут, и поэтому не давал решительных и резких формулировок. Теперь я понимаю, откуда появилась эта версия.

Последний раз с Углановым я виделся в 1932 году, зайдя специально к нему на квартиру. Тогда появились какие-то особые трудности, были волюнки на ряде предприят⁶¹¹ий. Я знал, что Угланов необычайно истеричный человек, подверженный необычайным колебаниям. ⁶¹¹⁻¹¹¹То он плачет, то потрясает кулаками, то весь дрожит от напряжения и т. д. До меня дошли слухи, что по каким-то городам разъезжает публика и говорит, что ¹¹¹имеются директивы относительно того, что нужно поднимать и оживать фракционную деятельность и проч. Зная, что представляет собою Угланов, я пришёл к нему и сказал: нужно работать с партией целиком⁶¹¹, нужно сидеть и выполнять партийные решения, нужно бросить всю фракционную борьбу.

Тогда же, летом 1932 года, по другой линии, по линии моих бывших учеников, у меня был разговор со Слепковым. Я ему сказал: нужно всё абсолютно кончать. Совершенно ясна правильность генеральной линии партии. Он мне сказал: хорошо. ¹¹¹Я после этого уехал в отпуск и, когда вернулся из Средней Азии, из отпуска, застал такую картину. ¹¹¹Эти юноши устроили конференцию и были почти все арестованы¹¹¹⁻¹¹¹. Тут же появилась на свет брошюра о рютинской платформе и целый ряд связанных с этим всевозможных вещей.

¹¹¹Уверяю вас, что относительно рютинской платформы я не имел никакого представления. Я считал, что не может быть, чтобы эти мои бывшие ученики после того, как я говорил со Слепковым, пойдут на такую авантюру. Я даже за них заступался, а потом оказалось, что они все арестованы¹¹¹. Я видел эту рютинскую платформу физически при таких обстоятельствах. Тов. Сталин или показал мне сам, или приказал показать мне рютинскую платформу. Я её перелистал, посмотрел оглавление и помню, что у меня со Сталиным был по этому поводу разговор, причём различные догадки строились насчёт того, кто мог это написать. По крайней мере, Сталин говорил, что, вероятно, это написал Зиновьев.

С этого времени я ни единого человека, ни из группы своих учеников, ни из углановской группы абсолютно не видел.

ЕЖОВ. Ты подал заявление о признании своей вины в 1930 году?

БУХАРИН. Да.

ЕЖОВ. Весной 1932 года Куликов тебя информирует о тяжёлом положении в деревне, говорит, что народ требует открытой борьбы против партии, нажимает на тебя, а ты, для того, чтобы показать, что ты против этой борьбы, аргументируешь следующим образом: нет у вас крепких людей, если есть эти люди – покажи их, тогда будем говорить.

Считаешь ли ты допустимым даже с партийной точки зрения скрыть этот факт от партии? К тебе приходит человек с настроением драться против партии. А ты это скрываешь. Считаешь ли ты возможным такой¹¹¹ факт¹¹¹, что¹¹¹ осенью 1932 года ты был на

⁶¹¹⁻⁶¹¹ Текст отчёркнут по левому полю синим карандашом вертикальной чертой.

¹¹¹⁻¹¹¹ Подчёркнуто синим карандашом.

¹¹¹⁻¹¹¹ Текст выделен по правому полю двойным отчёркиванием синим карандашом в форме прямо-угольника.

¹¹¹⁻¹¹¹ Подчёркнуто синим карандашом.

¹¹¹⁻¹¹¹ Текст отчёркнут по левому краю синим карандашом вертикальной чертой.

¹¹¹ Зачёркнуто коричневым карандашом, далее вписано над строкой: скрывать и другой.

¹¹¹ Исправлено коричневым карандашом: точка из запятой.

¹¹¹ Зачёркнуто коричневым карандашом, далее исправлено: О из о.

квартире Угланова по поводу того, что до тебя дошли слухи, будто^{кII} собираются драться против партии. ^{лII}И чтобы не открывать драку ты считаешь нужным^{лII} ^{лII}скрыть этот факт от партии?

БУХАРИН. Я считаю, что эти мои шаги были ошибочными. Но я объясняю, из каких соображений я тогда исходил. И по отношению к моим ученикам, к группе молодежи, и по отношению к углановской публике у меня всегда было желание привести их в нормальное партийное состояние. Я старался это сделать, может быть, совершенно неверными методами. Я боялся, что если я скажу Куликову и другим о том, что мы совершенно обанкротились, они мне скажут: ага, и ринутся в противоположную сторону. Я хотел оставить какие-то верёвочки.

ЕЖОВ. Зачем тебе нужны были эти верёвочки?

БУХАРИН. Они нужны были для того, чтобы по возможности исправить людей. И по отношению к Угланову было то же самое. Если бы я ему сказал о нашем крахе решительным образом, он бы двинулся в другую сторону, а я знал экспансивность этого человека. Я хотел привести всех их в лоно партии. Я боялся не того, что потеряю этих людей для себя, я боялся, что они будут потеряны для партии, в том числе и Угланов. Эти честные намерения у меня были.

ЕЖОВ. Ты сказал, что мысль о возможности применения террора могла появиться у Куликова и других потому, что в 1932 году ты узнал относительно каких-то активных методов борьбы бывших правых оппозиционеров^{лII}, которые разъезжают по городам, как ты выразился. Ты боялся, что и Угланов двинется по этой линии, зная его экстремистские настроения. Ты боялся террора.

БУХАРИН. Нет, о терроре я не думал.

ЕЖОВ. А почему ты думаешь, что отсюда могла возникнуть мысль о терроре?

БУХАРИН. Я представлял себе дело так. За этот период, когда я от этого дела совершенно отошёл, не в смысле персональных связей, у меня появились какие-то заместители. Из какого лагеря и откуда, я не знал. С Невским я никогда ни о чём не разговаривал. Может быть, это был Невский или Рютин, я не знаю. Одним словом появилось замещение бывшего правого руководства какими-то новыми людьми, одним человеком или группой. Относительно своих бывших учеников я должен сказать, что по указанию тов. Сталина мне давали читать их показания, и я их читал. В некоторых показаниях было прямо написано, что Бухарин ненадёжный человек, что он стал на общепартийную линию, что вообще с ним нужно расквитаться.

ЕЖОВ. Ты сказал, что в 1932 году у тебя ещё не были изжиты колебания, и эти колебания были в вопросе о^{лII} земледелии.

БУХАРИН. Я точнее скажу. Я абсолютно добросовестно и честно занял партийную линию, но не могу сказать, что для меня всё было понятно и ясно. Если бы я видел тогда весь план целиком, как он сложился, я бы ни в какую оппозицию не пошёл. Я очень мучился и не знал, как мне выйти из этого положения. ^{лII}В 1932 году картина для меня была неясна. Я рассуждал так: ну, хорошо, машины мы дадим в деревню, а как мужик будет эти машины проворачивать, за что он будет бороться. Я этот пункт мучительно переживал. Этот пункт для меня был неясен, он меня внутренне мучил^{лII}. Когда появи-

^{кII} Далее вписано над строкой синим карандашом: бы.

^{лI-лII} Зачёркнуто простым, затем синим карандашом.

^{лII} Впереди вставлено синим карандашом: Ты; далее исправлено: скрыл из скрыть.

^{лII} Зачёркнуто простым карандашом.

^{оII} Далее вписано синим карандашом: стимулах в.

^{лI-лII} Текст отчёркнут по правому полю двумя синими чертами и подчёркнут красным карандашом.

лось это законодательство и я понял, что дело идёт относительно советской торговли, для меня этот пункт стал совершенно ясным, как стала ясной полная победа генеральной линии не только в основном, но и во всех своих основных частях.

Поэтому я подчёркиваю этот основной факт, подчёркиваю его не для моего самооправдания, а для действительного положения вещей с точки зрения разбора всех этих внутрипартийных отношений. Именно с этой точки зрения он играет исключительную роль, и я обращаю на него внимание. Повторяю, что с 1932 года, т. е. после разговора с Углановым на его квартире, о котором я имел честь докладывать, я ни одного человека ни из углановской группы, ни из слепковцев физически не видел и никаких, ни прямых, ни косвенных, сношений с этими людьми не имел. Поэтому эта дата чрезвычайно важна и с моей личной точки зрения и с точки зрения общей. Как я себе это дело представляю? Очевидно, раз борьба шла дальше и докатилась до террора, бывшие правые пошли по какому-то другому руслу, и это вырвалось из моих рук целиком.

МОЛОТОВ. Разговор с Куликовым был о терроре?

БУХАРИН. Я уже говорил об этом, в каком смысле вёлся разговор.

ЕЖОВ. Куликов рассказал нам во всех подробностях вашу встречу у Александровского сада. Нельзя ли рассказать ту часть разговора, где ты аргументировал, что у вас нет^{р11} людей?

БУХАРИН. Куликов меня ругал отчаянно. Вы, говорит, только болтали, а никакого дела не делаете.

МИКОЯН. Какого дела?

БУХАРИН. Не ведёте антипартийной работы. А я тогда антипартийной работы не вёл.

МИКОЯН. Это ещё неизвестно.

БУХАРИН. Он на меня нажимал и ругал за то, что я антипартийной работы не веду. Я уже объяснял это. Вместо того, чтобы прямо сказать ему: брось говорить глупости, я боялся, что, если я так скажу, эти люди будут потеряны и скажут: этот человек пустился во все тяжкие и отошёл от нас.

ОРДЖОНИКИДЗЕ. А разве он не знал, что ты перешёл на сторону партии, подав в 1930 году заявление с признанием своих ошибок?

БУХАРИН. Если вы меня спросите, правильно ли и партийно я тогда поступал, я не буду говорить, что я поступал правильно и партийно. Я думал, что поступал целесообразно даже с общепартийной точки зрения, а на самом деле это было неправильно, нецелесообразно и непартийно. Этого я не отрицаю.

ОРДЖОНИКИДЗЕ. В каком году ты показывал свою платформу Пятакову?

БУХАРИН. Это можно посмотреть, я не помню точно. Во всяком случае, это было в гораздо более ранние годы.

ОРДЖОНИКИДЗЕ. Раньше 1930 года?

БУХАРИН. Да, конечно. Вы помните, как на заседании Политбюро вы все меня расспрашивали, покажи документ, а я упирался и не показывал. Значит, это было тогда, когда я ещё находился на позиции совершенно открытой борьбы внутри ЦК. Что же касается того, о чём говорит Куликов, будто вся работа велась на основе рютинской платформы...

ЕЖОВ. Отвечайте на конкретные факты, на конкретные обвинения, которые он вам предъявил. Куликов говорит, что вы обсуждали эту рютинскую платформу на квартире у Томского.

БУХАРИН. Я лично не обсуждал. Куликов говорит, что Угланов рассказывал ему, будто вся работа велась на основе рютинской платформы, вплоть до 1935 года. Мы же

^{р11} Далее вписано над строкой синим карандашом: крепких.

разбираем вопросы, которые вплотную подводят нас к современным вещам. Я прошу, как угодно обследовать этот вопрос, но опять-таки заявляю, что в 1932 году я никого из этих людей не видел по обеим составным половинкам. Так что говорить, что я мог принимать какое-либо участие в этой работе...

ОРДЖОНИКИДЗЕ. Он же говорит о разговоре на террористические темы, который происходил весной 1932 года.

БУХАРИН. Да, и он говорит, что это стало исходной позицией для того, чтобы вести на этой платформе всю работу вплоть до 1935 года.

ОРДЖОНИКИДЗЕ. Верно это, Куликов?

КУЛИКОВ. Верно.

БУХАРИН. А я это отрицаю. Я расчленил вопрос: до 1932 года, куда включается весенний разговор, и после 1932 года вплоть до 1935–1936 года. По первому периоду я вам объяснения давал. Вы можете считать их убедительными или неубедительными, верить мне или не верить. Я говорю совершеннейшую правду. Я категорически отрицаю самую мысль о терроре. Никто не может доказать, что в период после 1932 года меня видели хоть с одним человеком из лагеря бывшей правой оппозиции, и уже по одному этому становится понятно, что я не мог принимать участие в проводимой работе.

Пометы:

Л. 84. *На верхнем поле, слева простым карандашом:* 30 экз.

33 стр.

Л. 116. *По левому полю синим карандашом:* Ежов (автограф)

Л. 116 об. *Снизу справа простым карандашом:* Из папки 35

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 260. Л. 84–116. Машинописный экземпляр с рукописной правкой.

Опубл.: *Вопросы истории.* 2002. № 3. С. 4–18.

- ¹ Имеется в виду заявление Н. А. Угланова и Е. Ф. Куликова ноябрьскому пленуму ЦК от 17 ноября 1929 г., в котором, в частности, говорилось: «Перед нами встаёт вопрос: что же дальше? Быть ли на отлёте от партии и рабочего класса и поддерживать тт. Бухарина, Рыкова и Томского, или идти в ногу со всей партией? Мы считаем нужным быть вместе с партией и рабочим классом и победоносно бороться за социалистическое строительство» (Правда. 1929. 18 ноября).
- ² За несколько месяцев Е. Ф. Куликов существенно понизил статус Угланова и Шмидта. В показаниях от 10 сентября 1936 г. он говорил о них как о «членах центра организации правых» (см.: РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 274. Л. 195). «Корректировка» показаний, очевидно, стала результатом неожиданного для следствия ответа другого «правого» – А. И. Рыкова – на поставленный ему Кагановичем в ходе опроса вопрос: бывал ли Угланов «на ваших заседаниях, на вашем политбюро? – Нет, Угланова мы на такие заседания не приглашали, а совещались втрём», т. е. в составе Бухарина, Рыкова и Томского.
- ³ Речь идёт о готовившейся в 1929 г. «атаке» на С. М. Кирова, в т. ч. с участием бывших работников ленинградской партийной организации, с использованием ряда компрометирующих его документов дореволюционного прошлого. На допросе 23 сентября 1936 г. Угланов признал, что получил от Невского (в то время директора Государственной библиотеки им. В. И. Ленина) «для ознакомления некоторые документы, направленные против Кирова. С целью распространения этих документов, использования их в борьбе против партии, я с этих документов снял копии. Давал их для прочтения некоторым участникам нашей организации. ...» (см.: РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 274. Л. 175, 227).
- ⁴ Ровинский Яков Ионович (1893–1936), член партии, большевик с 1908 г. На момент ареста (18 сентября 1936) директор Союзоптметиза Наркомата внутренней торговли (до этого возглавлял Ни-

- жегородско-Богородский кожевенный трест). Приговорён (очевидно, задним числом) к 1 месяцу заключения. 17 октября 1936 г., т. е. накануне «освобождения», покончил жизнь самоубийством. Не был даже исключён из списков Московского отделения Всесоюзного общества старых большевиков.
- ⁵ Невский (Кривобоков) Владимир Иванович (1876–1937), с 1895 г. в революционном движении. С 1917 г. на советской и научной работе. В 1921 г. ректор Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, с 1922 г. зам. заведующего Истпартом ЦК РКП(б), с 1924 г. директор Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. В феврале 1935 г. арестован, приговорён к 5 годам лишения свободы, в 1936 г. «по вновь открывшимся обстоятельствам», в т. ч. обвинению в создании в 1933 г. «террористической группы» приговорён к ВМН. 26 мая 1937 г. расстрелян.
- ⁶ В 1994 г. улице было возвращено историческое название – Большая Никитская.
- ⁷ Александровский сад – парк, расположенный с северо-западной стороны Московского Кремля.
- ⁸ Речь, видимо, идёт о воензированной Инженерно-технической академии связи, слушателем которой являлся и сам Е. А. Афанасьев (см. именной коммент.: Афанасьев Е. А.).
- ⁹ Речь идёт об освобождении Куликова в конце 1933 г. от должности зам. директора Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина по строительству и назначении его управляющим Уральским кожевенным трестом (г. Свердловск).
- ¹⁰ Кицис Мирон Яковлевич, как удалось выяснить, действительно работал в конце 1920-х гг. в одном из подотделов Организационно-инструкторского отдела ЦК, был исключён из партии во время обмена партийных документов. Перед арестом (3 февраля 1937) работал на одном из предприятий Москвы. Приговорён к 5 годам заключения в ИТЛ, в 1938 г. умер в одном из лагерей «Дальстроа». И всё же, видимо, Е. Ф. Куликов ошибался, называя эту фамилию. Во-первых, от Кициса вряд ли можно было «многое получить», поскольку он имел, мягко говоря, весьма слабое зрение, во-вторых, сам Куликов называл на допросе 15 сентября 1936 г. в числе участников террористической группы Невского человека со схожей Кицису фамилией – Ципис (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 175. Л. 114).
- ¹¹ Речь идёт об аресте Е. Ф. Куликова в конце декабря 1935 г. в числе «членов оппозиционных групп в ВКП(б)».
- ¹² В 1931–1933 гг. Е. Ф. Куликов работал в должности зам. директора по строительству Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
- ¹³ Е. Ф. Куликов явно увлёкся, выставив Ягоду в качестве жупела и главной опасности для деятельности контрреволюционных правых сил. Возможно, находясь с декабря 1935 г. в заключении, он не знал о произошедших в НКВД изменениях и, конечно, не догадывался, что близок день, когда «правым» придётся делить с Ягодой скамью подсудимых. А пока перед Ежовым стояла задача как можно «жирнее» вычеркнуть из истории чуть было не вписавшуюся фразу о всемогущем наркоме.
- ¹⁴ ГПУ – Главное политическое управление при НКВД РСФСР, орган по охране государственной безопасности в 1922–1923 гг. Создан на основе ВЧК; преобразован в ОГПУ (Объединённое государственное политическое управление) при СНК СССР.
- ¹⁵ Неточность. Н. И. Бухарин был официальным представителем ЦК (Политбюро ЦК) ВКП(б) в конце 1918–1919 г., следовательно, в период именованного этого органа – ВЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия). Был назначен по рекомендации В. И. Ленина после неоднократных «сигналов» с его стороны о превышении полномочий сотрудниками ВЧК.
- ¹⁶ См. примеч. 7 к док. № 7.
- ¹⁷ Речь идёт о докладе Н. И. Бухарина «Политическое завещание Ленина», сделанном 21 января 1929 г. на траурном заседании, посвященном пятилетию со дня смерти В. И. Ленина.
- ¹⁸ Речь идёт, видимо, о заявлении Н. И. Бухарина, опубликованном в газ. «Правда» 20 ноября 1930 г. Тем самым, ему не удалось «увильнуть», ссылаясь на отсутствие по болезни, от публичного раскаяния на XVI съезде ВКП(б) (26 июня – 13 июля) за совершённые «правооportunистические ошибки» и, главное, от признания, что правая опасность в партии остаётся главной опасностью, а идеология правого уклона является идеологией враждебных пролетариату классовых сил.
- ¹⁹ В начале 1930-х гг. была проведена реформа внутренней торговли. В 1932 г. частная торговля была запрещена законодательством. Крупная оптовая торговля перешла к государственным организациям, розничная – к потребительской кооперации, заменившей частных торговых посредников. 6 мая 1932 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развёртывания колхозной торговли хлебом».

Документ № 13
Протокол очной ставки между Н. И. Бухариным
и Л. С. Сосновским в ЦК ВКП(б)

[Стенограмма очной ставки между
Сосновским и Бухариным в ЦК ВКП(б) от 7.XII.1936 г.]*

7 декабря 1936 г.

ЕЖОВ. Когда вы вернулись из ссылки?

СОСНОВСКИЙ. В феврале 1934 года.

ЕЖОВ. По возвращении из ссылки, когда вновь примкнули к троцкистской организации?

СОСНОВСКИЙ. В начале 1935 года.

ЕЖОВ. С кем были связаны?

СОСНОВСКИЙ. С Радеком в первую очередь.

ЕЖОВ. Вам было известно, что Радек является членом троцкистской организации?

СОСНОВСКИЙ. Не сразу, с первых встреч я этого не обнаружил. Сначала таких разговоров не было, и уже в начале 1935 года это стало для меня ясно.

ОРДЖОНИКИДЗЕ. Когда вы подали заявление^а, вы продолжали работать?

СОСНОВСКИЙ. Да, это было обманом с моей стороны. Тут был только частично искренний шаг, чтобы посмотреть, проверить себя, так как я 5 лет находился в строгой изоляции^б, но я не могу сказать, что это не было обманом с моей стороны.

ЕЖОВ. Когда Радек рассказал о существовании троцкистской организации и, в частности, о составе центра?

СОСНОВСКИЙ. Это было в начале 1935 года.

ЕЖОВ. Кого называл Радек в составе центра?

СОСНОВСКИЙ. Он назвал себя и Пятакова как оставшихся руководителями центра.

ЕЖОВ. Говорил он вам о существовании блока?^в

СОСНОВСКИЙ. Да, он говорил о существовании блока. В одном серьёзном разговоре он сказал о новой платформе, что для меня было неожиданным, и о том, что на этой платформе стоят и зиновьевцы и правые.

ЕЖОВ. Именно?

СОСНОВСКИЙ. Он в качестве руководителей правых назвал Бухарина, Рыкова и Томского.

ЕЖОВ. А на какой именно платформе?

СОСНОВСКИЙ. Кроме всего прежнего^г, это был вопрос о терроре.

ЕЖОВ. Значит, вам Радек заявил, что на основе платформы террора объединились и правые, и зиновьевцы, и троцкисты?

СОСНОВСКИЙ. Да, причём сообщил, что этот блок с правыми санкционирован Троцким.

ЕЖОВ. Связал ли он вас с кем-нибудь из правых?

* Исправлено синим карандашом из: ПОКАЗАНИЯ СОСНОВСКОГО от 7.XII.1936 г.

^а Далее вписана над строкой простым, поверх него, коричневым карандашом густо зачёркнутая впоследствии фраза.

^б Запятая исправлена простым карандашом на точку, далее – Н из н.

^в Далее вписано простым, поверх него синим карандашом: с зиновьевцами и правыми.

^г Зачёркнуто простым карандашом, далее вписано над строкой: основной вопрос.

СОСНОВСКИЙ. Нет. Это произошло без него. Ещё в 1934 г. Бухарин пригласил меня на работу в «Известия». Самый переход произошёл осенью, после моей поездки на курорт. Именно тогда я приступил к работе в «Известиях». Как я уже сказал, в начале 1935 года состоялся откровенный разговор с Радеком, и я узнал от него, что Бухарин является участником организации...

БУХАРИН. Смотрите, пожалуйста, мне в глаза.

СОСНОВСКИЙ. Я хотел это сделать и без вашего приглашения. От Радека я узнал, что правые участвуют в этом блоке, в том числе и Бухарин. Причём этому предшествовал такой случай: я шёл в «Известия» с опасением, что буду встречен там подозрительно, недоверчиво, как человек, вернувшийся позже всех троцкистов из Сибири. Я и встретил со стороны части партийцев такое отношение к себе. Однажды меня Радек встретил и спросил: как работаете в «Известиях»? Я сказал, что мне трудно вжиться в коллектив, я чувствую себя чужаком. Со стороны руководителей партийного коллектива ко мне не совсем доверчивое отношение. Радек сказал: ничего, Николай Иванович свой человек, он тебя поддержит.

Тогда я этот «свой человек» понимал так, что мы с Бухариным работали в «Правде» почти с 1918 года, и он меня хорошо знает. Но позже, когда мы с Радеком разговаривали о другом, я понял смысл этих слов.

Надо сказать, что на последнем партийном собрании, которое происходило после процесса, когда я вернулся из отпуска, целый ряд партийцев говорил в отсутствие Бухарина (это зафиксировано в стенограмме) о том, что он создал для меня и Радека атмосферу особого покровительства.

МОЛОТОВ. В каком году это было?

СОСНОВСКИЙ. Это теперь, после процесса. Они приводили примеры, особенно моего привилегированного положения, и, в частности, Радек говорил, что Бухарин не даёт обижать Сосновского, т. е. критиковать его статьи и т. д. Говорили, что Бухарин приехал однажды на редакционное собрание и сообщал, что вот-де, статьи Сосновского одобряют такие-то из членов Политбюро, что многие выступавшие ораторы расценивали как желание терроризировать их при попытках меня критиковать.

ЕЖОВ. Конкретно с Бухариным, как членом центра правых, в каком году вы начали вести разговоры относительно платформы террора и о конкретных мерах борьбы?^а

СОСНОВСКИЙ. В начале 1935 года, после того, как я имел этот разговор с Радеком.

БУХАРИН. Вы со мной говорили о терроре? Вы после этого мерзавец совершенно исключительного масштаба!

СОСНОВСКИЙ. Слово мерзавец может относиться не к тому, что я сейчас говорю, а к тому, что я делал раньше, к тому, что я принял платформу террора. Если бы меня^б за это упрекнул Бухарин, это было бы верно.

БУХАРИН. Откуда я знал, что вы приняли эту платформу.

СОСНОВСКИЙ. Я приходил к Бухарину как к редактору не один раз с некоторыми жалобами, что вот встречаю такое-то враждебное отношение к моим статьям и т. д. Такие разговоры между нами происходили, и вот в один из таких разговоров Бухарин начал говорить о встречных жалобах: *ты думаешь, моё положение легче? Меня со всех сторон клюют*. Он даже выражался более нецензурно, иллюстрировал выступление против него «Правды» и «За индустриализацию». Ведь моё положение такое, говорил Бухарин, что я как затравленный.

^а Исправлено синим карандашом: с из вопросительного знака; далее вписано простым карандашом: партийей; затем синим карандашом поставлен вопросительный знак.

^б Далее вписано над строкой простым карандашом: именно.

- Поставлены кавычки простым карандашом.

И это было неслучайно, в этом была система. Так как я от Радека уже знал о Бухарине, я задал ему вопрос: а разве нет оснований к тому, чтобы на тебя нажимали? Он меня спросил: что ты подразумеваешь? Я сказал ему, что знаю от Карлуши в чём дело. И после этого разговор пошёл по существу, т. е. о платформе, о том, что идёт борьба, о том, что борьбу вести трудно. Это было постоянным припевом в этих разговорах. Таких разговоров было два или три, и каждый раз Бухарин говорил, что стало трудно, нужна дьявольская осторожность, потому что кругом большая настороженность и подозрительность.

ЕЖОВ. Где эти разговоры происходили?

СОСНОВСКИЙ. У Бухарина в кабинете весной 1935 года. И затем вскоре, тоже весной, был второй разговор. Эти разговоры были уже после того, как я связался с Радеком. Это сопровождалось соответствующими попытками или стараниями Бухарина укрепить моё положение в редакции, а, следовательно, и за пределами редакции.

ЕЖОВ. Скажите о конкретном разговоре с Бухариным относительно состава центра³.

СОСНОВСКИЙ. Во время этих двух бесед и назывались фамилии: Рыкова, Томского и Бухарина⁴.

ЕЖОВ. Это вам Бухарин подтвердил?

СОСНОВСКИЙ. Я его спросил, кто работает?⁵

ОРДЖОНИКИДЗЕ. А вы откуда узнали?⁶

СОСНОВСКИЙ. А мне Радек сказал, что для переговоров⁷ больше всего уполномочен Томский, и что он, Радек, сносится с Бухариным. Причём Радек рассказал мне, что они с Бухариным проводят время на Сходне⁸, где была дача «Известий», и где всё время бывали⁹ Радек и Бухарин. Радек рассказывал даже о комических вещах, в частности, о том, что Бухарин целые ночи проводит в спальне у Радека, и там они имеют возможность по душам разговаривать. В редакции, где вечная сутолока, вести такие разговоры трудно.

ЕЖОВ. После 1935 года были такие беседы?

СОСНОВСКИЙ. Были, но уже не такого характера, а более или менее мимолетные. Последний раз был разговор в начале мая 1936 года, тоже перед моим отъездом в отпуск. Я пришёл по личному редакционному делу к Бухарину, спросил у секретарши: свободен ли Бухарин. Она говорит, что у него сидит товарищ из Ленинграда, из Института истории техники¹⁰, но он, вероятно, скоро уйдёт. Я зашёл в кабинет и увидел там молодого человека. Когда я зашёл, разговор оборвался. Я решил подождать, пока они кончат, и затем изложить свои дела. Но они перестали разговаривать, и в результате после паузы Бухарин с ним распрощался. А когда он ушёл, Бухарин с большим раздражением стал мне говорить, что вот его людей в Ленинграде арестовывают, институт его закрывают¹¹. Всё это он говорил в очень озлобленном тоне. Опять повторял, что стало трудно, кругом подозрения, напор, что приходится быть дьявольски осторожным и т. д.

ЕЖОВ. Нельзя ли рассказать конкретно, какие разговоры о терроре велись с Радеком?

СОСНОВСКИЙ. И Радек, и Бухарин исходили из того, что другие пути борьбы исчерпаны. Путь легальной внутрипартийной борьбы, голосованием, подсчётами, он¹²

³ Далее вписано простым карандашом: правых.

⁴ Далее вписано простым карандашом: как членов центра правых.

⁵ Исправлено: в из ?, далее вписано простым карандашом: – центре правых?

⁶ Исправлено: о из ?, далее вписано простым карандашом: – центре правых?

⁷ Далее вписано над строкой простым карандашом: с блоком.

⁸ Далее вписано над строкой простым карандашом: вместе.

⁹ Зачёркнуто простым карандашом.

себя не оправдал. И чем дальше, тем смешнее будет пытаться внутрипартийными способами добиться руководства и завоевать это руководство. Других способов устранить руководство нет. Причём Бухарин мне говорил, что вы – троцкисты, ставили вопрос не только об изменении политики, но и о том, что данное руководство должно быть смещено. Оставалось, перебравши что угодно, учитывая, как складывается настроение в низах, в массах партии, придти к выводу, что других способов не остаётся. На эту тему было больше разговоров с Радеком, но были и с Бухариным.

ЕЖОВ. Нет ли у вас конкретных фактов переговоров с Бухариным или фактических материалов?

СОСНОВСКИЙ. Ведь всё это происходило наедине. Если бы печатались прокламации или другие документы, я мог бы располагать этими материалами. Но это всё^п были только^р разговоры^с. Причём я должен сказать, что возглас Бухарина меня не совсем удивил, потому что во время одного из разговоров, где говорилось о трудностях и о настороженности, он говорил: имей в виду, что нужно быть таким осторожным, что если меня спросят, я скажу: я знать не знаю^т.

БУХАРИН. Классический провокатор!

СОСНОВСКИЙ. Так что я этому не очень удивляюсь. Конечно, никаких других доказательств у меня нет. Мы разговаривали один на один, в его кабинете, на его диване.

Я хотел с этого начать свой рассказ, почему я пришёл к необходимости, к сознанию сделать то, что делаю с запозданием. Я подвёл итоги своей жизни. Я думаю, вы понимаете, что прямых^у доказательств у меня нет, нет ни стенограмм, никто нас не подслушивал.

Когда, в самые последние дни, я был приказом по «Известиям» уволен, освобождён от работы в «Известиях», это было 7-го октября, я решил всё же выяснить свое положение. Поэтому по телефону созвонился с Талем⁵, чтобы он меня принял. Таль назначил мне явиться в редакцию 13 октября в 12 часов ночи. Я не знал, что Бухарин там, потому что он отсутствовал много месяцев. И, придя к Талю, я узнал, что впервые в этот день Бухарин вышел на работу. Тогда я решил повидаться с Бухариным. Мое положение было очень неопределённое, я чувствовал, что дело может не только ограничиться увольнением из «Известий». Я послал ему^ф маленькую записочку: «мне нужно с тобой поговорить несколько минут^х». Бухарин мне тоже ответил запиской: «предмета для разговора сейчас нет, а я не апелляционная инстанция^ч». Я ему ответил на это дело опять запиской, переданной через секретаршу: «мне в голову не приходило апеллировать к тебе. Я понял, что мое увольнение это результат работы комиссии ЦК, которая работала по пересмотру состава редакции. Что касается предмета для разговора, мне кажется, предмет для разговора есть. Впрочем, тебе виднее^ч». И ушёл.

Я расцениваю эту записку как продолжение того же разговора, т. е. – я от тебя отопрусь при первой надобности. Записка его это подтвердила. То, что я ему ответил, что предмет для разговора есть, а, впрочем, тебе виднее, он мог истолковать совершенно

^п Зачёркнуто простым, поверх него густо синим карандашом.

^р Зачёркнуто простым, поверх него синим карандашом.

^с Далее вписано над строкой простым карандашом: наедине.

^т Далее вписано простым карандашом: и ведать не ведаю.

^у Зачёркнуто простым карандашом, далее вписано над строкой: других.

^ф Зачёркнуто, далее вписано над строкой простым карандашом, но другой рукой: Бухарину.

^хх Поставлены кавычки простым карандашом.

^чч Поставлены кавычки простым карандашом.

^чч Поставлены кавычки простым карандашом.

недвусмысленно, что предмет для разговора у нас есть. Предмет для разговора сейчас как будто бы и подошёл.

Я эту его записку разорвал и хотел бросить, но потом положил в кошелёк, чтобы бросить её не в редакции. Случайно оказалось, что она у меня сохранилась и при обыске была взята.

Я думал, что всё это значит. У нас давнишние хорошие отношения по работе в «Правде» в течение стольких лет. Что означает, что предмета для разговора нет. Я понял так, что это сжигание мостов и тактика полного отрицания.

ЕЖОВ. Стало быть, вы утверждаете, что, вернувшись из ссылки в 1934 году, вы связались вначале с Радеком, который информировал вас о существовании троцкистской организации, о существовании центра, назвал среди руководителей Радека и Пятакова и сообщил потом, что правые в лице Бухарина, Томского и Рыкова блокируются «на той же платформе»¹, причём в основу блока положена платформа террора?

СОСНОВСКИЙ. Да.

ЕЖОВ. В 1935 году, весной 1935 года и потом несколько позже перед вашим отпуском, вы имели разговор с Бухариным, из которого вам стало ясно, что Бухарин достаточно осведомлён и о составе центра, и о блоке, и о платформе?

СОСНОВСКИЙ. Вполне.

ЕЖОВ. Причём разговор шёл с Бухариным не только в плоскости наличия этой платформы, но и её обоснования?

СОСНОВСКИЙ. Всё это я подтверждаю.

ЕЖОВ. Бухарин, каким образом Сосновский попал в «Известия»?

БУХАРИН. Я в качестве предварительного заявления, относящегося к Куликову, сказал, что никогда не имел с ним никаких столкновений и конфликтов и считаю его субъективно честным человеком. Но после того, что Сосновский изволил здесь докладывать, я могу сказать о нём только противоположное. Выступление здесь Сосновского, а также его показания я считаю классической провокацией совершенно неслыханного масштаба.

В его рассказе верны только две вещи. Это то, что я по-человечески о нём заботился до последней капли крови и текст записок, которыми мы обменялись. Это правильно. Всё остальное представляет тонкую, беллетристическую, как и подобает Сосновскому-фельетонисту, очень хорошо подстроенную вещь.

Как он поступил в редакцию? Он был в «Социалистическом земледелии»². Я знал из протоколов Политбюро, что Политбюро решило восстановить Сосновского в партии. Я знал литературное дарование Сосновского, я хотел как следует поставить литературную часть «Известий» и поэтому обратился к тов. Сталину с разрешением занять Сосновского в газете. Сталин мне это разрешение дал.

Относительно привилегированного положения Сосновского. Это верно, и это могут подтвердить целый ряд работников. Сосновский часто приходил ко мне: не хватает денег, нет того-то. Я думал, человек вернулся в лоно партии, пострадал, надо дать ему подняться. Я думал, что всяческие сомнения его легче всего ликвидировать тем, чтобы дать ему возможность посмотреть наиболее хорошие места в Союзе, как раз по аграрной линии. Я договорился с Беталом Калмыковым³ и дал возможность Сосновскому провести некоторое время в Нальчике.

Если Сосновский просил у меня денежных ассигнований, я это делал. Я относился к Сосновскому самым человеческим образом, как только мог относиться, и увидел сейчас этого зверя перед собой.

¹⁻³ Зачёркнуто простым карандашом, далее вписано над строкой: с троцкистами.

Что касается записок, то это верно, мы обменялись такими записками. Но здесь Сосновский недоучёл одного обстоятельства, а именно, того, что текст этой записки я согласовал с новым секретарём редакции Кривицким⁸ и Талем, который там был. Я сказал им: Сосновский наседает и просит его принять. Мы условились, что я должен написать, что предмета для разговора со мной нет. По согласованию с ними я эту записку и написал. Тут получилась промашка во всей концепции Сосновского, который этого недоучёл. По этому поводу можно спросить Кривицкого и Талья.

Верно то, что я говорил Сосновскому о том, что меня клюют. Может быть, говорил ещё хлеще, потому что действительно у меня было много неприятностей. Но неслыханной провокационной клеветой является всё остальное, что говорил Сосновский, от начала до конца.

МОЛОТОВ. Неправда?

БУХАРИН. На 100%. Это есть злостная, гнусная клевета от начала до конца, и здесь Сосновский мстит мне за то, что я отказался с ним разговаривать. Я утверждаю, что все его показания относительно состава центра, блоков, относительно разговоров с Радеком – всё это на 100% совершенно рассчитанная ложь. Его показание относительно того, будто я советовал ему, и сам это делаю – всё отрицать, это есть рафинированная провокационная ложь от начала до конца. Я к Сосновскому проявлял максимум настоящей человечности, а он проявляет сейчас максимум подлости, возмутительной и рассчитанной подлости!

ЕЖОВ. В прошлом взаимоотношения с Сосновским у вас были плохие?

БУХАРИН. Нет, неплохие.

ЕЖОВ. До последнего дня?

БУХАРИН. У нас были хорошие отношения. Я о нём заботился. Вы можете допросить по этому поводу людей, которые это знают.

МОЛОТОВ. Словом, личных оснований у него нет?

БУХАРИН. Мне кажется, имеет значение финал, когда он попросил разговора со мной, а я ему отказал.

СОСНОВСКИЙ. Почему?

БУХАРИН. Если комиссия ЦК удаляет Сосновского, то я не инстанция для апелляции. Я понимаю отлично, что нахожусь на подозрении и что, если Сосновский удалён комиссией ЦК, значит, что-то подозревается. Я считал статью Сосновского, которая была напечатана, страшно искренней, и я оценивал эту статью Сосновского как одну из самых искренних статей, которые были напечатаны в прессе, в связи с обратным приёмом бывших троцкистов⁹. Когда мы жили в Нальчике, я постоянно его поддерживал. Я всегда оказывал ему помощь.

СТАЛИН. Почему вы не поговорили с ним?

БУХАРИН. Я по этому поводу посоветовался с Кривицким и Талем, причём Таль мне сказал: Николай Иванович, с ним говорить не стоит вам, я сам с ним поговорю. Кривицкий сказал то же самое. Так как я посоветовался с товарищами, которые пользуются доверием ЦК и посажены в газету для того, чтобы осуществлять это доверие, я их совету последовал. Сосновский на это, конечно, мог разозлиться при его характере концентрированной злобы.

СОСНОВСКИЙ. А ты видел её у меня?

БУХАРИН. Я видел. У нас как-то стоял вопрос относительно заботы о людях. Шёл разговор об одной товарке¹⁰, фамилию её не помню. Сосновский, который получал у нас тысячи рублей, которому мы закупали шерстяные фуфайки и прочее, выступает и говорит: в редакции со мной обращаются как с парием, я не имею того-то и того-то, причём выступает против этой женщины с совершенно невероятной злобой, хотя она ни ухом, ни рылом этой злобы не заслуживала. Он способен на дикую, коварную, концентрированную злобу.

Я с ним вёл разговоры о терроре, как он говорит. Это не шутка, это чёрт знает что такое. Я не только вёл* разговоры, я не могу себя приучить к тому, чтобы такое слово, как террор, стало привычным.

СОСНОВСКИЙ. Я, то же самое, не мог себя приучить.

БУХАРИН. Значит ты двурушник! Ты двурушничал, писал такое письмо, которое всеми было принято за самое искреннее письмо. Ты после этого самый глубокий негодяй, который мог вполне рассчитать всё, чтобы потопить кого угодно, и чтобы спасти свою шкуру.

СТАЛИН. Ты, во-первых, не ругайся. Чем он мог спасти? Какой ему интерес?

БУХАРИН. При той системе двурушничества, которую проводили троцкисты и зиновьевцы, у них был рассчитан целый ряд заранее намеченных шагов.

ЕЖОВ. Откуда мог Сосновский знать о наличии^и состава⁹ правых ^и в центре, о наличии^и состава⁹ московского центра, конкретно называть^{а1} фамилию^{б1} людей?^{**}

БУХАРИН. Это очень простая вещь. Если нужно было топить бывших правых, то известны все их имена. Такой центр существовал, не террористический центр.

На пленуме ЦК тов. Сталин сказал о том, что Радек признал свою вину. А ведь Радек со мной рассусоливал такую степень искренности! Он мне говорил: раз ты попал в такое положение, надейся на старика, как он называет Сталина, он тебя в обиду не даст, Сталин – девять десятых нашей победы. Перед самым арестом Радека прибежала ко мне его жена и сказала, что Радек просил передать, что он абсолютно чист и невиновен, что на нём нет ни пятнышка, и я ему верил. Он не раз предупреждал меня относительно возможных оговоров. Он подозревал, что в ГПУ¹¹ сидят агенты дефензивы¹², польские шпионы и т. д. Берегись оговора!

ЕЖОВ. Почему же Сосновский не оговаривает другого?

БУХАРИН. Если нужно оговорить бывших правых, сказать, что они входили в какой-нибудь центр, то это легче всего сделать, так как имена их известны.

МИКОЯН. Кому нужно оговаривать правых?

БУХАРИН. Вы не знаете сейчас, виновен я или нет. Вы считаете, что я или виновен, или нет. И вы все говорили, и Сталин говорил: мы тебя поддерживали, мы тебя поощряли. Но поймите, что все эти категории звучат как положительные только в том случае, если человек виновен. А если человек не виновен, а я себя считаю абсолютно невиновным...

МИКОЯН. И сейчас, после показаний Куликова?

БУХАРИН. Да, ни на йоту. Я себя считаю виновным за 1928 год, но я себя считаю абсолютно невиновным перед партией за все последующие годы. И никакая сила в мире никогда не заставит меня признать противоположное, чему бы меня ни подвергали.

МОЛОТОВ. Что за чепуха? Кто и чему вас подвергает!

СОСНОВСКИЙ. Относительно эпитетов Бухарина. Бухарин меня знает лучше, чем все здесь присутствующие. Никогда в жизни не только таких слов, которые он сейчас произносит по отношению ко мне, но вообще ничего подобного за весь тот период с 1918 года, как он меня знает, он никогда не произносил.

* Так в тексте. Правильно: не вёл.

^и Зачёркнуто простым, поверх него синим карандашом.

⁹ Исправлено простым карандашом: е из второго а, затем вписано над строкой: – центра.

^{и-и} Зачёркнуто простым, поверх него синим карандашом, далее вписано над строкой: и.

⁹ Исправлено простым карандашом: состав из состава.

^{а1} Исправлено синим карандашом: я из ть.

^{б1} Исправлено: и из ю.

^{**} Так в тексте.

Я имел встречу с Рыковым в 1935 году по делу. Я получил жалобу на наркомат, решил её проверить, пошёл к Рыкову и провёл у него несколько часов. Почему я теперь, зная от Радека, что Рыков есть член центра правых, почему я Рыкова не оговариваю? Потому что я с Рыковым вёл только тот разговор, который я вам передал. Оговаривать его не могу, потому что не имел с ним таких разговоров. А от Радека я знал...

БУХАРИН. Это и есть оговор и ложь.

СОСНОВСКИЙ. Коль скоро два человека говорят про одно и то же, но один говорит, что это было, а другой утверждает, что этого не было, — конечно, не мы себе судьи. Я доверия заслуживаю не так много. Статья, о которой говорит Бухарин и которая произвела впечатление искренности, была искренней только в какой-то части, потому что я хотел на свободе подумать и посмотреть. Я был 5 лет в изоляции, довольно строгой, я отстал от жизни, озлобление было большое. И поэтому то, что Бухарин и ЦК, очевидно, приняли за искренность, было только частично искренним, а на самом деле этот поступок нужно назвать своим настоящим именем. Поэтому теперь, когда я решил сказать партии правду, этот негодяй (обращаясь к Бухарину) теперь называет меня негодяем, а тогда, когда я обманывал...

ОРДЖОНИКИДЗЕ. Вы теперь за партию?

СОСНОВСКИЙ. Да, но я не заслуживаю доверия.

ОРДЖОНИКИДЗЕ. А когда вы писали своё письмо во время процесса¹³, вы были за партию?

СОСНОВСКИЙ. Когда я прочитал в газетах все эти документы, будучи в Нальчике, я был потрясён, и нынешний мой разговор с партией начался, по существу, тогда.

ОРДЖОНИКИДЗЕ. Чем же вы были потрясены?

СОСНОВСКИЙ. Я не отдавал себе отчёта в этих делах. Но когда я увидел все эти вещи, как их воспринимают все, вплоть до моего сына и моей жены, я понял другое. Я бросил всё и поехал сюда. В поезде я наблюдал, какое отношение к этому делу, я многое понял, я подвёл итоги всей своей жизни. Должен сказать, что когда я был арестован в 1929 году как троцкист¹⁴, с первого дня и до конца я себя чувствовал в состоянии войны с партией. С момента, когда я прочитал обвинительный акт, увидел, как воспринял это мой сын, а мне уже 52-й год, я подвёл итоги и увидел, что мое имя будет проклятием для моих детей. Я увидел, что я зашёл так далеко, дальше чего некуда идти. Конечно, я мог изобразить дело так же просто, как этот гусь¹⁵ (обращаясь к Бухарину)¹⁶ и сказать: знать не знаю, и ведать не ведаю.

БУХАРИН. Первоклассный фокусник!

СОСНОВСКИЙ. Я веду борьбу с партией с 1920 года.

ВОРОШИЛОВ. Давненько!

СОСНОВСКИЙ. Это действительно давно. Всю мою сознательную жизнь я вредил партии, причинял ей, начиная с профсоюзной дискуссии¹⁵, с маленьким перерывом, много вреда. Кое-что я сделал полезного, но это тонет в том вреде, который я причинил партии. И чем больше я имел доверия в партии, тем хуже я себя вёл. Мне возврата в партию нет. Доверия у вас я больше просить не могу. Что мне остаётся делать? Только сказать правду.

Конечно, Бухарин пытается всё отрицать. Почему же я избрал объектом человека, к которому у меня было лучшее отношение, с которым никогда не было никаких конфликтов. Бухарин начинает философствовать, что у нас – троцкистов – выработан дьявольский план топить честных людей. Это не совсем так. Радек на партийном собрании в «Известиях», которое длилось четыре дня, выступал в защиту Бухарина и, исходя из

¹³⁻¹⁶ Вписано над строкой простым карандашом.

того, что он, Радек, чистый человек, ручался головой за Бухарина и приводил аргумент: Каменев и Зиновьев – негодяи, на процессе законспирировали настоящий центр и теперь для того, чтобы отвести глаза, топят настоящих[†] людей.

А ведь я-то знаю, что такое Радек. Бухарин говорит, что он 100%-й человек. Хорошо. Вот небольшая иллюстрация, небольшой эпизод. В «Известиях» Зорич написал статью о сочинском курорте. «Известия» её долго не хотели помещать. Почему? Потому что Зорич очень хвалил то, что делается в Сочи. Наконец, обратился к Бухарину, почему не пускают статью? Бухарин хотел сначала, чтобы выкинули абзац, где очень хвалят Мителёва^{*16} за умелую работу, или какой-то другой абзац. После этого Бухарин разрешил статью напечатать. Статья эта всё же подверглась критике, и когда шёл разговор о всей этой сочинской истории, то говорили: разве Сталин что-нибудь в архитектуре понимает? Этот разговор происходил в присутствии Бухарина, Зорича и Ляма. Когда тов. Шкирятов вызвал к себе Ляма и Зорича и спросил, какой разговор происходил в присутствии Бухарина, они пытались вилять и отрицать всё, но это было установлено.

Но не в этом суть. А когда они из КПК вернулись к Бухарину, то этот 100%-й святой говорит: как можно работать, когда из трёх человек один доносит в КПК. Кто это рассказывает партии о том, что говорят о вождях[?] Мне всё это рассказал Зорич. Если Бухарин такой 100%-й человек, каким себя изображает, как он может допускать такие вещи[†], [†]это характеризует человека.

Я могу для характеристики сообщить другой эпизод. Это относится к другой фидиономии Бухарина и характеризует его как человека, умеющего влезать в доверие. Вся тактика Бухарина построена на завоевании доверия в ЦК, в партии. Он очень заботился, чтобы и я вошёл в доверие. Поэтому очень часто, когда я писал статьи, он говорил: вставь здесь имя Сталина. Конечно, он опять скажет, что это ложь. Но оказалось, что при обыске у меня забрали записку, написанную рукой Бухарина по поводу одной моей статьи: «для тебя необходимо упоминание о Кобе». Всеми этими искусственными способами он хотел, чтобы я добился уважения, и меня сочли за иного человека.

Что это означает, как не фальшивую, искусственную дипломатию, умение влезать в доверие партии, а за спиной делать другое?

[†] Конечно, мне доверять нельзя[†]. Я двурушничал меньше, чем другие, но [†]я двурушничал[†]. Я[†] обманул партию [†]и в этот раз[†]. У меня не было искренности, у меня были задние мысли, я думал присмотреться, может быть – да, может быть – нет. И начиная со связей с Радеком...

ЕЖОВ. Оказалось, нет?

СОСНОВСКИЙ. Да.

ВОРОШИЛОВ. О терроре, когда вы узнали?

[†] Зачёркнуто, далее вписано над строкой простым карандашом, но другой рукой: честных.

* Так в тексте. Правильно: Метелёва.

[†] Запятая исправлена на точку, далее вписано над строкой простым карандашом: что продают нас в КПК.

[†] Исправлено простым карандашом: Э из э.

[†] [†] Зачёркнуто коричневым карандашом.

[†] [†] Зачёркнуто простым карандашом, далее вписано над строкой: я до последних лет боролся с партией и, подав заявление,

[†] Исправлено простым карандашом: я из Я.

[†] [†] Зачёркнуто простым карандашом.

СОСНОВСКИЙ. Я был в такой^{н1} строгой изоляции^{н1}, ^{н1}«что не знал об этом совершенно^{н1}. Никаких связей^{о1} ни с кем не поддерживал. Когда я узнал об этом^{н1}, меня это буквально ошеломило, и мы с Радеком полночи разговаривали на эту тему. Тут нужно было отшатнуться – я не отшатнулся. Он понял, что я его единомышленник. Вот к чему привела эта проклятая инерция!

Я хотел ещё сказать об одной вещи – не знаю, насколько это уместно. Во время профсоюзной дискуссии в газетах в конце печатались отчёты о голосовании за резолюцию Томского, Ленина и замечания, сведения, которые доставлялись тов. Сталиным^{н1}. Однажды я встретил Иосифа Виссарионовича во дворе Кремля и спросил: почему вы обостряете эту борьбу? Сталин мне сказал: вы думаете, речь идёт о той или иной профсоюзной резолюции? Речь идёт о том, кому руководить партией. Троцкий считает, что Ленин устарел и руководить не может, а мы считаем, что Ленин должен руководить партией. Нужно создать ЦК, в котором Ленин имел бы прочное большинство, чтобы колебаний и шатаний больше не было.

Неужели Троцкий мог претендовать заменить Ленина? Меня тогда урезонивали и говорили: очевидно, ты не просвещён...

ВОРОШИЛОВ. Хотя помогаешь ему изо всех сил.

СОСНОВСКИЙ. Да, совершенно верно. Сталин мне, как будто старому большевику, не чужому человеку, пытался это объяснить. Сейчас, когда дело дошло до террора, понятно, что эти слова Троцкого об устранении Ленина, т. е. слова и мысли о терроре, возникли не в 1931 году, а гораздо раньше. Если бы я был большевиком не дефективным, как об этом кто-то выразился на процессе, я бы понял это своевременно.

Вот итог моей жизни. Сейчас мне клеветать на этого 100%-го человека незачем. Какой мне расчёт? Меня спрашивали на следствии, с кем ещё я имел дело? Ни с кем. Есть у меня мои бывшие приятели, но я с ними не разговаривал на эти темы. ^{н1}Поэтому никого не могу и не считаю нужным оговаривать^{н1}. Я фактически назвал две фамилии, с которыми непосредственно имел дело – это Радек, во-первых, Бухарин – во-вторых.

БУХАРИН. Относительно статей Сосновского. Совершенно верно, я говорил относительно того, что Сталин заступался за статьи Сосновского. Как-то на заседании Политбюро тов. Мехлис сделал довольно резкий выпад против Сосновского, а Сталин бросил реплику: ты говоришь так потому, что не у тебя Сосновский пишет. Я увидел в этом проявление добавочного доверия по отношению к Сосновскому и счёл своим долгом поощрить Сосновского. Поэтому, когда публика часто подкапывалась под Сосновского, я за Сосновского заступался.

СТАЛИН. Сервилистические чувства, сервилизм^{н18}.

БУХАРИН. Вы не знаете современной газетной жизни. Мы очень часто вставляем соответствующие слова в те или иные статьи, потому что считаем, что для бывших оппозиционеров, каким являюсь, в частности, я, это абсолютно необходимо.

ЕЖОВ. Кто тебя, ЦК что ли, заставлял это делать?

СТАЛИН. Для партийца это оскорбительно.

^{н1} Зачёркнуто синим карандашом.

^{н1} Запятая исправлена на точку.

^{н1-н1} Зачёркнуто простым карандашом.

^{о1} Вписано над строкой простым карандашом: из изолятора.

^{н1} Вписано над строкой простым карандашом: от Радека.

^{н1-н1} Зачёркнуто простым карандашом, далее вписана над строкой тем же карандашом фраза: Почему же я их не оговариваю, зачёркнутая затем синим карандашом. Этим же карандашом восстановлена волнистой линией редакция ранее зачёркнутого текста.

БУХАРИН. Я припоминаю один такой эпизод. По указанию Климента Ефремовича я написал статью относительно выставки Красной армии. Там говорилось о Ворошилове, Сталине и других. Когда Сталин сказал: что ты там пишешь, кто-то возразил: посмел бы он не так написать. Я объяснил все эти вещи очень просто. Я знаю, что зачем создавать культ Сталина, но для себя я считаю это целесообразной нормой.

СОСНОВСКИЙ. А для меня вы считали это необходимым.

БУХАРИН. По очень простой причине, потому что ты бывший оппозиционер. Ничего плохого я в этом не вижу. Относительно Зорича я должен сказать следующее. Кто поместил эту статью? Я – несмотря на сопротивление. Зорич меня благодарил после этого. Я действительно сказал, разве можно заставить Сталина следить за каждым стеклянным шаром.

СТАЛИН. Конечно, я не архитектор, в архитектуре не понимаю. Ну, какой тут грех!

БУХАРИН. У нас постоянно, в нашей газетной работе, возникают споры – сказать это слово или другое. Конечно, если по каждому спору нас будут таскать в ЦК, тогда невозможно работать, потому что известный минимум доверия обязательно должен быть.

МИКОЯН. А ты обижаешь человека, который сообщает в ЦК.

БУХАРИН. Я нисколько не обижаю, я сообщил об этом Шкирятову. И вообще, почему меня хотят заподозрить в том, что я старался оставить на работе этого Ляма? Мехлис у меня просил, чтобы я ему отдал Ляма.

КАГАНОВИЧ. Если взять вашу версию о том, что вы говорили с Сосновским, будут вас клюют и т. д., получается следующее: вы – кандидат в члены ЦК, ^{с1}не раз исключавшийся из партии ^{с1}редактор «Известий», присутствующий на заседаниях Политбюро, – с человеком, который сидел 5 лет в тюрьме, был исключён из партии и только что восстановлен, заводите разговор о том, что вас клюют и прочее. Какие родственные чувства толкали вас на этот душевный разговор?

БУХАРИН. Я не только Сосновскому об этом говорил.

КАГАНОВИЧ. А я спрашиваю о Сосновском. Троцкист с 1920 года, как он сам об этом заявляет, только что восстановленный в партии...

СОСНОВСКИЙ. Ещё не восстановленный в партии.

КАГАНОВИЧ. Тем более. Какие родственные, душевные чувства толкали вас на то, чтобы, будучи наедине с ним, жаловаться на то, что вас клюют?

БУХАРИН. Прежде всего, Сосновский поступил ко мне на работу после того, как он был восстановлен в партии. Это всем было известно. Я ему не жаловался. Я говорил, что мне трудно. Мне трудно работать, потому что меня клюют.

КАГАНОВИЧ. А кто же вас клевал? Просто душа душу чует.

БУХАРИН. Меня клевали в «Правде», меня клевали в аппарате. Я много писал и Сталину и Серго.

П о м е т ы:

Л. 51. На верхнем поле, слева простым карандашом: 30 экз.

22 стр.

Перед заголовком галочка коричневым карандашом.

Л. 72 об. Снизу справа простым карандашом: Из гр. 9-М/а.-35

(т. Климов)

Из папки 35

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 260. Л. 51–72. Машинописный экземпляр с рукописной правкой.

Опубл.: Вопросы истории. 2002. № 3. С. 18–28.

^{с1-с1} Зачёркнуто простым карандашом.

- ¹ Речь в данном случае идёт, видимо, о первом заявлении Сосновского «о полном и безоговорочном разрыве с контрреволюционным троцкизмом и готовности активно проводить политику партии. ...» (Известия. 1934. 9 февраля). После его подачи он одним из последних видных троцкистов покинул место заключения.
- ² Сходня – с начала XX в. популярное дачное место в 12 км от Москвы, с 1928 г. дачный, рабочий посёлок. Ныне район одного из городов-спутников Москвы – г. Химки.
- ³ Правильное название: Институт истории науки и техники (ИИНИТ). Создан по инициативе Н. И. Бухарина в феврале 1932 г. в г. Ленинграде на основе возглавлявшейся им же Комиссии по изучению знаний. Ликвидирован в феврале 1938 г. после ареста ряда сотрудников и объявления его «центром антисоветского заговора».
- ⁴ В начале мая 1936 г. Н. И. Бухарин вернулся из длительной зарубежной командировки, куда он был направлен в составе комиссии с поручением выкупить вывезенный из Германии архив К. Маркса и Ф. Энгельса. В его отсутствие были арестованы три ведущих сотрудника ИИНИТ (все они были приглашены на работу Бухариным). Видимо, названный Сосновским «молодой человек» приезжал из Ленинграда не только с сообщением об этих арестах, но и с новостью о предстоящей реорганизации и переезде института в Москву.
- ⁵ Таль (Криштал) Борис Маркович (1898–1938), член партии с 1918 г. Участник Гражданской войны, награждён орденом Красного Знамени. Доктор экономических наук. С 1923 г. на партийной работе, в 1933–1937 гг. заведующий Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б). В 1936 г. возглавлял Комиссию по обследованию аппарата редакции газ. «Известия» (см. примеч. 139 к док. № 1). До официального отстранения от должности Н. И. Бухарина и. о. отв. редактора газеты, в январе – сентябре 1937 г. отв. редактор. 2 декабря 1937 г. арестован как участник троцкистской террористической организации. 17 сентября 1938 г. расстрелян.
- ⁶ «Социалистическое земледелие» – газета, выходившая с января 1930 г. и вскоре занявшая место самой популярной с 1918 г. «крестьянской» газеты «Беднота». Сосновский стоял у истоков создания «Бедноты», затем руководил этой газетой (с перерывами) до 1924 г. В новом издании вошёл в редакционную коллегию газеты.
- ⁷ Калмыков Бетал Эдыкович (1893–1940). Один из организаторов и руководителей борьбы горцев за Советскую власть на Северном Кавказе. С марта 1918 г. член РКП(б). Награждён орденом Ленина и орденом Красного Знамени. В 1930–1937 гг. первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б). 12 ноября 1938 г. арестован, обвинён в создании в 1927 г. контрреволюционной организации и подготовке терактов. Расстрелян 27 февраля 1940 г. в Москве; в 1954 г. реабилитирован.
- ⁸ Кривицкий Роман Юльевич (1900–1943), журналист, сотрудник, в 1937 г. отв. секретарь редакции газ. «Известия». В декабре 1937 г. исключён из партии за «сокрытие своей принадлежности к троцкистам», арестован. Осуждён, осенью 1938 г. направлен в Северо-Восточный ИТЛ (Магадан). Умер в лагере в 1943 г.
- ⁹ Речь идёт о заявлении Сосновского в ЦК ВКП(б) о полном политическом «разоружении». Историю появления второго заявления описал его сын – В. Л. Сосновский: «Через несколько дней по возвращении... в дверь постучали... вошедший пояснил отцу, что имеет поручение – просить отца [дать] согласие на публикацию в центральной печати его заявления в ЦК ВКП(б). Отец согласие дал, о чём и сообщил, вернувшись за стол. Через несколько дней заявление это было опубликовано в «Правде». Фрагмент письма приводится в примечаниях к выступлению И. В. Сталина на первом заседании пленума (см. примеч. 104 к док. № 1); полностью опубликовано: Правда. 1934. 27 февраля.
- ¹⁰ В данном случае, выражение «товарка» (разг. устар.) употреблено в значении товарища-женщины, близком к определению – сотрудница.
- ¹¹ ГПУ – в указанные годы «обиходное» название нового, учреждённого в ноябре 1923 г. органа государственной безопасности – Объединённого государственного политического управления (ОГПУ) (создан на базе Главного политического управления (ГПУ; 1922–1923)).
- ¹² Дефензива (от франц. *defensive* – охранять). В 1918–1939 гг. контрразведка и политическая полиция в Польше.
- ¹³ Речь идёт о телеграмме Л. С. Сосновского, посланной им на имя Сталина 24 августа 1936 г. из Нальчика, где он проводил отпуск. Телеграмма начиналась словами: «В эти дни великого народного гнева из всякого сердца рвалось небывалое возмущение. Лично я испытываю, кроме того, жгучую потребность выразить Вам мою безграничную благодарность за то, что в самый критический момент моей жизни, в момент разрыва моего с гнусным троцкистским прошлым Вы оказали мне доверие, протянули руку помощи, вернули к честной советской жизни. Ведь и я был на краю той смрадной пропасти, которую перед всем миром раскрыл суд над фашистскими бандитами Троцкого. Страшной болью отзывались в сердцах миллионов людей чудовищные замыслы изуверов: убить

- Сталина....» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 238. Л. 154). В левом верхнем углу по диагонали текста телеграммы наложена синим карандашом резолюция: Членам ПБ. Ст.
- ¹⁴ Аресту Сосновского 29 апреля 1929 г. предшествовала его высылка из Москвы в Барнаул 3 января 1928 г., когда «в качестве минимальной меры обеспечения интересов пролетарского государства» той же мере были подвергнуты ещё 29 «активистов» оппозиционных групп, направленных в различные города страны (см.: Правда. 1928. 19 января). В Барнауле, по воспоминаниям навещавшего его с семьёй сына, Сосновский работал в одном из отделов исполкома горсовета. После ареста решением Особого совещания ОГПУ от 28 мая был приговорён к 3 годам лишения свободы. Находился в заключении в Челябинском, затем в Томском политизоляторе. 13 апреля 1932 г. срок лишения свободы был продлён ещё на 2 года.
- ¹⁵ Профсоюзная дискуссия или Дискуссия о профсоюзах – внутриполитическое событие кон. 1920 – нач. 1921 г., ставшее ответом на выявившиеся разногласия в обществе в обстановке перехода от Гражданской войны к мирному строительству. Итоги дискуссии были подведены на X съезде РКП(б) (8–16 марта 1921). Положила начало радикальной перестройке (задач, организационного строения, форм, методов деятельности) профсоюзов.
- ¹⁶ Мителёв Александр Денисович (1893–1937), член партии с 1912 г. С 1924 г. на хозяйственной работе. В октябре 1933 – июне 1937 г. уполномоченный ЦИК СССР по Сочинскому курорту (с 1936 г. одновременно по группе курортов Кавказских Минеральных Вод). Руководил генеральной реконструкцией Сочи – Мацестинского курорта. 5 мая 1937 г. арестован как «участник контрреволюционной террористической организации», 26 октября того же года расстрелян.
- ¹⁷ Имеются в виду материалы, поступавшие в ЦК РКП(б) и доставляемые Сталиным в редакцию газ. «Правда», в которой тогда работал Сосновский.
- ¹⁸ Сервилизм (от лат. servus – раб) – в данном случае слово употреблено в значении раболепства, угодничества из страха или выгоды перед сильным либо могущественным лицом.

Документ № 14

Протокол очной ставки между Н. И. Бухариным и Ю. Л. Пятаковым в ЦК ВКП(б)

[Стенограмма очной ставки между
Пятаковым и Бухариным в ЦК ВКП(б) от 7.XII.1936 г.]*

7 декабря 1936 г.

ЕЖОВ. В своих показаниях, данных вами в течение трёх допросов¹, вы показали относительно состава так называемого запасного² центра, куда вы входили, и относительно блока с правыми. Вы это подтверждаете?

ПЯТАКОВ. Подтверждаю.

ЕЖОВ. Нельзя ли рассказать нам кратко, главным образом касаясь фактической стороны, с кем из правых непосредственно вы лично поддерживали связь?

ПЯТАКОВ. Связь началась с 1928 года. В конце 1928 года ко мне на квартиру в Гнезниковском переулке, – я лежал тогда больной, зашёл Бухарин, по своей собственной инициативе. Бухарин находился в очень большом возбуждении, давал крайне пессимистическую оценку положению вещей в стране, говорил относительно того, что страна идёт к разрушению, крайне неодобрительно характеризовал партийное руководство, которое неумело ведёт³ эту работу⁴.

* Исправлено синим карандашом из: ПОКАЗАНИЯ ПЯТАКОВА от 7.XII.1936 г.

¹ Далее вписано над строкой простым карандашом: троцкистского.

⁶⁶ Зачёркнуто коричневым, поверх него синим карандашом, далее вписано коричневым карандашом: это руководство.

Помню даже, что на моё замечание о том, что странно говорить о разрушении, когда строятся новые заводы, создаются новые предприятия, Бухарин тогда сказал: тяжело думать, что всё это достанется не нам, а перейдёт в другие руки, т. е. перейдёт в руки капиталистических предприятий*. Это был первый разговор.

Через несколько дней после этого меня перевели в Кремлёвскую больницу. В Кремлёвскую больницу Бухарин тоже пришёл и вёл разговор со мной на эти же темы. Он опять неодобрительно отзывался о Сталине, Молотове, Кагановиче и Ворошилове, давал крайне резкие и отрицательные характеристики. Говорил относительно того, что правые во главе с ним, Рыковым и Томским начинают борьбу и для этого создают организацию, готовят платформу², соответствующее письмо.

Это был конец 1928 года и начало 1929 года. Так как я часть этого разговора относительно оценки положения вещей в стране рассказал Сталину, после этого, по-видимому, наступил период охлаждения. Это был 1929–1930 год.

В 1931 году у меня состоялась встреча с Седовым, о которой я показывал наряду с другими вещами³. Седов говорил относительно того, что ему известно об активизации работы правых, что троцкистский центр, который к тому времени образовался в Союзе, связан с правыми и что, с его точки зрения, речь идёт о возобновлении крупной борьбы, причём всякие средства должны быть пущены в ход. Вопрос блока с правыми или, как тогда Седов передал, контактирование с правыми, является неизбежным.

Так как Седов, как я уже показал, был для меня не партнёром в обсуждении политических вопросов, я выслушал от него только то, что он передал со слов Троцкого, и не ставил перед ним вопроса, на какой основе создаётся блок и т. д. Тем более было⁴ передано⁵, что в Союзе троцкистский центр установил эти связи.

^аТак как^а Троцкий знал мои отношения с Бухариным, он предлагал мне возобновить связь с Бухариным, так как с Рыковым у меня никогда личных отношений не было. После моего возвращения в Союз⁴, в 1932–1933 году Бухарин неоднократно бывал у меня, так как работал в Наркомате тяжёлой промышленности и встречи с ним были довольно легки. В этом смысле связь была установлена. Причём Бухарин говорил, что ему крайне трудно припомнить отдельные разговоры, кроме тех, которые обозначены какими-то внешними событиями. Разговоров было много, десятков, полтора. И в этих разговорах Бухарин неизменно давал примерно такую же оценку пессимистического характера, чрезвычайно неодобрительно отзывался о руководителях партии и говорил относительно того, что связь существует, что, несмотря на тот разгром, который был произведён, основа организации правых сохранилась и работа возобновляется.

Я не могу припомнить сейчас, было ли это в начале или в середине 1932 года. Точной даты я не могу припомнить. Но я рассказал Бухарину относительно своей встречи с Седовым, относительно террористических установок Троцкого, относительно блока с правыми. Бухарин не выразил никакого особенного удивления, из чего я сделал вывод, что из других источников это ему более или менее известно. Больше к этому вопросу мы не возвращались.

Я сейчас не могу припомнить, когда Бухарин ушёл из Наркомтяжпрома. Кажется, это был конец 1933 года⁵. После его ухода у меня с ним личные связи больше не возобновлялись, кроме эпизодических и случайных встреч совершенно не политического характера. И связь⁶ перешла к Радеку.

* Так в тексте. Видимо, правильно: предпринимателей.

² Зачёркнуто коричневым карандашом, далее вписано над строкой: что он мне.

³ Исправлено коричневым карандашом: л из но.

⁴а Зачёркнуто коричневым, поверх него синим карандашом.

⁵ Далее вписано над строкой простым карандашом: с Бухариным.

Об* этом³ я говорил Сокольникову во время разговора, который имел место в середине 1935 года. Об этом я говорил⁴ Томскому во время разговора в начале 1936 года⁵, "разговора, о котором я показывал⁶". Вот это в основном всё о Бухарине.

Теперь относительно Томского. Когда с Сокольниковым⁷ был разговор в середине 1935 года, и ему было известно о необходимости установления связи с правыми, тогда же был поднят вопрос относительно встречи либо Сокольникова, либо моей с Бухариным, Рыковым и Томским. Сокольников взялся переговорить с Томским и имел этот разговор. Я давал эти показания и об этом разговоре записано в протоколе допроса. Что касается меня, то я не мог к Томскому заехать, ни он ко мне не мог заехать. На одном из заседаний Политбюро в течение 10–15 минут мы с Томским имели разговор, причём из этого разговора явствовало, что с Сокольниковым он виделся, разговаривал и одобряет "всё это"⁸.

Темой моего разговора был не принципиальный вопрос относительно необходимости контакта⁹, а вопрос относительно организации встречи, так как для всех нас было крайне неясно, как дальше действовать⁶. Поэтому была задумана совместная встреча Сокольникова, Радека, Серебрякова и меня, с одной стороны, и Томского, Рыкова и Бухарина, с другой стороны, чтобы обсудить весь вопрос в целом.

ВОРОШИЛОВ. В каком году?

ПЯТАКОВ. В начале 1936 года. Томский целиком одобрил план совместной встречи, хотя это была крайне затруднительная вещь, и сказал тогда же, что он лично согласен с этим, но должен будет посоветоваться с Бухариным и Рыковым и тогда даст окончательный ответ. На этом дело закончилось⁷. Встреча эта не состоялась по чисто тактическим соображениям.

ЕЖОВ. Известно ли⁸ Бухарину о составе⁹ центра?

ПЯТАКОВ. Безусловно, известно.

ЕЖОВ. Известно ли ему о том, что основой основ своей⁷ борьбы "они считают террор?"⁹

ПЯТАКОВ. Безусловно, известно. Это явствовало из разговоров с ним.

ЕЖОВ. Знал ли он о наличии запасного центра?

ПЯТАКОВ. Этого я ^Φне могу сказать. Но, вообще говоря, связь со мной предполагалась как связь с троцкистами^Φ.

ЕЖОВ. Вы подробно информировали его об установках, полученных от Седова?

* Исправлено простым карандашом: О из Об, далее вписано над строкой: своих встречах с Бухариным.

³ Зачёркнуто простым карандашом.

⁴ Далее вписано над строкой простым карандашом: и.

⁵ Исправлено простым карандашом: точка из запятой.

⁶⁻⁸ Зачёркнуто простым карандашом.

⁷ Далее вписано над строкой простым карандашом: у меня.

⁸⁻⁹ Зачёркнуто коричневым карандашом, далее вписано: блок с нами, троцкистами.

⁰ Далее вписано над строкой простым карандашом: с правыми.

¹ Впереди вставлено простым карандашом: Было ли; далее: и из И.

² Зачёркнуто простым карандашом.

³ Далее вписано над строкой простым карандашом: объедин. троц.-зиновьевского.

⁴ Зачёркнуто коричневым карандашом.

⁵⁻⁶ Зачёркнуто коричневым карандашом, далее вписана тем же карандашом плохо читаемая фраза (предположительно: с партией является террор?), густо зачёркнутая затем синим карандашом. Этим же карандашом восстановлена волнистой линией редакция ранее зачёркнутого текста.

^Φ Зачёркнуто простым, поверх него синим карандашом, далее вписано над строкой простым карандашом: сейчас точно не помню.

ПЯТАКОВ. Достаточно подробно.
 ЕЖОВ. Была ли тогда речь о вредительстве?
 ПЯТАКОВ. Упоминалось^{*} об этом.
 ОРДЖОНИКИДЗЕ. С какого года вы начали работу?
 ПЯТАКОВ. С возвращения из Берлина, с 1932 года.
 ОРДЖОНИКИДЗЕ. Все эти годы вы были вредителем в Наркомтяжпроме?
 ПЯТАКОВ. Очевидно^а "да"^б.
 ЕЖОВ. С Бухариным вы были связаны до 1933 года?
 ПЯТАКОВ. Да.
 ЕЖОВ. После этого была^в обусловлена^г передача^з связи с^и Радеком?^я
 ПЯТАКОВ. Поскольку было известно, что Бухарин переходит в «Известия», такая передача была обусловлена.
 ЕЖОВ. Информировал ли^{а1} Радек относительно^{б1} Бухарина?^{в1}
 ПЯТАКОВ. Он мне говорил об этом в конце 1935 года, если не ошибаюсь.
 СТАЛИН. У троцкистов все нити вели в центр, который имел дело с какими-либо группами или лицами, возглавлявшими террористические группы. Насчёт правых можно это сказать, что они тоже так делали?
 ПЯТАКОВ. Насчёт Томского можно определённо сказать. Насчёт Бухарина не могу сказать. Не знаю, были ли у него непосредственные связи. Когда был арестован Цейтлин, Бухарин прибежал ко мне, крайне возбуждённый, и говорил относительно того, что арест Цейтлина показывает ещё раз относительно того курса, который взят, и что если мы будем так дальше себя вести, то нас всех арестуют и уничтожат.
 СТАЛИН. А насчёт Томского вы не сомневаетесь?
 ПЯТАКОВ. Нет, у него были связи.
 СТАЛИН. Высказываний террористических у него не было?
 ПЯТАКОВ. Во всяком случае, он не возражал.
 ВОРОШИЛОВ. А вы достаточно конкретно говорили?
 ПЯТАКОВ. Конкретно шёл разговор с^{г1} Седовым. Организационных вопросов с Бухариным мне не приходилось обсуждать.
 ОРДЖОНИКИДЗЕ. Много вы насадили вредителей в промышленности?
 ПЯТАКОВ. Список людей известен. ^{а1}Кроме них нет никого^{а1}.
 ЕЖОВ. Он дополнительно дал ещё ряд фамилий за последние дни.
 БУХАРИН. Я могу сказать только то, что в 1928 году я действительно посетил Пятакова, о чём я рассказал здесь в связи с другим^в. Всё остальное относительно моей информации и того, будто бы я знал о Седове, террористических установках и вообще этих разговорах, – всё это от начала до конца Пятаков выдумал.

^{*} Далее вписано над строкой синим карандашом: и.

^а Зачёркнуто, затем восстановлено волнистой линией коричневым карандашом.

^а Исправлено коричневым карандашом: Д из д.

^в Исправлено синим карандашом: о из а.

^г Исправлено синим карандашом: о из а.

^з Исправлено синим карандашом: ть из ча.

^и Исправлено синим карандашом: на из с.

^я Исправлено синим карандашом: а из ом.

^{а1} Далее вписано над строкой коричневым карандашом: вас.

^{б1} Далее вписано над строкой коричневым карандашом: его связи с.

^{в1} Исправлено коричневым карандашом: ым из а.

^{г1} Зачёркнуто простым карандашом, далее вписано над строкой: о директивах Троцкого, переданных мне.

^{а1-а1} Зачёркнуто простым карандашом, далее вписано над строкой: Я их называл на следствии.

Конечно, я нахожусь в положении человека, которому могут верить и могут не верить. Я не могу вытащить какой-нибудь палки*, которая бы служила вещественным доказательством, что это не так.

Пятакову я был непосредственно подчинён, работал в Наркомтяжпроме.

Никогда в жизни я не мог провести через него каких-нибудь своих вопросов, потому что Пятаков издевательски относился к моей работе. Это можно подтвердить чем угодно. Однажды, когда речь шла об освоении техники, Пятаков высказал взгляд, что это пустяки. Я купец, сказал он, мне нужен определённый чистоган. Тогда я ему сказал: ты будь хоть таким купцом, каким был Савва Морозов¹⁰, купцом просвещённым, а не лабазником¹¹.

Я ничего не мог проверить через Пятакова, и поэтому приходилось ходить к Серго. Буквально ко всему, к проблеме освоения техники, к технической пропаганде, науке, Пятаков относился с суверенным презрением, и я ничего не мог добиться. Это общеизвестно, тысячи людей могут это доказать. Так как я всегда ценил Пятакова как теоретическую силу, я подступал к нему с разговорами: что нового в промышленности, ты должен знать. Он никогда мне на это ни слова не отвечал, никогда не говорил, что проблемного намечается в области промышленности.

СТАЛИН. Разговоров по душам не вели?

БУХАРИН. Нет.

ВОРОШИЛОВ. Как ты объяснял это его отношение к тебе?

БУХАРИН. Я объяснял это таким образом: так часто бывает у людей. Например, Покровский¹² был профессором и всю жизнь боролся против профессуры. И я считаю, что у Пятакова было такое же отношение к науке.

ВОРОШИЛОВ. Ты старый приятель по загранице с ним. Неужели в те моменты, когда ты приходил к нему, вы никогда не говорили на политические темы?

БУХАРИН. Абсолютно никогда, потому что Пятаков держался по отношению ко мне, как ножом отрезанный.

СТАЛИН. Ты же к нему в больницу ходил?

БУХАРИН. Да, я ходил.

СТАЛИН. А потом все это оборвалось?

БУХАРИН. Да. Я показывал Пятакову и дал прочитать этот документ, в котором была фраза о том, что жалко, если заводы достанутся белогвардейцам, причём речь шла не о капитализации этих заводов в силу внутренних причин, а речь шла о том, что на нас могут напасть и они достанутся белогвардейцам.

ОРДЖОНИКИДЗЕ. Ты Сосновскому жаловался, что тебя клюют. А Пятакову ты жаловался?

ПЯТАКОВ. Он насчет Цейтлина жаловался.

ОРДЖОНИКИДЗЕ. Непонятно что-то.

БУХАРИН. Значит, я действовал нецелесообразно с вашей точки зрения. Такой уж я непонятный психологический субъект. Но я утверждаю, что никаких пессимистических оценок о положении в партии не давал.

СТАЛИН. Это же неверно!

БУХАРИН. Я не понимаю, у вас какое-то страшно добродушное отношение.

ВОРОШИЛОВ. Потому что мы знаем, что когда ты в панике, ты с этим столом готов разговаривать.

БУХАРИН. Какая же паника? Это был 1933–1934 год.

* Так в тексте. Очевидная опечатка, правильно: палки.

Пятаков говорит, будто я утверждал, что у правых возобновляется работа. Я повторяю, очень трудно разобраться в этом. Мне говорят: ты, сукин сын, говорил то-то и то-то. Я ничего не могу сказать и говорю: не я, а ты, сукин сын. Но говорить о том, что работа возобновляется, я не мог по той простой причине, что за это время ни с одним человеком из бывших правых не виделся.

СТАЛИН. Мог похвастаться перед ними.

ПЯТАКОВ. А насчет ареста Цейтлина?

БУХАРИН. Я вам не жаловался. И вообще вы со мной никогда не говорили по какому-либо политическим вопросам. О Цейтлине я с Пятаковым тоже не говорил и никаких lamentаций¹³ ему не высказывал. Вообще Пятаков держался ко мне очень холодно. Он посылал ко мне своих дочек, говорил мне: милый Коля, а когда я прочитал ему свой документ, он сейчас же об этом сообщил, сам не будучи партийным человеком. Это же и есть тактика: других топить для того, чтобы приобрести себе капитал.

ЕЖОВ. Зачем это Пятакову нужно? Почему он не говорит о том, что встречался с Рыковым или другими?

БУХАРИН. Очень просто. Я работал под его начальством, и ему всегда легко сказать, что мы с ним встречались и говорили.

ЕЖОВ. Запутался ты.

БУХАРИН. Для своей совести я не запутался ни на одну секунду.

СТАЛИН. Почему ты не жаловался, что тебя клюют, что тебя окружает атмосфера недоверия?

БУХАРИН. Я вам неоднократно писал относительно целого ряда вещей.

СТАЛИН. Это верно. Но не может быть, чтобы ты ему не жаловался?

БУХАРИН. У нас с ним были не совсем такие отношения. Пятаков держал себя в наркомате, и это было, очевидно, его тактической линией, как большой деловой барин. О пустяках я не говорю, о политике я не говорю, об общих проблемах я не говорю. Для меня важно дело. Вот какую ультраквалифицированную, деляческую фигуру разыгрывал из себя Пятаков и давал это почувствовать при каждом разговоре. Приходишь к нему с вопросами науки или техники, он говорит: это не деловое. И он строго выдерживал стиль своей работы. Он хорошо играл эту роль и, должно быть, многое сделал в этом направлении. В то же время он разыгрывал из себя человека в высшей степени душевного. Страшно скрытный, очень властный, он метил на очень далекие прицелы, зная себе крупную цену, не желая размениваться на мелочи.

ПЯТАКОВ. Несмотря на всю характеристику, которую вы мне дали, вы не будете отрицать того факта, что по своей инициативе в 1928 году вы пришли ко мне и «душевно» разговаривали насчет Сталина, Молотова, Кагановича и Ворошилова.

БУХАРИН. Я этого не помню.

ПЯТАКОВ. А я хорошо помню.

КАГАНОВИЧ. А что вас сближало в 1928 году?

БУХАРИН. В 1928 году я сам принёс Пятакову платформу и дал её прочитать.

ПЯТАКОВ. Кончать надо с этим, Николай Иванович!

БУХАРИН. Да что кончать! Вы хотите меня потопить и делаете это именно потому, что знаете, что я давным-давно с этим кончил. Я знаю, в каком положении я нахожусь, когда один за другим показывают такие вещи против меня, и всё-таки я буду стоять на своём, на своём и на своём!

П о м е т ы:

Л. 73. На верхнем поле, слева простым карандашом: 30 экз.

11 стр.

Перед заголовком галочка коричневым карандашом.

*Л. 83 об. Снизу справа простым карандашом: Из гр. 9-М/а.-35
(т. Климов)*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 260. Л. 73–83. Машинописный экземпляр с рукописной правкой.

Опубл.: Вопросы истории. 2002. № 4. С. 3–7.

- ¹ Речь идёт о допросах, на которых Ю. Л. Пятаков начал давать «признательные» показания. О признании вины он заявил через 33 дня после ареста, состоявшегося в ночь с 11 на 12 сентября 1936 г. (см.: Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. ... С. 223).
- ² Исходя из указанного времени и обстоятельств, речь, очевидно, идёт о политической платформе, над которой, по словам М. П. Томского, «правая тройка» работала накануне февральского (1929) пленума ЦК (см. док. № 7).
- ³ См.: РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 15. Л. 15.
- ⁴ Речь, видимо, идёт о возвращении в 1931 г. из длительной командировки в Германию, во время которой и состоялась якобы его встреча с Л. Л. Седовым. К своим обязанностям в Наркомтяжмаше Пятаков приступил в ноябре того же года.
- ⁵ Неточная датировка. Н. И. Бухарин покинул НКТП в феврале 1934 г. в связи с назначением на должность отв. редактора газ. «Известия».
- ⁶ Слова Ю. Л. Пятакова «крайне неясно... как действовать дальше», отражающие некоторую растерянность руководства «сложившегося» в начале 1936 г. «троцкистско-зиновьевско-правого» блока, вызывают определённое удивление. Только недавно, в декабре предшествующего года, из Норвегии вернулся Пятаков, специально «летавший» туда инкогнито для личной встречи с Л. Д. Троцким и получения очередных «установок», без которых, как следует из материалов «следствия», его последователи в СССР не делали ни одного «контрреволюционного» шага. Видимо, двухчасового разговора в далёком норвежском местечке оказалось недостаточно для обсуждения даже ближайших перспектив борьбы.
- ⁷ Последние слова Ю. Л. Пятакова безусловно дают повод к сомнению относительно факта формирования «полноценного» «троцкистско-зиновьевско-правого» блока. Косвенным свидетельством, подтверждающим этот вывод, является, в частности, признание Пятакова о несостоявшейся его встрече с Томским («ни я к нему, ни он ко мне»). Тогда как факту встречи уполномоченного представителя «правых» Томского и представителя троцкистской части блока Пятакова придавалось, можно сказать, решающее значение для вхождения «правых» в эфемерный блок троцкистов и зиновьевцев. Заинтересованность проявлялась, разумеется, не со стороны участвующих сторон, а со стороны «следствия», по очевидной подсказке которого Сокольников и дал 30 августа 1936 г. откровенно ложные показания: «...Пятаков мне сообщил, что он виделся с Томским и что блок с правыми надо считать совершившимся фактом. Таким образом, с начала 1936 года состав центра был пополнен представителем правых – Томским» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 274. Л. 17).
- ⁸ Завуалированная, но явно присутствующая ирония в словах Пятакова свидетельствует, как это и бывает в таких случаях, об отрицании, облакаемом в форму согласия.
- ⁹ Имеются в виду показания Бухарина на завершившейся очной ставке с Куликовым (см. док. № 12).
- ¹⁰ Морозов Савва Тимофеевич (1862–1905), из старообрядческой купеческой семьи. Предприниматель, приобрёл известность также как меценат и благотворитель. Окончил естественное отделение физико-математического ф-та Московского ун-та (1887); химик.
- ¹¹ Лабазник – купец, владелец продуктового склада, лавки обычно для торговли зерном, мукой (устар.). В данном случае: мнение о человеке, стремящемся любой ценой к наживе, выгоде.
- ¹² Покровский Михаил Николаевич (1868–1932), российский историк-марксист, в 1920-е гг. один из лидеров советских историков, глава обширной «школы Покровского». Академик АН СССР (1929). Сравнивая Ю. Л. Пятакова с Покровским, Бухарин имел в виду не лучшие качества последнего, отмечаемые его критиками – односторонность и тенденциозность в науке, пренебрежение историческими событиями в пользу современных проблем и пр.
- ¹³ Ламентация (от лат. lamentation – плач, стенание); в русском языке иногда употреблялось для выражения горестной жалобы, сетования (устар.).

Документ № 15
Письмо Н. И. Бухарина членам Политбюро ЦК ВКП(б),
секретарю ЦК Н. И. Ежову с опровержением
«троцкистской клеветы»

[8 декабря 1936 г.]*

Строго секретно

Тов. тов. СТАЛИНУ, МОЛОТОВУ, КАГАНОВИЧУ, ВОРОШИЛОВУ,
ОРДЖОНИКИДЗЕ, МИКОЯНУ, АНДРЕЕВУ, ЕЖОВУ, КАЛИНИНУ

Дорогие товарищи!

После вчера мной услышанного от троцкистских негодяев¹, я всю ночь размышлял над этим. В результате я нашёл безусловное, категорическое и убедительнейшее опровержение всей троцкистской клеветы против меня (Сосновский, Пятаков, Зиновьев, Каменев, Рейнгольд и все возможные другие троцкистские клеветники).

1. Исходный пункт моих рассуждений.

Исходным и определяющим пунктом является здесь следующий факт, абсолютно устойчивый и бесспорный.

После ареста К. Радека² ко мне (на Сходне) заявлялась его жена, Роза Маврикиевна, просила написать Сталину, умоляла от имени Радека, чтоб Сталин сам следил за делом³, и заявила между прочим:

«Карл сказал мне перед уходом: «Передай Николаю (т. е. мне, Бух[арину]), чтоб он не верил никаким оговорам против меня. Я перед партией чист, как слеза»».

Я, между прочим, тогда же действительно написал т. Сталину, что стояло в связи с посещением Розы Радек, и с систематическими постоянными прежними разговорами Радека, долженствовавшими убедить меня в его полной партийности и преданности партийному руководству.

Этот факт посещения меня Розой Радек, последние слова Радека перед арестом, обращённые ко мне, имеют совершенно исключительное значение для всей оценки показаний троцкистов, и я крайне сожалею, что они выступили передо мной во всём их значении только прошедшей ночью. Но «лучше поздно, чем никогда».

Итак, зафиксируем, прежде всего, факт этих слов.

2. Что означает этот факт прежде всего.

Этот факт означает, прежде всего, следующее:

1. Радек хочет, чтобы Бухарин заступался за него, Радека, перед Сталиным и другими (о чём Роза Радек прямо просила);

2. Радек дополнительно, в качестве своего последнего слова Бухарину, стремится доказать свою преданность партии;

3. Радек, следовательно, исходит из полной убеждённости в безусловной партийности Бухарина, стараясь укрепить в Бухарине веру в то, что сам Радек невиновен.

Другими словами: Радек для себя самого не только не считает Бухарина каким-то членом или участником троцкистских конспираций, а, наоборот, исходит из абсолютной искренности Бухарина в отношении к партии, из его глубокой партийности.

* Датируется по событию.

3. Показания Сосновского и Пятакова.

Негодяй Сосновский показывал, что он узнал о моём, якобы, соучастии в троцкистских конспирациях от Радека в первую очередь.

В свете предыдущего надо анализировать и эти показания. Тут могут быть два варианта.

Предположение I. Радек, исходя из каких-либо соображений, нарочно и лживо говорил Сосновскому, что я – сторонник ихних дел.

Это предположение невероятно, ибо Радек тем самым, толкая Сосновского на встречу со мной, подвергал бы его опасности быстрого разоблачения, ибо Радек-то знал другое.

Но предположим это невероятное.

Тогда получается, что для троцкистского генерала Радека, я – в действительности партиец, а для троцкистского рядового, я – троцкистский генерал.

Положение явно немыслимое, и явно вздорное.

Предположение II. Радек ничего о моём, якобы, троцкизме не говорил Сосновскому. Тогда, значит, Сосновский всё это выдумал.

Таким образом, показания Сосновского падают.

Но, то же относится и к показаниям Пятакова.

Каким образом Пятаков мог считать меня соучастником троцкистов, а Радек об этом не знать и быть убеждённым в моей партийности? Это, тем более*, что если вспомнить прошлые годы, то Радек с Пятаковым не раз выступали с «партийными» заявлениями совместно, за обеими подписями (например, на одном из пленумов, когда разбиралось дело А. П. Смирнова⁴). Если Радек виновен (а я исхожу всё время из этого предположения, в связи с заявлением тов. Сталина на пленуме ЦК), то он, разумеется, был связан с Пятаковым (да и Пятаков это показывал на очной ставке). Следовательно, получается явный вздор: Радек убеждён по существу и в действительности в моей партийности, а Пятаков со мной вместе действует. Ясно, что и здесь всё построено на сознательной изощрённой лжи, лжи продуманной и, с точки зрения троцкистских мерзавцев, целесообразной.

4. Первые ласточки Зиновьева – Каменева.

Но мне кажется, что вся эта аргументация может быть продолжена и дальше, не теряя ни капли своей доказательной силы. В самом деле,

1) если Радек – участник троцкистского «запасного центра», которому передоверались все гнусные дела,

2) если Бухарин, как утверждали Каменев и Зиновьев, являлся их соучастником, то отсюда вытекает, что Радек должен был обязательно знать, что Бухарин – соучастник преступлений.

Но так как Радек в действительности и для себя знает противоположное, то отсюда вытекает, что показания Зиновьева – Каменева точно так же являются сознательной ложью.

5. Дальнейшие следствия.

Но отсюда же вытекает следующее:

что бы ни говорили теперь^a и сам Радек, и его возможные друзья против меня, всё это падает с самого начала, как явная ложь, сконструированная для уничтожения своего врага.

* Так в документе. Очевиден пропуск слова «странно» либо схожего с ним слова.

^a В рукописном тексте слово выделено двойным подчёркиванием.

* * *

Общее заключение: Вся⁶ цепочка показаний троцкистов против меня рушится.

Необязательные размышления: Я лично теперь убеждён в том, что у троцкистов был сознательный метод вредительства: заодно уничтожить кое-кого из преданных партии людей. Ибо иначе трудно объяснить побудительные мотивы их клевет. А что это клевета – теперь уж не подлежит никакому сомнению. С другой стороны, понятно, что если ряду допрашиваемых даются показания такого рода, то неизбежно крупные банкноты клеветы получают поддержку и в клевете меньших купюр.

* * *

Горячо благодарю товарищей за личное присутствие при очных ставках и за то внимание, которое они обнаружили к тяжкому положению, создавшемуся для меня благодаря клевете мерзавцев.

С комм. приветом
Н. Бухарин

Резолюция Сталина:

Если не разослано по адресам, надо разослать. И. Ст.

Автограф. Написано поверх текста рукописи документа зелёным карандашом.

Пометы:

Л. 121. *В нижнем левом углу простым карандашом: (8.XII. 1936 г.)*

Л. 122. *В нижнем левом углу простым карандашом: Разослано по указанным адресам 9/XII.36 г.*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 260. Л. 117–121. Машинописная копия (1-й экз.);

Ф. 17. Оп. 171. Д. 260. Л. 122–128. Чистовой автограф.

Написано фиолетовыми чернилами на половинках писчей бумаги.

¹ Н. И. Бухарин имеет в виду находившихся под следствием Л. С. Сосновского и Ю. Л. Пятакова, с которыми 7 декабря 1936 г. у него состоялась очная ставка в присутствии перечисленных выше членов Политбюро и секретаря ЦК ВКП(б), наркома внутренних дел Н. И. Ежова (см. док. № 13 и № 14). Третий участник очной ставки с Бухариным – Е. Ф. Куликов – находился под следствием как участник «антисоветской правой организации».

² К. Б. Радек был арестован в ночь с 16 на 17 сентября 1936 г. на городской квартире.

³ И. В. Сталин внимательно следил за делом и ждал признательных показаний К. Б. Радека, который начал давать их только через 2 месяца и 18 дней, в день начала работы декабрьского (1936) пленума ЦК ВКП(б). Об этом свидетельствует, в частности, выступление Сталина на первом заседании пленума.

⁴ Речь идёт об объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), состоявшемся 7–12 января 1933 г. В числе внутрипартийных вопросов был обсуждён вопрос «Об антипартийной группировке Эйсмонта, Толмачёва, Смирнова А. П. и др.». За попытку «организовать борьбу против партии и партийного руководства» пленум постановил исключить из рядов ВКП(б) Н. Б. Эйсмонта и В. Н. Толмачёва и вывести из состава ЦК ВКП(б) секретаря ЦК А. П. Смирнова. Результаты проверки не смогли установить наличие организационной связи этой «подпольной фракционной группы» и бывших лидеров правой оппозиции. Несмотря на это пленум «установил», что А. И. Рыков, М. П. Томский и В. В. Шмидт (Н. И. Бухарин на пленуме резко отмежевался от указанной группы) «стояли в стороне от борьбы с антипартийными элементами и даже поддерживали связь со Смирновым и Эйсмонтам, чем, по сути дела, поощряли их в их антипартийной работе...» (см.: КПСС в резолюциях и решениях... Т. 6. 1933–1937. С. 32).

⁶ В рукописи подчёркнуто дважды.

Документ № 16
Письмо Н. И. Бухарина И. В. Сталину
и членам Политбюро ЦК ВКП(б) с протестом против
публикации в газете «Правда» обвинительной статьи
в адрес бывших лидеров правой оппозиции

15 декабря 1936 г.

Тов. И. В. Сталину.
Членам ПБ ЦК ВКП(б).

Дорогие товарищи!

Сегодня в «Правде» появилась отрицательная статья¹, в коей бывшие лидеры правой оппозиции (а, следовательно, очевидно, и я, Бухарин) обвиняются в том, что они шли рука об руку с троцкистами и диверсантами, Гестапо и т. д.

Сим я ещё и ещё раз заявляю:

1. Ни словом, ни делом, ни помышлением я не имел и не имею ничего общего ни с какими террористами каких бы то ни было мастей. Я считаю чудовищным даже намёк на такое обвинение. Все последние годы я верой и правдой служил партии.

2. При всех и всяких обстоятельствах, всюду и везде, я буду настаивать на своей полной и абсолютной невинности, сколько бы клеветников ни выступало против меня со своими клеветническими показаниями и как бы они ни прикрывали эту клевету «благородными» побуждениями.

С комм[юнистическим] прив[етом].

Н. БУХАРИН

П[ост] С[криптом]. Во время очной ставки, когда присутствовали члены ПБ, я позабыл свои записи о показаниях Куликова и др. на столе, в зале заседания.

15 дек[абря] 1936 года. Москва.

*РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 262. Л. 30. Машинописная копия (1-й экз.);
Ф. 17. Оп. 171. Д. 262. Л. 29. Чистой автограф. Написано фиолетовыми чернилами
на половинках писчей бумаги; Ф. 329. Оп. 2. Д. 6. Л. 82. Черновой автограф.*

¹ Имеется в виду редакционная статья газеты «Правые отщепенцы – защитники реставрации капитализма», опубликованная под рубрикой «В помощь пропагандисту» (Правда. 1936. 15 декабря). «Действительность показала, – говорилось в статье, – что троцкистско-зиновьевские шпионы, убийцы, диверсанты и агенты Гестапо работали рука об руку с правыми реставраторами капитализма, с их лидерами. ...Гнусная роль троцкистов, правых и всех прочих реставраторов капитализма, которые десятки раз каялись и столько же раз предавали, учит нас по-сталински быть бдительными. Нельзя бывшему оппортунисту верить на слово. Ни одному!».

Документ № 17

Письмо Н. И. Бухарина И. В. Сталину (дополнение к письму) «...Жалко гибнущей чести революционера и связанной с ней жизни»

15 декабря 1936 г.

Тов. И. В. Сталину.

Лично.

Дорогой тов. Сталин,

Сегодняшняя статья в «Правде»¹ (а все знают, что означают такие статьи) уже исходит из «доказанности» неслыханно тяжких обвинений против лидеров правых (и, очевидно, в том числе и меня).

Эта статья меня прямо свалила.

Нужно сказать, что и на Пленуме ЦК, и на очных ставках, когда на меня обрушивались чудовищные обвинения, мне казалось, что о мою голову рвутся бомбы, а я остаюсь, каким-то чудом, цел. Иногда мне представлялось, что всё это происходит не со мной, а в каком-то кинематографе – до того трагически нелепым, просто невозможным ощущал я каждое обвинение. Здесь просто нет слов человеческих, чтобы выразить всё то.

Нужно сказать, что прошлое у меня изрядно выветрилось из памяти: я жил последние годы совсем другими эмоциями и мыслями, и как мне ни отравляли жизнь некоторые люди, особенно меня любящие, я захвачен был могучим потоком творчества и отражал это во всей своей работе. Я поэтому не мог и вспомнить ряда фактов. А вот потом только вспомнил.

Вот, например, очная ставка с Куликовым. Куликов утверждал, что мы вместе хотели «сманеврировать», а они выскочили раньше, почему я «обиделся». Я смутно вспомнил, что отход их был 1) и неожиданен, и что они 2) (Угланов плюс Куликов) демонстративно отмежевались от меня. Куликов это решительно отрицал.

Но вот я за эти дни раздобыл «Правду» 1929 года. Там, в № от 18 ноября 1929 г., стр. 2, в конце заявления Угланова – Куликова говорится:

«Перед нами встаёт вопрос: что дальше? Быть ли на отлёте от партии и рабочего класса и поддерживать тт. Бухарина, Рыкова и Томского или идти в ногу со всей партией? Мы считаем нужным быть вместе с партией и рабочим классом и победоносно бороться за социалистическое строительство.

Н. Угланов.

Е. Куликов».

Эта нарочитая, персональная форма, демонстрация отмежёвки, противопоставление Бухарина и т. д. рабочему классу и партии тогда (разумеется, не теперь!) произвела на меня такое впечатление, что сформировалось мнение: подальше от Угланова! Вот как было дело в действительности, и можно установить точно, что с той поры между мной – с одной стороны, и Углановым и его людьми – с другой, наступила почти полная размычка. Ну как же можно тут допустить, что после того, как порвались отношения, после подачи мной заявления, во время случайной уличной встречи, через сравнительно большой промежуток времени и после ругательного напора со стороны Куликова (публично от меня отрекшегося, да ещё в какой форме), да ещё при наличии горького осадка против Куликова, я говорил о... терроре! (У меня, Коба, глаза лезут на лоб от одного того, что я вынужден оправдываться по таким пунктам.) Это же сказки для детей!

Или то, что Куликов говорил о рютинской платформе. Ведь сам Куликов говорил, что видел меня последний раз весной 1932 года. А дата рютинской платформы – более поздняя. Как же он мог что-либо слышать о ней от меня? А ведь он так говорил!

А я тогда не сообразил (вообще у меня из-за мучений ослабела память и замедлилась сообразительность – мне нужно больше времени, чтобы распутывать клеветнические узлы). Вообще, разве не нелепо думать, что я, считавшийся идеологическим лидером и специалистом по писанию, нуждался в чужих платформах и в Рютине, если бы я вообще в платформах тогда нуждался??!

Последний раз я видел Угланова после долгого перерыва перед отъездом в отпуск летом 1932 года. Ни о какой платформе не было речи. Я боялся, что Угланов начнет шебаршить, снова махать руками и т. д. Я боялся, что это возможное шебаршение опрокинется и на нас, что и меня будут обвинять в нелояльности к партии. Поэтому я пошёл к Угланову и настаивал на полной лояльности. Угланов согласился. Это я хорошо помню. А потом что-то у них, очевидно, изменилось. Но об этом я не знаю. И всё это для меня представляет уже загадку. Не исключаю того, что Угланов мог «для авторитета», лживо пускать в оборот и моё имя, ибо он – почти невменяемый (из-за болезни) человек (а вовсе не скала). Но я тут абсолютно ни при чём, как ни при чём и в соответствующей «работе» Слепкова и К*, которую он, очевидно, повёл, несмотря на своё мне заявление о согласии с партией.

Всё это я мог бы сказать на ставке с Куликовым, да не нашёлся. А ведь здесь есть над чем задуматься.

Но я откровенно скажу: я многого просто не понимаю. Я понимаю поведение троцкистов, включая Пятакова, Сосновского. Это – тактика, столь же изощрённая (но другая), как и в 1928 г., когда Пятаков «душевно» разговаривал и сейчас же сообщал (я не против этого, но форма, но форма!). Теперь он кается и тут же по сему случаю топит невинного (на тебе, сволочь; думал, что будешь работать, а тебе за отход от всякой оппозиции я камень смертный навешу). Я ушам не верил, когда Сосновский даже детали придумывал (только с запиской просчитался!). Но, повторяю, всё это понятно более или менее.

Что мне не понятно – это Куликовы, Котовы и т. д. Я говорю только о себе. Но всё же не могу не сказать, что, когда говорят, будто Котов утверждает, что Рыков торопил его с терр[ористическим] актом, – ну, знаешь, я никогда не поверю, хоть теши на моей голове осиновый кол.

Вспоминая один случай, относящийся, кажется, к [19]30 году. Однажды ко мне явился с провокационными разговорами некий Ванька Коротков, бывший [социалист]-[революционер], каторжанин. Я изругал его и заявил, что позвоню в ГПУ. Он быстро ушёл. Сообщать я не сообщал по той простой причине, что хорошо знал о его работе в ГПУ. А знал я опять-таки по очень простой причине: я и Дзержинский были его партийными крёстными отцами; мы вводили его в партию, а затем в ГПУ, я вместе с ним «разлагал» эсеров и т. д. После этого посещения (я, между прочим, знал – не помню от кого, что Коротков этот возвращается в углановской среде, и что он имел какое-то касательство и к заявлению Угланов – Куликов) Коротков «пропал».

Мне иногда приходит в голову: а что если и сейчас есть этакий старатель? Почему бы ему не быть? Да ещё в такой атмосфере! Да ещё при условии, когда ответственнейшие работники партии говорят обо мне как об уже виновном! Да при условии, когда обвинение выставлено и другими, и опубликовано? Да когда этой ценой обвиняемые могут пытаться создавать себе видимость «искренности до конца»? (Как у Сосновского: ни концлагерь, ни Кабарда², ни человеческое отношение к нему, ни постановление ПБ о нём – его не заставили раскаться по существу, а вот арест прояснил его разум в одну ночь, а «искренности» его «доказывается» тем, что даже Бухарина, столь человечно к нему относившегося, он «во имя партии» «разоблачает»! И с каким спокойствием! Его прямо не узнать было по сравнению с тем измученным Сосновским, который приходил в редакцию, когда получил от меня записку...).

Но у меня ограниченные данные. А у тебя – все или могут быть все. Тебе виднее...

Теперь, после статьи в «Правде», я политически убит. Это уже такой градус, когда все тускнеет. Уверен, что когда-нибудь и ты увидишь, что здесь была сделана вами ошибка. Ещё раз говорю тебе: у меня нет никакой злобы: такова проклятая полоса. Но, тем не менее, жалко гибнущей чести революционера и связанной с ней жизни. Ведь ты понимаешь, что политическая смерть – это всё. Нет слов, чтоб выразить всю муку от ложных обвинений, оскорблений, всего позора, от которого до абсолютного отчаянья – один маленький шаг.

Что мне теперь делать? Я забился в комнату, не могу видеть людей, никуда не выхожу. Родные – в отчаянии. Я – в отчаянии, ибо почти бессилён бороться с клеветой, которая со всех сторон душит. Я надеялся, что ты всё же имеешь на руках то добавочное, что меня хорошо знаешь. Я думал, что ты знаешь меня больше, чем других, и что при всей правильности общей нормы недоверия этот момент войдет в качестве какой-то слагаемой величины в общую оценку. Но вышло, видно, так, что враждебные мне силы действуют, а я ведь и ответить на всё не могу, ибо не знаю, а если отвечаю, то в сверхударном порядке (как на очной ставке). В газетах, стало быть, «началось» уже до конца дела. Чем же жить, скажи?

Ведь, у тебя, вероятно, такое представление: пусть и то Бухарин будет благодарен, что с ним цацкаются – всё же он, по-видимому, во многом виноват. Ну а если Мехлис переборщит – не беда. Да и чего особенно жалеть-то?

А на самом деле всё не так. Я верой и правдой работал. И с душой. И с увлечением. В людях плохо разбирался – верно. Это мой порок. Но сражался за партию. Приобрёл ненависть врагов (потому парижские фашисты-троцкисты – ведь это же факт! – хотели мне мстить).

За границей звали – «философ сталинизма». Изжил, надеюсь, самые глубокие основы своих ошибок. Много натерпелся, передумал горы. И всё же падаю под ударами такой рассчитанной и организованной клеветы, что даже самые светлые умы партии, которым я так предан теперь, карают за не совершённые преступления.

Ты сказал на пленуме: «Бухарин бьёт здесь на искренность».

Ты ошибаешься: я ни на что не «бью».

Я в таком душевном состоянии, что это уже только полубытие. Я думаю уже в категориях, которые пишутся с большой буквы, о последних, предельных величинах работы, чести, жизни, смерти.

Погибаю из-за подлецов, из-за сволочи людской, из-за омерзительных злодеев.

Твой Н. БУХАРИН.
15 декабря 1936 года.
Москва.

Резолюция Сталина:

Тов. Мехлису. Вопрос о бывших правых (Рыков, Бухарин) отложен до следующего Пленума ЦК. Следовательно, надо прекратить ругань по адресу Бухарина (и Рыкова) до решения вопроса. Не требуется большого ума, чтобы понять эту элементарную истину. И. Ст. Впечатано на левом поле вверху л. 24.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 262. Л. 24–27. Машинописная копия (1-й экз.);

Ф. 17. Оп. 171. Д. 262. Л. 17–23. Чистовой автограф.

Написано фиолетовыми чернилами на половинках писчей бумаги.

¹ См. примеч. 1 к док. № 16.

² Речь идёт в данном случае о проведённом Л. С. Сосновским летом 1936 г. отпуске в Кабардино-Балкарской АССР. Вопрос о создании «достойных» условий для его отдыха был решён Бухариным с 1-м секретарём обкома ВКП(б) Б. Э. Калмыковым. Из материалов очной ставки Бухарина и Сосновского от 7 декабря того же года следует также, что первые дни своего отпуска, перед поездкой на Памир, в Кабардино-Балкарии проводил и сам Бухарин (см. док. № 13).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ):

Фонд 17. Центральный комитет КПСС:

- Опись 2.
- Опись 3.
- Опись 171.

Фонд 73. А. А. Андреев. Опись 1.

Фонд 74. К. Е. Ворошилов. Опись 1.

Фонд 77. А. А. Жданов. Опись 1.

Фонд 78. М. И. Калинин. Опись 8.

Фонд 84. А. И. Микоян:

- Опись 3.
- Опись 4.

Фонд 329. Н. И. Бухарин. Опись 2.

Фонд 397. Н. С. Хрущёв. Опись 1.

Фонд 558. И. В. Сталин:

- Опись 1.
- Опись 11.

Фонд 669. А. И. Рыков. Опись 1.

Фонд 671. Н. И. Ежов. Опись 1.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ):

Фонд Р-3316. Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов. 1936 г.:

- Опись 8.
- Опись 40.
- Опись 41.

ГБУ «Центральный государственный архив г. Москвы» (ГБУ «ЦГА Москвы»):

Фонд П-204. Опись 1.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ):

Фонд 3527. Министерство связи СССР. Оп. 4.

* * *

Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1936.

Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов: Стенографический отчёт. 25 ноября – 5 декабря 1936 г. М.: Изд-во ЦИК Союза СССР, 1936.

* * *

Доклад председателя Редакционной комиссии Чрезвычайного VIII съезда Советов Союза ССР 5 декабря 1936 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. Июль 1934 – апрель 1941 [Макет]. М.: Политиздат, 1956. С. 184–187.

- История Советской Конституции: в документах. 1917–1956. М.: Госюриздат, 1957.
- Как ломали нэп: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5 т. Т. 3. Пленум ЦК ВКП(б) 16–24 ноября 1928 г. М.: МДФ, 2000.
- Как ломали нэп: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5 т. Т. 4. Объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 16–23 апреля 1929 г. М.: МДФ, 2000.
- Как ломали нэп: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5 т. Т. 5. Пленум ЦК ВКП(б) 10–17 ноября 1929 г. М.: МДФ, 2000.
- Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 4. 1926–1929. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1984.
- Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5. 1929–1932. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1984.
- Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 6. 1933–1937. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1985.
- Лубянка. Советская элита на сталинской Голгофе. Архив Сталина: Док. высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М.: МФД, 2011.
- Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина: Док. высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М.: МФД, 2003.
- Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина: Док. высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М.: МФД, 2004.
- Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1992–1995.
- Общество и власть: 1930-е годы: Повествование в документах. М.: РОССПЭН, 1998.
- О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. Июль 1934 – апрель 1941 [Макет]. М.: Политиздат, 1956. С. 140–183.
- Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М.: НКЮ СССР. Юр. изд-во, 1937.
- Процесс Бухарина. 1938 г.: Сб. док. М.: МФД, 2013.
- Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. М.: Политиздат, 1991.
- Реабилитация: как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: в 3 т. М.: МФД, 2000–2003.
- Сталинское Политбюро в 1930-е годы. Сб. док. М.: АИРО–XX, 1995.
- Судебный отчёт по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. М.: НКЮ СССР. Юр. изд-во, 1936.
- Фрагменты стенограммы декабрьского пленума ЦК ВКП(б) 1936 г. // Вопросы истории. 1995. № 1.

* * *

- Каганович Л. М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М.: Вагриус, 1996.
- Ларина (Бухарина) А. М. Незабываемое. М.: Изд-во АПН, 1989.
- Микоян А. И. Так было: Размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999.
- Письма И. В. Сталина – В. М. Молотову. 1925–1936 гг.: Сб. док. М.: Россия молодая, 1995.
- Советское руководство: Переписка. 1928–1941 гг. М.: РОССПЭН, 1999.
- Сталин и Каганович: Переписка. 1931–1936 гг. М.: РОССПЭН, 2001.

Троцкий Л. Д. Дневники и письма / под ред. Ю. Г. Фельштинского. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1994.

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М.: ТЕРРА, 1991.

Чуев Ф. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. М.: Отечество, 1992.

* * *

Берхин И. Б. К истории разработки Конституции СССР 1936 г. // Строительство советского государства. М., 1972.

Богатыренко З. С., Савина Н. П. Обзор документальных материалов по истории создания Конституции СССР 1936 г. // Исторический архив. 1959. № 2.

Бухарин Н. И. Конституция социалистического государства // Известия. 1936. 14–15 июня.

Бухарин Н. И. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988.

Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М.: Политиздат, 1989.

Виленский Б. В. К истории разработки и принятия Конституции СССР 1936 года. Саратов: Юрист, 1967.

Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М.: РОССПЭН, 1995.

Гетти Дж. Арч. Троцкий в изгнании: основание IV Интернационала // Вопросы истории КПСС. 1991. № 5.

Гинцберг А. И. Московские процессы 1936–1938 гг. // Новая и новейшая история. 1991. № 6.

Голдман Венди. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М.: РОССПЭН, 2010.

Горелов О. И. Цугцванг Михаила Томского. Штрихи к портрету. М.: РОССПЭН, 2000.

Гусев А. В. Сталинизм глазами троцкистов: дискуссии о характере сталинского режима в среде левой коммунистической оппозиции в конце 1920-х – 1930-е гг. // Политические и социальные аспекты сталинизма. Новые факты и интерпретации / под ред. С. Папкова и К. Тэраяма. М.: РОССПЭН, 2015.

Дейчер И. Троцкий в изгнании. М.: Политиздат, 1991.

Емельянов Ю. В. Заметки о Бухарине: Революция. История. Личность. М.: Молодая гвардия, 1989.

Жуков Ю. Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М.: АКВА-Терм, 2008.

Жуков Ю. Н. Народная империя Сталина. М.: Алгоритм-Книга; Эксмо, 2009.

Жуков Ю. Н. Репрессии и Конституция СССР 1936 г. // Вопросы истории. 2002. № 1.

Кабанов В. В. Из истории создания Конституции СССР 1936 года // История СССР. 1976. № 6.

Коэн С. Бухарин: Политическая биография. 1888–1938 / пер. с англ. М.: Прогресс, 1988.

Курицын В. М. О разработке проекта Конституции СССР 1936 года // Право и жизнь. 1996. № 10.

Павлюков А. Ежов: Биография. М.: Захаров, 2007.

Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012.

Петров Н., Янсен М. Сталинский питомец Николай Ежов. М.: РОССПЭН, 2009.

Процесс троцкистско-диверсионной контрреволюционной группы в Кемерово // Социалистическая законность. 1936. № 12.

Роговин В. З. Власть и оппозиция. М.: Изд. дом: Тов-во «Журнал “Театр”», 1993.

Роговин В. З. 1937. М., 1996.

Ронин С. Л. К истории разработки, утверждения и развития Сталинской конституции. М.: Изд-во АН СССР, 1951.

Ронин С. Л. Конституция СССР 1936 года. М.: Госюриздат, 1957.

Рыков А. И. Избранные произведения. М.: Экономика, 1990.

Самуэльсон Л., Хаустов В. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 годов. Историография проблемы. М.: РОССПЭН, 2009.

Седов В. В. Мобилизационная экономика: советская модель. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2003.

Сенин А. С. А. И. Рыков. Страницы жизни. М.: Изд-во МГОУ; АО «Росвузнаука», 1993.

Сойма В. Запрещённый Сталин: Документально-историческое издание. М.: Изд. дом «Олма-Пресс», 2005.

Сойма В., Комиссаров В. Неизвестный Сталин. М.: Москва, 2013.

Такер Р. Сталин у власти. 1928–1941. История и личность / пер. с англ. М.: Весь мир, 1997.

Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций: поправки и дополнения к литературе эпигонов. М.: Наука, 1990.

Троцкий Л. Д. Сталин: в 2 т. Т. II. М.: Политиздат, 1990.

Троцкий Л. Д. Преступления Сталина. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1994.

Фрезинский Б. Троцкий. Каменев. Бухарин. Избранные страницы жизни, работы и судьбы. М.: АИРО-XXI, 2015.

Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М.: РОССПЭН, 1996.

Хлевнюк О. В. Сталин и Орджоникидзе: Конфликт в Политбюро в 30-е годы. М.: Изд. центр «Россия молодая», 1993.

Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010.

Шелестов Д. Время Алексея Рыкова: эскиз политического портрета. М.: Прогресс, 1990.

Шершнева Е. А. К вопросу об организации конституционных работ при разработке проекта Конституции СССР 1936 г. // Вестник Московского университета. М., 2007. № 5.

Шубин А. В. Вожди и заговорщики. Политическая борьба в СССР в 20–30-х годах. М.: Вече, 2004.

* * *

Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991 гг.: Историко-биографический справочник. М.: РОССПЭН, 1999.

Залесский К. А. Империя Сталина: Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000.

Зенькович Н. А. Самые закрытые люди: Энциклопедия биографий. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звёздный мир, 2002.

Колпакиди А. И., Серяков М. Л. Щит и меч. Руководители органов государственной безопасности Московской Руси, Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации: Энциклопедический справочник. СПб.: Изд. дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2002.

Совет Народных Комиссаров СССР. Совет Министров СССР. Кабинет министров СССР. 1923–1991: Энциклопедический справочник. М.: Изд-во Объединения «Мосгор-архив», 1999.

Современные политические деятели // Новейший энциклопедический словарь (Дополнительный выпуск). Л., 1928.

Центральный комитет: КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б): Историко-биографический справочник. М.: Изд. дом «Парад», 2005.

Чернев А. Д. 229 кремлёвских вождей. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК Коммунистической партии в лицах и цифрах: Справочник. М.: НЦ «Руссика», 1996.

* * *

Емельянов Ю. В. Как принималась «Сталинская конституция» 1936 года. 2009. URL: <http://pravda-ussr.livejournal.com/138737.html>

Наберухін А. Один з псевдотроцькістів (укр.). URL: <http://www.ssu.gov.ua/sbu/doccatalog/document?id>

Елисеев А. В. Разгадка 37-го года. «Преступление века» или спасение страны? URL: <http://www.libros.am/book/read/id/212961/slug/razgadka-1937-goda-1>

Смирнова И. Е. Репрессии против партийного руководства Донецкой области в 1937–1938 гг. URL: http://www.br.com.ua/referats/History_of_Ukraine/60710.htm

ИМЕННОЙ КОММЕНТАРИЙ

АБРАМОВ Григорий Алексеевич (1882–1937) – род. в г. С.-Петербурге. С 1905 г. член РСДРП, большевик. В нач. 1930-х гг. директор завода «Краснознамёнец» (бывш. Охтинский пороховой и взрывчатых веществ), в середине того же десятилетия – завода торпедных аппаратов «Двигатель» (№ 181; г. Ленинград). 26 октября 1936 г. арестован, обвинён в руководстве действовавшей на заводе троцкистской террористической и диверсионно-вредительской организацией. Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 7 мая 1937 г. (г. Ленинград) приговорён к ВМН, 8 мая расстрелян. Сведения о реабилитации не выявлены.

АГРАНОВ Яков Саулович (1893–1938) – род. в м. Чечерск Рогачёвского у. Могилёвской губ. (ныне одноимённый город в Гродненской обл.; Беларусь) в мещанской семье. Окончил 4-классное городское училище. В 1912–1915 гг. член Партии социалистов-революционеров, затем – РСДРП, большевик. В 1915 г. подвергся аресту и ссылке в Енисейскую губ. После Февральской революции 1917 г. секретарь Полесского комитета РСДРП(б). С февраля 1918 г. секретарь СНК РСФСР, одновременно с мая 1919 г. в должности особоуполномоченного особого отдела (ОО) ВЧК. С 1921 г. в штатной структуре органов ВЧК/ОГПУ/НКВД: нач. спецотделения (контрразведка в армии) ВЧК, зам. начальника секретного отдела ОГПУ СССР, с октября 1929 г. начальник секретного (позднее секретно-политического) отдела и с мая 1930 г. пом. начальника секретно-оперативного управления ОГПУ. С июля 1931 г. член коллегии, полпред ОГПУ по Московской обл., с февраля 1933 г. зам. председателя ОГПУ. В июле 1934 – апреле 1937 г. 1-й зам. наркома внутренних дел, одновременно, с 29 декабря 1936 г. начальник ГУГБ НКВД. Комиссар государственной безопасности 1-го ранга (1935). Сыграл решающую роль в фальсификации дела по убийству С. М. Кирова, активно участвовал в ликвидации ряда «центров контрреволюционных сил» внутри страны. 20 июля 1937 г. арестован, обвинён в принадлежности к эсеровской террористической организации (сказалась дореволюционная «политическая ошибка») и участии в «контрреволюционном заговоре внутри НКВД». Постановлением ВКВС СССР от 1 августа 1938 г. приговорён к ВМН, тем же числом датирован акт о приведении приговора в исполнение. В январе 2013 г. реабилитирован, однако, в августе того же года это решение отменено Верховным судом РФ.

АЛЬФАН Шарль Эрвэ (1879–1942) – французский политический деятель, дипломат. В 1926–1927 гг. входил в состав финансовой секции франко-советской конференции по урегулированию вопроса о долгах царского правительства и удовлетворении претензий к СССР бывших французских собственников национализированных имуществ. В 1932–1933 гг. начальник кабинета министра иностранных дел, сторонник политической линии на сближение с СССР. В марте 1933 – августе 1936 г. посол Франции в СССР, сторонник и участник заключения франко-советского пакта о взаимопомощи (май 1935 г.).

АНТОНЦЕВ Иван Яковлевич (1900–1937) – род. в пос. Дмитриевск Екатеринославской губ. (ныне г. Макеевка Донецкой обл.). Окончил 2 класса начальной школы. Член ВКП(б). Работал на руководящих постах в угольной промышленности Донбасса, с 1933 г. управляющий трестом «Чистяковуголь», с мая 1936 г. – «Дзержинскуголь». 23 ноября 1936 г. арестован, обвинён в принадлежности к «контрреволюционной

троцкистской диверсионно-вредительской организации». Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 10 июля 1937 г. (г. Харьков) приговорён к ВМН, тем же числом датирован акт о приведении приговора в исполнение. В 1957 г. реабилитирован.

АРКУС Григорий Моисеевич (1886–1936) – род. в г. Двинск Витебской губ. (ныне г. Даугавпилс; Латвия). Образование среднее специальное (по др. данным – высшее). С 1918 г. член РКП(б). С февраля 1921 г. представитель НКФ РСФСР в Малом Со-варкоме, с ноября – начальник счётно-операционного отдела НКФ. С 1923 г. член правления, с февраля 1931 г. зам. председателя правления и заведующий отделением зарубежных операций Госбанка СССР, в 1934–1936 гг. 1-й зам. председателя правления Госбанка. 10 июля 1936 г. арестован, обвинён в создании фонда финансирования «троцкистских террористических групп». Постановлением ВКВС СССР от 3 сентября 1936 г. приговорён к ВМН, 4 сентября расстрелян. В 1958 г. реабилитирован.

АССИНОВСКИЙ Леопольд Соломонович (1900–1937) – род. в м. Сморгонь Ошмянского у. Виленской губ. (ныне одноимённый город в Гродненской обл.; Беларусь). Из семьи колониста-середняка. Образование высшее. В нач. 1930-х гг. инженер на строящемся Ново-Горловском азотно-туковом заводе, с 1933 г. начальник азотного цеха завода (в декабре того же года награждён орденом Ленина). В нач. 1934 г. назначен техническим директором завода. После ряда аварий в цехах предприятия 2 ноября 1936 г. арестован, 6 ноября дал признательные показания о членстве «в контрреволюционной организации в химической промышленности». 14 июня 1937 г. включён в список лиц, подлежащих суду ВКВС СССР и отнесённых к «расстрельной» 1-й категории. Сведения о суде и содержании приговора не выявлены.

АФАНАСЬЕВ Евгений Андреевич (1899–1937) – род. в д. Пруды Тверской губ. (ныне в одноимённой обл.). Образование среднее. С 1918 г. член РКП(б). В 1929–1930 гг. сотрудник секретариата наркома труда СССР Н. А. Угланова. С 1932 г. слушатель воензированной Инженерно-технической академии связи (Москва). 31 октября 1935 г. арестован как активный участник «правооппортунистической группы» Угланова, решением Особого совещания при НКВД СССР приговорён к 5 годам заключения (Северо-Восточный ИТЛ НКВД). 13 ноября 1936 г. этапирован в Москву, заключён в Бутырскую тюрьму. Обвинён в принадлежности к контрреволюционной террористической организации правых и подготовке теракта в отношении Л. М. Кагановича. Постановлением ВКВС СССР от 25 мая 1937 г. приговорён к ВМН, 26 мая расстрелян. В 1958 г. реабилитирован.

БАБЕНКО Сергей Александрович (1888–1937) – род. в с. Туровка Прилукского у. Полтавской губ. (ныне в Корюковском р-не Черниговской обл.; Украина), образование среднетехническое (горный техник), беспартийный. В 1920-х гг. пом. заведующего горными работами одного из рудоуправлений в Донбассе. В марте 1928 г. арестован, обвинён во вредительстве («Шахтинское дело»), приговорён к 5 годам лишения свободы и конфискации трети личного имущества. После освобождения инженер шахты им. Калинина, главный инженер шахты им. Сталина треста «Кизелуголь» (пос. Половинка Уральской, затем Свердловской обл.). 11 марта 1936 г. арестован, обвинён в принадлежности к существовавшей в системе треста «троцкистско-зиновьевской террористической организации», диверсионно-вредительской работе и массовой гибели горняков. Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 22 марта 1937 г. (г. Свердловск) приговорён к ВМН, 23 марта расстрелян. В 1957 г. реабилитирован.

БАРКОВСКИЙ Павел Васильевич (1901–1937) – род. в с. Сноведь Ардатовского у. Нижегородской губ. (ныне в Выксунском р-не Нижегородской обл.). Образование высшее. С 1925 г. член ВКП(б). С нач. 1930-х гг. главный механик шахты им. Воло-

дарского, затем – им. Сталина треста «Кизелуголь» (пос. Половинка Уральской, затем Свердловской обл.). 14 марта 1936 г. арестован как участник существовавшей в системе треста троцкистско-зиновьевской террористической организации, обвинён в диверсионно-вредительской работе, результатом которой стала массовая гибель горняков. На следствии и в суде виновным себя не признал. Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 21 марта 1937 г. (г. Свердловск) приговорён к ВМН, 22 марта расстрелян. В 1957 г. реабилитирован.

БАРЛЕТОВ Василий Александрович (1907–?) – род. в д. Дурманка Каинского у. Томской губ. (ныне с. Верх-Каргат в Здвинском р-не Новосибирской обл.). В нач. 1930-х гг. машинист на ст. Аягуз Туркестано-Сибирской железной дороги (Турксиб). 21 декабря 1936 г. арестован областным промышленно-транспортным отделом УГБ НКВД. Обвинён в ведении антисоветской агитации, содержащей «призыв к совершению отдельных контрреволюционных преступлений». 12 мая 1937 г. Линейным судом Турксиба приговорён к 10 годам заключения в ИТЛ. Сведения о дальнейшей судьбе не выявлены. В 1992 г. реабилитирован.

БАШЕНКОВ Павел Константинович (1899–1937) – род. в с. Сотницы Нерехтского у. Костромской губ. (ныне в Комсомольском р-не Ивановской обл.). Окончил Промышленную академию. Член ВКП(б). До октября 1932 г. директор строительства льнокомбината в Костроме (впоследствии – им. И. Д. Зворыкина). В 1932 г. арестован по делу «антипартийной контрреволюционной группы правых Слепкова и др.». Постановлением коллегии ОГПУ от 16 апреля 1933 г. приговорён к 3 годам лишения свободы, ввиду его «активной контрреволюционной деятельности и контрреволюционной агитации». Срок заключения отбывал в политизоляторе. В 1937 г. при ужесточении методов борьбы с оппозицией вновь арестован. Решением «тройки» при УНКВД по Ивановской обл. от 22 ноября 1937 г. приговорён к ВМН, 23 ноября расстрелян. В 1959 г. реабилитирован.

БЕРМАН-ЮРИН Конон Борисович (1901–1936) – род. в г. Риге (ныне в Латвии). Образование неполное высшее. В 1921–1923 гг. член Компартии Латвии, затем – КП Германии: заведующий культпропотделом Берлинского окружкома, секретарь Берлинского райкома партии. В марте 1933 г. после прихода к власти в Германии национал-социалистов по рекомендации и с согласия ЦК КПГ выехал в СССР. Работал редактором-консультантом иностранного отдела газ. «За индустриализацию». 21 мая 1936 г. арестован, обвинён в принадлежности к контрреволюционной террористической организации и подготовке, по заданию Троцкого, убийства Сталина. В открытом судебном заседании ВКВС СССР (19–24.1.1936) по делу «антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра» приговорён к ВМН, 25 августа расстрелян. В 1988 г. реабилитирован.

БОГАЧЁВ Павел Титович (1891–1937) – род. в стан. Калитвенской Донецкого окр. Области Войска Донского (ныне в Каменском р-не Ростовской обл.). С нач. 1930-х гг. горный десятник шахты № 4 Богураево-Горняцкого рудоуправления треста «Шахтантрацит» (Азово-Черноморский край), беспартийный. 2 ноября 1936 г. арестован, обвинён в организации на шахте преступлений, предусмотренных четырьмя статьями УК РСФСР, в т. ч. противодействии нормальной деятельности государственного предприятия и участии в террористических актах. Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 12 марта 1937 г. (г. Ростов-на-Дону) приговорён к ВМН, 13 марта расстрелян. В 1959 г. реабилитирован.

БОЛДУИН Стэнли (1867–1947) – британский политический деятель, в 1923–1937 гг. лидер консервативной партии. С 1937 г. член палаты лордов. В 1923–1924, 1924–1929 и 1935–1937 гг. возглавлял правительство страны. Инициатор и организа-

тор ряда антисоветских актов (в т. ч. разрыва отношений с СССР в 1927 г.). В отношении гитлеровской Германии придерживался тактики «умиротворения».

БОРИСОВ Михаил Натанович (1910–1937) – род. в г. Бендеры Бессарабской губ. (ныне в составе Приднестровской Молдавской Республики). Образование высшее. С сер. 1930-х гг. начальник конструкторского бюро завода торпедных аппаратов «Двигатель» (№ 181; г. Ленинград). 17 января 1937 г. арестован, обвинён в контрреволюционной диверсионно-вредительской деятельности. Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 5 мая того же года (г. Ленинград) приговорён к ВМН, 6 мая расстрелян. В 1957 г. реабилитирован.

БУРЛАКОВ Иван Иванович (1900–1937) – род. в пос. Верхнеуфалейского завода Екатеринбургского у. Пермской губ. (ныне г. Верхний Уфалей Челябинской обл.). С 1920 г. член РКП(б)/ВКП(б). Работал на железнодорожном транспорте в г. Златоусте. В мае 1933 – марте 1935 г. зам. начальника вагонной службы управления Пермской железной дороги (г. Пермь), затем начальник 9-го вагонного участка ст. Свердловск-пассажирская той же дороги (с марта 1936 – железная дорога им. Л. М. Кагановича). В августе 1936 г. исключён из партии, 5 сентября того же года арестован, обвинён в создании троцкистско-зиновьевской террористической группы и подготовке теракта на руководителей партии и правительства, а также в руководстве вредительской работой на дороге. Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 21 марта 1937 г. (г. Свердловск) приговорён к ВМН, 22 марта расстрелян. Сведения о реабилитации не выявлены.

БУТОВ Михаил Архипович (1890–1937) – род. в Орловской губ. В сер. 1930-х гг. заведующий шахтой № 1 Богуроево-Горняцкого рудоуправления треста «Шахтантрацит» (Азово-Черноморский край), беспартийный. 19 ноября 1936 г. арестован, обвинён в организации на шахте преступлений, предусмотренных четырьмя статьями УК РСФСР, в т. ч. ведении вредительской и террористической деятельности. Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 12 марта 1937 г. (г. Ростов-на-Дону) приговорён к ВМН, 13 марта расстрелян. В 1959 г. реабилитирован.

БУХАРИН Николай Иванович (1888–1938) – род. в г. Москве, в семье учителей начальной школы. В 1907–1910 гг. учился на экономическом отделении юридического факультета Московского университета (исключён ввиду ареста). С 1906 г. член РСДРП, большевик. Революционную деятельность начинал вместе с Г. Я. Сокольниковым в организации созданного ими общегородского союза учащихся, связанного с московским комитетом РСДРП. В октябре 1911 г. эмигрировал после побега из Архангельской губ. (выслан в июне того же года после трёх предшествовавших арестов). По предложению В. И. Ленина сотрудничал в газ. «Правда», в теоретическом журн. «Просвещение», др. партийных изданиях. С мая 1917 г. в России, в составе московского комитета партии. После Октябрьской революции 1917 г. выдвинулся в число ведущих идеологических работников партии: отв. редактор «Правды» (одновременно в 1924–1929 гг. редактор журн. «Большевик»), автор работ по вопросам теории революционного движения (нередко критикуемых Лениным). При решении вопроса о заключении мирного договора с Германией один из лидеров «левых коммунистов», выступавших против подписания Брестского мира. С 1919 г. член президиума (с конца 1926 г. фактический руководитель) Исполкома Коминтерна, кандидат в члены (1919–1924) и член Политбюро ЦК партии (1924–1929). Работа «Экономика переходного периода» (М., 1920) стала его попыткой теоретического обоснования политики «военного коммунизма». После окончания Гражданской войны сторонник «новой экономической политики» (нэп). В борьбе за выбор модели социалистического развития до 1928 г. поддерживал «сталинский» курс, сделав многое для дискредитации взглядов Л. Д. Троцкого, выступив затем против программных установок «новой» («ленинградской») и «объединённой»

(«троцкистско-зиновьевской») оппозиции. В 1928 г. выступил против фактического свёртывания нэпа, что привело к обвинению его в «правом уклоне». В апреле 1929 г., как «идеолог» правых, отстранён от работы в «Правде» и Коминтерне, в ноябре того же года выведен из состава Политбюро ЦК. 30 мая 1929 г., отказавшись от «министерского» поста наркома просвещения, настоял на своём назначении в ВСНХ СССР в должности заведующего научно-техническим управлением. Введён в состав президиума ВСНХ (после его разделения в 1932 г. – в коллегия Наркомата тяжелой промышленности СССР). В 1929 г. избран в АН СССР. В феврале 1934 – январе 1937 г. отв. редактор газ. «Известия» (с конца августа 1936 руководство редакцией свелось фактически к проставлению – без его ведома – имени редактора на последней странице газеты). 27 февраля 1937 г. арестован, обвинён в сохранении центра контрреволюционной организации правых, блокировании с троцкистами и зиновьевцами в целях продолжения борьбы с партией. В открытом судебном заседании ВКВС СССР (2–13.3.1938) по делу «антисоветского правотроцкистского блока» приговорён к ВМН, 15 марта расстрелян. В 1988 г. реабилитирован.

БУХАРЦЕВ Дмитрий Павлович (1898–1937) – род. в г. Двинске Витебской губ. (ныне г. Даугавпилс; Латвия). С 1920 г. член КП Латвии, входил в бюро еврейской секции при ЦК партии. С 1923 г. на работе в Москве: заведующий информационным отделом сектора мирового хозяйства Госплана СССР, заведующий иностранным отделом и член редколлегий газ. «Комсомольская правда». Кандидат экономических наук. В 1929–1931 гг. заведующий отделением ТАСС в Вене, затем ст. научный сотрудник Института мирового хозяйства при Комкадемии и член редколлегий журн. «За рубежом». С мая 1934 г. корреспондент газ. «Известия» в Германии. Наряду с официальной работой за рубежом выполнял задания «по линии ИНО ОГПУ/НКВД» (как и в период работы в Латвии). 23 ноября 1936 г. арестован как участник антисоветской террористической организации. В январе 1937 г. на судебном процессе по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» выступал свидетелем обвинения по факту «конспиративных переговоров» Ю. Л. Пятакова и Л. Д. Троцкого в Осло в декабре 1935 г. Постановлением ВКВС СССР от 2 июня 1937 г. приговорён к ВМН, 3 июня расстрелян. В 1960 г. реабилитирован.

БУЯНСКИЙ Николай Константинович (1892–1937) – род. в г. С.-Петербурге. Образование среднее. Член ВКП(б). В ноябре 1918 г. руководил продотрядами в Ардаговском у. Симбирской губ. Участник Гражданской войны, в 1922 г. награждён орденом Красного Знамени и Почётным оружием. На день ареста (10 сентября 1936) начальник сектора капитального строительства Центрального вагонного управления НКПС; обвинён в принадлежности к «контрреволюционной вредительской и террористической организации». Постановлением ВКВС СССР от 3 сентября 1937 г. приговорён к ВМН, тем же числом датирован акт о приведении приговора в исполнение. В 1957 г. реабилитирован.

БЫКОВ Дмитрий Семёнович (1886–1937) – род. в с. Лозовая Павловка Екатеринославской губ. (ныне в Луганской обл.). В сер. 1930-х гг. главный инженер Богуреево-Горняцкого рудоуправления треста «Шахтантрацит» (Азово-Черноморский край), беспартийный. 17 ноября 1936 г. арестован, обвинён в руководстве контрреволюционной организацией в аппарате и на предприятиях рудоуправления, в подрыве государственной промышленности и террористической деятельности. Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 13 марта 1937 г. (г. Ростов-на-Дону) приговорён к ВМН, 14 марта расстрелян. В 1959 г. реабилитирован.

ВАНДЕЛЬ де Франсуа – представитель и глава семейной финансово-промышленной группы Франции, наиболее influential в межвоенный период 1918–1939 гг. Входил в состав Совета (регент) Банка Франции, был бессменным председателем

крупнейшего предпринимательского союза страны – Комитета металлургической (тяжелой) промышленности (Comite des Forges).

ВИЛЕНСКИЙ Яков Абрамович (1886–1937) – род. в г. Минске (ныне в Беларуси). В сер. 1930-х гг. технический директор – главный инженер завода торпедных аппаратов «Двигатель» (№ 181; г. Ленинград). 26 октября 1936 г. арестован, обвинён в создании на заводе контрреволюционной диверсионно-вредительской организации. Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 5 мая 1937 г. (г. Ленинград) приговорён к ВМН, 6 мая расстрелян. Сведения о реабилитации не выявлены.

ВОИНОВ Николай Иванович (1890–1937) – род. в д. Покров-Горки Угличского у. Ярославской губ. (ныне – Покровские Горки в одноимённых районе и области). Образование начальное. В 1908–1909 гг. находился в тюремном заключении за принадлежность к социал-демократической организации, затем вошёл в «Московскую группу анархистов-коммунистов», участвовал в пропаганде идей анархизма и экспроприациях; в 1911 г. приговорён к каторжным работам. С 1917 г. член РКП(б). С сер. 1920-х гг. сотрудник секретариатов председателя ВЦСПС, затем заведующего ОГИЗ М. П. Томского. С июля 1936 г. инспектор треста «Союзторгоборудование». 21 сентября 1936 г. арестован, обвинён в подготовке к совершению террористического акта в отношении И. В. Сталина. Постановлением ВКВС СССР от 28 мая 1937 г. приговорён к ВМН, 29 мая расстрелян. В 1956 г. реабилитирован.

ВОЛЫНСКИЙ (наст. фам. – Флакс) Сергей Борисович (1890–1946) – род. в г. С.-Петербурга в мещанской семье (отец – фотограф). Окончил Петербургский университет, в нач. Первой мировой войны – школу прапорщиков. С 1913 г. член РСДРП, большевик. Накануне Октябрьской революции 1917 г. капитан, член Гельсингфорсского комитета РСДРП(б). В 1919 – апреле 1921 г. начальник ряда дивизий РККА (награждён орденом Красного Знамени), затем на работе в партийных органах и органах государственной безопасности (нач. отделения Секретного отдела ОГПУ). С 1925 г. управляющий делами АН СССР (г. Ленинград), зам. председателя Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР, затем зав. учебной частью Государственного института по проектированию заводов строительных материалов НКТП и член Президиума Всесоюзного комитета по высшему техническому образованию при Президиуме ЦИК СССР. Весной 1937 г. арестован, обвинён в антисоветской деятельности. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР приговорён к 8 годам заключения в ИТЛ с лишением званий и наград. В нач. 1946 г. освобождён из Усольского лагеря (г. Соликамск) с разрешением поселиться в г. Малая Вишера (Новгородская обл.). 29 декабря того же года скончался от обострившегося в заключении заболевания (тяжелая форма туберкулёза). В 1955 г. реабилитирован.

ВОРОШИЛОВ Климент Ефремович (1881–1969) – род. в с. Верхнее Бахмутского у. Екатеринославской губ. (ныне в черте г. Лисичанска Луганской обл.). Из семьи железнодорожного сторожа. Образование начальное. С 1903 г. член РСДРП, большевик. Подвергался тюремному заключению и ссылкам. Участник трёх российских революций и Гражданской войны. На VIII съезде РКП(б) примыкал к «военной» оппозиции. С 1921 г. командующий рядом военных округов. С ноября 1925 г. нарком по военным и морским делам, председатель РВС СССР (с июня 1934 г. нарком обороны СССР). В 1937–1938 гг. поддерживал репрессии в отношении участников «военно-фашистского заговора в Красной армии». В мае 1940 г. освобождён от должности за недостатки в подготовке войск и неудачи в советско-финляндской («Зимней») войне 1939–1940 гг. В годы Великой Отечественной войны – член ГКО и Ставки ВГК. В мае 1940 – марте 1953 г. зам. председателя СНК (СМ) СССР. В марте 1953 – мае 1960 г. председатель, затем член Президиума ВС СССР (в июне 1957 г. поддержал участников «антипартийной группы Молотова–Маленкова–Кагановича», выступивших против проводи-

мого Н. С. Хрущёвым политического курса). Маршал Советского Союза (1935). Дважды Герой Советского Союза (1956, 1968). Герой Социалистического Труда (1960). В 1921–1961 гг. и с 1966 г. член ЦК партии, в январе 1926 – июле 1960 г. член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)/КПСС.

ВЫШИНСКИЙ Андрей Януарьевич (1883–1954) – род. в г. Одессе в семье служащего. В 1913 г. окончил юридический ф-т Киевского ун-та. С 1903 г. член РСДРП (меньшевик), с 1920 г. член партии большевиков. С 1931 г. на руководящей работе в Наркомюсте и Прокуратуре РСФСР и СССР, в марте 1935 – мае 1939 г. прокурор СССР. Выступал государственным обвинителем на сфальсифицированных судебных процессах 1936–1938 гг. В 1939–1944 гг. зам. председателя СНК СССР, одновременно в 1940–1946 гг. 1-й зам. наркома иностранных дел, затем зам. министра, в марте 1949 – марте 1953 г. министр иностранных дел СССР. В 1953–1954 гг. вновь 1-й зам. министра иностранных дел, одновременно постоянный представитель СССР в ООН. Академик АН СССР (1939), лауреат Сталинской премии (1947). С 1939 г. член ЦК ВКП(б), в 1953–1954 гг. кандидат в члены Президиума ЦК КПСС.

ГАУС (Гаушильд; возм. Гаушильд) Роберт К. (1900–?) – германский подданный, член КПГ. В 1918–1922 гг. студент Лейпцигского ун-та, в 1922–1932 гг. журналист, писатель и партийный работник. В 1933 г. переехал в СССР. Работал в ИККИ и Коммунистической академии (ст. научн. сотрудник). Как «единственный коммунист, занимавшийся теорией войны», приглашён К. Радеком в руководимый им иностранный отдел газ. «Известия» на должность консультанта по военным вопросам. В Военном издательстве на момент его ареста находилась рукопись написанной им книги об истории Рейхсвера. 23 августа 1936 г. уволен из редакции газеты в числе сотрудников, «не внушающих доверия, с сомнительным прошлым и опороченных» (подозревался в связях с троцкистским подпольем и шпионаже). Арестован до конца 1936 г., что следует из приложенной к «сталинскому списку» справки на его жену – «троцкистку-шпионку» Гаушильд-Левен Г. К., уволенную после ареста мужа с работы на иностранном радио ВЦСПС (в сентябре 1938 г., не признав себя виновной в предъявленных ей обвинениях, была включена во 2-ю (не «расстрельную») категорию лиц, подлежащих суду ВКВС СССР). Сведения о дальнейшей судьбе Гауса, как и его жены, не выявлены.

ГИТЛЕР Адольф (1889–1945) – один из родоначальников, с 1921 г. бессменный лидер Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП). С января 1933 г. рейхсканцлер (с августа 1934 г. совмещал обязанности главы правительства и президента страны). В апреле 1942 г. постановлением рейхстага определён как «вождь нации, верховный главнокомандующий вермахта, глава правительства, верховный судья и фюрер партии одновременно». 30 апреля 1945 г., во время штурма Берлина советскими войсками, покончил жизнь самоубийством.

ГОЛУБЕНКО Николай Васильевич (1897–1937) – род. в г. Курске в мещанской семье. С 1914 г. член РСДРП, большевик. В Гражданскую войну один из руководителей одесского подполья, военком бригады, дивизии. Награждён орденом Красного Знамени (1921). В 1921–1923 гг. секретарь Киевского губкома КП(б)У. За активную поддержку позиции Л. Д. Троцкого во внутривнутрипартийной дискуссии 1923 г. снят с партийной работы, до 1925 г. находился по линии Коминтерна на подпольной работе в Югославии, затем на хозяйственной работе на Украине. В 1925–1927 гг. кандидат в члены ЦК КП(б) Украины. В начале 1928 г., как активный участник троцкистской оппозиции, исключён из партии и выслан из республики, работал управляющим Забайкальской лесозаготовительной конторой (г. Чита). После подачи заявления о «разоружении» с ноября того же года зам. управляющего, управляющий трестом «Укртяжцетрест» (г. Харьков) и член президиума ВСНХ Украинской ССР; восстановлен в ВКП(б). С июня 1931 г. директор металлургического завода им. Петровского, затем завода им. Дзержинского

(г. Днепропетровск). С 1933 г. зам. начальника Главного управления металлургической промышленности НКТП, зам. управляющего объединением «Сталь» (г. Харьков). В 1933–1935 гг. председатель исполкома Днепропетровского горсовета. С 1935 г. начальник построечного управления треста «Коксохиммонтаж». В июле 1936 г. арестован, обвинён в принадлежности к троцкистской террористической организации. Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 8 марта 1937 г. (г. Харьков) приговорён к ВМН, 9 марта расстрелян. Сведения о реабилитации не выявлены.

ГОРДОН Николай Исаакович (1884–1937) – род. в г. Туккум Курляндской губ. (ныне г. Тукумс в Тукумском крае; Латвия). Из семьи портного, с 1901 г. работал в типографиях (наборщик), участвовал в революционном движении. С 1905 г. член Бунда, в 1915 г. примкнул к большевикам. В 1927 г. как активный сторонник Л. Д. Троцкого исключён из партии (восстановлен в 1928) и выслан в Ростов-на-Дону. Работал председателем Азово-Черноморского крайкома РОКК. В январе 1935 г. арестован, 10 февраля того же года за «принадлежность к контрреволюционной зиновьевской группе» осуждён Особым совещанием при НКВД СССР к 5 годам лишения свободы. Вновь арестован 5 декабря 1936 г. ввиду «выявившихся» сведений о его террористической деятельности. Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 13 марта 1937 г. (г. Ростов-на-Дону) приговорён к ВМН, тем же числом датирован акт о приведении приговора в исполнение. В 1991 г. реабилитирован.

ГОШИЛЛЕР Макс Львович (ок. 1884–1934) – экономист. В 1918 г. один из редакторов журнала «Международная политика и мировое хозяйство» (Петроград). С начала 1920-х гг. сотрудничал в эмигрантских организациях (в т. ч. Российском торгово-промышленном и финансовом союзе, Париж) и печатных изданиях («Современные записки», «Еврейская трибуна»), выступал с докладами по вопросам мировой экономики. В 1930-х гг. консультант Комитета металлургической промышленности (Comité des Foges, Франция), редактор русского отдела издававшегося Комитетом информационного бюллетеня. В 1933 г. входил в состав французской делегации на Мировой (международной) экономической конференции (Лондон). В ходе развития советско-французских торговых отношений привлекался советской стороной для выполнения посреднических функций.

ГРУЗДЕВСКИЙ Константин Полуэктович (1904–1937) – род. в г. Гомеле Могилевской губ. (ныне адм. центр Гомельской обл.; Беларусь) в семье служащего. Образование высшее, беспартийный. В сер. 1930-х гг. технический директор Муромского паровозоремонтного завода им. Ф. Э. Дзержинского Казанской железной дороги. 25 (по др. данным 30) декабря 1936 г. арестован, обвинён в принадлежности к антисоветской троцкистской диверсионно-террористической организации. Постановлением ВКВС СССР от 10 августа 1937 г. приговорён к ВМН, тем же числом датирован акт о приведении приговора в исполнение. В 1956 г. реабилитирован.

ДЗЕДЗИЕВСКИЙ Аркадий Викентьевич (1887–1937) – род. в пос. станции Жмеринка Подольской губ. (ныне в Винницкой обл.; Украина). Машинист-железнодорожник. В 1905–1907 гг. – социалист-революционер, в 1916–1919 гг. – левый эсер, в январе 1918 г. во время восстания против Центральной рады в Киеве возглавлял красногвардейский отряд железнодорожных мастерских; участник Гражданской войны. С 1919 г. член РКП(б)/ВКПБ(б). С декабря 1930 г. начальник Белгородского эксплуатационного района Южной железной дороги, с августа 1933 г. начальник Харьковского вагоноремонтного завода, в 1934 г. назначен начальником вагонной службы Восточно-Сибирской железной дороги. 1 октября 1936 г. арестован, обвинён в шпионской и вредительской деятельности. Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 1 августа 1937 г. (г. Иркутск) приговорён к ВМН, тем же числом датирован акт о приведении приговора в исполнение. В 1958 г. реабилитирован.

ЕЖОВ Николай Иванович (1895–1940) – род. в г. С.-Петербурге в семье рабочего. Окончил один класс начального училища (самоучка; в 1914–1915 гг. имел среди рабочих на заводе кличку «Колька-книжник», до конца жизни отлично владел письменной речью) и полугодовые курсы марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б). С марта 1917 г. член РСДРП, большевик. В 1915–1917 гг. участник Первой мировой войны, был ранен, служил в запасном полку, в артиллерийской мастерской Северного фронта (г. Витебск). В октябре 1917 – январе 1918 г. пом. комиссара, комиссар железнодорожной станции. С апреля 1919 г. на военно-политической работе в РККА. С 1921 г. на «низовой» партийной работе в Татарской АССР, с февраля 1922 г. отв. секретарь Марийского обкома, затем Семипалатинского губкома РКП(б), в 1924–1926 гг. зав. отделом, зам. отв. секретаря Казакского (Казахского) крайкома партии. В 1927–1929 гг. зам. зав. учётно-распределительным отделом ЦК ВКП(б), в декабре 1929 – ноябре 1930 г. зам. наркома земледелия СССР. В 1930–1934 гг. зав. распределительным отделом, отделом кадров и промышленным отделом ЦК. В апреле 1933 – 1934 г. член Центральной комиссии ВКП(б) по чистке партии, с февраля 1934 г. зам. председателя, в феврале 1935 – марте 1939 г. председатель Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) и секретарь ЦК партии. Одновременно в сентябре 1936 г. – ноябре 1938 г. нарком внутренних дел СССР (с его именем – «ежовщина» – соотносится период массовых политических репрессий 1937–1938). От предшественника (Г. Г. Ягоды) отличался не только большей исполнительностью, но и инициативой в проведении репрессивных актов. С января 1937 г. генеральный комиссар государственной безопасности СССР, что соответствовало воинскому званию маршала. В октябре 1937 – марте 1939 г. кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). В апреле 1938 – апреле 1939 г. нарком водного транспорта СССР. 10 апреля 1939 г. арестован, обвинён в подготовке террористических актов, государственного переворота и ряде др. преступлений. Постановлением ВКВС СССР от 3 февраля 1940 г. приговорён к ВМН, 4 февраля расстрелян. Не реабилитирован.

ЖИД Андре́ (1869–1951) – французский писатель, лауреат Нобелевской премии в области литературы (1947). До середины 1930-х гг. активный сторонник революционных преобразований в СССР, участник Международного антифашистского конгресса писателей в защиту культуры (Париж, июль 1935). После поездки в Советский Союз в ноябре 1936 г. издал книгу «Возвращение из СССР», в которой отмечал оторванность советской действительности от светлых социалистических идеалов, отсутствие в стране свободы мысли, жесткий контроль за литературой и общественной жизнью, осуждал культ личности Сталина.

ЖИТКОВ Михаил Алексеевич (1886–1937) – род. в Акмолинской обл. Степного генерал-губернаторства. Из семьи служащего. Окончил Омское железнодорожное училище. В 1927–1929 гг. начальник линейных железнодорожных мастерских (г. Новосибирск). С мая 1932 г. начальник отдела рационализации Управления Омской железной дороги, в октябре того же года переведён на должность начальника депо (г. Новосибирск). В июне 1934 г. в ходе партийной чистки исключён из числа кандидатов в члены ВКП(б) (состоял с 1929) за «не проведение в жизнь передовых методов работы», развал дисциплины в депо и пр. С августа 1934 г. инженер паровозной службы, затем начальник локомотивной части паровозной службы Управления Томской железной дороги. В октябре 1936 г. арестован, обвинён в руководстве троцкистскими вредительскими группами на ряде линейных участков дороги. 27 марта 1937 г. включён в список лиц, подлежащих суду ВКВС СССР и отнесённых к 1-й («расстрельной») категории. Сведения о суде и содержании приговора не выявлены.

ЖУКОВ Иван Павлович (1889–1937) – род. в д. Гоняки (Гоняково) Бельского у. Смоленской губ. (ныне в одноимённом районе Тверской обл.). Из крестьянской семьи.

Окончил сельскую школу, вечерние образовательные курсы, учился в Лутугинском народном университете (г. С.-Петербург). С 1905 г. рабочий-столяр. С 1909 г. член партии, большевик, вёл партийную и профсоюзную работу в Риге и С.-Петербурге. После Февральской революции 1917 г. избран членом Петросовета. Участник вооружённого восстания в Петрограде, после его победы член ВЦИК, председатель первого состава Верховного революционного трибунала ВЦИК и член коллегии ВЧК. С июля 1921 г. на руководящей хозяйственной работе в области электропромышленности; награждён орденом Ленина (1931). С 1925 г. член ЦК ВКП(б). В 1932–1933 гг. зам. наркома тяжёлой промышленности, с июля 1933 г. – наркома связи СССР. С октября 1936 г. нарком местной промышленности РСФСР. 21 июля 1937 г. арестован как участник антисоветской террористической организации. Постановлением ВКВС СССР от 29 октября того же года приговорён к ВМН, 30 октября расстрелян. В 1956 г. реабилитирован.

ЗЕЛЬДИЧ Григорий Самойлович (1903–1937) – род. в г. Киеве, окончил Киевский политехнический институт по специальности «паровые турбины». С 1926 г. откомандирован в Ленинград: инженер, затем начальник 20-го (инструментального) цеха Северной судостроительной верфи им. Андре Марти (впоследствии завод № 194), преподаватель кораблестроительного института. 4 марта 1937 г. арестован, обвинён в подрыве государственной промышленности и организации террористических актов. Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 8 мая того же года (г. Ленинград) приговорён к ВМН, 9 мая расстрелян. В 1956 г. реабилитирован.

ЗИНОВЬЕВ (наст. фам. Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883–1936) – род. в г. Елисаветград одноимённой губ. (в 1924–1934 – Зиновьевск, до 2016 – Кировоград, ныне г. Кропивницкий; Украина). Из мещан, сын владельца молочной фермы. В 1904–1906 гг. учился на химическом, затем юридическом факультетах Бернского ун-та (Швейцария). С 1901 г. в социал-демократическом движении, с 1903 г. большевик. В эмиграции (1908–1917) один из ближайших соратников В. И. Ленина. После Февральской революции 1917 г. редактор газ. «Правда», член ВЦИК 1-го созыва и Исполкома Петроградского Совета, с апреля – член ЦК РСДРП(б). С июля 1917 г. на нелегальном положении. Накануне Петроградского вооружённого восстания выступал против «авантюрной» ленинской тактики взятия власти, после Октябрьской революции 1917 г. сторонник создания «однородного социалистического правительства». Протестуя против монополизации власти большевиками 4(17) ноября вышел из состава ЦК, но 7(20) ноября взял назад заявление об отставке. В декабре 1917 – марте 1926 г. председатель Петросовета (с 1924 – Ленсовета), в феврале 1918 – апреле 1919 г. председатель Совнаркома Петроградской трудовой коммуны, затем – Союза коммун Северной области. С марта 1919 г. кандидат в члены, с марта 1921 г. член Политбюро ЦК РКП(б)/ВКП(б), одновременно с марта 1919 г. председатель Исполкома Коминтерна. В 1925–1927 гг. один из лидеров «новой» («ленинградской»), затем «объединённой» («троцкистско-зиновьевской») оппозиции. В июле 1926 г. выведен из состава Политбюро за «фактическое руководство фракционной борьбой», в октябре того же года отстранён от работы в Коминтерне. В октябре 1927 г. выведен из ЦК, в ноябре исключён из партии как один из руководителей «антипартийной деятельности, явно перерастающей в деятельность антисоветскую». После политического «разоружения» (июнь 1928) и восстановления в партии ректор Казанского государственного университета, с декабря 1931 г. член коллегии Наркомпроса РСФСР. В октябре 1932 г. вновь исключён из ВКП(б) и выслан на 3 года в Кустанай за сокрытие факта распространения документов «Союза марксистов-ленинцев» («Рютинское дело»). Освобождён весной 1933 г., введён в коллгию Центросоюза, в декабре того же года восстановлен в партии. После публичного раскаяния на XVII съезде ВКП(б) в апреле 1934 г. введён в редколлгию журн. «Большевик»; в августе того же года по предложению Сталина выведен из её со-

става за допущенные ошибки политического характера. После убийства С. М. Кирова арестован, признал моральную ответственность за это преступление и участие в создании «московского» террористического центра; 16 января 1935 г. приговорён к 10 годам лишения свободы. Отбывал наказание в Верхнеуральской тюрьме НКВД. В августе 1936 г. вновь привлечён к суду в качестве одного из главных обвиняемых на открытом судебном процессе по делу «антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра»; приговорён к ВМН. 25 августа расстрелян. В 1988 г. реабилитирован.

ЗОРИЧ А. (наст. фам. – Локоть) Василий Тимофеевич (1899–1937) – род. в г. Борзна Черниговской губ. (ныне адм. центр одноимённого р-на Черниговской обл.; Украина) в семье учёного-агронома, политического деятеля и публициста, впоследствии члена I Государственной думы. В 1918 г. окончил гимназию в Чернигове, работал в местных и киевских газетах. С 1922 г. в Москве: публицист, фельетонист газ. «Правда», журн. «Огонёк» и «Прожектор». С нач. 1930-х гг. сотрудник газ. «Известия». Автор сборников рассказов, очерков и фельетонов, а также киносценариев комедий «Дон Диего и Пелагея» (1927) и «Девушка спешит на свидание» (1936). Через два дня после премьеры последнего фильма (23 августа) уволен из «Известий» в числе сотрудников, «не внушающих доверия, с сомнительным прошлым и опороченных». 22 августа 1937 г. арестован как участник антисоветской контрреволюционной террористической организации. Постановлением ВКВС СССР от 15 декабря того же года приговорён к ВМН, тем же числом датирован акт о приведении приговора в исполнение. В 1957 г. реабилитирован.

ИВАНОВСКАЯ Ольга Павловна (1895–1937) – род. в г. Тюмени, образование среднее, беспартийная. В сер. 1930-х гг. проживала в Москве, пенсионерка по инвалидности. 22 сентября 1936 г. арестована как участница контрреволюционной троцкистской организации. В ходе «следствия» дала признательные показания в подготовке террористического акта в отношении руководящих деятелей партии и государства. Постановлением ВКВС СССР от 8 марта 1937 г. приговорена к ВМН, 9 марта расстреляна. В 2000 г. реабилитирована.

ИОЭЛЬСОН Фанни Филипповна (1902–1937) – род. в г. Риге, образование высшее, член ВКП(б). С 1931 г. переводчица (работала с немецкими специалистами) на строительстве Березниковского химкомбината. В ноябре 1932 – августе 1933 г. находилась в Германии в семье гражданского мужа. После возвращения назначена (в прежней должности) на строящийся химкомбинат в г. Бобрики (Московская обл.; с декабря 1933 – Сталиногорск, ныне г. Новомосковск Тульской обл.). С декабря 1935 г. технический референт в иностранном бюро ВЦСПС. 29 сентября 1936 г. арестована, обвинена в ведении разведывательной работы в интересах фашистской Германии. Постановлением ВКВС СССР от 20 июня 1937 г. приговорена к ВМН, 21 июня расстреляна. В 1992 г. реабилитирована.

КАГАНОВИЧ Лазарь Моисеевич (1893–1991) – род. в д. Кабаны Радомысльского у. Киевской губ. Из семьи ремесленника. Самоучка. С 1911 г. член РСДРП, большевик. После Октябрьской революции 1917 г. на советской и партийной работе в Нижнем Новгороде, Воронеже и Средней Азии. С 1921 г. на профсоюзной, затем партийной работе в Москве: в 1922–1924 гг. заведующий организационно-инструкторским и организационно-распределительными отделами ЦК РКП(б), в июне 1924 – апреле 1925 г. секретарь ЦК РКП(б), затем до июля 1928 г. генеральный секретарь ЦК КП(б)У, одновременно в июле 1926 – июле 1930 г. канд. в члены Политбюро ЦК ВКП(б). В конце 1920-х гг. вошёл в ближайшее окружение И. В. Сталина, став, по признанию другого соратника вождя В. М. Молотова, «двухсотпроцентным сталинистом». Неукоснительно соблюдал устанавливаемые Сталиным правила политического поведения в отношении сторонников и противников «генеральной линии партии». В июле 1928 –

марте 1939 г. секретарь ЦК ВКП(б), одновременно в 1930–1935 гг. 1-й секретарь МК (в 1931–1934 также МГК) ВКП(б), в 1933–1934 гг. председатель Центральной комиссии по проверке партийных рядов, в 1934–1935 гг. председатель КПК при ЦК ВКП(б). С сер. 1930-х гг. занимал высокие посты на «прорывных» участках индустриального строительства: нарком путей сообщения, тяжелой, топливной и нефтяной промышленности, министр промышленности строительных материалов СССР, курировал закладку и строительство первой очереди московского метрополитена (в 1935–1955 носил имя Л. М. Кагановича). В июле 1930 – июне 1957 г. член Политбюро (Президиума) ЦК партии, одновременно в июне 1938 – марте 1953 г. (с небольшими перерывами) зам. председателя СНК СССР. Герой Социалистического Труда (1943). В июне 1957 г. участник «антипартийной группы Молотова–Маленкова–Кагановича», выступившей против проводимого Н. С. Хрущёвым политического курса; решением пленума ЦК выведен из Президиума (ранее Политбюро) ЦК и ЦК КПСС. В 1957–1959 гг. управляющий трестом «Союзасбест» (г. Асбест, Свердловская обл.). В декабре 1961 г. исключён из партии за участие в репрессиях 1930 – нач. 1950-х гг. (не восстановлен, несмотря на многочисленные прошения).

КАМЕНЕВ (наст. фам. – Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936) – род. в г. Москве, в семье железнодорожного машиниста (впоследствии – инженера-железнодорожника). В 1901–1902 гг. студент юридического факультета Московского университета. С 1901 г. член РСДРП, с 1903 г. большевик. Партийную работу вёл в Закавказье, в Москве. Участник революции 1905–1907 гг. После свержения самодержавия в 1917 г. один из редакторов газ. «Правда», член Исполкома Петроградского Совета и ВЦИК. Активный оппонент В. И. Ленина в вопросе определения тактики партии в условиях сложившегося в стране двоевластия, но именно по предложению Ленина был избран в состав ЦК на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). В период подготовки Октябрьской революции 1917 г. подвергнут критике со стороны Ленина за недооценку факторов, определяющих необходимость решительных действий и постановки в повестку дня вопроса о вооружённом восстании. После победы восстания избран 27 октября (9 ноября) 1917 г. председателем ВЦИК, был сторонником создания «однородного социалистического правительства». Протестуя против монополизации власти большевиками 4(17) ноября вышел из состава ЦК, затем 8(21) ноября покинул и пост председателя ВЦИК. В нач. 1918 г. возглавлял советскую делегацию в Англии, в марте – августе того же года находился в плену у финских белогвардейцев. В октябре 1918 – мае 1926 г. председатель исполкома и президиума Моссовета. Одновременно в сентябре 1922 – январе 1926 г. зам. председателя СНК и зам. председателя, затем председатель СТО РСФСР/СССР. В 1923–1926 гг. директор Института Ленина. С марта 1919 г. член, в январе – октябре 1926 г. кандидат в члены Политбюро ЦК партии. В 1925–1927 гг. один из лидеров «новой» («ленинградской»), затем «объединённой» («троцкистско-зиновьевской») оппозиции. В январе 1936 г. назначен наркомом внешней и внутренней торговли СССР, с октября того же года полпред СССР в Италии. В ноябре 1927 г. выведен из ЦК ВКП(б), в декабре исключён из партии как один из руководителей «антипартийной деятельности, явно перерастающей в деятельность антисоветскую». Выслан в Калугу. Летом 1928 г. возвращён в Москву, восстановлен в партии и назначен начальником Научно-технического управления ВСНХ СССР. С мая 1929 г. председатель Главного концессионного комитета при СНК СССР. В октябре 1932 г. вновь исключён из партии и выслан на 3 года в г. Минусинск за сокрытие факта распространения документов «Союза марксистов-ленинцев» («Рютинское дело»). Освобождён весной 1933 г. после признания ошибочности своих взглядов и действий, в декабре того же года восстановлен в партии. С 1933 г. директор издательства «Academia», в 1934 г. одновременно директор Института мировой литературы

им. М. Горького АН СССР и Института русской литературы АН СССР (Пушкинского дома) в Ленинграде. В декабре 1934 г. арестован, обвинён в причастности к убийству С. М. Кирова; на следствии признал моральную ответственность за это преступление и участие в создании «московского» террористического центра; 16 января 1935 г. по делу «московского зиновьевского центра» приговорён к 5 годам лишения свободы. Отбывал наказание в Верхнеуральской тюрьме НКВД. В июле 1935 г. осуждён на 10 лет заключения по «Кремлёвскому делу». В августе 1936 г. вновь привлечён к суду в качестве одного из главных обвиняемых на открытом судебном процессе по делу «антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра»; приговорён к ВМН. 25 августа 1936 г. расстрелян. В 1988 г. реабилитирован.

КАМЕНЕВ Сергей Сергеевич (1881–1936) – род. в г. Киеве, в семье военного инженера, полковника артиллерии. Окончил Владимирский кадетский корпус (Киев; 1898), Александровское военное училище (Москва; 1900), Николаевскую военную академию Генерального штаба (С.-Петербург; 1907). Участник Первой мировой войны (полковник, начальник оперативного отделения штаба 1-й армии) и Гражданской войны (командир дивизии, командующий войсками Восточного фронта, главнокомандующий войсками Республики; 1919–1924). Дважды награждён Почётным революционным оружием: шашкой с вызолоченным эфесом и знаком ордена Красного Знамени (1919) и пистолетом «Маузер» со знаком ордена Красного Знамени (1921). С 1924 г. инспектор, начальник штаба РККА – член Реввоенсовета СССР. С мая 1927 г. зам. наркома по военным и морским делам и зам. председателя РВС СССР. С 1930 г. член ВКП(б). С июля 1934 г. нач. Управления ПВО РККА, командарм 1 ранга (1935). Скончался 25 августа 1936 г., урна с прахом захоронена с воинскими почестями в Кремлёвской стене. В ходе расследования дела о «военно-фашистском заговоре в Красной армии» (1937–1939) имя Каменева фигурировало в числе его участников.

КАМИНСКИЙ Григорий Наумович (1895–1938) – род. в г. Екатеринославе (до 2016 – Днепропетровск, ныне г. Днепр; Украина) в семье кузнеца. Окончил гимназию в Минске, в 1915–1917 гг. учился на медицинском факультете Московского ун-та. С 1913 г. член РСДРП, большевик. В марте 1917 г. направлен в г. Тулу, возглавил партийную организацию и городской Совет. В октябре 1920 – июле 1921 г. отв. секретарь КП Азербайджана и председатель Бакинского Совета, затем на хозяйственной и партийной работе, в т. ч. по руководству в 1928–1929 гг. коллективизацией сельского хозяйства. В 1929–1934 гг. председатель Мособлисполкома. С февраля 1934 г. нарком здравоохранения РСФСР, в июле 1936 – июне 1937 г. первый нарком здравоохранения СССР. С 1925 г. канд. в члены ЦК ВКП(б). 25 июня 1937 г. арестован, обвинён в руководстве правой контрреволюционной диверсионно-вредительской организацией в системе Наркомздрава, в создании сети складов медикаментов на западной границе с целью передачи их в руки врага при нападении на СССР. Постановлением ВКВС СССР от 8 февраля 1938 г. приговорён к ВМН, 10 февраля расстрелян. В 1955 г. реабилитирован.

КАРЕВ Николай Афанасьевич (1901–1936) – род. в м. Посволь Понежевского у. Ковенской губ. (ныне г. Пасвалис; Литва). Из крестьянской семьи. В 1917 г. член партии левых эсеров, с 1922 г. – большевик. В 1924 г. окончил философское отделение Института красной профессуры (ИКП), стажировался в Германии. В 1920-х гг. на преподавательской и научной работе в ИКП, с 1929 г. один из организаторов и зам. директора Института философии Коммунистической академии, в 1930–1931 гг. профессор, зав. кафедрой диалектического материализма 1 МГУ. В 1924–1927 гг. фактический редактор журн. «Под знаменем марксизма», активный участник философских и идеологических дискуссий, в 1926–1927 гг. в рядах политической оппозиции. После осуждения в 1931 г. «меньшевистствующего идеализма в философии» направлен в Ленинград, в

1931–1932 гг. работал в аппарате президиума АН СССР. В 1933 г. исключён из партии как один из организаторов «конференции контрреволюционной организации из правых оппортунистов», приговорён к 3 годам заключения в политизоляторе. В 1935 г. выслан в г. Уфу, работал заведующим сектором в НИИ промышленности. В мае 1936 г. вновь арестован ввиду «выявившихся» сведений о руководстве им ряда террористических групп. Постановлением ВКВС СССР от 10 октября того же года приговорён к ВМН, 11 октября расстрелян. В 1961 г. реабилитирован.

КЕСТЕР Эмиль – германский подданный. Инженер, с 1931 г. работал на условиях срочного договора в конструкторском бюро по проектированию завода синтетического аммиака Березниковского химического комбината. При анкетировании характеризовался как опытный и способный инженер-конструктор. В 1933 г. после завершения строительства завода и продления договора переведён на Бобриковский (Сталиногорский) азотно-туковый завод (ныне Новомосковский химкомбинат в Тульской обл.).

КИРОВ (наст. фам. – Костриков) Сергей Миронович (1886–1934) – род. в г. Уржум Вятской губ. (ныне в Кировской обл.), в семье мещанина. С 1894 г. в приюте для сирот. Окончил Уржумское городское училище, затем Казанское низшее механико-техническое училище. С 1904 г. чертёжник в городской управе г. Томска, в том же году вступил в РСДРП. Вёл партийную работу в Западной и Восточной Сибири, на Северном Кавказе. После Февральской революции 1917 г. член Владикавказского Совета, в октябре того же года участник вооружённого восстания в Петрограде. Участник Гражданской войны, член РВС ряда группировок Красной армии, в 1919 г. один из руководителей обороны Астрахани. С мая 1920 г. полпред РСФСР в Грузии, в июле 1921 – феврале 1926 г. первый секретарь ЦК КП Азербайджана. На XII съезде партии (апрель 1923) избран членом ЦК РКП(б). Во внутрипартийной борьбе 1920-х гг. был противником оппозиционных течений в РКП(б)/ВКП(б), с февраля 1926 г. секретарь Ленинградского губкома и Северо-Западного Бюро ЦК ВКП(б), с 1927 г. первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии. С июля 1926 г. канд. в члены Политбюро ЦК и член Президиума ЦИК СССР. С июля 1930 г. член Политбюро ЦК, с февраля 1934 г. секретарь ЦК ВКП(б). 1 декабря 1934 г. убит в здании Ленинградского обкома партии.

КНЯЗЕВ Иван Александрович (1893–1937) – род. в дер. Чурилово Мышкинского у. Ярославской губ. (ныне в Некоузском р-не Ярославской обл.). Из крестьян. В 1908 г. окончил Ярославское городское училище, затем механический факультет политехникума; инженер путей сообщения. В 1912–1914 гг. изучал организацию железнодорожного хозяйства в Германии. С 1917 г. член Всероссийского железнодорожного союза, с 1918 г. член РКП(б). В том же году как специалист в области эксплуатации железных дорог назначен комиссаром военных сообщений РККА. В 1920–1931 гг. зам. начальника управления эксплуатации НКПС СССР (в 1929 командирован в Японию с целью изучения постановки железнодорожного дела). С 1931 г. начальник службы эксплуатации Казанской железной дороги. В 1934–1936 гг. начальник Южно-Уральской железной дороги; после ряда крупных аварий на дороге отозван в Москву, назначен зам. начальника Центра управления движением НКПС. 16 ноября 1936 г. арестован, обвинён в работе на японскую военную разведку и проведении «активной диверсионно-вредительской деятельности на транспорте». В открытом судебном заседании ВКВС СССР (23–30.1.1937) по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра» приговорён к ВМН, 1 февраля расстрелян. В 1963 г. реабилитирован.

КОЗЫРЕВ Иван Васильевич (1896–1937) – род. в пос. Верхнеуфалейского з-да Екатеринбургского у. Пермской губ. (ныне г. Верхний Уфалей Челябинской обл.). В 1930-х гг. мастер нижнетагильского участка Пермской железной дороги, отвечавший за безотцепочный и отцепочный ремонт вагонов, с весны 1936 г. в должности мастера вагоноремонтного завода на ст. Егоршино железной дороги им. Л. М. Кагановича (бывш.

Пермская ж. д.). 29 октября 1936 г. арестован, обвинён в активном участии в контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации. Дважды (27.02. и 19.03.1937) входил в «сталинские списки» как подлежащий осуждению ВКВС СССР по 1-й («расстрельной») категории. Постановлением выездной сессии ВКВС от 22 марта 1937 г. (г. Свердловск) приговорён к ВМН, 23 марта расстрелян. Сведения о реабилитации не выявлены.

КОРНИЛОВ Николай Александрович (1899–1937) – род. в д. Третье Поле Муромского у. Владимирской губ. (ныне в Вачском р-не Нижегородской обл.). Образование среднее, беспартийный. В середине 1930-х гг. ст. конструктор Муромского паровозоремонтного завода им. Ф. Э. Дзержинского Казанской железной дороги. 10 октября 1936 г. арестован, обвинён в участии в антисоветской троцкистской диверсионно-террористической организации. Постановлением ВКВС СССР от 10 августа 1937 г. приговорён к ВМН, тем же числом датирован акт о приведении приговора в исполнение. В 1956 г. реабилитирован.

КОСИОР Станислав Викентьевич (1889–1939) – род. в г. Венгров Седлецкой губ. (ныне в Польше) в семье рабочего. Окончил начальное заводское училище при металлургическом заводе. С 1907 г. член РСДРП, большевик. Партийную работу вёл в Донбассе, Харькове, Киеве, Полтаве, Москве. В октябре 1917 г. комиссар Петроградского ВРК, делегат II съезда Советов. В начале 1918 г. член Комитета революционной обороны Петрограда, «левый коммунист». С весны того же года на партийной (в т. ч. подпольной) работе на Украине. В мае 1919 – декабре 1920 г. секретарь ЦК КП(б) Украины, одновременно в июле – декабре 1919 г. руководитель Зафронтового бюро ЦК КП(б)У. В 1922–1925 гг. секретарь Сиббюро ЦК РКП(б). С января 1926 г. секретарь ЦК, одновременно член Оргбюро ЦК ВКП(б), в июле 1928 – январе 1938 г. генеральный секретарь, секретарь ЦК КП(б)У. С декабря 1927 г. кандидат в члены, с июля 1930 г. член Политбюро ЦК ВКП(б). В январе – мае 1938 г. зам. председателя СНК СССР, одновременно председатель Комиссии советского контроля при СНК СССР. 3 мая 1938 г. арестован, обвинён в организации «шпионско-повстанческой и диверсионно-вредительской работы польских националистов на Украине» и связи с Польской воинской организацией (ПОВ). Постановлением ВКВС СССР от 26 февраля 1939 г. приговорён к ВМН, тем же числом датирован акт о приведении приговора в исполнение. В 1956 г. реабилитирован.

КОТ Пьер Жюль (1895–1977) – французский политический деятель, по образованию юрист. В 1928–1940 гг. депутат Национального собрания от Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов, неоднократно занимал министерские посты в «левых» и коалиционных правительствах. В указанный в документе период – министр авиации. После оккупации страны Германией (1940) эмигрировал в Великобританию. В 1949 г. один из организаторов Движения сторонников мира. Лауреат Сталинской премии «За укрепление мира между народами» (1953).

КОТОВ Василий Афанасьевич (1885–1937) – род. в г. Москве, в семье почтового работника. Окончил земскую начальную школу в Вереysком у. Московской губ. (видимо, в пос. при ст. Шелковская; ныне пос. Дорохово Рузского р-на Московской обл.). С 1915 г. член РСДРП (большевик). После Октябрьской революции 1917 г. участник Гражданской войны на Дону, затем на партийной работе в Москве. В 1919–1925 гг. отв. секретарь Сокольнического райкома РКП(б) (в феврале – апреле 1921 входил в состав 300 делегатов X съезда партии, посланных на подавление Кронштадтского мятежа). В декабре 1925 – ноябре 1928 г. 2-й секретарь Московского губкома партии, член ЦК ВКП(б), в 1927–1930 гг. кандидат в члены Оргбюро ЦК ВКП(б). За причастность к «правому уклону» выведен из руководящих органов партии, в марте 1929 г. назначен заведующим Центральным управлением социального страхования Наркомата

труда СССР, член коллегии НКТ. После ликвидации наркомата и передачи ряда его функций и органов ВЦСПС (июнь 1933) зав. Бюро социального страхования ВЦСПС. С 1935 г. управляющий отделочно-строительным трестом («Госотделстрой») Наркомата коммунального хозяйства РСФСР. 19 сентября 1936 г. арестован, обвинён в создании и руководстве террористической группой правых, готовящей покушение на И. В. Сталина. Постановлением ВКВС СССР от 25 мая 1937 г. приговорён к ВМН, 26 мая расстрелян. В 1958 г. реабилитирован.

КРИВОНОС Сергей Лукич (1893–1937) – род. в г. Харькове (ныне в Украине), образование высшее, беспартийный. С начала 1930-х гг. инженер, гл. механик управления по строительству новых шахт Кизеловского угольного бассейна (трест «Углестрой», Уральской обл.), после его преобразования (1934) – гл. механик треста «Кизелшахтстрой». 29 октября 1936 г. арестован как участник действовавшей в системе треста троцкистско-зиновьевской террористической организации, в ходе «следствия» обвинён в диверсионно-вредительской работе, результатом которой стала массовая гибель горняков. Дважды (27.02. и 19.03.1937) включался в «сталинские списки» как подлежащий осуждению ВКВС СССР по 1-й («расстрельной») категории. 21 марта 1937 г. в закрытом заседании выездной сессии ВКВС СССР (г. Свердловск) отказался от сделанных им на следствии «признательных» показаний, что не изменило существа приговора, 22 марта расстрелян. В 1957 г. реабилитирован.

КРУПСКАЯ (по мужу Ульянова) Надежда Константиновна (1869–1939) – род. в г. С.-Петербурге в семье слушателя Военно-юридической академии. В 1887 г. окончила с отличием частную гимназию. В 1891–1896 гг. учительница в вечерней школе для взрослых. С 1898 г. член РСДРП. После победы Октябрьской революции 1917 г. стала одним из создателей советской системы народного образования. С 1924 г. член ЦКК, в 1925–1926 гг. участница «новой» («ленинградской») оппозиции. С 1927 г. член ЦК ВКП(б). В 1929 г. назначена зам. наркома просвещения РСФСР. Почётный член АН СССР (1931).

КРУШЕЛЬНИЦКИЙ Михаил Иванович (1904–1937) – род. в с. Яруга Каменецкого у. Подольской губ. (ныне в Каменец-Подольском р-не Хмельницкой обл.; Украина). Образование высшее, член ВКП(б). В сер. 1930-х гг. сменный инженер, начальник смены Горловского азотно-тукового комбината. 30 октября 1936 г. арестован, обвинён в контрреволюционной диверсионно-вредительской деятельности. Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 10 июля 1937 г. (г. Харьков) приговорён к ВМН, тем же числом датирован акт о приведении приговора в исполнение. В 1957 г. реабилитирован.

КУЛИКОВ Егор Фёдорович (1891–1943) – род. в д. Осошники Зарайского у. Рязанской губ. (ныне в Луховицком р-не Московской обл.). Из семьи рабочего-кожевника. Окончил сельскую школу. С 1910 г. член РСДРП, большевик. Участник Гражданской войны. С 1920 г. на хозяйственной и партийной работе в Москве. В 1925–1928 гг. отв. секретарь Замоскворецкого райкома партии. В декабре 1925 – июне 1930 г. член ЦК ВКП(б). Как один из руководителей «правой оппозиции» выведен из руководящих органов партии. В 1929–1930 гг. член правления Центросоюза. В 1930–1931 гг. слушатель курсов марксизма-ленинизма. В 1931–1933 гг. зам. директора по строительству Библиотеки им. В. И. Ленина. С кон. 1933 г. управляющий Уральским кожевенным трестом (г. Свердловск). В декабре 1935 г. арестован «по делу Невского», в апреле 1936 г. Особым совещанием при НКВД за участие в контрреволюционной группе приговорён к трём годам заключения. После начала расследования связи правых с «объединённым троцкистско-зиновьевским центром» этапирован в Москву, своими показаниями способствовал обвинению бывшего руководства правых в «двурушничестве» и переходе к террористическим методам борьбы. В представленном НКВД 15 мая 1937 г. на утверждение Политбюро списке правых, подлежащих суду ВКВС СССР, проходил по

1-й («расстрельной») категории. Красным карандашом Сталина мера наказания была снижена до 10 лет заключения в ИТЛ. Скончался 11 сентября 1943 г. в местах лишения свободы. В 1958 г. реабилитирован.

КУРОЧКИН Александр Александрович (1892–1937) – род. в с. Плетениха Бронницкого у. Московской губ. (ныне в Раменском р-не Московской обл.). В сер. 1930-х гг. студент Института инженеров общественного питания (Москва), беспартийный. 29 октября 1936 г. арестован как участник контрреволюционной группы, обвинён в подготовке террористического акта в отношении руководящих деятелей партии и государства. Постановлением ВКВС СССР от 8 марта 1937 г. приговорён к ВМН, 9 марта расстрелян. В 1956 г. реабилитирован.

ЛЕВИТИН Марк Филиппович (1891–1938) – род. в пос. Нахичевань (пригород г. Ростов-на-Дону). В 1903 г. окончил начальное училище. С 1909 г. член РСДРП, с 1916 г. – большевик. Неоднократно арестовывался, в 1913 г. сослан в Нарым. В 1918–1920 гг. возглавлял ряд губернских чрезвычайных комиссий в Сибири. С января 1920 г. на партийной, советской и хозяйственной работе. С 1932 г. зам. наркома снабжения СССР, в 1934–1937 гг. зам. наркома пищевой промышленности СССР. В июне – ноябре 1937 г. начальник главного управления кондитерской промышленности Наркомата пищевой промышленности СССР. 10 ноября 1937 г. арестован по обвинению в шпионской деятельности. Постановлением ВКВС СССР от 8 февраля 1937 г. приговорён к ВМН, тем же числом датирован акт о приведении приговора в исполнение. В 1954 г. реабилитирован.

ЛЕНИН (наст. фам. – Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) – сын дворянина, инспектора народных училищ. В 1891 г. окончил (экстерном) юридический факультет С.-Петербургского ун-та. В 1895 г. инициатор создания в Петербурге «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». С 1903 г. лидер и идеолог большевистской фракции в РСДРП (с апреля 1917 самостоятельная большевистская партия). В апреле 1917 г. автор неожиданного для сторонников и политических оппонентов курса на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. В октябре того же года инициатор вооружённого восстания с целью ликвидации в стране двоевластия и перехода государственной власти к Советам; 27 октября (9 ноября), оставаясь неформальным лидером партии, возглавил Временное советское правительство Российской Республики – Совет народных комиссаров (СНК; с июля 1918 – СНК РСФСР). В июле 1923 – январе 1924 г. председатель СНК СССР (ввиду болезни к исполнению обязанностей не приступал). Одновременно в ноябре 1918 – январе 1924 г. председатель СТО РСФСР (до апреля 1920 г. Совет рабочей и крестьянской обороны), с июля 1923 г. председатель СТО СССР. В октябре 1917 г., марте 1919 – январе 1924 г. член Политбюро ЦК партии. В 1918–1921 гг. последовательный сторонник политики «военного коммунизма», в феврале – марте 1921 г. инициатор резкой смены политического и экономического курса правящей партии, вошедшего в историю страны как «новая экономическая политика».

ЛЕНЦ Теодор – германский подданный. Специалист фирмы «Линде». С 1932 г. в составе бригады вёл монтаж и наладку закупленных у фирмы для Горловского азотно-тукового завода одноимённых аппаратов для сжижения и ректификации воздуха. После отъезда бригады (1933) оказывал помощь (на договорных условиях) в освоении производства сложных агрегатов для ГА-ТЗ на Тамбовском заводе химического машиностроения «Комсомолец». В 1936 г. заочно, ввиду отъезда из СССР (в сер. 1935), обвинён в шпионаже и активном соучастии в контрреволюционной деятельности «диверсионно-вредительской группы Ратайчака».

ЛОГИНОВ Владимир Фёдорович (1897–1937) – род. в с. Карповцы Почепского у. Черниговской губ. (ныне с. Карпово Почепского р-на Брянской обл.), из семьи мел-

кого служащего. (По протокольным записям следственного дела урож. с. Ивановка Трубчевского у. Орловской губ. (ныне в Трубчевском р-не Брянской обл.), род. в семье помещика-землевладельца). В 1916–1917 гг. студент Ун-та Св. Владимира (г. Киев). С 1917 г. член партии большевиков, в 1918 г. на подпольной работе в Харькове и Одессе, в 1920–1923 гг. отв. секретарь Одесского губкома, Кубано-Черноморского обкома и Киевского губкома партии. В 1924–1925 гг. председатель Главполитпросвета Наркомпроса Украины. За активную поддержку левой (троцкистской) оппозиции переведён на советскую, затем хозяйственную работу. В нач. 1928 г., как «неразоружившийся» троцкист, выслан на Дальний Восток, с кон. 1929 г. вновь на ответственной хозяйственной работе на Украине. В марте 1935 г. награждён орденом Ленина «за... значительные успехи по овладению техникой в области чёрной металлургии», назначен управляющим трестом «Укркокс» (г. Харьков). 29 июля 1936 г. арестован как один из руководителей «украинского троцкистского центра», в конце декабря того же года этапирован в Москву для участия в судебном процессе по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра». Постановлением ВКВС СССР от 8 марта 1937 г. приговорён к ВМН, 9 марта расстрелян. В 1958 г. реабилитирован.

ЛОРАН Теодор – французский предприниматель, владелец третьей по влиянию финансово-промышленной группы, входил в состав директоров Генерального общества (одного из крупнейших депозитных банков страны) и ряда других банков. В середине 1930-х гг. зам. председателя крупнейшего предпринимательского союза Франции – Комитета металлургической (тяжелой) промышленности (Comite des Forges).

ЛЫСКОВ Михаил Иванович (1909–?) – род. в д. Лёвены Слободского у. Вятской губ. (ныне в Зуевском р-не Кировской обл.). Осмотрщик вагонов на ст. Смычка (в границах г. Нижний Тагил) Пермской железной дороги (с марта 1936 – ж. д. им. Л. М. Кагановича). 9 декабря 1936 г. арестован, обвинён в совершении вредительских актов в контрреволюционных целях. Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 1 апреля 1937 г. (г. Свердловск) приговорён к 10 годам заключения в ИТЛ. Сведения о реабилитации не выявлены.

ЛЯНДРЕС Семен Александрович (1907–1968) – род. в м. Боровино Могилевской губ., из мещанской семьи, отец писателя Юлиана Семёнова. Окончил Промышленную академию. С 1930 г. начальник сектора печати и ряда отделов ВСНХ, затем НКТП СССР, пом. наркома тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе. В 1934–1936 гг. пом. ответственного редактора газ. «Известия» Н. И. Бухарина. В апреле 1942 г. подвергся кратковременному аресту, после освобождения отв. секретарь «Известий», зам. председателя ОГИЗа. Один из инициаторов создания (1946), затем зам. директора Государственного издательства иностранной литературы. В 1952 г. вновь арестован, одним из пунктов «обвинения» стало пятнадцатилетней давности «пособничество троцкистскому диверсанту Бухарину». Приговорён к 8 годам заключения в ИТЛ, освобождён в 1954 г. В 1955–1958 гг. зам. директора Государственного издательства художественной литературы, автор ряда литературоведческих работ. С 1960 г. член редколлегии, с 1964 г. зам. главного редактора журнала «Вопросы литературы». Содействовал, после многолетних запретов, публикации произведений ряда писателей – А. С. Грина, Ю. К. Олеши, И. Э. Бабеля, способствовал изданию книг М. А. Булгакова. Награжден орденом «Знак Почёта» (1967).

МАГДЕСИЕВ Николай Никитич (1883–1938) – уроженец г. Ейска Кубанской обл. (ныне в Краснодарском крае). В 1913 г. окончил С.-Петербургский технологический институт. С 1915 г. инженер-конструктор, с 1918 г. начальник конструкторского бюро Обуховского завода (г. Петроград; с 1918 завод «Большевик»). Создатель ряда артиллерийских систем большой и особой мощности. 15 октября 1936 г. арестован как активный участник контрреволюционной диверсионно-вредительской организации на

заводе и руководитель действовавшей в конструкторском бюро вредительской группы. Постановлением ВКВС СССР от 6 мая 1937 г. приговорён к 10 годам лишения свободы. Срок заключения отбывал в Особом техническом бюро («шарашке») на территории следственной тюрьмы «Кресты» (г. Ленинград), 13 июня 1938 г. умер. В 1957 г. реабилитирован.

МАРКС Карл (1818–1883) – немецкий философ-материалист, экономист. Основоположник революционного учения, вошедшего в историю как «марксизм» или «научный коммунизм».

МИЦЬЮН (Мицун) Витольд (Виталий) Августович (1888–1937) – род. в г. Риге, образование высшее. В сер. 1930-х гг. пом. главного инженера судостроительного завода № 190 (им. А. А. Жданова) в г. Ленинграде. 31 октября 1936 г. арестован, обвинён в принадлежности к контрреволюционной диверсионно-вредительской организации. Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 8 мая 1937 г. (г. Ленинград) приговорён к ВМН, 9 мая расстрелян. Сведения о реабилитации не выявлены.

МОЛОТОВ (наст. фам. – Скрыбин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) – род. в слободе Кукарка Яранского у. Вятской губ. (ныне г. Советск Кировской обл.). Из семьи приказчика. В 1911–1913 гг. студент экономического отделения С.-Петербургского политехнического института (оставил учебу ввиду перехода на нелегальное положение). С 1906 г. член РСДРП, большевик. В 1917 г. член Исполкома Петросовета и Петербургского комитета партии. После Октябрьской революции 1917 г. председатель СНХ Северной области, с 1919 г. на советской и партийной работе в Поволжье и на Украине. С апреля 1920 г. канд. в члены, с марта 1921 г. член ЦК и секретарь (до декабря 1930) ЦК партии, одновременно канд. в члены, с января 1926 г. член Политбюро ЦК. В декабре 1930 – мае 1941 г. председатель СНК, одновременно в 1930–1937 гг. председатель СТО СССР. В мае 1939 – марте 1949 г. нарком (министр) иностранных дел. До конца 1940-х гг. ближайший соратник И. В. Сталина, активный участник борьбы с внутрипартийной оппозицией и массовых репрессий против явных и мнимых противников политического курса сталинского руководства. В Великую Отечественную войну зам. председателя ГКО, член Ставки ВГК, куратор развития танковой промышленности. Герой Социалистического Труда (1943). В мае 1941 – июне 1957 г. заместитель и 1-й зам. председателя СНК (СМ) СССР, в марте 1953 – июне 1956 г. вновь министр иностранных дел СССР, с ноября 1956 г. министр госконтроля СССР. В июне 1957 г. участник «антипартийной группы Молотова–Маленкова–Кагановича», выступившей против проводимого Н. С. Хрущёвым политического курса; решением пленума ЦК выведен из Президиума (ранее Политбюро) ЦК и ЦК КПСС. В дальнейшем на дипломатической работе в Монголии (посол СССР) и Австрии. В феврале 1962 г. исключён из КПСС за участие в репрессиях 1930 – нач. 1950-х гг.; в 1984 г. восстановлен в рядах партии.

МОНЗИ де Анатоль (1876–1947) – французский политический деятель, по образованию юрист. Член Палаты депутатов (1909–1919, 1929–1940), сенатор (1920–1929). В 1923–1924 гг. один из инициаторов юридического признания СССР, председатель парламентской комиссии по русским делам. Автор книги «В Россию и обратно (От Кремля до Люксембургского дворца)» (пер. Л.; М., 1925). В 1926–1927 гг. глава французской делегации на переговорах с СССР по урегулированию вопроса о долгах царского правительства и компенсациях французским собственникам национализированных предприятий. С 1925 г. восемнадцать раз входил в состав правительств, в указанный в документе период – министр национального образования.

НАВАШИН Дмитрий Сергеевич (1889–1937) – род. в г. Москве, в семье преподавателя Петровской сельскохозяйственной академии, впоследствии профессора Киевского ун-та и директора Ботанического сада, выдающегося ботаника-морфолога, академика АН УССР и АН СССР С. Г. Навашина. Окончил юридический факультет

Киевского ун-та; доктор права. Занимался адвокатской практикой в Москве, в 1917 г. эмигрировал, жил в ряде стран Европы и в США. После возвращения в 1923 г. из эмиграции работал в Промбанке, с 1925 г. технический советник торгпредства СССР во Франции, пом. директора, директор парижского Коммерческого банка для Северной Европы, учреждённого советским правительством для ведения торговых операций за границей. В кон. 1930 г. покинул пост директора банка, считался «невозвращенцем». Занимался экономической аналитикой, журналистикой. Автор двухтомного труда «Кризис и экономическая Европа» (1932; фр. яз.). С 1920-х гг. имел обширные связи в политических и деловых кругах Франции. 25 января 1937 г. убит во время прогулки в Булонском лесу. Время убийства (через день после начала в Москве судебного процесса по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра») дало основание к появлению, в дальнейшем не подтверждённой, версии о причастности к преступлению «агентов НКВД».

НИКОЛАЕВ Леонид Васильевич (1904–1934) – род. в г. С.-Петербурге, в семье ремесленника-кустаря. Окончил 6 классов городского училища, учился в совпартшколе. С 1920 г. член РКСМ, с 1924 г. член партии. В марте 1934 г. исключён, но вскоре восстановлен в рядах ВКП(б). За 15 лет сменил 13 мест работы, во время недолгого нахождения в должности управляющего делами Выборгского райкома г. Ленинграда, Лужского укома комсомола, а также инструктора-референта Ленинградского обкома партии работал со многими лицами, впоследствии привлечёнными к следствию и осуждёнными по делу об убийстве С. М. Кирова. 1 декабря 1934 г. застрелил Кирова в здании обкома ВКП(б). В закрытом судебном заседании ВКВС СССР от 29 декабря 1934 г. (г. Ленинград) приговорён к ВМН, тем же числом датирован акт о приведении приговора в исполнение. Не реабилитирован.

НИКОЛАЕВА Клавдия Ивановна (1893–1944) – род. в г. Санкт-Петербурге, в семье рабочего. Окончила городское училище, в 1928 г. – 2-годичные курсы марксизма-ленинизма. С 1909 г. член РСДРП, большевичка, подвергалась арестам и ссылке. С 1918 г. на партийной работе в Петроградском губкоме и ЦК ВКП(б). В 1925–1926 гг. примыкала к «новой» («зиновьевской») оппозиции. В 1930–1933 гг. заведующая агитмассовым отделом ЦК, затем 2-й секретарь Западно-Сибирского крайкома, Ивановского обкома ВКП(б). С 1936 г. секретарь ВЦСПС. В 1924–1925 и 1934–1944 гг. член, в 1925–1934 гг. канд. в члены ЦК партии. Во время Великой Отечественной войны занималась организацией курсов подготовки медсестер, эвакуацией детей, реорганизацией профсоюзных санаториев в госпитали. Награждена орденом Ленина (1933). Похоронена в Москве на Красной площади.

ОБЕРТАЛЛЕР Борис Михайлович (1901–1938) – род. в г. Луганске (Екатеринославской губ.), образование среднее. С 1919 г. член партии. С 1921 г. на службе в аппарате Политического управления Петроградского ВО, в 1922–1924 гг. слушатель Ленинградского коммунистического вуза (в 1920–1930 наименование высших партийных учебных заведений). С кон. 1924 г. вновь на военно-политической работе в Ленинградском ВО. С 1929 г. на руководящих должностях в конвойных войсках ОГПУ СССР. В конце 1934 г. после партийной «чистки» уволен в запас в звании полкового комиссара как «неразоружившийся троцкист-двурушник». С февраля 1935 г. руководитель инспекторской бригады строительно-монтажного треста «Сибстройпуть», с июля того же года начальник строительства дорожной ветки Эйхе(ныне – Инская)-Сокур Томской железной дороги. В феврале 1936 г. снят с работы, переведён на должность ст. инспектора при начальнике треста. 20 августа того же года исключён из партии, 19 сентября арестован по обвинению в «создании в воинских частях контрреволюционных групп», этапирован в Москву. Дважды (27.3.1937 и 20.8.1938) включался в «сталинские списки» как подлежащий осуждению ВКВС СССР по 1-й («расстрельной») категории.

25 августа 1938 г. приговорён к ВМН, тем же числом датирован акт о приведении приговора в исполнение. В 1957 г. реабилитирован.

ОСОКИН Игорь Петрович (1903–1937) – род. в г. С.-Петербурге. В сер. 1930-х гг. начальник сборного (сборочного) цеха завода торпедных аппаратов «Двигатель» (№ 181; г. Ленинград). 11 февраля 1937 г. арестован, обвинён в контрреволюционной диверсионно-вредительской деятельности. Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 5 мая того же года (г. Ленинград) приговорён к ВМН, 6 мая расстрелян. Сведения о реабилитации не выявлены.

ПИЧУРИН Фёдор Дмитриевич (1892–1936) – род. в пос. Бисерть Красноуфимского у. Пермской губ. (ныне в Нижне-Сергинском р-не Свердловской обл.). Родился в семье рабочего. Участник Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны. В 1917–1935 гг. член партии, большевик. С февраля 1932 г. директор Северной судостроительной верфи (позднее завод им. Жданова; г. Ленинград). В феврале 1935 г. арестован по обвинению в принадлежности к контрреволюционной зиновьевской организации, 20 июня того же года Особым совещанием при НКВД приговорён к 3 годам заключения в ИТЛ. Отбывал срок в Ухто-Печерском лагере (Коми АССР). В сентябре 1936 г. этапирован в Ленинград, обвинён в создании на заводе им. Жданова боевой террористической группы, участии в убийстве С. М. Кирова и подготовке в 1935 г. теракта против И. В. Сталина и А. А. Жданова. Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 19 декабря 1936 г. приговорён к ВМН, тем же числом датирован акт о приведении приговора в исполнение. В 1958 г. реабилитирован.

ПОЛОНСКИЙ Владимир Иванович (1893–1937) – родился в г. Тобольске в семье ссыльнопоселенца. С 1912 г. член РСДРП, большевик. Участник установления в стране советской власти и Гражданской войны. С 1921 г. на профсоюзной и партийной работе: председатель Нижегородского губернского Совета профсоюзов, отв. секретарь Рогожско-Симоновского райкома партии (г. Москва), 2-й секретарь Московского обкома ВКП(б), отв. секретарь ЦК КП(б) Азербайджана и, одновременно, секретарь Закрайкома партии (1930–1933), зав. организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП(б) (1933). В 1934 г. начальник политуправления НКПС – зам. наркома путей сообщения СССР. В марте 1935 – апреле 1937 г. секретарь ВЦСПС, затем зам. наркома связи СССР. В 1927–1937 гг. кандидат в члены ЦК ВКП(б). 21 июня 1937 г. арестован, обвинён в принадлежности к контрреволюционной террористической организации правых. Постановлением ВКВС СССР от 29 октября того же года приговорён к ВМН, 30 октября расстрелян. В 1956 г. реабилитирован.

ПЯТАКОВ Юрий (Георгий) Леонидович (1890–1937) – род. в пос. Городище, Черкасского у. Киевской губ. (ныне город, адм. центр одноимённого р-на Черкасской обл.; Украина), в семье инженера-технолога, владельца и управляющего Марьинским сахарным заводом. В 1907–1910 гг. студент экономического отделения юридического факультета С.-Петербургского ун-та (исключён за революционную деятельность). В 1905 г. входил в автономную террористическую группу анархистов, с 1910 г. – член РСДРП, меньшевик-партиец, с 1915 г. большевик. Подвергался арестам, ссылке. После побега в октябре 1914 г. эмигрировал, с 1915 г. вместе с В. И. Лениным редактировал жур. «Коммунист». С апреля 1917 г. член, затем председатель Киевского комитета РСДРП, в октябре того же года председатель Киевского ВРК. С ноября пом. главного комиссара, в декабре 1917 – феврале 1918 г. и октябре – ноябре 1918 г. – главный комиссар-управляющий Госбанка (с декабря 1917 – Народный банк). В марте – октябре в добровольной отставке из-за несогласия с подписанием Брест-Литовского мира. В ноябре 1918 г. «командирован» на Украину в качестве председателя Временного рабоче-крестьянского правительства. С 1919 г. на военно-политической работе в Красной армии: член РВС ряда армий, комиссар дивизии, Академии Генерального штаба

РККА. С 1920 г. на хозяйственной работе: возглавлял Центральное управление каменноугольной промышленности Донбасса, Главный концессионный комитет, с марта 1922 г. зам. председателя Госплана РСФСР, в 1923–1927 гг. зам. председателя ВСНХ СССР. С 1923 г. входил в состав ЦК партии. Принимал участие во всех внутривнутрипартийных оппозициях, связанных с именем Троцкого, на XV съезде партии исключён из ЦК и ВКП(б). В 1928 г., после политического «разоружения», восстановлен в партии. В 1927 г. торговый представитель СССР во Франции, с 1928 г. зам. председателя, председатель правления Госбанка СССР. С 1930 г. член президиума, зам. председателя ВСНХ, после его преобразования в 1932 г. заместитель, в 1934–1936 гг. 1-й зам. наркома тяжёлой промышленности СССР. Награждён орденом Ленина (1933). В 1930 г. вновь избран в состав ЦК ВКП(б). 12 сентября 1936 г. арестован, обвинён в руководстве террористической и вредительской деятельностью троцкистскими организациями на территории страны. В открытом судебном заседании ВКВС СССР (23–30 января 1937) по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра» приговорён к ВМН, 1 февраля расстрелян. В 1988 г. реабилитирован.

РАДЕК (наст. фам. – Собельсон) Карл Бернгардович (1885–1939) – род. в г. Лемберг в Австро-Венгрии (ныне г. Львов; Украина) в семье учителя. Окончил Краковский университет, слушал курс лекций в Берлинском и Лейпцигском университетах. С 1902 г. в социалистическом движении, с 1904 г. член Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (с 1906 г. автономная организация РСДРП). Участник международных социалистических конференций в Циммервальде, Кинтале, Стокгольме. С 1917 г. большевик, с апреля того же года в составе Заграничного представительства ЦК РСДРП(б) в Стокгольме. После Октябрьской революции 1917 г. заведующий отделом Центральной Европы в Наркомате по иностранным делам и отделом внешних сношений ВЦИК, член советской делегации на переговорах о мире с Германией в Брест-Литовске. В начале 1918 г. один из лидеров «левых коммунистов», противник заключения мира с Германией. С ноября 1918 г. (затем с октября 1923) на нелегальной работе в Германии с целью активизации революционных выступлений. В 1919 г. секретарь Исполкома Коминтерна (ИККИ). В апреле 1920 – июне 1924 г. член ИККИ и его Президиума (до августа 1921 – Малое бюро ИККИ); с августа 1923 г. до весны 1925 г. член постоянной нелегальной комиссии ИККИ. В 1925–1927 гг. ректор Коммунистического университета трудящихся народов Востока им. Сунь Ятсена, член редакции Большой Советской Энциклопедии. С 1923 г. сторонник взглядов и политики Л. Д. Троцкого. В 1927 г. исключён из ВКП(б) как участник троцкистской оппозиции, в январе 1928 г. приговорён к 3 годам ссылки (Томск). В мае 1929 г., после заявления об «идейном и организационном разрыве с троцкизмом», возвращён в Москву, в январе 1930 г. восстановлен в ВКП(б). В 1930–1936 гг. сотрудничал в ряде центральных партийных изданий, заведовал иностранным отделом газ. «Известия», с 1932 г. возглавлял Бюро международной информации ЦК ВКП(б). В ночь на 17 сентября 1936 г. арестован. 30 января 1937 г. в открытом судебном заседании по делу о «параллельном антисоветском троцкистском центре» приговорён к 10 годам лишения свободы. Отбывал наказание в Верхнеуральской тюрьме НКВД. 19 мая 1939 г. убит в спровоцированной драке. Посмертно реабилитирован.

РАДЕК Роза Маврикиевна (1885–1939) – жена К. Б. Радека. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 28 августа 1937 г. приговорена к 5 годам ссылки за недонесение органам власти о контрреволюционной деятельности мужа. Направлена вместе с дочерью в Астрахань, работала фельдшером в 1-й клинической больнице. Арестована и отправлена в один из ИТЛ в Мордовии.

РАФАЛОВИЧ Георгий Николаевич (1895–?) – род. в г. С.-Петербурге, в семье военного инженера-технолога (с 1910 генерал-майора). Образование высшее. В 1930-х гг.

ст. инженер-конструктор ленинградского завода «Большевик» (бывш. Обуховский завод). 22 сентября 1936 г. арестован, обвинён в преступлениях, предусмотренных тремя статьями УК РСФСР, в т. ч. вредительстве и террористической деятельности. Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 6 мая 1937 г. (г. Ленинград) приговорён к 10 годам лишения свободы. Срок заключения отбывал в Особом техническом бюро (ОТБ) УНКВД по Ленинградской обл. («шарашке») на территории следственной тюрьмы «Кресты», затем в артиллерийском отделении 4 спецотдела НКВД СССР. Постановлением ГКО СССР от 19 июня 1943 г. амнистирован со снятием судимости по представлению Л. П. Берии. В 1946 г. «за разработку конструкции новых образцов морского артиллерийского вооружения» удостоен звания лауреата Сталинской премии. В 1957 г. реабилитирован.

РОЛЛАН Ромен (1866–1944) – французский писатель, общественный деятель. Лауреат Нобелевской премии в области литературы (1915), иностранный почётный член АН СССР (1932). В своих выступлениях, несмотря на факты репрессий в СССР, неизменно поддерживал советское государство, будучи убежден, что русская революция явилась «величайшим социальным усилием, самым мощным и самым плодотворным в современной Европе». В 1935 г. встречался и дважды беседовал с И. В. Сталиным. В 1937 г., в частном письме Сталину, пытался вступить за известных ему репрессированных советских деятелей (Н. И. Бухарин, А. Я. Аросев), но не получил ответа.

РОМАНОВ Николай Георгиевич (1882–1937) – род. в г. С.-Петербурге. После окончания Петербургского технологического института работал на заводе «Арсенал», с июля 1922 г. инженер на предприятиях г. Киева, беспартийный. В апреле 1930 г. отозван в г. Ленинград на должность пом. директора по технической части (технического директора) оборонного предприятия – Механического завода № 7 (бывш. завод «Арсенал»). В сер. 1930-х гг. переведён в той же должности на завод «Большевик» (бывш. Обуховский завод). 10 августа 1936 г. арестован как участник контрреволюционной организации, в ходе «следствия» обвинён в преступлениях, предусмотренных четырьмя статьями УК РСФСР, в т. ч. умышленном нанесении вреда оборонной промышленности и террористической деятельности. Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 4 мая 1937 г. (г. Ленинград) приговорён к ВМН, 5 мая расстрелян. Реабилитирован.

РЫКОВ Алексей Иванович (1881–1938) – род. в слободе Кукарка Яранского у. Вятской губ. (ныне г. Советск Кировской обл.). Из крестьян; сын мелкого торговца. В 1900–1901 гг. учился на юридическом фак-те Казанского ун-та (исключен ввиду ареста). С 1898 г. член объединённой группы социал-демократов и социалистов-революционеров, с 1903 г. большевик (в 1910–1911 гг., будучи членом ЦК, занимал «примиренческую» позицию в отношении меньшевиков-партийцев). Партийную работу вёл в городах Поволжья, в Москве, С.-Петербурге, Одессе; в тюрьмах и ссылках провёл 10 лет. В 1917 г. на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) оппонировал В. И. Ленину в вопросе о готовности российского общества к социалистической революции. После Октябрьской революции 1917 г. нарком внутренних дел в первом составе СНК, 4 ноября оставил пост из-за несогласия с сопротивлением большинства ЦК и СНК созданию «однородного социалистического правительства» (одновременно вышел из состава ЦК партии, однако последнее заявление дезавуировал 29 ноября того же года). С ноября 1917 г. на продовольственной работе в Москве и Московской области, с февраля 1918 г. член коллегии Наркомата продовольствия. В апреле 1918 – мае 1921 г. председатель ВСНХ, в 1919–1920 гг. чрезвычайный уполномоченный СТО по снабжению Красной армии и флота. В мае 1921 – феврале 1924 г. зам. председателя СНК РСФСР (с июля 1923 также СНК СССР), с июля 1923 г. вновь председатель ВСНХ. В апреле 1920 – феврале 1924 г. член Оргбюро ЦК РКП(б), в 1922–1924 гг. член Президиума ЦИК СССР. В феврале 1924 – декабре 1930 г. председатель СНК

СССР (до мая 1929 возглавлял также СНК РСФСР), одновременно в январе 1926 – декабре 1930 г. председатель СТО СССР. В апреле 1922 – декабре 1930 г. член Политбюро ЦК РКП(б)/ВКП(б). В 1923–1927 гг. во многом определял политику в области темпов и пропорций расширенного воспроизводства, во внутрипартийной борьбе второй половины 1920-х гг. поддерживал «сталинскую» концепцию модели социалистического строительства. Отход от регулирования рынка и «новой экономической политики» в целом поначалу воспринимал как временное явление. В 1928–1929 гг. один из лидеров «правого уклона в ВКП(б)». Наличие «уклона», однако, не мешало ему выступать уже в 1929 г. за решительное и последовательное обуздание рыночной стихии и применение – в противоположность рыночным методам – непосредственно плановых методов регулирования. Тем не менее, не вписывался в создаваемую Сталиным «руководящую группу, исторически сложившуюся в борьбе со всеми видами оппортунизма». Снят с государственных постов и выведен из состава Политбюро ЦК. В марте 1931 – сентябре 1936 г. нарком связи (до января 1932 – почт и телеграфов) СССР. После показаний ряда обвиняемых на следствии и в судебном заседании по делу «антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра» о состоявшемся якобы блокировании с «правыми» отстранён на время «следствия» от работы. 27 февраля 1937 г. арестован, обвинён в сохранении центра контрреволюционной организации правых, блокировании с троцкистами и зиновьевцами и прямом руководстве террористической деятельностью правых «боевиков». В открытом судебном заседании ВКВС СССР (2–13.3.1938) по делу «антисоветского правотроцкистского блока» приговорён к ВМН, 15 марта расстрелян. В 1988 г. реабилитирован.

САРКИСОВ (наст. фам. Даниэлян) Саркис Артёмович (1898–1937) – род. в г. Шуша, Нагорный Карабах, в семье священника. Окончил Шушинскую армянскую духовную семинарию, учился в Армянской духовной академии (не окончил). С 1917 г. член партии. Активно участвуя во внутрипартийной борьбе, имел многолетнее «оппозиционное прошлое»: в феврале 1921 г., будучи секретарём Бакинского комитета партии, возглавлял сторонников Л. Д. Троцкого в дискуссии о профсоюзах, в 1923–1924 гг., работая в Петрограде (Ленинграде), поддерживал Г. Е. Зиновьева и И. В. Сталина в борьбе с Троцким, с возникновением в 1925 г. «новой» («ленинградской») оппозиции выступил на стороне её руководства против правящего в партии «правого большинства» (к которому принадлежал тогда не только Н. И. Бухарин, но и Сталин), проводившего «оппортунистический», по их мнению, курс на «врастание нэпа в социализм», с 1926 г., работая в Северо-Кавказском краевом комитете партии, примыкал к «объединённой» («троцкистско-зиновьевской») оппозиции. В октябре 1927 г. за оппозиционную деятельность (распространение литературы и созыв нелегального собрания в Баку) исключён из партии, выслан в Минусинск; в мае следующего года заявил о своём «полном политическом разоружении». После восстановления в ВКП(б) работал в облпотребсоюзе (г. Воронеж), с начала 1930 г. зам. председателя Хлебоцентра. С сентября 1932 г. секретарь Донецкого обкома партии по снабжению, с сентября 1933 г. 1-й секретарь Донецкого обкома КП(б) Украины. В феврале 1934 – июле 1937 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б). 24 мая 1937 г. снят с должности, назначен начальником комбината «Донецкуголь». 7 июля 1937 г. арестован, обвинён в принадлежности к Донецкому центру «антисоветской право-троцкистской организации на Украине», «подготавливающей террористические акты против руководителей партии и правительства». Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 2 сентября 1937 г. (г. Киев) приговорён к ВМН; тем же числом датирован акт о приведении приговора в исполнение. В 1957 г. реабилитирован.

СЕДОВ Лев Львович (1906–1938) – старший сын Л. Д. Троцкого от второго брака. С 1919 г. состоял в РКСМ, с сер. 1920-х гг., будучи студентом МВТУ, примыкал к ле-

вой оппозиции. После высылки Троцкого в Алма-Ату, затем из страны последовал за родителями. С 1929 г. активный участник троцкистского движения, доверенное лицо Троцкого и редактор-издатель «Бюллетеня оппозиции». 16 февраля 1938 г. скончался в Париже, в небольшой частной клинике, принадлежавшей русским эмигрантам, спустя несколько дней после операции по поводу аппендицита.

СЕМИГЛАЗОВ Петр Сергеевич (1892–1937) – род. на х. Поцелуев Донецкого окр. Области Войска Донского (ныне в Белокалитвенском р-не Ростовской обл.). В сер. 1930-х гг. горный десятник шахты № 4 Богуряево-Горняцкого рудоуправления треста «Шахтантрацит» (Азово-Черноморский край), беспартийный. 2 ноября 1936 г. арестован как участник контрреволюционной организации. В ходе следствия обвинён в преступлениях, предусмотренных четырьмя статьями УК РСФСР, в т. ч. вредительстве и террористической деятельности. Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 12 марта 1937 г. (г. Ростов-на-Дону) приговорён к ВМН, 13 марта расстрелян. В 1959 г. реабилитирован.

СЛАВИНСКИЙ Ювеналий Митрофанович (1887–1937) – род. в г. Симферополе, в семье земского деятеля. Из дворян. Учился на юридическом фак-те Московского ун-та, параллельно получал музыкальное образование (ученик С. И. Танеева). Пианист, дирижёр частного оперного театра С. И. Зимина. С 1917 г. общественный и профсоюзный деятель. С 1919 г. один из организаторов и первый председатель профсоюза работников искусств (Всерабис), член Моссовета, в 1932–1934 гг. председатель правления Всесоюзного кооперативного союза работников изобразительных искусств (Всекохудожник). 19 сентября 1936 г. арестован, обвинён в руководстве террористической группой, готовившей убийство И. В. Сталина. Постановлением ВКВС СССР от 16 июня 1937 г. приговорён к ВМН, 17 июня расстрелян. В 1956 г. реабилитирован.

СМИРНОВ Валентин Сергеевич (1907–1937) – род. в г. С.-Петербурге, в 1930–1936 гг. член ВКП(б). С сер. 1930-х гг. инженер, пом. начальника сборноустановочного цеха судостроительного завода № 190 (им. А. А. Жданова) в Ленинграде. 18 ноября 1936 г. арестован, обвинён в диверсионно-вредительской деятельности на заводе. Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 8 мая 1937 г. (г. Ленинград) приговорён к ВМН, 9 мая расстрелян. Сведения о реабилитации не выявлены.

СОКОЛЬНИКОВ (наст. фам. Бриллиант) Григорий Яковлевич (1888–1939) – род. в г. Ромны Полтавской губ. (ныне в Сумской обл.; Украина) в семье врача. Окончил юридический фак-т Парижского ун-та (1914) и докторантуру экономических наук. С 1905 социал-демократ, большевик. Революционную деятельность начинал вместе с Н. И. Бухариным организацией созданного ими общегородского союза учащихся, связанного с московским комитетом РСДРП. В феврале 1909 г. сослан в Сибирь на вечное поселение, бежал за границу. В апреле 1917 г. вернулся в Россию через Германию вместе с В. И. Лениным, работал в Москве, Петрограде. В августе 1917 – марте 1919 г. член ЦК РСДРП(б)/РКП(б). В декабре 1917 г. член российской делегации на мирных переговорах в Брест-Литовске, в марте 1918 г. глава делегации, подписавшей Брест-Литовский мирный договор. Участник Гражданской войны: член РВС ряда армий и Южного фронта, командующий 8-й армией и Туркестанским фронтом. С ноября 1921 г. в Наркомате финансов РСФСР: член коллегии, зам. наркома, в 1922–1923 гг. нарком; в июле 1923 – январе 1926 г. нарком финансов СССР. С его именем связано проведение первой денежной реформы в СССР 1922–1924 гг.; результатом стало создание полноценной, устойчивой конвертируемой «внутренней валюты» – червонца. С 1922 г. вновь член ЦК партии, в июле 1930 – июле 1936 г. кандидат в члены ЦК. В июне 1924 – декабре 1925 г. кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б). Соавтор «Секретной докладной записки...» в ЦК от 1 октября 1925 г. («платформы 4-х»; Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева, Сокольников, Н. К. Крупской) с изложением взглядов «новой» («ленинградской») оппозиции. После её разгрома на XIV съезде партии

утратил место в составе Политбюро, назначен зам. председателя Госплана СССР. В 1926–1927 гг. участник «объединённой» (троцкистско-зиновьевской) оппозиции (однако, по отзыву Л. Д. Троцкого, «по важнейшим экономическим вопросам он сочувствовал скорее правому крылу партии, чем левому»). В 1928–1929 гг. председатель Нефтесиндиката СССР. В 1929–1932 гг. полпред СССР в Великобритании. С марта 1933 г. член коллегии, в мае 1933 – мае 1934 г. зам. наркома иностранных дел СССР. В мае 1935 – июле 1936 г. 1-й зам. наркома лесной промышленности СССР. 26 июля 1936 г. арестован, обвинён в создании и руководстве «параллельным антисоветским троцкистским центром». В открытом судебном заседании ВКВС СССР (23–30.1.1937) по вышеуказанному делу приговорён к 10 годам лишения свободы. 21 мая 1939 г. убит в Тобольской тюрьме в спровоцированной драке. В 1988 г. реабилитирован.

СОСНОВСКИЙ Лев Семёнович (1886–1937) – род. в г. Оренбурге в семье отставного еврея-кантониста, владельца переплётной мастерской. Учился в гимназии (не окончил). С 1904 г. член РСДРП, большевик. Партийную работу вёл в Самаре, Ташкенте, Баку, Челябинске, Москве, Петербурге, Екатеринбурге. Принимал участие в создании и работе ряда партийных и профсоюзных газет и журналов. После Февральской революции 1917 г. на партийной и профсоюзной работе в Екатеринбурге. С декабря 1917 г. работал в Петрограде, затем в Москве. В 1918–1924 гг. один из создателей и первый редактор массовой крестьянской газеты «Беднота» (в 1919–1920 секретарь Харьковского губкома КП(б)У, в 1921 зав. агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП(б)), в 1924–1927 гг. отв. сотрудник газ. «Правда». В 1920–1927 гг. принимал участие во всех внутрипартийных оппозициях, связанных с именем Троцкого, на XV съезде партии исключён из партии, выслан в Барнаул, с апреля 1929 г. содержался в Челябинском, затем Томском политизоляторе. В 1934 г. заявил о политическом «разоружении», освобождён, вошёл в редколлегия газ. «Социалистическое земледелие» (быв. «Беднота»), сотрудничал в газ. «Известия». Вновь стал одним из популярных авторов статей и фельетонов. В 1935 г. восстановлен в партии. 23 октября 1936 г. арестован, обвинён во вредительстве и участии в антисоветской троцкистской террористической организации. Постановлением ВКВС СССР от 3 июля 1937 г. приговорён к ВМН, тем же числом датирован акт о приведении приговора в исполнение. В 1989 г. реабилитирован.

СТАЛИН (наст. фам. – Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953) – из крестьян, сын сапожника. Окончил духовное училище (г. Гори, 1894), затем 3 курса Тифлисской духовной семинарии (в 1899 исключён за революционную деятельность). С 1898 г. в социал-демократическом движении, с 1903 г. большевик. После Октябрьской революции 1917 г. нарком по делам национальностей (ноябрь 1917 – июль 1923). Одновременно в марте 1919 – феврале 1920 г. нарком государственного контроля, в феврале 1920 – апреле 1922 г. нарком рабоче-крестьянской инспекции РСФСР. Участник Гражданской войны: член РВС Республики (октябрь 1918 – июль 1919, май 1920 – апрель 1922) и член РВС ряда фронтов. В октябре 1917 г. и с марта 1919 г. член Политбюро (Президиума) ЦК, одновременно в марте 1919 – октябре 1952 г. член Оргбюро ЦК партии. С апреля 1922 г. секретарь (в 1922–1934 генеральный секретарь) ЦК партии. Первым из политиков крупного масштаба озвучил идею построения социализма в одной стране (1924). Во внутрипартийной борьбе за выбор модели социалистического развития, определение темпов и пропорций расширенного воспроизводства прибегал к прямому уничтожению оппонентов. В мае 1941 – марте 1953 г. председатель СНК (СМ) СССР. В Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. председатель ГКО, Верховный главнокомандующий Вооружёнными силами СССР, в июле 1941 – феврале 1946 г. нарком обороны СССР. Маршал Советского Союза (1943). Генералиссимус Советского Союза (1945). В феврале 1946 – марте 1947 г. нарком (министр) вооружённых сил СССР. Герой Социалистического Труда (1939). Герой Советского Союза (1945). Почётный член АН СССР (1939).

СТАНКИН Исаак Захарович (1895–1937) – род. в г. Гадяч Харьковской губ. (ныне в Полтавской обл.; Украина). Образование начальное, член ВКП(б). С сер. 1920-х гг. сотрудник секретариата председателя ВЦСПС М. П. Томского, после его отставки – руководитель группы кадров главного управления торфяной промышленности НКТП. 20 сентября 1936 г. арестован, обвинён в подготовке к совершению террористического акта в отношении И. В. Сталина. Постановлением ВКВС СССР от 28 мая 1937 г. приговорён к ВМН, 29 мая расстрелян. В 1956 г. реабилитирован.

СТОЛПОВСКИЙ Серафим Александрович (1905–1937) – род. в с. Малаховка Московской губ. (ныне одноименный пгт Люберецкого р-на Московской обл.). Образование среднее, член ВКП(б). В сер. 1930-х гг. директор московского треста «Кафе». 29 октября 1936 г. арестован, обвинён в организации и руководстве троцкистской террористической группой работников общественного питания, а также в подготовке террористического акта – отравления руководящих деятелей партии и государства. Постановлением ВКВС СССР от 7 марта 1937 г. приговорён к ВМН, 8 марта расстрелян. В 1956 г. реабилитирован.

ТАММ Леонид Евгеньевич (1901–1937) – род. в г. Елисаветград одноимённой губ. (до 2016 – Кировоград, ныне г. Кропивницкий; Украина) в семье инженера-строителя (брат Игорь Евгеньевич Тамм – физик, один из создателей водородной бомбы, академик, лауреат Нобелевской премии). Образование высшее. Работал в Физико-химическом институте им. Л. Я. Карпова. С сентября 1932 г. технический директор Горловского азотно-тукового завода (в декабре 1933 награждён орденом Ленина). В 1934 г. награждён наркомом тяжёлой промышленности Г. К. Орджоникидзе легковым автомобилем за действия, способствовавшие ограничению ущерба от взрыва в азотном цехе. С февраля 1936 г. работал в Государственном институте азота (г. Москва). 28 октября 1936 г. арестован, обвинён в руководстве диверсионно-вредительской организацией на Горловском заводе. В январе 1937 г. выступал свидетелем обвинения на судебном процессе по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра». Постановлением ВКВС СССР от 27 мая 1937 г. приговорён к ВМН, 28 мая расстрелян. В 1957 г. реабилитирован.

ТАРДЬЁ Андре (1874–1945) – французский политический деятель. На рубеже 1920–1930-х гг. трижды занимал пост президента Совета – главы Кабинета министров, в феврале – июле 1932 г. министр иностранных дел страны. В 1933 г. выступил с программой «оздоровления» государственной системы, сводившейся к созданию легальных форм для установления «сильной власти» по примеру фашистской Италии. Положения программы обобщил в вышедшей в 1934 г. книге «Час решения». В 1936 г. отошёл вследствие болезни от активной политической деятельности.

ТОМСКИЙ (наст. фам. – Ефремов) Михаил Павлович (1880–1936) – род. в посаде Колпино Царскосельского у. С.-Петербургской губ. (ныне город в составе одноимённого района г. С.-Петербурга). Из мещан, сын рабочего. Окончил 3-классное начальное городское училище. С 13 лет на производстве, хромофотограф. С 1904 г. член РСДРП, большевик. Неоднократно арестовывался, ссылался (фам. Томский ведёт отсчёт от времени нелегальной работы в г. Томске после побега из первой ссылки). В 1911 г. приговорён к 5 годам каторжных работ (отбывал в московской Бутырской тюрьме; с весны 1916 г. на поселении в Иркутской губ.). С апреля 1917 г. в Петрограде: член ИК Петроградского комитета партии, член ВЦИК 1-го созыва; с конца июля на партийной и профсоюзной работе в Москве. После Октябрьской революции 1917 г. член исполкома, затем председатель президиума Московского совета профсоюзов. В октябре 1918 – мае 1929 г. председатель Президиума Исполкома ВЦСПС (в 1921 г. отстранялся от руководства профсоюзами за нарушение партийной директивы, назначен председателем Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана). Одновременно в 1920–1925 гг. кандидат, затем член Оргбюро ЦК, в апреле 1922 – июле 1930 г. член

Политбюро ЦК РКП(б)/ВКП(б). В 1928–1929 гг. один из лидеров «правого уклона в ВКП(б)». Решением Политбюро от 19 августа 1929 г. назначен начальником Всесоюзного объединения химической промышленности, с 30 ноября того же года – зам. председателя ВСНХ СССР, после длительной болезни – заведующим Объединением государственных книжно-журнальных издательств (ОГИЗ). В 1934 г. переведён из членов в кандидаты в члены ЦК ВКП(б). После показаний ряда обвиняемых на следствии и в судебном заседании по делу «антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра» о состоявшемся якобы вхождении его в центр и участии в террористической деятельности покончил жизнь самоубийством. По официальной версии ушёл из жизни, «запутавшись в своих связях с контрреволюционными троцкистско-зиновьевскими террористами».

ТРОЦКИЙ (наст. фам. Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) – род. в имении Яновка Елисаветградского у. Херсонской губ., в семье земельного арендатора (впоследствии – землевладельца). Окончил Николаевское реальное училище. С 1896 г. участник революционного движения, с 1897 г. – социал-демократ, один из руководителей «Южно-русского рабочего союза». В 1898 г. арестован, сослан в Иркутскую губ. В августе 1902 г. бежал и эмигрировал за границу. «Искровец», после раскола РСДРП на II съезде партии (1903) один из лидеров меньшевиков. В начале революции 1905–1907 гг. нелегально вернулся в Россию, в октябре – декабре 1905 г. тов. председателя, председатель Петербургского совета рабочих депутатов, редактор его органа – газ. «Известия». Арестован и приговорён к вечному поселению в Сибири, в 1907 г. бежал за границу. В эмиграции позиционировал себя как «нефракционного социал-демократа», выступал за преодоление фракционного раскола между большевиками и меньшевиками, в 1908–1912 гг. издавал газ. «Правда» (в 1912 начала выходить другая, «ленинская» «Правда»). После начала Первой мировой войны 1914–1918 гг. занял интернационалистскую позицию в социал-демократии, что привело к высылке из Франции и отказу принять его в ряде других воюющих стран Антанты. В декабре 1916 г. выехал в США, сотрудничал в русскоязычной социал-демократической газете «Новый мир». С мая 1917 г. находился в Петрограде, возглавил ориентированную на большевиков «Межрайонную организацию объединённых социал-демократов», выступал за переход власти к Советам и объединение с большевиками. На VI съезде РСДРП(б), находясь в тюрьме (арестован 23 июля), принят в составе «межрайонцев» в большевистскую партию. В кон. сентября 1917 г. избран председателем Исполкома Петросовета. Один из главных (вместе с В. И. Лениным) организаторов вооружённого восстания в октябре 1917 г. С конца октября нарком по иностранным делам, в декабре 1917 – феврале 1918 г. руководитель российской делегации на мирных переговорах в г. Брест-Литовске. В марте 1918 – январе 1925 г. нарком по военным делам (до июля 1923 одновременно нарком по морским делам) и председатель Высшего военного совета (затем РВСР) РСФСР/СССР. Внёс большой вклад в создание Красной армии и её победу в Гражданской войне. Одновременно в 1920–1921 гг. нарком путей сообщения. С осени 1923 г. идеолог левой (троцкистской) оппозиции. В январе 1925 г. освобождён от должности наркомвоенмора и председателя РВСР, в октябре 1926 г. выведен из состава Политбюро РКП(б), в октябре 1927 г. – из ЦК ВКП(б). В ноябре 1927 г. исключён из партии, в январе следующего года выслан в Алма-Ату, в феврале 1929 г. – в Турцию (в 1932 г. лишён советского гражданства). В 1933 г. получил временное убежище во Франции, в 1935 г. – в Норвегии, в декабре того же года под давлением властей СССР выслан в единственную страну, согласившуюся его принять, – Мексику. Вёл активную политическую и литературно-публицистическую деятельность, направленную против сталинского руководства в СССР. Автор многих работ по истории революционного движения в России и др. вопросам. Инициатор создания и главный теоретик 4-го Ин-

тернационала (1938). 20 августа 1940 г. смертельно ранен в Мехико агентом НКВД испанцем Р. Меркадером, скончался на следующий день.

ТУМАНОВ Николай Гаврилович (1887–1936) – род. в г. Острове Псковской губ. (ныне адм. центр одноимённого р-на Псковской обл.) в семье секретаря городской управы. Окончил 4-классное городское училище (1900) и общеобразовательные курсы Чернышёва (г. С.-Петербург). В 1901–1917 гг. работал в частных фирмах и банковских учреждениях Острова и С.-Петербурга, с 1912 г. пом. заведующего отделением Банка внешней торговли. С августа 1917 г. член РСДРП(б). После Октябрьской революции на руководящей работе в банковской сфере: в 1924–1926 гг. и. о. председателя правления Госбанка и зам. наркома финансов СССР; снят с постов за участие в «новой» («ленинградской») оппозиции. С января 1926 г. в Госплане СССР: председатель элеваторного комитета, с июня – член президиума. В 1927 г. участник «объединённой» («троцкистско-зиновьевской») оппозиции. В 1928–1930 гг. зам. торгпреда, торгпред СССР во Франции. В 1931–1932 гг. член президиума ВСНХ, с мая 1932 г. член коллегии Наркомфина СССР, председатель правления Промбанка СССР (после слияния последнего с Электробанком – управляющий Банком долгосрочного кредитования промышленности и электрохозяйства). 4 августа 1936 г. арестован, обвинён в причастности к созданию зарубежного денежного фонда «троцкистско-зиновьевской террористической организации». Постановлением ВКВС СССР от 3 сентября 1936 г. приговорён к ВМН, 4 сентября расстрелян. В 1964 г. реабилитирован.

ТУРОК Иосиф Дмитриевич (1900–1937) – род. в с. Приселье Рославльского у. Смоленской губ. (ныне деревня в Рославльском р-не Смоленской обл.). С 1917 г. в Красной гвардии, затем в Красной армии, доброволец. С 1918 г. член РКП(б)/ВКП(б). В 1920–1936 гг. работал на железнодорожном транспорте: с 1931 г. начальник Нижнетагильского эксплуатационного района Пермской железной дороги, с 1934 г. зам. начальника службы движения той же дороги (с 1936 – им. Л. М. Кагановича). 15 ноября 1936 г. арестован, обвинён в активной диверсионной, вредительской работе, выполняемой «по заданиям троцкистской организации и японской разведки». В открытом судебном заседании ВКВС СССР (23–30.1.1937) по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра» приговорён к ВМН, 1 февраля расстрелян. В 1963 г. реабилитирован.

УГЛАНОВ Николай Александрович (1886–1937) – род. в с. Феодоритское Рыбинского у. Ярославской губ. (затоплено при возведении Рыбинского водохранилища). Из крестьянской семьи, окончил сельскую школу. С 1907 г. член РСДРП, большевик. Подвергался арестам и ссылке. После Октябрьской революции 1917 г. на профсоюзной и военно-политической работе. С февраля 1921 г. секретарь Петроградского, в феврале 1922 – сентябре 1924 г. – Нижегородского губкомов РКП(б). В августе 1924 – апреле 1929 г. секретарь ЦК, одновременно с сентября 1924 г. отв. секретарь Московского комитета партии. В 1920-х гг. активно участвовал в разгроме всех форм левой оппозиции – троцкистской, «новой» («ленинградской») и «объединённой» («троцкистско-зиновьевской»). В январе 1926 – апреле 1929 г. кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). В ноябре 1928 г. за активно проявляемый «правый уклон» в ВКП(б) отстранён от партийной работы в Москве, до августа 1930 г. занимал пост наркома труда СССР. В кон. 1929 г. заявил об отходе от оппозиции и разрыве отношений с её лидерами. В 1930–1932 гг. председатель Астраханского госрыбтреста. С марта 1932 г. начальник сектора НКТП СССР. В условиях очередного нарушения «равновесия в обществе» пошёл на сближение с представителями бывшей «бухаринской школы» (прежде всего А. Н. Слепковым), считавших возникшие в стране трудности доказательством правильности взглядов «правых уклонистов» на принципы и способы построения нового общества, и искавших пути их реализации. В октябре того же года был обвинён в сокрытии от ЦК и ЦКК ВКП(б) факта знакомства и распространения документов «белогвардейской, контрреволюционной группы Рютиня – Слепкова»; исключён из

партии. С января 1933 г. рабочий одного из золотых приисков в Западно-Сибирском крае, в феврале арестован по открывшемуся делу «антипартийной контрреволюционной группы правых Слепкова и других («бухаринской школы»)». В апреле того же года освобождён из-под стражи с прекращением дела, назначен управляющим «Обьрыбтрестом» (г. Тобольск). 23 августа 1936 г. в связи с показаниями ряда подсудимых по делу «антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра» о связях этой организации с руководством бывшей правой оппозиции вновь исключён из партии и арестован. Постановлением ВКВС СССР от 31 мая 1937 г. приговорён к ВМН, тем же числом датирован акт о приведении приговора в исполнение. В 1989 г. реабилитирован.

УЛАНОВ Николай Максимович (1900–1937) – род. в д. Мантурово Кологривского у. Костромской губ. (ныне город, адм. центр одноимённого р-на Костромской обл.). Образование высшее, окончил Донецкий горный институт. Член ВКП(б). С нач. 1930-х гг. руководитель строительного комитета, затем директор Горловского азотнотукового завода, 27 декабря 1933 г. «за особые заслуги в деле руководства монтажом и успешным пуском комбината в эксплуатацию» награждён орденом Трудового Красного Знамени. После серии аварий на заводе понижен в должности, последнее место работы – директор Криворожской коксохимической установки. 4 февраля 1936 г. арестован, обвинён в принадлежности к троцкистской контрреволюционной организации. Постановлением ВКВС СССР от 10 июля 1937 г. приговорён к ВМН. В 1989 г. реабилитирован.

УНШЛИХТ Иосиф (Юзеф) Станиславович (1879–1938) – род. в г. Млава Плоцкой губ. (ныне в Польше) в семье железнодорожного экспедитора. Окончил высшие технические курсы (г. Варшава; электротехник). С 1900 г. чл. СДКПиЛ (в 1906 вошла в РСДРП; большевик). После Октябрьской революции 1917 г. работал в структурах НКВД и РВСР: курировал работу армейских особых отделов и военной разведки. С апреля 1921 г. зам. председателя ВЧК (с 1922 – ГПУ). С августа 1923 г. член РВС СССР, в феврале 1925 – июне 1930 г. зам. председателя РВС и наркома по военным и морским делам СССР. С 1930 г. на работе в ВСНХ, Госплане СССР (зам. председателя). В 1933–1935 гг. начальник Главного управления гражданского воздушного флота, с февраля 1935 г. секретарь Союзного Совета ЦИК СССР. С 1925 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б). 11 июня 1937 г. арестован, обвинён в принадлежности к «диверсионно-шпионской сети польской разведки в СССР («Польской организации войсковой»)». Постановлением ВКВС СССР от 28 июля 1938 г. приговорён к ВМН, 29 июля расстрелян. В 1956 г. реабилитирован.

ФИН Яков Исаакович (1891–1937) – род. в г. Дисна Виленской губ. (ныне в Могилёвской обл.; Беларусь) в семье приказчика. Образование среднее. С 1905 г. в революционном движении, с 1917 г. член партии большевиков. В 1921–1928 гг. на ответственной работе в печатных изданиях и профсоюзных органах в Москве. В 1928–1929 гг. председатель Татарского областного Совета профсоюзов, смещён с должности как «правый уклонист» после отставки председателя ВЦСПС Томского. В 1929–1930 гг. на руководящей работе в Всехимпроме, затем в должности секретаря редакции газ. «Известия». В августе 1936 г. уволен в числе сотрудников, «не внушающих доверия, с сомнительным прошлым и опороченных»; направлен на Березниковский химкомбинат (вероятно, в ред. газеты). 8 октября 1937 г. арестован, обвинён в принадлежности к правотроцкистской контрреволюционной террористической организации. Постановлением ВКВС СССР от 26 октября того же года приговорён к ВМН, тем же числом датирован акт о приведении приговора в исполнение. В 1956 г. реабилитирован.

ФРИЦ Давид (Круглянский Илья-Давид Израилевич) (1897–1936) – род. в г. Новозыбкове Черниговской губ. (ныне в Брянской обл. РФ). Образование неполное высшее. В 1916–1920 гг. член СЕРП (с 1917 – Объединённая еврейская социалистическая

рабочая партия), трижды арестовывался органами ВЧК за активную «меньшевистскую» деятельность. В 1921 г. в составе партии вошёл в ряды РКП(б). В 1926 г. решением ИККИ направлен в Германию для нелегальной партийной работы, с того же года член КПГ, один из редакторов центрального органа германской компартии «Роте Фане» (нем. Die Rote Fahne – «Красное Знамя»). В связи с запретом газеты (при правительстве Ф. фон Папена; кон. 1932) принят в секретариат председателя ЦК КПГ Э. Тельмана. После поджога Рейхстага (27.2.1933) и запрета компартии по рекомендации консульства СССР в марте 1933 г. покинул Германию. С мая того же года сотрудничал в аппарате ИККИ, работал консультантом газеты «Правда». 20 июля 1936 г. арестован. Обвинён в принадлежности к контрреволюционной террористической организации и подготовке, по заданию Троцкого, убийства Сталина. В открытом судебном заседании ВКВС СССР (19–24.8.1936) по делу «антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра» приговорён к ВМН, 25 августа расстрелян. В 1988 г. реабилитирован.

ФУРЕР Вениамин Яковлевич (1904–1936) – род. в м. Славута (ныне одноимённый город в Хмельницкой обл.; Украина), отец – частный поверенный. В 1920 г. окончил коммерческое училище, поступил в Киевский институт народного хозяйства. С 1920 г. член КСМ Украины, с 1922 г. – КП(б)У. С 1922 г. на партийно-пропагандистской работе, редактор органа Киевского губкома газ. «Радянське село», в 1925–1927 гг. заведующий газетным подотделом агитационно-пропагандистского отдела ЦК КП(б)У. В 1928–1930 гг. на нелегальной работе в среде украинской эмиграции (Польша). С 1931 г. на работе в Донецкой области: заведующий организационным отделом, с июля 1933 г. отв. секретарь Горловского горкома КП(б)У. В феврале 1935 г. переведён в Москву, назначен заведующим культурно-просветительным отделом МК ВКП(б). 16 сентября 1936 г., после показаний о нём ряда арестованных по делу «украинского троцкистского центра», покончил жизнь самоубийством.

ХАЛЕЗОВ Сергей Васильевич (1904–1937) – род. в с. Родники Юрьевецкого у. Костромской губ. (ныне город, адм. центр одноимённого р-на Ивановской обл.) Образование высшее. В сер. 1930-х гг. инженер, пом. главного инженера Горловского азотно-тукового комбината. С кон. 1935 г. (нач. 1936) работал на строящемся Кемеровском азотно-туковом заводе. 5 ноября 1936 г. арестован, обвинён в контрреволюционной диверсионно-вредительской деятельности. Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 10 июля 1937 г. (г. Харьков) приговорён к ВМН, тем же числом датирован акт о приведении приговора в исполнение. В 1957 г. реабилитирован.

ХАНБУДАГОВ Эюб Ширин оглы (1893–1937) – род. в г. Елисаветполе одноимённой губ. (ныне г. Гяджа; Азербайджан) в бекаской семье. Окончил Бакинское мореходное уч-ще, ходил на пассажирских судах. С 1918 г. член РКП(б). В октябре 1920 – феврале 1921 г. председатель Азербайджанской ЧК, затем 2-й, в марте 1922 – мае 1924 г. 1-й секретарь ЦК АКП(б). С весны 1926 г., после окончания учебно-просветительской секции Коммунистической академии (г. Москва), работал в Заккрайкоме ВКП(б), затем зам. наркома лёгкой промышленности и наркома внутренней торговли ЗСФСР. После упразднения ЗСФСР (5.12.1936) назначен первым зам. председателя «Азеритифага». 19 декабря того же года арестован, обвинён в национализме и троцкизме, 23 июля 1937 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорён к 5 годам лишения свободы. Вновь привлечён к суду через несколько месяцев в связи с «выявившимся» его участием в «повстанческой, террористической и диверсионно-вредительской организации в Азербайджане». Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 12 октября 1937 г. приговорён к ВМН. В 1957 г. реабилитирован.

ЧЕРНЫХ Василий Антонович (1892–1937) – род. в с. Оберец Ливенского у. Орловской губ. (ныне в Измалковском р-не Липецкой обл.). Проживал в колонизационном поселке при шахте № 4 Богуряево-Горняцкого рудоуправления треста «Шахтантра-

цит» (Азово-Черноморский край). В 1931 г. исключён из рядов партии, в которой состоял с 1917 г. После ареста осенью 1936 г. заведующего шахтой временно исполнял его должностные обязанности. 2 ноября того же года арестован как участник контрреволюционной организации. В ходе следствия обвинён в преступлениях, предусмотренных четырьмя статьями УК РСФСР, в т. ч. вредительстве и террористической деятельности. Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 12 марта 1937 г. (г. Ростов-на-Дону) приговорён к ВМН, 13 марта расстрелян. В 1959 г. реабилитирован.

ЧЛЕНОВ Семён Борисович (1890–1937) – род. в г. Москве. В гимназические годы входил, наряду с Н. Бухариным, Г. Бриллиантом (Сокольниковым) и И. Эренбургом, в комитет с.-д. организации учащихся Москвы. Окончил юридический фак-т Московского ун-та. С 1917 г. сотрудник бюро совещательной коллегии Комиссии по обеспечению нового строя при исполнении московских общественных организаций. В 1919 г. по данным Комиссии издал книгу «Московская охранка и её секретные сотрудники» (с приложением списка выявленных). В 1921–1923 гг. преподавал на фак-те общественных наук Московского ун-та и, до 1925 г., в ИКП. В 1925–1934 гг. сотрудник торгпредства и полпредства СССР во Франции, участник переговоров советских делегаций с французской стороной, в ряде судебных дел обеспечивал юридическую защиту интересов СССР. С 1934 г. гл. консультант по правовым вопросам при наркоме внешней торговли. 3 августа 1936 г. арестован, обвинён в причастности к созданию зарубежного денежного фонда «троцкистско-зиновьевской террористической организации», привлечён к суду по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра». Накануне судебного заседания личным распоряжением Сталина выведен из числа участников процесса. Постановлением ВКВС СССР от 2 июня 1937 г. приговорён к ВМН, 3 июня расстрелян. В 1991 г. реабилитирован.

ШАЕВ Семён Яковлевич (1894–1937) – род. в г. Киеве. Образование начальное, член ВКП(б). Во внутрипартийной дискуссии 1923 г. был активным сторонником платформы Л. Д. Троцкого. В сер. 1930-х гг. заведующий отделом угольной промышленности Донецкого обкома КП(б)У. В августе 1936 г. снят с работы по обвинению в скрытом троцкизме, исключён из партии. 20 сентября того же года арестован как один из руководителей «Донецкого контрреволюционного центра». Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 26 марта 1937 г. (г. Донецк) приговорён к ВМН, тем же числом датирован акт о приведении приговора в исполнение. В 1957 г. реабилитирован.

ШАТСКИЙ Николай Николаевич (1899–1934) – род. в Тульской губ. Входил в группу анархистов, с начала 1920-х гг. на комсомольской работе в Петрограде. В 1923–1927 гг. член РКП(б)/ВКП(б), исключён из партии как «неразоружившийся» троцкист. С 1926 г. токарь, пом. механика завода им. Ильича, инженер завода «Прогресс», с 1934 г. – Ленинградского электротехнического института. 5 декабря 1934 г. арестован, обвинён в непосредственном участии в подготовке убийства С. М. Кирова. В ходе предварительного следствия и закрытого судебного заседания выездной сессии ВКВС СССР (г. Ленинград; 28–29.12.1934) был единственным из 14 подсудимых (и подследственных), не признавшим своей вины ни в одном из предъявленных обвинений. Расстрелян 29 декабря в день вынесения приговора; в 1990 г. реабилитирован.

ШЕРМЕРГОРН (наст. фам. *Схермерхорн*) **Дирк Тимофеевич** (1900–1938) – урож. Нидерландов, с сер. 1920-х гг. подданный СССР. Образование высшее техническое: инженер-мостостроитель. Член КП Нидерландов (1922), член ВКП(б) (1925). В июле 1924 г. приехал с женой в СССР, вступил в созданную годом ранее Автономную индустриальную колонию (АИК) «Кузбасс» на должность руководителя строительного бюро. В кон. 1926 г. откомандирован на строительство Туркестано-Сибирской железной дороги: инженер; в апреле 1930 г., после ввода Турксиба в эксплуатацию, «за особо проявленную энергию в строительстве» награждён орденом Трудового Красного Знамени. С мая 1930 г. пом. начальника управления строительства Турксиба, начальник

производственного отдела управления, с ноября того же года начальник железной дороги. С 1934 г. зам. начальника треста «Трансводстрой» НКПС СССР. В мае 1935 г. за работу в правительственной комиссии по приему в эксплуатацию Московского метрополитена отмечен благодарностью СНК СССР и ЦК ВКП(б). 30 сентября 1936 г. арестован, обвинён во вредительстве в составе «антисоветской троцкистской организации». Постановлением ВКВС СССР от 26 ноября 1937 г. приговорён к ВМН, тем же числом датирован акт о приведении приговора в исполнение. В 1956 г. реабилитирован.

ШЕСТОВ Алексей Александрович (1896–1937) – род. в с. Товарково Богородского у. Тульской губ. (ныне в Богородицком р-не Тульской обл.). Из семьи рабочего. Окончил рабфак при Московской горной академии, затем академию. С 1918 г. член РКП(б)/ВКП(б), во время внутрипартийной дискуссии 1923 г. сторонник платформы Л. Д. Троцкого. С 1925 г. работал на предприятиях Подмосковского угольного бассейна. С 1930 г. зам. управляющего трестом «Сибуголь», зам. председателя правления объединения «Востокуголь» (г. Новосибирск), управляющий Анжеро-Судженским рудником; освобождён от должности ввиду неудовлетворительного руководства предприятием. С мая 1936 г. управляющий Салаирским цинковым рудником. 27 июня того же года арестован, обвинён в организации и руководстве террористической, диверсионно-вредительской и шпионской деятельностью в Кемеровском промышленном районе. В открытом судебном заседании ВКВС СССР (23–30.1.1937) по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра» приговорён к ВМН, 1 февраля расстрелян. В 1988 г. реабилитирован.

ШКИРЯТОВ Матвей Фёдорович (1883–1954) – род. в д. Вишняково Тульской губ. Из крестьян. Образование начальное. С 1906 г. член РСДРП, большевик, подвергался арестам за революционную деятельность. В 1917 г. участник установления советской власти в Туле, член ВРК и исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов. В 1918–1920 гг. секретарь ЦК Союза швейников, член МК и МГК РКП(б). С 1921 г. работник партийных и государственных контрольных органов – ЦКК и наркомата РКИ. С 1934 г. секретарь партколлегии Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), с 1939 г. член ЦК и зам. председателя КПК. В октябре 1952 – марте 1953 г. член Президиума ЦК КПСС и, одновременно, председатель Комитета партийного контроля при ЦК партии (до января 1954).

ШТИКЛИНГ Эмиль – германский подданный. С 1930 г. работал по контракту в качестве штейгера (горный мастер, ведающий рудничными работами) на калийных шахтах Соликамска, затем – горного инженера на шахте в Ленинск-Кузнецке. С 1932 г. главный инженер на шахтах Кемеровского рудника – «Щегловская» и «Северная», с кон. 1935 г. инженер-проектировщик треста «Запсибзолото» (г. Новосибирск). 3 ноября 1936 г. арестован, привлечён к следствию по делу о взрыве (23.9.1936) на шахте «Центральная» того же рудника. Обвинён в шпионской деятельности, организации саботажа и вредительства («давал прямые задания участникам к. р. организации»). 21 ноября на открытом судебном процессе признал себя виновным по всем пунктам обвинения; приговорён к ВМН, помилован. В январе 1937 г. привлечён в качестве свидетеля обвинения к процессу по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра». Вопреки обещанию не был освобождён, находился в заключении в Златоустовской, с июля 1939 г. в Соловецкой тюрьме. По некоторым данным в декабре 1939 г. передан германским властям и заключён в Люблинскую тюрьму.

ЭЙХЕ Роберт Индрикович (1890–1940) – род. в усадьбе Авотын Добленского у. Курляндской губ. (ныне в Добельском крае; Латвия) в семье латышского батрака. Окончил 2-классное начальное училище. С 1905 г. член Социал-демократии Латышского края (СДЛК; с 1919 г. в составе РКП(б)). В 1914 г. приговорён к пожизненной ссылке в Сибирь. После Октябрьской революции 1917 г. участник установления советской власти в Латвии, с её падением на хозяйственной, советской и партийной работе в РСФСР.

С 1925 г. председатель исполкома Сибирского краевого совета, в 1929–1930 гг. 1-й секретарь Сибирского крайкома ВКП(б), после разделения Сибирского края – 1-й секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б). Награждён орденом Ленина (1935). В октябре 1937 – апреле 1938 г. нарком земледелия СССР. В новой должности соблюдал правила поведения, которым следовал последние годы на посту секретаря крайкома – все трудности и недостатки в сельском хозяйстве объяснял вредительством «антисоветских элементов». С 1925 г. кандидат в члены, в 1930–1938 гг. член ЦК ВКП(б), в феврале 1935 – апреле 1938 г. кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). 29 апреля 1938 г. арестован, обвинён в создании на территории Сибири Латышской шпионско-террористической организации. Постановлением ВКВС СССР от 2 февраля 1940 г. приговорён к ВМН, расстрелян в тот же день (по др. данным – 4 февраля). В 1956 г. реабилитирован.

ЯБЛОНСКАЯ Фрэнк (Франциска) Викторовна (1894–1937) – род. в м. Живковицево (Братское) Елисаветградского у. Херсонской губ. (ныне с. Братское Нижнесерогозского р-на Херсонской обл.; Украина), жена А. Г. Белобородова. В 1912–1914 гг. слушательница Петербургского Психоневрологического института, в 1917 г. окончила историко-филологический факультет Высших (Бестужевских) женских курсов в Петрограде. С 1912 г. в революционном движении, в 1917 г. примкнула к меньшевикам, с марта 1919 г. член РКП(б)/ВКП(б). С 1917 г. преподаватель курсов для взрослых в Саратове, инспектор отдела народного образования Московского Совета, в 1919–1920 гг. на партийно-политической работе в Красной армии. В кон. 1920 г. зав. подотделом по работе среди женщин Кавказского бюро ЦК РКП(б) (г. Ростов-на-Дону), в марте 1921 г. делегат X съезда РКП(б) (с решающим голосом) от КБ ЦК РКП(б). В 1920–1930-х гг. участница оппозиционного движения. С сер. 1920-х гг. преподаватель истории России в Государственном институте журналистики (г. Москва), с 1930 г. научный сотрудник городского музея в г. Ростов-на-Дону. В ноябре 1935 г. исключена из партии «по политическим причинам». 21 марта 1936 г. арестована как член троцкистско-зиновьевской террористической организации. Постановлением выездной сессии ВКВС СССР от 12 марта 1937 г. (г. Ростов-на-Дону) приговорена к ВМН, 13 марта расстреляна. В 1958 г. реабилитирована.

ЯГОДА Генрих Григорьевич (1891–1938) – род. в г. Рыбинске Ярославской губ. (ныне город в одноимённой обл.) в семье ремесленника. Окончил гимназию (экстерном). В 1904–1906 гг. член боевой группы анархистов-коммунистов, с 1907 г. член РСДРП, большевик. Подвергнут аресту и ссылке. С 1915 г. в армии: рядовой, ефрейтор в стрелковом полку, имел ранение. Активный участник революционных событий 1917 г., член петроградской военной организации РСДРП(б). С ноября 1919 г. в органах ВЧК/ОГПУ/НКВД: управляющий делами особого отдела ВЧК, управделами и член президиума (затем коллегии) ВЧК/ГПУ. В 1923–1929 гг. 2-й зам. председателя ОГПУ СССР, с 1927 г. одновременно начальник секретно-оперативного управления ОГПУ. С октября 1929 г. 1-й зам. председателя ОГПУ (при тяжело болящем председателе – В. Р. Менжинском – фактический руководитель ОГПУ). 10 июля 1934 – 26 сентября 1936 г. нарком вновь созданного Наркомата внутренних дел и, одновременно, начальник Главного управления государственной безопасности в составе НКВД. С 1934 г. член ЦК ВКП(б), с ноября 1935 г. генеральный комиссар государственной безопасности, что соответствовало воинскому званию маршала. Положил начало превращению НКВД в промышленную империю, основанную на труде заключённых, принимал деятельное участие в организации политических репрессий, в т. ч. руководил подготовкой первого, из числа «больших московских», показательного судебного процесса (19–24 августа 1936). Снят с поста, оказавшись, по мнению политического руководства страны, «явным образом... не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока». С 26 сентября 1936 г. до дня ареста

(28.03.1937) нарком связи СССР (официально отстранён от должности 3 апреля того же года «ввиду обнаруженных должностных преступлений уголовного характера»). В ходе следствия обвинён в преступлениях, предусмотренных шестью статьями УК РСФСР, в т. ч. в измене Родине, совершении террористических актов (отравлении В. Р. Менжинского, А. М. Горького, его сына М. А. Пешкова, попытке отравления Н. И. Ежова) и пр. В открытом судебном заседании ВКВС СССР (2–13.3.1938) по делу «антисоветского правотроцкистского блока» «признал» все обвинения, кроме измены Родине, приговорён к ВМН, 15 марта расстрелян. Не реабилитирован.

ЯКОВЛЕВ (наст. фам. – Эпштейн) Яков Аркадьевич (1896–1938) – родился в г. Гродно одноимённой губ. (ныне адм. центр Гродненской обл.; Беларусь) в учительской семье. Окончил реальное училище, в 1913–1916 гг. студент электротехнического отделения С.-Петербургского политехнического института. С 1913 г. член РСДРП, большевик. После Октябрьской революции 1917 г. на партийной и советской работе на Украине. С кон. 1920 г. член Главного политико-просветительного комитета Наркомпроса РСФСР. В 1922–1924 гг. в аппарате ЦК РКП(б): зам. заведующего, заведующий подотделом печати агитационно-пропагандистского отдела. В 1926–1929 гг. зам. наркома РКИ СССР, одновременно в 1926–1930 гг. кандидат в члены, член Президиума ЦКК ВКП(б), редактор «Крестьянской газеты» и газ. «Беднота». С декабря 1929 г. нарком земледелия СССР, одновременно с 1931 г. председатель Колхозцентра СССР и РСФСР. Один из организаторов коллективизации сельского хозяйства, в начале 1930 г. председатель комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросам сплошной коллективизации. С апреля 1934 г. зав. сельскохозяйственным отделом ЦК, академик ВАСХНИЛ (1935), одновременно с октября 1936 г. 1-й зам. председателя КПК при ЦК ВКП(б). В 1930–1937 гг. член ЦК ВКП(б). 12 октября 1937 г. арестован, обвинён в принадлежности к контрреволюционной террористической организации. Постановлением ВКВС СССР от 29 июля 1939 г. приговорён к ВМН, тем же числом датирован акт о приведении приговора в исполнение. В 1957 г. реабилитирован.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамов Г. А. – 27, 156
Аваков – 209
Агранов Я. С. – 116
Аксельрод – 204
Алексеев В. И. – 116, 264
Альфан Шарль Эрвэ – 40, 177
Андреев А. А. – 14, 94, 116, 225, 293
Андреев В. М. – 161
Антипов Н. К. – 116, 265
Антонцев И. Я. – 30, 31, 82, 160
Аркус Г. М. – 33, 40, 169, 176, 211
Ассиновский Л. С. – 29, 30, 99, 111, 159
Афанасьев Е. А. – 43, 71, 102, 179, 259, 262, 273
Афонин – 28, 156
Ашрафьян З. А. – 146, 180
- Бабенко С. А. – 162
Багиров М. Д.-А. – 63, 79–81, 111, 116
Бакаев И. П. – 148, 211, 213, 232
Бампейстер – 54
Барковский П. В. – 162
Барлетов В. А. – 164
Батюшкин – 28, 156
Башенков П. К. – 258
Бейтельспахер В. Ф. – 168
Белобородов А. Г. – 22–24, 46, 97, 147, 149
Берия Л. П. – 21–23, 28, 33, 35, 38, 41–46, 48, 49,
53, 54, 63, 64, 68, 71, 83, 88, 116, 187, 189
Берман-Юрин К. Б. – 55
Берхин И. Б. – 17
Богатыренко З. С. – 17
Богачёв П. Т. – 31, 100
Богуславский М. С. – 22, 23, 34, 97, 105, 146, 148,
149, 165
Болдуин Стенли – 175
Борисов М. Н. – 27, 155
Брон С. Г. – 212, 219
Бубнов А. С. – 116, 256, 264
Будённый С. М. – 89, 116, 190
Бурлаков И. И. – 98, 166
Бутов М. А. – 31, 161
Бухарин Н. И. – 7–14, 16, 17, 36, 39, 41–44, 46–
49, 51–55, 57–60, 62–64, 67–70, 72–79, 82–87,
90–94, 102–104, 108–117, 175, 177–179, 181,
184–195, 197, 198, 203, 204, 206, 207, 210, 213,
216, 217, 219–221, 223–234, 236, 238–248, 250,
255–300
Бухарцев Д. П. – 149
Буянский Н. К. – 32, 163
Быков Д. С. – 31, 161, 162
- Вандель де Франсуа – 40, 177
Васильков – 212
- Венгров М. П. – 211, 212, 216, 219
Виленский Я. А. – 27, 155
Власов М. Н. – 36, 171
Воинов Н. И. – 69, 110, 225
Волынский С. Б. – 223, 226
Ворошилов К. Е. – 10, 14, 19, 69, 79, 86, 91, 94,
110, 111, 113, 116, 193, 209, 225, 227, 229, 231,
256, 258–267, 281–284, 287–291, 293
Вышинский А. Я. – 63, 86, 102, 104, 107, 108, 112,
114, 188, 219, 220, 227, 232–235, 239, 241,
245–247, 255
- Галкин А. В. – 260
Галкин П. А. – 104
Гаус Роберт – 253, 256
Герасимов Н. П. – 212, 213, 219
Гитлер Адольф – 56
Глебова Т. И. – 177
Глебов-Авилов Н. П. – 22, 97, 147, 149
Голованов В. Н. – 29, 157
Голубенко Н. В. – 21, 23, 96, 111, 146, 148, 149
Гордон Н. И. – 147, 180
Горохов В. Л. – 147, 149, 150, 181
Горький М. (Пешков А. М.) – 50, 200, 202, 206,
212, 218, 222, 226
Гошиллер М. Л. – 40, 176, 177
Граше И. И. – 28, 33, 99, 100, 157, 168, 183
Груздевский К. П. – 166
- Деборин А. М. – 113, 201, 218
Дегтярёв – 212
Дзедзиевский А. В. – 35, 164, 171, 182, 183
Дзержинский Ф. Э. – 103, 181, 298
Димитров Георги – 40, 101
Добричев – 213
Долгопятов – 31, 161, 162
Дорофеев К. С. – 149
Драудин Т. Я. – 195, 216
Дрейцер Е. А. – 85, 232, 233, 242
Дробнис Я. Н. – 22, 23, 26, 34–36, 65, 66, 97, 146,
148, 149, 157, 161, 170, 182, 183, 250, 256
Дукат Ю. И. – 24, 149
- Евдокимов Г. Е. – 85, 187, 211, 234, 242
Егоров – 31, 116
Ежов Н. И. – 8, 9, 11, 14, 17–19, 21–23, 28, 29,
33–45, 47, 48, 51, 52, 54, 60, 61, 66, 70, 76, 79,
84, 86, 92, 96–98, 102–103, 106, 107, 109, 110,
112, 116, 117, 143, 176, 180, 182, 183, 185, 188,
194, 214, 225, 232, 236–238, 241, 243, 245, 246,

- 249, 254, 257, 260–280, 282, 283, 286, 288, 289,
291, 293, 295
Елисеев А. В. – 16
- Жари́ков М. А.** – 26, 152
Жданов, см. Томский М. П.
Жданов А. А. – 14, 94, 115, 116, 149, 151, 253, 256
Жид Андрэ – 50, 104
Жиров И. Т. – 201, 207, 214, 218
Житков М. А. – 164
Жуков И. П. – 18, 19, 52, 95, 116
Жуков Ю. Н. – 16
- Закс-Гладнев С. М.** – 149, 233
Запольский А. С. – 43, 44, 102, 179, 262
Зельдич Г. С. – 26, 154
Зиновьев Г. Е. – 8, 16, 20, 21, 25, 39, 41, 48, 54, 57,
62, 63, 68, 72, 75, 77, 82, 83, 85, 88–90, 92, 96,
104–106, 108, 112, 114, 144, 145, 148, 151, 152,
162, 172, 175, 177, 183, 185, 187, 189, 190, 193,
198, 200, 202–204, 206–211, 214, 215, 217, 218,
220, 221, 223, 224, 234, 237–243, 246, 250, 251,
256, 269, 282, 293, 294
Зорич А. (В. Т.) – 110, 282, 284
Зубков И. И. – 82
- Иванов Алексей** – 116, 165
Ивановская О. П. – 98, 150
Ильич – см. Ленин В. И.
Иозльсон Ф. Ф. – 168
Иосиф Виссарионович см. Сталин И. В.
- Кабаков И. Д.** – 22, 97, 116
Кабанов В. В. – 17
Каганович Л. М. – 9, 10, 17–19, 24, 33, 34, 41,
43, 44, 45, 47, 52, 53, 54, 57, 63, 66, 67, 83, 84,
86–92, 94, 98, 102, 103, 106–110, 112–114,
116, 147, 149, 165, 179, 181, 186–194, 212, 226,
232, 236, 237, 239–243, 245–251, 253, 254, 255,
258–260, 272, 284, 287, 291, 293
Калинин М. И. – 14, 53, 55, 116, 293
Калмыков Бетал – 278, 285, 300
Калыгина А. С. – 55, 104, 116
Каменев Л. Б. – 8, 16, 20, 21, 25, 37, 39, 40, 48, 54,
57, 60, 62, 64, 67, 68, 70, 72, 75, 83–85, 87, 88,
90, 92, 96, 100, 104–106, 112–114, 144–146,
148, 151, 152, 162, 172, 173, 175–177, 180, 184,
185, 187, 189–191, 193, 197, 198, 200–212,
214–218, 220–222, 226, 227, 228, 230, 232, 234,
236–238, 240–246, 250, 256, 264, 282, 293, 294
Каменев С. С. – 228, 231
Каминский Г. Н. – 7, 18, 95, 116
Карев Н. А. – 201, 223
Карлуша – см. Радек К. Б.
Кестер Эмиль – 168
Кивгилло П. Е. – 165
Кизюк – 213
Киллерог М. М. – 146, 180
Киров С. М. – 19, 20, 62, 63, 68, 91, 92, 96, 109,
114, 143–146, 148, 149, 179, 193, 210, 213, 215,
216, 226, 227, 231, 232, 234, 238, 243, 249, 250,
258, 263, 266, 272
Ки́цис М. Я. – 260, 273
Климент Ефремович – см. Ворошилов К. Е.
Князев И. А. – 22, 32, 34, 100, 147, 163, 182
Коба см. Сталин И. В.
Козырев И. В. – 166
Коллонтай А. М. – 208, 217
Корнилов Н. А. – 166
Коротков И. А. – 298
Косиор С. В. – 9, 10, 38, 39, 42, 44, 59, 72, 75, 76,
107, 110, 111, 116, 183, 185, 248, 251
Кот Пьер Жюль – 40, 176
Котов В. А. – 44, 45, 60, 61, 71, 76, 85, 102, 103,
107, 184, 185, 192, 258, 259, 262, 298
Котолынов И. И. – 96, 232
Коцюбинский Ю. М. – 21, 23, 111, 146, 148, 149
Кретов Ф. Д. – 201, 207, 217
Кривицкий – 279, 285
Кривонос С. Л. – 162
Крупская Н. К. – 88, 116, 189, 202
Крушельницкий М. И. – 159, 160
Кудряшов В. И. – 27, 154
Куйбышев В. В. – 117
Куликов Е. Ф. – 11, 43–45, 49, 52, 55, 62, 63, 68,
70, 71, 74, 85, 87, 92–94, 102, 103, 110, 113,
115, 178, 179, 183, 184, 191, 192, 193, 246, 249,
250, 257–273, 278, 280, 292, 295–298
Куликова Г. Б. – 17
Курицын В. М. – 17
Курочкин А. А. – 98, 150
- Лагун** – 213
Левин В. – 232
Левитин – 81, 111
Лейбман Я. Д. – 146, 180
Ленин В. И. – 26, 37, 47, 56, 57, 82, 99–102, 104,
105, 107, 111, 112, 173, 181, 195, 211, 215, 217,
219, 264, 272, 273, 283, 285
Ленц Теодор – 33, 100, 167, 168
Лившиц Я. А. – 23, 32, 34, 148, 163, 182, 250, 253
Лобов – 116
Лобова 210
Логинов В. Ф. – 21, 32, 109, 111, 146, 148, 149,
152, 167, 181
Ломинадзе В. В. – 59, 107, 231
Лоран Теодор – 40, 177
Лотиш – 213
Луначарский А. В. – 222
Лунинский – 213
Лупашко Д. М. – 168, 169
Луппол И. К. – 201, 218
Лысков М. И. – 166
Любченко П. П. – 19, 28, 38, 43, 47, 88, 116, 191
Лям Л. М. – 109, 110, 252, 282, 284
Ляндрес С. А. – 225
Ляшенко И. Т. – 65, 109
- Магдесиев Н. Н.** – 27, 154, 155
Мандельштам О. Э. – 225
Маркс Карл – 104, 226, 285

- Матвеев Д. И. – 43, 44, 87, 92, 102, 179, 191, 193, 258, 259, 262
- Мдивани Буду (П. Г.) – 97, 147, 180
- Мейеровиц – 100, 167, 168
- Меxedко – 98
- Мехлис Л. З. – 13, 116, 252, 283, 284, 299
- Микоян А. И. – 14, 17, 18, 42, 59, 94, 116, 266–268, 271, 280, 284, 293
- Мирзоян Л. Н. – 34, 44, 116
- Мителёв А. Д. – 282, 286
- Митин М. Б. – 201, 218
- Мицьюн (Мицюн) В. А. – 26, 154
- Молотов В. М. – 7, 9, 10, 14, 17–19, 24, 35, 40, 44–46, 48, 49, 51, 53, 55, 57, 61, 62, 63, 65, 67–71, 79, 91, 93–95, 98, 102, 103, 109, 110, 115, 116, 149, 193, 231, 248, 252, 253, 256, 259–261, 264, 267, 271, 275, 279, 280, 287, 291, 293
- Монзи де Анатоль – 40, 176
- Мрачковский С. В. – 57, 148, 165, 224, 232
- Муралов Н. И. – 22, 46, 97, 146, 149
- Мусульбас И. А. – 22, 96, 146
- Навашин Д. С. – 33, 40, 169, 176, 177
- Накоряков Н. Н. – 202, 218
- Невский В. И. – 258–260, 263, 270, 272, 273
- Николаев Л. В. – 96, 232
- Николаева К. И. – 82, 116, 256
- Новаш Ф. А. – 33
- Норкин Б. О. – 29, 34, 99, 157, 169
- Носков И. И. – 161, 170
- Носов В. Е. – 116, 259
- Оберталлер Б. М. – 165, 182
- Окуджава М. С. – 22, 97, 147, 180
- Ольховский Н. Г. – 150, 181
- Орджоникидзе Г. К. – 14, 24, 53, 82, 94, 99, 104, 106, 110, 116, 147, 149, 150, 181, 224, 225, 231, 246, 258, 261, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 271, 272, 274, 276, 281, 284, 289, 290, 293
- Орлов П. Г. – 101, 164, 182
- Осокин И. П. – 27, 155
- Островский Ю. Г. – 169
- Павлов И. П. – 49, 103
- Пальчинский П. И. – 171
- Пастернак Б. Л. – 225
- Петровский Г. И. – 95, 116
- Пешехонов И. А. – 160
- Пикель Р. В. – 233
- Пичурин Ф. Д. – 25, 26, 151, 154
- Плеханов Г. В. – 201
- Подгорницкая – 206
- Полонский В. И. – 116, 261, 265
- Попов В. М. – 82
- Постышев П. П. – 146, 180, 231
- Прамнек Э. К. – 116
- Преображенский Е. А. – 96, 105, 208
- Примаков В. М. – 85, 107, 108, 188, 235, 242
- Пуголовкин – 171
- Путна В. К. – 85, 188, 235, 242
- Пушин Г. Е. – 29, 30, 33, 100, 157–159, 167
- Пятаков Ю. (Г.) Л. – 11, 21–26, 28, 29, 32–42, 46, 53, 54, 56–58, 64, 66, 67, 70, 82, 83, 85, 93, 94, 96–99, 104–106, 109, 111, 115, 117, 145, 146, 148, 149, 151–153, 157, 158, 167, 170–178, 180, 181, 187, 233–235, 237, 241, 242, 246, 253, 264, 265, 271, 274, 278, 286, 288–295, 298
- Рабинович – 204, 205, 207–210, 213, 216, 218
- Радек К. Б. – 21, 25, 34, 36, 38, 41, 42, 51, 52, 56, 58, 67, 68, 72, 83, 84, 91, 96, 99, 104, 106, 110, 145, 146, 149, 151–153, 171–175, 178, 180, 187, 193, 224, 233, 236, 238, 241, 253, 274–283, 287–289, 293–295
- Радек Р. М. – 293
- Раковский Х. Г. – 106
- Ральцевич В. Н. – 201, 218
- Рамзин Л. К. – 171
- Ратайчук С. А. – 28–30, 33, 99, 100, 157, 158, 167, 168, 181, 183
- Рафалович Г. Н. – 27, 154, 155
- Рейнгольд И. И. – 8, 16, 40, 60, 83, 101, 112, 180, 187, 211, 220–223, 232, 293
- Ронин С. Л. – 12, 16
- Ровинский Я. И. – 258, 272
- Роза Маврикиевна см. Радек Р. М.
- Роллан Ромен – 10, 50, 104, 228, 231
- Романов Н. Г. – 27, 154, 155
- Рудзугак Я. Э. – 41, 101, 116
- Рыков А. И. – 7–14, 16, 17, 36, 39, 41–45, 60–64, 67–74, 76–78, 82–94, 102, 103, 107–117, 173, 175–179, 181, 184–195, 197–199, 203, 204, 207, 208, 210, 213, 216, 217, 220, 232–236, 238, 239, 241–244, 246, 249, 251, 257, 258, 261–263, 266, 272, 274, 276, 278, 281, 287, 288, 291, 295, 297, 298, 299
- Рютин М. Н. – 37, 42, 104, 178, 260, 261, 270, 298
- Рязанов Д. Б. – 207, 208, 211, 219, 224, 226
- Савина Н. П. – 17
- Сапожников П. Ф. – 8, 9, 16, 52, 91, 192, 193
- Саркисов С. А. – 10, 16, 30, 79–82, 111, 112, 116, 256
- Седзиевский – 35
- Седов Л. Л. – 22, 25, 32, 98, 109, 115, 148, 151, 287, 288, 289, 292
- Семиглазов П. С. – 31, 162
- Сергеев С. Я. – 22, 80, 96, 146
- Серго – см. Орджоникидзе Г. К.
- Серебряков Л. П. – 21, 36, 41, 83, 84, 96, 145, 146, 171, 175, 180, 187, 233, 236, 238, 241, 288
- Скрыпник Н. А. – 59, 107
- Славинский Ю. М. – 69, 98, 110
- Слепков А. Н. – 8, 91, 192, 193, 201, 207, 214, 218, 223, 226, 256, 269, 298
- Слободчиков – 212
- Смирнов А. П. – 199, 217, 294, 295
- Смирнов И. Н. – 20, 21, 25, 56, 57, 96, 104, 105, 109, 145, 148, 172, 192, 198, 211, 217, 218, 224, 253
- Смирнов (Сормовский) – 85
- Смирнов В. С. – 26, 154

- Сокольников Г. Я. – 8, 16, 21, 25, 34, 36–39, 41, 42, 47, 50, 53–55, 61–64, 67, 68, 74, 83–87, 89, 96, 99, 102–104, 107, 108, 112–114, 117, 145, 146, 149, 153, 171, 172, 175, 177, 178, 180, 183, 184, 187, 188, 191, 217, 232, 233, 235, 236, 238, 239, 241, 242, 244, 245, 246, 249, 251, 253, 262, 288, 292
- Солодовников Г. – 31, 161
- Сосновский Л. С. – 11, 42, 47, 48, 49, 52, 55, 57, 62, 72, 87, 93, 94, 105, 106, 108, 114, 151, 152, 177, 178, 181, 183, 191, 248, 253, 274–286, 290, 293–295, 298, 300
- Сталин И. В. – 6–14, 16–19, 21, 22, 24, 33–35, 37–40, 42–46, 48, 49, 51, 52, 54–57, 59–62, 64–67, 71, 73, 81, 84, 87, 89, 91–95, 98, 100, 102, 103–106, 108, 110–112, 114–117, 143, 144, 147–150, 152, 161, 162, 163, 169, 170, 178–181, 183, 184, 189, 190, 192, 193, 194, 205, 206, 209, 211, 215, 217, 220–228, 231, 233, 238, 246–253, 255, 256, 259–267, 269, 270, 278, 279, 280, 282–287, 289–291, 293–297
- Станкин И. З. – 69, 110
- Старчаков А. О. – 110, 252, 256
- Стацевич Г. М. – 197–199, 203–212, 214–217
- Степанов В. Ф. – 164, 182
- Стецкий А. И. – 17, 116, 201, 212
- Стеше Мария – 168
- Столповский С. А. – 24, 98, 150
- Стэн Я. Э. – 208
- Сычев Н. С. – 163, 166, 182
- Таль Б. М. – 17, 109, 277, 279, 285
- Тальбот Стаффорд – 39, 101, 175, 176, 183
- Тамм Л. Е. – 29, 30, 99, 111, 158–160
- Тардье Андре – 40, 101
- Тивель А. Ю. – 149, 233, 260
- Типпель – 168
- Титов – 212
- Толмачёв В. Н. – 198, 295
- Толстомятов – 242
- Томский М. П. – 7, 8, 15, 16, 28, 38, 41–44, 47, 54, 59, 62–65, 68–71, 76, 77, 84–92, 94, 97, 99, 102, 103, 107, 108, 112–114, 156, 164, 173, 174, 177–179, 181, 185, 187–193, 195–199, 201–221, 223, 225, 228, 233–236, 238–244, 246, 249–252, 257, 258, 260–263, 266, 267, 271, 272, 274, 276, 278, 283, 286–289, 292, 295, 297
- Торнер – 213, 219
- Торошелидзе М. Г. – 97, 147, 180
- Троцкий Л. Д. – 11, 16, 20, 22, 23, 25, 32, 36, 38, 39, 41, 54, 58, 77, 92, 97–99, 101, 105–107, 109, 111, 112, 115, 144, 145, 147–149, 151–153, 161, 168, 172, 174–176, 178, 185, 193, 200, 203, 206, 210, 211, 215, 221, 222, 223, 226, 228, 235, 237, 250, 251, 256, 274, 283, 285, 287, 289, 292
- Туманов Н. Г. – 100, 233
- Турок И. Д. – 22, 34, 100, 147, 165, 166
- Угланов Н. А. – 41–44, 47, 52, 55, 62, 63, 68, 70, 71, 74, 85, 87, 91, 92, 102, 104, 110, 113, 178, 179, 181, 184, 187, 191, 193, 201, 208, 234, 242, 246, 249–252, 257–263, 265–272, 297, 298
- Уланов Н. М. – 29, 99, 110, 157
- Уханов К. В. – 116
- Уншлихт И. С. – 7, 19, 116
- Фёдоров – 98, 208
- Филастов – 259
- Филатов Н. А. – 44, 102, 116
- Флигельтаубе – 233
- Фрезинский Б. – 16
- Фриц-Давид (Круглянский) И.-Д. И. – 55, 222
- Фурер В. Я. – 59, 107
- Халезов С. В. – 30, 159, 160
- Ханбудагов Э. III. оглы – 81, 111
- Ханджян А. Г. – 59, 107
- Хенкин А. Г. – 210, 218
- Цетлин Е. В. – 259
- Ципин – 214
- Черных В. А. – 162
- Членов С. Б. – 16, 40, 100, 169, 176, 177
- Шаев С. Я. – 22, 30, 79–83, 96, 146, 160, 182
- Шаров Я. В. – 85, 187, 234, 242
- Шатский Н. Н. – 20, 96, 144, 232
- Шацкий Л. А. – 20
- Шварц – 116, 212, 213
- Шендерович – 213, 214
- Шермергорн Д. Т. – 32, 165, 182
- Шершнева Е. А. – 12, 17
- Шестов А. А. – 32, 33, 35, 109, 170
- Шкирятов М. Ф. – 117, 282, 284
- Шкуро А. Г. – 172
- Шляпников А. Г. – 88, 189, 208, 211, 214, 217, 224, 226
- Шмидт В. В. – 42–44, 71, 102, 110, 179, 257, 262, 272, 295
- Штиклинг Эмиль – 100
- Эйсмонт Н. Б. – 198, 223, 295
- Эйхе Р. И. – 9, 10, 14, 65, 67, 78, 111, 116, 149, 165, 186
- Эренбург И. Г. – 8, 16
- Юлин А. И. – 23, 147, 148, 149, 181
- Юрень – 213
- Юрин-Берман К. Б. – см. Берман-Юрин К. Б.
- Яблонская Ф. В. – 149
- Ягода Г. Г. – 108, 109, 116, 180, 261, 264, 273
- Яковлев В. А. – 43, 44, 52, 53, 55, 68, 74, 76, 87, 102, 179, 181, 183, 184, 185, 191, 249, 250, 254
- Яковлев Я. А. – 17, 116

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР

адм.	– административный
Азериттифаг	– Азербайджанский союз потребительских обществ
АН	– Академия наук
АССР	– Автономная Советская Социалистическая Республика
ВКВС	– Военная коллегия Верховного суда
ВКП(б)	– Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВМН	– высшая мера наказания
ВМС	– Военно-морские силы
ВМФ	– Военно-морской флот
ВО	– военный округ
ВС	– Верховный Совет
Всехимпром	– Всесоюзное объединение химической промышленности ВСНХ СССР
ВСНХ	– Высший совет народного хозяйства СССР
ВУАМЛИН	– Всеукраинская ассоциация марксистско-ленинских институтов
ВЧК	– Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрре- волюцией и саботажем
ГА РФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАУ	– Главное артиллерийское управление
Гестапо	– нем. Gestapo, от Geheime Staatspolizei (тайная государствен- ная полиция)
ГКО	– Государственный комитет обороны
Главазот	– Главное управление азотной промышленности НКТП СССР (1936–1939)
Главвоенпром	– Главное управление военной промышленности НКТП СССР
Главконцесском	– Главный комитет по делам о концессиях и акционерных обществах при СНК СССР
Главхимпром	– Главное управление химической промышленности НКТП СССР
главк	– главный комитет; название главных управлений
Госбанк	– Государственный банк
Госиздат	– Государственное издательство
ГОЭЛРО	– Государственная комиссия по электрификации России; план электрификации России
ГПУ	– Государственное политическое управление при НКВД РСФСР
ГУГБ	– Главное Управление государственной безопасности НКВД СССР
Д.	– Дело; принятое у архивистов и в археографии обозначение единицы хранения

д.	–	деревня
Дальстрой	–	Государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы
док.	–	документ
др., друг.	–	другие(ое)
ж. д.	–	железная дорога, железнодорожная(ый)
Заккрайком	–	Закавказский краевой комитет
зам.	–	заместитель
ЗСФСР	–	Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика
изд.	–	издание
ИК	–	исполнительная комиссия
ИККИ	–	Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала
И КП	–	Институт красной профессуры
ИНО	–	иностранный отдел
иноспециалист	–	иностранный специалист
и. о.	–	исполняющий обязанности
исполком	–	исполнительный комитет
ИТЛ	–	исправительно-трудовой лагерь
ИТР	–	инженерно-технические работники
канд.	–	кандидат
Кизелуголь	–	Государственный союзный трест «Кизелуголь»
КОГИЗ	–	Книготорговое объединение государственных издательств
Коминтерн	–	Коммунистический Интернационал
КП(б)У	–	Коммунистическая партия (большевиков) Украины
КПГ	–	Коммунистическая партия Германии
КПК	–	Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б)
КПСС	–	Коммунистическая партия Советского Союза
к.-р. (к.р, к./р.)	–	контрреволюционная(ый)
Кузбассуголь	–	Государственный трест угольных предприятий Кузбасского угольного бассейна НКТП СССР
культпроп	–	отдел культуры и пропаганды
Л.	–	лист, листы; нумерация страниц архивного дела
м.	–	местечко
МВТУ	–	Московское высшее техническое училище
МГК	–	Московский городской комитет
МК	–	Московский комитет (областной)
м/м	–	миллиметровые (снаряды)
Моснарпит	–	Главное московское управление народного питания
наркомат	–	народный комиссариат
Наркомвнудел	–	Народный комиссариат внутренних дел СССР (союзных республик)
Наркомздрав	–	Народный комиссариат здравоохранения СССР

Наркомлес	– Народный комиссариат лесной промышленности СССР
Наркомпищепром	– Народный комиссариат пищевой промышленности СССР
Наркомпрос	– Народный комиссариат просвещения РСФСР
Наркомсвязь	– Народный комиссариат связи СССР
Наркомтяжпром	– Народный комиссариат тяжёлой промышленности СССР
Наркомюст	– Народный комиссариат юстиции СССР
Нарпит	– Пaeвое товарищество «Народное питание»
НКВД	– см. Наркомвнудел
НКПрос	– см. Наркомпрос
НКПС	– Народный комиссариат путей сообщения СССР
НКТ	– Народный комиссариат труда СССР
НКТП	– см. Наркомтяжпром
НЭП, нэп	– новая экономическая политика
об.	– оборот
обком	– областной комитет
ОГИЗ	– Объединение государственных книжно-журнальных издательств
ОГПУ	– Объединённое государственное политическое управление при СНК СССР
окр.	– округ
ООН	– Организация Объединённых Наций
Оп.	– опись архивного дела
ОПТО	– Областной промышленно-транспортный отдел (УГБ НКВД)
Орготдел	– Организационный отдел ЦК, МК ВКП(б)
ОСО	– Особое совещание
ОТБ	– Особое техническое бюро
отв.	– ответственный
отд-ние	– отделение
п.	– пункт, поселок
ПБ	– Политическое бюро, Политбюро
пгт	– посёлок городского типа
Политбюро	– см. ПБ
пом.	– помощник
пос.	– посёлок
примеч.	– примечание
Промакадемия	– Промышленная академия
Промбанк	– Российский торгово-промышленный банк
Промпартия	– Промышленная партия
пст	– посёлок сельского типа
рабфак	– рабочий факультет
РВС,	
реввоенсовет	– революционный военный совет
РВСР	– Революционный военный совет Республики (с августа 1929 г. – СССР)

РГАСПИ	– Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ	– Российский государственный архив экономики
РКИ	– Рабоче-крестьянская инспекция
РККА	– Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП(б)	– Российская коммунистическая партия (большевиков)
РКСМ	– Российский коммунистический союз молодежи
РОКК	– Российское общество Красного Креста
Ростсельмаш	– Ростовский-на-Дону завод сельскохозяйственного машиностроения
РСДРП	– Российская социал-демократическая партия
РСФСР	– Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ	– Российская Федерация
с.	– село, страница
Сиббюро	– Сибирское бюро
Сибстройпуть	– Сибирский строительно-монтажный трест Наркомата путей сообщения
СМ	– Совет Министров
СНК	– Совет народных комиссаров
СНХ	– Совет народного хозяйства
СО РАН	– Сибирское отделение Российской академии наук
Совнарком	– Совет народных комиссаров
Союзазот	– Государственный всесоюзный трест азотной промышленности Главного управления химической промышленности НКТП СССР
с.-р.	– социалисты-революционеры
Средуралмед-строй	– Государственный строительный трест Главного управления по обработке цветных металлов НКТП СССР
ст.	– станция, статья
стан.	– станица
СТО	– Совет труда и обороны
т.	– товарищ; том; тонна
теракт	– террористический акт
торгпредство	– торговое представительство
у.	– уезд
УГБ	– Управление государственной безопасности
УК	– Уголовный кодекс
уком	– уездный комитет
УНКВД	– Управление НКВД (по области, краю)
Уралвагонстрой	– государственный строительный трест Главного управления транспортного машиностроения НКТП СССР (г. Нижний Тагил)
Уралмашзавод	– Уральский завод тяжелого машиностроения

УССР	– Украинская Советская Социалистическая Республика
Ф.	– фонд; в описании архивного источника обозначение названия (под определённым номером) крупных массивов документов, объединённых общей тематикой или определённой персоналией
х.	– хутор
химкомбинат	– химический комбинат
Хлебоцентр	– Всесоюзный союз сельскохозяйственной кооперации по переработке, производству и сбыту зерновых и масличных культур
Центросоюз	– Центральный союз потребительских обществ СССР
ЦИК	– Центральный исполнительный комитет
ЦК	– Центральная комиссия; Центральный комитет
ЦКК	– Центральная контрольная комиссия
Цужелдорстрой	– Центральное управление железнодорожного строительства НКПС СССР
Цустрах	– Центральное управление социального страхования при НКТ СССР
Чистяковантрацит	– Чистяковский государственный трест угольных предприятий Донецкого угольного бассейна
ЧК	– Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
Шахтантрацит	– Шахтинский государственный трест угольных предприятий Донецкого угольного бассейна
ЭКО	– экономический отдел

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Документ № 1. Стенограмма заседания Пленума ЦК ВКП(б). 4, 7 декабря 1936 г.	18
Заседание первое. 4 декабря 1936 г.	18
Заседание второе. 7 декабря 1936 г.	93
Приложение	116
Документ № 2. Протокол № 8 заседания Пленума ЦК ВКП(б) от 4 и 7 декабря 1936 г. и опросами от 25–26 июля, 10–11 сентября 1936 г.	116
Дополнения	118
Документ № 3. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. [Не позднее 4 ноября 1936 г.]. Проект Конституции Союза ССР, представленный Конституционной комиссией ЦИК Союза ССР и отредактированный Редакционной комиссией Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов	118
Документ № 4. [Н. И. Ежов. Конспект доклада «Об антисоветских троцкистских и правых организациях»]. [Конец ноября – не позднее 4 декабря 1936 г.]	143
Документ № 5. Выступление С. В. Косиора на первом заседании пленума ЦК ВКП(б) 4 декабря 1936 г. (другая редакция)	183
Документ № 6. Выступление Л. М. Кагановича на первом заседании Пленума ЦК ВКП(б) 4 декабря 1936 г. (другая редакция)	186
Документ № 7. М. П. Томский. Стенограмма выступления на закрытом собрании членов ВКП(б) парторганизации Главного управления ОГИЗ. [21 августа 1936 г.]	195
Документ № 8. Письмо Н. И. Бухарина членам Политбюро ЦК ВКП(б) и А. Я. Вышинскому с просьбой быстрее разбора обвинений, прозвучавших в его адрес на судебном процессе 19–24 августа 1936 г. 27 августа 1936 г.	219
Документ № 9. Материал к пленарному заседанию ЦК ВКП(б) 7 декабря 1936 г. Переписка Н. И. Бухарина и К. Е. Ворошилова о выдвинутых против Бухарина обвинениях	227
Документ № 10. Из материалов очных ставок Г. Я. Сокольникова и А. И. Рыкова, Г. Я. Сокольникова и Н. И. Бухарина, произведённых 8 сентября 1936 г. прокурором Союза ССР А. Я. Вышинским в присутствии секретаря ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановича и председателя КПК и секретаря ЦК ВКП(б) Н. И. Ежова	232

Документ № 11. Заявление Н. И. Бухарина Пленуму ЦК ВКП(б) с просьбой объективной оценки его политической деятельности. 7 декабря 1936 г.	247
Документ № 12. Протокол очной ставки между Н. И. Бухариным и Е. Ф. Куликовым в ЦК ВКП(б). 7 декабря 1936 г.	257
Документ № 13. Протокол очной ставки между Н. И. Бухариным и Л. С. Сосновским в ЦК ВКП(б). 7 декабря 1936 г.	274
Документ № 14. Протокол очной ставки между Н. И. Бухариным и Ю. Л. Пятаковым в ЦК ВКП(б). 7 декабря 1936 г.	286
Документ № 15. Письмо Н. И. Бухарина членам Политбюро ЦК ВКП(б), секретарю ЦК Н. И. Ежову с опровержением «троцкистской клеветы». [8 декабря 1936 г.].	293
Документ № 16. Письмо Н. И. Бухарина И. В. Сталину и членам Политбюро ЦК ВКП(б) с протестом против публикации в газете «Правда» обвинительной статьи в адрес бывших лидеров правой оппозиции. 15 декабря 1936 г.	296
Документ № 17. Письмо Н. И. Бухарина И. В. Сталину (дополнение к письму). «...Жалко гибнущей чести революционера и связанной с ней жизни». 15 декабря 1936 г.	297
Список использованных источников и литературы	301
Именной комментарий	306
Именной указатель	341
Список сокращений и аббревиатур	345

Научное издание

Документы советской истории

Декабрьский пленум ЦК ВКП(б) 1936 года

Документы и материалы

Ведущий редактор *Н. А. Вольничик*

Редактор *В. Т. Веденеева*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

Корректор *Е. Л. Бородина*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 01.12.2017.

Формат 70х100/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,0.

Тираж 1000 экз. Заказ 8726

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс), 8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, -mail: saleschpd.ru, тел. 8(499)270-73-59